

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Кравченко А.И. Urban ethnography: вглядываясь в человека и людей..... 6

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Кузнецова Ю.М. Культурный код события как фактор развития территории..... 14

Погорелая С.В. Реализация практик социокультурной адаптации трудовых мигрантов: обобщение опыта Владимирской области..... 21

Соколова А.Г. Диалектная лексика Вятского региона в художественной литературе..... 24

Хэ Кайсянь. Новые медиа как инструмент коммуникации для институтов Конфуция..... 30

Чэнь Чэнь. Негативный переход с английского языка при освоении испанского языка: пример китайских студентов..... 35

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Баклановский С.В., Осипенко Э.Б. Оптимизация функционирования механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды в воинских коллективах..... 42

Бурняшева Л.А., Косенко О.Ю., Финенко С.В. Трансформация в медицинском туризме: инновационные тенденции..... 48

Кацук М.А. Определение самооценки здоровья как социальной категории: на примере студентов и сотрудников..... 51

Болдырев А.Н. Социальное проектирование развития адаптивной организационной культуры современных воинских коллективов..... 54

Ли Чжожу, Комендантов И.С. Возрождение и развитие экономической элиты в процессе китайской модернизации: развитие социальной структуры и её особенности..... 58

Тринадцатко А.А. Инвалиды по зрению и цифровое неравенство..... 67

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мионов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Мионова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Карпунин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Криволюсов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромьнка Принт», Москва, ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.07.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Чистякова Е.А. Социально-психологические особенности профилактики наркомании среди учащихся 73

Щипаков В.Э., Осипенко Э.Б. Оптимизация социальных технологий управления ресоциализацией офицеров, уволенных в запас..... 79

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Аветисян А.А. Реализация армянской культурной дипломатии в России диаспоральными организациями 85

Деникин А.В., Ореховская Н.А., Деникина З.Д. Социальное доверие – опыт философско-методологической интерпретации..... 89

Дьяченко А.Н. Социально-философский анализ механизма социализации курсантов военного университета 94

Егоров В.Г. Обобщение концепций кооперации в контексте общественного развития 98

Козлов В.И. Отражение феномена глобализации в парадигмах культуры 104

Лепехин В.А. Цивилизационная безопасность России в контексте формирования системы евразийской безопасности..... 108

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Болдырев М.О. Влияние политической активности молодежи на повышение популярности ультраправых сил: на примере выборов в Европарламент в июне 2024 года 112

Лустин Ю.М. Диалектико-типологическое взаимодействие человека и общества как структурообразующее основание целостности социального бытия 116

Щеглов И.А. Гуманитарные технологии как область социально-философского осмысления..... 123

Болдырев М.О. Эволюция стратегий ультраправых движений в политической системе ЕС: на примере деятельности президента национального объединения Франции Ж. Барделлы 128

Брега А.В., Брега Г.В. Социальные медиа как инструмент политического участия и противоборства 133

Гаспарян А.В. Выявление факторов неэффективности процессов демократизации государств постсоветского пространства 138

Калинич В.С. Динамика системы ценностей и ценностных ориентаций российской молодежи в 2022–2024 гг..... 142

Карнаухова Е.Е., Кондратьева М.А. Выбор направления политического партнерства Мексики в условиях «зеленого перехода» национальной экономики: перспективы сотрудничества с Германией..... 149

Кудряшова Ю.А. Британская миссионерская политика в странах Западной Африки в начале XX в. 155

Резников М.Ю. Прикладные аспекты нейросоциологии и патриотическое воспитание молодежи 160

Саадулаева П.И. Классификация технологий формирования общественного мнения о политических процессах в сети Интернет 165

Сой Ян Наунг. Китайско-американское политическое противостояние в Азиатско-Тихоокеанском регионе: на примере выбора модели федерализма Мьянмы 168

Ушаков Е.В. Политические инструменты реализации проекта здоровых городов: аспекты формирования института общественного целеполагания 172

Чжан Чэньюй. Генерация новостей с помощью искусственного интеллекта: возможности и проблемы автоматизированной журналистики 177

Ян Цзяньюнь. Опыт и выводы из передачи китайских и советских архивов в республиканский период..... 181

Ушаков Е.В. Система образования для государственных служащих: проблемы подготовки специалистов к деятельности в сложных современных условиях 184

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ароян Э.К. Внешняя политика Франции на постсоветском пространстве в период с 1991 по 2000 гг. 187

Жегалова У.А. Влияние исторического контекста на конституционное развитие Италии на современном этапе 192

Кулаев Г.Т. Проблема демократизации арабских государств: усиление исламского фактора..... 197

Серегина А.А. Приоритетные направления международной промышленной кооперации в рамках ШОС 201

Мурадян К.А., Сизова В.С., Мушина В.К. Транзитная роль Армении как геополитический фактор во внешней политике России..... 208

Чжан Сяотин. Память. История. Нация: Крым из эссе Чжан Чэнчжи..... 216

Серегина А.А. Технологические альянсы для топливно-энергетического комплекса России..... 222

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Авдалян М.Р. Развитие подходов к реализации концепции «мягкой силы» в доктрине внешней политики России и в положениях стратегических документов 227

Бирюкова М.Р. Российско-итальянские отношения в области культуры на современном этапе..... 231

<i>Ван Аньци.</i> Сотрудничество в области образования в рамках механизма китайско-российского гуманитарного обмена.....	236
<i>Велиева Л.Э.</i> Гуманитарная деятельность ТИКА на центральноазиатском направлении	243
<i>Гулов Б.Г., Шамин И.В.</i> Энергетическая политика Туркменистана во внешнеэкономических отношениях с Китаем.....	249
<i>Игнатов Д.А.</i> Энергетическое сотрудничество между Россией и Турцией в контексте экономических и политических кризисов	256
<i>Лысенко Н.И., Спасов А.А.</i> Возможности применения «мягкой силы» Россией в контексте сотрудничества с Лаосской Народно-Демократической Республикой в сфере образования.....	262
<i>Манукян А.Р.</i> Формы и методы организации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования в контексте современных политических реалий.....	267
<i>Со Чэн.</i> Трансграничное российско-китайское сотрудничество в сфере образования: аспекты реализации инициативы «Один пояс, один путь»	273
<i>У Лань.</i> Влияние фактора трудовой миграции на отношения между Россией со странами Центральной Азии.....	277

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кедров Н.А.</i> Преимущества создания кэптивных ИТ-компаний в крупных российских холдингах и корпорациях	283
<i>Логвинова О.К., Иванова Г.П., Марченко А.А.</i> Образ преподавателя в представлении современных студентов: сравнительный анализ	289
<i>Баярхуу Тугулдур.</i> Государственное регулирование международного сотрудничества в энергетической сфере в странах Центральной Азии: правовые и политико-дипломатические аспекты.....	294
<i>Литвиненко Д.В., Терешина А.Н., Едич Г.С., Файзулина А.А., Алексеев Д.Ю.</i> Влияние глобальных климатических изменений на международные отношения и безопасность.....	299
<i>Ван Цинпин.</i> Культурная коннотация концепции «сообщества единой судьбы человечества» Китая	302
<i>Лапшина И.Е., Чекалкин В.Д.</i> Оружие массового поражения: международно-правовые аспекты	308
<i>Литвиненко Д.В., Терешина А.Н., Файзулина А.А., Алексеев Д.Ю.</i> Политическое поведение молодежи в современной России.....	313

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Kravchenko A.I. Urban ethnography: peering into man and people 6

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Kuznetsova Y.M. Cultural code of the event as a factor of territory development 14

Pogorelaya S.V. Implementation of the practices of socio-cultural adaptation of migrant workers: generalization of the experience of the Vladimir region 21

Sokolova A.G. Dialect lexis of Vyatkian region in general fiction 24

He Kaixian. New media as a communication tool for confucius institutions..... 30

Chen Chen. Negative Transfer from English in Spanish Acquisition: A Case Study of Chinese Students 35

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Baklanovsky S.V., Osipenko E.B. Optimization of the functioning of mechanisms of social regulation of conflict management environment in military collectives 42

Burnyashva L.A., Kosenko O.Yu., Finenko S.V. Transformation in medical tourism: innovative trends 48

Kashchuk M.A. Definition of self-esteem of health as a social category: the example of students and employees ... 51

Boldyrev A.N. Social design of the development of adaptive organizational culture of modern military teams 54

Li Zhuoru, Komendantov I.S. Revival and development of the economic elite in the process of chinese modernization: evolution of social structure and its distinctive features..... 58

Trinadtsatko A.A. Visually impaired and the digital divide..... 67

Chistiakova E.A. Social and psychological features of drug addiction prevention among students 73

Shchipakov V.E., Osipenko E.B. Optimization of social technologies for managing the re-socialization of retired officers 79

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Avetisyan A.A. Armenian cultural diplomacy realization in Russia through diaspora organizations..... 85

Denikin A.V., Orekhovskaya N.A., Denikina Z.D. Social trust – the experience of philosophical and methodological interpretation..... 89

Dyachenko A.N. Social and philosophical analysis of the mechanism of socialization of military university cadets 94

Egorov V.G. Generalization of the concepts of cooperation in the context of social development 98

Kozlov V.I. Reflection of the phenomenon of globalization in cultural paradigms 104

Lepekhin V.A. Russia's Civilizational Security in the Context of the Formation of the Eurasian Security System..... 108

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow University for the Humanities, Honored Scientist of the Russian Federation; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEP, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.07.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Boldyrev M.O.</i> The influence of youth political activity on increasing the popularity of far-right forces: the example of the elections to the European Parliament in June 2024.....	112
<i>Lustin Yu.M.</i> Dialectical-typological interaction of person and society as a structural basis for the integrity of social existence	116
<i>Shcheglov I.A.</i> Humanitarian technologies as a field of socio-philosophical understanding	123
<i>Boldyrev M.O.</i> The evolution of strategies of far-right movements in the political system of the eu: based on the example of the activities of the president of the French national rally J. Bardella	128
<i>Brega A.V., Brega G.V.</i> Social media as an instrument of political participation and confrontation	133
<i>Gasparyan A.V.</i> Identification of factors of ineffectiveness of democratization processes in post-Soviet states	138
<i>Kalinich V.S.</i> Dynamics of the structure of social activity, value systems and value orientations of Russian youth in 2022–2024	142
<i>Karnaukhova E.E., Kondratieva M.A.</i> Choosing the direction of Mexico’s political partnership in the context of the “green transition” of the national economy: prospects for cooperation with Germany.....	149
<i>Kudryashova Yu.A.</i> British missionary policy in West Africa countries at the beginning of XX century.....	155
<i>Reznikov M.Yu.</i> Applied aspects of neurosociology and patriotic education of youth	160
<i>Saadulayeva P.I.</i> Classification of technologies for forming public opinion about political processes on the Internet	165
<i>Soe Yan Naung.</i> Chinese-American Political Confrontation in the Asia-Pacific Region: The Case of Myanmar’s Choice of Federalism Model.....	168
<i>Ushakov E.V.</i> Political instruments for implementing the healthy cities project: aspects of the formation of the institution of public goal setting.....	172
<i>Zhang Chenyu.</i> Ai-driven news generation: opportunities and challenges of automated journalism	177
<i>Yang Jianyun.</i> Experience and enlightenment of the transfer of Sino-Soviet archives during the republic period	181
<i>Ushakov E.V.</i> The education system for civil servants: the problems of preparing specialists to work in difficult modern conditions.....	184
POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT	
<i>Aroyan E.K.</i> French foreign policy in the post-soviet space in the period from 1991 to 2000.....	187
<i>Zhegalova U.A.</i> The influence of historical context on the constitutional development of italy at the present stage	192
<i>Kulaev G.T.</i> The problem of democratization of the arab states: strengthening the islamic factor	197
<i>Seregina A.A.</i> Priority areas of international industrial cooperation within the SCO framework	201

<i>Muradyan K.H., Sizova V.S., Mushina V.K.</i> Transit role of armenia as a geopolitical factor in russia’s foreign policy	208
<i>Zheng Xiaoting.</i> Memory. History. Nation: the Crimea from Zhang Chengzhi’s.....	216
<i>Seregina A.A.</i> Technological alliances for Russia’s fuel and energy sector	222

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Avdalyan M.R.</i> Development of approaches to the implementation of the concept of “soft power” in the Russian foreign policy doctrine and in the provisions of strategic documents	227
<i>Biryukova M.R.</i> Russian-Italian relations in the field of culture nowadays.....	231
<i>Wang Anqi.</i> Cooperation in the field of education within the framework of the mechanism of Chinese-Russian humanitarian exchange.....	236
<i>Lala Velieva.</i> TIKA’s humanitarian activities in the Central Asian direction.....	243
<i>Gulov B.G., Shamin I.V.</i> Energy policy of Turkmenistan in foreign economic relations with China.....	249
<i>Ignatov D.A.</i> Energy cooperation between Russia and Turkey in the context of economic and political crises.....	256
<i>Lysenko N.I., Spasov A.A.</i> The possibilities of using «soft power» by Russia in the context of cooperation with the Lao People’s Democratic Republic in the field of education	262
<i>Manukyan A.R.</i> Forms and methods of organizing international humanitarian cooperation in the field of higher education in the context of modern political realities	267
<i>Suo Cheng.</i> Cross-border Russian-Chinese cooperation in the field of education: aspects of the implementation of the «One Belt, One Road» initiative	273
<i>Wu Lan.</i> The influence of the labor migration factor on relations between Russia and the countries of Central Asia.....	277

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Kedrov N.A.</i> Advantages of creating captive IT-companies in large Russian holdings and corporations.....	283
<i>Logvinova O.K., Ivanova G.P., Marchenko A.A.</i> The image of the university teacher in the minds of modern students: comparative analysis.....	289
<i>Bayarkhuu Tuguldur.</i> State regulation of international cooperation in the energy sector in central asian countries: legal and political-diplomatic aspects	294
<i>Litvinenko D.V., Tereshina A.N., Edich G.S., Fayzulina A.A., Alekseev D.Yu.</i> The Impact of Global Climate Change on International Relations and Security.....	299
<i>Wang Qingping.</i> Cultural Connotation of the concept of “Community of Shared Future for Mankind Idea”	302
<i>Lapshina I.E., Chekalkin V.D.</i> Weapons of mass destruction: international law aspects.....	308
<i>Litvinenko D.V., Tereshina A.N., Fayzulina A.A., Alekseev D.Yu.</i> Political behavior of young people in modern Russia.....	313

Urban ethnography: взгляды на человека и людей

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Этнография – метод исследования символики рутинных взаимодействий повседневной жизни, включая полевую работу, рефлексивное наблюдение социальных акторов и беседу на местах. Этнографические исследования зародились в области антропологии, и в них часто участвовали антропологи, живущие в изолированном племенном сообществе в течение длительного периода времени, сегодня этнография занимается не только иноземными племенами, но и внутригосударственными сообществами, отличающимися от доминирующей культуры какими-либо субкультурными доминантами. В этнографии центральным является принцип «быть туземцем» и видеть мир с точки зрения информантов. Этнограф, участвуя в повседневных практиках обычных людей, как то прогулки по городу или трудовые действия, прием пищи или свадебные обряды, глубже других постигает смысл человеческого существования. Такой подход называют еще встроенным или укорененным (embedded and embodied social inquiry).

Современная городская этнография, как и другие социальные науки, совершает поворот к «новым мобильностям». Использование этнографами фотографии, звука и других инструментов набирает обороты в построении мультисенсорных описаний. Ведется дискуссия о том, как организовать городскую полевую работу, чтобы отойти от антропологической традиции длительного совместного проживания с обследуемыми группами. В новом подходе этнографическая встреча с участниками исследования ограничена как во времени, так и в пространстве и сводится к кратковременным практикам.

Ключевые слова: городская этнография, город как наблюдательный пункт, методы, антропология.

Городская этнография (Urban ethnography) – это исследование пространства домашней, семейной, школьной, трудовой и уличной жизни людей, которые часто оказываются в неопределенных ситуациях городской жизни [1]. В фокусе внимания находится пространственное распределение и социальное взаимодействие в городских районах – очагах социального неравенства в центре и на окраинах. Горожане могут ютиться в стесненных жилищных условиях, ощущать ограниченный доступ к образованию, здравоохранению, транспорту.

Она возникла после Второй Мировой Войны и стала популярной в 1980-х годы. Основанная на антропологическом подходе, городская этнография практикует детальное изучение социальной среды, включая физические пространства и обычаи. Использование наблюдений участников, полевых заметок и традиционных интервью являются основными инструментами этнографии [2]. Городская этнография рассматривается как субдисциплина социологии, имеющей тесную связь с этнографическими подходами Чикагской школы, преобразовавшей город в «социальную лабораторию» еще в 1890-х годах. Она унаследовала ее методологию полевой работы в городских условиях. В первую очередь методы прямого наблюдения и анализ личных документов, которые можно назвать «на близкой дистанции» (погружение в повседневную жизнь) и «лицом к лицу» (участие в контексте деятельности информаторов).

Чикагская школа перенесла методы антропологического этнографического исследования экзотических обществ непосредственно на исследование цивилизованных городов США. В эссе «Город» Р. Парк призвал своих студентов и коллег установить непосредственный контакт с изучаемыми предметами, прогуливаясь по городским кварталам, подробно беседуя с жителями и наблюдая динамику повседневной жизни. Классическим примером социолого-этнографического исследования явился кейс У. Уайта, показывающий, как игра в боулинг в Бостоне в 1937 г. стала местом, где статусное неравенство распределялось между членами уличной банды. Этнографические работы Чикагской школы подчеркивали этническую, возрастную и гендерную неоднородность города, разнообразие стиля и образа жизни горожан, критикуя попытки гомогенизации и создания абстрактных обобщений.

Важными аспектами тематики городской этнографии являются пространственное распределение и социальное взаимодействие в городских районах, так как они объясняют социальное неравенство между людьми на окраинах. Городские жители могут испытывать стесненные жилищные условия, ограниченный доступ к качественному образованию, здравоохранению, транспорту и повышенной подверженности насилию. Ряд жителей живет за чертой бедности. Жители, как правило, отличаются расовым, этническим и социально-экономическим разнообразием. Некоторые горожане участвуют в теневой экономике, чтобы прокормить себя и семью. Горожане в стабильной экономической ситуации имеют доступ к более качественному образованию, здравоохранению, жилью и транспорту. Городская среда дифференцирована и даже сегрегирована культурным разнообразием людей через продукты питания, язык, иммиграцию и миграцию, соседства, престижность района проживания.

Для Ричарда Оседжо [3] основным местом исследований явился старый бар в джентрифицированном районе Нью-Йорка с активной ночной жизнью, где давние жители (инсайдеры), приехавшие сюда еще в те времена, когда Нижний Ист-Сайд был районом трущоб, общаются с посетителями (аутсайдеры), которые прибыли сюда недавно, чтобы погрузиться в аутентичную культуру рабочего класса. В этом баре Оседжо обустроил наблюдательный пункт, с которого он мог записывать жизненный опыт разных групп населения в районе, полным проблем и противоречий. Похожее исследование Герберт Дж. Ганс провел в 1957–1958 годах в рабочем районе итальянцев первого и второго поколений в Вест-Энде в Бостоне, который, как он обнаружил, сами жители не считали трущобами вопреки градостроителям. Информаторы считали свой район просто «деревней», где они были счастливы жить.

Наблюдательным пунктом для американского этнографа Митчелла Дюнье в середине 1990-х годов послужил обычный городской тротуар на Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке. В течение 5 лет он работал уличным продавцом журналов, начинал помощником, а позже поднялся по служебной лестнице и стал заведовать столиками продавцов журналов, пока они отсутствовали. Он руководит теми, кто раньше промышлял торговлей наркотиками, занимался попрошайничеством или существовал только на пособие. В своей книге «Тротуар» [4] он дает групповой портрет нескольких бедных чернокожих мужчин, которые зарабатывают на жизнь, продавая подержанные товары, попрошайничеством, собирая книги и журналы. По словам Дюнье, книжный столик на тротуаре привлекает широкий круг браузеров и читателей, поощряет взаимодействия между людьми, которые иначе никогда бы не проявились. «Десятки людей извлекают выгоду из Booksellers' Row: наблюдатели за столиками, которые следят за товарами, когда продавцу нужно облегчиться, владельцы мест, которые ночью охраняют места с первоклассными продажами, и грузчики, которые доставляют товары на склады и обратно. Некоторые из мужчин зарабатывают до 120 долларов за 12-часовой рабочий день» [5]. Привлечение «городского дна» к легальной торговле книгами многим исправила судьбу и стала средства улучшения городской жизни. «[Тротуар] находится в лучших традициях включенного наблюдения. Если бы я все еще преподавал, я бы хотел, чтобы все мои ученики прочитали эту книгу», – сказал Уильям Фут Уайт, автор знаменитой «Street Corner Society». По словам Саски Сассен, «Дюнье, должно быть, один из выдающихся этнографов нашего времени: он делает видимым то, что обычно остается под водой, когда мы воспринимаем мир на уровне улиц. Это глубокая, сложная, трогательная книга, которая вырывает вас из вашего собственного жизненного опыта в этом мире и уводит в другой»¹.

А для Джонатана Винна, ассистент-профессора из Массачусетского университета, местом этнографического наблюдения стали городские экскурсии по Нью-Йорку, в ходе которых он проанализировал типы навыков и уловок рассказчиков, которыми должны овладеть гиды, чтобы заворожить свою аудиторию, а кроме того описал образ города, возникающий через их рассказы. Большое Яблоко – это всемирное туристическое направление с головокружительным множеством достопримечательностей в пяти районах города. Д.Винн показывает, что гиды – жизненно важная часть шумной культуры тротуаров Нью-Йорка, а предлагаемые ими туры столь же удивительно разнообразны и эксцентричны,

как и сам город. Посетители могут совершить экскурсии по Манхэттену до прибытия европейских поселенцев, ирландские банды XIX века из Five Points, кулинарные традиции Квинса, культуру Гарлема или даже камеры наблюдения. В своей книге [6] Джонатан Р. Винн исследует жизнь людей, участвующих в турах, знакомит нас с офисными работниками, которые ищут отвлечения от работы за столом, безработными актерами, оттачивающими свои вокальные навыки, и пенсионерами, ищущими то ли второе дыхание, то ли второе призвание. Сравнивая годы исследований со своим собственным опытом в качестве гида, Винн также раскрывает изнурительный процесс получения официальной лицензии и предлагает руководство по разработке и проведению тура. Касаясь долгой истории организации туров по всему миру, а также взлетов и падений индустрии гидов Нью-Йорка после 11 сентября, автор *The Tour Guide* оказывается столь же информативен и проницателен, как и его болтливые, очаровательные и красочные персонажи, говорится в рецензии на эту книгу.

Более года Кортни Бендер, профессор кафедры религии Колумбийского университета, работала в Нью-Йорке волонтером в некоммерческой нерелигиозной организации под названием *God's Love We Deliver*, помогая готовить домашние блюда для людей, больных СПИДом. Обращая пристальное внимание на повседневное общение, Бендер прослеживает, как волонтеры выражали свои моральные позиции и религиозные ценности. Она также исследует, какой личный смысл они вкладывали в разговоры и повседневные занятия, такие как приготовление еды или уход за пациентами. Наполненная ярким этнографическим материалом, ее исследование раскрывает веру как живую практику, меняя наше понимание роли религии в современной жизни [7].

Опубликованный в 1945 г. «Черный Мегалполис» [8] Сент-Клер Дрейка и Горация Р. Кейтона до сих пор остается знаковым исследованием городских рас в Чикаго. Основанная на большом объеме данных, книга представляет собой историко-социологический отчет о жителях афроамериканского анклава Южной части Чикаго, классического городского гетто. Подобные анклавы в межвоенные годы возникли в крупных промышленных городах Среднего Запада – Чикаго, Кливленд, Питтсбург и Милуоки, где ощущался дефицит неквалифицированной рабочей силы. Миграция чернокожих рабочих со всем семейством и родней, а также неправильная политика правительства США создали в этой части страны множество социальных проблем. Их не было или было меньше, пока существовали «белые мегалполисы». Выводы Дрейка и Кейтона предлагают не только обобщенный анализ миграции чернокожих, расселения, структуры общины, отношений между чернокожими и белыми расами в начале XX века, но и описывает предысторию за последние сто лет – с 1840-х по 1930-е годы. Книга возникла в результате реализации исследовательского проекта, задуманного Уорнером в Чикагском университете и финансируемого государственным фондом развития города. В период с 1935 по 1940 г. было задействовано 20 аспирантов и около 200 помощников: анкетеры, машинистки, переписчики и т.д. Кейтон работал с высшим обществом респектабельной и не очень респектабельной черной элиты, а Дрейк – с рабочим и низшим классом.

Для постороннего человека перспектива раствориться в ткани городского афроамериканского гетто может показаться недопустимой. Однако для скандинавского ученого идея познакомиться с одним из самых суровых районов Вашингтона изнутри в расово напряженный период конца 1960-х годов стала вполне привлекательной.

¹ Источник: <https://us.macmillan.com/books/9780374527259>

Проводя полевые работы на Уинстон-стрит, Ульф Ханнерц, тогда аспирант, а позже профессор социальной антропологии Стокгольмского университета, перевел их результаты в формат монографии «Душевная сторона» [9], опубликованную в 1969 г., где подробно описывает повседневную жизнь обитателей гетто, которых он наблюдал и с которыми взаимодействовал в то беспокойное для Америки время. Молодой ученый, впоследствии написавшей немало книг по городской антропологии и этнографии¹, выяснил убеждения и ожидания горожан, а также разнообразие их образа жизни. Существует ли культура бедности в чернокожих общинах? Этот вопрос поднял Оскар Льюис, опубликовавший в 1959 г. книгу «Пять семей». Продолжением многолетней дискуссии явилась и *Soulside* Ханнерца, где он всесторонне обсудил проблему. Книга помогла развеять многие ложные впечатления о жизни в гетто и поставила под сомнение идею «культуры бедности», согласно которой бедные сами выбирают, как им жить. Данные Ханнерца согласуются с выводами других исследователей гетто.

Исследование Кэрол Стэк [10] в 1970-е годы находится на пересечении микро- и макрогородских перспектив, т.е. образа жизни бедных городских семей и социальной политики городских властей Кливленда, Огайо. В нем она показала, что семьи в кварталах афроамериканского гетто адаптировались к бедности, создавая большие, устойчивые, пожизненные сети поддержки, основанные на дружбе, родстве и семье: сестры, тётушки, подруги и дальние родственники, которые не только вмешиваются в воспитание детей, но и заботятся о них. На социализацию и выживание семьи оказывают влияние отсутствие отцов или их безработица, затраты мужчин на любовниц и поддержку больных родственников. Ученая описала феномен, когда дети живут с взрослыми, которые не являются их биологическими родителями, раскрыв особенности института опекунов. Эти сети были очень мощными, хорошо структурированными и удивительно сложными.

Книга К.Стэк «Вся наша родня» углубляет понимание взаимности и усыновления в семейной жизни городских чернокожих. Результатом стало эпохальное открытие, развенчавшее ошибочное представление о том, что бедные семьи нестабильны и не организованы. Напротив, ее исследование показало, что семьи в афроамериканском гетто адаптировались к бедности, формируя большие, устойчивые, высоко структурированные и пожизненные сети социальной поддержки, основанные на дружбе и семье, которые были. Опрошенные ею информаторы «знают, что минимальные средства, которые они получают от низкооплачиваемой работы по социальному обеспечению, не покрывают их ежемесячные жизненные потребности: аренду, еду и одежду». Она знакомится с бедной чернокожей женщиной по имени Руби Бэнкс и повседневной жизнью ее матрифокальной семьи в квартирах, показывая решения, которые они ищут, чтобы выжить: «Дружба между любовниками и друзьями основана на шатком балансе доверия и прибыли» [10, р.57]. Социальные и экономические обмены происходят в процессе, при котором «всепроникающее недоверие компенсируется импровизацией: адаптивный стиль поведения, приобретаемый людьми, использующими каждую ситуацию для контроля, манипулирова-

ния и эксплуатации других. Везде, где есть дружба, есть возможность эксплуатации» [10, р.39]. Она показывает, как система поддержки семьи и друзей, включая взаимный обмен и эксплуатацию, позволяет людям справляться с бедностью. Стратегии выживания включают в себя сеть социальных обязательств, которые формируются в бартерной экономике.

«Вся наша семья» показывает, как чернокожие семьи работают изо дня в день – как бедная черная матрифокальная семья обеспечивает себя всем необходимым: минимальным семейным уютом, теплом едой, как готовит ребенка к жизни в городском гетто или за его пределами, какое участие в этом процессе принимают дяди, братья и отчимы. Стэк заканчивает исследование, утверждая, что: «Два необходимых требования для перехода из бедности в средний класс – это способность создать нуклеарную семью и способность установить равенство. Однако попытки лиц, получающих пособие, создать нуклеарные семьи сдерживаются политикой социального обеспечения. В результате мобильным людям невозможно вовлечь всех своих родственников в средний класс. Политика социального обеспечения не позволяет беднякам наследовать даже жалкую сумму наличных денег или приобретать типичные для среднего класса капиталовложения, такие как домовладение» [10, р.127].

Книга Стэк – один из лучших образцов применения смешанных методов, использования качественных данных для уточнения, а иногда и пересмотра количественных показателей официальной статистики бедности. Она показывает, что статистические данные «намного ниже фактических случаев». Основываясь на своих наблюдениях и подробных историях жизни взрослых и детей, она подсчитала, что по крайней мере треть родственников содержались членами семьи, не являющимися матерями, один или два раза в детстве. Стэк использует этнографию как инструмент обнаружения основных закономерностей, которые показывают, с кем на самом деле живут взрослые и дети, выявляет масштабы и характер опекунов.

Австрийский социолог Роланд Гиртлер исследовал венских бомжей (бродяг) как сообщество с собственной субкультурой, правилами поведения, неписаными законами, стратегиями выживания [11]. Метод Гиртлера – глубокое погружение в поле, классическое участвующее наблюдение с длительным процессом завоевания доверия, совместным повседневным времяпрепровождением. Его интересовали также биографии информантов. Он пытался понять, какие структурные факторы способствовали возникновению идентичности бродяги с соответствующим образом жизни.

Этнография требует от исследователей высокой степени вовлеченности и многими считается дисциплиной, развивающейся благодаря практике наблюдения и беседы. Исследователи учат свое собственное тело, чтобы иметь возможность воспринимать отношения через наблюдение и слушание, а также через расположение языка тела [12]. Этнографы должны осознавать свой статус инсайдера/аутсайдера. Инсайдер – это уроженец определенной географической области, культуры или остро осознающий социальные нормы, в то время как аутсайдер не обладает ни одной из перечисленных выше характеристик [11, р. 154–161]. Некоторые люди могут помещать себя в определенную городскую среду, потому что они живут в этой реальности ежедневно [13]. У исследователей могут возникнуть дополнительные трудности при расшифровке интервью участников, если их ответы будут наполнены личными невзгодами, которыми они не сразу делятся с ученым. При общении

¹ (1980) *Exploring the City: Inquiries Toward an Urban Anthropology*; (1992) *Culture, Cities and the World*; (1996) *Transnational Connections: Culture, People, Places*; (2000) *Flows, Boundaries and Hybrids: Keywords in Transnational Anthropology*; (2010) *Anthropology's World: Life in a Twenty-First Century Discipline*; (2019) *World Watching: Streetcorners and Newsbeats on a Journey through Anthropology* и др.

с горожанами, не имеющими среднего образования, могут возникнуть осложнения с вербальным общением из-за использования образованного языка, который может превзойти их академическую сообразительность [14]. Нередко этнографы занимаются феноменологическим исследованием, основанным на личном наблюдении из своего жизненного опыта. К.Венекас [15] проводил этнографические исследования по многочисленным феноменологическим вопросам в одних и тех же общественных и частных пространствах по всему Южному центру Лос-Анджелеса. Пространство является важным аспектом этой работы, поскольку взаимодействия и наблюдения происходят в городской среде.

Этнография как метод – это не столько набор структурированных техник, сколько навык, который исследователь должен развивать через опыт и время. С определенной точки зрения, проведение этнографического исследования – это установление связей, отбор информантов, расшифровка текстов, установление генеалогий, составление карт местности, ведение дневника. Полевая работа ведется в условиях, которые этнограф может контролировать лишь частично. А успех включенного наблюдения зависит от способностей, которые трудно объективировать. Разработка этнографического проекта – это поле постоянного диспута участников, имеющих разный эмпирический опыт и теоретическую подготовку. Этнограф и антрополог напоминают путешественников, отправляющихся в чужую страну к чужому народу, разговаривающему на чужом языке и воспринимающему ученых как чужаков (если не врагов). «Инаковость» является одной из главных проблем научной методологии. Этнографическое описание – не просто перцептивная и языковая деятельность, объектом которой служит культура. Это действия, которые постоянно трансформируются и переформулируются в ситуации полевого исследования.

Профессор социологии и коммуникация Дэвид Грациан (David Grazian) из Пенсильванского университета провел замечательное исследование символов аутентичности черной культуры в Чикаго, их маркетинга и потребления, играя на саксофоне в блюз-клубах [16]. В центре его исследования находятся продюсеры (владельцы клубов, сотрудники клубов, музыканты) и потребители (местные жители, туристы) и их восприятие подлинного блюза. Проведя бесчисленные вечера в десятках блюз-клубов по всему Чикаго, Грациан показывает, как профессиональные музыканты и любители, владельцы клубов и городские бустеры определяют аутентичность, предлагая ее туристам и завсегдатаям баров. Грациан сочетает исторические музыкальные и городские данные с этнографическими отчетами и выдержками из интервью. Пространственные и расовые аспекты городских кварталов используются для объяснения популярности клубов, стиля выступления, шкалы заработной платы, поведения продюсеров и потребителей, и все это находится под влиянием неявных правил сегрегации, которые имитируются на сцене и в аудитории. Грациан знакомит нас с местными завсегдатаями, сотрудниками клубов и музыкантами-любителями.

Этнографическое исследование Грациана о блюзовых клубах в Чикаго является проницательным дополнением к городской социологии, поскольку ему удалось отследить изменения в отношениях между расой и блюзом за последние несколько десятилетий, в том числе растущее разочарование черных музыкантов социальными предрассудками белой публики. Сегодня Чикаго активно продвигает свой имидж как «блюзовая столица мира». Грациан связывает рост интереса к Чикагской блюзовой традиции с влиянием глобализации и усилиями го-

родских лидеров по воссозданию глобального образа города. Он отмечает, что это усилило дискуссию о способности блюз-жанра оставаться аутентичным. Подлинный, или аутентичный блюз Чикаго отличается от коммерческого. За первым в город приезжают истинные знатоки музыки, за вторым – туристы, которым продают стандартный блюз-пакет с нужными именами музыкантов, списком песен и адресами клубов. Но оказалось, что аутентичная музыка – всего лишь социальная конструкция, разная для разных социальных групп и индивидов. Д. Грациан доказал, что подлинность принимает множество обликов. Наиболее жестких толкований придерживаются владельцы клубов и нелокальные потребители. Они представляют и ожидают опыта, основанного на коллективных социальных образах. Местные жители, сотрудники и музыканты-любители обладают более эластичными ожиданиями, в то время как восприятие музыкантов находится в противоречии между уважением к самой музыке и необходимостью зарабатывать на жизнь. Его выводы убеждают в том, что поиск подлинности является субъективным, отражающим противоречие между идеализированными представлениями меломанов, коммерчески навязанными потребителям стандартами, ожиданиями самих музыкантов и отношением ко всему происходящему жителей Чикаго.

Современная этнография сфокусирована на вопросах несправедливости в маргинальных сообществах, живущих в городских районах, через этнографические отчеты и совместные исследования, включая этнографические отчеты, написанные учеными, изучающими городские условия, откуда они родом [17]. Преодолевая статусные барьеры, гендерные и расовые различия, классовые предрассудки городские этнографы пытаются с «близкого расстояния» рассмотреть все, что происходит «на сцене» и «за кулисами» города.

Критики постмодернистской точки зрения подтверждают мысль о том, что полевые работы – это не только повествование, но опыт и процесс. Дискуссии об этнографическом объекте лежат между подходом инаковости как исторического процесса, «другого» как соучастника научно-диалогического процесса и перспективой, которая позиционирует исследователя как исторически, так и социально. Британский антрополог Тим Инголд утверждает, что фундамент этнографии – знания, производимые ученым совместно с информантами [18]. В культурно многообразном мире городской этнограф постоянно пытается сориентировать себя и понять свою принадлежность к нескольким локасам одновременно [19].

Лоик Ваквант, автор книги «Городские изгои» [19], проникает внутрь черного гетто Чикаго и деиндустриализирующегося пригорода Парижа, чтобы обнаружить различные типы городской маргинальности. Опираясь на множество оригинальных полевых, исследовательских и исторических данных, Л.Ваквант показывает, что инволюция городского ядра Америки после 1960-х годов происходит не из-за появления «низшего класса», а совместным уходом рынка и государства, поощряемым государственной политикой расового разделения и заброшенности городов. В европейских городах, напротив, распространение «отчужденных» районов не предвещает образования гетто. Причина – разложение территорий рабочего класса под давлением массовой безработицы, нерегулярной работы и этнического смешения населения (до сих пор сегрегированного), порождающего городские образования, похожие на «антигетто». Сравнение «Черного пояса» США с французским «Красным поясом» показывает, что государственные структуры и политика играют решающую роль в детерминировании класса, расы и места по обе стороны Атлантики.

Не последнюю роль играет кристаллизация нового режима маргинальности, подпитываемого фрагментацией наемного труда, сокращением социального государства и концентрацией обездоленных категорий в стигматизированных областях, лишенных коллективной идентичности. Маргинальные города – инкубаторы неустойчивого пролетариата, возникающего при неолиберальном капитализме. «Городские изгои» – величественный синтез исследований городской маргинальности в развитых капиталистических странах. Автор раскрывает факторы – взаимосвязь расы, класса и пространства в постфордистском мире, – ведущие к новому виду бедности по обе стороны Атлантики, и демонстрирует способы социальной изоляции в Европе и Америке.

Специфическое направление исследований в области изучения мобильности, которому способствовала работа Тима Ингольда о восприятии окружающей среды через практики движения, было названо «ходячими этнографиями» (“walking ethnographies”). Этнография стала играть все большую роль в описании процессов домостроительства, которые понимаются как сеть смыслов, эмоций, практик памяти и материальных ценностей. В последние годы наблюдается ускоренный рост миграционных исследований, на первый план выдвигается изучение «тех, кто уехал, и тех, кто остался». Постепенно складывается понятие о многоуровневой этнографии, представление о локальном, транслокальном и глобальном, придающим более широкую перспективу изучения событий, происходящих в городе [12, p. 11].

Так, Шаньшань исследует нигерийских мигрантов из Лагоса в китайской провинции Гуанчжоу в контексте межэтнических отношений [20]. В последние десятилетия в Бердстауне, штат Иллинойс, как и в других городах Ржавого пояса Среднего Запада, наблюдалось сокращение населения и экономический застой. Мясоперерабатывающий завод, который является основным работодателем города, заменил белую рабочую силу из местных жителей, наняв рабочих из Мексики, Западной Африки и Детройта. В результате новоприбывшие преобразили и оживили бывший «город на закате». Фаранак Мирафтаб из Иллинойского университета опирается на этнографические исследования, чтобы проанализировать глобальные процессы, приводящие к увольнению и найму работников на глобальном рынке труда. Ее интересовало то, как транснациональная жизнь перемещенных рабочих помогает им оставаться на своих рабочих местах, как они обсуждают свои отношения друг с другом вне зависимости от этнической принадлежности, расы, языка и национальности, когда создают новый дом. Интервью с рабочими из Детройта и Мексики и Того (откуда родом большинство иммигрантов) помогает понять глобальное положение в Бердстауне: снижение заработной платы и ухудшение условий труда превратили мясоперерабатывающую промышленность в сферу занятости для этнических меньшинств. По собственному заявлению, она практикует «многоуровневую глобальную этнографию через межшкалярный анализ, который перемещается между микромирами конкретных практик/мест и макромирами политико-экономических процессов» [21]. В своей работе она умело сочетает интервью, устные истории, опросы, архивные исследования, включенное наблюдение, фотоиллюстрации и описательную статистику. Интервью с рабочими из Детройта и Мексики и Того (откуда родом большинство иммигрантов) помогает понять глобальное положение в Бердстауне: снижение заработной платы и ухудшение условий труда превратили мясоперерабатывающую промышленность в сферу занятости для этнических меньшинств. Бердстаун – не исключение, а пример локальных и глобаль-

ных связей, способствующих развитию на местном уровне. Сосредоточившись на местности в неметропольном регионе, эта работа вносит ценный вклад в городские исследования глобализации. Этнографическое обследование Фаранак Мирафтабы охватывает различные регионы США, помогая понять трансграничные факторы и отношения, которые создают и оживляют Бердстаун.

Гвендолина Пурифой, профессор социологии из Университета Северного парка, в 2011–2014 гг. изучила расовую сегрегацию и классовое неравенство в общественном транспорте Чикаго, используя пять типов данных: 1) этнографические наблюдения в трех видах транспорта: автобус, городское метро, пригородные поезда Metra rail¹; 2) анализ карт, графиков и документов транспортного департамента; 3) анализ видов транспорта, доступный горожанам в 18 районах Чикаго, расположенных вдоль самых загруженных железнодорожных и автобусных линий; 4) 28 полуструктурированных интервью с транзитными пассажирами²; 5) анализ интернет-сайтов, где пассажиры публикуют свои впечатления о городском транспорте; 6) данные переписи населения и демографическая информация районов исследования; 7) газетные репортажи на период исследования³.

Взаимодействие людей с пятнадцатиминутными интервалами фиксировалось в форме полевых заметок с отметкой класса, пола и расы пассажиров и водителей автобуса. «Я ездила на автобусах и поездах семь дней в неделю, а маршруты и время менялись. Кроме того, я путешествовала круглый год, даже во время крупнейших городских фестивалей (Blues Fest, Jazz Fest, Lollapalooza, St.Patrick's Day Parade и The Taste of Chicago). Я фотографировала внутренние помещения автобусов, поездов, станций и остановок. Фотографирование станций метро вдоль маршрута проходило не без конфликтов. Администрация всякий раз заявляла, что снимать платформы на остановке незаконно. Машинисты поезда запрещали выходить на остановках ради съемки, потому что это нарушало федеральный закон. В результате большинство фотографий и видео ограничено тем, что удалось запечатлеть внутри вагонов. Иногда пассажиры спрашивали меня, не туристка ли я. С некоторыми из них приходилось встречаться много раз в течение длительного исследования, но я не хотел раскрывать себя в качестве социолога... Я всю жизнь живу в Чикаго, мои наблюдения основаны на многолетнем опыте поездок на общественном транспорте и наблюдениях за тем, как меняется демография пассажиров, как улучшаются маршруты и их обслуживание, но почему-то в богатых и белых районах северной стороны Чикаго. Я наблюдала, как с красной линии исчезали оптовые торговцы и на улицах центра меньше становилось бездомных. Я видела, что происходит в формирующемся новом пове-

¹ Этнографические полевые наблюдения проводились на 600 автобусных маршрутах, двух железнодорожных линиях и двух линиях метро.

² Основная масса полевых наблюдений в «естественной обстановке» дополнялась 28 полуструктурированными анонимными интервью. «Я рассылала друзьям электронные письма с просьбой переслать их знакомым, которые захотят поговорить со мной о своем опыте в общественном транспорте. Этот тип рекрутинга допускал выборку методом снежного кома, поскольку интервьюируемые передавали мою информацию другим. Я опрашивала студентов, рабочих, случайных посетителей, уличных торговцев и попрошайек».

³ Всего подверглось анализу 255 документов СТА и Metra, из которых 40 пресс-релизов, 64 новостных сюжета, 56 транзитных документов, шесть годовых отчетов (2010–2012 годы для СТА и Metra), 44 расписания автобусов и железных дорог, 48 карт, 3 сборника наставлений по транзиту, 7 сайтов социальных сетей (блоги и др.).

дение и взаимодействие людей в общественном транспорте местах джентрификации и редевелопмента. Чикаго – это город, где знаменитые достопримечательности уживаются с печально известной историей сегрегации, дискриминации, расизма, насилия и политической коррупции. Его социальный ландшафт отражает большую часть Америки. Это место с очагами роста, такими как Южная петля и Ближний Вест-Сайд, но также и мест упадка, таких как район Гранд-бульвар. Чикаго – место, где сакральные памятники используются в политических целях, а журналисты добавляют черной краски, используя такие понятия, как «город террора». Это место, где качественные продукты питания распределяются неравномерно и почти недоступны наиболее уязвимым слоям. А еще место, где процветают социальные движения и протесты, как, например, недавние протесты на саммите НАТО, демонстрации «Окупай Уолл-Стрит», митинги «Закон мечты» и кампания «Покончи с насилием» [22].

Аудиозаписи интервью позже расшифровывались и кодировались. Полевые наблюдения за общественным городским пространством фиксировались с помощью фотографий, видеозаписей и заметок в блокноте. «Я часто пользовалась мобильным телефоном во время напряженных поездок, потому что в часы пик в автобусах и поездах сложно расположить блокнот так, чтобы я могла писать, одновременно удерживая сумку. К тому же сотовый телефон меньше привлекал нежелательное внимание любопытных... На протяжении всего моего исследования я осознавала тот факт, что всегда существовала опасность потерять телефон или ноутбук или их могут украсть. Вот почему я как можно чаще сканировала и фотографировала электронные данные, а затем закрепляла их на дополнительном компьютере и в защищенном паролем файле. Телефонные заметки по электронной почте также были защищены паролем» [22].

Для анализа социальных типов, встречавшихся на фотографиях в интернете, были разработаны специальные шаблоны, регистрировавшие людей в костюмах, растрепанных людей, женщин, мужчин, а также подписи и комментарии к картинкам. Тексты выявили гендерные, расовые и классовые различия, очень похожие на те, что Гвендолина Пурифой отмечала в автобусах и поездах. Подтвердилась гипотеза Д. Эмбрика, Т. Райта и А. Лукача [23] о том, что онлайн-пространство воспроизводит расовые, гендерные и социальные структуры реального мира. При этом на сайте люди открыто демонстрировали расистские, классовые и сексистские взгляды.

В классические времена XIX века этнограф, удалившийся с экспедицией на отдаленный остров в Полинезии или в тундру к эвенкам, записывал со слов местных жителей старинные предания, легенды и мифы, вел дневник, описывая ритуалы, обычаи и культурные пережитки. Вернувшись в большой мир, он и его коллеги интерпретировали данные, используя наработанные схемы и общепринятые концепции. Научное сообщество и просто публика получали в результате многократно отфильтрованные данные, проверить которые никто не мог. Тогда этнография изучала любые традиционные народы, а социальная антропология – только «примитивные». Западноевропейские ученые доказывали, что формы социации «примитивных» народов – это первоначальная, а потому очень неразвитая, «дикая» стадия развития человечества. Тем самым социологи наряду с этнографами и политиками участвовали в формировании пренебрежительного отношения к представителям Третьего мира. Надо отметить, что сочинения Конта, Спенсера, Тенниса, Вебера и Дюркгейма построены на обширном

историческом и этнографическом материале. Первый касался европейских стран, а второй – обширной периферии стран Третьего мира. Богатую этнографию можно увидеть в таких текстах, как «Wirtschaft und Gesellschaft» Тенниса. Понимая мир с «точки зрения туземцев», этнография дает знания, которые часто противоречат общим интерпретациям, проливая свет на особенности и локальные конфигурации социальных явлений и выдвигая на передний план предметы через их практики и дискурсы [12].

В XX веке он стал брать в экспедицию камеру и фотоаппарат. Ныне мы с удовольствием и великой признательностью разглядываем фотографии и киноматериалы тех этнографов, которые в 1920–30-х годах сумели запечатлеть в движении теперь уже вымершие культуры эвенков или тибетцев. По полноте, точности и объективности отображения реальности аудиовизуальные средства оказываются вне конкуренции. Теорию социальных практик в социологии развивали П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукман, Л. Витгенштейн, Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, К. Гирц, И. Гофман, Т. Парсонс, А. Шюц и др.

Работа Малиновского (1932) о Тробрианских островах в период между двумя мировыми войнами считается основополагающим моментом этнографии как метода научного исследования. Использование долгосрочной полевой работы, совместного проживания с исследуемыми обществами и включенного наблюдения в качестве основных инструментов – вот то, что укрепляет этнографию как метод социального анализа. Сегодня городским этнографам не надо ехать на край света для сбора эмпирического материала. Они живут и работают в одном месте – крупном городе.

Критика опыта путешествий и этнографического авторитета началась с постмодернистского движения, которое высветило значение этой метафоры для разграничения как объекта (иногда экзотического), так и научного характера антропологии [24]. В этой перспективе полевые работы представляют собой форму письма, подчеркивающую авторское развитие текста, характеристику позиции наблюдателя, видимость или прозрачность его субъективности, взаимосвязь между временем рассказа истории и естественным временем, в которой живут информаторы. Таким образом, природа этнографии, как представления Другого, подвергается сомнению.

Современная городская этнография постоянно колеблется между урбанистической антропологией и социологией города, не знаю, чью сторону выбрать и в каком направлении преимущественно развиваться. Именно благодаря такой гибридности ее авторитет растет, а студенты с удовольствием выбирают ее своей специализацией. Специальные выпуски, конференции и сети отражают растущую организацию этой области исследований. Этнографический туризм основан на интересе туристов к подлинной жизни народа, к ознакомлению с народными традициями, обрядами, творчеством и культурой. Наиболее перспективно в этом плане использование исторических построек в качестве живых декораций для проведения мероприятий, построенных на элементах народной культуры и быта. Изданные населенные русскими людьми места – усадьбы, деревни, места водяных и ветряных мельниц, ремесленные слободки, монастыри и скиты, купеческие села и торговые слободы создают особую пространственную организацию культурного ландшафта. Каждый тип поселений содержит в себе сведения об укладе жизни, об исторических особенностях быта (крестьян, ремесленников, духовенства, дворянства). Толпы путешественников стремятся попасть в какую-нибудь «аутентичную деревню» (этнографический поселок), познакомиться с тяжелыми

условиями жизни в традиционном обществе, вжиться в чужой образ жизни, а затем отправиться в пятизвездочный отель, чтобы на досуге разобраться со своими впечатлениями и обсудить увиденное.

Литература

1. Venegas K., Huerta Adrian H. Urban ethnography: Approaches, perspectives and challenges // New approaches to qualitative research: wisdom and uncertainty / Eds. M.Savin-Baden, C.Howell Major. – Routledge, 2010, pp.154–161.
2. Creswell J. Research design: Qualitative, quantitative and mixed method approaches. Sage Publications, 2008.
3. Ocejo Richard E. (ed.). Ethnography and the City: Reading on Doing Urban Fieldwork. New York: Routledge, 2013.
4. Duneier M. Sidewalk. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.
5. Jacobs A. Adventures in a Book Trade: A social scientist studies Manhattan's curbside booksellers // The New York Times. April 2, 2000
6. Wynn Jonathan R. The Tour Guide: Walking and Talking New York. University of Chicago Press, 2011.
7. Bender C. Heaven's Kitchen: Living Religion at God's Love We Deliver. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
8. Drake, St. Clair, and Horace R. Cayton. Black Metropolis: A Study of Negro Life in a Northern City. New York: Harcourt, Brace and Company. 1945.
9. Hannerz U. Soulside: Inquiries into Ghetto Culture and Community. New York: Columbia University Press, 1969.
10. Stack C. All Our Kin: Strategies for Survival in a Black Community. New York: Harper & Row, 1974.
11. Girtler R. Vagabunden in der Grossstadt. Teilnehmende Beobachtung in der Leben welt der "Sandler" Wiens. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1980.
12. Imilan W., Márquez F. Urban Ethnography // Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies / Ed. by A.Orum. – John Wiley & Sons Ltd., 2019.
13. Newman K. No Shame in My Game: The Working Poor in the Inner City. Russell Sage Foundation and Knopf, 1999.
14. Bourgois P. In Search of Respect: Selling Crack in El Barrio. Cambridge University Press, 1995; Newman K. No Shame in My Game: The Working Poor in the Inner City. Russell Sage Foundation and Knopf, 1999.
15. Venegas K.M. Dreams, Disappointment and Drive: Trinity Borrego's Path to College // Urban High School Students and the Challenge of Access: Many Routes, Difficult Paths. Tierney, W.G. and Colyar, J.E. (eds). – Peter Lang, 2006, p.111–134.
16. Grazian D. Blue Chicago: The Search for Authenticity in Urban Blues Clubs. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
17. Gonzalez C. Urban Ethnography: Nothing About Us Without Us Is for Us // Pardo I., Prato G. (eds) The Palgrave Handbook of Urban Ethnography. – Palgrave Macmillan, 2018.
18. Ingold T. That's Enough about Ethnography! // HAU: Journal of Ethnographic Theory, 2014. 4(1):383–395.
19. Wacquant L. Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Polity, 2007.
20. Shanshan L. Mapping the New African Diaspora in China: Race and the Cultural Politics of Belonging. London: Routledge, 2017.
21. Miraftab F. Global Heartland: Displaced Labor, Transnational Lives and Local Placemaking. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2016, p.15.
22. Purifoye G. Moving Social Spaces: Public Transportation, Material Differences, and the Power of Mobile Communities in Chicago (2014). Dissertations. 1298. https://ecommons.luc.edu/luc_diss/1298
23. Embrick David G., Wright Talmadge J., Lukacs A. (eds.) Social Exclusion, Power, and Video Game Play: New Research in Digital Media and Technology. Lanham, MD: Lexington Books, 2012.
24. Clifford J., Marcus George E. Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. A School of American Research advanced seminar. Berkeley: University California Press, 1986.

URBAN ETHNOGRAPHY: PEERING INTO MAN AND PEOPLE

Kravchenko A.I.

Ethnography is a method for exploring the symbolism of routine interactions in everyday life, including fieldwork, reflection, observation of social actors, and field conversation. Ethnographic research originated in the field of anthropology, and often involved anthropologists living in an isolated tribal community for a long period of time; today ethnography deals not only with foreign tribes, but also with intrastate communities that differ from the dominant culture in some subcultural dominants. In ethnography, the central principle is "being a native" and seeing the world from the point of view of the informants. An ethnographer who participates in the everyday practices of ordinary people, such as walking around the city or work activities, eating food or wedding ceremonies, understands the meaning of human existence more deeply than others. This approach is also called embedded or embedded social inquiry.

Contemporary urban ethnography, like other social sciences, is making a turn towards "new mobilities". Ethnographers' use of photography, sound, and other tools is gaining momentum in constructing multisensory descriptions. There is a discussion about how to organize urban fieldwork to move away from the anthropological tradition of long-term cohabitation with study groups. In the new approach, the ethnographic meeting with research participants is limited in both time and space and is reduced to short-term practices.

Keywords: urban ethnography, city as an observation point, methods, anthropology.

References

1. Venegas K., Huerta Adrian H. Urban ethnography: Approaches, perspectives and challenges // New approaches to qualitative research: wisdom and uncertainty / Eds. M.Savin-Baden, C.Howell Major. – Routledge, 2010, pp.154–161.
2. Creswell J. Research design: Qualitative, quantitative and mixed method approaches. Sage Publications, 2008.
3. Ocejo Richard E. (ed.). Ethnography and the City: Reading on Doing Urban Fieldwork. New York: Routledge, 2013.
4. Duneier M. Sidewalk. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.
5. Jacobs A. Adventures in a Book Trade: A social scientist studies Manhattan's curbside booksellers // The New York Times. April 2, 2000
6. Wynn Jonathan R. The Tour Guide: Walking and Talking New York. University of Chicago Press, 2011.
7. Bender C. Heaven's Kitchen: Living Religion at God's Love We Deliver. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
8. Drake, St. Clair, and Horace R. Cayton. Black Metropolis: A Study of Negro Life in a Northern City. New York: Harcourt, Brace and Company. 1945.
9. Hannerz U. Soulside: Inquiries into Ghetto Culture and Community. New York: Columbia University Press, 1969.
10. Stack C. All Our Kin: Strategies for Survival in a Black Community. New York: Harper & Row, 1974.
11. Girtler R. Vagabunden in der Grossstadt. Teilnehmende Beobachtung in der Leben welt der "Sandler" Wiens. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1980.

12. Imilan W., Márquez F. *Urban Ethnography* // Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies / Ed. by A.Orum. – John Wiley & Sons Ltd., 2019.
13. Newman K. *No Shame in My Game: The Working Poor in the Inner City*. Russell Sage Foundation and Knopf, 1999.
14. Bourgois P. *In Search of Respect: Selling Crack in El Barrio*. Cambridge University Press, 1995; Newman K. *No Shame in My Game: The Working Poor in the Inner City*. Russell Sage Foundation and Knopf, 1999.
15. Venegas K.M. *Dreams, Disappointment and Drive: Trinity Borrego's Path to College* // *Urban High School Students and the Challenge of Access: Many Routes, Difficult Paths*. Tierney, W.G. and Colyar, J.E. (eds). – Peter Lang, 2006, p.111–134.
16. Grazian D. *Blue Chicago: The Search for Authenticity in Urban Blues Clubs*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
17. Gonzalez C. *Urban Ethnography: Nothing About Us Without Us Is for Us* // Pardo I., Prato G. (eds) *The Palgrave Handbook of Urban Ethnography*. – Palgrave Macmillan, 2018.
18. Ingold T. *That's Enough about Ethnography!* // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2014. 4(1):383–395.
19. Wacquant L. *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*. Polity, 2007.
20. Shanshan L. *Mapping the New African Diaspora in China: Race and the Cultural Politics of Belonging*. London: Routledge, 2017.
21. Miraftab F. *Global Heartland: Displaced Labor, Transnational Lives and Local Placemaking*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2016, p.15.
22. Purifoye G. *Moving Social Spaces: Public Transportation, Material Differences, and the Power of Mobile Communities in Chicago* (2014). Dissertations. 1298. https://ecommons.luc.edu/luc_diss/1298
23. Embrick David G., Wright Talmadge J., Lukacs A. (eds.) *Social Exclusion, Power, and Video Game Play: New Research in Digital Media and Technology*. Lanham, MD: Lexington Books, 2012.
24. Clifford J., Marcus George E. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. A School of American Research advanced seminar. Berkeley: University California Press, 1986.

Культурный код события как фактор развития территории

Кузнецова Юлия Михайловна,

к.и.н., кафедра массовых коммуникаций и медиабизнеса
факультета социальных наук и массовых коммуникаций
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: YMKuznetsova@fa.ru

В статье предпринимается попытка дать аргументированную оценку возможностям и перспективам эффективного развития территорий, когда стратегия такого движения опирается на понимание уникальных характеристик, которые можно образно назвать культурным кодом дестинации. Анализируется практика обращения к событию, как механике формирования эмоционального опыта и закрепления лояльности через него. Предлагается развернуть вектор восприятия, сделав событие квинтэссенцией реализованных ценностей и идентичности, как жителей рассматриваемого региона, так и в целом, образа территории в глазах широкой аудитории. Событие становится выражением набора символов и смыслов культурного кода территории. Для корректного изложения раскрывается вариативность трактовки терминов, а также привлекается опыт изучения культурного кода, как элемента коммуникаций. Практические рекомендации основываются на использовании матрицы позиционирования 5LP (Five Level Positioning). Развитие территории рассматривается через ракурс потенциальной привлекательности, как аудиторной, так и инвестиционной. Базовым элементом становится индивидуальность, регион перестает восприниматься обезличенной хозяйствующей единицей, а приобретает визуализируемую через события качественную описательную характеристику. Для демонстрации возможностей подхода, приводится и анализируется в сравнительной динамике событийная активность регионов, признанных исследованиями Росстата самыми перспективными и самыми депрессивными. Фактически, простым выводом становится признание, что игнорирование возможностей транслировать культурный код территории через знаковые, специальные события, ведет к потере или не определению визуальной трактовки набора качеств и характеристик, присущих региону и упущенной возможности импульса к развитию.

Ключевые слова: культурный код, развитие территорий, event, коммуникации.

Введение

Развитие регионов является сверхактуальной задачей для всей государственной системы РФ в настоящее время. Поиски инвестиционных, туристических, социокультурных, обеспечивающих и прочих факторов привлекательности территорий ведется в разных направлениях и контекстах. Однако, без фундаментального анализа в подходах, все усилия могут остаться ситуативными и не дать системного ожидаемого результата.

Новизна предлагаемого подхода заключается в том, что, традиционно понимая event, как коммуникационный инструмент, привычно используем его, для достижения текущих задач, однако, возможно посмотреть на событие с другого вектора, не как на механику реализации стратегий, а, как на основу, от которой можно построить перспективы и планы развития территории. Важно относиться к мероприятию, не как к обслуживающему элементу, а как к сложившейся и зафиксированной в восприятии разных аудиторий визуализации особенностей и качеств отдельных, городов, областей, регионов.

Обобщая, цели, формируемые на выводах Росстата [4], и принимая во внимание реализацию текущего этапа в развитии регионального стратегического планирования в Российской Федерации, связанного с принятием Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3], можно выделить два емких и весьма условных блока задач – повышение удовлетворенности непосредственно жителей региона и привлечение ресурсов, в том числе финансовых и человеческих в дестинацию. К решению всего спектра этих вопросов должны привлекаться, как государственные и административные силы, отвечающие за социальную политику развития региона, за жилое и коммерческое строительство, за формирование рабочих мест и принятие иных организационных решений, так и креативные индустрии. Последние могут взять на себя глубокий анализ принципов идентичности человека и региона его проживания [4]. Простой смысл этих задач заключается в том, что человек выбирает место, где он будет жить и работать не только ориентируясь на текущую выгоду или удобство. Удовлетворенным человека делает восприятие места жительства, как Своего. Мы можем понимать под этим особые чувства принадлежности к конкретному региону, выделение специфических качеств территории, как предмета для гордости, самоидентификации по характеристикам – «сибирский характер», «горячая южная кровь», «волжская широта души» и прочее.

Задача поиска идентичности только на первый взгляд представляется простой. Основная сложность состоит в визуализации, воплощении принятых определений и качеств. Однако, без этого невозможна в принципе организация коммуникационных действий по развитию территории и ее бренда. Должны быть выражены простые и понятные смыслы и ценности, «трогающие» аудиторию. В этом контексте, задачи развития и популяризации бренда территории ничуть не сложнее, чем работа с потенциальной целевой аудиторией любого другого продукта, бренда или предложения. Мы ставим перед собой задачу сформулировать УТП (уникальное торговое

предложение), которое нужно будет «упаковать» в бренд и показать через коммуникационные действия.

Формулировка уникальных, вернее сказать, индивидуализирующих регион как продукт, характеристик можно назвать первым шагом в организации действий по развитию территории. Характеристики визуализируются через подходящие образы, узнаваемые, запоминающиеся, легко воспринимаемые и воспроизводимые [10]. Такой набор определений и качеств должен совпасть с возможно уже устоявшимся образом региона, не может повторять или демонстрировать похожесть с другим брендом территории, легко фиксироваться в восприятии, иметь потенциал к реализации через различные каналы коммуникаций.

На этом этапе постановки целей и задач возникает потребность в термине или определении, который объединит все сказанное выше. Таким термином представляется – культурный код территории.

Следующим шагом станет реализация, применение культурного кода, как коммуникационного инструмента. Каналы и действия должны и могут быть разнообразными, но оптимальной визуализацией можно с уверенностью назвать event. Эмоциональное воздействие, базовая лояльность участников, виральность, все преимущества события, как коммуникации максимально доходчиво могут сделать набор абстрактных характеристик, заключенных в понятие культурный код территории зримыми и воспринимаемыми для широкой аудитории [20].

Механика процесса будет заключаться в том, что каждое событие строится по такому же принципу: определение ценности для потенциальной аудитории, выбор креативного решения для «упаковки» этой ценности и смыслов и построение архитектуры мероприятия, включающей вовлечение аудитории. Совокупность этих действий можно определить, как культурный код мероприятия.

Таким образом, целью изучения становится механика формирования события, чье содержание и позиционирование, которое можно сформулировать, как культурный код, будут соответствовать символической системе ценностей определенного региона и содействовать развитию его привлекательности.

Теоретические основы

В начале нужно определиться с единством терминов. С регулярностью темой обсуждения в научных и практико-ориентированных публикациях, посвященных вопросам культурологии, политологии, маркетинга и прочих, становится понятие «культурного кода». К дискуссии привлекаются социологи, психологи, а также практики креативных индустрий, для которых юзабилити термина и его практического содержания крайне важны при разработке стратегий обращения к аудиториям, подготовке практических содержательных и художественных решений [8]. Сложностью является то, что даже сам термин «культура» и все его производные, при всей своей очевидности, настолько общий, что не представляется возможным найти паритет, в котором все пользователи получали бы именно то обращение, которое отвечало бы ожиданиям каждого. В связи с отсутствием единого прочтения термина «культура» и устоявшимся многообразием трактовок, очевидным представляется найти содержательную основу, конкретику, которую можно использовать в практике анализа отдельных субъектов [15].

В контексте данного исследования наиболее подходящим дискурсом является следующее: культура как набор общественных ценностей, норм, традиций и обычаев, которые формируются в процессе взаимодействия

людей в обществе, а также как средство передачи и наследования ценностей и идентичности через художественные формы – живопись, музыку, литературу, театр, а также система ценностей, норм, паттернов и социальных практик, характерных для определенного общества или сообщества – обычаи, религию, язык, образ жизни и традиции [10; 19; 24]. Наиболее общая задача культуры заключается в том, чтобы обеспечить устойчивость и развитие общества, передавая ценности, знания и опыт от одного поколения к другому.

Определяя культуру, как часть процесса самоидентификации человека, выявления им во внешней среде сигналов, гармонизирующих с его паттернами [8], важно отметить, что культура способствует формированию личности, ее конгруэнтности, обогащению духовной сферы человека, созданию в обществе единства из многообразия. Кроме того, именно через культуру человек получает набор сигналов и знаков, чтобы соотносить себя с группами и социумами, деятельностью и территорией [14]. Основным инструментом в решении этой системы задач выступает культурный код.

Существует мнение, что понятие культурный код не требуется и замещается самим базовым определением – культура [23]. Однако, напротив, разделение понятий культура и культурный код открывает возможности к предметному, более конкретизированному изучению объекта внимания, так содержанием этого короткого исследования станет культурный код территорий, воспринимаемый, как набор характеристик и качеств, которые можно определить четко и емко. Этот простой список определений можно визуализировать креативными решениями, например: «Магнитогорск – металлургическая столица России, граница Европы и Азии, вырос из крепости Магнитная». Содержание культурного кода позволяет дать характеристику территории в контексте исторического развития и ее текущего состояния. В свою очередь, если бы мы заявили определение – культура региона, смысловая нагрузка стала бы излишне обширной и воспринимаемой по-разному, как список культурных объектов, оценка интенсивности культурных событий и прочее.

Код – это система символов, знаков или комбинаций, используемая для представления информации [21]. Кодирование также используется для обозначения и классификации информации. Важно правильно интерпретировать и использовать коды в соответствии с их предназначением, чтобы избежать ошибок и недоразумений. Основой понятия выступает емкость, сжатость смыслов. Формирование любого сообщества, будь то профессиональный социум, нация или представители какой-то одной территории всегда сопряжено с объединением набора связующих характеристик, которые основываются на общей привязанности к тем самым знакам, атрибутам и символам [9]. Другими словами, присутствует культурный код, набор символов, обычаев, ценностей и норм, которые определяют способы взаимодействия и поведения людей, их отношение между собой и реакции на внешние раздражители. Такой код формируется под влиянием исторических, социальных, религиозных и других факторов и передается из поколения в поколение через доступные формы выражения, такие как искусство, мифология, религия, традиции, ритуалы и правила, даже ограничения. Код является объединяющей силой, и чем большим количеством эмоциональных триггеров он обладает, тем устойчивее такое сообщество и глубже привязанность к нему его членов.

Таким образом, культурный код территории это совокупность устойчивых образцов поведения, ценностей, традиций, обычаев и норм, которые характеризуют

ют определенную территорию и ее жителей. Он включает в себя специфические культурные особенности, язык, менталитет, образ жизни, социальные институты и другие аспекты, которые отличают одну культурную среду от другой. Культурный код территории может быть выражен через местные обычаи, праздники, религиозные обряды, кухню, архитектуру, народное творчество и другие проявления культуры. Другими словами, нас интересует организация жизни, самоопределение и способы самовыражения людей на какой-то территории в определенный период времени. Как отмечает исследователь научно-образовательного центра МРА ИГСУ РАНХиГС Е.И. Громова [16], культурный код является одним из 24 основополагающих кодов территории, объединенных в 4 категориальные области Генома, каждая из которых включает в себя 6 уникальных кодов: Неизменная, связанная с расположением территории и ее физико-географическими характеристиками: геодезический код – координаты и измерение площадей; геоморфологический код – рельеф местности в историческом контексте и динамика его развития; гидрографический код – все водные ресурсы описываемой территории; климатический код – температура в соответствии с временами года, в целом погодные явления; природный код – растительный и животный мир, микроорганизмы; литографический код – в первую очередь, полезные ископаемые и почва [29].

Категория Настоящего, наиболее результативная часть генома. Она нацелена на управление имеющимися ресурсами и теми, которые могут появиться у территории в текущем состоянии. Это демографический код; экологический код; экономический код; отраслевой; инвестиционный и инфраструктурный. Еще одной категорией выступает категория Будущего, изменяемая область генома, которая создает перспективы и связана с определением места и предназначения территории, ее развитием, исполнением миссией бренда территории, стратегиями и реализацией масштабного длительного планирования [11; 29]. Задача всех элементов этой категории – мотивировать и вовлечь ресурсы, как финансовые, так и человеческие, создавать общественные и производственные условия для развития территории: код миссии; идеологический код; код стратегического развития; код позиционирования; бренд код и код коммуникаций.

И, наконец та, категория, которая включает культурный код – это Прошрое, не трансформируемая область генома, которая связана с историческим прошлым территории, ее этнографией, архетипичностью, теми ценностями, в том числе, культурными которые передаются из поколения в поколение: антропологический код; этнографический код; социально-психологический код; архетипический код; ценностный код; Культурный код [21].

Культурный код для любой территории является индивидуальным, он представляет собой совокупность все тех же символов и знаков, отражающих общие черты мировоззрения и менталитета, которые строятся на не трансформируемой исторической основе генома. Путь, который прошла дестинация нашел, как физическое воплощение в объектах наследия, так и в системе традиций, бытовых предпочтений и прочего. Мы говорим о деалектизмах, этимология которых активно изучается и всегда связана с локальными событиями, а также сопряжена с процессами миграции. Отдельно можно отметить присутствию локальных лидеров общественного мнения, авторитетных информационных ресурсах и системе принятых норм [21].

Маркетолог, специалист по психологии Клотер Рапай автор книги «Культурный код. Как мы живем, что покупа-

ем и почему» [11] провел анализ глобализма, как угрозы культурной идентичности. Он писал, что все разнообразие может быть сведено к понятию «планетарная культура». В системе рассуждений автора есть замечание о том, что культурные коды территорий в настоящее время и есть основной сдерживающий глобализацию механизм. Подтверждение такого утверждения может быть найдено даже в поверхностном рассуждении, далеком от научного анализа и не претендующем на него, сравнивающим две российские столицы – Санкт-Петербург и Москву, сам по себе фразеологизм – Культурная столица, уже отражает самостоятельность в восприятии себя жителями Питера. Культурное характеризующее обобщение, содержащее локацию – «девушка с Рублевки», «ребята из Бутово» – это все тот же пример кода, системы атрибутов.

Интересно, что глобальные бренды, реализуя коммуникационные кампании и обращаясь за лояльностью к населению отдельных стран, а иногда даже регионов, используют визуальные решения, тональность, акценты в рекламных материалах, ориентируясь именно на культурный код конкретной территории [12]. В задачу маркетологов входит сохранить в коммуникации принадлежность к единому бренду, но стать «своими» для потребителя из Кореи или Норвегии. Реализация этой задачи полностью лежит в конкуре культурного кода территории.

Культурный код не существует сам по себе и становится явным только благодаря своей причастности к 24 кодам «Генома территорий» и имеет прямую взаимосвязь с экономическими, природными, социально-демографическими и прочими факторами. В таком контексте территория может быть сравнена с человеком, имеющим уникальный опыт и условия проживания, а также генетический код или геном, который передается из поколения в поколение, сохраняет базовые признаки и модернизируется [23]. Территория, ее история и характеристики – константа, люди – изменяемая величина, воздействующая на то, как в настоящий момент выглядит и живет этот конкретный регион.

Голландский исследователь Г. Хофстеде занимался проблемами кросскультурного менеджмента и методом анкетирования фокус-групп выявил специфику восприятия одних и тех же задач, процессов, мероприятий. Все опрашиваемые работали в одной компании, имеющей подразделения в разных странах и регионах, таким образом, организационно привлекались к идентичным манипуляциям, воспринимали себя частью одной структуры, даже система иерархии и управления были одинаковыми, однако, респонденты по-разному реагировали на процессы, проявляя территориальную особенность [30].

Результатом его исследований стала «луковичная диаграмма». Эта метафорическая модель хорошо отражает глубокие слои культурных проявлений. Для нас важно, что каждый из опрошенных, формируя степень важности его участия в рабочих задачах и его комфорт в социуме ориентировался на индивидуальное понимание слов ценностей, ритуалов, героев и символов [5]. Метод Хофстеде, включающий шкалу сравнения позволяет не только проанализировать, оценить и предсказать поведение человека с точки зрения его культурных особенностей, в том числе сформированных кодом территории, но и предлагает решения по корректировке и управлению выбором человека. Как говорилось выше, эти конкретные действия будут располагаться в плоскости управления, организационной деятельности, социальный стратегий и прочего, однако, заметная роль тут будет отведена и коммуникационным инструментам.

Максимальной ресурсностью обладают event технологии, такие характеристики, как ненавязчивость, доходчивость, высокая восприимчивость у аудитории, базовая лояльность участников, возможность завирнуть инфоповод делают процесс реализации содержания культурного кода территории максимально эффективным [31]. Кроме того, диджитализация событийной индустрии сейчас открывает дополнительные возможности. Начавшись, как вынужденная мера, online мероприятия стали самостоятельным инструментом, выбирая между «живыми» и «дистанционными» событиями, организатор получает вариативность в создании эмоционального опыта у аудитории. Выбор в пользу гибридных мероприятий происходит отнюдь не из-за их кажущейся экономичности, поскольку при формировании бюджета возникают новые статьи расходов. Частные и государственные структуры выбирают online из-за его гибкости, возможности предложить тот сервис обеспечения коммуникаций, которого не было в традиционном event и других каналах [22].

Апробация и практика применения

В целом, событие – это концентрированное состояние выразительности того самого набора символов и артефактов, которые соответствуют культурному коду территории. Залогом успешного события является синергия всех его участников вокруг определяющей идеи. Результатом такого действия становится развитие, как эмоционального, практического, эмпирического, творческого или коммуникационного опыта отдельных участников, так и динамика самой территории. Поэтому можно рассматривать событие, как модель развивающегося пространства, где возможна организация процесса управления изменениями в жизни человека и территории [9]. Пространство в таком контексте должно трактоваться не как место, но как смысловая, содержательная компонента. Другими словами – можно определить вектор развития территории и предпринять усилия для его достижения. Самым естественным в этом процессе станет организация события с учетом культурного кода территории. Результативность усилий без учета этого фактора будет минимальной, в свою очередь, если создать общественно-значимую активность, ориентируясь и поддерживая набор локальных паттернов (Самара – город-курорт на Волге, Санкт-Петербург – культурная столица, Екатеринбург – сердце Урала), можно получить дополнительную ценность в глазах аудиторий.

Этот процесс фактически будет выглядеть, как создание культурного кода мероприятия в контексте, котором мы договорились воспринимать это понятие. Для грамотной организации события оптимально использовать матрицу позиционирования, которая получила название 5LP (Five Level Positioning) [17]. На первом базовом уровне выявляется развернутый портрет целевой аудитории территориального бренда, причем сюда будут включаться и те люди, кто уже проживает в конкретном регионе и те, кто потенциально рассматривают его, как притягательную локацию, а также «холодные» аудитории, те, кто через событие получат возможность познакомиться и почувствовать свою с ним идентичность. Именно люди движущая сила всех процессов. Если код территории будет сформулирован и считан правильно, это определит ее дальнейшее развитие. При формировании кода события, в характеристику аудитории мы включим и социально-демографические данные (пол, возраст, национальность, отношение к религии, доход и социальный статус); и образ жизни (активные, домохозяйки и прочее), и их ценности (семья, карьера, независимость и прочее), и собственно отношение к террито-

рии (постоянно проживающие, мигранты, связывающие свою профессиональную деятельность с развитием региона, локальный патриотизм, туристы и заинтересованные в изучении, видящие настоящий профит для себя лично в принадлежности к территории и т.д.) [27].

Следующим уровнем станет рациональный, который позволит ответить на вопрос – что? Что проектируемое событие даст конкретному сегменту целевой аудитории? Есть ли у этого события триггеры для выбранной аудитории? Может ли оно стать безальтернативным для нее?

Если удастся ответить положительно и содержательно на поставленные выше вопросы, то следующий шаг – функциональный уровень, ответит на вопрос – Как это сделать? Место, время, локация и архитектура мероприятия выбираются с учетом первых двух уровней и при отсутствии организационных ошибок, переводят событие на следующую ступень позиционирования.

Эмоциональный уровень содержит ответы на вопрос – Почему? Почему мероприятие запомнится? Почему его можно будет масштабировать? Почему событие станет вирусным? Этот уровень особенно важен тем, что не может быть без содержательным. Мы привлекаем инжиниринг эмоций, как механизм создания удовлетворенности у гостей и участников. Все конструирование впечатленности может и должно быть построено вокруг ценностей и смыслов, которые креативными решениями трансформируются в чувственный опыт. Этой верхней пятой ступенькой становится ценностный уровень, присвоим ему вопрос – Зачем?

Для того что бы теоретические выкладки получили практический образ, приведем буквально два емких, узнаваемых примера. Первый – Олимпийские игры в Сочи. Событие сопровождалось строительством инфраструктурных объектов, мощной информационной поддержкой и государственным административным ресурсом, финансовыми вложениями. Атрибутивный, рациональный, функциональный и даже эмоциональный уровень были учтены и пройдены при организации очень хорошо, что позволило реализовать игры с несомненным успехом. Однако, сама территория не смотря на столь яркое и мощное событие не получила развития, вернее, для объективности нужно сказать, что получила, но кратковременное и не столько объемное, как можно было бы ожидать. Зимние Олимпийские игры не гармонизировались с культурным кодом региона. Сочи и олимпийская деревня не стали «спортивной столицей страны», произошел разрыв смыслов южного курортного города и зимних олимпийских игр. Игры 2014 года сейчас воспринимаются, как разовое и случайное для региона событие, не давшее развития, однако, имевшее к нему потенциал.

Совершенно иной результат имеет Петербургский международный экономический форум, который проводится с 1997 года. Общественная и культурная жизнь Санкт-Петербурга наполнена активностью, он не был и не станет городом одного события, как Канны или Сан-Ремо, но ПМЭФ ежегодно обогащает Питер, дает ему качественную ценность, как ключевой геополитической площадки и это кроме традиционного восприятия «культурной столицы». Успех этого процесса и есть состояние культурного кода территории, реализуемого событием.

По данным, которые объявил Топ-5 Росстат [4], худшими городами стали: Омск, Астрахань, Тольятти, Волгоград, Махачкала.

Лучшими городами стали: Казань, Владивосток, Ярославль, Сургут, Тюмень.

Показательным является, что, например, Казань в 2023 году стала лидером по интенсивности деловых событий:

16 марта – Российский венчурный форум (Казань);
5–7 апреля – Татарстанский международный форум по энергетике и энергоресурсоэффективности (Казань);
24–26 апреля – Международная промышленная выставка «ИННОПРОМ. Центральная Азия» (Ташкент, Узбекистан);

18–20 мая – XIV международный экономический саммит «Россия – Исламский мир: KAZANSUMMIT 2023», RUSSIA HALAL EXPO (Казань);

25–26 мая – Федеральный форум «Производительность 360» (Казань);

14–17 июня – Петербургский международный экономический форум (Санкт-Петербург);

5–8 июля – Международная агропромышленная выставка «Агроволга» (Казань);

10–13 июля – Международная промышленная выставка ИННОПРОМ (Екатеринбург);

18–23 июля – Международный авиационно-космический салон «МАКС-2023» (Жуковский);

14–20 августа – Международный военно-технический форум «Армия-2023» (Московская область);

31 августа – Татарстанский нефтегазохимический форум (Казань);

5–8 сентября – Восточный экономический форум (Владивосток);

20–22 сентября – Международный форум Kazan Digital Week-2023 (Казань);

3–6 октября – XII Петербургский международный газовый форум (Санкт-Петербург);

6–8 декабря – Татарстанский машиностроительный форум (Казань).

Параллельно с деловой активностью, 2023 год был объявлен «Годом национальных культур и традиций», частью реализации которого стали национальный образовательный форум, международная конференция «Векторы и перспективы развития национальной культуры и традиций в контексте традиционных российских ценностей», серия этно праздников и фестивалей и масштабное событие XVI Всероссийская спасская ярмарка. Кроме того, 24 июня традиционно широко отметили в Казани Татарстана отмечают татарский национальный праздник в честь окончания весенних полевых работ – Сабантуй.

Таким образом, Казань реализует свою позицию – лидера региона, имеющего национальный колорит, но открытого другим культурам, открывающего перспективы для развития экспертизы и самореализации.

Владивосток. Город обладает особым статусом, самый восточный город РФ, самый крупный тихоокеанский порт, столица Приморья. Туристическая привлекательность заложена в самой географической точке, дополнительные усилия по созданию масштабных культурных событий не дали бы должный эффект в связи с объективно сложной логистикой, однако позиционируясь исключительно, как географическая точка и город и регион не реализовали бы качественную коммуникацию и значительно потерял бы с точки зрения развития региона [25]. Восточный экономический форум, который проводится с 2015 года значительно повлиял на бренд города, можно говорить о корректировке восприятия с «отдаленного провинциального» в «столица региона».

Еще один из регионов, ставших лидерами по удовлетворенности со стороны жителей и гостей – Тюмень. Стратегия реализации бренда региона фактурно реализована через код мероприятия, в этот раз – ежегодный Промышленно-энергетический форум TNF.

На контрасте можно привести календарь городских мероприятий в Ярославле:

13–20 марта Фестиваль «Джаз над Волгой»; 24 апреля День рождения Алеши Поповича; 6 мая Фестиваль «Мирное небо в Левцово»; 11–15 мая Молодежный фестиваль «Будущее театральной России»; Май Международный музыкальный фестиваль Юрия Башмета; Конец мая X Всероссийский гастрономический фестиваль-конкурс «Великая Ростовская Уха – X веков традиций» Место проведения: г. Ростов, Колхозная площадь; Июнь-июль XIII музыкальный фестиваль «Доброфест»; 1 июля 56-й Всероссийский Некрасовский праздник поэзии; 1–2 июля VIII Фестиваль керамики «Живая глина»; 15 июля Фестиваль «Ярославцы все красавцы»; 29 июля Фестиваль техники путешествий «ТехноTravel-2023»; 18–20 августа XXXI Международный фестиваль искусств «Преображение»; 26 августа Городской пикник «Пир на Волге»; Сентябрь XXIII Международный Волковский фестиваль. Титульным мероприятием бренда Ярославской области является «Пир на Волге», событие проводится уже 8 лет. Вот как организаторы заявляют концепцию события: «Городской пикник «Пир на Волге» – место, где каждый может почувствовать себя по-настоящему счастливым. Сюда приходят с друзьями или всей семьей. Здесь можно попробовать ярославскую кухню и блюда со всех регионов России. Команда «Пир на Волге» умеет удивлять, поэтому вам точно не придется скучать на наших площадках. Еда, музыка, кулинарные шоу, ЗОЖ, спорт, фешн, кино, детские площадки и море креатива».

Таким образом только один регион – Сургут, из вошедших в ТОП-5 по данным Росстата не обладает выраженной реализацией через события, обладающие идентичностью самой дестинации. В то время, как города, признанные худшими реализуют обезличенный формат «Дня города» и фактически не используют инструмент события для визуализации культурного кода территории.

Можно сделать общий вывод о том, что для «запуска» территории через мероприятие, необходимо правильно оценить культурный код; выявить запросы и мотивацию всех сегментов целевых аудиторий; сконструировать гармоничную идею и описать ее в механике; определить коммуникационные каналы и выстроить воронку вовлечения для аудитории. Каждый из шагов-этапов должен сверяться и корректироваться по геному культурного кода. При реализации всех этих условий открывается возможность визуализировать индивидуальный набор характеристик и качеств, которые будут отражать ценность локации, индивидуализировать ее и качественно воздействовать на широкие аудитории, решая задачу по привлечению внимания, ресурсов, человеческого капитала, лояльности и прочего.

Литература

1. Индекс экономического потенциала регионов РФ. (4 квартал 2023 года). ТОП-35. – URL: <http://civilfund.ru/mat/view/151>
2. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259>
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
4. Социально-экономические показатели регионов России//Росстат; обработка «Если быть точным», 2023. Условия использования: Creative Commons BY

- 4.0. – URL: https://tochno.st/datasets/regions_collection
5. Вельцель К. (2019). Рождение свободы / Под ред. Э.Д. Понарина, О.А. Оберемко; пер. с англ. А.В. Лисовского. – М.: ВЦИОМ.
 6. Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Под ред. М.А. Завадской, В.В. Костенко, А.А. Широкаковой; научн. ред. Э.Д. Понарин; пер. с англ. С.Л. Лопатиной. – М.: Мысль.
 7. Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия / Под ред. Ю. Кузнецова; пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство.
 8. Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров. – М., 1996.
 9. Мальковская И.А. Знак коммуникации: дискурсивные матрицы. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
 10. Основы теории межкультурной коммуникации (Электронный ресурс): учеб. пособие / Ж. Багана, Н.И. Дзэнс, Ю.Н. Мельникова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 308 с.
 11. Рапай Клотер. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. – Москва: Альпина Паблишер, 2019.
 12. Тульчинский Г., Терентьева В. Бренд-интегрированный менеджмент. – Москва: Вершина, 2006.
 13. Фомина Н. Русская культура в контексте мировой культуры. Введение в культурологию: Курс лекций, Санкт-Петербург, 2003. – URL: <https://anthropology.ru>
 14. Безуглова Н. П. (2008). Модель четырех параметров культуры Гирта Хофстеда // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 5 С. 29–32.
 15. Букина В.Н. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестник бурятского государственного университета. № 14 (2010). С. 232–237.
 16. Громова Е. И. (2021). Факторы формирования мотивационного репертуара социальной мобильности / Евгения И. Громова, Валерия И. Терентьева//Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – Москва: РГГУ, 2021. – № 2. – С. 80–88.
 17. Громова Е., Герасимова М. IDEA / Конструирование бренда 5LP (Five Level Positioning) // Журнал «Top-Manager», 2007. С. 32–36.
 18. Гурова И.М., Евдокимова С.Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала. // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). № 3 (27) С. 150–159.
 19. Данилова Е., Тарарухина М. (2003). Российская производственная культура в параметрах Г. Хофстеде // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 53–64.
 20. Зинькина Ю. В., Слинко Е.В., Быканова Д.А., Коротаяев А.В. (2018). Динамика ценностей и модернизация: опыт количественного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 21. № 1. С. 44–72.
 21. Изотова Н.Н. Культурный код как объект исследования социально-гуманитарных наук // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 3А. С. 185–191.
 22. Кузнецова Ю.М. (2022) Практики и механизмы презентации коммуникаций в современной России / Коммуникации в условиях цифровой трансформации современного российского общества. (Вып. 2: монография кол. авторов; под ред. В.В. Кафтана. – Москва: КНОРУС.
 23. Ларина А.В., Матвеева М.С. Значение культурных кодов и стереотипов в контексте семиотики медийной туристской рекламы. // Мир науки, культуры, образования. № 4 (77). 2019. С. 445–447.
 24. Латова Н. В. (2016). Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) // Вестник института социологии. Т. 7. № 4. С. 155–179.
 25. Латова Н. В. (2017). Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) // Мир России. Т. 26. № 3. С. 36–63.
 26. Латова Н. В., Латов Ю.В. (2001). Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. № 4. С. 31–43.
 27. Магун В. С., Руднев М.Г. (2008). Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1(93). С. 33–58.
 28. Магун В. С., Руднев М.Г. (2010). Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // Вопросы экономики. № 12. С. 107–130.
 29. Науменко Т. В., Морозова Д.А. (2020). Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов // Международный журнал исследований культуры. № 1. С. 144–154.
 30. Хофстеде Г. (2014). Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур / Пер. с англ. В.Б. Кашкина // Язык, коммуникация и социальная среда. № 12. С. 9–49.
 31. Шварц Ш. (2008). Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / Пер. с англ. Е.А. Валуевой // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 5 № 2. С 37–67.

CULTURAL CODE OF THE EVENT AS A FACTOR OF TERRITORY DEVELOPMENT

Kuznetsova Y.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article attempts to give a reasoned assessment of the possibilities and prospects of effective development of territories, when the strategy of such movement is based on the understanding of unique characteristics, which can be figuratively called the cultural code of the destination. The practice of referring to the event as a mechanic of forming emotional experience and consolidating loyalty through it is analysed. It is proposed to turn the vector of perception, making the event the quintessence of realised values and identity of both the inhabitants of the region under consideration and, in general, the image of the territory in the eyes of a wide audience. The event becomes an expression of a set of symbols and meanings of the cultural code of the territory. For a correct presentation, the variability of the interpretation of terms is revealed, and the experience of studying the cultural code as an element of communication is attracted. Practical recommendations are based on the Five Level Positioning (5LP) matrix. The development of the territory is viewed through the perspective of potential attractiveness, both audience and investment. Individuality becomes the basic element, the region is no longer perceived as an impersonal economic unit, but acquires a qualitative descriptive characteristic visualised through events. To demonstrate the possibilities of the approach, we present and analyse in comparative dynamics the event activity of the regions recognised by Rosstat's research as the most promising and the most depressed. In fact, a simple conclusion is the recognition that ignoring the opportunities to translate the cultural code of the territory through iconic, special events leads to the loss or failure to define a visual interpretation of a set of qualities and characteristics inherent in the region and a missed opportunity for impetus to development.

Keywords: cultural code, territorial development, event, communications.

References

1. Index of economic potential of the regions of the Russian Federation. (Q4 2023). TOP-35. – URL: <http://civilfund.ru/mat/view/151>
2. Information for monitoring the socio-economic situation of the constituent entities of the Russian Federation, Rosstat. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259>
3. On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law of 28.06.2014 No. 172-FZ (as amended on 31.12.2017) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
4. Socio-economic indicators of the regions of Russia//Rosstat; processed "If by't'chnom", 2023. Terms of use: Creative Commons BY 4.0. – URL: https://tochno.st/datasets/regions_collection
5. Welzel K. (2019). *The Birth of Freedom* / Ed. by E.D. Ponarin, O.A. Oberemko; trans. from English by A.V. Lisovsky. – M.: VTsIOM.
6. Inglehart R. (2018). *Cultural Evolution: How Human Motivations Change and How This Changes the World* / Ed. by M.A. Zavadskaya, V.V. Kostenko, A.A. Shirokanova; scientific ed. by E.D. Ponarin; trans. from English by S.L. Lopatina. – M.: Mysl.
7. Inglehart R., Welzel K. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy* / Ed. by Yu. Kuznetsov; trans. from English by M. Korobochkin. M.: Novoe izdatelstvo.
8. Lotman M. Yu. *Inside Thinking Worlds*. – M., 1996.
9. Malkovskaya I.A. *Communication Sign: Discursive Matrices*. – M.: LKI Publishing House, 2008. – 240 p.
10. *Fundamentals of the Theory of Intercultural Communication* (Electronic resource): textbook. manual / J. Bagana, N.I. Dzents, Yu.N. Melnikova. – 2nd ed., reprinted – M.: FLINTA, 2017. – 308 p.
11. Rapaille Clotilde. *Cultural Code: How We Live, What We Buy and Why*. – Moscow: Alpina Publisher, 2019.
12. Tulchinsky G., Terentyeva V. *Brand Integrated Management*. – Moscow: Vershina, 2006.
13. Fomina N. Russian culture in the context of world culture. Introduction to cultural studies: Lecture course, St. Petersburg, 2003. – URL: <https://anthropology.ru>
14. Bezuglova N. P. (2008). Geert Hofstede's model of four parameters of culture // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. No. 5, pp. 29–32.
15. Bukina V.N. On the issue of methodology for studying cultural codes // *Bulletin of the Buryat State University*. No. 14 (2010). pp. 232–237.
16. Gromova E. I. (2021). Factors in the Formation of the Motivational Repertoire of Social Mobility / Evgeniya I. Gromova, Valeria I. Terentyeva // *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism". – Moscow: RSUH, 2021. – No. 2. – P. 80–88.
17. Gromova E., Gerasimova M. IDEA / Designing the 5LP (Five Level Positioning) Brand // *Top-Manager Magazine*, 2007. P. 32–36.
18. Gurova I. M., Evdokimova S. Sh. Theory of Generations as a Tool for Analysis, Formation and Development of Labor Potential. // *World (Modernization. Innovation. Development)*. No. 3 (27) P. 150–159.
19. Danilova E., Tararukhina M. (2003). Russian production culture in the parameters of G. Hofstede // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. No. 3. Pp. 53–64.
20. Zinkina Yu. V., Slinko E.V., Bykanova D.A., Korotaev A.V. (2018). Dynamics of values and modernization: an experience of quantitative analysis // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 21. No. 1. Pp. 44–72.
21. Izotova N.N. Cultural code as an object of research in social and humanitarian sciences // *Culture and civilization*. 2020. Vol. 10. No. 3A. Pp. 185–191.
22. Kuznetsova Yu. M. (2022) Practices and mechanisms of representation of communications in modern Russia / *Communications in the context of digital transformation of modern Russian society*. (Issue 2: monograph by a group of authors; edited by V.V. Kaftan. – Moscow: KNORUS.
23. Larina A.V., Matveeva M.S. The Importance of Cultural Codes and Stereotypes in the Context of Semiotics of Media Tourism Advertising. // *The World of Science, Culture, Education*. No. 4 (77). 2019. Pp. 445–447.
24. Latova N.V. (2016). Cultural Specificity of Russians (Ethnometric Analysis Based on G. Hofstede's Concept) // *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 7. No. 4. Pp. 155–179.
25. Latova N.V. (2017). Industrial Culture of Workers in Modern Russia as an Element of Their Human Capital (Ethnometric Analysis Based on G. Hofstede's Concept) // *The World of Russia*. Vol. 26. No. 3. P. 36–63.
26. Latova N. V., Latov Yu. V. (2001). Russian economic mentality against the global background // *Social sciences and modernity*. No. 4. P. 31–43.
27. Magun V. S., Rudnev M.G. (2008). Life values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries // *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions*. No. 1(93). P. 33–58.
28. Magun V. S., Rudnev M.G. (2010). Basic values of Russians and other Europeans (based on surveys in 2008) // *Voprosy ekonomiki*. No. 12. P. 107–130.
29. Naumenko T. V., Morozova D.A. (2020). Hofstede's Theory of Intercultural Dimensions as a Methodological Basis for Studying Modern Social Processes // *International Journal of Cultural Studies*. No. 1. pp. 144–154.
30. Hofstede G. (2014). *Hofstede's Model in Context: Parameters of Quantitative Characteristics of Cultures* / Translated from English by V.B. Kashkina // *Language, Communication, and Social Environment*. No. 12. pp. 9–49.
31. Schwartz Sh. (2008). *Cultural Value Orientations: Nature and Consequences of National Differences* / Translated from English by E.A. Valueva // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 5, No. 2. pp. 37–67.

Реализация практик социокультурной адаптации трудовых мигрантов: обобщение опыта Владимирской области

Погорелая Светлана Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории, археологии и краеведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

E-mail: pogorelayasvet@yandex.ru

В статье рассматривается проблема социокультурной адаптации трудовых мигрантов. Обобщается опыт взаимодействия с мигрантами в рамках проекта «Спортивные и культурные практики как средство межнациональной интеграции», направленного на улучшение миграционной ситуации в регионе и, в частности, на интеграцию трудовых мигрантов и членов их семей в систему позитивных социальных связей, на формирование доступной для них культурно-образовательной и спортивной среды в г. Владимире и Владимирской области. Уделяется внимание методике организации совместных культурных и спортивных мероприятий с трудовыми мигрантами и членами их семей, в том числе, анализируется опыт проведения Дней культуры стран-доноров на территории Владимирской области.

Ключевые слова: трудовые мигранты, культура, взаимодействие, межкультурная коммуникация.

Трудовая миграция является значимым фактором устойчивого развития ряда регионов РФ. Не является исключением и Владимирская область, для которой миграция давно стала одним из вспомогательных средств для решения актуальных задач в сфере социально-экономического и демографического развития г. Владимира и области, повышения качества жизни населения. Основной поток приезжающих во Владимирскую область – это граждане Таджикистана и Узбекистана [1]. Привлечение трудовых мигрантов позволяет существенно сэкономить временные и финансовые ресурсы города и области. Однако при этом взаимоотношения местного населения с мигрантами осложняются целым рядом проблем, связанных, в первую очередь, со сложностями обустройства на новом месте (что обусловлено особенностями их культуры и спецификой жизненного уклада), с отсутствием у них мотивации к изучению русского языка, истории и культуры «принимающей стороны», к полноценной включенности в жизнь региона и, как результат, с их отчужденностью.

Тем более актуальной видится проблема социокультурной адаптации трудовых мигрантов, их включения в систему позитивных социальных связей. Именно на это нацелены мероприятия проекта «Спортивные и культурные практики как средство межнациональной интеграции», направленного на обеспечение социокультурного взаимодействия с трудовыми мигрантами, создание условий для их адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни регионе. В его осуществлении принимают участие представители администрации, миграционных служб г. Владимира и Владимирской области, руководители НКО, сотрудники и научные работники Владимирского государственного университета.

В конечном итоге и в идеале целью подобных проектов является помощь в создании гармоничной городской среды, которая бы отвечала как запросам трудовых мигрантов, так и потребностям жителей региона. Полноценное долговременное сотрудничество вряд ли возможно без отлаженной межкультурной коммуникации, активного диалога между мигрантами и населением г. Владимира и Владимирской области. Одной из задач проекта стало вовлечение трудовых мигрантов в жизнь города, и не только экономическую, но и культурную, спортивную, знакомство с историей и культурой России и Владимирского края, с укладом жизни и традициями российского народа. В перспективе это, несомненно, будет способствовать установлению взаимопонимания, общей гармонизации отношений.

В рамках проекта было намечено несколько направлений работы, одним из которых стала подготовка и проведение Дней культуры Узбекистана во Владимире. Для создания их концепции, помощи в планировании и реализации конкретных мероприятий были привлечены сотрудники кафедры истории, археологии и краеведения ВлГУ. Все разработки объединяет генеральная идея: наши страны и народы имеют долгий период общей истории, где было плодотворное взаимодействие, взаимообогащение наших культур, общие социально-экономические, спортивные и другие достижения. Об-

щей является и наша победа в Великой Отечественной войне, в которую узбекский народ внес огромный вклад. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, выступая 9 мая 2020 г. на торжественной церемонии, посвященной 75-летию Победы над фашизмом и Дню памяти и почестей, сообщил, что по последним данным, «из Узбекской ССР было мобилизовано на фронт около 1 миллиона 951 тысячи человек, то есть в борьбу против фашизма с оружием в руках вступил каждый третий узбекистанец» [2]. Звания Героя Советского Союза был удостоен 301 представитель Узбекистана, 70 награждены орденом Славы всех трех степеней. Различные боевые награды получили свыше 200 тысяч солдат и офицеров из Узбекистана [3]. Нельзя забывать и о вкладе в победу тружеников тыла, да и всего населения Узбекистана, которое приняло 1,5 миллиона человек из республик, где шла война, в том числе свыше 250 тысяч детей, оказало эвакуированным всестороннюю помощь. «Наш народ дал им кров, окружил любовью и заботой, делился подчас последним куском хлеба, проявив присущий ему высокий гуманизм» [2], – сказал Ш. Мирзиёев. Как и в России, в Узбекистане 9 мая – государственный праздник (День Памяти и Почестей).

Наши народы имеют очень сходную систему идеалов и ценностных ориентиров – об этом говорит даже поверхностный анализ пословиц и поговорок узбекского и русского народов. Поражает обилие точек соприкосновения, общность той вековой народной мудрости, которая в них заключена и которая передавалась из поколения в поколение. Некоторые пословицы полностью совпадают: «Яблоко от яблони недалеко падает»; «Что посеешь – то и пожнешь»; «Друзья познаются в беде»; «Дружного стада и волк боится»; «Семь раз отмерь, один раз отрежь»; «У страха глаза велики»; «Не плюй в колодец, пригодится – воды напиться» (узбекская пословица: «Не плюй в колодец, откуда сам воду пьешь»); «Где тонко, там и рвётся» (узбекская пословица: «Веревка рвётся в тонком месте»), и многие другие [4]. Есть и менее очевидные совпадения (например, русская пословица: «Ученье – свет, а неученье – тьма», узбекская: «Знания – светильник ума»), но почти к каждой русской пословице можно найти близкую по смыслу узбекскую. Всё это свидетельствует о том, что, несмотря на ряд культурных различий между нашими народами, социально одобряемые качества (и, соответственно, черты характера, которые родители стараются воспитать в детях, передать им), у нас во многом совпадают. Это, например, трудолюбие, доброжелательность, готовность помочь (и понимание ценности дружбы), гостеприимство, уважение к знаниям. Одно из заданий проведенной в рамках Дней Узбекистана «Веселой олимпиады» – найти соответствие русским пословицам в узбекском фольклоре.

В рамках подготовки Дней культуры Узбекистана были разработаны совместные спортивно-развлекательные («Всей семьей на старт») и интеллектуальные, культурно-досуговые мероприятия для трудовых мигрантов и членов их семей с привлечением представителей населения города Владимира и области: «Веселая олимпиада» и «Всей семьей за парту». Предложенные вопросы (в «Веселой олимпиаде» они больше касались истории и культуры России в целом и Владимирского края, в частности; во «Всей семьей за парту» – обществознания, географии, русского языка и литературы) ставили целью, разумеется, не проверку знаний трудовых мигрантов и членов их семей, а, скорее, привлечение внимания к значимым событиям российской истории, знакомство с выдающимися государственными деятелями нашей страны и творцами ее культуры. Они были направлены на формирование интереса и уважи-

тельного отношения к культурным достижениям многонационального российского народа.

В ходе работы над сценарием Дней Узбекистана постоянно подчеркивались исторические параллели, моменты сходства и духовного родства наших культур, которые могут стать основой для плодотворного сотрудничества в самых разных сферах.

Например, в вопросе про великого русского полководца, генералиссимуса А.В. Суворова («Олимпиада»), были не только перечислены его военные заслуги (он участвовал в семи крупных войнах, выиграл 60 сражений и не проиграл ни одного; он вошел в военную историю как замечательный стратег, превосходный тактик и мудрый военный наставник; «Наука побеждать» А.В. Суворова – выдающийся памятник русской военной мысли), но и уделено внимание его морально-этическим качествам. В частности, рассматриваются его взгляды на этическую сторону войны – известно, что А.В. Суворов осуждал напрасные убийства, призывал беречь мирных жителей («солдат не разбойник» [5, с. 318], – говорил он). В отличие от многих полководцев, он всегда заботился о вверенных ему солдатах, любил и берёг их. «Чудо-богатыри», – именно так он называл своих солдат.

Точно так же в вопросе об адмирале Ф.Ф. Ушакове («Всей семьей за парту»), русском флотоводце, командующем Черноморским флотом, знаменитом на всём Востоке непобедимом «Ушак-паше» (из 43 морских сражений, которыми он командовал, он не проиграл ни одного; ни один российский корабль под его командованием не был потерян, но один матрос не попал в плен к врагу) подчеркиваются его необыкновенный гуманизм и милосердие. Не случайна столь высокая оценка его деяний Русской православной церковью – флотоводец был канонизирован ею, сначала как местночтимый святой Саранской и Мордовской епархии (2001), а затем как общецерковный святой в лике праведных (2004). Это был первый случай канонизации флотоводца. В «Деяниях о канонизации» адмирала Ф.Ф. Ушакова было сказано: «Сила его христианского духа проявилась не только славными победами в боях за Отечество, но и в великом милосердии, которому изумлялся даже побеждённый им неприятель... милосердие адмирала Феодора Ушакова покрывало всех; он был воистину печальником народных нужд: подчиненных матросов и офицеров, всех страждущих и обездоленных, обращавшихся к нему, и всех освобождённых им за пределами России народов. И всем он благоволит, чем только мог, и народ сторицею платил ему ответной любовью...» [6].

В ходе диалога с залом было подчеркнуто, что это еще одна черта, которая объединяет наши народы: как и россияне, узбеки очень ценят мир, но, когда государству грозит опасность, они могут быть настоящими героями, оставаясь при этом гуманными и милосердными по своей сути людьми. События Великой Отечественной войны и подвиги наших народов – еще одно тому подтверждение.

Общими являются многие из отмечаемых в наших странах государственных праздников (вопрос о них присутствовал в «Олимпиаде»). Некоторые из них являются наследием советского периода, но продолжают праздноваться и сегодня. Другие праздники являются частью нашей новейшей истории, но и они зачастую совпадают. Это, например, такие государственные праздники, как Новый год (отмечается 1 января), Международный женский день (8 марта); День Победы (9 мая; в Узбекистане это День Памяти и Почестей). Кроме того, и в Узбекистане, и в России празднуются День защитника Отечества (в Узбекистане это День защитников Родины), День Независимости, День Конституции.

Обе площадки предполагали «обратную связь» – диалог, обсуждение ответов, вопросы из зала к ведущим.

В свою очередь, узбекская сторона «ответила» прекрасным концертом, на котором были исполнены национальные песни и танцы, а также красочной выставкой национальных костюмов, тканей, предметов быта, что позволило погрузиться в мир узбекской праздничной и повседневной культуры, познакомиться с традициями и обычаями Узбекистана, найдя и здесь множество моментов сходства, родства наших народов, их мировосприятия и мирочувствия, представлений о прекрасном (например, в символике цвета народных костюмов, в традициях гостеприимства и организации праздничного стола, а также во многом другом).

При подведении итогов обеими сторонами было отмечено, что участие в подобных мероприятиях способствует сближению, предполагает радость общения и узнавания друг друга, что очень важно для выстраивания долговременных устойчивых и гармоничных взаимоотношений, что наши культуры – это не только то, что делает нас непохожими друг на друга, уникальными, но при этом интересными друг другу. Наши культуры говорят и о нашем единстве, потому что такие ценности, как любовь, семья, вера, красота, поэтичность пронизывают и традиционную в своих основаниях культуру России, и культуру Узбекистана.

В сентябре 2024 года планируется организация и проведение во Владимире Дней культуры Таджикистана. Организаторы и участники выражают надежду, что реализация подобных проектов будет способствовать обеспечению более успешной интеграции трудовых мигрантов в социокультурную среду г. Владимира и Владимирской области. Подобная работа с мигрантами, вовлечение их в общественную жизнь города и области, привлечение к участию в культурно-досуговых, образовательных, спортивных мероприятиях, профессиональное психологическое и юридическое сопровождение их во время пребывания на территории региона (особенно в начальный, «адаптационный» период) и, в целом, внимание к проблемам, стоящим перед трудовыми мигрантами, будет способствовать установлению долговременных и прочных социально-экономических и культурных связей, поддержанию межнационального и межрелигиозного мира и согласия, профилактике психологических проблем, производственных конфликтов, девиантного поведения в среде мигрантов.

Литература

1. Международная миграция во Владимирской области на 2022–2023 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vmestevladimir.lib33.ru/mezhdunarodnaya-migraciya-vo-vladimirskoj-oblasti-na-2022–2023-gg/> (дата обращения 22.06.2024).
2. Президент: Получены новые данные об участии народа Узбекистана в войне // ГАЗЕТА.UZ от 09.05.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/05/09/data/> (дата обращения 24.06.2024).
3. Ахмедов Х.Т. Вклад Республики Узбекистан в победу над фашизмом // Постсоветские исследования. – Т. 3. № 5 (2020) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-respubliki-uzbekistan-v-pobedu-nad-fashizmom/viewer> (дата обращения 22.06.2024).
4. Узбекские народные пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. – URL: <https://ziyouz.uz/ru/folklor/uzbekskie-narodnye-poslovitsy-i-pogovorki> (дата обращения 20.06.2024).
5. Суворов А.В. Наука побеждать. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 320 с. ISBN 978-5-17-096104-7.
6. Стефанова О.В. Не знавший поражений // Православный паломник. Онлайн журнал, официальное издание Паломнического центра Московского Патриархата. – URL: <https://journalpp.ru/page.php?id=1503> (дата обращения 22.06.2024).

IMPLEMENTATION OF THE PRACTICES OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF MIGRANT WORKERS: GENERALIZATION OF THE EXPERIENCE OF THE VLADIMIR REGION

Pogorelaya S.V.

Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

The article deals with the problem of socio-cultural adaptation of migrant workers. The article summarizes the experience of interaction with migrants within the framework of the project “Sports and cultural practices as a means of interethnic integration”, aimed at improving the migration situation in the region and, in particular, at integrating migrant workers and their family members into the system of positive social ties, at creating an accessible cultural, educational and sports environment in Vladimir and Vladimir region. Attention is paid to the methodology of organizing joint cultural and sports events with migrant workers and their family members, including analyzing the experience of holding Days of Culture of donor countries in the Vladimir region.

Keywords: migrant workers, culture, interaction, intercultural communication.

References

1. International migration in the Vladimir region for 2022–2023 [Electronic resource]. – URL: <https://vmestevladimir.lib33.ru/mezhdunarodnaya-migraciya-vo-vladimirskoj-oblasti-na-2022–2023-gg/> (accessed 06/22/2024).
2. President: New data on the participation of the people of Uzbekistan in the war has been received // GAZETA.UZ dated 05/09/2020 [Electronic resource]. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/05/09/data/> (accessed 06/24/2024).
3. Akhmedov H.T. Contribution of the Republic of Uzbekistan to the victory over fascism // Post-Soviet studies. – Vol. 3. No. 5 (2020) [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-respubliki-uzbekistan-v-pobedu-nad-fashizmom/viewer> (accessed 06/22/2024).
4. Uzbek folk proverbs and sayings [Electronic resource]. – URL: <https://ziyouz.uz/ru/folklor/uzbekskie-narodnye-poslovitsy-i-pogovorki> (accessed 06/22/2024).
5. Suvorov A.V. Science to win. – M.: Publishing House ACT, 2017. – 320 p. ISBN 978-5-17-096104-7.
6. Stefanova O.V. Who did not know defeats // Orthodox pilgrim. Online magazine, the official publication of the Pilgrimage Center of the Moscow Patriarchate. – URL: <https://journalpp.ru/page.php?id=1503> (accessed 06/22/2024).

Диалектная лексика Вятского региона в художественной литературе

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Исследование посвящено изучению лексико-семантической системы диалектных слов Вятского региона методом анализа лексикографических источников, а также структурного и лексико-семантического анализа. Было установлено, что в активном употреблении диалектоносителями сохранились лексемы, обозначающие реалии природы, предметы домашнего обихода, виды деятельности деревенских жителей. Все рассмотренные диалектизмы, относящиеся по частотности к редким или очень редким словам, были проанализированы и систематизированы в три основные категории, на примерах из художественных текстов.

Ключевые слова: вятские говоры, лексико-семантические группы, диалектная лексикография, лексема, художественная литература, частотность слова.

Введение

Любой национальный язык включает в себя как язык литературный, так и национальные диалекты, которые находятся в постоянном взаимовлиянии и взаимодействии. Изучение диалектов является частью историко-филологической дисциплины этнографии, науки о народе, которая изучает не только уклад жизни, быт, способы ведения хозяйства народов, семейный уклад, верования, традиции и ритуалы, но и непременно язык и происхождение той или иной этнической группы, а также устную словесность. Изучение лексико-семантической системы диалектных слов, представляющее несомненный теоретический и практический интерес для исследователей, затрагивает смежные дисциплины – лингвистику, историю и фольклористику и способствует сохранению и продвижению национальных традиций и культуры края. Учение о лексико-семантической системе помогает более разносторонне описать содержательную сторону лексического состава языка со всеми неотъемлемыми категориями и явлениями, а также установить типовые связи и объективно существующие отношения между лексическими единицами [1]. Русский диалектный язык является континуумом, в каждой части которого есть лексемы, объединяющие его с другими диалектными подсистемами, например, диалектизмы соседних регионов, а также могут встречаться уникальные явления, которые и определяют своеобразие того или иного диалекта.

Целью данной исследовательской работы является систематизация диалектизмов Вятского региона, относящихся к обозначению реалий природы, предметов домашнего обихода, уклада деревенской жизни, и выявление степени своеобразия данной лексики в семантическом и словообразовательном отношении.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели автором был применен метод анализа лексикографических источников, а также структурный и лексико-семантический анализ. Лексикографические материалы, используемые в статье, собирались во время диалектологических экспедиций автора в разные районы Вятского региона, включая Республику Татарстан (в период с 2000 года по настоящее время).

В качестве источников были также использованы «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), этимологический словарь Макса Фасмера [3], Малый академический словарь [4], электронный словарь Вятских говоров [5] и другие электронные словари [6, 7], которые применялись для проверки и верификации собранного материала, уточнения значений слов. В данных словарях содержится бесценный лексический материал для исследовательской лингвокраеведческой работы. Примеры употребления лексем в художественной литературе и показатели частотности взяты из Национального корпуса русского языка [2]. Частота (IPM) искомого слова определялась как отношение количества вхождений всех словоформ в Национальном корпусе русского языка, поделённое на объём корпуса и умноженное на миллион. Если $IPM < 1$, слово считается очень редким, частотность низкая. В случае если IPM находится в пре-

делах от 1 до 10, слово считается редким с довольно низкой частотностью. Для нескольких лексем, ввиду их исключительной редкости и вероятности получения ничтожно малых значений, показатели частотности не приводятся.

Результаты и обсуждение

Лексика как объект исследования является многосторонней и проявляется в форме лексико-семантических групп (ЛСГ) внутри семантических полей. ЛСГ можно определить как совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи и имеющих общий основной компонент значения.

Из материалов, собранных автором у жителей Вятского региона, более всего сохранились в активном употреблении диалектоносителями лексемы, связанные с обозначением реалией природы и предметов домашнего обихода, уклада деревенской жизни, характера человека. В ряде случаев представляет сложность установить контекст употребления диалектных слов, что может вызвать сомнения в точности собранной информации. Лексемы, составляющие предмет исследования в данной статье, представлены в предложенной классификации в алфавитном порядке и подразделены на три основные группы.

Лексемы, обозначающие предметы обихода и деревенского быта

Волгльый – влажный, мокрый, сырой, отсыревший, напивавшийся влагой, водянистый. Качественное прилагательное, которое используется как для описания воздуха, так и для описания одежды. Данная лексема имеет низкую частотность (154 примера в 110 текстах, IPM= 0,400588 [2]), её толкование можно найти во многих лексикографических справочниках [3–7]. Самый ранний зафиксированный письменный источник датирован 1885 годом [2], лексема преимущественно встречается в художественной литературе (79,33%) регионального стиля.

Примеры: – *Ты, чаю, сынок, естества студеного и волглого, понеже, что ни услышишь, все выкладываешь и сам с собою болтаешь, а с игрушками у тебя таковы разговоры, что на-поди! – рассмеялась София Фоминишна.* [Д.Л. Мордовцев. Москва слезам не верит (1885)] *Северная Испания – это дикая сырость, в Хихоне сырело все – сумки и ботинки покрывались пятнами, простыни оставались постоянно волглыми.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

Долблѣнка (35 примеров в 25 текстах [2]) – лодка, изготовленная не из досок, как обычно, а из круглого бревна большого диаметра, путём удаления древесины методом долбления, выскабливания, что и объясняет этимологию диалектизма. Долблѣнка отличалась от обычных лодок отсутствием швов, малым весом, хорошими ходовыми качествами и использовалась для рыбной ловли. Примеры из художественной литературы говорят о распространённости лексемы в Зауралье, долблѣнки использовали также буряты, ханты и манси, причём так могли называться и чаши, изготовленные методом долбления древесины. Частотность лексемы низкая (IPM=0,0934704), тексты, содержащие данную лексему, преимущественно относятся к региональному, индивидуально-авторскому и нейтральному стилям, преимущественно в художественной литературе (71,43%).

Примеры: *Мы отдыхали от дневных трудов, говорили об Индии, сквозь прозрачный крест синело мальское озеро, за черной рыбацкой долбленкой тянулся стеклянный след, и яблоки над каменным колодцем были золотые, как в райском саду.* [Л.А. Данилкин. Че-

ловек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова (2007)] – На дне озера также было найдено много вещей XI века (боевые топоры, фрагменты керамики и т.д.).» *Наиболее ценной находкой Скрок считает деревянную лодку-долблѣнку, самый древний памятник польского судостроения.* [А.М. Кондратов. Атлантиды ищите на шельфе (1988)]

Зыбка (291 пример в 153 текстах, IPM=0,77714 [2]) – люлька для младенца в виде плетёной или иной колыбельки, которая крепилась к потолку на пружине. Устраивалась как правило около кровати родителей. Лёгкую зыбку (кузовок) плели из сосновых дранок и подвешивали к оцепу (длинная и крепкая жердь, крепившаяся к потолочной продольной балке). Зыбка имела подножку для качания. Оцеп изготавливали из молодой берёзы, поскольку она хорошо гнётся и обеспечивает мягкое качание, без толчков. Чтобы зыбка не слетела, в верхний брус избы вбивали железное кольцо и вдѣргивали в него оцеп.

Несмотря на то, что существует и другое значение данной лексемы, обозначающее конструкцию рыболовной сети, в Вятском регионе слово используется в первом значении.

Примеры: *Когда Василиса Гордеевна заснёт ночью возле зыбки-то, так я тебя караулил.* [В.Ю. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел (2007)] *Пол-России вышло из зыбки в городские квартирки.* [Родовой дом (2004) // «Народное творчество», 16.02.2004] *На сук дерева, котораго вершину можно довести до отверстия улья, привязывают на веревках четвероугольную зыбку, и приведши съ нею сукъ къ затворк улья, прикр пляють оной тонинькою веревкою.* [И.И. Лепехин. Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1768 и 1769 году (1768–1769)]

В Национальном корпусе русского языка [2] самое раннее упоминание слова «зыбка» встречается в источнике 1768 года. Слово преобладает в художественной литературе (77,93%) регионального, индивидуально-авторского и сниженного стилей.

Кормовѣк – короткое весло, которым управлял лодкой человек, сидящий на корме лодки, производная от слова «корма». В данном значении слово встречается только в произведении А.А. Ливеровского «Журавлиная родина. Рассказы охотника» 1966 года (5 примеров в 1 тексте, IPM=0,0293764 [2]), который в своём литературном творчестве проявлял живой интерес к местным речениям и точным народным словечкам и являлся верным последователем Виталия Бианки. Пример: *Николай Викторович вынул из воды кормовѣк и кивком головы показал вперед.* [А.А. Ливеровский. Журавлиная родина. Рассказы охотника (1966)]

Косоворотка – мужская рубаша, с разрезом (застѣжкой) не по центру, а по краю шеи, часто с незатейливой вышивкой. Косоворотку считают истинно русской одеждой, которую до сих пор носят старообрядцы. Носилась поверх брюк. Согласно определению В.И. Даля, косой ворот обозначает «неравнобежный с тем направлением, о котором идёт речь». Рубаху или сорочку кроили следующим образом: домотканое полотно складывалось пополам, далее выполняли надрез для надевания, к полученному изделию добавляли рукава и подмышечные вставки-ластовицы. Лексема относится к редким, частотность довольно низкая IPM=1,61036, о чём свидетельствуют 603 примера в 407 текстах [2].

Примеры: *Вдруг нечаянно-нежданно Павлу попадает на глаза косоворотка с пояском плетёным и кистями бархатными.* [Дина Гаврилова. Бабье счастье // «Бельские просторы», 2018] *Косоворотка его была рас-*

стегнута, он был здесь другим человеком – гордым и гостеприимным хозяином, смотрел героем и не отводил глаз в сторону. [Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)]

Куфáйка/фуфáйка (22 примера в 17 текстах, IPM=0,0587528 [2]) – предмет демисезонной или зимней верхней одежды для бедных людей. Представляла собой два слоя сатина или другого хлопчатобумажного материала, между которыми находился слой ваты. Слои простегивались. Данный предмет одежды являлся предшественником современных курток из синтетической ткани и синтетической теплоизоляции типа поролона.

Примеры: *Платок и «куфáйка» не шли Марине Михайловне, но она теперь нарочно целыми днями ходила в «затрапезе», словно выражая тем презрение всей нашей убогой деревне.* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)] *На старинных воинов походили и пожилые мужики в ушанках и телогрейках, именуемых здесь «куфáйками».* [Давид Самойлов. Общий дневник (1977–1989)] *Ладный сложением, динамитный темпераментом, щеголеватый (родятся такие, хоть «куфáйку» надень – будет «фирма»), но горожанин полнейший, ни молекулы сельского.* [Ю.Д. Черниченко. Комбайн косит и молотит (1982)] Примечательно, что во всех приведенных примерах из литературных произведений слово взято в кавычки. Слово встречается в художественной литературе (63,64%) регионального, сниженного и индивидуально-авторского стилей.

Лабáз (222 примера в 112 текстах, IPM=1,77594 [2]) – слово имеет несколько схожих значений: навес, сарай для хранения во дворе дома, помост на ветвях дерева для подкарауливания крупного зверя и даже небольшой продовольственный магазин. В Вятском регионе преобладает первое значение, т.е. навес, сарай, хозяйственная постройка во дворе дома. Пример: *Лабáз получилась вроде небольшой избушки без окон, с бревенчатыми стенами.* [Юрий Коваль. Лабáз (1972)]

Лáва – неширокий деревянный мост через маленькую неглубокую речку, использовался в качестве мостков для стирки белья, обычно без перил. Устанавливался ежегодно мужчинами и стоял до очередного ледохода. От данного слова происходит всем известное слово «лавка», так называли и обычные доски, и длинную скамью в виде широкой доски для сидения и лежания, укрепленную неподвижно вдоль стены. Пример: *У нас есть только «лавка», надо вместо большая лавка говорить лава, вместо будка – буда (вроде: дудка – дуда); миска – миса или мис (лис).* [В.Г. Шершеневич. 2×2=5 (1920)]

Частотность данного слова низкая (640 примеров в 375 текстов, IPM=7,00761), а в указанном значении в Национальном корпусе русского языка [2] слово встречается исключительно редко, всего 10 примеров. Примеры: *Никто тут не купается. Через ручей – лава из горбыля. И торчат четыре-пять копыльев, руками перехватываться.* [А.И. Солженицын. Желябугские Выселки (1998)] *Лава перегородила течение этой реки там, где теперь находятся истоки реки Кроноцкой.* [Б. Вронский, Л. Марков. Ушла кокани в море – вернулась неркой // «Техника – молодежи», 1974] *Через ржавую лесную речонку была переброшена шаткая лава.* [Владимир Тендряков. Суд (1960)]

Манáрка – утепленная куртка, жакет, выполненный из плюша или бархата с полукруглым воротником, подбивался ватой. Манарки как правило были чёрного или тёмно-коричневого цвета, при длительном ношении приобретали фиолетовый отлив в результате выцветания. В послевоенные годы манарки считались праздничной выходной одеждой, которую носили только по особым случаям, на демонстрации, на выборы и т.д. После войны

достать их было сложно, манарки продавались по особым спискам передовикам производства, по манаркам в городской толпе можно было безошибочно определить деревенских женщин, приехавших в город по каким-либо делам. С запуском массового производства манарки стали продаваться в каждом сельмаге.

Данную лексему можно найти в Историческом словаре галлицизмов русского языка [6], где её происхождение связывают с французским *manière* (f), а также в Словаре диалектов Базарносызганского района Ульяновской области в аналогичном толковании.

Приведённый пример из художественной литературы содержит описание манарки, но, к сожалению, не содержит самой лексемы: *Примерно после 1870 года в женской моде получил распространение жакет из плюша, сохранившийся в крестьянском быту донине. Жакет из плюша оставался предметом вожделения у деревенских модниц до конца 1950-х годов, и в 1970-е гг. можно было встретить пожилых, явно деревенских женщин, оказавшихся проездом, например, в Москве, одетых в темный плюшевый жакет характерного кроя, сложившийся еще в 1890-е годы, – приталенный, с круглой грудью, небольшим воротником (чтобы удобно было спустить на плечи платок).* [Р.М. Кирсанова. Костюм в русской художественной культуре (1995)]

Мосткú (307 примеров в 222 текстах, IPM=0,82254 [2]) – небольшой (длиной менее двух метров) деревянный настил, нависающий над рекой. Как бы половина (часть) моста. Предназначался для стирки и полоскания белья, ковриков, помывки обуви, ног и рук. Часто при стирке использовалось деревянное ручное приспособление – ребристая колотушка.

В художественной литературе (75,24%) преимущественно используется для стилизации текста, то есть намеренной, явной ориентации автора на стиль, ранее бытовавшей в художественной словесности.

Примеры: *К купальне ведут деревянные мостки, длинные-длинные, шатучие.* [И. Грекова. Фазан (1984)] *Таня в купальном костюме сидела на мостках яхтклуба, свесив ноги.* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

Накидúшка (4 примера в 3 текстах, IPM=0,0213647 [2]) – кусок ткани, например, марли, предназначенный для покрова подушек на кровати. Как правило, это были кружевные или вышитые изделия, украшающие в целом всю кровать. Впоследствии накидушками стали покрывать и другие предметы мебели, а также телевизоры.

Примеры: *Там некоторые места на нарах застелены домашними клетчатыми одеяльцами, а подушки покрыты марлевыми накидушками, вышитыми мережкой.* [Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975–1977)] *Она неотрывно смотрела, как подергивается суставчатое тело стрекозы, разрисованное пятнами в виде позвонков, близко видела желтоватые, будто проклеванные, старые крылья, водившие с упругим шорохом по ручкам телевизора, приподымавшие кружевную накидушку.* [Ольга Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)] *Не бойтесь, не замараете. Тут накидушки есть. Мать сама на мебель накидушки шьёт...* [Николай Коляда. Мурлин Мурло (1989)]

Ути́рка (38 примеров в 21 тексте, IPM=0,101482 [2]) – полотенце, рушник, тряпка, ветошь, пакля для вытирания рук, утиральник [7]. Лексема происходит от глагола «утирать/утираться» и встречается в художественных произведениях классиков русской литературы Ф.М. Достоевского, И.А. Бунина, М.А. Шолохова.

Примеры: *Всё это, конечно же, было уже явным намёком тому, кто тоже так же должен был их обслужить, – он уж стоял полусогнутый и с закаченными глазами*

с ведром и утиркой над изгваздавшимся, матерящимся и отплёвывавшим колбасно-капустные хлопья Яшкой... [Алексей Шепелев. Кгышфт Вшытундф-ТВ (2008) // «Волга», 2011] *Петро сидел рядом с Григорием. Против них махала кружевной утиркой Дарья. На ухабах и кочках рвались голоса, затянувшие песню.* [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928–1940)]

Лексемы, обозначающие черты характера и внешность человека

Бáский – красивый, интересный, привлекательный, классный, используется для описания внешности человека, предмета или места. Очень редкая лексема, в Национальном корпусе русского языка [2] встречается 3 примера в 2 текстах, датированных концом XIX и началом XX века. Тем не менее, в других регионах, например, в Вологодчине, данная лексема является современной и широко употребляемой в значении «классный», «красивый», «замечательный», «привлекательный».

Примеры: «Вот близ пади пчельник поставлю. Место **баское!** Лет для пчелы к ручью близко, и мшаник есть, где поставить». [А.А. Богданов. Тайга разбужена (1925)] *Бурлака мало интересуется природа: видит он **баское** место, да что толку?* [Ф.М. Решетников. Подлиповцы (1864)]

Большекрóмый – желающий большего, думающий масштабно, а также человек ненасытный, алчный, жадный, завистливый, которому сколько не давай, всё мало. Происходит от слова «кром», означающего засыпная ларь, сусек или закром. «*Большой кромой*» называли человека богатого и зажиточного. В данном значении слово также зафиксировано в употреблении жителями Зырянского района Восточного Казахстана, а в Пермском регионе существует выражение «*Фрол большекрóмый*», имеющее негативную коннотацию и употребляющееся для обозначения жадного человека. В обиходе это выражение часто адресуют детям, которые стремятся к единоличному владению каким-либо лакомством и не желают делиться им с собратьями.

Лахúдра – неряшливая, неопрятная, непричесанная женщина, мырма. Всегда используется в негативном контексте в литературном языке и живой речи и является оскорблением для особ женского пола. Упоминание об этой лексеме есть в словаре Макса Фасмера в значении «растрéпа, неряха» [3]. Лексема не уникальна для Вятского региона, встречается также на Тамбовщине («*лакудра*») и в Ярославской области (прилагательное «*лакудрый*», обозначающее худого болезненного человека). Существует версия, что в первоначальном значении *лахудрой* называли женщину с растрéпанными кудрями, не спрятанными под платок или косынку. Про таких женщин в Вятском регионе также говорили «**ходить вразвязку**», то есть с непокрытой головой, без головного убора. Примечательно, что одно из самых ранних упоминаний слова «*лахудра*» в художественной литературе зафиксировано в 1892 году в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Золото» о жизни уральских золотоискателей.

Примеры: – *Опять омманешь, лахудра!.. – ругался Ермошка, приходя в отчаяние от живучести Дарьи.* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)] *Иная лахудра, бабище, облезлая кошка, сует к губам лапу, а он, по старой памяти – чмок!* [О.Э. Мандельштам. Египетская марка (1927)]

Лексема не теряет своей актуальности, встречается преимущественно в художественной литературе (87,72%) в текстах сниженного, регионального и индивидуально-авторского стилей. Национальный корпус русского языка насчитывает 114 примеров в 71 тексте, IPM=0,301776 [2].

Шишúга – нерасторопная, суетливая женщина. Согласно древней славянской мифологии «*шишигами лесными*» называли маленьких горбатых и хвостатых существ, обитающих в камышах, нечто среднее между водяным и кикиморой. Пример: *Тема нашего сегодняшнего урока: «Кикиморы и шишиги».* *Вначале о шишигах. Они известны лопухоидам с древнейших времен и испортили им немало крови...* [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)] Лексема имеет низкую частотность (106 примеров в 37 текстах, IPM=0,280411 [2]), а в вышеупомянутом значении лексема встречается крайне редко – всего 4 примера в Национальном корпусе русского языка в художественных произведениях (89,52%), описывающих провинциальную деревенскую жизнь.

Пример: «*Прямо как шишига какая*», – *говорила бабушка о неугомонном человеке, не умеющем и минутки посидеть спокойно.* [Руслан Киреев. Шишига // Библиотека «Огонек», 1989] *Есть у тебя дети-то, у шишиги?* [Г.И. Успенский. Наблюдения одного лентяя (Очерки провинциальной жизни) / Из цикла «Разоренье» (1871)]

Глагольные лексемы, обозначающие действия человека

Выхворать – переболеть, перенести заболевание (2 примера в 2 текстах [2]). Зафиксирован в толковом словаре В.И. Даля вместе с однокоренным глаголом «**выхвáрывать**» в значении «прохворать несколько времени; похворав оправиться». Примеры: *Легче бы хворость какую лютую **выхворал**, ничем это дело.* [И.Ф. Горбунов. На большой дороге. Сцены из народного быта (1863)] *Шесть недель опосля этого я **выхворал**: все волосья по-вылезли, разов пять отчитывали, на силу на ноги поставили.* [И.Ф. Горбунов. Лес. Сцены из народного быта (1861)]

Кожúлиться – прилагать большие усилия, тужиться, напрягаться, выполнять тяжёлую работу, надрываться. Данный диалектизм также распространён в Свердловской области и используется для обозначения действия, выполняемого с напряжением и надрывом. Например: «*Он не поёт, а натужно **кожилится***». В художественной литературе данная лексема встречается исключительно редко – всего 5 примеров в 5 текстах [2]: – *И выдал назидание: – Поставила б мужикам бутылку и не **кожилилась** бы.* [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)] *Наливай, чорт, рыжа маковка! – кричат то здесь, то там. Приказчик **кожилится**, штопором вытаскивая пробки. Свету много.* [В.Я. Шишков. Ватага (1923)]

Оболокáться (разболокáться) – одеваться (раздеваться). Данные глаголы достаточно редкие (*оболокаться* – 11 примеров в 11 текстах, IPM=0,0293764, *разболокаться* – 11 примеров в 9 текстах, IPM=0,0293764 [2]), несмотря на то что в современном русском языке существует много однокоренных слов, таких как *оболочка, облекаться, облачаться, облачение, заволок, волок, подволок* и т.д. Глагол **разболокáться** встречается в академическом орфографическом словаре без объяснения лексического значения и в этимологическом словаре Макса Фасмера в значении «раздеваться» [3]. Примечательно, что данные глагольные лексемы преимущественно встречаются в художественных текстах (90,91%), написанных в период с 1928 по 1979 годы.

Примеры: *По свистку обязаны немедленно вставать, умываться и **оболокаться**, а как только отворят дверь, выходить на двор и строиться.* [П.Ф. Якубович. В мире отверженных. Том 1 // «Русское богатство», 1896] *Только-только начали мы оба-два **разболокаться**, чтобы и амуницию, пропахшую потом и назьмом, замочить в корыте, как видим: из-за клуба вывернули и явно к нам спускаются люди военного вида.* [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)]

Выкобениваться (26 примеров в 25 текстах, IPM=0,0694352 [2]) – изображать из себя что-то, рисоваться, выпендриваться. Данный глагол, происходящий от глагола «кобениться», зафиксирован в словаре известного лингвиста и лексикографа Сергея Ивановича Ожегова и имеет иное значение – ломаться, упорствовать, не соглашаться на уговоры, просьбы. С.И. Ожегов относит глагол к просторечным словам. Более схожее значение к вышеупомянутому имеет данный глагол в интерпретации лингвистов Дмитрия Николаевича Ушакова и Сергея Александровича Кузнецова, авторов и редакторов основных толковых словарей русского языка, а именно – рисоваться, кривляться, заставляя упрощать себя. В «Малом академическом словаре» под редакцией А.П. Евгеньевой [4] глагол «кобениться» означает «совершать странные телодвижения, кривляться, строить ужимки и гримасы», при этом данное значение является устаревшим, что свидетельствует о произошедшем семантическом сдвиге.

Примеры в художественных текстах (88,46%) представлены произведениями, написанными в сниженном, индивидуально-авторском и нейтральном стилях: *Открой дверь, у меня нет времени с тобой языком чесать. Выкобениваешься тут.* [Владимир Панкратов. Шестое января, вторник // «Волга», 2015] *Они мне просто мешают, но не урок вести мешают, а мешают перед собственным начальством выкобениваться, потому что оно – такое же, как вы, только навыворот...* [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]

Еле можаху – находиться в состоянии сильного опьянения, передвигаться с трудом, делать что-либо очень медленно. В Вятском регионе можно встретить также вариацию данного выражения – «**еле можахом**». Данная лексема не является глагольной, но всегда употребляется с глаголами движения, по данной причине она отнесена к данной категории. Значение данного выражения, которое употреблялось в шуточной форме, присутствует в словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой [4]. В Национальном корпусе русского языка [2] упоминания об этом выражении не встречается, поэтому частотность определить невозможно. Примеры из литературных источников: *Зять добирался ночевать еле можаху, в сапогах и грязной спецовке валился поперёк кровати, но долго не засыпал, и его почему-то приводили в бешенство глаза девочки, хмурые, не улыбочивые, которые она не хотела прятать.* [Евгения Левачковская, Нейтральной полосой нет, 1977] *Вернувшись домой только в шесть часов утра, «еле можаху», он, не раздеваясь, растянулся на старом клеенчатом диване и теперь лежал в расстегнутой куцей визитке табачного цвета, в смятых панталонах и в одном сапоге.* [Мамин-Сибиряк Д.Н., Приваловские миллионы, 1883]

Пожамкать (7 примеров в 7 текстах, IPM=0,0186941 [2]) – перемешать, помять, пожевать, поесть, а также слегка простирнуть вещь вручную. Приведенные примеры из художественных текстов (85,71%) свидетельствуют о применении данной лексемы в сниженной просторечной лексике.

Примеры: – *Ты что, пампа Гриша, эстетично мачеданы носить не можешь? Всю рыбу пожамкаешь! Не мужик, а жумик!* [Владимир Вещунов. Пережат // «Дальний Восток», 2019] *Пожамканное морщинистое личико, а уж боро денка-то...* [Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)]

В нехудожественных текстах (14,29%) слово может быть взято в кавычки. Пример: *Салат мелко нарезать, полить лимонным соком, перемешать (если капуста, то ее надо «пожамкать»).* [Форум: Салаты (2011)]

Заключение

На основании проведённого исследования можно сделать вывод, что все изученные лексемы, диалектизмы Вятского региона, относятся к очень редким или редким словам с низкой или довольно низкой частотностью, встречаются преимущественно в художественных текстах (от 63 до 91%) регионального, сниженного, индивидуально-авторского или реже нейтрального стилей, а также для достижения определённой художественной цели путём стилизации текста. Проанализированные лексемы были подразделены автором на три основные категории, обозначающие предметы быта и деревенского быта, черты человеческого характера и описание внешности человека, а также глагольные лексемы, описывающие действия человека. Следует отметить, что в каждой категории ощущается та или иная степень присутствия жизненно важной для региона реки Вятки и связанных с ней видов деятельности человека, таких, как рыбная ловля, судоходство, лесосплав, полив огорода, стирка белья. Образы мифологических существ из народного фольклора региона также неразрывно связаны с водной стихией. Категории лексем, обозначающих бытовые предметы и одежду, тесно переплетаются с глагольными лексемами, поскольку и те, и другие свидетельствуют о сложных, зачастую неустроенных условиях быта, скромных доходах или отсутствии материального достатка деревенских жителей, тяжёлом физическом труде. Следует отметить, что с точки зрения автора, наиболее яркими, ёмкими и точными по значению являются лексемы, описывающие внешность и характер человека, многие из них не утратили своей актуальности и используются и по сей день, придавая речи неповторимый национальный колорит.

Литература

1. Жданова Е.А. Своеобразие ландшафтной и метеорологической лексики русских говоров Удмуртии // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 66–74. DOI: 10.22213/2618-9763-2023-1-66-74
2. Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения 18.06.2024)
3. Zhdanova E.A. [The peculiarity of landscape and meteorological vocabulary of Russian dialects of Udmurtia]. *Social'no-ekonomičeskoe upravlenie: teoriâ i praktika*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 66–74 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2023-1-66-74.
4. National Corpora of Russian Language <https://ruscorpora.ru/> (Date of access 18.06.2024)
5. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, Издательство «Прогресс», 1986. – 832 с.
6. Словарь русского языка в 4 томах (Малый академический словарь) / РАН, Институт лингвистических исследований. Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999 (электронная версия).
7. Электронный словарь Вятских говоров <https://govori.vyatsu.ru/#/index> (Дата обращения 17.06.2024)
8. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М.: Словарное издательство ЭТС http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm. Николай Иванович Епишкин epishkinni@mail.ru. 2010.
9. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. 11-е издание, переработанное и дополненное. М.: Издательство «Русский язык», 2001. – 568 с.

10. Fasmer Max. Etymological Dictionary of Russian Language. Volume 3. Moscow, Editing House "Progress", 1986. – 832 p.
11. Russian Language Dictionary in 4 volumes (Short Academic Glossary) / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies. Under the editorship of A.P. Evgenyeva. – 4th edition, – Moscow: Russian Language, Polygraphresources, (electronic version).
12. Electronic Dictionary of Vyatkian Subdialects <https://govori.vyatsu.ru/#/index> (Date of access 17.06.2024)
13. Historical Dictionary of Gallicisms of Russian Language. – Moscow: Lexicographic Editing House ETS http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm. Nikolay Ivanovich Epishkin epishkinni@mail.ru. 2010.
14. Aleksandrova Z.E. Dictionary of Russian Language Synonyms. 11th edition, revised and enlarged. Moscow: Editing House «Russian Language», 2001. – 568 p.

DIALECT LEXIS OF VYATKIAN REGION IN GENERAL FICTION

Sokolova A.G.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The present research is focused on the study of the lexical and semantic system of dialect words of the Vyatka Region by analyzing lexicographic sources, as well as by structural and lexical and semantic analysis. The study revealed that the lexemes denoting the realities of nature, household items and human activities were preserved in active use by the dialect speakers. All the researched dialect words, belonging to rare or very rare words in terms of frequency, were analyzed and systematized into three categories and exemplified by the general fiction texts.

Keywords: Vyatkian sub-dialect, lexical and semantic groups, dialect lexicography lexical unit, general fiction, word frequency count.

References

1. Zhdanova E.A. Originality of landscape and meteorological vocabulary of Russian dialects of Udmurtia // Socio-economic

- management: theory and practice. 2023. T. 19, No. 1. P. 66–74. DOI: 10.22213/2618-9763-2023-1-66-74
2. National Corpus of the Russian Language <https://ruscorpora.ru/> (Date of access: 06/18/2024)
3. Zhdanova E.A. [The peculiarity of landscape and meteorological vocabulary of Russian dialects of Udmurtia]. Social'no-ekonomičeskoe upravlenie: teoriâ i praktika, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 66–74 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2023-1-66-74.
4. National Corpora of Russian Language <https://ruscorpora.ru/> (Date of access 06/18/2024)
5. Vasmer Max. Etymological dictionary of the Russian language. Volume 3. Moscow, Progress Publishing House, 1986. – 832 p.
6. Dictionary of the Russian language in 4 volumes (Small Academic Dictionary) / RAS, Institute of Linguistic Research. Ed. A.P. Evgenieva. – 4th ed., erased. – M.: Russian language, Polygraph resources, 1999 (electronic version).
7. Electronic dictionary of Vyatka dialects <https://govori.vyatsu.ru/#/index> (Date of access: 06/17/2024)
8. Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language. – M.: Dictionary publishing house ETS http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm. Nikolai Ivanovich Epishkin epishkinni@mail.ru. 2010.
9. Aleksandrova Z.E. Dictionary of synonyms of the Russian language. 11th edition, revised and expanded. M.: Publishing house "Russian language", 2001. – 568 p.
10. Fasmer Max. Etymological Dictionary of Russian Language. Volume 3. Moscow, Editing House "Progress", 1986. – 832 p.
11. Russian Language Dictionary in 4 volumes (Short Academic Glossary) / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies. Under the editorship of A.P. Evgenyeva. – 4th edition, – Moscow: Russian Language, Polygraphresources, (electronic version).
12. Electronic Dictionary of Vyatkian Subdialects <https://govori.vyatsu.ru/#/index> (Date of access 06/17/2024)
13. Historical Dictionary of Gallicisms of Russian Language. – Moscow: Lexicographic Editing House ETS http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm. Nikolay Ivanovich Epishkin epishkinni@mail.ru. 2010.
14. Aleksandrova Z.E. Dictionary of Russian Language Synonyms. 11th edition, revised and enlarged. Moscow: Editing House "Russian Language", 2001. – 568 p.

Хэ Кайсянь,

бакалавр 4 курса, Гуманитарный институт, СПбПУ
E-mail: 3307527287@qq.com

В статье рассматривается трансформационная роль новых медиа как инструмента коммуникации для институтов Конфуция. В эпоху технологического прогресса традиционные институты сталкиваются с проблемой адаптации к меняющимся потребностям и предпочтениям своей аудитории. Институты Конфуция, созданные по всему миру для распространения китайского языка и культуры, находятся на пересечении традиций и современности и ищут инновационные подходы для вовлечения различных сообществ. В данной статье на основе широкого обзора литературы и собственного контент-анализа рассматривается трансформационный потенциал новых медиа-платформ для совершенствования коммуникационных стратегий институтов Конфуция. Кроме того, в работе рассматриваются уникальные возможности и проблемы, связанные с использованием новых медиаканалов, включая вопросы, связанные с культурной репрезентацией, вовлечением аудитории и цифровой грамотностью. Благодаря выявлению взаимосвязи между новыми медиа и коммуникационными практиками в Институтах Конфуция, данная статья способствует более глубокому пониманию того, как эти учреждения могут эффективно использовать современные коммуникационные ландшафты для содействия межкультурному взаимопониманию.

Ключевые слова: новые медиа, Институты Конфуция, китайский язык, образовательные учреждения, культурный обмен, социальные медиа, кросс-культурное понимание, глобальное образование.

Пересечение технологий и культуры в открыло новую эру взаимодействия и обмена информацией. Центральное место в этом явлении занимает появление новых медиаплатформ как преобразующих инструментов для коммуникации и распространения культуры. На фоне этой активной среды институты Конфуция, созданные по всему миру для продвижения китайского языка и культуры, представляют собой заметные организации, ориентирующиеся в сложностях современных коммуникационных ландшафтов. Эти институты служат проводниками межкультурного обмена, способствуя взаимопониманию и сотрудничеству между Китаем и остальным миром.

Цель данного исследования – изучить роль новых медиа как инструмента коммуникации для Институтов Конфуция. Рассматривая взаимосвязь между технологиями и образованием, данное исследование стремится прояснить, как Институты Конфуция используют новые медиаплатформы для улучшения своих коммуникационных стратегий, привлечения разнообразной аудитории и содействия культурному и языковому обмену. Благодаря всестороннему изучению соответствующей литературы и проведенного контент-анализа данное исследование призвано дать представление о возможностях и проблемах, предоставляемых новыми медиа-каналами в контексте институтов Конфуция.

Институт Конфуция широко использует массовые коммуникации для более широкого межкультурного взаимодействия. Деятельность Института Конфуция освещается в местных средствах массовой информации посредством рекламы на ТВ и в интернете. Средства массовой информации Института Конфуция можно разделить на две категории:

- Внутренние средства массовой информации Китая;
- Средства массовой информации стран, в которых расположены Институты Конфуция.

Институты Конфуция по всему миру используют межличностные коммуникации для привлечения аудитории, и в то же время сотрудничают с местными СМИ для совместного производства некоторых обучающих программ на китайском языке в качестве рекламы и точки входа в изучение китайского языка. Во время китайского фестиваля 2019 года знания о китайской культуре распространялись через площадку Института Конфуция. Каждый год количество публикаций увеличивалось во время Китайского Нового года, Праздника середины осени. Также активно освещались другие мероприятия Института Конфуция.

Прочие средства массовой информации Института Конфуция в КНР включают в себя официальный сайт Института Конфуция Ханьбань, а также крупные китайские средства массовой информации, такие как People's Daily Online, Global News, Guangming Daily.

Для укрепления связей с средствами массовой информации стран присутствия Института, в каждом отделении присутствует специалист по связям с общественностью, отвечающий за внешние связи.

В Институте Конфуция в Китае задействованы три основные официальные платформы социальных сетей: WeChat, Weibo и Douyin.

Среди этих трех типов платформ социальных сетей больше всего аккаунтов Института Конфуция имеют

на платформе мессенджера WeChat. В ходе анализа результатов поиска по ключевым словам «Институт Конфуция» была найдены 61 учетная запись в мессенджере Wechat.

Среди них 50 аккаунтов, прошедших официальную верификацию WeChat, из них 1 учетная запись – профиль головного офиса Института Конфуция (Ханьбань). То есть всего существует 49 официальных учетных записей WeChat Институтов Конфуция помимо профиля самого головного офиса Института. В ходе аналогичного анализа социальной сети Douyin (TikTok) были найдены 90 учетных записей Института. Всего существует 73 учетных записи на Weibo по ключевому слову «Институт Конфуция» Из них 40 – это учетные записи различных отделений Института, два из них официально верифицированные аккаунты Weibo, один из которых – это аккаунт головного офиса Института Конфуция, а другой – это общий аккаунт Института Конфуция (рис. 1).

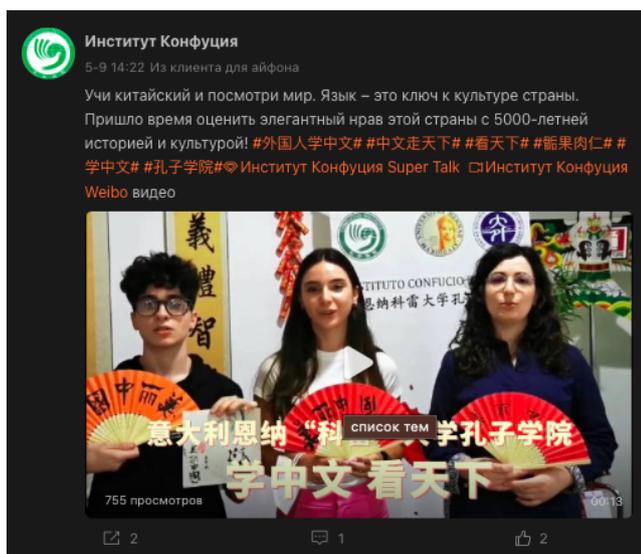

Рис. 1. Скриншот из аккаунта Института Конфуция в Weibo

Источник: Институт Конфуция в Weibo. URL.: <https://weibo.com/kongzixueyuanzongbu> (дата обращения: 10.01.2024)

В своих социальных сетях учреждение публикуют анонсы грядущих мероприятий, делится интересными фактами о китайском языке и культуре, проводит конкурсы среди пользователей. В китайских социальных сетях освещение деятельности институтов Конфуция в средствах массовой информации в основном сосредоточено на следующих аспектах

1. Институт Конфуция публикует информацию о различных мероприятиях и проектах в китайских социальных сетях, таких как преподавание китайского языка, культурные обмены и художественные представления. Эта информация может привлечь больше людей к участию в деятельности Института Конфуция, и в то же время она также может улучшить понимание людьми китайской культуры.

2. Институт Конфуция публикует информацию об изучении китайского языка в китайских социальных сетях, такую как учебники китайского языка, экзамены по китайскому языку и т.д. Эта информация может помочь большему числу людей изучать китайский язык и улучшить свой уровень владения китайским языком.

3. Институт Конфуция публикует различную информацию о китайской культуре в китайских социальных сетях, такую как традиционные китайские фестивали, китайская история и китайская литература. Эта информация может помочь большему количеству людей понять

китайскую культуру и расширить культурные обмены между Китаем и Соединенными Штатами.

4. Институты Конфуция публикуют информацию о зарубежных разработках институтов Конфуция в китайских социальных сетях, такую как количество, распределение, партнеры и т.д. институтов Конфуция. Эта информация может показать достижения институтов Конфуция в интернационализации, и в то же время она также может привлечь больше людей к участию в интернационализации институтов Конфуция.

Можно сказать, что освещение деятельности институтов Конфуция в зарубежных социальных сетях в средствах массовой информации очень обширно. Освещение деятельности институтов Конфуция в зарубежных социальных сетях в основном сосредоточено на следующих аспектах.

1. Официальный сайт Института Конфуция. Институт Конфуция имеет свой собственный официальный сайт за рубежом. На веб-сайте публикуется большое количество новостей, мероприятий, курсов и другой информации. Эта информация также будет пересылаться и распространяться пользователями в социальных сетях.

2. Платформы (Facebook, Instagram). Институты Конфуция также имеют свои собственные аккаунты в социальных сетях за рубежом, такие как Facebook, Twitter, Instagram, и на этих платформах публикуют информацию, взаимодействуют с пользователями и обмениваются фотографиями и видео.

3. Сообщения СМИ: Институт Конфуция также привлекает внимание средств массовой информации и репортажей за рубежом. Эти репортажи в основном касаются деятельности, курсов, культурных обменов и других аспектов Института Конфуция.

Аккаунты в социальных сетях, открытые Институтом Конфуция за границей, служат окном для международной аудитории для продвижения Института Конфуция. Однако в ходе анализа поисковых результатов в русскоязычном мессенджере Telegram по запросу «Институт Конфуция» было найдено только 4 аккаунта. Это аккаунты Института Конфуция при ДВФУ, аккаунты Института при РГГУ, ВГСПУ, а также Институт Конфуция в Иркутске.

Штаб-квартира Hanban еще не создала соответствующий аккаунт в зарубежных социальных сетях, но существуют некоторые неофициальные сообщества, связанные с Институтом Конфуция. На Instagram и Youtube еще меньше учетных записей в социальных сетях – все эти учетные записи находятся в ведении Института Конфуция.

Вообще говоря, работа учетных записей социальных сетей китайских Институтов Конфуция отличается от работы учетных записей социальных сетей зарубежных Институтов Конфуция.

Китайские аккаунты обладают намного большей аудиторией и наполненностью контентом, также они находятся под более четким контролем головного офиса Института Конфуция.

Как новый тип средств массовой информации, опирающийся на интернет-платформу и использующий новые сетевые технологии для достижения развития, социальные сети являются посредником в распространении информации для широкой аудитории и взаимодействии с ней.

По сравнению с традиционными СМИ, новые предоставляют все большую интерактивность и вовлеченность, разнообразие информации для любой целевой аудитории. В то же время эти характеристики также могут быть преобразованы в преимущества зарубежных Институтов Конфуция, использующих социальные сети

для культурной коммуникации. Можно сказать, что открытость является основой социальных сетей. Она в основном отражается в двух аспектах. Одним из них являются более доступные и открытые коммуникации.

С точки зрения массовой коммуникации, социальные сети приобрели такую характеристику как открытость, что отличает их от традиционных средств массовой информации. Социальные сети не ограничиваются только авторитетным полем, у них практически нет границ и преград, нужны лишь компьютер и доступ в Интернет, Вы можете бесплатно стать создателем контента, а любой пользователь сети может стать популярным в Интернете. Используя любое программное обеспечение для поиска, можно найти любую нужную информацию.

Электронные устройства, подключенные к Интернету, могут стать инструментами для генерирования информации. Открытость процесса коммуникации в социальных сетях означает, что любая организация или физическое лицо может создать собственный медиа-аккаунт в Интернете, общедоступную платформу или форум, так что за границей Института Конфуция могут создавать собственные учетные записи в соответствующих социальных сетях.

Сочетание традиционной китайской культуры и современных технологий используется для распространения китайской культуры, как традиционной, так и современной.

Можно сказать, что эффект «бренда» Института Конфуция, низкий порог вхождения в социальные сети могут способствовать продвижению Института за рубежом. Коммуникации в социальных сетях позволяют зарубежным институтам Конфуция выполнить поставленные Институту задачи по распространению китайского языка и культуры.

Возможность оперативно разместить нужную информацию в соцсетях удобна для аккаунтов Института Конфуция, которые могут информировать свою целевую аудиторию о мероприятиях, например, о конкурсах, открытых лекциях, семинарах и т.д. Это позволяет экономить время и силы обеспечить эффективную коммуникацию. Кроме того, это позволит аккаунтам получать самую свежую информацию из главного офиса Института, сосредоточиться на распространении по настоящему нужной и актуальной информации.

Примечателен пример того, как во время пандемии, аккаунт WeChat штаб-квартиры Института Конфуция неоднократно размещал сообщения с поддержкой населения КНР.

Можно сказать, что интерактивность является важнейшей чертой медиакommunikаций в эпоху Интернета. Пользователь может отправить свой собственный отзыв в личные сообщения, а также прокомментировать публикации, ставить отметки «нравится».

В сетях, как Weibo, WeChat или иностранный Facebook, Instagram, пользователи могут нажать отметку «Нравится» и оставить комментарии, чтобы выразить свое мнение о деятельности и преподавании каждого Института Конфуция. Возьмем в качестве примера Weibo штаб-квартиры Института Конфуция.

Институт Конфуция часто сталкивается с такой трудностью как перегруженность телефонной линии колл-центра. Социальные сети позволяют снизить эту нагрузку и позволяют аккумулировать вопросы и пожелания от студентов или желающих обучаться в Институте и своевременно и оперативно отвечать на них.

Открытость Интернета позволяет каждому быть создателем и распространителем контента, не все веб-сайты требуют аутентификации по реальному имени. С одной стороны, эта анонимность удовлетворяет потребо-

сти некоторых пользователей более свободно и легко делиться своей жизнью в Интернете.

С другой стороны, это также приводит к снижению достоверности и авторитета интернет-новостей, что заставляет пользователей сети искать информацию, которую приходится тщательно проверять.

С момента создания Института Конфуция мнение об этой организации было неоднозначным. Американские СМИ пишут о Институте Конфуция довольно широко, и мнения разделяются. Некоторые СМИ отмечают, что Институт Конфуция является важным инструментом для продвижения китайской культуры и языка в США, а также для укрепления культурных связей между Китаем и США. Они отмечают, что Институт Конфуция предоставляет возможность американским студентам изучать китайский язык и культуру, а также участвовать в культурных мероприятиях, таких как фестивали, концерты и выставки¹.

Однако другие СМИ критикуют Институт Конфуция за то, что он является инструментом китайской пропаганды и вмешательства во внутренние дела США. Они отмечают, что Институт Конфуция финансируется китайским правительством и имеет связи с китайскими властями, что может привести к цензуре и ограничению свободы слова на кампусах университетов, где расположены Институты Конфуция². Такие новости об Институте имеют оттенок предвзятости и полны негатива и антикитайской риторики, что заставляет жителей стран Запада составить соответствующее мнение об Институте Конфуция.

Такая дезинформация влечет за собой неправильное понимание работы Института Конфуция. Аккаунты в социальных сетях в данном случае должны осуществлять функцию «витрины» и давать активную обратную связь, проводить активную работу в соцсетях по продвижению Института, чтобы заработать положительную репутацию за рубежом.

Способность средств массовой информации к свободному самовыражению изменила нынешнюю модель массовой коммуникации и Институт Конфуция.

Заключение

Исследование новых медиа как инструмента коммуникации для Института Конфуция показало, что эти институты могут извлечь большую выгоду из использования различных новых медиа-платформ для охвата своей целевой аудитории.

Использование социальных сетей, онлайн-видео и мобильных приложений может помочь повысить узнаваемость и доступность Института Конфуция, а также обеспечить более интерактивный и привлекательный опыт для пользователей.

Однако важно отметить, что эффективность новых медиа как инструмента коммуникации для Института Конфуция будет зависеть от различных факторов, таких как качество контента, целевая аудитория и уровень вовлеченности.

¹ Naima Green-Riley. The State Department labeled China's Confucius programs a bad influence on U.S. students. What's the story? The Washington Post. Aug. 2020. URL.: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/08/24/state-department-labeled-chinas-confucius-programs-bad-influence-us-students-whats-story/> (дата обращения: 10.01.2024)

² Marshall Sahlins. Confucius Institutes: Academic Malware and Cold Warfare. Inside Higher Ed. July 2018. URL.: <https://www.insidehighered.com/views/2018/07/26/confucius-institutes-function-propaganda-arms-chinese-government-opinion> (дата обращения: 10.01.2024)

Поэтому Институтам Конфуция рекомендуется разработать всеобъемлющую новую медиа-стратегию, учитывая эти факторы и адаптированную к их конкретным потребностям и целям. В целом, исследование показывает, что новые медиа могут стать ценным инструментом для Институтов Конфуция в продвижении китайского языка и культуры и расширении их глобального присутствия.

Литература

1. Баранова Е.А. Этапы развития процесса медиа-конвергенции (в попытках описать глобальные изменения в развитии сми с 1990–2015 гг.) // Коммунология. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-protssessa-mediakonvergensii-v-popytkah-opisat-globalnye-izmeneniya-v-razviti-smi-s-1990-2015-gg> (дата обращения: 22.10.2022)
2. Вартанова Е.Л. Медиаиндустрия и конвергенция // Интернет-СМИ: Теория и практика / под ред. М.М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010.
3. Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество, 1999, вып. 5, с. 11
4. Гиллин П. Новые агенты влияния. – М., 2010, – С. 67
5. Симкачева М.В. Процесс конвергенции СМИ и его влияние на формирование современного медиаполя // Ученые записки казанского университета. Том 157, кн. 4. Казань – 2015. С. 118. URL.: https://kpfu.ru/portal/docs/F_802376765/157_4_gum_13.pdf (дата обращения 30.10.22)
6. Шнайдер А.А. Новые медиа – новые возможности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-novye-vozmozhnosti> (дата обращения: 14.12.2022).
7. Ян Шице. Исследование взаимодополняемости самомедиа и традиционных средств массовой информации [D]: [магистерская диссертация]. Сянтань: Сянтаньский университет, 2014.
8. Chang Li, H., Mirmirani, S. and Ilacqua, J.A. (2009), "Confucius Institutes: Distributed leadership and knowledge sharing in a worldwide network", The Learning Organization, Vol. 16 No. 6, pp. 469–482. URL.: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/09696470910993945/full/html> (дата обращения: 20/04/23)
9. Flew, Terry. "media convergence". Encyclopedia Britannica, 17 Aug. 2017, URL.: <https://www.britannica.com/topic/media-convergence/> (дата обращения: 30.10.22)
10. Marshall Sahlins. Confucius Institutes: Academic Malware and Cold Warfare. Inside Higher Ed. July 2018. URL.: <https://www.insidehighered.com/views/2018/07/26/confucius-institutes-function-propaganda-arms-chinese-government-opinion> (дата обращения: 10.05.2023)
11. Naima Green-Riley. The State Department labeled China's Confucius programs a bad influence on U.S. students. What's the story? The Washington Post. Aug. 2020. URL.: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/08/24/state-department-labeled-chinas-confucius-programs-bad-influence-us-students-whats-story/> (дата обращения: 10.05.2023)
12. 安然 刘国力 基于阴阳视角的孔子学院组织关系研究[J] 对外传播 2019 // Ран, Лю Гуоли. Исследование организационных отношений Институтов Конфуция на основе точки зрения инь и ян [J]. Внешнее общение, 2019 г. (02).
13. 安然 魏先鹏 孔子学院跨文化传播模式研究[J] 对外传播 2015 // Ран Вэй Сяньпэн. Исследование режима

межкультурной коммуникации Института Конфуция [J]. Внешнее общение, 2015 (01).

NEW MEDIA AS A COMMUNICATION TOOL FOR CONFUCIUS INSTITUTIONS

He Kaixian
SPBPU

This paper examines the transformative role of new media as a communication tool for Confucius institutions. In an era of technological advancement, traditional institutions face the challenge of adapting to the changing needs and preferences of their audiences. Confucius Institutes, established around the world to disseminate Chinese language and culture, are at the intersection of tradition and modernity and are seeking innovative approaches to engage diverse communities. This paper, based on an extensive literature review and its own content analysis, examines the transformative potential of new media platforms to enhance the communication strategies of Confucius Institutes. In addition, the paper explores the unique opportunities and challenges associated with the use of new media channels, including issues related to cultural representation, audience engagement, and digital literacy. By identifying the relationship between new media and communication practices in Confucius Institutes, this paper contributes to a deeper understanding of how these institutions can effectively utilise contemporary communication landscapes to promote intercultural understanding.

Keywords: new media, Confucius Institutes, Chinese language, educational institutions, cultural exchange, social media, cross-cultural understanding, global education.

References

1. Baranova E.A. Stages of development of the process of media convergence (in attempts to describe global changes in the development of the media from 1990–2015) // Communicology. 2016. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-protssessa-mediakonvergensii-v-popytkah-opisat-globalnye-izmeneniya-v-razviti-smi-s-1990-2015-gg> (access date: 22.10.2022)
2. Vartanova E.L. Media industry and convergence // Internet media: Theory and practice / ed. MM. Lukina. M.: Aspect Press, 2010.
3. Vartanova E.L. What does media convergence lead to? // Information Society, 1999, issue. 5, p. eleven
4. Gillin P. New agents of influence. – M., 2010, – P. 67
5. Simkacheva M.V. The process of media convergence and its influence on the formation of the modern media field // Scientific notes of Kazan University. Volume 157, book. 4. Kazan – 2015. P. 118. URL.: https://kpfu.ru/portal/docs/F_802376765/157_4_gum_13.pdf (access date 10/30/22)
6. Schneider A.A. New media – new opportunities // Current problems of the humanities and natural sciences. 2016. No. 6–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-novye-vozmozhnosti> (access date: 12/14/2022).
7. Yang Shijie. Research on the complementarity of self-media and traditional media [D]: [Master's thesis]. Xiangtan: Xiangtan University, 2014.
8. Chang Li, H., Mirmirani, S. and Ilacqua, J.A. (2009), "Confucius Institutes: Distributed leadership and knowledge sharing in a worldwide network", The Learning Organization, Vol. 16 No. 6, pp. 469–482. URL.: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/09696470910993945/full/html> (access date: 04/20/23)
9. Flew, Terry. "media convergence". Encyclopedia Britannica, 17 Aug. 2017, URL: <https://www.britannica.com/topic/media-convergence/> (access date: 10/30/22)
10. Marshall Sahlins. Confucius Institutes: Academic Malware and Cold Warfare. Inside Higher Ed. July 2018. URL.: <https://www.insidehighered.com/views/2018/07/26/confucius-institutes-function-propaganda-arms-chinese-government-opinion> (access date: 05/10/2023)
11. Naima Green-Riley. The State Department labeled China's Confucius programs a bad influence on the U.S. students. What's the story? The Washington Post. Aug. 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/08/24/state-department-labeled-chinas-confucius-programs-bad-influence-us-students-whats-story/>

labeled-chinas-confucius-programs-bad-influence-us-students-whats-story/ (accessed date: 05/10/2023)

12. 安然 刘国力 基于阴阳视角的孔子学院组织关系研究[J] 对外传播 2019 // Ran, Liu Guoli. A Study of the Organizational Relationships of Confucius Institutes Based on the Yin and Yang Perspective[J]. External Communications, 2019 (02).
13. 安然 魏先鹏 孔子学院跨文化传播模式研究[J] 对外传播 2015 // Ran Wei Xianpeng. Research on Confucius Institute Intercultural Communication Mode[J]. External Communications, 2015 (01).

Негативный переход с английского языка при освоении испанского языка: пример китайских студентов

Чэнь Чэнь,

кандидат испанского языка и литературы, преподаватель,
Институт иностранных языков, Сианьский нефтехимический
университет
E-mail: 342814074@qq.com

Многоязычные учащиеся часто сталкиваются с языковым переносом во время учебы и извлекают из этого выгоду, чтобы компенсировать отсутствие целевого языка. Предыдущие лингвистические знания повлияют на процесс изучения нового языка. Изучению нового языка будет способствовать положительный перенос ранее усвоенных языков вследствие их сходства. Однако различия между языками могут привести к отрицательному переносу. Целью данного исследования является изучение возникновения языкового переноса, оценка различных элементов, влияющих на него, и конкретных подсистем, в которых он происходит. В этом исследовании изучаются случаи негативного переноса английского языка у китайских студентов, изучающих испанский язык, используя анализ ошибок в качестве концептуальной основы. Кроме того, мы рассмотрим переменные, которые способствуют ошибкам учащихся, и предоставим рекомендации начинающим китайским испанским языкам, как эффективно избегать ошибок, вызванных отрицательным переносом.

Ключевые слова: Негативный языковой перенос, Анализ ошибок, Английский как L2, Испанский как L3, Овладение языком, Обучение иностранному языку.

Introduction

In terms of the number of users, Spanish is the second most spoken language global, following Chinese, with 500 million speakers in 2023, according to the Cervantes Institute. By 2024, there are 52 Chinese universities that offer Spanish as a major, and an even greater number of universities offer it as an elective. As a result of the development of trade relations between China and Spanish-speaking countries, the number of students studying Spanish is on the rise. English is taught as a foreign language in China across the whole educational process. As a result, when Chinese students study Spanish in college, both Chinese and English have an impact on their language acquisition.

The similarities between the two languages result in a positive transfer, however the disparities result in a negative transfer, when using the transfer of Chinese and English as a tactic to make up for the knowledge of Spanish. The Indo-European languages of Spanish and English are more similar to one another than they are to Sino-Tibetan languages like Chinese. Due to linguistic distance, Chinese students' study of Spanish is somewhat influenced by English. The purpose of this paper is to examine the transfer of English from the perspective of error analysis in order to comprehend the negative transfer of English that occurs when Chinese students learn Spanish.

Literature review

The concept of transfer

Typically, the term "transfer" is a fundamental notion in psychological research. According to Thorndike and Woodworth, learning transfers more readily when there are similarities between what has been taught and what needs to be learnt.[35] American psychologist and educator Ellis asserts that transfer is "the hypothesis that the learning of task A will affect the subsequent learning of task B." [12] There are various definitions that researchers have developed for the word "language transfer." According to James, substituting 'task A' in Ellis' definition with 'the first language (L1)' and 'task B' with 'the second language (L2)' will yield the definition of language transfer.[22] Gass and Selinker[17] have assembled a compilation of seventeen definitions, however, Odlin's has gained the highest level of recognition. According to Odlin, "transfer is the influence resulting from similarities and differences between the target language and any other language that has been previously (and perhaps imperfectly) acquired." [27] Although he himself emphasizes that it is a working definition (operational definition), it is the most frequently cited due to its broadness.

Several researchers have referred to the third language in the sequence of language acquisition as L3.[7,10] When it comes to the Chinese students in this study, they have already acquired English throughout their schooling prior to studying Spanish at the university. Therefore, we consider Mandarin Chinese as their L1, English as their L2, and Spanish as their L3. The acquisition of L3 is more intricate than that of L2 and L1. De Angelis and Selinker argue that the study of acquiring an L3 or additional language should not be considered as an extension of L2 learning or bilingualism.[10]

Through Hufeisen and Marx's factor model[21], it is evident that the acquisition of additional languages is influenced by a greater number of factors, including prior knowledge of L2, the interlanguage of previous languages and the interlanguage of the target language. In the context of multilingualism, the transfer of linguistic knowledge occurs not just from L1, but also from any other languages that have been learned. Researches have demonstrated that individuals who are at an intermediate level of language proficiency, particularly those who have acquired their L2 in a structured educational setting, possess a greater understanding of the process of language acquisition. They also possess a wider range of metalinguistic strategies and experiences that aid in the learning of a foreign language.[5,30]

Factors that affect Language transfer

When acquiring an L3, there is a simultaneous interaction and competition between L1 and L2. In some situations, the transfer of either the L1 or the L2 can be hindered in the development of the interlanguage of the L3. According to Green, multiple languages can be triggered simultaneously when someone speaks.[18] While choosing one language, the remaining languages can still be active or inactive. This implies that learners determine the sources of transfer in L3 acquisition, regardless of whether they are from L1 or L2. To understand the mechanics of transfer, it is crucial to consider the several aspects that impact it, including linguistic distance, psychotypology, proficiency in L2 and L3, the foreign language effect, age, and exposure to L3 environment.

Linguistic distance. Linguistic distance refers to the typological variation between two or more languages, namely the level of similarities or divergence in terms of their structure, vocabulary, and other linguistic features. For instance, languages within the same linguistic family exhibit similarities due to their common ancestry. The Romance languages, such as Spanish, Portuguese, French, and Italian, share numerous commonalities due to their common subfamily. The transfer of a Romance language to another Romance language is facilitated.[2,11] Transfer can only occur if there is a similarity across languages. Linguistic distance is a variable that has the capacity to determine the source of transfer.[4,7,25,29] Chinese belongs to the Sino-Tibetan language family, whereas English and Spanish are part of the Indo-European language family. English and Spanish are more closely

related to each other than they are to Chinese. Despite English being a Germanic language, it has borrowed numerous vocabulary from Latin, Greek, and French in contemporary times. As a result, English and Spanish exhibit more similarities. In the context of writing, this proximity is more highly valued as compared to the Chinese language. Chinese characters are utilized in the Chinese language, which is part of the logographic writing system, whereas English and Spanish are composed of letters and belong to the alphabetic writing system. To summarise, English will be the most favored language for Chinese students to transfer their knowledge due to its minimal linguistic distance.

L2 and L3 proficiency. Having a high level of skill in both L2 and L3 is another significant element that affects transfer. Extensive studies have been conducted to investigate the correlation between the transfer and proficiency of L2 and L3. The majority of studies have reached a consensus that the influence of previously acquired languages is more prevalent during the initial stage of learning, as a result of the imbalance between the knowledge mastered and the need for communication.[11,27] When someone starts learning a new language, it becomes clear that their lack of information causes them to rely on their existing expertise to make up for this deficiency. From the standpoint of transfer as a strategy, learners always address the lexical and syntactic deficit by leveraging their L1 when they encounter a linguistic deficiency in the TL.[15,19] As the proficiency level of students reaches higher levels, the occurrence of the transfer phenomena will decrease as well. The students who were chosen for this study possessed a basic knowledge of Spanish and a relatively high level of English. Consequently, we anticipate that the transfer of English would have an impact on them.

Foreign language effect or L2 status factor. Multiple studies have demonstrated a consistent inclination among learners to rely on their L2 rather than their L1 when producing L3. Meisel coined the term "foreign language effect" to describe this phenomena.[26] Hammarberg has also noted this phenomenon, referring to it as the L2 status factor. He concludes that individuals have a tendency to suppress their L1 because it is not considered foreign, and instead rely on their previous L2 as a technique to approach an L3.[20] Bardel and Falk has discovered that the proficiency level in a L2 also has a role in acquiring the syntax of L3. The two argue that this element can be attributed to the greater cognitive similarities between L2 and L3, as opposed to the similarities between L1 and L3. An L2 that is acquired through formal means exhibits numerous cognitive and situational traits that are similar to those of a formally acquired L3, but this is not the case for L1. Particularly with adult learners, who possess a heightened awareness of the cognitive parallels between L2 and L3.[13,14] The participants in the current investigation fall between the age range of 18 to 21 years, thus possessing prior knowledge of the cognitive parallels existing between the English and Spanish languages. Therefore, the L2 status element will have some influence on them while choosing the transfer source.

Age. According to Cenoz, older learners possess greater metalinguistic awareness, which enables them to make more accurate assessments of the linguistic differences between the languages they have acquired.[7]

The Chinese university students in this study are adults who possess the ability to utilize their prior language expertise as a means to effectively acquire Spanish. Additionally, they possess metalinguistic awareness, which enables them to assess the linguistic differences between different languages.

Language exposure. Several studies indicate that being exposed to a foreign language environment influences the formation of an L3. According to Vildomec, prolonged exposure to a setting where a learner's L1 is not spoken might impact the extent and nature of transfer into their L3 or any extra language.[32] Ringbom's study confirmed his assertion.[19] Therefore, it is crucial to ascertain whether students have had the opportunity to reside in an English-speaking nation, as this exposure to English may result in a higher probability of English transfer.

Factors typically do not operate independently in the process of language acquisition. The transfer is intricate as a result of the impact and interplay of multiple components simultaneously. In this study, we hypothesize that English would be the primary language of transfer due to factors such as linguistic distance, the effect of foreign language, and age.

Lexical and semantic transfer

Numerous academics have conducted extensive research on lexical and semantic transfer. Lexical transfer can occur at both high and low levels of a learner's L2 proficiency.[2,11,19,35]

According to Ringbom, there are various instances of lexical transfer, which can be observed in three distinct ways: the expansion of a word's meaning in the target language, the creation of new words, and the presence of false friends.[19] Linguistic borrowing is the act of incorporating elements from one language into another. Ringbom defines it as a straightforward technique that involves looking for a term either from the native language or from a previously acquired language. [19]

Given that English incorporates numerous words derived from Greek or Latin, there exists a substantial overlap in the lexicon between English and Spanish. Chinese pupils will undoubtedly incorporate English vocabulary into their mental lexicon while studying Spanish. The current study involved gathering lexical errors made by Chinese students and classifying them into two groups: lexical transfer and semantic transfer. Furthermore, since linguistic borrowing is also observed in the process of learning other languages and indicates the impact of previously learned languages, linguistic borrowing in the work of Chinese students will also be analyzed.

Morphosyntactic transfer

In relation to morphosyntactic transfer, research on this topic commenced in the 1990s, and numerous further studies have been conducted since 2000. [2,6,17,24,27]

Welge and Vogel examine the language proficiency of students speak Chinese as L1, English as L2, and German as L3. In addition to the lexical transfer, the two writers also observe the syntactic transfer of L2 in the productions.[33,34] Flynn et al. discovered that when comparing the development of the specific subordinate clause among the three groups, the structures created by the first two groups were found to be identical.[17]

English and Spanish have numerous morphosyntactic components that are absent in Chinese. However, the features in English and Spanish may vary. Both English and Spanish have articles, although Chinese has not. Chinese students, due to their proficiency in English, find the concept of articles in Spanish familiar and not new when learning the language. Nevertheless, negative transfer may arise due to some divergent applications of the two languages.

Error Analysis

Since the 1970s, the Error Analysis Hypothesis has been supplanting the Contrastive Analysis Hypothesis. Corder, the originator of this idea, asserts that "*the examination of errors is an integral component of the examination of the language acquisition process [...]*" [9] It offers us an illustration of the linguistic progress of a learner and can provide us with insights into the learning process. In his work "The Significance of Learner's Errors," Corder argues that errors possess a triple significance. Teachers benefit from this information as it allows them to assess the progress of their students and determine the remaining distance to reach the intended goal. Errors in language acquisition provide valuable insights for researchers on the tactics and procedures used by learners. Errors are regarded as an opportunity for students to test and confirm their theories regarding the mechanics of the language they are studying.[8]

To understand the mistakes, it is crucial to identify their origins and categorize them. Various researchers have developed distinct criteria for their classification. [7,24,31] We will concentrate on Vázquez's classification as it appears to be the most comprehensive in terms of the errors made by students learning Spanish as L2. Vázquez categorizes interlingual errors into five groups based on the etiological criterion: errors resulting from phonetic, lexical, orthographic, semantic, and morphosyntactic interference.[31]

Research design

This research selected a sample of 60 Chinese university students, aged between 19 and 21, who are studying Spanish as their major. Prior to the study, all students had completed one academic year of Spanish language study and reached an A2 proficiency level in Spanish. The majority of them had acquired proficiency in the English language for a minimum of 10 years before enrolling in university, and not a single student had pursued the study of any foreign language apart from English and Spanish. During the class period, students were given the task of writing a Spanish article entitled "Mi Estación Favorita" (My Favourite Season) within a time limit of 30 minutes. They were instructed

to complete the assignment without consulting a dictionary or utilizing any electronic resources. Following the completion of the writing process, the essay underwent revision, during which errors were identified and categorized into three distinct types: errors resulting from lexical interference, semantic interference, orthographic interference and morphosyntactic interference. As the test was administered in written form, this study will not address the topic of phonetic interference.

Results

Lexical interference

False friends

- (1) **Puedes sentarte a la sombra de un árbol y beber una copa de té.* → You can sit in the shade of a tree and drink a cup of tea. The English word “cup” should be translated as “taza”, while “copa” is used for “wine glass”.
- (2) **Hace muchos días quise hacer dinero en casa.* → Several days ago I wanted to make dinner at home. The English word “dinner” and the Spanish word “dinero” are false friends. The student uses this word when they want to say “cena.”
- (3) **En los fines de semana, toda la familia queda en casa comiendo y viendo la TV.* → On weekends, the whole family stay at home eating and watching TV. Although “TV” exists as an abbreviation for “television” in Spanish, “ver la televisión” or “ver la tele” is more commonly used.

Barbarism

The research also reveals instances of barbarism, when students have generated nonstandard words and expressions in Spanish using their English language knowledge.

- (1) **Me encanta ir al campo para conocer la natura de cerca.* → I love going to the countryside to discover the nature nearby. The term “*natura” was invented as a result of the impact of the English word “nature.”
- (2) **El verano es caliente y entusiástico.* → Summer is hot and enthusiastic. The term “*entusiástico” was invented as a result of the impact of the English word “enthusiastic”.
- (3) **También me gustan la primavera, el otoño y el invierno, pero el verano me impresia más.* → I also like spring, autumn and winter, but summer impresses me more. The term “*impresia” was invented as a result of the impact of the English word “impress”.

**Aunque muchos otros consideran que otras estaciones son mejores, me gusta el otoño.* → Although many others consider other seasons to be better, I like autumn. The term “*consider” was invented as a result of the impact of the English word “consider”. Students do not borrow it, but rather conjugate it in accordance with the guidelines.

Loanword

- (1) **No tengo la suficiente capacidad de escribir mi impresión of otoño en español.* → I don’t have enough capacity to write my autumn impression in Spanish.
- (2) **Yo puedo hacer muchos esfuerzos cuando me quedo en tan bueno atmosphere.* → I can make a lot of efforts when I stay in such a good atmosphere.

(3) **Me gusta jugar al baloncesto con mis compañeros en April, porque en este tiempo todos nosotros no están ocupados.* → I like to play basketball with my teammates in April, because at this time all of us are not busy.

(4) **Las hojas de maple están en todo el suelo.* → Maple leaves are all over the ground.

(5) **¿Cómo estás recently?* → How are you recently?

(6) **Esta primavera quiero construir un swimming pool.* → This spring I want to build a swimming pool.

(7) **Lo que me gusta más de la casa es tiene una gran park.* → What I like most about the house is it has a large park.

Semantic interference

(1) **Cuando era ocho años, me gustaba los árboles y los animales.* → When I was eight, I liked trees and animals. English use the verb “be” to convey age, whereas Spanish utilises the verb “tener”.

(2) **Los pájaros están cacareando y las cigarras están jugando el guitarra.* → The birds are cackling and the cicadas are playing guitar. In English, the phrase “play guitar” is equivalent to the traditional literal expression “jugar guitarra”.

Orthographic interference

(1) **En Septiembre la temperatura ya es baja.* → In September the temperature is already low. In English, the initial letter of the month is written with a capital letter, whereas in Spanish, it is written with a lowercase letter.

(2) **Soy de una pequeña ciudad de norte de China. Está cerca de Russia y Mongolia.* → I’m from a small town in northern China. It is close to Russia and Mongolia. In the English language, the letter “s” in the word “Russia” is repeated twice, although in Spanish, it is only used once.

(3) **En mi pueblo natal, la gente es muy simpática.* → In my hometown, people are very nice. Evidently, the student was inspired by the spelling of the English phrase “sympathetic” and misspelt the Spanish word “simpático”.

Morphosyntactic interference

Spanish and English morphosyntax show greater similarities than Chinese in regards to pronouns, articles, conjunctions, and indicative mood. In English and Spanish, articles are employed to indicate specificity, however, in Chinese, articles are not utilized. In addition, Chinese verbs do not undergo inflection. Instead, particles are employed to express mood, tense, and aspect. However, Spanish exhibits a certain level of complexity in comparison to Chinese and English when it comes to gender and number agreement, structures involving “se,” as well as the subjunctive and imperative moods.

Interrogative and exclamatory pronoun

(1) **¿Cómo cómodo vas a sentirte!* → How comfortable you will feel! (1) In this error, the student use the term “cómo” as a substitute for the word “how”.

(2) **¡Qué maravillosa esta estación es!* → How beautiful this season is! The error in sentence order is caused by interference from English.

The adverb

With regards to the interference of English, our findings indicate that the inaccuracies primarily revolve on the adverbs “much” and “more.” In English, the phrase “very much/more” is typically placed at the end of the sentence. In Chinese, it is placed before the verb, and in Spanish, “mucho/más” is frequently placed after the verb “gustar”. Now, let’s examine an illustration:

«Me gusta mucho/más la primavera.» – «I like spring very much/more.»

We discovered ten errors in the placement of “mucho” and “más” that students commonly make in their written compositions, as observed in the corpus.

(1)**Me gusta otoño mucho porque la temperatura de esta estación.* → I like autumn very much because of the temperature of this season.

(2)**Me gusta la primavera mucho porque no hace calor ni hace frío.* → I like spring very much because it is neither hot nor cold.

(3)**Me gusta el invierno más.* → I like winter more.

The preposition

(1)**En otoño, toda la universidad transforma a un lugar amarillo.* → In autumn, the entire university transforms to a yellow place. The phrase “transform to” is used in English, whereas in Spanish, the phrase “transformarse en” is used.

Conclusion

This paper has demonstrated the negative transfer of English in Chinese students learning Spanish. By studying the writing materials of beginner Spanish students, it was found that errors were present in most subsystems of the language, such as lexical, semantic, morphological, and orthographic errors. Phonological errors are not discussed since they cannot be identified in written texts.

Regarding lexicon and semantics, due to linguistic proximity, English and Spanish share many prefixes and suffixes in common and have cognates that help students compensate for their lexical knowledge. In the corpus, we found that students produce false friends, barbarisms, and also borrowings from English. In terms of morphosyntax, English (L2) shows only a bit of negative transfer, such as the use of exclamatory pronouns and the adverb “mucho.” To avoid the negative transfer of English, in the teaching process, special explanations should be provided to students regarding the areas where they are prone to making mistakes. For example, summarizing false friends between English and Spanish during learning and practicing with them.

In this study, we only selected beginner-level Spanish students and did not consider students of other levels. We understand that students’ learning situations are dynamic, so in future research, we will continue to focus on the impact of English negative transfer on students at other stages of learning Spanish.

Литература

1. Bardel, C. (2002). How does French L2 affect Italian L3? Preliminary results from a pilot study. Paper presented at Second International Conference on Third Language Acquisition and Trilingualism, Leeuwarden.
2. Bardel, C. & Lindqvist, C. (2006). The role of proficiency and psychotypology in lexical cross-linguistic influence. A study of a multilingual learner of Italian L3. Paper presented at Atti del VI Congresso di Studi dell’Associazione Italiana di Linguistica Applicata, Napoli.
3. Bardel, C. & Falk, Y. (2007). The role of the second language in third language acquisition: The case of Germanic syntax. *Second Language Research*, 23(4), 459–484.
4. Bartelt, G. (1989). The interaction of multilingual constraints. *Interlingual Processes*, 151–177.
5. Bowden, H. W., Sanz, C. & Stafford, C. A. (2005). Individual differences: Age, sex, working memory, and prior knowledge. *Mind and Context in Adult Second Language Acquisition: Methods, Theory, and Practice*, 105–140.
6. Burt, M. K. & Kiparsky, C. (1974). Global and local mistakes. *New Frontiers in Second Language Learning*, 71–80.
7. Cenoz, J., Hufeisen, B. & Jessner, U. (2001). Cross-linguistic influence in third language acquisition: Psycholinguistic perspectives. *Bristol: Multilingual Matters*.
8. Corder, S. P. (1967). The significance of learner’s errors. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 5(1–4), 161–170.
9. Corder, S. P. (1974). Error Analysis. In Allen, J. L. P. & Corder, S. P. (Eds.), *Techniques in Applied Linguistics* (pp. 122–154). Oxford: Oxford University Press.
10. De Angelis, G. & Selinker, L. (2001). Interlanguage transfer and competing linguistic systems in the multilingual mind. *Bilingual Education and Bilingualism*, 42–58.
11. De Angelis, G. (2005). Multilingualism and non-native lexical transfer: An identification problem. *International Journal of Multilingualism*, 2(1), 1–25.
12. Ellis, H. C. (1965). *The transfer of learning*. New York: Macmillan.
13. Falk, Y. & Bardel, C. (2010). The study of the role of the background languages in third language acquisition. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 48(2–3), 185–219.
14. Falk, Y. & Bardel, C. (2011). Object pronouns in German L3 syntax: Evidence for the L2 status factor. *Second Language Research*, 27(1), 59–82.
15. Fuller, J. M. (1999). Between three languages: Composite structure in interlanguage. *Applied Linguistics*, 20(4), 534–561.
16. Flynn, S., Foley, C. & Vinnitskaya, I. (2004). The cumulative-enhancement model for language acquisition: Comparing adults’ and children’s patterns of development in first, second and third language acquisition of relative clauses. *International Journal of Multilingualism*, 1(1), 3–16.
17. Gass, S. M. & Selinker, L. (1983). Language transfer in language learning. *Issues in second lan-*

guage research. New York: Newbury House Publishers.

18. Green, D. W. (1986). Control, activation, and resource: A framework and a model for the control of speech in bilinguals. *Brain and Language*, 27(2), 210–223.
19. Håkan Ringbom. (1987). *The role of the first language in foreign language learning*. Bristol: Multilingual Matters.
20. Hammarberg, B. (2001). Roles of L1 and L2 in L3 production and acquisition. *Cross-Linguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives*, 31, 21.
21. Hufeisen, B. & Marx, N. (2007). Multilingualism? Receptive Multilingualism: Linguistic Analyses, Language Policies and Didactic Concepts, 6, 307.
22. James, C. (1998). *Errors in language learning and use: Exploring error analysis*. London: Routledge.
23. Lakshmanan, U. & Selinker, L. (1994). The status of CP and the tensed complementizer that in the developing L2 grammars of English. *Second Language Research*, 10(1), 25–48.
24. Leung, C. Y. (2002). Extensive reading and language learning: A diary study of a beginning learner of Japanese. *Reading in a Foreign Language*, 14(1), 66.
25. Leung, Y. I. (2005). L2 vs. L3 initial state: A comparative study of the acquisition of French DPs by Vietnamese monolinguals and Cantonese–English bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, 8(1), 39–61.
26. Meisel, J. M. (1983). Transfer as a second-language strategy. *Language & Communication*, 3(1), 11–46.
27. Odlin, T. (1989). *Language transfer: Cross-linguistic influence in language learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
28. Richards, J. C. (1971). Error Analysis and Second Language Strategies. *Language Sciences*, 17, 12–22.
29. Singh, R. & Carroll, S. (1979). L1, L2 and L3. *Indian Journal of Applied Linguistics*, 5(1), 51–63.
30. Towell, R. & Hawkins, R. D. (1994). *Approaches to second language acquisition*, Bristol: Multilingual matters.
31. Vázquez, G. E. (1991). *Análisis de errores y aprendizaje de español/lengua extranjera*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
32. Vildomec, V. (1963). *Multilingualism*. Leiden: A.W. Sythoff.
33. Vogel, T. (1992). *Englisch und deutsch gibt es immer krieg. Sprachverarbeitungsprozesse Beim Erwerb Des Deutschen Als Drittsprache. Zielsprache Deutsch*, 23(2), 95–99.
34. Welge, P. (1987). *Deutsch nach englisch. deutsch als dritte sprache. Regionale Aspekte Des Grundstudiums Germanistik*, 189–208.
35. Williams, S. & Hammarberg, B. (1998). Language switches in L3 production: Implications for a polyglot speaking model. *Applied Linguistics*, 19(3), 295–333.

36. Woodworth, R. S. & Thorndike, E. (1901). The influence of improvement in one mental function upon the efficiency of other functions. (I). *Psychological Review*, 8(3), 247.

NEGATIVE TRANSFER FROM ENGLISH IN SPANISH ACQUISITION: A CASE STUDY OF CHINESE STUDENTS

Chen Chen

Xi'an Shiyou University

Multilingual learners frequently experience language transfer during their studies and capitalize on it to compensate for the absence of the target language. Prior linguistic knowledge will influence the process of acquiring a new language. The study of the new language will be facilitated by the positive transfer of previously acquired languages, as a result of their similarities. However, differences between the languages may result in a negative transfer. The objective of this study is to investigate the occurrence of language transfer, evaluating the various elements that influence it and the specific subsystems in which it takes place. This study examines the occurrence of negative transfer of English in Chinese students who are learning Spanish, using error analysis as a conceptual framework. In addition, we will examine the variables that contribute to students' mistakes and provide guidance to Chinese Spanish beginners on efficiently avoiding errors caused by negative transfer.

Keywords: Negative language transfer, Error analysis, English as L2, Spanish as L3, Language acquisition, Foreign language teaching

1. Bardel, C. (2002). How does French L2 affect Italian L3? Preliminary results from a pilot study. Paper presented at Second International Conference on Third Language Acquisition and Trilingualism, Leeuwarden.
2. Bardel, C. & Lindqvist, C. (2006). The role of proficiency and psychotypology in lexical cross-linguistic influence. A study of a multilingual learner of Italian L3. Paper presented at Atti del VI Congresso di Studi dell'Associazione Italiana di Linguistica Applicata, Napoli.
3. Bardel, C. & Falk, Y. (2007). The role of the second language in third language acquisition: The case of Germanic syntax. *Second Language Research*, 23(4), 459–484.
4. Bartelt, G. (1989). The interaction of multilingual constraints. *Interlingual Processes*, 151–177.
5. Bowden, H. W., Sanz, C. & Stafford, C. A. (2005). Individual differences: Age, sex, working memory, and prior knowledge. *Mind and Context in Adult Second Language Acquisition: Methods, Theory, and Practice*, 105–140.
6. Burt, M. K. & Kiparsky, C. (1974). Global and local mistakes. *New Frontiers in Second Language Learning*, 71–80.
7. Cenoz, J., Hufeisen, B. & Jessner, U. (2001). *Cross-linguistic influence in third language acquisition: Psycholinguistic perspectives*. Bristol: Multilingual Matters.
8. Corder, S. P. (1967). The significance of learner's errors. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 5(1–4), 161–170.
9. Corder, S. P. (1974). *Error Analysis*. In Allen, J. L. P. & Corder, S. P. (Eds.), *Techniques in Applied Linguistics* (pp. 122–154). Oxford: Oxford University Press.
10. De Angelis, G. & Selinker, L. (2001). Interlanguage transfer and competing linguistic systems in the multilingual mind. *Bilingual Education and Bilingualism*, 42–58.
11. De Angelis, G. (2005). Multilingualism and non-native lexical transfer: An identification problem. *International Journal of Multilingualism*, 2(1), 1–25.
12. Ellis, H. C. (1965). *The transfer of learning*. New York: Macmillan.
13. Falk, Y. & Bardel, C. (2010). The study of the role of the background languages in third language acquisition. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 48(2–3), 185–219.
14. Falk, Y. & Bardel, C. (2011). Object pronouns in German L3 syntax: Evidence for the L2 status factor. *Second Language Research*, 27(1), 59–82.
15. Fuller, J. M. (1999). Between three languages: Composite structure in interlanguage. *Applied Linguistics*, 20(4), 534–561.

16. Flynn, S., Foley, C. & Vinnitskaya, I. (2004). The cumulative-enhancement model for language acquisition: Comparing adults' and children's patterns of development in first, second and third language acquisition of relative clauses. *International Journal of Multilingualism*, 1(1), 3–16.
17. Gass, S. M. & Selinker, L. (1983). *Language transfer in language learning. Issues in second language research*. New York: Newbury House Publishers.
18. Green, D. W. (1986). Control, activation, and resource: A framework and a model for the control of speech in bilinguals. *Brain and Language*, 27(2), 210–223.
19. Håkan Ringbom. (1987). *The role of the first language in foreign language learning*. Bristol: Multilingual Matters.
20. Hammarberg, B. (2001). Roles of L1 and L2 in L3 production and acquisition. *Cross-Linguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives*, 31, 21.
21. Hufeisen, B. & Marx, N. (2007). Multilingualism? Receptive Multilingualism: Linguistic Analyses, Language Policies and Didactic Concepts, 6, 307.
22. James, C. (1998). *Errors in language learning and use: Exploring error analysis*. London: Routledge.
23. Lakshmanan, U. & Selinker, L. (1994). The status of CP and the tensed complementizer that in the developing L2 grammars of English. *Second Language Research*, 10(1), 25–48.
24. Leung, C. Y. (2002). Extensive reading and language learning: A diary study of a beginning learner of Japanese. *Reading in a Foreign Language*, 14(1), 66.
25. Leung, Y. I. (2005). L2 vs. L3 initial state: A comparative study of the acquisition of French DPs by Vietnamese monolinguals and Cantonese–English bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, 8(1), 39–61.
26. Meisel, J. M. (1983). Transfer as a second-language strategy. *Language & Communication*, 3(1), 11–46.
27. Odlin, T. (1989). *Language transfer: Cross-linguistic influence in language learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
28. Richards, J. C. (1971). Error Analysis and Second Language Strategies. *Language Sciences*, 17, 12–22.
29. Singh, R. & Carroll, S. (1979). L1, L2 and L3. *Indian Journal of Applied Linguistics*, 5(1), 51–63.
30. Towell, R. & Hawkins, R. D. (1994). *Approaches to second language acquisition*, Bristol: Multilingual matters.
31. Vázquez, G. E. (1991). *Análisis de errores y aprendizaje de español/lengua extranjera*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
32. Vildomec, V. (1963). *Multilingualism*. Leiden: A.W. Sythoff.
33. Vogel, T. (1992). Englisch und deutsch gibt es immer krieg. *Sprachverarbeitungsprozesse Beim Erwerb Des Deutschen Als Drittsprache. Zielsprache Deutsch*, 23(2), 95–99.
34. Welge, P. (1987). Deutsch nach englisch. deutsch als dritte sprache. *Regionale Aspekte Des Grundstudiums Germanistik*, 189–208.
35. Williams, S. & Hammarberg, B. (1998). Language switches in L3 production: Implications for a polyglot speaking model. *Applied Linguistics*, 19(3), 295–333.
36. Woodworth, R. S. & Thorndike, E. (1901). The influence of improvement in one mental function upon the efficiency of other functions. (I). *Psychological Review*, 8(3), 247.

Оптимизация функционирования механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды в воинских коллективах

Баклановский Сергей Владимирович,
преподаватель кафедры психологии, ФГК ВОУ ВО
«Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: kotorussr@live.ru

Осипенко Эдуард Борисович,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра
Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: ed.osip68@rambler.ru

В статье рассматривается актуальная проблема оптимизации социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских коллективов. В ходе теоретического исследования были рассмотрены различные технологии социального регулирования конфликтности, такие как коммуникативные, структурно-функциональные и нормативно-ценностные. Анализируется роль оптимальных стратегий взаимодействия, нормативно-правовых основ и формирования системы понятий и установок в регулировании конфликтности. Особое внимание уделяется изучению эффективности применяемых методов и инструментов. Отдельный раздел посвящен комплексному управленческому воздействию на структурные компоненты управленческой среды. В нем рассматривается необходимость комплексного подхода к регулированию конфликтности, роль структурных компонентов в регулировании конфликтности и методы комплексного управленческого воздействия. В заключении статьи приводятся обобщение результатов теоретического исследования, подтверждение или опровержение гипотезы исследования, а также перспективы дальнейших исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: социальное регулирование конфликтности, оптимизация социальных механизмов, управленческая среда, воинские коллективы, коммуникативные технологии, структурно-функциональные технологии, нормативно-ценностные технологии, комплексное управленческое воздействие.

Введение и постановка проблемы

Выбранная тематика исследования отличается высокой степенью актуальности в современных условиях. Воинские коллективы, особенно выполняющие ответственные служебно-боевые задачи, сталкиваются с разнообразными вызовами управленческого характера. Это может выражаться в напряженных взаимоотношениях между руководством и подчиненными, возникновении межличностных конфликтов, а также влиянии внешних факторов, таких как геополитическая обстановка или социокультурные трансформации.

Разработка эффективных технологий социального регулирования конфликтности управленческой среды в воинских коллективах имеет важное практическое значение. Внедрение подобных методик позволит обеспечить более продуктивное выполнение служебных обязанностей и повышение общей производительности подразделений. Данная проблематика актуальна не только для Вооруженных Сил, но и для организаций, где управление конфликтными ситуациями играет ключевую роль в достижении поставленных целей. При этом необходимо учитывать специфику военных коллективов и особенности их функционирования.

Исследование данной статьи по социологии управления направлено на изучение динамики и социальных последствий различных типов управления в воинских коллективах. В ходе работы предполагается определить ключевые принципы и механизмы управленческой деятельности, а также разработать и оптимизировать соответствующие социальные технологии для эффективного управления подразделениями.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, предстоит проанализировать влияние социальных факторов на эффективность управленческих процессов. Во-вторых, исследовать причины возникновения конфликтов и проблем в системе управления воинскими коллективами. В-третьих, выявить наиболее продуктивные формы и методы управленческой деятельности в рассматриваемом контексте.

Внедрение эффективных социальных технологий управления, учитывающих специфику воинских коллективов, позволит минимизировать конфликтность в управленческой среде и обеспечить качественное выполнение служебно-боевых задач.

Данная гипотеза основывается на предположении, что существуют особые управленческие подходы и методы, которые могут оптимизировать социальные процессы в воинских подразделениях, снизить уровень возникающих конфликтов и, как следствие, повысить эффективность выполнения служебных обязанностей. Проверка данной гипотезы в ходе исследования может позволить разработать практические рекомендации по совершенствованию управленческой деятельности в рассматриваемой сфере.

Краткий обзор литературы

Актуальность исследования механизмов социального регулирования конфликтности в управленческой среде

воинских коллективов обусловлена недостаточным количеством научных работ, посвященных данной тематике. Тем не менее, отдельные аспекты этого вопроса рассматриваются учеными, работающими в смежных областях, таких как корпоративная культура, педагогика, социальная адаптация и конфликтология. Этот краткий обзор литературы охватывает работы, которые, хотя и не всегда фокусируются непосредственно на заявленной проблеме, предлагают полезные концепции и методологические подходы для ее анализа и решения.

Е.С. Аكوпова, И.В. Бушуев и С.И. Самыгин в своей статье анализируют корпоративную культуру образовательных учреждений как инструмент для урегулирования социальных конфликтов [1]. Они предлагают использовать ценностные установки корпоративной культуры для управления конфликтами. Исследование включает диагностику конфликтов, их преодоление с помощью корпоративной культуры и профилактику новых конфликтов. Такой подход авторы считают перспективным для повышения эффективности управления конфликтами в образовательной среде, но он может использоваться и в иных областях, в том числе в воинских коллективах.

Г.В. Баранова и В.И. Музалевский рассматривают влияние конфликтов в воинских коллективах на социальное самочувствие военнослужащих [2]. В статье выделяются основные факторы, влияющие на возникновение конфликтов, и условия, формирующие социальное самочувствие. Особое внимание уделяется показателям конфликтов и методам их оценки. Разработанные инструменты позволяют измерять уровни конфликтов и их влияние на военнослужащих, а также дают рекомендации по их конструктивному разрешению для улучшения профессиональных взаимодействий.

В.И. Веремчук и А.А. Гизатуллин исследуют социальные противоречия в воинских коллективах Сухопутных войск [3]. В результате социологического анализа они предлагают меры для оптимизации управления конфликтами. В числе рекомендаций создание Центра социально-прикладных и социологических исследований, реконструкция системы психологического обеспечения, разработка программ патриотического воспитания и нормативно-правовых актов для эффективного управления социальными процессами.

Р.А. Рогожникова и Р.Т. Равилов акцентируют внимание на предотвращении и конструктивном разрешении конфликтов в воинских коллективах [4]. Авторы отмечают отсутствие системы конфликтологического образования, что ведет к множеству конфликтов среди курсантов. Они анализируют организационные недостатки, способствующие конфликтам, и предлагают методы для их конструктивного разрешения. Результаты исследования могут быть использованы для улучшения подготовки военнослужащих в этой области и оптимизации условий их службы.

С.В. Хусаинова и Р.Р. Галимов изучают стратегии поведения курсантов первого курса военного института при разрешении конфликтов [5]. Они исследуют факторы, определяющие поведение курсантов в конфликтных ситуациях, и выявляют причины деструктивного поведения. Результаты статьи адресованы преподавателям и психологам, работающим с курсантами, и могут быть использованы для совершенствования процесса их социализации и развития конструктивных стратегий поведения. Кроме того, они также могут быть адаптированы для оптимизации функционирования механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды в воинских коллективах.

А.Н. Чумиков рассматривает медиацию как важную часть конфликтологии [6]. Он предлагает методологиче-

скую цепочку для анализа и регулирования конфликтов, включая медиацию. В статье анализируется развитие медиации в России, её роль как социального регулятора и пути её институционализации. Автор подчеркивает необходимость гармоничного государственного регулирования медиации, развития коммуникационной компетентности и воспитания конфликтологической грамотности как основы культуры поведения в конфликтных ситуациях.

Вместе с тем, ряд аспектов социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских подразделений, обеспечивающих качественное выполнение служебно-боевых задач, требует дальнейшего научного осмысления и практического изучения. Данное исследование призвано восполнить данный пробел и предложить эффективные решения обозначенной проблемы.

Результаты и их обсуждение

Управление конфликтами и поддержание благоприятного социально-психологического климата в воинских коллективах является важной задачей командного состава. Для этих целей применяется широкий спектр технологий социального регулирования конфликтности управленческой среды. В таблице 1 ниже представлены основные группы таких технологий с краткой характеристикой каждой из них. Данные технологии направлены на совершенствование коммуникационных процессов, оптимизацию организационной структуры и функций, а также формирование единой системы ценностей и корпоративной культуры воинского коллектива.

Таблица 1. Группы технологий социального регулирования

№	Группа технологий	Описание
1	Коммуникативные	Совершенствование системы горизонтальных и вертикальных коммуникаций, обеспечивающих открытый обмен информацией и оперативное решение вопросов
2	Структурно-функциональные	Развитие у командного состава навыков эффективного межличностного и группового взаимодействия (активное слушание, конструктивная обратная связь, управление конфликтами)
3	Нормативно-ценностные	Внедрение регулярных встреч, собраний, сессий командиров с подчиненными для обсуждения проблем и поиска путей их решения

Коммуникативные технологии

Эффективные коммуникации и конструктивное взаимодействие являются ключевыми факторами, определяющими успешность управленческой деятельности в воинских коллективах. Оптимальные стратегии взаимодействия между командирами и подчиненными позволяют обеспечить открытый обмен информацией, оперативно выявлять и решать возникающие проблемы, а также предупреждать возникновение конфликтных ситуаций.

Основу данных стратегий составляют навыки активного слушания, эмпатии, конструктивной обратной связи и управления конфликтами. Активное слушание предполагает полное сосредоточение на собеседнике, понимание его позиции и потребностей. Эмпатия, в свою оче-

редь, позволяет руководителю проникнуть во внутренний мир подчиненного, учитывать его эмоциональное состояние и мотивы поведения. Конструктивная обратная связь дает возможность объективно оценивать действия и результаты работы, фокусируясь не на личности, а на поведении и ситуации. Умение эффективно управлять конфликтами предусматривает их своевременное предупреждение, конструктивное разрешение противоречий и нормализацию взаимоотношений.

Использование эффективных коммуникативных технологий в управлении воинскими коллективами предполагает применение целого комплекса методов и инструментов, направленных на оптимизацию информационных потоков и взаимодействия между руководителями и подчиненными.

Одним из ключевых элементов данного комплекса являются методы активного слушания, включающие внимательное восприятие информации, уточнение, перефразирование и резюмирование полученных сведений. Применение таких методов позволяет руководителю глубже понять проблемы и запросы подчиненных, установить доверительный контакт и настроиться на конструктивный диалог.

Наряду с этим, важную роль играют техники эмпатического общения, позволяющие проявлять понимание внутреннего состояния и потребностей собеседника. К ним относятся: активное сопереживание, эмоциональная поддержка, вербализация чувств. Использование данных техник способствует укреплению взаимопонимания и конструктивному разрешению конфликтных ситуаций.

Инструментами коммуникативных технологий также выступают различные формы обратной связи: индивидуальные беседы, производственные совещания, письменные отчеты и аналитические записки. Регулярное предоставление обратной связи позволяет своевременно корректировать управленческие решения, предупреждать возникновение проблем и поддерживать высокую эффективность функционирования воинского коллектива.

Эффективное использование коммуникативных технологий в управлении воинскими коллективами играет ключевую роль в регулировании конфликтности управленческой среды. Данные технологии позволяют руководителям создавать атмосферу взаимопонимания и доверия, а также предупреждать и конструктивно разрешать возникающие конфликтные ситуации.

Методы активного слушания помогают командирам глубже понять внутренние потребности и проблемы подчиненных, что предотвращает возникновение напряженности и непонимания в коллективе. Техники эмпатического общения, в свою очередь, способствуют установлению более тесных эмоциональных связей между руководителями и подчиненными, что повышает готовность последних к конструктивному сотрудничеству.

Таким образом, систематическое использование коммуникативных технологий в управлении воинскими коллективами создает прочную основу для конструктивного взаимодействия между руководителями и подчиненными, что в значительной степени снижает уровень конфликтности в управленческой среде и, как следствие, повышает качество выполнения служебно-боевых задач.

Структурно-функциональные технологии

Важную роль в регулировании конфликтности управленческой среды в воинских коллективах играют структурно-функциональные технологии, в частности, нормативно-правовые основы социального управления. Четко определенные законодательные и ведомственные акты, ре-

гламентирующие права, обязанности и ответственность военнослужащих различных категорий, создают прочную правовую базу для функционирования социальной системы управления. Это позволяет формализовать и упорядочить взаимодействие между руководителями и подчиненными, снижая вероятность возникновения конфликтов, связанных с размытостью или противоречивостью нормативных требований.

Для эффективного использования нормативно-правовых основ в регулировании социальной конфликтности в воинских коллективах, важно систематически осуществлять работу по их совершенствованию. Можно выделить следующие ключевые методы в этом направлении:

1. Мониторинг и актуализация нормативно-правовой базы. Регулярный анализ действующих законов, уставов, положений и других документов, выявление пробелов, устаревших или противоречивых положений. Оперативная разработка и внедрение необходимых изменений и дополнений.

2. Гармонизация нормативно-правовых актов различного уровня. Обеспечение непротиворечивости и логической согласованности требований, содержащихся в федеральных законах, указах президента, постановлениях правительства, ведомственных приказах и инструкциях.

3. Научно-экспертное сопровождение нормотворческой деятельности. Привлечение ученых-правоведов, социологов, специалистов в области организации и управления к разработке и экспертизе проектов нормативно-правовых документов. Учет результатов фундаментальных и прикладных исследований.

4. Апробация нормативных новаций в пилотном режиме. Внедрение перспективных правовых механизмов сначала в ограниченном масштабе, мониторинг их эффективности, при необходимости – доработка и только затем распространение на всю систему.

5. Информационно-методическое сопровождение внедрения новых нормативных положений. Разработка и доведение до исполнителей разъяснений, методических рекомендаций, учебных материалов, способствующих единообразному пониманию и применению нормативных требований.

6. Совершенствование механизмов контроля за соблюдением нормативно-правовых норм. Создание действенных систем мониторинга, надзора и ответственности за нарушение установленных правил и предписаний.

Комплексное применение данных методов обеспечивает поддержание нормативно-правовой базы в актуальном и непротиворечивом состоянии, что способствует ее эффективному использованию для регулирования социальной конфликтности в системе военного управления. Внедрение структурно-функциональных технологий оказывает существенное влияние на снижение конфликтности управленческой среды в воинских коллективах.

Во-первых, четкое разграничение функциональных обязанностей, прав и ответственности руководителей различных уровней позволяет избежать пересечения сфер компетенций и возникновения межличностных конфликтов. Установление единоначалия, ясных иерархических связей и субординации способствует упорядочению управленческих взаимодействий.

Во-вторых, стандартизация и регламентация управленческих процедур, алгоритмизация решения типовых задач снижает неопределенность во взаимоотношениях, уменьшает вероятность возникновения конфликтных ситуаций на почве разногласий относительно порядка действий. Четкие должностные инструкции и регламен-

ты взаимодействия служат ориентиром для сотрудников.

В-третьих, рациональное распределение полномочий, обеспечивающее оптимальный баланс централизации и децентрализации управления, позволяет минимизировать конфликты, вызванные чрезмерной концентрацией или, напротив, размыванием ответственности. Ясные критерии делегирования решений предотвращают противоречия и споры.

В-четвертых, внедрение современных организационных структур, таких как матричная или проектная, создает условия для более гибкого и эффективного межфункционального взаимодействия, снижает вероятность возникновения «территориальных» конфликтов между подразделениями.

Таким образом, грамотное применение структурно-функциональных технологий в системе военного управления обеспечивает упорядочение управленческих отношений, снижение неопределенности, четкое распределение полномочий и ответственности. Это способствует созданию более согласованной, бесконфликтной управленческой среды, что, в свою очередь, положительно влияет на качество выполнения служебно-боевых задач воинскими коллективами.

Нормативно-ценностные технологии. Нормативно-ценностные технологии социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских коллективов предполагают формирование устойчивой системы ценностей, норм и установок, открытых к разнообразию идей, мнений и опыта. Это имеет принципиально важное значение для снижения уровня конфликтности в военном управлении.

Ценностно-ориентированное обучение и воспитание. Данный метод предполагает целенаправленное формирование у военнослужащих системы ценностей, установок и моделей поведения, способствующих открытости к инновациям, готовности к диалогу и конструктивному разрешению противоречий. Это может реализовываться через специальные учебные программы, тренинги, деловые игры и другие интерактивные формы.

Развитие коммуникативных компетенций. Важным условием снижения конфликтности является совершенствование навыков эффективного межличностного и группового взаимодействия: умение слушать, аргументировать свою позицию, находить компромиссы, управлять эмоциями и т.д. Систематическое обучение таким компетенциям создает основу для конструктивного диалога.

Внедрение практик демократического участия. Вовлечение военнослужащих в процесс принятия решений, создание условий для открытого обсуждения про-

блем и выражения различных точек зрения способствует формированию ценности плюрализма, готовности к учету альтернативных мнений.

Пропаганда корпоративных ценностей. Целенаправленное продвижение в воинском коллективе ценностей взаимоуважения, сотрудничества, ответственности за общее дело позволяет транслировать модели поведения, снижающие вероятность возникновения конфликтов.

Управление организационной культурой. Формирование в воинской части культуры, ориентированной на открытость, творчество и доверие, является важным фактором, определяющим характер межличностных и межгрупповых отношений в управленческой среде.

Комплексное и системное применение указанных методов является ключом к созданию в воинских коллективах нормативно-ценностной основы, обеспечивающей высокий уровень сплоченности и готовности к продуктивному взаимодействию, что, в свою очередь, способствует качественному выполнению служебно-боевых задач.

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод, что нормативно-ценностные технологии представляют собой один из наиболее эффективных инструментов регулирования конфликтности в управленческой среде воинских коллективов. Это объясняется рядом следующих факторов.

Формируя систему ценностей и моделей поведения у военнослужащих, нормативно-ценностные технологии оказывают влияние на фундаментальные мотивы, определяющие характер взаимодействия. Это позволяет достичь более устойчивых изменений в регуляции конфликтных ситуаций.

Использование взаимодополняющих методов, таких как ценностно-ориентированное обучение, развитие коммуникативных навыков и внедрение практик демократического участия, создает синергетический эффект и повышает действенность технологий социального регулирования.

Комплексное управленческое воздействие на структурные компоненты управленческой среды

Анализ теоретических подходов к изучению управленческой среды в воинских коллективах позволяет выделить три основных структурных компонента, воздействие на которые является ключевым для эффективного регулирования конфликтности. Они приводятся ниже в таблице 2.

Таблица 2. Структурные компоненты регулирования конфликтности

№	Компонент	Описание	Роль в регулировании конфликтности
1	Личностно-психологический уровень	Индивидуально-психологические особенности, ценностные ориентации, установки и мотивация военнослужащих	– Формирование личностных предпосылок конфликтов (повышенная тревожность, агрессивность, низкая стрессоустойчивость); – Развитие навыков конструктивного разрешения противоречий
2	Организационно-управленческий уровень	Структура воинского коллектива, система распределения полномочий и ответственности, практики принятия управленческих решений	– Недостатки в организации управленческих процессов (чрезмерная централизация, бюрократизация, нечеткое распределение функций) как источник напряженности и конфликтов – Совершенствование организационной структуры, оптимизация управленческих процессов, развитие демократических механизмов участия

№	Компонент	Описание	Роль в регулировании конфликтности
3	Социально-психологический уровень	Характер межличностных и межгрупповых отношений, специфика корпоративной культуры	– Проблемы в сфере межличностных и межгрупповых отношений (слабая сплоченность, наличие неформальных групп с конфликтующими интересами, дефицит доверия и взаимопонимания) как основа конфликтных ситуаций

Личностно-психологический уровень. Данный уровень включает индивидуально-психологические особенности, ценностные ориентации, установки и мотивацию военнослужащих. Именно на этом уровне формируются личностные предпосылки возникновения конфликтов – такие как повышенная тревожность, агрессивность, ригидность, низкая стрессоустойчивость, а также несформированность навыков конструктивного разрешения противоречий.

Организационно-управленческий уровень. Этот уровень охватывает структуру воинского коллектива, систему распределения полномочий и ответственности, практики принятия управленческих решений. Недостатки в организации управленческих процессов, такие как чрезмерная централизация, бюрократизация, нечеткое распределение функций, зачастую становятся источником напряженности и конфликтов. Воздействие на данный уровень включает совершенствование организационной структуры, оптимизацию управленческих процессов, развитие демократических механизмов участия.

Социально-психологический уровень. Данный уровень определяет характер межличностных и межгрупповых отношений в воинском коллективе, специфику сложившейся корпоративной культуры. Проблемы в этой

сфере, такие как слабая сплоченность, наличие неформальных групп с конфликтующими интересами, дефицит доверия и взаимопонимания, также могут провоцировать конфликтные ситуации. Воздействие на социально-психологический уровень направлено на формирование ценностей сотрудничества, развитие коммуникативной компетентности военнослужащих.

Комплексное управленческое воздействие, затрагивающее все три уровня управленческой среды, позволяет обеспечить устойчивое снижение конфликтности и создать условия для эффективного выполнения служебно-боевых задач. Фрагментарное использование отдельных методов и технологий не дает ожидаемого эффекта, поскольку не устраняет глубинные причины возникновения конфликтов.

Эффективное регулирование конфликтности в управленческой среде воинских коллективов требует применения комплексного подхода, включающего разнообразные методы и инструменты управленческого воздействия. В таблице 3 представлены основные методы и соответствующие им инструменты, которые могут быть использованы руководителями для снижения уровня конфликтности и повышения слаженности действий подчиненных при выполнении служебно-боевых задач.

Таблица 3. Методы и инструменты комплексного управленческого воздействия

№	Метод	Описание	Инструменты
1	Организационно-административный	Основан на использовании властных полномочий, регламентов, приказов, распоряжений	– Положения, инструкции, регламенты – Планы, графики, задания – Приказы, распоряжения, указания
2	Экономический	Предполагает применение системы материальных стимулов и санкций	– Системы оплаты труда – Премии, надбавки, компенсации – Штрафы, лишение премий
3	Социально-психологический	Направлен на формирование благоприятного социально-психологического климата	– Ротация кадров – Моральное стимулирование – Тренинги командообразования
4	Информационно-аналитический	Предполагает сбор, обработку и представление управленческой информации	– Мониторинг ситуации – Аналитические отчеты – Информационные системы
5	Воспитательный	Осуществляется через систему ценностей, традиций, личный пример руководителя	– Беседы, наставничество – Корпоративные мероприятия – Знаки отличия, награды

Комплексное применение этих методов и инструментов позволит обеспечить системное управленческое воздействие на основные структурные компоненты управленческой среды в воинских коллективах, снизить уровень конфликтности и повысить эффективность выполнения служебно-боевых задач.

Выводы

Проведенное теоретическое исследование позволяет сделать следующие обобщающие выводы:

1. Управленческая среда воинских коллективов, обеспечивающих выполнение служебно-боевых задач, характеризуется повышенным уровнем конфликтности, обусловленным спецификой военной деятельности,

напряженностью профессиональных и межличностных взаимодействий, а также необходимостью принятия ответственных решений в условиях неопределенности.

2. Эффективное регулирование конфликтности управленческой среды в воинских коллективах требует применения комплексного управленческого воздействия на основные структурные компоненты этой среды:

- личностно-психологический уровень (индивидуально-психологические особенности военнослужащих);
- организационно-управленческий уровень (организационная структура, механизмы принятия решений);
- социально-психологический уровень (корпоративная культура, система коммуникаций).

3. Разработанные методы и инструменты комплексного управленческого воздействия, включающие психо-

логическое консультирование, тренинги, демократизацию управленческих процессов, развитие корпоративной культуры и навыков разрешения конфликтов, обеспечивают снижение конфликтности управленческой среды и создают условия для повышения эффективности выполнения воинскими коллективами служебно-боевых задач.

4. Применение предложенных технологий социально-регулирующего конфликтности управленческой среды в воинских коллективах должно осуществляться в рамках целостной системы организационно-управленческих мероприятий, направленных на обеспечение высокого уровня боевой готовности, сплоченности и психологической устойчивости военнослужащих.

Исходная гипотеза данного исследования заключалась в том, что применение комплекса технологий социального регулирования конфликтности управленческой среды в воинских коллективах, обеспечивающих выполнение служебно-боевых задач, будет способствовать повышению эффективности их профессиональной деятельности.

Анализ научной литературы и обобщение существующего практического опыта показали, что конфликтность управленческой среды в воинских коллективах является объективным фактором, оказывающим негативное влияние на качество выполнения служебно-боевых задач. Управление конфликтностью в данных коллективах требует применения комплексного подхода, включающего воздействие на личностно-психологические, организационно-управленческие и социально-психологические характеристики управленческой среды.

Результаты теоретического анализа подтверждают выдвинутую гипотезу исследования и обосновывают целесообразность применения технологий социально-регулирующего конфликтности управленческой среды в воинских коллективах в качестве важного фактора повышения эффективности их профессиональной деятельности.

Литература

1. Акопова Е.С., Бушуев И.В., Самыгин С.И. Корпоративная культура образовательной организации как механизм регулирования социальных конфликтов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 21–24.
2. Баранова Г.В., Музалевский В.И. Конфликт в воинских коллективах как фактор социального самочувствия военнослужащих // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 101–112.
3. Веремчук В.И., Гизатуллин А.А. Оптимизация управления социальными конфликтами среди военнослужащих контрактной службы в воинских подразделениях Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1 (834). С. 258–265.
4. Рогожникова Р.А., Равилов Р.Т. Предупреждение и конструктивное разрешение конфликтов в воинском коллективе // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического универси-

тета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2020. № 2. С. 120–127.

5. Хусаинова С.В., Галимов Р.Р. Доминирующие стратегии поведения курсантов при разрешении конфликтных ситуаций в учебно-профессиональной деятельности // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2020. № 3 (51). С. 158–162.
6. Чумиков А.Н. Медиация в системе конфликтологии социальных взаимоотношений: состояние и перспективы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2. С. 41–56.

OPTIMIZATION OF THE FUNCTIONING OF MECHANISMS OF SOCIAL REGULATION OF CONFLICT MANAGEMENT ENVIRONMENT IN MILITARY COLLECTIVES

Baklanovsky S.V., Osipenko E.B.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

This article examines the actual problem of social regulation of conflict in the managerial environment of military collectives, which directly affects the quality of performance of service and combat tasks. In the course of the theoretical research, various technologies of social conflict management, such as communicative, structural-functional and normative-value ones, were considered. The role of optimal interaction strategies, regulatory frameworks and the formation of a system of concepts and attitudes in conflict management is analyzed. Special attention is paid to the study of the effectiveness of the methods and tools used. A separate section is devoted to the complex management impact on the structural components of the management environment. It examines the need for an integrated approach to conflict management, the role of structural components in conflict management and methods of integrated management impact. The article concludes with a summary of the results of the theoretical study, confirmation or refutation of the research hypothesis, as well as prospects for further research on this problem.

Keywords: social regulation of conflict, optimization of social mechanisms, management environment, military collectives, communication technologies, structural and functional technologies, normative and value technologies, integrated management impact.

References

1. Akopova E.S., Bushuev I.V., Samygin S.I. Corporate culture of an educational organization as a mechanism for regulating social conflicts // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. No. 10. pp. 21–24.
2. Baranova G.V., Muzalevsky V.I. Conflict in military collectives as a factor in the social well-being of military personnel // News of Tula State University. Humanitarian sciences. 2022. No. 2. P. 101–112.
3. Veremchuk V.I., Gizatullin A.A. Optimization of social conflict management among contract servicemen in military units of the Ground Forces of the Armed Forces of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2019. No. 1 (834). pp. 258–265.
4. Rogozhnikova R.A., Ravirov R.T. Prevention and constructive resolution of conflicts in the military collective // Bulletin of the Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences. 2020. No. 2. P. 120–127.
5. Khusainova S.V., Galimov R.R. Dominant behavior strategies of cadets when resolving conflict situations in educational and professional activities // Humanities (Yalta). 2020. No. 3 (51). pp. 158–162.
6. Chumikov A.N. Mediation in the system of conflictology of social relationships: state and development prospects // Sociological science and social practice. 2023. T. 11. No. 2. P. 41–56.

Бурняшева Людмила Александровна,

д.ф.н., профессор высшей школы туризма и гостеприимства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»
E-mail: luda-3331@yandex.ru

Косенко Оксана Юрьевна,

д.э.н., доцент, профессор кафедры труда и социальной
политики ИГСУ РАНХИГС при Президенте РФ
E-mail: kosenko_oksana@mail.ru

Финенко Сергей Владимирович,

студент ФГБОУ ВО «Саратовский государственный
медицинский университет им. В.И. Разумовского»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: qwerty.servey43@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме, связанной с медицинским туризмом, которому сегодня требуются инновации, новые идеи и методы. В инновациях нуждаются процессы привлечения пациентов и работы с отзывами. Авторы утверждают, что нововведения в индустрии медицинского туризма могут привести к появлению новых предложений и процессов, которые обеспечат конкурентное преимущество медицинским центрам. Исследование показало, что медицинский туризм должен развиваться путем внедрения инноваций, путем заедствования последних достижений в сфере технологий, здравоохранения и связей с общественностью, использовать новые бизнес-модели и укреплять партнерство между медицинскими учреждениями и экосистемой, поддерживающей отрасль.

Ключевые слова: медицинский туризм, регион, трансформация, медицинские центры, инновационные тенденции.

Современные технологии, политические и общественные изменения, а также глобализация стимулируют различные страны и отрасли экономики искать все новые способы повышения своей конкурентоспособности. После эпидемии COVID-19 медицинский туризм оказался на перепутье. Отрасль до сих пор использует данные, информацию, концепции и методы, которые были разработаны более 20 лет назад. Ею не были приняты инновации, которые широко внедрены в других сферах социальной жизни. Тем не менее, многие СПА-отели, клиники и медицинские центры продолжают ориентироваться на идею «Мы лучшие, приходите к нам», вместо того чтобы задуматься, почему потребитель должен выбрать именно их. Поэтому в настоящее время медицинский туризм нуждается в инновациях, продвижении новых идей и методов. Процесс вовлечения пациентов и получения обратной связи также требует инновационных решений [2, с. 95].

Чтобы начать новую эру медицинского туризма, отрасль должна развиваться за счет инноваций, использовать последние достижения в области технологий, здравоохранения и связей с общественностью, применять новые бизнес-модели и укреплять партнерские отношения между учреждениями здравоохранения и экосистемой, лежащей в основе отрасли.

Медицинский туризм, также известный как оздоровительный или лечебный туризм, – это практика получения лечения за пределами своей страны или региона. С ростом и развитием данной отрасли возникает потребность в инновациях, которые могут удовлетворить меняющиеся потребности и предпочтения потребителей. Внедрение новых идей в индустрию медицинского туризма улучшит качество обслуживания пациентов, повысит эффективность и выделит их среди конкурентов.

Так, рассмотрим инновационные тренды медицинского туризма, такие как телемедицина, искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение (МО), использование виртуальной реальности, персонализированные и настраиваемые рекомендации, интегративная медицина, финансовые технологии, автоматизация процессов, цифровой непрерывный уход, поведенческий маркетинг, анализ данных [4, с. 232].

Телемедицина – это оказание медицинской помощи на расстоянии с использованием различных технологий и методов. Что включает в себя видео конференции для обсуждения планов лечения иностранных пациентов, или пациентов других регионов, удаленный мониторинг состояния пациентов, электронные медицинские документы и виртуальный уход за пациентами после выписки. Телемедицина помогает пациентам получать точную информацию и устанавливать доверительные отношения с медицинским персоналом, помогает избежать неожиданностей и скрытых затрат во время лечения за рубежом. Она также помогает привлечь постоянных клиентов, расширить свою базу пациентов.

Искусственный интеллект и машинное обучение все чаще используются в медицине для улучшения ухода за пациентами и результатов лечения. Например, искусственный интеллект можно использовать для анализа больших объемов данных о пациентах, выявления закономерностей и прогнозирования поведения и тенденций. Нейронные сети позволяют создавать индивидуальный

план лечения на основе уникальных характеристик пациента и его истории болезни. В целом, нейросети помогают компаниям более эффективно и осознанно привлекать клиентов, персонализируя взаимодействия, автоматизируя процессы и предоставляя анализ поведения клиентов в режиме реального времени.

В медицинских центрах технология виртуальной реальности может быть использована для улучшения обслуживания пациентов. Это включает в себя виртуальные экскурсии по медицинским учреждениям, предварительный просмотр операционной и процедурного кабинета, виртуальное моделирование результатов лечения в стиле «до/после», персонализацию планов лечения и многое другое [7, с. 271].

Пластические хирурги также могут использовать технологию виртуальной реальности для планирования, визуального моделирования, обучения пациентов хирургическим процедурам и консультирования по ним. Виртуальная реальность позволяет хирургам обрабатывать анатомически точные 3D-модели пациентов, помогая в предоперационном планировании и сокращая потребность в инвазивных диагностических процедурах. Это также обеспечивает более точную и эффективную работу, что приводит к лучшим результатам для пациентов [1, с. 19].

Здравоохранение, как и многие другие отрасли, использует технологии обработки данных и машинного обучения для предоставления персонализированных рекомендаций пациентам. Это включает в себя использование методов для адаптации плана лечения к конкретным потребностям и особенностям пациента. Генетическое тестирование также используется для выявления потенциальных рисков для здоровья и чувствительности к лекарственным препаратам, а примером такого подхода является удаленный мониторинг устройств, которые обрабатывают электронные медицинские записи для отслеживания истории болезни пациента и жизненно важных показателей [6, с. 145].

Санатории, СПА-отели и клиники могут выделяться, предлагая пациентам индивидуальные пакеты лечения. Они могут включать в себя виртуальные консультации, индивидуально разработанные планы лечения, организацию поездок и индивидуальные предложения. Целью персонализированных медицинских технологий является улучшение ухода за пациентами и результатов лечения за счет постановки более точных диагнозов и применения наиболее эффективных методов лечения.

Интегративная медицина – это целостный подход к медицине, в результате которого происходит сочетание традиционной медицины с дополнительными и альтернативными методами лечения. Вместо того, чтобы бороться с определенными симптомами и заболеваниями, он фокусируется на лечении всего организма человека, включая физическое, эмоциональное и духовное благополучие. Развивая методы интегративной медицины, индустрия медицинского туризма может создавать привлекательные предложения для потребителей [3, с. 32].

Также необходимо упомянуть финансовые технологии, которые представляют собой набор технологий для улучшения и автоматизации финансовых услуг. Примерами таких инноваций являются цифровые платежные системы, приложения для онлайн-перевода денежных средств, приложения для международного обмена валюты, интеграция со сторонними программами цифровых платежей и инструменты финансового анализа. Финансовые технологии часто используются компаниями для разработки новых финансовых продуктов и услуг, которые являются более доступными, эффективными и удобными, чем традиционные. Финансовые технологии

могут повлиять на различные сегменты отрасли и оказать значительное влияние на медицинский туризм. Это повышает прозрачность и надежность цифровых технологий по сравнению с традиционными денежными операциями, которые по-прежнему доминируют в отрасли.

Еще одним инновационным трендом медицинского туризма является автоматизация процессов. Одним из важнейших факторов в медицинском туризме является способность привлекать клиентов. Использование новейших технологий для автоматизации задач и рабочих процессов с целью привлечения новых клиентов называется автоматизацией процесса привлечения клиентов.

Под цифровым непрерывным уходом подразумевается использование цифровых технологий для улучшения качества ухода за пациентами на протяжении длительного периода времени. DCoC в индустрии медицинского туризма может помочь отелям и клиникам получать доступ к информации о пациентах, отслеживать прогресс пациентов и лучше координировать уход. DCoC нацелен на улучшение качества и непрерывности ухода, а также на увеличение вовлеченности и удовлетворенности пациентов при снижении затрат и устранении различий в здравоохранении [5, с. 97].

Инновационным трендом медицинского туризма является и поведенческий маркетинг. Данный тип маркетинга персонализирует и адаптирует маркетинговые сообщения и кампании на основе данных и информации о поведении клиентов. Чтобы лучше понять потребности и предпочтения клиентов, настраиваемая система отслеживает поведение группы пользователей, классифицируемых как «медицинские туристы». Поведенческий маркетинг позволяет медицинским центрам лучше понимать покупательские привычки своих клиентов и то, как они продают предлагаемые ими товары и услуги [8].

Анализ данных также следует рассматривать как инновационную тенденцию. Это процесс изучения, уточнения, преобразования и моделирования данных с целью извлечения полезной информации, составления выводов и оказания помощи в принятии решений. Это включает в себя анализ данных из различных источников и выявление закономерностей, тенденций и аналитических заключений с использованием различных методов, включая статистический анализ, машинное обучение и визуализацию данных. Анализ данных может использоваться для получения конкурентных преимуществ, повышения операционной эффективности и оптимизации производительности. Отрасль может принимать более обоснованные решения на основе более качественных данных, а не полагаться на слухи, которые неоднократно оказывались неверными.

Литература

1. Бурняшева Л.А. Традиционное и новационное в духовно-нравственной сфере социального бытия: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Северо-Кавказский государственный технический университет. – Ставрополь, 2008. – 24 с.
2. Бурняшева Л.А. Духовное пространство в контексте трансформационных процессов в обществе: социально-философский анализ. – Пятигорск, 2012. – 117 с.
3. Бурняшева Л.А., Бурняшева В.Е., Романько Т.В. Кластерное взаимодействие медицины и туризма как приоритетное направление социально-экономического развития регионов России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 31–33.

4. Жуковская И.Ф., Наумова И.В. Медицинский туризм: проблемы и перспективы развития в России // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 2 (92). С. 230–233.
5. Зырянов А.И. Географическое поле туристского кластера // Географический вестник. 2012. № 1 (20). С. 96–98.
6. Каленова С.А. Мировой опыт развития медицинского туризма // Вестник университета Туран. 2018. № 4 (80). С. 142–146.
7. Нестеренко Е.С., Примышев И.Н. Особенности развития медицинского туризма в Российской Федерации // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 7 (17). Вып. 2. 2021. С. 266–275.
8. Революция в медицинском туризме: 10 основных инновационных тенденций. – URL: <https://www.sanatoriums.com/ru/blog/2782-revolyutsiya-v-meditsinskom-turizme-10-osnovnyh-innovatsionnyh-tendentsij>

TRANSFORMATION IN MEDICAL TOURISM: INNOVATIVE TRENDS

Burnyasheva L.A., Kosenko O.Yu., Finenko S.V.

Russian State University of Tourism and Service, MIGSU RANEPa under the President of the Russian Federation, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky of the Ministry of Health of the Russian Federation

This article is devoted to an urgent problem related to medical tourism, which requires innovations, new ideas and methods. The processes of attracting patients and working with reviews need to be innovative. The authors argue that innovations in the medical tourism industry can lead to new proposals and processes that will provide a competitive advantage to the medical center. The study showed that medical tourism should be developed through innovation, by

leveraging the latest advances in technology, healthcare and public relations, using new business models and strengthening partnerships between medical institutions and the ecosystem supporting the industry.

Keywords: medical tourism, region, transformation, medical centers, innovative trends.

References

1. Burnyasheva L.A. Traditional and innovative in the spiritual and moral sphere of social existence: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences / North Caucasus State Technical University. – Stavropol, 2008. – 24 p.
2. Burnasheva L.A. Spiritual space in the context of transformational processes in society: a socio-philosophical analysis. – Pyatigorsk, 2012. – 117 p.
3. Burnyasheva L.A., Burnyasheva V.E., Romanko T.V. Cluster interaction of medicine and tourism as a priority direction of socio-economic development of the regions of Russia // Socio-humanitarian knowledge. 2023. № 12. pp. 31–33.
4. Zhukovskaya I.F., Naumova I.V. Medical tourism: problems and prospects of development in Russia // Science and business: ways of development. 2019. № 2 (92). pp. 230–233.
5. Zyryanov A.I. Geographical field of the tourist cluster // Geographical bulletin. 2012. No. 1 (20). pp. 96–98.
6. Kalenova S.A. World experience in the development of medical tourism // Bulletin of the University of Turan. 2018. No. 4 (80). pp. 142–146.
7. Nesterenko E.S., Primyshev I.N. Features of the development of medical tourism in the Russian Federation // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. Volume 7 (17). Issue 2. 2021 pp. 266–275.
8. Revolution in medical tourism: 10 main innovative. – URL: <https://www.sanatoriums.com/ru/blog/2782-revolyutsiya-v-meditsinskom-turizme-10-osnovnyh-innovatsionnyh-tendentsij>

Определение самооценки здоровья как социальной категории: на примере студентов и сотрудников

Кашук Маргарита Александровна,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: kashchuk@bsu.edu.ru

В статье представлены результаты исследования самооценки здоровья группы студентов и сотрудников одной из организаций г. Белгорода. В анкетировании приняли участие n=200 человек (100 студентов и 100 сотрудников). Возрастной диапазон студентов составил от 18 до 22 года и сотрудников от 26 до 44. Гендерное соотношение респондентов среди студентов: 71 девушки, 29 юноши. Соотношение среди сотрудников: мужчин 13 и 87 женщин. Результаты исследования показали, что у мужчин более высокая самооценка здоровья по сравнению с женщинами. Также был отмечен более высокий уровень самооценки здоровья у студентов. Как и ранее, самооценка здоровья позволяет более полно оценивать основные аспекты, связанные со здоровьем и само состояние здоровья. Во внимание принимаются физические, социологические и психологические факторы, которые включены в определение здоровья по ВОЗ. Цель работы: исследовать самооценку здоровья двух групп (студенты, сотрудники).

Ключевые слова: самооценка, здоровье, физическое состояние.

Первые упоминания определения самооценки здоровья начали появляться в 1950 г [1]. В течение жизни индивид накапливает субъективные суждения касаясь собственного здоровья. Поэтому самооценка здоровья является важным показателем, отражающим адекватное восприятие собственных болезней и важным показателем при оказании квалифицированной медицинской помощи [2].

Для изучения самооценки мы рассматривали ее как интегральный показатель, в котором заключается не только оценка наличия или отсутствия симптомов, а также психологическое благополучие индивида – осознанный подход к жизненным перспективам, своим возможностям, своему месту среди социума.

Для определения самооценки здоровья берется три основных показателя:

- регулятивная функция;
- оценочная функция;
- прогностическая функция.

Зачастую, собственное здоровье со стороны индивида обуславливается возможностью выполнять различные социальные роли и функции. Многочисленные исследования подтвердили, что наличие стресса и психологические переживания влияют на трудоспособность и самооценку, иногда даже сильнее, чем наличие каких-то хронических заболеваний [4]. Все это и обуславливает и в подробной мере описывает регулятивную функцию самооценки здоровья.

Первый вопрос, на который респондентам предлагалось дать ответ: Удовлетворены ли Вы состоянием своего здоровья? В студенческой группе показатели получились лучше. Из ста респондентов 68 ответили, что полностью удовлетворены. В группе сотрудников результаты получились следующие: 43 ответили, что удовлетворены, остальные 57 дали отрицательный ответ (Рис. 1).

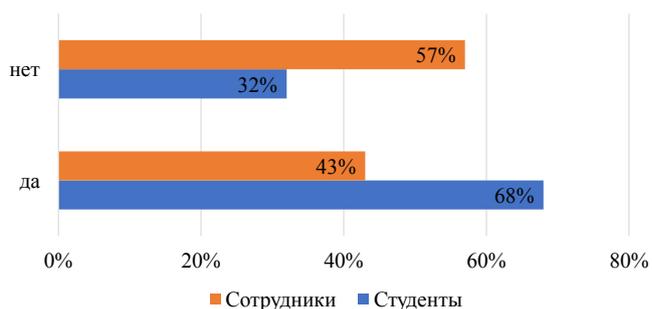

Рис. 1. Удовлетворенность состоянием здоровья

На следующий вопрос респондентам предстояло выделить факторы риска заболеваемости. Все возрастные группы отметили, в первую очередь, что низкая физическая активность и риск пагубного употребления алкоголя больше всего губит здоровье. В студенческой группе частым ответом также стало курение 65%. В свою очередь, больше половины группы сотрудников 74% отметили, что излишняя масса тела и повышенное артериальное давление, также являются частым фактором риска. На результаты ответа на этот вопрос мог повлиять и опыт сотрудников. Ведь, не редко, сотрудники уходят на больничные из-за данных симптомов. В то же время

студенты не совсем часто сталкиваются с этой проблемой, и, в силу возраста, могут быть не совсем осведомлены о данной проблеме даже у себя (Рис. 2).

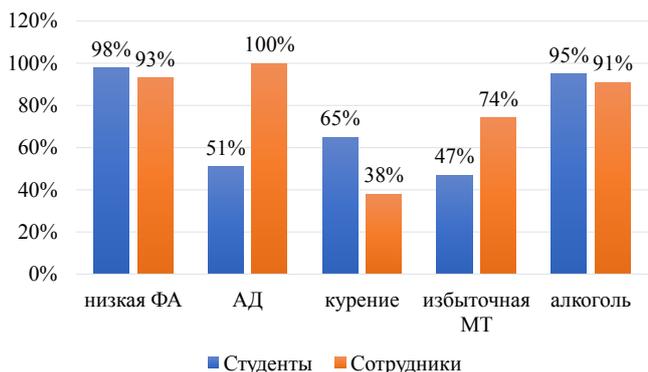

Рис. 2. Факторы риска, провоцирующие заболевания

На следующий вопрос мнения респондентов разделились не сильно. Большинство респондентов каждой группы (87% студенты, 83% сотрудники) считает, что укреплению здоровья будет способствовать регулярная физическая нагрузка, соблюдение режима труда и отдыха, а также соблюдение режима питания. Среди опрошенных сотрудников не редко встречался и вариант ответа – качество воды 37%. По их мнению, любые положительные изменения будут способствовать укреплению здоровья.

На вопрос проходите ли вы ежегодную диспансеризацию ответы разделились следующим образом. Большинство студентов ответили, что проходят ее для получения санитарной книжки, и не видят смысла проходить более тщательное исследование без признаков заболеваемости. В свою очередь, больше половины сотрудников 63% выделили необходимость прохождения дополнительных обследований в течение года, независимо от рабочей медицинской комиссии для более тщательного обследования и выявления признаков заболевания на ранних стадиях.

Насколько вы удовлетворены своим психологическим состоянием? Большинство студентов ответили, что часто испытывают признаки депрессии, апатии и непротив были бы обратиться к специалисту. В то время как сотрудники в большинстве своем утверждают, что чувствуют себя в этом плане замечательно. Изредка у них могут присутствовать переживания за семью и работу, но это никак не сказывается на их общем психологическом состоянии.

Что вы относите к признакам не здорового психологического состояния? На данный вопрос респонденты ответили следующим образом. Среди студентов чаще звучали ответы: нежелание работать 71%, общее ухудшение состояния организма 52%, сумбурное мышление и невозможность сконцентрироваться на чем-то одном 69%. Сотрудники же считают, что к признакам можно отнести дурашливость 56%, которая не свойственна возрасту человека, а также резкие состояния эйфории без повода.

Наблюдали ли вы когда-либо у себя вышеперечисленные признаки? Ответы получились следующие. Студентами отмечено, что в различные периоды данные состояния присутствовали в их жизни. Среди сотрудников данный показатель получился меньше. Ими было отмечено, что чаще они наблюдали данные состояния у кого-то из своего окружения (Рис. 3).

К вопросу о принятии участия в различных спортивных и оздоровительных мероприятиях, проводимых учебным заведением, организацией или в городе, многие ответили, что по возможности принимают.

Среди студентов этот показатель выше 81%. В свою очередь, сотрудники уточнили, что не желают принимать участие в силу своих физических ограничений.

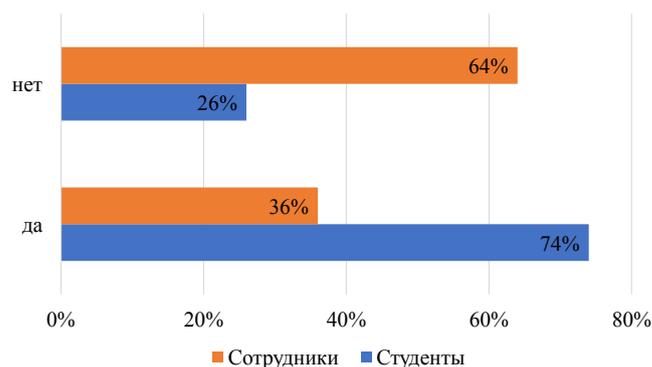

Рис. 3. Наличие признаков не здорового психозэмоционального состояния

И на последний вопрос об удовлетворенности мероприятиями по формированию здорового образа жизни мнения респондентов получились следующими. Большая часть студентов 83% уверенно ответили, что достаточно секций и мероприятий. Мнения сотрудников разделились, 48% считает, что мероприятий достаточно, просто не всегда хватает смелости принять в них участие. Остальная половина 52% считает, что отсутствует именно организация оздоровительных мероприятий для более старших людей.

После проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы: среди мужчин показатель высокой самооценки здоровья выше, большая доля респондентов женского пола показывает более низкие показатели. Если рассматривать показатели по группам, то студенческую группу можно отнести к доле населения с хорошей самооценкой здоровья, но их поверхностное отношение к некоторым факторам и незнание в силу неопытности также может влиять на их ответы. В то же время сотрудники подошли к ответам более серьезно. Эта группа, хоть и имеет более низкий показатель самооценки своего здоровья, но к его сохранению подходит более тщательно. Отдельно также хочется рассмотреть показатели психозэмоционального состояния здоровья среди респондентов. Многие сотрудники отрицают или не знают о наличии у себя данной проблемы, это может быть связано с приверженностью поколений старых традиций. Ведь раньше не принято было об этом говорить в открытую, и, по большей части, к здоровью относили только физические показатели. На сегодняшний день информирование о данных проблемах со здоровьем очень часто освещаются в СМИ и различных источниках интернета, поэтому студенты относятся к этому более внимательно и не видят причины отрицания наличия каких-то проблем.

Возвращаясь к самооценке здоровья, нельзя не отметить, что физические и психологические состояния человека, могут показать более реальную картину здоровья индивида. Хотя данная оценка субъективна для современной медицины, и данные оценки человеком своего состояния не всегда надежны при определении реального заболевания. Тем не менее еще ранее специалистами было зафиксировано совпадение с реальным состоянием индивида и его самооценкой здоровья в 70–80% случаев путем проведения анализа медицинских карт и других исследований [3,4].

Сильное влияние социальной и физической среды, о котором сообщается респондентами, свидетельствует в пользу комплексного подхода к профилактическим

услугам в сфере формирования здорового образа жизни [6].

Еще одним из признаков, который может влиять на самооценку более старшего поколения, это феномен социальной желательности. То есть, респондент не желает выглядеть менее здоровым среди своих сверстников, а также на фоне более молодых поколений и зачастую приукрашает свои состояния. Таким способом индивид пытается преподнести себя в благоприятном свете, чтобы соответствовать в большей степени нормам и стандартам выдвигаемых социумом [5]. Зачастую пациенты занижают массу своего тела, причем чем старше пациент, тем более часто это наблюдается. Данное поведение подталкивает соответствовать социуму и негативно сказывается на самооценке индивида. В особенности если проблема касается психологического благополучия и задеваются чувствительные темы у индивида [5].

Также хочется отметить, что чем старше становится человек, тем он более подвержен занижению самооценки своего здоровья в угоду социума. На высокий показатель самооценки молодых поколений по большей части влияет их более легкое отношение ко всем своим проблемам, до тех пор, пока они не дадут о себе знать. Но в целом, все группы в той или иной мере реально оценивают свое состояние здоровья. Это и свидетельствует о высоком показателе самооценки здоровья среди опрошенных групп. По большей части все расхождения в ответах респондентов можно отнести к мнительности более старших групп и простоте восприятия среди младших.

Таким образом, самооценка здоровья и его сопутствующих аспектов, захватывает широкий спектр факторов, влияющих на человека. Данные факторы могут быть искажены в силу возрастных особенностей и субъективности суждений индивида.

В наши дни инструменты самооценки все чаще принимаются во внимание в современной гериатрии и терапии. Это способствует улучшению при постановке диагнозов и планировании путей лечения. На субъективность самооценки здоровья оказывают влияние социальные и личные факторы. Поэтому для синхронизации самооценки здоровья и реальной клинической картины необходимо также исходить из возрастной адаптации индивида. На основании полученных данных можно судить о связи самооценки здоровья индивида с выстраиванием его степени ответственности к своему здоровью.

Литература

1. Amoah PA. Social participation, health literacy, and health and well-being: A cross-sectional study in Ghana. *SSM – Population Health*. 2018;4:263–270.
2. Kobyłko, A., Rymaszewska, J., Rymaszewska, J., et al. Clinical complexity – where to find it and how to use it. *Psychiatria Polska*. 2021;55(6):1449–1471.

3. Семейное благосостояние и здоровье. Проект «Таганрог – три с половиной». Т. 1. – М.: ИСЭПН РАН, 1997. С. 87–88.
4. Максимова Т.М. Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. М. 2002, – С. 94.
5. Wang C, Pu R, Li Z, et al. Subjective health and quality of life among elderly people living with chronic multimorbidity and difficulty in activities of daily living in rural South Africa. *Clin Interv Aging*. 2019;14:1285–1296. doi: 10.2147/CIA.S205734.
6. Ревенко Н.В., Сержко Т.А., Кашчук М.А., Исследование убеждений и установок городского населения относительно здорового образа жизни // Социально-гуманитарные знания. № 22023 [СГЗ]. – С. 43–45.

DEFINITION OF SELF-ESTEEM OF HEALTH AS A SOCIAL CATEGORY: THE EXAMPLE OF STUDENTS AND EMPLOYEES

Kashchuk M.A.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article presents the results of a study of the self-assessment of health of a group of students and employees of one of the organizations in Belgorod. N=200 people (100 students and 100 employees) took part in the survey. The age range of students was from 18 to 22 years and of employees from 26 to 44. The gender ratio of respondents among students: 71 girls, 29 boys. The ratio among employees: 13 men and 87 women. The results of the study showed that men have higher self-rated health compared to women. A higher level of self-esteem of health among students was also noted. As before, self-assessment of health allows a more complete assessment of the main aspects related to health and the health status itself. The physical, sociological and psychological factors that are included in the WHO definition of health are taken into account. Purpose of the work: to study the self-assessment of health of two groups (students, employees).

Keywords: self-esteem, health, physical condition.

References

1. Amoah PA. Social participation, health literacy, and health and well-being: A cross-sectional study in Ghana. *SSM – Population Health*. 2018;4:263–270.
2. Kobyłko, A., Rymaszewska, J., Rymaszewska, J., et al. Clinical complexity – where to find it and how to use it. *Psychiatria Polska*. 2021;55(6):1449–1471.
3. Family well-being and health. Project “Taganrog – three and a half.” Т.1. – М.: ИСЭПН РАН, 1997. P. 87–88.
4. Maksimova T.M. Current status, trends and future estimates of population health. М. 2002, – P. 94.
5. Wang C, Pu R, Li Z, et al. Subjective health and quality of life among elderly people living with chronic multimorbidity and difficulty in activities of daily living in rural South Africa. *Clin Interv Aging*. 2019;14:1285–1296. doi: 10.2147/CIA.S205734.
6. Revenko N.V., Serezhko T.A., Kashchuk M.A., Study of beliefs and attitudes of the urban population regarding a healthy lifestyle // Social and humanitarian knowledge. No. 22023 [SGZ]. – pp. 43–45.

Социальное проектирование развития адаптивной организационной культуры современных воинских коллективов

Болдырев Алексей Николаевич,

преподаватель, адъюнкт Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: boldirev78@list.ru

Проанализированы базовые теоретические подходы по проблеме проектирования организационной культуры воинских коллективов. Доказано, что в новых условиях необходимо проектировать адаптивную организационную культуру воинских коллективов, что предусматривает развитие новаторских ценностей, социальных норм, профессиональных принципов служебного поведения, создание правовых и социально-организационных условий социального творчества, стимулирование новаторской деятельности, мотивацию профессиональной активности военных акторов. Необходимы разработка и внедрение национального социального проекта развития организационной культуры военнослужащих, в рамках которого надо интегрировать государственные и внутриорганизационные проекты развития организационной культуры военнослужащих. В этой связи нужно, с одной стороны, создать нормативные, организационные, финансовые условия развития новаторства военнослужащих, с другой стороны, активизировать следующие направления внутриорганизационного социального проектирования: целевое формирование ценностей адаптации, творчества и новаторства, стимулирование инициативы при выполнении профессиональных задач; оптимизация механизма социально-экономической мотивации профессиональной адаптации, служебного творчества, инициативы при реализации военной службы.

Ключевые слова: воинский коллектив, традиционная и адаптивная организационная культура, новаторские ценности, принципы поведения, профессионализм.

В современных условиях усиливается тенденция информатизации воинских подразделений России. С одной стороны, кратно растет информационный поток в системе функционального взаимодействия военнослужащих. С другой стороны, стихийно формируется адаптивная организационная культура в воинских частях, создается новый тип военнослужащего, который ориентирован не только на постоянный поиск, обработку, анализ и обобщение информационных потоков, но и на новаторскую служебную деятельность в рамках новых социокультурных реалий (перегруженность информационными данными, неопределенность, нерелевантность и отсутствие устойчивых алгоритмов использования профессиональных навыков). Поэтому необходима разработка социальных проектов целевого формирования адаптивной новаторской организационной культуры в воинских коллективах, которая будет способствовать росту новаторских действий при преодолении перегруженности социального сознания, частичному устранению чрезмерного информационного, эмоционального, социального давления.

Таким образом, новые адаптивные принципы, нормы, ценности воинского коллектива представляют собой объект современного социального проектирования. Разработка направлений данного проектирования является актуальной проблемой научного анализа в новых условиях.

Теоретические основы

Теоретические основы анализа социального проектирования развития **адаптивной организационной культуры воинского служебно-трудового коллектива представлены в ряде социологических парадигм. Выявлено несколько групп исследований данного научного феномена.**

В рамках первой группы социологических концепций представляются общие принципы организационной культуры [1], раскрываются пути ее социального проектирования [2, с. 27]. Обосновывается, что социальное проектирование организационной культуры должно включать в себя процессы оценки и плановые направления изменений в системе профессиональных ценностей военнослужащих [3]. Именно социальный проект призван в итоге сформировать самоуправляемые адаптивные инновационные ценности, нормы и принципы поведения.

Вторая группа социологических теорий представляет концептуальные основы формирования адаптивной организационной культуры [4]. Исследователи данной группы доказывают, что в рамках социального проекта необходимо представить документ конструирования [5]. В содержание последнего включаются результаты анализа существующих основ организационной культуры воинского коллектива, определяется необходимая будущая модель группового и коллективного профессионального и бытового поведения акторов [6]. Подчеркивается, что социальное проектирование культуры ориентировано на трансформацию признаков ее потенциального и действительного проявления как во внешней (государственной), так и внутренней (внутриорганиза-

ционной) социокультурных средах. Здесь раскрывается традиционная (статичные характеристики базовых ценностей, норм, принципов: жесткая дисциплина, поддержание устойчивого порядка, статичность социальных ролей) и адаптивная (новаторские ценности, социальные нормы, профессиональные принципы служебного поведения, динамичное развитие социальных ролей) организационные культуры воинского подразделения. Обосновывается важность сравнения оценки организационной культуры в настоящем и будущем периодах проектирования. При разработке проектов, исходя из результатов анализа различных уровней организации и изменений, происходящих в социокультурной системе общества, акцент должен делаться на обновление миссии, целей, задач военной организации, формирование будущего адаптивного профиля стиля поведения акторов.

Третья группа социологических парадигм представляет пути социально-культурного проектирования эффективной организационной культуры воинских коллективов [7, с. 115]. Рассматривается проектирование как социально конструктивная деятельность. Ее сущность связана с анализом социокультурных проблем воинского коллектива, выявлением первопричин их формирования, а также выработкой направлений проектного конструирования обновленных целей, ценностей, норм, правил поведения [8]. Последнее и должно характеризовать желаемые изменения и состояние будущей организационной культуры воинских коллективов.

Таким образом, отметим, что в рамках имеющихся социологических разработок отождествляется процесс социального проектирования организационной культуры воинских коллективов и проектирования процессов разрешения функциональных социокультурных организационных противоречий. Доказывается, что социальное проектирование должно осуществляться на макро- и микроуровнях. В новых условиях оно определяет проактивное развитие адаптивной организационной культуры, формирование инновационных социально адаптивных ценностей, норм, принципов поведения военнослужащих на службе и за ее пределами.

Эмпирические данные, их анализ и обсуждение

Подтверждение полученных выводов требует анализа дополнительных социологических эмпирических исследований. Используем данные проведенного автором статьи анкетного социологического опроса военнослужащих типовых воинских частей ($n = 900$). Опрошены военнослужащие двух регионов России г. Саратов (470 человек – воинская часть Министерства обороны); г. Москва (430 человек – воинская часть национальной гвардии). Применена простая случайная выборка (пошаговая механическая выборка).

В процессе социологического опроса военнослужащие представляют следующие направления социального проекта развития **адаптивной** организационной культуры современной воинского коллектива (ответ на данный вопрос анкеты предполагал многовариантность, поэтому общее количество ответов по каждому из предложенных вариантов превышает 100%).

1. Оптимизация внешних механизмов социального проектирования социокультурного развития личного состава воинских частей. Данное направление как приоритетное определяют 75,3% опрошенных военнослужащих. Именно государство в новых условиях должно не только способствовать росту имиджа военнослужащих, но и организационно (формирование организационно-правового инновационного служебного климата), а так-

же ресурсно (усиление социокультурного финансирования, материального обеспечения военнослужащих) обеспечивать условия инновационного обновления деятельности членов военной организации.

Таким образом, в рамках государственного социального проектирования военной организационной культуры приоритетом является материальное непосредственное обеспечение, а также финансирование проектов социальной защиты, предоставление информационной базы для развития творческой инициативы, инновационной культуры взаимодействия военнослужащих.

2. Оптимизация социальных норм государственной организации военной службы, расширение управленческих полномочий подразделений и отдельных военнослужащих по выполнению служебных профессиональных задач. Данное направление как приоритетное определяют 67,6% опрошенных военнослужащих. Респонденты акцентируют внимание на том, что в условиях активизации специальных военных операций, проводимых Россией, остро необходимо обновление социальных норм профессионального военного самоуправления, а также взаимодействия военных субъектов в процессе научной, образовательной, просветительской деятельности и досуговых практик.

Таким образом, в рамках второго направления военнослужащие предлагают совершенствовать военную организационную культуру в рамках культуры социального управленческого взаимодействия военных акторов. Система внешнего социального проектирования организационной культуры в целом должна обеспечить формирование отдельных воинских частей как формальных социальных организаций инновационного и адаптивного типа. Воинская часть должна строиться на органических принципах. Она должна состоять из ряда профессионально саморазвивающихся подразделений. Важно взять на вооружение организационный подход функционирования воинских коллективов во время проведения специальной военной операции на Украине.

3. Внутривойсковой специализированный социальный проект формирования адаптивных ценностей профессионального творчества и новаторства, мотивация активной служебной инициативы в процессе выполнения поставленных профессиональных задач. Данное направление как приоритетное определяют 51,1% опрошенных военнослужащих. При этом отметим, что 35,1% военнослужащих указывают на то, что для развития новаторских адаптивных ценностей необходимо модернизировать образовательный сегмент внутриорганизационного социального проектирования. Подчеркивается важность целевого социального конструирования мотивационной составляющей военного профессионального потенциала, а также определения факторов стимулирования практик повышения военной квалификации, процессов непрерывного овладения новыми идеями, знаниями, социальными технологиями, научным синтезом, информационной диагностикой, служебно-трудовой адаптацией.

Таким образом, в рамках третьего направления военнослужащие акцентируют внимание на необходимости внутриорганизационного конструирования новаторских адаптивных ценностей, норм и принципов поведения субъектов, модернизации не только культуры управления, но и совокупной культуры поведения военных (в том числе и профессионального служебного поведения). Представляется идея о том, что в новых условиях важно формировать культуру военной инициативы и творчества, обеспечивать условия и стимулировать непосредственные профессиональные адаптационные действия и взаимодействия военнослужащих.

Обобщения, выводы, рекомендации

В современных воинских коллективах проявляется преимущественно традиционная военная организационная культура, имеющая статичные характеристики базовых ценностей: жесткая дисциплина, послушание, поддержка устойчивого порядка, статичность социальных ролей, военных традиций.

В условиях усиления информатизации воинских подразделений, роста социальной дестабилизации общества, участия воинских подразделений в специальных военных операциях проявляется неэффективность традиционной военной организационной культуры. Выявлены следующие недостатки современных практик проектирования организационной культуры:

1) рассогласованность макро-, а также микросистем проектирования (государственное проектирование не имеет устойчивых самостоятельных форм, оно осуществляется в рамках государственной социальной политики и ориентировано на воспроизводство традиционной военной организационной культуры, постепенно теряется связь государственного и внутриорганизационного социального проектирования);

2) неэффективная информированность о состоянии организационной культуры воинских подразделений (в воинских коллективах не реализуются современные социальные технологии диагностики организационной культуры военнослужащих);

3) «заикливание» на конструировании жестких военных стереотипов, статичных форм тактического социального управления.

Сегодня необходимо проектировать новаторскую инновационную адаптивную организационную культуру воинских коллективов, предусматривающую развитие новаторских ценностей, социальных норм, профессиональных принципов служебного поведения, создание правовых и социально-организационных условий социального творчества, стимулирование новаторской деятельности, мотивацию профессиональной активности военных акторов.

Рекомендуется интеграция двух направлений социального проектирования новаторской инновационной адаптивной организационной культуры воинских коллективов: государственного и внутриорганизационного. В новых условиях важно создать предпосылки возврата к государственной политике социального патернализма по формированию военной организационной культуры. Необходимы разработка и внедрение национального социального проекта развития организационной культуры военнослужащих, в рамках которого важно интегрировать государственные и внутриорганизационные проекты развития организационной культуры военнослужащих. В этой связи нужно, с одной стороны, создать нормативные, организационные, финансовые условия развития новаторства военнослужащих, с другой стороны, активизировать следующие направления внутриорганизационного социального проектирования: целевое формирование ценностей адаптации и творчества, стимулирование инициативы при выполнении профессиональных задач; активизация механизма социальной мотивации профессиональной адаптации, стимулирование практик разумной инициативы при выполнении служебных задач.

Литература

1. Столяренко А.В. Организационная культура как механизм повышения эффективности деятельности

предприятия [Текст] / А.В. Столяренко, М.В. Подколзина // Концепт. – 2017. – № 1. – С. 1–7.

2. Акофф Р.Л. Идеализированное проектирование. Как предотвратить завтрашний кризис сегодня. Создание будущего организации [Текст] / Р.Л. Акофф, Д. Магидсон, Г.Д. Эддисон. – М.: Баланс Бизнес Букс, 2007. – 265 с.
3. Юхнева Е.А. Проектирование эффективной организационной культуры как механизм повышения эффективности на предприятиях сферы услуг [Текст] / Е.А. Юхнева // Вестник евразийской науки. 2014. № 5 (24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-effektivnoy-organizatsionnoy-kultury-kak-mehanizm-povysheniya-effektivnosti-na-predpriyatiyah-sfery-uslug> (дата обращения: 01.07.2024).
4. Алексеенко В.Э. Внутрипрофессиональная стратификация военнослужащих контрактной службы [Текст] / В.Э. Алексеенко, Т.М. Баландина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. – № 3. – С. 222–228.
5. Бажуков В.И. Понятие военной культуры: проблемы становления [Текст] / В.И. Бажуков // Социально-гуманитарные знания. 2009. – № 1. – С. 284–296.
6. Баландина Т.М. Методика интегрированной оценки организационной культуры [Текст] / Т.М. Баландина, Е.А. Зиновьева // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. – № 3 (8). – С. 61–66.
7. Бикбаев В.М. Некоторые аспекты формирования ценностных ориентиров военнослужащих [Текст] / В.М. Бикбаев // Направления и перспективы развития образования в военных институтах внутренних войск МВД России: в 2-х ч. / под общ. ред. С.А. Куценко. Новосибирск, 2014. – С. 115–117.
8. Болдырев А.Н. Управление развитием организационной культуры современного воинского коллектива [Текст] / А.Н. Болдырев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

SOCIAL DESIGN OF THE DEVELOPMENT OF ADAPTIVE ORGANIZATIONAL CULTURE OF MODERN MILITARY TEAMS

Boldyrev A.N.

Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation

Basic theoretical approaches to the problem of designing the organizational culture of military collectives are analyzed. It has been proven that in the new conditions it is necessary to design an adaptive organizational culture of military teams, which provides for the development of innovative values, social norms, professional principles of official behavior, the creation of legal and socio-organizational conditions for social creativity, stimulation of innovative activities, motivation of professional activity of military actors. It is necessary to develop and implement a national social project for the development of the organizational culture of military personnel. Within the framework of which to integrate state and internal organizational projects for the development of the organizational culture of military personnel. In this regard, it is necessary, on the one hand, to create regulatory, organizational, and financial conditions for the development of innovation in military personnel, on the other hand, to intensify the following areas within organizational social design: targeted formation of the values of adaptation, creativity and innovation, stimulation of initiative in the performance of professional tasks; optimization of the mechanism of socio-economic motivation for professional adaptation, service creativity, initiative in the implementation of military service.

Keywords: military team, traditional and adaptive organizational culture, innovative values, principles of behavior, professionalism.

References

1. Stolyarenko AV Organizational culture as a mechanism for increasing the efficiency of the enterprise [Text] / AV Stolyarenko, MV Podkolzina // Concept. – 2017. – No. 1. – P. 1–7.
2. Ackoff RL Idealized design. How to prevent tomorrow's crisis today. Creating the future of the organization [Text] / RL Ackoff, D. Magidson, GD Addison. – M.: Balance Business Books, 2007. – 265 p.
3. Yukhneva EA Designing an effective organizational culture as a mechanism for increasing efficiency at service enterprises [Text] / EA Yukhneva // Bulletin of Eurasian Science. 2014. No. 5 (24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-effektivnoy-organizatsionnoy-kultury-kak-mehanizm-povysheniya-effektivnosti-na-predpriyatiyah-sfery-uslug> (date accessed: 01.07.2024).
4. Alekseenko V.E. Intra-professional stratification of contract servicemen [Text] / V.E. Alekseenko, T.M. Balandina // Public and municipal administration. Scientific notes. 2023. – No. 3. – P. 222–228.
5. Bazhukov V.I. The concept of military culture: problems of formation [Text] / V.I. Bazhukov // Social and humanitarian knowledge. 2009. – No. 1. – P. 284–296.
6. Balandina T.M. Methodology of integrated assessment of organizational culture [Text] / T.M. Balandina, E.A. Zinovieva // News of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops. 2022. – No. 3 (8). – P. 61–66.
7. Bikbaev V.M. Some aspects of the formation of value orientations of military personnel [Text] / V.M. Bikbaev // Directions and prospects for the development of education in military institutes of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: in 2 parts / under the general editorship of S.A. Kutsenko. Novosibirsk, 2014. – P. 115–117.
8. Boldyrev A.N. Managing the development of the organizational culture of a modern military team [Text] / A.N. Boldyrev // News of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. – 2023. – No. 2. – P. 163–170.

Возрождение и развитие экономической элиты в процессе китайской модернизации: развитие социальной структуры и её особенности

Ли Чжожу,

аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия), директор редакции Ассоциации мировой политической экономики (Китай), приглашенный исследователь Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете
E-mail: liz@my.msu.ru

Комендантов Иван Сергеевич,

студент МГПУ, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Обухова С.П.
E-mail: komendantov2002@yandex.ru

В данном исследовании анализируются возникновение, эволюция и характеристики экономических элит в контексте модернизации китайского общества с акцентом на изменения в социальной структуре. После начала реформ и политики открытости китайское общество претерпело трансформацию от высокоцентрализованной структуры с преобладанием политической элиты к более сложной системе, включающей диверсифицированные экономические элиты. На основе марксистской теории классов, теории поля Пьера Бурдьё и институционализма исследование систематически анализирует процесс Возрождения экономических элит и их социальные функции. Через исторический анализ, теоретическое обоснование и изучение конкретных примеров, статья подчеркивает значительную роль экономических элит в распределении социальных ресурсов, формировании институциональной среды и развитии социальной структуры. Выясняется, что экономические элиты формируются преимущественно двумя путями: через циркуляцию элит и их воспроизводство. Их социальная структура характеризуется расслоением и коммерциализацией интересов. В статье отмечается, что развитие экономических элит ограничено социалистической системой, однако оно также отражает эволюцию китайского общества к диверсифицированной структуре власти. Данное исследование предлагает новую перспективу для понимания мобильности социальных классов и социальной структуры в Китае, а также является значимым для анализа социальных конфликтов и моделей интересов в современном китайском обществе.

Ключевые слова: экономические элиты, социальная структура, элитные циклы, воспроизводство элит, политэкономические отношения.

Элита является важным объектом социологического исследования и одной из ключевых тем, вызывающих интерес китайских ученых в условиях китайской модернизации. Исторически дискурс модернизации долгое время был монополизирован западными капиталистическими странами, которые продвигали свою модель модернизации как единственно возможную. Западные элиты также выступали в роли примера, на который должны ориентироваться элиты других стран. Однако китайская модернизация не только включает общие черты модернизации, присущие всем странам, но и учитывает уникальные особенности китайского государства. По сути, это инновационная модель модернизации, сочетающая универсальные принципы с этапами развития Китая, временными характеристиками и практическим опытом. Для китайской элиты китайская модернизация открыла новый путь развития социальной структуры, доказывая, что элиты каждой страны могут самостоятельно выбирать пути развития своей социальной структуры, исходя из национальных условий.

Согласно классическому методу деления элит, элитная группа подразделяется на три подгруппы: политическая элита, экономическая элита и культурная элита. Утверждение В.И. Ленина о том, что «социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности» [12, с. 186], остается актуальным и сегодня.

Данная статья представляет собой анализ и исследование социальной структуры и характеристик экономической элиты Китая в условиях китайской модернизации.

Введение

Цели исследования

Цель данного исследования заключается в анализе возникновения и развития китайской экономической элиты, а также в выявлении особенностей ее социальной структуры в условиях модернизации. Вследствие реализации политики реформ и открытости с 1978 года, Китай постепенно трансформировался из общества с доминирующей высокоцентрализованной политической элитой в общество с диверсифицированной экономической элитой, включающей частных предпринимателей. Опираясь на марксистскую теорию классов, теорию поля Пьера Бурдьё и логику институционализма, данная статья систематически раскрывает процесс Возрождения китайской экономической элиты и ее роль в социальной структуре посредством многомерного анализа производственных отношений, распределения социальных ресурсов и рыночного механизма. Методология исследования включает исторический анализ, теоретические интерпретации и изучение конкретных случаев.

Методология исследования

Анализируя изменения в политике и эволюцию социальной структуры со времен реформ и открытости, исследование, во-первых, позволяет понять подъем экономических элит в исторической перспективе; во-вторых,

применяя теоретические основы, в частности теорию трансформации капитала и теорию поля Бурдьё, анализирует функционирование капитала экономических элит в социальной структуре и изменение ими социальных правил; и, наконец, исследует обмен интересами и властные отношения экономических элит в процессе маркетизации через анализ конкретных примеров.

Логика исследования

Исследование начинается с рассмотрения макросоциальной структуры и постепенно переходит к анализу микроиндивидуальных действий и их социальной значимости. Сравнивая политическую и экономическую элиты до и после реформ и открытости, выявляется трансформация социальной структуры от единой политической власти к параллельному политико-экономическому дуальному пути. Далее, анализ подъема частных предпринимателей и их пути накопления капитала раскрывает механизм циркуляции элит и их воспроизводства. Наконец, изучение маркетизации и стратификации отношений интересов в социальной структуре экономической элиты в условиях рыночного механизма показывает адаптацию и трансформацию экономической элиты в новых социально-экономических условиях.

Значимость исследования

Значимость данного исследования заключается в следующем: во-первых, углубление понимания мобильности социальных классов и развития социальной структуры в период китайских реформ и открытости через выявление Возрождения и путей развития экономических элит; во-вторых, расширение знаний о социальных конфликтах и структуре интересов в современном Китае посредством анализа положения и роли экономических элит в социальной структуре; и, в-третьих, предоставление рекомендаций для понимания социальной структуры других стран с переходной экономикой путем применения теоретических основ к их развитию.

В целом, исследование развития социальной структуры китайской экономической элиты и ее особенностей требует анализа основных процессов, ведущих к осуществлению китайской модернизации. В этих процессах заложена предпосылка постепенного перехода к продвинутой стадии социализма, где социальные структуры, еще не достигшие полного социального равенства, стремятся к нему в общем процессе сближения классов и слоев. Данное исследование не только предоставляет российским ученым новые перспективы и информации об экономических элитах Китая и их социальных структурах, но и оказывает ценную теоретическую поддержку российским политикам в деле содействия гармоничному развитию экономики и общества.

Возрождение и развитие экономической элиты в условиях модернизации в Китае

При анализе эволюции социальной структуры экономической элиты Китая необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что данное социальное явление характеризуется динамичностью, следует определенным закономерностям и обладает глубокими историческими корнями. «диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обусловленности, но и с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания» [16, с. 101].

До начала реформ и открытости в 1978 году из-за завершения социалистических преобразований 1950-х годов экономическая элита старой Китайской Республики

до 1949 года исчезла вместе с уничтожением национальной буржуазии. Из-за того, что «Социальная структура социалистического общественного богатства – это его структура по формам собственности (государственной, колхозно-кооперативной и личной). Все отрасли промышленности, производящие орудия труда, т.е. главный элемент общественного богатства, функционируют в рамках государственной общенародной собственности» [22, с. 228], поэтому долгое время социальная структура Китая характеризовалась высокой степенью централизации политической элиты и единством, что отражалось в абсолютном контроле политической власти над экономическими и социальными ресурсами в условиях планового хозяйства. Однако имплементация политики реформ и открытости инициировала процесс кардинальных преобразований в сфере отношений собственности на средства производства и механизмах распределения общественных благ. Данный исторический поворот послужил катализатором процесса перераспределения социальных ресурсов и постепенного становления социалистической системы рыночной экономики, что, в свою очередь, создало объективные предпосылки для Возрождения прослойки экономической элиты, ядро которого составили представители частного предпринимательства.

Генезис экономической элиты осуществлялся преимущественно посредством двух основных механизмов: элитной циркуляции и элитного воспроизводства. Элитная циркуляция отражает степень открытости социальной мобильности; индивиды из низших страт общества, благодаря личным усилиям и аккумуляции капитала, в условиях постепенного замещения планового хозяйства социалистической рыночной моделью, трансформировались в частных предпринимателей, составляя значимый источник формирующейся экономической элиты. Данный механизм элитогенеза «снизу вверх» демонстрирует возрастание равенства возможностей и социальной мобильности, стимулированное реформаторским курсом. Элитное воспроизводство, в свою очередь, иллюстрирует трансформацию прежней структуры власти в новую экономическую систему. Определенная часть партийно-административной номенклатуры, используя политический и экономический капитал, аккумулированный в дореформенный период, осуществила конверсию своего статуса, трансформировавшись в частных предпринимателей после ухода с государственных постов. Этот процесс элитного воспроизводства отражает континуитет и трансформацию прежней властной структуры в новых экономических реалиях. Примечательно, что данная группа экономической элиты, как правило, обладает структурными преимуществами перед общей совокупностью, обусловленными доступом к социальным сетям, информационным ресурсам и пониманию политических процессов – всему тому ценному социальному капиталу, аккумулированному в рамках прежней партийно-административной системы. История эволюции экономической элиты России также подтверждает законы социологического развития экономической элиты в условиях классической социалистической системы. После развала Союза ССР, в 1993 году 21% российских экономических элит имели опыт работы в органах управления, таких как КПСС, СМ СССР, ВЛКСМ и другие партийно-государственные структуры. К 2001 году, когда В.В. Путин был избран президентом, этот процент вырос до 29% [11].

С позиций марксистской теории классов, подобная эволюция элитной структуры отражает фундаментальные изменения в производственных отношениях. В дореформенный период политическая элита сохраняла

свое доминирующее положение благодаря абсолютному контролю над средствами производства. Однако в постреформенную эпоху, по мере становления социалистической рыночной экономики, в политической и экономической жизни страны постепенно усилилась роль экономического дискурса, что привело к новой классовой дифференциации и формированию групп интересов.

Этот процесс трансформации одновременно демонстрирует эволюцию китайского общества от унитарной политической структуры власти к комплексной структуре с дуальным политико-экономическим вектором, отражая как тенденцию к диверсификации социальной структуры, так и адаптацию и трансформацию изначальной социальной стратификации в новых социально-экономических условиях.

С точки зрения социальной структуры, возвышение экономической элиты и развитие частного предпринимательства являются ключевыми индикаторами социального развития Китая в постреформенный период, между которыми существует тесная диалектическая взаимосвязь. Этот процесс не только отражает трансформацию экономической системы, но и глубоко характеризует эволюцию социальной структуры. В частности, он обладает следующими двумя отличительными особенностями.

Во-первых, частное предпринимательство, выступающее в качестве медиума развития групп экономической элиты, представляет собой сложное социальное поле. Результаты множественного регрессионного анализа и кластеризации коэффициентов демонстрируют, что уровень образования и политическая идентичность могут оказывать дифференцированное влияние на генезис и эволюцию экономической элиты в контексте классового статуса и современных кластерных образований.

Опираясь на теоретический конструкт французского социолога Пьера Бурдьё, мы можем концептуализировать данное поле как динамическое пространство, в котором различные формы капитала (экономический, культурный, социальный и символический) подвергаются взаимной трансформации и аккумуляции. В этом социальном пространстве, обладающем специфической логикой и нормативной структурой, экономическая элита, выступая в качестве ключевых агентов, приобретает и консолидирует свои социальные позиции посредством утилизации и конвертации различных форм капитала. Этот процесс включает в себя не только аккумуляцию капитала, но и формирование, а также реконструкцию правил игры данного поля.

Наблюдаются также существенные различия в модусах взаимодействия между экономическими элитами, сформированными различными путями, и ареной частного предпринимательства. Группа, сформированная посредством «элитной циркуляции», рассматривает частное предпринимательство как платформу для конвертации экономического и культурного капитала в социальный и символический. В то же время группа, образованная путем «элитного воспроизводства», использует свой политический капитал для получения преимуществ в сфере частного предпринимательства, а также поддерживает и расширяет свои позиции посредством учреждения или контроля над предприятиями, тем самым укрепляя свой элитный статус.

Эти две группы могут формировать различные стратегии и альянсы в сфере частного предпринимательства, оказывая тем самым влияние на общую структуру и логику функционирования данного поля. Такая дифференциация стратегий и форм взаимодействия между различными сегментами экономической элиты способствует формированию комплексной и динамичной струк-

туры экономического поля, характеризующейся сложными взаимосвязями и постоянной реконфигурацией властных отношений.

В современном Китае политика распределения ресурсов в рамках национального экономического цикла значительно зависит от влияния экономической элиты через их социальный статус. Распределение играет ключевую роль в национальном экономическом цикле, определяя соотношение между потреблением и инвестициями. Долгосрочные данные показывают, что доля потребления населения Китая оставалась стабильной на уровне около 70% в последние два десятилетия, что является основным фактором, влияющим на изменения в конечном потреблении [2, с. 143]. Используя теорию структурации Энтони Гидденса, можно интерпретировать данную ситуацию следующим образом: социальные структуры и действия агентов взаимно обусловлены. Экономическая элита, обладая значительными ресурсами и влиянием, оказывает существенное воздействие на формирование и реализацию политики распределения в Китае. В то же время, установившаяся структура распределения создаёт условия, при которых экономическая элита может укреплять свои позиции. Одним из ключевых факторов, затрудняющих рост потребления населения Китая, является низкая доля оплаты труда в первоначальном распределении доходов. Это значительно влияет на долю доходов населения в общем распределении национального дохода. Наблюдается высокая степень соответствия между долей доходов населения и соотношением его потребления к ВВП. Си Цзиньпин также неоднократно подчеркивал, «Необходимо полностью раскрыть функции и роль распределения. Необходимо умело управлять отношениями между эффективностью и справедливостью... Необходимо настойчиво придерживаться принципа распределения в соответствии с трудом как основной формы, увеличивая долю трудового дохода при первичном распределении» [18, с. 575]. Однако в процессе разработки и реализации политики все еще сохраняются значительные преимущества для частных предприятий. Например, в 2023 году Госсовет Китая снизил ставку НДС для мелких налогоплательщиков до 1%, что привело к дополнительному сокращению налогов на 1,57 трлн юаней в 2023 году [9]; в то же время Госсовет Китая также объявил о введении дополнительного вычета налога на добавленную стоимость в размере 5 и 10% для налогоплательщиков, занимающихся производственной и бытовой сферой обслуживания, а также об уменьшении налога на доходы малых и микропредприятий и индивидуальных предпринимателей.

Во-вторых, частные предприятия играют ключевую роль в экономической сфере, обеспечивая материальную базу и социальное пространство для экономических элит. Анализ реализации китайской политики реформ и открытости показывает диалектическую взаимосвязь между развитием частного предпринимательства и формированием экономических элит. Эти взаимоотношения можно рассматривать в контексте взаимодействия полевой и габитусной теорий Пьера Бурдьё. Частное предпринимательство создает организационную среду для накопления и преобразования различных форм капитала экономическими элитами. В ответ, благодаря своему социальному и культурному капиталу, они способствуют формированию институциональной среды и сетевой структуры, способствующей развитию частного предпринимательства. Этот взаимодействующий процесс иллюстрирует, как экономические элиты действуют в полевом пространстве и влияют на его структуру через свой габитус. В социально-экономической практике некоторые экономические элиты не только участвуют

в создании и функционировании предприятий, но и активно влияют на формирование институциональной среды, способствуя развитию частной экономики. Это явление можно рассматривать как процесс, в котором экономические элиты используют свой символический капитал для воздействия на институциональные изменения, подчеркивая способность акторов внутри поля изменять его правила, в духе теории Бурдьё. Например, экономические элиты могут осуществлять мягкую форму «символического насилия» с помощью различных видов капитала, накопленного ими на арене частного предпринимательства – они способны определять, что представляет собой «успешное» и «ценное» корпоративное поведение, и таким образом влиять на восприятие обществом частных предприятий и экономических элит. В то же время, сам частный сектор можно рассматривать как формирующуюся организационную сферу. Сам частный сектор также представляет собой формирующуюся организационную сферу. В этом поле экономические элиты выработали специфическую поведенческую логику и нормативную систему через постоянные взаимодействия и игры. Эта система не только формирует габитус экономических элит, но и постепенно влияет на экономические правила общества, перестраивая их. Этот процесс распространения правил и структур фактически отражает постоянную консолидацию и укрепление власти и статуса экономической элиты на более широкой социальной арене. Исследование нидерландского ученого Нана де Графа показывает, что влияние и трансформация экономической элиты Китая на экономические правила всего общества так велики, что даже среди политической элиты Китая, работающей в экономической сфере, такие как руководители государственных предприятий, произошли глубокие изменения. Они демонстрируют крайнюю приверженность коммерческим ценностям и интересам в международной торговой-экономической деятельности, но в то же время обязаны оставаться верными ценностям и интересам государства и Коммунистической партии Китая. Это двойное качество придаёт китайской политической элите, ответственной за экономику, уникальную «смешанную» характеристику среди глобальных элит [5]. На самом деле, в начале проведения реформ и открытости в Китае, в китайских академических кругах разгорелись крупные дебаты о частной экономике. Тогда некоторые ученые полагали, что «многоструктурная форма собственности на начальной стадии определяет допустимость некоторого уровня развития частной экономики и существования определенных явлений эксплуатации». Поэтому к частной экономике не следует применять политику «использовать, ограничивать, преобразовывать», а следует придерживаться курса «допускать существование, помогать развитию, укреплять управление» [1, с. 75].

01 июля 2001 года Генеральный секретарь ЦК КПК Цзянь Цзэминь выступил с речью, в которой политически признал статус экономической элиты. Представляя ЦК КПК – ядро политической элиты – он обозначил экономическую элиту как строителей социализма с китайской спецификой. Это открыло для экономической элиты каналы участия в деятельности органов власти различных уровней путем вступления в партию, избрания в качестве народных представителей и членов политических консультативных советов. Данное событие стало знакомым в эволюции социальной структуры экономической элиты Китая и имело значительные политические последствия. В ноябре 2018 года Си Цзиньпин также дал указания о предоставлении политических предпочтений развитию частных предприятий. Он отметил: «На некоторые нестандартные действия частных предприятий

в прошлом следует смотреть с точки зрения развития... Необходимо позволить предпринимателям освободиться от идеологического бремени и двигаться вперед налегке» [18, с. 209–210]. И поскольку «Цель любой политической системы – обеспечить условия ее стабильного либо устойчивого функционирования и развития. Индикаторами такого процесса функционирования политической системы являются ее способность относительно без конфликтно, избегая кризисов, обеспечивать себя ресурсами...» [20, с. 27–36].

Конечно, для понимания эволюции социальной структуры экономической элиты в общей структуре социалистического общества необходимо учитывать, как общность интересов с другими классами и слоями в совместном строительстве социализма с китайской спецификой, так и существующие между ними различия. Развитие экономической элиты в китайском обществе ограничено государственным строем КНР, что обусловлено фундаментальным антагонизмом между социализмом и капитализмом. По своей сущности классовый природе экономическая элита принадлежит к нарождающейся буржуазии. Ключевая причина, по которой КПК и китайское правительство допускают её долгосрочное существование, заключается в использовании её потенциала для строительства и развития социализма в Китае, то есть в её прогрессивной роли в процессе воспроизводства. Отрицание определяющей роли классовой структуры в общей социальной структуре или её недооценка неизбежно приводят к ошибочному пониманию исторического развития и отношений между классами и слоями, а также внутри них. Анализ отношений между классами и слоями является основой марксистско-ленинского анализа социальной структуры социалистического общества, а любой анализ отдельного аспекта социальной структуры должен включать анализ классовой и слоевой структуры.

С теоретической точки зрения необходимо отметить, что система социализма с китайской спецификой не является системой «капитализма с китайской спецификой». КПК и китайское правительство допускают существование экономики, основанной на частной собственности, потому что могут использовать некоторые полезные элементы капитализма для служения социализму. Классики марксизма-ленинизма указывали, что при построении социализма на основе относительно низкого уровня экономического и культурного развития необходимо усваивать все лучшие достижения капитализма. Например, в вопросе вхождения иностранного капитала на китайский рынок, хотя иностранный капитал по своей природе и функции является капиталистическим, в условиях самостоятельного ведения бизнеса или совместных предприятий в Китае он может служить социализму, становясь полезным дополнением к социалистической экономике страны. Дэн Сяопин отмечал по этому поводу: «Именно социализм использует эти методы для развития общественных производительных сил. Однако использование подобных методов не может отразиться на социализме или привести к возврату капитализма» [6, с. 301]. Ключевая причина заключается в том, что КПК неизменно сочетает приверженность политике реформ и открытости с соблюдением четырех основных принципов, рассматривая последние как предпосылку для реализации первых. Эти четыре принципа включают: приверженность социалистическому пути, диктатуре пролетариата, руководству КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна. Си Цзиньпин также подчеркивал этот аспект, отмечая: «Когда мы говорим, что социализм с китайской спецификой – это социализм, это означает, что независимо от того, как мы реформируем и откры-

ваемся, мы должны всегда придерживаться пути социализма с китайской спецификой, теоретической системы социализма с китайской спецификой и системы социализма с китайской спецификой. Мы должны придерживаться основных требований, выдвинутых 18-м съездом партии, для достижения новых побед социализма с китайской спецификой... Все это отражает фундаментальные принципы научного социализма в новых исторических условиях. Если мы откажемся от этого, то это уже не будет социализмом» [17, с. 76–77].

Однако, как отмечает советский философ Э.В. Ильенков, «Эта опасность утраты логикой своего предмета не выдумана, – реальность ее доказана всей эволюцией логики на основе философских концепций, принципиально враждебных диалектико-материалистическому направлению...» [8, с. 206]. Принцип использования частной экономики для развития производительных сил социалистического общества, который является важной частью политической логики реформ и открытости Китая, не может быть отчужден. Метод – это не цель. Поэтому КПК также проявляет значительную политическую бдительность по отношению к экономической элите и её носителю – частным предприятиям. В 2004 году КПК объявила о реализации в масштабах всей страны проекта по исследованию и развитию марксистской теории с целью дальнейшего теоретического уточнения и усиления позиции по использованию частных предприятий и экономической элиты. Ли Чанчунь, в то время член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, объясняя причины реализации этого проекта, четко подчеркнул: «...С международной точки зрения, борьба и соперничество между социализмом и капитализмом в идеологической сфере в мировом масштабе будут длительными и сложными, а иногда даже крайне острыми... С внутренней точки зрения, по мере развития социалистической рыночной экономики и расширения открытости внешнему миру, социально-экономические компоненты, организационные формы, способы трудоустройства, отношения интересов и методы распределения становятся все более разнообразными... Эта тенденция изменений в целом позитивна, но в этом процессе также наблюдается рост немарксистских идеологий, и даже появляются некоторые ошибочные взгляды, отрицающие марксизм... Перед лицом новой ситуации, исследования марксистской теории все еще не успевают за прогрессом времени, существует проблема недостаточной убедительности и привлекательности, что даже приводит к проникновению немарксистских элементов» [23, с. 49–50]. Помимо теоретического требования к партии и всем трудящимся страны иметь четкое понимание роли экономической элиты и частных предприятий, ЦК КПК также активно усиливает политическое и экономическое влияние партии на частные предприятия в политической практике. В марте 2012 года ЦК КПК созвал Всекитайское совещание по партийному строительству в негосударственных предприятиях. В мае того же года Канцелярия ЦК КПК опубликовала документ «Мнения об усилении и улучшении работы по партийному строительству в негосударственных предприятиях (пробная версия)». Этот документ четко определил, что основной целью партийного строительства в частных предприятиях является достижение организационного охвата и охвата работой партии в негосударственных предприятиях [10, с. 2]. В октябре 2018 года, ЦК КПК объявил о начале реализации «Положения о работе партийных ячеек КПК (пробная версия)». Этот документ четко определил, что базовые партийные организации во всех сферах, включая частные предприятия, должны осуществлять фундаментальную систему партийной организационной жи-

зи. В марте 2023 года, с целью дальнейшего усиления партийного строительства в социальных сферах за пределами партийно-государственной системы и государственных предприятий и учреждений, включая частные предприятия, ЦК КПК объявил о создании Департамента социальной работы ЦК КПК. Было четко определено, что одной из функций этого департамента является «руководство партийным строительством в предприятиях со смешанной формой собственности, негосударственных предприятиях, новых экономических организациях, новых общественных организациях и среди новых групп занятости...» [3, с. 1–2]. Таким образом, под воздействием ряда политических мер со стороны КПК и китайского правительства партийные организации в частных предприятиях Китая демонстрируют общую тенденцию развития «от ничего к чему-то, от чего-то к чему-то значимому». Например, в провинции Сычуань в 2024 году уровень охвата партийными организациями частных предприятий среди тех, которые превышают определенные размеры, достиг 83,2% [4, с. 1, 4]. Более того, сами партийные организации значительно укрепили свое влияние на процесс принятия решений в частных предприятиях. Это является результатом успешной реализации институциональных норм и эффектов развития экономической элиты Китая в рамках социалистической системы.

Это, как говорил председатель Мао Цзэдун о национальной буржуазии: «В будущем национальная буржуазия будет уничтожена, но сейчас необходимо сплотить ее вокруг себя, а не отталкивать. Мы должны, с одной стороны, вести борьбу против национальной буржуазии, а с другой – спланиваться с ней» [14, с. 34].

Характеристика социальной структуры китайской экономической элиты в условиях модернизации

При исследовании социально-структурных характеристик китайской экономической элиты в условиях модернизации необходимо сосредоточить внимание на двух фундаментальных вопросах и контекстах. Во-первых, Китай в настоящее время находится в периоде быстрой социальной дифференциации и развития. С начала политики реформ и открытости в 1978 году Китай стал известен своим стремительным экономическим ростом. Однако необходимо отметить, что этот рост сопровождается ускорением социальной дифференциации и увеличением социальных противоречий и конфликтов, особенно ростом числа массовых инцидентов. Во-вторых, китайское общество находится в переходном периоде. Социальные противоречия и дифференциация существуют в любом обществе и проявляют схожие характеристики в странах, переживших быстрый экономический рост. Общеизвестно, что экономический рост Китая был достигнут в процессе масштабной институциональной трансформации, в ходе которой накапливались социальная дифференциация и противоречия. Это не только проблема экономического роста, но и следствие институциональных изменений.

Таким образом, для понимания развития современной китайской экономической элиты наиболее важно выявить характеристики её социальной структуры и природу отношений интересов. В текущем процессе масштабных социальных изменений социальная структура и отношения интересов в Китае претерпели значительные изменения по сравнению с традиционным социалистическим обществом до реформ и открытости.

Известно, что социальная структура включает не только базовые отношения социальных классов и слоев, социально-экономические маркеры, определяющие

сущность других социальных явлений, но и стратификацию внутри социальных классов и слоев по характеристикам социального статуса. Для китайской экономической элиты после более чем 40 лет развития её общий состав претерпел значительные изменения: возросла доля экономической элиты с опытом работы в рыночной экономике, высшим образованием и не являющейся членами политических партий. Разделяя мобильность элиты на категории «ушедшие с государственной службы», «вышедшие из системы государственных предприятий и учреждений в результате реформы» и «развившиеся из индивидуальных предпринимателей», мы можем обнаружить значительные различия в предпринимательской мобильности между крупной, средней и мелкой экономической элитой. В частности, региональная или национальная экономическая элита чаще происходит из трансформации политической элиты, в то время как локальная экономическая элита чаще развивается из индивидуумов вне партийно-государственной системы.

Что касается конкретных характеристик социальной структуры и отношений интересов экономической элиты, их наиболее выдающиеся черты можно обобщить двумя концепциями: стратификация социальной структуры и маркетизация отношений интересов. Далее будут обсуждены эти две характеристики.

Во-первых, стратификация социальной структуры. Социальная структура и состав определенной социальной группы отражают ее фундаментальные характеристики. Мы можем анализировать её социальную структуру с различных точек зрения, одной из которых является перспектива стратификационной структуры. Стратификационная структура не только считается одной из наиболее фундаментальных структур социальных групп, но и является одной из важнейших основ социальных противоречий и дифференциации всей социальной структуры. С начала политики реформ и открытости в социальной структуре Китая, по сравнению с традиционным социалистическим обществом, начала проявляться заметная дифференциация, одним из важнейших процессов которой является стратификация: статус страт становится все более четким, границы между стратами – все более ясными, а интересы страт – все более выраженными.

С социологической точки зрения, концепция страты относится к социальному статусу и соответствующим группам интересов, сформированным на основе дифференциации определенных социальных отношений. По сравнению с другими социальными различиями и отношениями между группами интересов, статус страты является наиболее фундаментальным социальным статусом, интересы страты – наиболее фундаментальными социальными интересами, а противоречия между стратами – наиболее фундаментальными социальными противоречиями. Фундаментальное значение концепции страты заключается в подчеркивании того, что дифференциация социальных отношений является наиболее значимой дифференциацией в обществе, а неравенство, противоречия и конфликты, вызванные дифференциацией социальных отношений, являются наиболее значимыми аспектами общества. Таким образом, страта является одним из важных инструментов анализа социальных противоречий и конфликтов.

Логика институционализма является основной исследовательской парадигмой для анализа стратификации социальной структуры китайской экономической элиты. Ее основной тезис заключается в том, что формирование страт встроено в институциональную систему общества. Система прав собственности и государственная

власть являются логическими отправными точками для изучения этого вопроса. В настоящее время в китайском обществе существуют два основных типа прав собственности (государственная и частная собственность) и соответствующие им три типа власти (государственная публичная власть, власть контроля над государственной собственностью, власть контроля над частной собственностью или рынком), что составляет причину Возрождения страты экономической элиты.

При рассмотрении стратификации социальной структуры экономической элиты необходимо ответить на важный вопрос: если существует страта экономической элиты, приведет ли это к коллективным действиям на основе страты, то есть вопрос «структуры и действия». Суть этого вопроса – проблема трансформации от «класса в себе» к «классу для себя», о которой говорил К. Маркс. В этом процессе трансформации формирование классового сознания является одним из ключевых звеньев. Это обусловлено следующими факторами. 1. Китайское общество находится в процессе стремительных изменений, где социальный статус людей, условия работы и жизни, ценности, а также приоритеты политики и социальные проблемы быстро меняются, что значительно влияет на формирование стабильного классового сознания. 2. По мере того как переход Китая к социалистической рыночной экономической системе становится более зрелым, начинают проявляться характеристики стратификации общественного сознания. Например, в отношении экономических интересов характеристики стратификации общественного сознания относительно выражены, и классовое сознание высших слоев общества более очевидно, чем у других страт. Это указывает на то, что после реформ и открытости структурная основа социальных различий и неравенства между членами общества в Китае претерпела значительные изменения. Хотя КПК и государственная власть Китая по-прежнему занимают доминирующее положение, страты, основанные на дифференциации власти и институтов, уже составляют структурную основу китайского общества. Это также верно для экономической элиты.

Более того, стоит отметить, что в вопросе классового сознания логическим отправным пунктом анализа должно быть признание того, что страты являются продуктом дифференциации социальных отношений и представляют собой социальный статус, основанный на объективных социальных отношениях. Хотя формирование и развитие страт должно пройти через промежуточный этап формирования классового сознания, обратное утверждение не верно, поскольку нельзя отрицать существование страт только на основании того, что в определенный период не сформировалось классовое сознание.

Во-вторых, маркетизация отношений интересов. Конкретно это означает, что в процессе перехода Китая от плановой экономической системы к социалистической рыночной экономической системе отношения интересов в обществе претерпели значительные изменения. Интересы можно определить, как все, что стоит преследовать, включая материальные и нематериальные аспекты. Но, как указывал К. Маркс, «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [15, с. 7]. Поэтому при рассмотрении характеристик социальной структуры экономической элиты основное внимание уделяется изменениям в материальных отношениях интересов.

Реформы и открытость в китайском обществе не только привели к быстрому экономическому росту и огромным изменениям в социальной структуре,

но и к значительным изменениям в ориентации и структуре интересов. Изменения в ориентации и структуре интересов имеют множество проявлений и характеристик, одним из фундаментальных изменений являются те, что принесла рыночная экономика.

Советский философ И.Ф. Зубков утверждает, что «Отношение – это опосредованное существование предмета через нечто другое; через общее, сущность и т.д. Так что предмет предстает как совокупность, сумма отношений. С другой стороны, отношение может быть понято только через предмет: как отношение его сторон или различных предметов» [7, с. 73]. Таким образом, при исследовании вопроса о развитии характеристик социальной структуры экономической элиты необходимо взять рыночный механизм в качестве логической отправной точки исследования.

По мере углубления перехода китайского общества от плановой экономической системы к социалистической рыночной экономической системе, рыночный механизм все больше становится основным механизмом распределения социальных ресурсов и возможностей, а товарное производство и товарный обмен все больше становятся основными способами получения социальных ресурсов и возможностей для членов общества. Развитие маркетизации привело к двум результатам. 1. Рыночный статус людей постепенно заменяет политический и социальный статус, а экономические и культурные ресурсы также становятся основными факторами, определяющими социальный статус. 2. Дифференциация статусов между членами общества и соответствующие различия и противоречия интересов, помимо продолжения результатов распределения или определения государством сверху вниз в рамках плановой экономической системы, существовавшей до реформ, все в большей степени становятся результатом действия рыночных отношений. Рыночные отношения в значительной степени и в широком масштабе заменили отношения государственного перераспределения эпохи планового хозяйства. Хотя государственная власть в переходном Китае по-прежнему оказывает важное влияние на распределение ресурсов и возможностей, рыночный механизм играет все более важную роль.

В настоящее время китайское общество инновационно строит и управляет на основе рыночной экономики, поэтому необходимо провести дальнейший анализ социального значения рыночных отношений экономической элиты. В процессе реформы социалистической рыночной экономики Китая государство и капитал сформировали своего рода сговор. Государство предоставляет удобства экономической элите через политическую поддержку, распределение ресурсов и другие способы, в то время как экономическая элита влияет на государственные решения через операции с капиталом и обмен властью. Эти отношения сговора далее укрепляют положение экономической элиты и консолидируют их доминирующее положение в социальной структуре.

В целом, рыночные отношения экономической элиты, сформированные в этом контексте, имеют две основные характеристики: транзакционность и антагонистичность.

Транзакционность. Рыночные отношения обладают транзакционным или обменным характером, поскольку сам рынок является формой торговли или обмена товарами. Суть рыночного обмена – это обмен интересами; на поверхности рынок торгует товарами, но фактически происходит обмен интересами владельцев товаров. Для успешного проведения рыночных транзакций необходимо соблюдение следующих основных условий. 1. Стороны сделки обладают относительной независимостью, являясь относительно независимыми субъектами ин-

тересов, которые приходят на рынок для обмена ради получения того, чего им не хватает. 2. Относительная независимость субъектов сделки основана на исключительном праве владения предметом обмена. Только то, что принадлежит владельцу, может быть использовано для обмена, то есть так называемые права собственности, в центре которых находится право собственности на имущество. 3. Рыночные отношения являются конкурентными, а следовательно, и взаимозаменяемыми. Поскольку обе стороны сделки стремятся к максимизации выгоды, они всегда пытаются получить максимальную прибыль при минимальных затратах, включая поиск наиболее выгодных для себя партнеров по сделке. 4. Рынок как конкурентная система транзакций, для достижения устойчивой максимизации выгоды, обычно формирует «правовые отношения в форме контракта». Стороны сделки стремятся к поддержанию непрерывности транзакций и устойчивости максимизации выгоды, рационализируя и делая предсказуемыми отношения и процесс сделки.

Антагонистичность. Хотя рыночные отношения формально характеризуются равенством и свободой, по сути, они часто проявляются как отношения власти или властные структуры. Это происходит по следующим причинам: 1. В противовес формальному равенству, в реальных рыночных отношениях формально равные стороны во многих случаях фактически неравны из-за неравенства в обладании ресурсами. 2. При отсутствии других ограничений, стремление к максимизации выгоды побуждает преследователей, особенно тех, кто имеет преимущество в обладании ресурсами, устанавливать различные средства недобросовестной конкуренции или даже создавать барьеры для исключения и подавления конкурентов, чтобы установить свое преимущественное положение в рыночной конкуренции и сделках, нарушая интересы объектов сделки. Типичной формой этого является монополия, которая в конечном итоге разрушает равную конкурентоспособность рынка.

Таким образом, рыночные отношения, по сути, часто проявляются как властные структуры и структурированные системы экономических отношений, которые во многих случаях внутренне антагонистичны. Люди используют такие понятия, как эксплуатация, господство, доминирование, неравенство и т.д., чтобы раскрыть эту характеристику с разных сторон. Антагонистичность и неравенство рыночных отношений обычно рассматриваются как социальные последствия.

В целом, рыночные отношения представляют собой двустороннее явление: формальное равенство и фактический антагонизм (неравенство), оба эти аспекта являются неотъемлемыми характеристиками рыночных отношений. При анализе положительных характеристик рыночных отношений их можно интерпретировать на уровне равных и свободных социальных отношений; при анализе недостатков и дефектов рыночных отношений более склоняются к техническому экономическому анализу, например, дисбаланс, слепота, спонтанность и т.д.

Независимо от того, являются ли они транзакционными или антагонистическими, рыночные отношения отличаются от отношений интересов, основанных на государственном перераспределении и определяемых сверху вниз. Отношения интересов в контексте рыночной экономики одновременно обладают характеристиками неравенства и антагонизма.

Заключение

Диалектический анализ эволюции социальной структуры экономической элиты Китая в условиях модернизации

раскрывает глубинные противоречия и тенденции развития китайского общества. Развитие экономической элиты в Китае осуществляется не по линейной траектории, а посредством сложного взаимодействия социалистических и капиталистических элементов, государственного регулирования и рыночных механизмов.

Экономическая элита Китая представляет собой многоуровневую социальную структуру, корни которой уходят в почву социалистической системы, в то время как ее верхние слои тяготеют к рыночной экономике. Данная структура функционирует как за счет государственной поддержки, так и благодаря рыночной конкуренции. Однако, подобно тому, как гипертрофия одного органа может нарушить гомеостаз целого организма, неконтролируемое усиление экономической элиты способно породить серьезные социальные дисбалансы.

Наблюдается очевидный параллелизм между развитием экономической элиты и эволюцией социалистической системы Китая. Следуя ленинскому принципу «конкретного анализа конкретной ситуации» [13, с. 136], необходимо признать специфику китайского пути развития. Подобно тому, как социализм с китайской спецификой интегрирует элементы плановой и рыночной экономики, экономическая элита сочетает в себе характеристики капиталистического предпринимательства и социалистической ответственности перед обществом. Этот дуализм порождает уникальную диалектику развития, в рамках которой противоречия между частными интересами и общественным благом становятся движущей силой прогресса.

Экономическая элита Китая, будучи своего рода «буржуазией внутри социализма», несет в себе как прогрессивный, так и регрессивный потенциал. С одной стороны, она выступает катализатором экономического роста и инноваций, с другой – потенциальным источником социального неравенства и классовых антагонизмов. Потому что, как отмечал советский философ П.Н. Федосеев, «В социально-политических отношениях общества проявляются его материальные, экономические отношения ... В духовной сфере экономический базис отражается через отношения классов. Именно интересы того или иного класса, его политика оказывают прямое влияние на идеологию и идеологическую борьбу» [21, с. 7]. Поэтому задачей ЦК КПК является строгий контроль над этой политико-экономической силой, направленной на продвижение социалистического развития, чтобы избежать возрождения капитализма, и тем более его реставрация.

Процесс управления экономической элитой можно метафорически сравнить с регулированием мощной, но непредсказуемой стихии: подобно тому, как вода, направленная в нужное русло, может служить источником энергии и орошения, так и потенциал экономической элиты, при правильном использовании, может служить интересам всего общества. Однако, оставленная без контроля, она способна подорвать фундамент социалистического строя.

Параллелизм между развитием экономической элиты и общим ходом китайских реформ очевиден: как страна в целом балансирует между плановой и рыночной экономикой, так и экономическая элита находится в состоянии динамического равновесия между предпринимательской свободой и партийным руководством.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшая эволюция экономической элиты Китая будет во многом детерминирована способностью КПК управлять сложной диалектикой между рыночными стимулами и социалистическими принципами. Только через непрерывную борьбу и преодоление противоречий между частными

и общественными интересами возможно движение к более высоким формам социалистического общества. Как отмечал И.В. Сталин, «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» [19, с. 122]. Аналогичным образом, развитие экономической элиты Китая должно происходить в условиях перманентной критики и самокритики, диалектического взаимодействия между различными социальными силами.

Данное исследование открывает новые перспективы для понимания комплексных социально-экономических процессов в современном Китае и может служить теоретическим фундаментом для дальнейшего анализа и прогнозирования развития российско-китайских отношений в контексте глобальных геополитических трансформаций. Только через призму диалектического и исторического материализма, с учетом специфики китайского пути развития, возможно не только понять, но и предвидеть будущие трансформации социальной структуры Китая, внося тем самым вклад в развитие марксистской теории в XXI веке.

Литература

1. Ван Вэйгуан и др. Избранные материалы «документ для служебного пользования» Китайской академии общественных наук. Том 1. 1982–1992 г. Марксизм, Литература, история и философия. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2017.
2. Ван Чанлин и др. Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2024 году. – Пекин: Издательство литературы по общественным наукам. 2023 года.
3. Газета «Жэньминь жибао». 17 марта 2023 г.
4. Газета «Сычуань жибао», 02 июля 2024 г.
5. de Graaff, N., & van Apeldoorn, B. (2017). US elite power and the rise of 'statist' Chinese elites in global markets. *International Politics*, 54(3), 338–355. <https://doi.org/10.1057/s41311-017-0031-2>
6. Дэн Сяопин. Избранные труды Дэн Сяопина. Том II. – Пекин. Издательство литературы на иностранных языках КНР. 1995 г.
7. Зубков И.Ф. Курс диалектического материализма: научно-методическое пособие. – М.: Изд-во УДН, 1990.
8. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: собр. соч. Т. 4 / Э.В. Ильенков. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020.
9. Исследовательская группа Министерства финансов КНР. Отчет о реализации фискальной политики Китая в 2023 году. – URL: http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengxinwen/202403/t20240307_3930117.htm
10. Канцелярия ЦК КПК. Мнения по укреплению и улучшению работы по партийному строительству на предприятиях, не находящихся в государственной собственности. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2012.
11. Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. Социология. Этнология. 2002. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-elita-i-oligarhi-itogi-desyatiletiya> (дата обращения: 17.07.2024).
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 20. – М.: Издательство политической литературы, 1973.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 41. – М.: Издательство политической литературы, 1981.

14. Мао Цзэдун. Избранные произведения Мао Цзэдуна. Том IV. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках КНР, 1977.
15. Маркс К, Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Том 13. – М.: Издательство политической литературы, 1959.
16. Редактор Комитета ЦК ВКП(б). История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. – М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1946.
17. Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Том I. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2023.
18. Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Том II. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2023.
19. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 16. – М.: Писатель, 1997.
20. Федоркин, Н.С. Лидирующая роль государства в формировании гражданского общества в переходных странах / Н.С. Федоркин // *Пространство и Время*. 2012. № 1(7). С. 27–36. Стационарный сетевой адрес: 2226–7271prov_r_st1–7.2012.13
21. Федосеев П. Н и др. Научный коммунизм. Учебник. Изд. 3-е. – М.: Политиздат, 1976.
22. Цаголов Н. А и др. Курс политической экономии. Том II. – М.: Экономика, 1974.
23. Центр по изучению партийных документов при ЦК КПК. Избранные важные документы с XVI съезда КПК. Средний том. – Пекин: Центральное издательство литературы. 2006.

REVIVAL AND DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC ELITE IN THE PROCESS OF CHINESE MODERNIZATION: EVOLUTION OF SOCIAL STRUCTURE AND ITS DISTINCTIVE FEATURES

Li Zhuoru, Komendantov I.S.

Lomonosov Moscow State University, Moscow State Pedagogical University

This study examines the emergence, evolution, and characteristics of economic elites within the context of Chinese societal modernization, focusing on changes in social structure. Following the initiation of reforms and the open-door policy, Chinese society transitioned from a highly centralized structure dominated by political elites to a more complex system incorporating diversified economic elites. Grounded in Marxist class theory, Pierre Bourdieu's field theory, and institutionalism, the research systematically analyzes the process of economic elite revival and their social functions. Through historical analysis, theoretical substantiation, and case studies, the article emphasizes the significant role of economic elites in the distribution of social resources, the formation of the institutional environment, and the development of social structure. The study reveals that economic elites are primarily formed through two mechanisms: elite circulation and reproduction. Their social structure is characterized by stratification and commercialization of interests. The article notes that while the development of economic elites is constrained by the socialist system, it also reflects the evolution of Chinese society towards a diversified power structure. This research offers a novel perspective for understanding social class mobility and social structure in China, and is significant for analyzing social conflicts and interest patterns in contemporary Chinese society.

Keywords: economic elites, social structure, elite cycles, elite reproduction, political-economic relations.

References

1. Wang Weiguang et al. Selected Proceedings of the "Confidential Document" of Chinese Academy of Social Sciences. Vol. 1. 1982–1992. *Marxism, Literature, History and Philosophy*. Beijing: Social Science Press, 2017.
2. Wang Changling et al. Analysis and Forecast of China's Economic Situation in 2024. – Beijing: Social Science Press. 2023.
3. People's Daily. March 17, 2023.
4. Sichuan Daily, July 02, 2024.
5. de Graaff, N., & van Apeldoorn, B. (2017). US elite power and the rise of 'statist' Chinese elites in global markets. *International Politics*, 54(3), 338–355. <https://doi.org/10.1057/s41311-017-0031-2>
6. Deng Xiaoping. Selected Works of Deng Xiaoping. Volume II. – Beijing. Publishing House of Foreign Languages of the People's Republic of China. 1995
7. Zubkov IF Course of Dialectical Materialism: Scientific and Methodological Manual. – M: Publishing House of UDN, 1990.
8. Ilyenkov EV Dialectical Logic: Collected Works. Vol. 4 / EV Ilyenkov. – M.: Kanon + ROOI "Rehabilitation", 2020.
9. Research Group of the Ministry of Finance of the PRC. Report on the Implementation of China's Fiscal Policy in 2023. – URL: http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengxinwen/202403/t20240307_3930117.htm
10. General Office of the CPC Central Committee. Opinions on Strengthening and Improving Party Building Work at Non-State-Owned Enterprises. – Beijing: Renmin Chubanshe, 2012.
11. Kryshtanovskaya O.V. Business Elite and Oligarchs: Results of the Decade // *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. 2002. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-elita-i-oligarhi-itogi-desyatletiya> (date accessed: 17.07.2024).
12. Lenin V.I. Complete Works. Volume 20. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1973.
13. Lenin V.I. Complete Works. Volume 41. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1981.
14. Mao Zedong. Selected Works of Mao Zedong. Volume IV. – Beijing: Foreign Language Literature Publishing House of the PRC, 1977.
15. Marx K., Engels F. Complete Works. Volume 13. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1959.
16. Editor of the Committee of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Brief Course. – Moscow: OGIz – State Political Publishing House, 1946.
17. Xi Jinping. Selected Works of Xi Jinping. Volume I. – Beijing: People's Chubanshe, 2023.
18. Xi Jinping. Selected works of Xi Jinping. Volume II. – Beijing: Renmin Chubanshe, 2023.
19. Stalin I.V. Essays. – T. 16. – M.: Writer, 1997.
20. Fedorkin, N.S. The leading role of the state in the formation of civil society in transition countries / N.S. Fedorkin // *Space and Time*. 2012. No. 1(7). pp. 27–36. Fixed network address: 2226–7271prov_r_st1–7.2012.13
21. Fedoseev P. N. et al. Scientific communism. Textbook. Ed. 3rd. – M.: Politizdat, 1976.
22. Tsagolov N. A. et al. Course in Political Economy. Volume II. – M.: Economica, 1974.
23. Center for the Study of Party Documents under the CPC Central Committee. Selected Important Documents from the 16th Congress of the CPC. Middle Volume. – Beijing: Central Literature Publishing House. 2006.

Инвалиды по зрению и цифровое неравенство

Тринадцатко Антон Александрович,

кандидат социологических наук Высшая школа менеджмента,
Тихоокеанский государственный университет
E-mail: anton13–176@rambler.ru

В статье рассматривается феномен цифрового неравенства лиц с тяжелыми нарушениями зрительной функции. Цифровое неравенство в отношении таких лиц является следствием неадаптированности объектов цифрового пространства под особенности инвалидов по зрению, что служит в отношении последних дискриминирующим фактором. В контексте модели независимой жизни, цифровое неравенство инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения, становится проявлением дискриминационной концепции эйблизма, нивелирующей достижения современного общества в провозглашении равенства прав всех его членов во всех сферах жизни. В то же время, доступная цифровая среда существенно расширяет возможности слепых и слабовидящих граждан в самостоятельном удовлетворении своих повседневных, и не только, потребностей без привлечения здоровых индивидов, расширяя, таким образом, спектр сфер проявления их социальной активности.

Ключевые слова: инвалиды по зрению, тяжелые нарушения зрения, цифровая дискриминация, тифлоадаптивные технологии, цифровая среда, цифровая грамотность, цифровая доступность.

Стремительное развитие и внедрение в повседневную жизнь большей части российских граждан цифровых технологий обозначили новую плоскость такого присутствующего любому обществу социального феномена, как социальная дискриминация, выраженная на этот раз в форме цифровой дискриминации (неравенства).

В отличие от иных форм дискриминации, обусловленных уже устоявшимися причинами – гендерными, возрастными, культурными, религиозными и другими различиями, цифровая дискриминация, в большей степени, становится еще одной формой проявления эйблизма (превосходство здоровых индивидов над лицами с дефектами в состоянии организма), заключающейся в дискриминации граждан по критерию доступности среды для лиц с физическими или сенсорными нарушениями, поскольку интеракциям таких лиц с цифровой средой препятствуют неустраняемые дефекты их здоровья, которые, в условиях равноправного общества, необходимо учитывать при создании любой универсальной среды.

В этом контексте цифровая дискриминация отдельных категорий инвалидов схожа с их трудовой дискриминацией, поскольку в обоих случаях в основе данного явления лежит не столько неспособность инвалида выполнять какие-либо функции, сколько неадаптированность к его особенностям соответствующих пространств, приборов и оборудования, и технологических процессов. Кроме того, как и в вопросе с доступностью физического окружения, зачастую не учитывающего физиологические или сенсорные особенности индивидов и ограничивающие в результате их возможности, барьеры взаимодействия с цифровой средой также преимущественно обусловлены игнорированием потенциальных отклонений в функциональных возможностях организма отдельных членов всей совокупности т.н. цифровых граждан [1].

Необходимо подчеркнуть, что в наиболее дискредитируемом положении, с точки зрения совокупной доступности внешнего физического окружения, виртуальной цифровой среды и профессионально-трудовой деятельности, как связанного с этими пространствами процесса, находятся инвалиды с тяжелыми нарушениями зрительной функции. Данный факт обусловлен тем, что, например, инвалиды с нарушениями ОДА (в зависимости от вида физического дефекта) в большинстве случаев могут взаимодействовать как минимум с одним видом среды и в нем осуществлять трудовую и иную деятельность, когда более редуцированную, а когда и более широкую, нежели денотат. Инвалиды с нарушениями слуха или речи так же обычно не испытывают особых проблем с трудовой деятельностью и доступностью обеих сред кроме случаев, требующих использования вербальных каналов. Однако инвалиды по зрению неспособны к эффективной социальной интеграции в обе эти среды, если среда не обладают соответствующим уровнем инклюзивности для них, т.е. их элементы или системные объекты, как в физическом, так и виртуальном планах, не имеют прямых или опосредованных интерфейсов вербального отклика [2].

Логичным будет отметить, что существуют и другие категории лиц с инвалидностью, испытывающие проблемы при взаимодействии с указанными средами, например, люди с тяжелыми ментальными нарушениями,

инвалиды-спинальники, лица с множественной инвалидностью, однако в их отношении речь о доступности физического или виртуального пространств уже переходит в иные плоскости, связанные преимущественно либо с коррекционно-педагогическими практиками, либо технико-технологическими решениями.

Таким образом, несмотря на достаточно высокий уровень цифровой грамотности (ЦГ) такой категории лиц с ОВЗ, как инвалиды по зрению, в т.ч. относящихся к группе тотально незрячих [4; 5], подавляющая их часть, вынужденная в процессе работы с современными цифровыми устройствами прибегать к технологии text to speech (TTS), не может полноценно, в равной со здоровыми гражданами степени, взаимодействовать с объектами цифровой среды [6; 7], причем речь в данном случае может идти как о компьютерных приложениях и программных продуктах для современных мобильных устройств, так и об интернете вещей, что является прямым подтверждением факта цифровой дискриминации лиц с нарушениями зрения.

Несмотря на то, что в настоящее время существуют компьютерные технологии, позволяющие незрячим пользователям достаточно эффективно работать с большинством программ для ПК, в отношении телекоммуникационной сети (ТКС) «Интернет» этого сказать нельзя [6]. Кроме того, необходимо учитывать, что современные цифровые тренды сосредоточены на внедрении в повседневную жизнь граждан не столько стационарных ПК (десктопов) или ноутбуков (лэптопов), сколько сенсорных мобильных и иных смарт-устройств, уже традиционно используемых в быту и позволяющих быстро решать как повседневные задачи, так и проблемы, требующие ранее непосредственного физического посещения соответствующих учреждений. И если обычный здоровый человек в своей профессионально-трудовой или творческой деятельности скорее всего воспользуется стационарным или мобильным ПК, то для поиска информации, общения, развлечения, покупок и пр. он уже с большей вероятностью обратится к сенсорному мобильному устройству (смартфону или планшету).

Аналогичная ситуация складывается и в среде незрячих и слабовидящих граждан, достаточно быстро и эффективно осваивающих смартфоны и планшеты благодаря наличию в них встроенных цифровых тифлоадаптивных инструментов. Более того, значимость сенсорных мобильных устройств для этой категории пользователей постоянно растет. Во-первых, в отличие от ПК, для работы с ними не требуется специальное длительное обучение, что позволяет инвалидам по зрению без посторонней помощи, самостоятельно, удаленно решать вопросы, требующие ранее личного присутствия и привлечения зрячего помощника. Во-вторых, в условиях сохраняющегося крайне низкого уровня доступности внешнего физического окружения для незрячих и слабовидящих граждан, цифровая среда позволяет им решать такие вопросы без прямого взаимодействия с ним.

Отмеченные аспекты способствуют повышению уровня независимости лиц с инвалидностью по зрению, росту их самооценки, улучшению социального самочувствия, а также расширяют их возможности в проведении досуга, профессиональной, творческой и иной социально значимой деятельности [5; 8]. В то же время следует подчеркнуть, что те же самые аспекты могут повлечь за собой снижение уровня физической и психической адаптации незрячего гражданина к объективно существующему внешнему миру, деструктивно повлиять на уровень его самостоятельности во внешней среде, обусловив рост его зависимости от помощи здоровых членов социума при взаимодействии с пространственно-

архитектурным и инфраструктурным окружением, способствовать его социальной эксклюзии и дезинтеграции в тех случаях, когда такой инвалид, понимая открываемые перед ним цифровым пространством возможности, обесценивает социальную значимость объективной реальности.

Проведенный в феврале-апреле, а также ноябре-декабре 2023 г. в очном и заочном форматах социологический опрос 180 инвалидов по зрению, проживающих на территории РФ и Республики Беларусь, из числа которых I гр. имели 62,8% (113 чел.), а II гр. – 37,2% (67 чел.), показал, что 89,4% (161 чел.) опрошенных имеют навыки работы на ПК с использованием различных тифлоадаптивных технологий, и 99% (178 чел.) – могут, также с использованием разнообразных тифлоадаптивных цифровых технологий взаимодействовать с сенсорными мобильными устройствами.

Данные результаты свидетельствуют о неплохой цифровой реабилитированности инвалидов по зрению, что подтверждается и социологическими опросами ВЦИОМ [4]. В то же время, с позиции оценивания уровня ЦГ инвалидов по зрению, однозначно сказать насколько он высок, мы не можем.

Предлагаемые различными исследователями и исследовательскими группами методики не могут быть применены в отношении незрячих и слабовидящих пользователей, поскольку представителям данной категории лиц именно вследствие существующей цифровой дискриминации недоступен ряд действий, лежащих в основе использования таких методик [9; 10; 11].

Субъективная же оценка слепых и слабовидящих респондентов относительно уровня их ЦГ показывают, что 6,1% из них считают, что имеют очень высокий уровень ЦГ, 19% – высокий, 32,8% – средний, 41% – низкий и 1% характеризуют уровень своей ЦГ как нулевой [12]. При этом уровень владения цифровыми технологиями инвалидами по зрению зависит от целого ряда факторов: группы инвалидности и наличия остаточного зрения, возраста получения инвалидности, образования, наличия навыков работы с цифровыми устройствами (например, ПК) до получения инвалидности по зрению, осуществление трудовой или иной (творческой, общественной) деятельности, наличия семьи и ее состава по критериям сохранности зрительной функции (например, у супруга/супруги) и возраста членов семьи. Можно констатировать, что наличие цифрового неравенства в той или иной степени отмечают практически все опрошенные инвалиды по зрению.

Более склонны к обозначению существования проблемы цифрового неравенства граждане с инвалидностью по зрению, субъективно считающие что имеют очень высокий и высокий уровень ЦГ (25,1% информантов).

К этой категории преимущественно относятся инвалиды I гр. как с остатком, так и без остатка зрительной функции, входящие в возрастную группу до 50 лет, имеющие высшее образование, ведущие активную трудовую, творческую или общественную деятельность, одинокие, либо состоящие в браке с другим инвалидом по зрению I гр. без остатка зрительной функции и, в случае нахождения в браке, имеющие детей и воспитывающие их самостоятельно.

Такие инвалиды обладают хорошими навыками работы на ПК с использованием технологии TTS, либо, в случае наличия остатка зрения, совместно с TTS используют и другие тифлоадаптивные компьютерные инструменты (экранная лупа, увеличенный шрифт, крупные значки и пр.). Кроме стационарного ПК у них обычно имеется ноутбук, а также не менее 2 сенсорных мобиль-

ных устройств. Они практически не нуждаются в таких технических средствах реабилитации (ТСР), выдаваемых на основе рекомендаций индивидуальной программы реабилитации/абилитации (ИПРА), как ручной видеувеличитель (РВУ), устройство для чтения «говорящих книг» (тифлофлешплеер), говорящие часы и пр.

Навыки работы на ПК такие инвалиды чаще всего приобретают в процессе получения образования, закрепляя их в дальнейшем в ходе трудовой или иной социально активной деятельности. Мобильные цифровые устройства такие инвалиды обычно осваивают самостоятельно, используя установленные по умолчанию на такие устройства приложения TalkBack (Android) или Voice Over (iOS). При этом, как уже упоминалось выше, они не отрицают существование в отношении себя проблемы цифрового неравенства, ограничивающей их возможности при посещении некоторых интернет-страниц как на ПК, так и на мобильных устройствах, а также использовании программных продуктов для компьютеров и смартфонов.

Представители данной группы не боятся экспериментировать с различным программным обеспечением (ПО), а также приложениями конкурирующих поставщиков услуг. Часто они достаточно хорошо осведомлены о достоинствах и недостатках как программных продуктов конкурентов (конечно, если такой продукт хотя бы в минимальной степени взаимодействует с программой-скринридером), так и о предлагаемых конкурирующими компаниями продуктах и услугах.

Так, лица с очень высоким и высоким субъективным уровнем ЦГ, зачастую не удовлетворены условиями предоставления услуг такими крупными компаниями, как, например, Сбербанк (84,4% или 35 из 45 чел., относящихся к данной группе), ВТБ (60% или 27 из 45 чел.) или Wildberries (51,1% или 23 из 45 чел.), несмотря на хорошую тифлодоступность их мобильных приложений. Более позитивно ими воспринимаются такие поставщики финансовых услуг, как, например, Газпромбанк (33,3%) или Ozon-банк (35,5%), хотя данный факт вовсе не означает, что пользуются они услугами именно этих организаций. Также, достаточно привлекательным отечественным маркетплейсом они называют «Ozon» (64,4%), мобильное приложение которого считается незрячими пользователями худшим мобильным приложением маркетплейсов для инвалидов по зрению, в то время, как интернет-сайт Ozon, на который можно войти с любого устройства, в целом тифлоадаптирован достаточно неплохо.

Именно данную категорию инвалидов по зрению можно идентифицировать как полноценных цифровых граждан, которые, в случае возникновения проблем с доступностью мобильных приложений или интернет-страниц, обращаются к помощи ПК и наоборот. Зачастую именно они предоставляют валидную информацию относительно тифлодоступности того или иного программного продукта или веб-ресурса на стационарном или мобильном устройстве.

К инвалидам по зрению, считающим, что уровень их ЦГ является средним или низким (73,8% информантов), относятся преимущественно неработающие граждане старше 50 лет с I или II гр. инвалидности по зрению, не ведущие активной социальной деятельности, состоящие в браке с человеком, сохранившим зрение на уровне, достаточным для чтения плоскостатного текста, либо имеющие возможность в любой момент получить помощь от ближнего социального окружения. Такие граждане в основном имеют навыки работы с ПК, но в повседневной жизни обычно их не применяют, отда-

вая предпочтение, в случае необходимости, сенсорным мобильным устройствам.

Они умеют пользоваться целым рядом мобильных приложений, работающих с технологией TTS и позволяющих им отправлять текстовые или аудиосообщения, получать и проверять почту, просматривать/прослушивать видео, осуществлять несложные финансовые операции и совершать покупки на одном из маркетплейсов. Обычно для решения каждой из конкретных задач они пользуются только одним приложением, имеющим соответствующий функционал. Выбрав и освоив определенный программный продукт, отвечающий их потребностям, они игнорируют прочие цифровые инструменты, признавая при этом, что в некоторых случаях их потребности могли бы быть удовлетворены лучше, если бы какой-нибудь иной цифровой продукт был лучше адаптирован для использования незрячими лицами, а данный индивид был бы ознакомлен с ним.

Так, в этой группе наиболее популярными мобильными приложениями являются:

- 1) В сфере общения – WhatsApp (100% состава данной группы пользователей или 138 чел.);
- 2) При проведении финансовых операций – Сбербанк-онлайн (81,16% или 112 чел.);
- 3) Дистанционная покупка товаров – Wildberries (42% или 58 чел.);
- 4) Работа с почтовыми отправлениями – Gmail (44,2% или 61 чел.);
- 5) Просмотр/прослушивание видео – YouTube (65,2% или 90 чел.).

Представители этой группы активно пользуются цифровыми ТСР (РВУ, тифлофлешплееры и пр.), предпочитая их программным продуктам, доступным для установки на ПК и смартфоны/планшеты.

Результаты опроса свидетельствуют, что чем ниже у инвалида по зрению остаток зрительной функции и чем меньше круг зрячих лиц, готовых ему помочь, тем выше для него значение фактора цифрового неравенства.

Такая зависимость имеет прямое отношение к субъективно ощущаемым инвалидом чувствам независимости и самостоятельности при выполнении им как обычных, повседневных задач, которые могут быть решены с использованием современных цифровых технологий, так и задач, связанных с трудовой и иной социальной активностью [5].

Если рассматривать вопрос цифрового неравенства инвалидов по зрению через призму доступности интернет-ресурсов и связанных с ними приложений на ПК и смартфонах, то можно заключить, что доступность таких ресурсов и приложений для данной категории лиц лежит только в программной плоскости, а точнее – присвоении нужного кода каждому визуальному элементу (объекту) страницы или программы, кратко описывающему этот элемент [6; 7].

С экономической точки зрения, согласно исследованию консалтинговой компании МакКинси, проведенному в 2023 г., ежегодные финансовые потери организаций, чьи веб-ресурсы и приложения не адаптированы под особенности незрячих пользователей, составляют 6,9 млрд долл., поскольку такие пользователи уходят к их конкурентам, заботящимся об удобстве всех цифровых покупателей и предоставляющим возможность взаимодействия со своими веб-ресурсами каждому из них, в т.ч. и инвалидам с сенсорными нарушениями. При этом, по мнению специалистов компании МакКинси, потребность в доступных цифровых ресурсах будет расти, а соответственно будут повышаться и расходы компаний на их создание и поддержку, что обусловлено

более быстрыми темпами старения населения, а значит и проблемами со здоровьем, относительно увеличения его численности [6].

Основными препятствиями, указанными инвалидами по зрению при работе с интернет-страницами и мобильными приложениями, ограничивающими для них использование таких ресурсов, являются:

1) Не озвучиваемые программами-скринридерами текстовые фрагменты (пункты меню, заголовки, описания и пр.).

Пример – онлайн-приложение маркетплейса «Ozon».

2) Частичное и зачастую некорректное озвучивание программами-скринридерами текстовых фрагментов.

Пример – онлайн-приложения банка «Открытие» или маркетплейса «Яндекс Маркет».

3) Наличие на адаптированном веб-ресурсе или мобильном приложении кнопок управления, не имеющих названия.

Например, в мобильном приложении маркетплейса Wildberries, широко используемом слепыми и слабовидящими покупателями, на главной странице не имеют понятного звукового обозначения кнопки «голосовой поиск» и «поиск по картинке (фотографии)». При тактильном взаимодействии скринридеры «TalkBack» (Android) и Voice Over (iOS) озвучивают их фразой «без ярлыка».

Такие же недостатки существуют у онлайн-приложений Яндекс-Маркета, Купера, Пятерочки и большей части прочих цифровых ретейлеров.

4) Отсутствие описания изображений, или их неполное или неточное описание.

Пример – онлайн-приложение «Яндекс Маркет»

Подчеркнем, что доступность большинства объектов цифровой среды для инвалидов по зрению не является постоянной величиной. Разработчики, дорабатывая сайты и приложения, делая их визуально более привлекательными для здоровых потребителей, часто упускают аспект, связанный с сохранностью уровня доступности веб-ресурсов для инвалидов по зрению. Например, относительно изменения уровня доступности мобильных приложений и интернет-страниц популярных компаний, к которым обращаются инвалиды по зрению, последние дали следующие усредненные оценки:

1) Повысилась доступность мобильных приложений и интернет страниц у Сбербанка, банка ВТБ, мессенджера WhatsApp, социальных сетей Вконтакте и Одноклассники, видео хостингов YouTube и Rutube, маркетплейсов Wildberries, Aliexpress. Купер, а также у Почты России и Госуслуг.

В то же время, в отношении двух последних поставщиков услуг, незрячие пользователи отметили, что их интернет-страницы по-прежнему остаются сложными для не визуального взаимодействия.

2) Доступность интернет-страницы осталась на прежнем уровне у Яндекс Маркета и Ozon.

3) Доступность мобильных приложений ухудшилась у Яндекс Маркета и Ozon, но улучшилась у Ozon-банка.

Так, у Яндекс Маркета пользователи отмечают проблемы с озвучиванием некоторых кнопок управления (например, «добавить в избранное» или «удалить»), а также появившиеся сложности с выбором места получения заказа, который можно назначить только по карте населенного пункта, что является недоступным для незрячих покупателей.

Мобильное приложение маркетплейса Ozon и ранее не отличалось хорошей адаптированностью для незрячих пользователей, однако в настоящее время ситуация значительно ухудшилась. Если ранее скринридер позволял узнать цену товара, его размер, цвет и общее описание, то теперь эти функции стали полностью недо-

ступны, озвучивая любой из указанных элементов одним словом – «текст». Данное обстоятельство, появившееся после очередного обновления приложения, вынудило инвалидов с полным отсутствием зрения или очень низким его остатком отказаться от этого маркетплейса в пользу других площадок, несмотря на то, что непосредственно веб-ресурс Ozon позволяет с ним хоть и не в полной мере, но взаимодействовать.

Одновременно с этим, тотально незрячие пользователи, ранее периодически взаимодействующие с приложением Ozon, отмечают, что вкладка Ozon-банка стала полностью для них доступной – на ней стали озвучиваться все пункты, кнопки и сопроводительный текст.

Таким образом, мы можем заключить, что процесс цифровой адаптации объектов цифровой среды протекает не только в направлении повышения доступности цифровых ресурсов, но и в ряде случаев в противоположном направлении, причем такие изменения происходят в условиях роста интереса слепых и слабовидящих пользователей именно к формату мобильных приложений и постепенного отказа от браузерных версий.

Говоря о цифровом неравенстве в отношении лиц с тяжелыми нарушениями зрения нельзя обойти стороной и вопрос доступности для них такого современного цифрового феномена, как интернет вещей, под которым понимается система взаимосвязанных вычислительных устройств, способных собирать и передавать данные по беспроводной сети без участия человека [13].

В данной работе мы разделили понятия «интернет вещей» и компьютеры и смартфоны, поскольку для вторых уже давно разработан и внедрен тифлоинструментарий, позволяющий взаимодействовать с ними, в то время как первому, в подавляющем большинстве случаев, это только предстоит. В данном случае к интернету вещей будут относиться различные умные бытовые устройства (холодильники, телевизоры, стиральные машины, системы управления электропитанием и освещением), умные часы и фитнес-трекеры, системы безопасности и пр., а также виртуальные помощники, позволяющие управлять т.н. системой умного дома (например, Google Home, Mi Home или Alexa) [13].

Результаты проведенного опроса показывают, что правильно понимают значение термина «интернет-вещей» только 11,67% (21 чел.) информантов, т.е. более, чем в 2 раза меньше, чем тех, кто считает свою ЦГ высокой и очень высокой.

В то же время, после разъяснения смысла этого понятия, информанты отметили, что в их доме присутствуют элементы интернета вещей, этот аспект обозначили 72,8% или 131 чел., однако пользуются ими только 26,1% или 47 информантов [12].

Наиболее популярными устройствами, которые можно отнести к интернету вещей (кроме ноутбуков, смартфонов и планшетов) окружающих инвалидов по зрению, были названы:

1) Смарт-колонки, наиболее популярными из которых являются отечественные модели – Яндекс Станция, SberBoom, VK капсула, Капсула Mail.ru. Смарт-колонки – это самый популярный после смартфонов цифровой девайс, используемый инвалидами по зрению в быту. Различными его вариантами пользуются 69,4% незрячих и слабовидящих респондентов, в число которых, тем не менее, почти не вошли информанты, оценивающие свою ЦГ как высокую и очень высокую.

2) Смарт-часы и фитнес-трекеры. Непосредственно смарт-часами известных марок, имеющих функции голосового ассистента пользуются 1,1% (2 чел.) респондентов, что с одной стороны обусловлено высокой стоимостью таких девайсов, а с другой – прогнозируемыми

потенциальными незрячими пользователями проблемами при их настройке и работе с ними. Прочими, не озвученными моделями смарт-часов и фитнестрекеров, пользуются 46,67% опрошенных инвалидов, но только те, кто, имея I или II гр. инвалидности, сохранил остаток зрения. Среди тотально незрячих респондентов такие лица отсутствуют, в т.ч. потому, что для незрячих индивидов данные устройства бесполезны, в то время, как почти все функции смарт-часов и фитнестрекеров может выполнять смартфон.

3) Смарт-Т В. Различные модели умных телевизоров присутствуют в окружении 41,7% опрошенных инвалидов, однако самостоятельно пользуются их смарт-функциями лишь 31,7% респондентов.

Прочие элементы интернета вещей встречаются и тем более используются инвалидами по зрению в исчезающе малом числе случаев. Например, умные лампы и розетки присутствуют в домах 8,3% (15 чел.) инвалидов, но пользуются ими только 2,2% (4 чел.), умные чайники, стиральные машины, датчики открытия окон, утечки воды, умные замки есть в домах и квартирах 5% (9 чел.) информантов, однако сами инвалиды по зрению к их смарт-функциям не прибегают.

Низкие значения использования инвалидами по зрению приборов и систем интернета вещей обусловлены отсутствием у таких приборов и систем понятных и доступных для инвалидов по зрению интерфейсов взаимодействия с ними, а также наличием зрячих помощников, способных, при необходимости, осуществить подключение к ним и их настройку.

Так, возможностями смарт-ТВ преимущественно пользуются инвалиды, в т.ч. и тотально незрячие, если у таких телевизоров присутствует функция голосового ассистента. Также смарт-ТВ пользуются инвалиды, у которых сохранился остаток зрения, позволяющий им самостоятельно осуществлять процесс взаимодействия с устройством. Подключение и настройка смарт-колонок, смарт-часов и фитнестрекеров осуществляется только 1 раз через мобильные приложения, в чем, если инвалид не может сделать этого самостоятельно, ему обычно помогает кто-нибудь из ближнего окружения или членов МО ВОС. Следовательно, основным барьером, ограничивающим взаимодействие инвалидов по зрению с интернетом вещей, выступает неадаптированный к их особенностям интерфейс устройства или мобильного приложения, что ставит таких граждан в позицию цифрового неравенства.

Таким образом, мы можем сделать логичный вывод о том, что цифровое пространство в случае обеспечения его доступности для инвалидов по зрению, существенно облегчает им процесс жизнедеятельности, повышает уровень их независимости и самостоятельности, позволяя лично выполнять те функции и решать те задачи, для достижения которых ранее им требовалась посторонняя помощь.

В то же время значительная часть организаций, в т.ч. и государственных, продвигая свои услуги в цифровой среде, до сих пор не решила вопрос их тифлодоступности, ограничивая таким образом возможности удаленного удовлетворения своих потребностей инвалидами по зрению и ставя их в неравные условия относительно здоровых членов социума. При этом в цифровом пространстве в отношении доступности наблюдаются 2 разнонаправленных тенденции:

1) рост доступности приложений и веб-сайтов рыночно ориентированного бизнеса, стремящегося максимально расширить или сохранить круг своих пользователей, примером чему служат ресурсы «Сбер-онлайн», «ВКонтакте», «WhatsApp» или «Wildberries»;

2) снижение или сохранение низкого уровня доступности ресурсов компаний, очевидно не рассматривающих инвалидов дискредитированного стигматипа как потенциальную группу потребителей – банк «Открытие», маркетплейс «Ozon», мессенджер «Telegram» и пр.

Инвалиды по зрению, которых в той или иной мере можно отнести к категории «цифровых граждан», зачастую были бы не против переключиться на цифровые ресурсы поставщиков, предлагающих более широкий или привлекательный спектр услуг или товаров. Однако, в отличие от здоровых граждан, они не могут этого сделать вследствие недостаточной или откровенно низкой адаптированности приложений поставщиков под их нужды, вследствие чего они вынуждены: приобретать услуги/товары по более высоким ценам или более низкого качества; ограничивать себя в получении услуг/товаров, особенно, если в ближнем окружении инвалида нет зрячих помощников; обращаться к помощи зрячих граждан, что зачастую служит фактором снижения уровня их самостоятельности и независимости, появлению чувства неполноценности и пр. и вступает в противоречие с социальными моделями инвалидности, в частности – независимой жизни.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН 13.12.2006 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (дата обращения: 10.06.2024).
2. Никулина Г.В. Особенности взаимодействия инвалидов по зрению с предметно-пространственной средой мегаполиса / Г.В. Никулина, О.С. Радцевич // Вестник психофизиологии. – 2018. – № 4. – С. 65–69.
3. Филиппова М.В. Специфика социально-трудовой реабилитации инвалидов с ограниченными интеллектуальными возможностями / М.В. Филиппова, П.С. Федорова, Т.В. Бугайчук // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: Материалы VII Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 308–310.
4. ВЦИОМ: Трудоустройство с ограниченными возможностями [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudoustrojstvo-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami> (дата обращения: 27.05.2024).
5. Тринадцатко А.А. Современные информационные технологии в повседневной жизни людей с тяжелыми нарушениями зрительной функции / А.А. Тринадцатко // Социология. – 2024. – № 3. – С. 101–111.
6. McKinsey: Bridging another digital divide: accessibility for blind and visually impaired consumers [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/bridging-another-digital-divide-accessibility-for-blind-and-low-vision-consumers> (дата обращения: 01.06.2024).
7. AIF: Aiming for accessibility in a digital space [Электронный ресурс]. – URL: <https://aif.org/aiming-for-accessibility-in-a-digital-space/> (дата обращения: 21.06.2024).
8. Тринадцатко А.А. Современное цифровое пространство как среда социокультурной реабилитации инвалидов по зрению / А.А. Тринадцатко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 5. – С. 83–89. – DOI 10.23672/q2493-8356-8853-g.

9. НАФИ: Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 18.05.2024).
10. Токтарова В.И. Цифровая грамотность: понятие, компоненты и оценка / В.И. Токтарова, О.В. Ребко // Вестник Марийского государственного университета. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 165–177.
11. Шиняева О.В. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения / О.В. Шиняева, О.В. Полетаева, О.М. Слепова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 4. – С. 68–85.
12. Тринадцатко А.А. Цифровая грамотность, цифровое неравенство и цифровая адаптация инвалидов с тяжелыми нарушениями зрительной функции / А.А. Тринадцатко // Социология. – 2024. – № 5. – С. 74–85.
13. Что такое интернет вещей? Определение и описание [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-iot> (дата обращения 15.07.2024).

VISUALLY IMPAIRED AND THE DIGITAL DIVIDE

Trinadtsatko A.A.

Pacific National University

The article examines the phenomenon of digital inequality in people with severe visual impairments. Digital inequality in relation to such persons is a consequence of the lack of adaptation of the objects of digital space to the characteristics of visually impaired people, which serves as a discriminatory factor against the latter. In the context of the model of independent living, the digital inequality of people with severe visual impairments becomes a manifestation of the discriminatory concept of ableism, leveling the achievements of modern society in proclaiming the equality of rights of all its members in all spheres of life. At the same time, the accessible digital environment significantly expands the capabilities of blind and visually impaired citizens to independently satisfy their everyday, and not only, needs without the involvement of healthy individuals, thus expanding the range of areas for the manifestation of their social activity.

Keywords: blind and visually impaired people, severe visual impairment, digital discrimination, typhloadaptive technologies, digital space, digital literacy, digital accessibility

References

1. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (adopted by resolution 61/106 of the UN General Assembly on December 13, 2006) [Electronic resource]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (date of the application: 10.06.2024).
2. Nikulina G.V. Features of the interaction of the visually impaired with the subject-spatial environment of the metropolis / G.V. Nikulina, O.S. Radtsevich // Bulletin of Psychophysiology. – 2018. – № 4. – P. 65–69.
3. Filippova M.V. Specifics of social and labor rehabilitation of disabled people with intellectual disabilities / M.V. Filippova, P.S. Fedorova, T.V. Bugaychuk // Systemogenesis of educational and professional activities: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. – 2015. – P. 308–310.
4. ACPOR. Employment with disabilities [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-trudoustrojstvo-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami> (date of the application: 27.05.2024).
5. Trinadtsatko A.A. Modern information technologies in the everyday life of people with severe visual impairments / A.A. Trinadtsatko // Sociology. – 2024. – № 3. – P. 101–111.
6. McKinsey. Bridging another digital divide: accessibility for blind and visually impaired consumers [Electronic resource]. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/bridging-another-digital-divide-accessibility-for-blind-and-low-vision-consumers> (date of the application: 01.06.2024).
7. AIF: Aiming for accessibility in a digital space [Electronic resource]. – URL: <https://aif.org/aiming-for-accessibility-in-a-digital-space/> (date of the application: 21.06.2024).
8. Trinadtsatko A.A. Modern digital space as an environment for socio-cultural rehabilitation of the visually impaired / A.A. Trinadtsatko // Humanities, socio-economic and public sciences. – 2022. – № 5. – P. 83–89. – DOI 10.23672/q2493–8356–8853-g.
9. NAFl: Digital literacy of Russians: study 2020 [Electronic resource]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (date of the application: 18.05.2024).
10. Toktarova V.I. Digital literacy: concept, components and assessment / V.I. Toktarova, O.V. Rebko // Bulletin of Mari State University. – 2021. – V. 15. – № 2. – P. 165–177.
11. Shinyaeva O.V. Information and digital inequality: searching for effective population adaptation practices / O.V. Shinyaeva, O.V. Poletaeva, O.M. Slepova // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2019. – № 4. – P. 68–85.
12. Trinadtsatko A.A. Digital literacy, digital discrimination and digital adaptation of people with disabilities with severe visual impairment / A.A. Trinadtsatko // Sociology. – 2024. – № 5. – P. 74–85.
13. What is the internet of things? Definition and description [Electronic resource]. – URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-iot> (date of the application: 15.07.2024).

Социально-психологические особенности профилактики наркомании среди учащихся

Чистякова Екатерина Анатольевна,

Московский государственный областной университет, менеджер по специальности «Государственное и муниципальное управление», Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации
E-mail: Alex1678779@yandex.ru

Цель исследования – представить социально-педагогическую программу профилактики потребления наркотических средств среди учащихся на основе их возрастных психологических особенностей (12–18 лет). *Задачи исследования:* отразить актуальность и практическую значимость поднимаемой социально-психологической проблемы профилактики наркомании среди учащихся; представить подход к организации профилактики потребления наркотических средств среди учащихся; сформировать комплекс условий организации профилактики потребления наркотических средств среди учащихся: раннее обнаружение потребления наркотических средств среди учащихся; информирование учащихся о нормативно-правовых возможных последствиях наркомании; информирование учащихся о методах получения социально-педагогической, медицинской и психологической помощи в российском регионе; организация воспитательной работы, ориентированной на формирование возможностей активного участия молодых людей в просоциальных проектах; развитие психологических компетенций у родителей учащихся и педагогов в сфере профилактики наркотической зависимости; организация, практическое осуществление и социально-психологическая поддержка программы «Обучение наравне»; психологическое сопровождение учащихся на базе просветительско-развивающей программы, консультирования и социально-психологической поддержки. *Методы исследования:* анализ теоретических источников академической литературы, систематизация, обобщение, анализ статистических временных рядов, сбор и обработка информационно-аналитических данных, тестирование учащихся. *Результаты и выводы исследования:* В данной работе был предложен подход к организации профилактики потребления наркотических средств среди учащихся, ориентированный на минимизацию вероятности потребления среди учащихся наркотических средств, социализацию и личностный рост молодёжи.

Ключевые слова: профилактика наркомании; молодёжная среда; социально-педагогическая работа; психологические компетенции; просветительско-развивающая программа; сопровождение; социально-психологическая поддержка.

Введение

Особое внимание экспертов в настоящее время уделяется вопросам профилактики потребления учащимися образовательных учреждений различного уровня наркотических средств. Актуальность и важность поднимаемой в данном исследовании проблемы заключается в достаточно высоком риске потребления наркотических средств для повседневной жизни молодых граждан.

Средний возраст несовершеннолетних лиц, ставших употреблять наркотические средства, – 14,4 лет (для девочек – 14,6 лет, для мальчиков чуть меньше – 14,2 года). Целесообразно отметить, что впервые потребление наркотических средств осуществляется на фоне потребления алкоголя и табакокурения [1].

Приобщение учащихся к потреблению наркотических средств определяется возрастными психологическими особенностями, социальным и физиологическим развитием. Вместе с тем склонность молодых людей к потреблению наркотических средств взаимосвязана с внутренними потребностями учащихся, их областью интересов, взаимоотношениями с внешним окружением, эмоциональной устойчивости человека. Это подтверждает необходимость формирования и практического осуществления комплексной программы профилактики потребления наркотических средств среди учащихся в возрасте 12–18 лет.

С учётом того, что в современном обществе отсутствуют эффективные барьеры, обеспечивающие существенное уменьшение наркомании и преступности молодых граждан на фоне потребления наркотических средств, повышается необходимость реализации профилактической работы среди учащихся в рассматриваемой области.

Подход к организации профилактики потребления наркотических средств среди учащихся

Для того чтобы достичь устойчивого снижения наркомании в стране, целесообразно сформировать психолого-педагогическую систему, которая соответствует правовым и этическим основаниям реализации работы по профилактике среди учащихся.

В академической литературе [2], [3], [4] выделяются три концептуальных подхода к организации профилактики потребления наркотических средств среди лиц 10–25 лет:

1. Психолого-педагогическая модель, основанная на воздействии на внешнее окружение лиц, которые с достаточно высокой вероятностью будут обладать наркотической зависимостью. Цель такого подхода состоит в минимизации отрицательного влияния проводимых мероприятий на граждан, находящихся в зоне риска потребления наркотических средств;
2. Подход к профилактике наркомании, основанный на социально-психологической поддержке;
3. Применение просветительско-развивающей программы, ориентированной на создание у обучаю-

щихся навыков и знаний, которые позволят разрешить сложности в повседневной жизни без потребления наркотических средств.

Тем не менее, результаты проведенных исследований показали, что каждый из обозначенных выше подходов обладает существенными недостатками при практическом применении в среде учащихся. В частности, недостатком первой модели является преимущественно низкая готовность субъектов внешнего окружения взаимодействовать с педагогами-психологами по вопросам профилактики наркотических зависимостей. Во второй модели может произойти ситуация, когда авторитет педагога среди учащихся, особенно в подростковом возрасте, снижается, поэтому влияние социально-психологической поддержки в данном случае будет минимальным. В процессе формирования просветительско-развивающей программы особой значимостью обладают кейсы, включаемые для создания у обучающихся навыков и знаний, которые позволят разрешить сложности в повседневной жизни без потребления наркотических средств. Эти случаи должны быть ориентированы на развитие самосознания и мотивации к самореализации за счёт конструктивных способов разрешения сложностей в повседневной жизни учащихся. Поэтому профессионализм педагога-психолога в рамках третьего подхода должен быть достаточно высоким, в ином случае результативность просветительско-развивающей программы для учащихся будет крайне невысокой.

Условия организации профилактики потребления наркотических средств среди учащихся

В целях организации профилактики потребления наркотических средств среди учащихся, позволяющей снизить риск наркомании в молодёжной среде, необходимо сформировать комплекс условий, а именно:

1. Раннее обнаружение потребления наркотических средств среди учащихся;
2. Информирование учащихся о нормативно-правовых возможных последствиях наркомании;
3. Информирование учащихся о методах получения социально-педагогической, медицинской и психологической помощи в российском регионе;
4. Организация воспитательной работы, ориентированной на формирование возможностей активного участия молодых людей в просоциальных проектах;
5. Развитие психологических компетенций у родителей учащихся и педагогов в сфере профилактики наркотической зависимости;
6. Организация, практическое осуществление и социально-психологическая поддержка программы «Обучение наравне»;
7. Психологическое сопровождение учащихся на базе просветительско-развивающей программы, консультирования и социально-психологической поддержки.

Раннее обнаружение потребления наркотических средств среди учащихся

Рассматриваемое условие профилактики наркомании регламентировано действующим Приказом Минобрнауки РФ от 16.06.2014 года № 658 [5]. Раннее обнаружение потребления наркотических средств среди учащихся включает в себя совокупность процедур:

1. Алгоритм сбора персональных согласий участников образовательной среды для прохождения учащимися и их законными представителями (при недости-

жении учащимися 18 лет) процедуры социально-психологического тестирования;

2. Информирование участников о методах обеспечения конфиденциальности предоставленных сведений в ходе реализации социально-психологического тестирования, а также хранения итоговых результатов процедуры;
3. Составление поименного списка учащихся, которые будут участвовать в процедуре тестирования;
4. Порядок работы и состав итоговой комиссии, обеспечивающей процесс организации процедуры тестирования и её техническое сопровождение;
5. Установленный календарный график социально-психологического тестирования [5].

Информирование учащихся о нормативно-правовых возможных последствиях наркомании

Незаконное потребление наркотических средств в социальной среде отнесено к нормативно-правовым последствиям достаточно низкой степени правовой грамотности и самосознания [6]. Это обуславливает появление высокой вероятности появления риска незаконного поведения, следовательно, целесообразно информирование учащихся о нормативно-правовых возможных последствиях наркомании, о правовой ответственности при потреблении наркотических средств. Однако раскрытие и объяснение утвержденных в стране правовых последствий для учащихся будет недостаточным мероприятием, предлагается использовать его в сочетании с имеющимися достижениями применения концепций А. Леонтьева и Л. Выготского [7].

Таким образом, информирование учащихся о нормативно-правовых возможных последствиях наркомании должно быть обусловлено:

1. Разбор кейсов, изложенных онлайн, на официальных сайтах СМИ, с наложением на учащихся и их близких людей, что способствует осознанию возможных юридических последствий;
2. Моделирование учащимися своей повседневной жизни при наличии у них наркотической зависимости в контексте юридической ответственности за совершаемые поступки и их перспективности для личности и будущего профессионального роста.

Информирование учащихся о методах получения социально-педагогической, медицинской и психологической помощи в российском регионе

Данное условие профилактической работы также выступает крайне значимым, поскольку, несмотря на функционирование в образовательной организации собственного педагога-психолога, не все учащиеся или их законные представители обладают готовностью обратиться к этому специалисту за психологической помощью и консультацией. Главные причины-барьеры к получению необходимой социально-педагогической, медицинской и психологической помощи внутри образовательной организации:

1. Страх несоблюдения конфиденциальности полученных от учащихся либо их законных представителей сведений;
2. Крайне низкая степень психологической грамотности участников образовательной среды.

В настоящее время функционируют различные реабилитационные центры и организации социально-го и психологического обслуживания граждан. На их

официальных сайтах размещается информация о контактных данных, о возможностях прохождения предварительного тестирования, а также профилактического медицинского осмотра, получения онлайн-консультации педагога-психолога или медицинского работника. Кроме того, на электронных порталах можно найти информационные сведения о признаках наркотической зависимости, о том, как оказать адекватную помощь при потреблении наркотических средств.

Организация воспитательной работы, ориентированной на формирование возможностей активного участия молодых людей в просоциальных проектах

Воспитательная работа представляет собой целенаправленную деятельность по созданию у социальной группы гуманистических качеств при помощи взаимодействия субъектов общественной среды и учащихся [8, с. 52]. Цель организации воспитательной работы заключается в формировании достаточных условий для осуществления внеурочной и учебной деятельности среди учащихся, способствующих развитию определенных компетенций и качеств современной личности, дающих возможность социализации и личностного роста учащихся.

Существуют 4 подхода к организации воспитательной работы в образовательной среде:

1. Подход, ориентированный на социализацию учащихся;
2. Модель, ориентированная на развитие личности, его мотивации к самореализации;
3. Культурологический подход;
4. Экзистенциальная модель воспитательной работы [8, с. 54–59].

Для профилактики потребления наркотических средств целесообразно объединить обозначенные выше подходы. Тогда воспитательная работа, ориентированная на формирование возможностей активного участия молодых людей в просоциальных проектах, будет базироваться на нижеследующих направлениях:

1. Формирование и сохранение новых культурных традиций в учреждении образования;
2. Практическое осуществление профилактических, гражданско-патриотических и культурно-образовательных мероприятий;
3. Организация и развитие творческих коллективов учащихся, совместной творческой деятельности учащихся с преподавателями;
4. Поддержка талантливых учащихся в учреждении образования при помощи реализации творческих конкурсов и дополнительных образовательных программ;
5. Организация работы по физической культуре, пропагандирование принципов ЗОЖ;
6. Организация досуговой деятельности и развлечений учащихся;
7. Вовлечение учащихся в волонтерскую деятельность;
8. Педагогическое, социальное и психологическое сопровождение учащихся, в частности, сопровождение для получения льгот, в соблюдении прав учащихся или во время адаптации в образовательной среде;
9. Организация материального и нематериального стимулирования активной просоциальной деятельности учащихся;
10. Совместная методическая работа преподавателей и административного персонала учреждения образования.

Формирование и развитие психологически комфортной для учащихся образовательной среды приводит к активизации процесса социализации, личностному и социокультурному росту. Поэтому организация воспитательной работы, ориентированной на формирование возможностей активного участия молодых людей в просоциальных проектах, представляется значимым направлением профилактики среди учащихся потребления наркотических средств.

Развитие психологических компетенций у родителей учащихся и педагогов в сфере профилактики наркотической зависимости

По мнению экспертов, психологические компетенции представляют собой совокупность навыков, умений и знаний по социологии, педагогике и психологии, так как данные области взаимосвязаны между собой [9]. Существование у родителей учащихся и педагогов психологических компетенций проявляется в эффективном использовании соответствующих знаний в ходе организации межличностного взаимодействия в психолого-педагогической деятельности. Достаточно эффективным направлением увеличения уровня психологических компетенций у родителей учащихся и педагогов выступает осуществление просветительно-развивающих программ [9].

Для того чтобы достичь крайне высоких результатов в процессе профилактики среди учащихся наркотической зависимости, просветительно-развивающие программы должны включать:

1. Методы раннего обнаружения аддиктивной склонности к потреблению наркотических средств среди учащихся;
2. Инструменты и принципы предоставления психолого-педагогического и информационного сопровождения учащимся, которые оказались в сложной жизненной ситуации.

Кроме родителей учащихся и педагогов, уровень психологических компетенций через просветительно-развивающие программы может быть увеличен у штатных работников учреждения образования, которые обладают базовыми знаниями по социологии и психологии, у внешних специалистов (психотерапевтов, психологов, сотрудников наркологических учреждений, социальных работников), имеющих определенный опыт в организации системы профилактики потребления наркотических средств среди учащихся.

Для развития психологических компетенций в настоящее время целесообразно применять интерактивные методы, в частности, педагогические онлайн-тренинги, мастер-классы, групповые виртуальные дискуссии, вебинары, конференции дистанционного формата.

Организация, практическое осуществление и социально-психологическая поддержка программы «Обучение наравне»

Ввиду разных причин профилактическая поддержка учащихся, организуемая педагогами-психологами, не обладает достаточной результативностью. Однако у молодежи присутствует потребность в надежной и точной информации о методах преодоления стрессовых ситуаций. Молодые люди пытаются получить такую информацию посредством коммуникации со своими сверстниками или онлайн-общения в социальных сетях. Эксперты в сфере психологии отмечают, что у учащихся в возрасте 16–18 лет активно формируется психологическая готовность

к самоопределению и самосознанию, следовательно, значимость доверия в межличностном взаимодействии повышается [10]. Подобная возрастная особенность зачастую учитывается при составлении психолого-педагогических программ, которые основаны на принципе «Обучение наравне». Основой является представление о том, что учащиеся более открыто проявляют свои коммуникативные способности, непринужденно взаимодействуют со своими сверстниками, поэтому поступающие информационные сведения лучше воспринимаются [11–14].

Таким образом, в молодёжной среде можно распространять значимую информацию о психологических, юридических и медицинских последствиях наркотической зависимости через заранее подготовленных молодых людей-сверстников.

Предлагаемое направление профилактики потребления наркотических средств среди учащихся может быть востребованным, о чём свидетельствуют результаты предварительного тестирования 54 учащихся 10–11 классов ГБОУ г. Москвы «Школа № 179».

Предварительное тестирование позволило выявить следующие результаты:

1. У 84% учащихся присутствует заинтересованность в участии в просветительно-развивающей программе, построенной по принципу «Обучение наравне», которая позволит развивать личностные навыки в сфере профилактики потребления наркотических средств среди молодых граждан;
2. Свыше 40% учащихся желают принять активное участие в осуществляемых в рамках просветительно-развивающей программы мероприятиях, которые будут проходить под руководством педагога-психолога учреждения образования;
3. Отмечается повышенный интерес к осуществлению просветительских мероприятий, в которых смогут участвовать молодые люди, учащиеся из иных образовательных организаций г. Москвы;
4. Учащиеся обозначили наиболее востребованные темы просветительно-развивающей программы и социально-психологической поддержки:
 - стрессоустойчивость – около 70% молодых людей;
 - развитие эмоциональной вовлеченности и интеллекта – приблизительно 60% учащихся;
 - развитие мотивации к саморазвитию – чуть больше 65% участников предварительного тестирования;
 - самоопределение – более 50% учащихся;
 - управление своим временем – чуть выше 47% участников предварительного тестирования.

При практическом осуществлении социально-психологической поддержки программы «Обучение наравне» целесообразно сформировать методическое сопровождение, в основе которого будет психологические консультации и просветительская работа для учащихся при выполнении задач профилактики потребления наркотических средств.

Психологическое сопровождение учащихся на базе просветительно-развивающей программы, консультирования и социально-психологической поддержки

Данное направление является дополнительным к обозначенным выше, однако его желательно осуществлять, поскольку предлагаемое условие профилактической работы среди учащихся в совокупности с другими направлениями повышает результативность всей просветительно-развивающей программы. Если в учреждении образования создано функциональное подразделение, осуществ-

ляющее психологическое сопровождение учащихся, то профилактику потребления наркотических средств рекомендуется реализовывать по таким направлениям, как:

1. Просветительно-развивающие мероприятия;
2. Социально-психологическая поддержка и консультации;
3. Экспертная деятельность.

В молодёжной среде проведение просветительно-развивающей работы ориентировано на создание психологических компетенций как значимого условия конструктивного проявления учащихся в процессе повседневной жизни и непосредственно к самому себе.

Ключевые задачи психологического сопровождения учащихся на базе просветительно-развивающей программы, консультирования и социально-психологической поддержки:

1. Развитие потенциала к саморазвитию и самопознанию;
2. Развитие сознательного и ценностного отношения молодых граждан к состоянию собственного здоровья, осуществлению направлений ЗОЖ, формированию стойкого отрицательного отношения к наркомании.

Социально-психологическая поддержка и консультации для учащихся представляют собой специфическую деятельность педагогов-психологов с профильным образованием. Если в учреждении образования отсутствует возможность организации самостоятельного подразделения, которое будет осуществлять психологическое сопровождение на базе просветительно-развивающей программы, консультирования и социально-психологической поддержки, тогда можно сформировать сервис информирования учащихся о том, где они могут получить социально-педагогические, медицинские и психологические услуги в конкретном российском регионе.

Выводы

Организация профилактической работы для уменьшения риска потребления наркотических средств среди учащейся молодёжи подразумевает достаточно сложный процесс, в котором должны участвовать не только педагоги-психологи, но и законные представители учащихся, непосредственно молодые люди, обладающие активной жизненной позицией и отрицательно настроенные на потребление наркотических средств среди своих сверстников. Любая организация в образовательной среде имеет уникальные ресурсы, которые потенциально выступают основой формирования концептуальной модели профилактики наркотической зависимости, учитывающая поставленные в работе организации задачи, а также потребности учащихся. В данной работе был предложен подход к организации профилактики потребления наркотических средств среди учащихся, ориентированный на минимизацию вероятности потребления среди учащихся наркотических средств, социализацию и личностный рост молодёжи.

Литература

1. Никифорова Т. Ю., Маскалянова С.А. Педагогическая профилактика наркомании в системе общего образования: здоровьесберегающий аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26. – № 191. – С. 58–65.
2. Уйманов Н. В., Глущенко О.И. Профилактика наркомании как элемент гражданско-патриотического

- воспитания молодёжи // Устойчивое развитие науки и образования. – 2020. – № 1. – С. 34–40.
3. Комендантова О. В., Добросмыслова С.Н. Профилактика злоупотребления наркотиками как технология работы с молодежью // Молодежь и государство: научно-методологические, социально-педагогические и психологические аспекты развития современного образования. Международный и российский опыт. – 2020. – С. 104–110.
 4. Коруненко Е.Ю. Приоритетные направления совершенствования борьбы с наркотизмом и наркомагией // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 7. – С. 81–83.
 5. Приказ Министерства образования и науки РФ от 16 июня 2014 г. № 658 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в образовательных организациях высшего образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70620640/> (дата обращения: 23.07.2024).
 6. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. – 14.07.2011. – № 151.
 7. Егоров И. А., Умняшова И.Б. Проблема формирования правосознания обучающихся в условиях децентрализации нормативного регулирования деятельности образовательных организаций // Культурно-историческая психология. – 2017. – Т. 13. – № 3. – С. 16–22.
 8. Рожков М.И. Юногига. Педагогическое обеспечение работы с молодежью: учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 2007. – 312 с.
 9. Умняшова И.Б. Организационно-правовые и этические аспекты деятельности педагогических работников по развитию психолого-педагогических компетенций родителей обучающихся // Развитие психолого-педагогической компетентности родителей обучающихся: сборник научных трудов / Под ред. Г.В. Новиковой, И.Б. Умняшовой. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – С. 45–54.
 10. Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.
 11. Критерии программ «Равный – равному» по профилактике ВИЧ-инфекции и продвижению идеи здорового образа жизни среди молодежи в Российской Федерации: руководство для практиков. – М.: У-РЕЕР, 2006. – 116 с.
 12. Лыгина М.А. Волонтерское движение новое направление первичной профилактики наркомании // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2008. – № 11. – С. 15–18.
 13. Методические рекомендации для вузов по организации первичной профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в студенческой среде, основанной на принципе «Равный обучает равного»: пособие для вузов / под ред. Умняшовой И.Б., Леоновой О.И. – М.: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2020. – 131 с.
 14. Умняшова И.Б. Волонтерская деятельность как форма первичной профилактики химической аддикции в молодежной среде // Современная реальность в социально-психологическом контексте-2020. – 2020. – С. 191–197.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF DRUG ADDICTION PREVENTION AMONG STUDENTS

Chistiakova E.A.

Moscow State Regional University

The purpose of the study is to present a socio-pedagogical program for the prevention of drug use among students based on their age-related psychological characteristics (12–18 years). Objectives of the study: to reflect the relevance and practical significance of the raised socio-psychological problem of drug addiction prevention among students; present an approach to organizing the prevention of drug use among students; to form a set of conditions for organizing the prevention of drug use among students: early detection of drug use among students; informing students about the legal and regulatory consequences of drug addiction; informing students about methods of obtaining social, pedagogical, medical and psychological assistance in the Russian region; organization of educational work focused on creating opportunities for young people to actively participate in prosocial projects; development of psychological competencies among parents of students and teachers in the field of drug addiction prevention; organization, practical implementation and socio-psychological support of the “Equal Education” program; psychological support for students based on educational and developmental programs, counseling and socio-psychological support. Research methods: analysis of theoretical sources of academic literature, systematization, generalization, analysis of statistical time series, collection and processing of information data, testing of students. Results and conclusions of the study: This work proposed an approach to organizing the prevention of drug use among students, aimed at minimizing the likelihood of drug use among students, socialization and personal growth of youth.

Keywords: drug addiction prevention; youth environment; social and pedagogical work; psychological competencies; educational and development program; accompaniment; socio-psychological support.

References

1. Nikiforova T. Yu., Maskalyanova S.A. Pedagogical prevention of drug addiction in the general education system: health-saving aspect // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. – 2021. – Т. 26. – No. 191. – pp. 58–65.
2. Uymanov N.V., Glushchenko O.I. Prevention of drug addiction as an element of civil-patriotic education of youth // Sustainable development of science and education. – 2020. – No. 1. – pp. 34–40.
3. Komendantova O. V., Dobrosmyslova S.N. Prevention of drug abuse as a technology for working with youth // Youth and the state: scientific, methodological, social, pedagogical and psychological aspects of the development of modern education. International and Russian experience. – 2020. – P. 104–110.
4. Korunencko E. Yu. Priority directions for improving the fight against drugs and drug addiction // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2020. – No. 7. – pp. 81–83.
5. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated June 16, 2014 No. 658 “On approval of the Procedure for conducting socio-psychological testing of persons studying in general education organizations and professional educational organizations, as well as in educational organizations of higher education” [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70620640/> (date of access: 23.07.2024).
6. Fundamentals of state policy of the Russian Federation in the field of development of legal literacy and legal consciousness of citizens (approved by the President of the Russian Federation on April 28, 2011 No. Pr-1168) // Russian newspaper. – 14.07.2011. – No. 151.
7. Egorov I. A., Umnyashova I.B. The problem of forming the legal consciousness of students in the conditions of decentralization

- of normative regulation of the activities of educational organizations // Cultural-historical psychology. – 2017. – T. 13. – No. 3. – pp. 16–22.
8. Rozhkov M.I. Yunogiga. Pedagogical support for working with youth: educational and methodological manual. – M.: Publishing house YAGPU named after K.D. Ushinsky, 2007. – 312 p.
 9. Umnyashova I.B. Organizational, legal and ethical aspects of the activities of teachers in the development of psychological and pedagogical competencies of parents of students // Development of psychological and pedagogical competence of parents of students: a collection of scientific works / Ed. G.V. Novikova, I.B. Umnyashova. – M.: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGPPU, 2017. – P. 45–54.
 10. Kon I.S. Psychology of early adolescence. – M.: Education, 1989. – 256 p.
 11. Criteria for “Peer to Peer” programs to prevent HIV infection and promote the idea of a healthy lifestyle among young people in the Russian Federation: a guide for practitioners. – M.: Y-PEER, 2006. – 116 p.
 12. Lygina M.A. Volunteer movement is a new direction in the primary prevention of drug addiction // News of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. – 2008. – No. 11. – pp. 15–18.
 13. Methodological recommendations for universities on organizing primary prevention of illicit consumption of narcotic drugs and psychotropic substances among students, based on the principle “Peer teaches peer”: a manual for universities / ed. Umnyashova I.B., Leonova O.I. – M.: All-Russian public organization “Federation of Educational Psychologists of Russia”, 2020. – 131 p.
 14. Umnyashova I.B. Volunteer activity as a form of primary prevention of chemical addiction among young people // Modern reality in the socio-psychological context-2020. – 2020. – pp. 191–197.

Оптимизация социальных технологий управления ресоциализацией офицеров, уволенных в запас

Щипаков Владимир Эрикович,

старший преподаватель кафедры психологии, ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: v.schipakov@mail.ru

Осипенко Эдуард Борисович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: ed.osip68@rambler.ru

В статье анализируются социальные технологии, обеспечивающие эффективную интеграцию офицеров, уволенных в запас. На основе теоретического исследования выявлены ключевые направления применения инновационных методик и инструментов, доказавших свою результативность в решении задач профессиональной и социальной реинтеграции данной категории военнослужащих. Отмечена важность межсекторного взаимодействия различных акторов в обеспечении эффективности социальной интеграции уволенных в запас офицеров. Определены перспективы дальнейших исследований, связанные с детальным изучением успешных практик, анализом мнений и установок самих офицеров, а также разработкой рекомендаций по масштабированию и распространению наиболее действенных социальных технологий.

Ключевые слова: социальные технологии; интеграция офицеров, уволенных в запас; оптимизация социальных технологий; профессиональная и социальная реинтеграция; межсекторное взаимодействие; перспективы исследований.

Введение и постановка проблемы

Тема исследования сохраняет свою значимость, особенно в контексте современной российской действительности. Сегодняшняя Россия развивается в условиях глобальной неопределенности социальных процессов. Эта динамично меняющаяся обстановка представляет вызовы для различных социальных групп, в том числе для офицеров, перешедших в запас. Эти военные специалисты оказываются перед необходимостью приспособиться к гражданской жизни после окончания службы. Однако многим из них приходится столкнуться с трудностями при трудоустройстве и социальной адаптации.

Изучение социальных технологий, способствующих эффективной интеграции офицеров-запасников, имеет практическую ценность. Это позволит разработать подходы и методики, которые помогут этой категории граждан успешно адаптироваться к новым условиям и добиться стабильности в гражданской сфере.

Анализ современной ситуации предполагает изучение текущего состояния социально-трудовой адаптации офицеров, уволенных в запас, и выявление основных проблем и вызовов, с которыми они сталкиваются в гражданской жизни. Следующим шагом является изучение механизмов адаптации, то есть анализ существующих методов и подходов к социально-трудовой адаптации офицеров-запасников и выявление наиболее эффективных практик.

На основе проведенного анализа необходимо разработать и предложить новые социальные технологии, которые помогут офицерам успешно интегрироваться в гражданскую среду. Это может включать в себя обучение, консультации, поддержку при поиске работы и другие меры. Заключительным этапом является практическая реализация, то есть определение путей внедрения разработанных технологий в реальную практику и оценка их эффективности.

В рамках данного исследования предлагается выдвигать гипотезу о том, что создание и применение специальных социальных технологий может способствовать более успешной интеграции офицеров, уволенных в запас. Это предположение основывается на том, что разработка и внедрение соответствующих методов и подходов помогут увеличить эффективность адаптации бывших военнослужащих к новой жизни после службы.

Данная гипотеза предполагает, что использование специальных социальных технологий может стать ключевым фактором успешной интеграции офицеров-запасников в гражданскую среду. Предполагается, что эти технологии будут направлены на решение проблем, связанных с адаптацией к новым условиям жизни, и помогут бывшим военнослужащим эффективно преодолеть трудности, возникающие в процессе интеграции.

Краткий обзор литературы

Тема оптимизации социальных технологий, обеспечивающих эффективную интеграцию офицеров, уволенных в запас, является актуальной и востребованной в современном научном сообществе. Эта проблема раскрыта

во множестве научных работ, посвященных изучению различных аспектов социальной адаптации бывших военнослужащих. В данном разделе будет представлен краткий обзор литературы, посвященной этой теме, с целью определения основных подходов и направлений исследований, а также выявления пробелов и нерешенных проблем.

Вопросы ресоциализации военнослужащих, уволенных в запас, остаются недостаточно исследованными в современной отечественной научной литературе. Однако отдельные аспекты этой проблемы освещены в работах различных авторов. Помимо этого, в исследованиях на смежные темы можно найти ценные сведения, относящиеся к рассматриваемому вопросу.

К.В. Вольф и Е.А. Геронтъев изучали вопросы профессиональной адаптации военнослужащих после увольнения в запас. Авторы рассматривают место профессиональной адаптации в процессе ресоциализации, анализируя трудовые, социальные и психологические аспекты. Отмечается, что профессиональная адаптация является важнейшим элементом ресоциализации, но многие военнослужащие не полностью используют возможности для переобучения, что снижает их удовлетворенность будущей трудовой деятельностью.

Статья З.Д. Деникиной и К.Е. Дроконовой рассматривает особенности социально-психологического состояния военнослужащих в процессе увольнения в запас. Анкетирование, проведенное авторами, показало значительное влияние увольнения на военных. С одной стороны, они испытывают негативные эмоции, с другой — у многих возникает стремление к новой деятельности и стабильной занятости.

О.Н. Монахов в своей статье исследует вопросы профессиональной адаптации уволенных в запас военнослужащих, имеющих право на пенсию. Автор подчеркивает, что эти граждане, оставаясь трудоспособными, нуждаются в ресоциализации для успешной интеграции в гражданскую жизнь. Ключевым условием успешной ресоциализации является профессиональная адаптация военных пенсионеров. В статье обсуждаются основные направления этой адаптации: образовательные программы, содействие трудоустройству, социально-правовое сопровождение предпринимательской деятельности. Особое внимание уделено созданию инклюзивных условий, способствующих успешной адаптации.

Д.А. Семянникова анализирует правовое регулирование комплексной реабилитации военнослужащих, участвовавших в специальной военной операции. Автор исследует изменения правового статуса этой категории военнослужащих и обновление правовых механизмов, направленных на обеспечение их права на реабилитацию. Основным выводом заключается в том, что комплексная реабилитация должна быть многоаспектной и строиться на единых федеральных стандартах.

О.В. Филимонов в своей статье проводит сравнительный анализ процессов социальной реадaptации, профессиональной подготовки и трудоустройства фронтовиков, участвовавших в Великой Отечественной войне и в специальной военной операции. Автор, опираясь на оценки современников, материалы научных публикаций и сообщения в СМИ, делает вывод о сходстве отношения общества и властей к ветеранам разных времен. Для предотвращения ошибок при назначении на управленческие должности неподготовленных фронтовиков, предлагается найти баланс между желающими и квалифицированными кадрами. Это позволит избежать поспешных решений и пропагандистских шагов, которые могут дискредитировать саму идею обновления власти.

Результаты и их обсуждение. Успешная социально-трудовая адаптация офицеров, уволенных в запас, является важной задачей для обеспечения их благополучной интеграции в гражданскую жизнь. Анализ современной ситуации показывает, что данная категория граждан сталкивается с рядом ключевых проблем и вызовов. Таблица 1 обобщает основные трудности, с которыми сталкиваются офицеры-запасники при адаптации, включая профессиональную переориентацию, трудоустройство, социальную изоляцию, психологические и финансовые проблемы.

Таблица 1. Основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются офицеры, уволенные в запас, при социально-трудовой адаптации

№	Проблема	Описание
1	Профессиональная переориентация	Сложности с переквалификацией и освоением новых профессиональных навыков
2	Трудоустройство	Поиск подходящей работы, конкуренция с другими категориями граждан
3	Социальная изоляция	Трудности с налаживанием новых социальных связей и интеграцией в гражданское общество
4	Психологические проблемы	Адаптация к изменению статуса, стрессы, депрессия
5	Финансовые трудности	Снижение уровня доходов, необходимость поиска дополнительных источников средств к существованию

Для повышения эффективности социально-трудовой адаптации офицеров-запасников необходимо изучение и применение наиболее действенных практик. Таблица 2 обобщает ключевые подходы, доказавшие свою результативность в данной сфере.

Таблица 2. Наиболее эффективные практики социально-трудовой адаптации офицеров-запасников

№	Практика	Описание
1	Профессиональная подготовка	Организация курсов повышения квалификации, обучение новым профессиям
2	Содействие в трудоустройстве	Помощь в поиске работы, составлении резюме, прохождении собеседований
3	Психологическая поддержка	Индивидуальные и групповые консультации, тренинги адаптации
4	Развитие социальных связей	Организация клубов, встреч, мероприятий для налаживания коммуникации
5	Финансовая помощь	Субсидии, пособия, льготы для облегчения материального положения

Выделяются мотивационные, адаптационные и коммуникативные технологии, применяемые для решения поставленных задач.

Мотивационная технология

Эффективная интеграция офицеров, уволенных в запас, во многом зависит от их мотивации и готовности принять новые ценностные ориентиры. Ключевую роль

в этом процессе играет интериоризация социокультурных установок принимающего сообщества. Иными словами, глубокое усвоение и принятие на личностном уровне системы норм, традиций и мировоззренческих установок, доминирующих в гражданском социуме.

Данный механизм позволяет бывшим военным не только адаптироваться к новым условиям, но и найти личностный смысл и внутреннюю мотивацию для активного участия в жизни гражданского общества. Вместо простого следования внешним требованиям, интериоризация ведет к подлинной интернализации ценностей, когда они становятся неотъемлемой частью «Я» индивида.

Особую роль в этом процессе играют системы ценностей, связанные с семьей, трудовой этикой, гражданской ответственностью и активной жизненной позицией. Именно эти установки, будучи интериоризованы, запускают внутреннюю мотивацию к преодолению трудностей, саморазвитию и продуктивному взаимодействию с социальным окружением.

Реализация мотивационной технологии, основанной на интериоризации социокультурных ценностей, предполагает применение комплекса взаимосвязанных методов и инструментов, направленных на глубинное усвоение офицерами, уволенными в запас, доминирующих в гражданском обществе норм и установок.

Одним из ключевых элементов данной технологии является погружение бывших военных в социокультурную среду принимающего сообщества. Это может быть реализовано посредством организации совместных мероприятий, на которых офицеры взаимодействуют с представителями различных сфер гражданской жизни – семьи, трудовых коллективов, общественных организаций и т.д. Такое непосредственное включение в социальные практики позволяет ускорить процесс вживания в новые ценностные матрицы.

Не менее важным является применение методов социально-психологического консультирования и тренингов. Специальные разработанные программы помогают бывшим военным осознать и переосмыслить личные ценности, сопоставить их с доминирующими в гражданском обществе установками, а также выработать стратегии их интеграции. Индивидуальные и групповые сессии создают безопасное пространство для рефлексии и внутренней трансформации.

Особую роль играют методы наставничества и менторской поддержки со стороны успешно интегрированных в гражданскую жизнь офицеров-ветеранов. Их личный опыт, экспертные знания и эмоциональная вовлеченность помогают преодолевать трудности переходного периода, находить оптимальные стратегии самореализации.

Реализация комплекса методов и инструментов мотивационной технологии, направленных на интериоризацию офицерами, уволенными в запас, доминирующих в гражданском обществе социокультурных ценностей, доказывает свою высокую эффективность.

В периоды кризисных явлений и структурных трансформаций, когда привычные жизненные ориентиры и модели поведения оказываются размытыми, а будущее предстает неопределенным, ценностно-нормативная интеграция становится ключевым фактором, обеспечивающим успешную адаптацию и самореализацию бывших военных в новых реалиях.

Включение офицеров в активный диалог с представителями разных сфер гражданской жизни способствует формированию у них более целостной и адекватной картины социальной действительности. Это позволяет трезво оценивать перспективы и конструктивно решать

возникающие проблемы, не впадая в состояние дезориентации и депрессии.

Применение методов социально-психологического консультирования и тренингов помогает бывшим военным обрести внутреннюю устойчивость и гибкость, необходимые для эффективного противодействия ситуациям неопределенности. Рефлексия личных ценностных установок и их сопоставление с доминирующими в социуме нормами дает возможность выработать адаптивные стратегии поведения.

Наставничество и менторская поддержка со стороны успешно интегрированных офицеров-ветеранов имеют высокую ценность. Их экспертные знания, практический опыт и эмоциональная вовлеченность помогают бывшим военным преодолевать трудности переходного периода, поддерживают их мотивацию и веру в собственные силы.

Мотивационная технология, основанная на интериоризации офицерами, уволенными в запас, доминирующих социокультурных ценностей, демонстрирует высокую эффективность. Она обеспечивает успешную ценностно-нормативную интеграцию бывших военных, формирует их внутреннюю устойчивость и гибкость, повышая тем самым их способность конструктивно действовать и самореализовываться в новых жизненных реалиях.

Адаптационная технология

Одним из ключевых элементов комплекса социальных технологий, обеспечивающих успешную интеграцию офицеров, уволенных в запас. Данный инструментарий направлен на формирование у бывших военных способности к гибкому и эффективному приспособлению к изменяющимся требованиям трудовой деятельности в гражданской сфере.

В периоды социально-экономических трансформаций привычные алгоритмы и модели профессионального поведения, сформированные в рамках военной службы, могут оказываться неадекватными новым реалиям. Это требует от офицеров, уволенных в запас, развития качественно иных компетенций и освоения нестандартных стратегий взаимодействия в трудовых коллективах.

Применение адаптационной технологии позволяет бывшим военным не только осознать необходимость изменений, но и выработать конструктивные модели приспособления к новым условиям. Интенсивное включение в активные формы обучения, такие как деловые игры, тренинги, мастер-классы, дискуссионные площадки, способствует развитию у них гибкости мышления, креативности, стрессоустойчивости.

Важную роль в данном процессе играет наставничество со стороны успешно адаптировавшихся офицеров-ветеранов. Их экспертный опыт, практические рекомендации и эмоциональная поддержка помогают бывшим военным преодолевать сложности адаптационного периода, предотвращая возникновение синдрома профессиональной дезориентации и деморализации.

Кроме того, применение технологии активного приспособления предполагает систематическое отслеживание динамики процессов профессиональной и социокультурной адаптации офицеров, уволенных в запас. Своевременная диагностика возникающих трудностей и корректировка индивидуальных адаптационных программ обеспечивают высокую эффективность данной технологии.

Процесс социально-профессиональной интеграции офицеров, уволенных в запас, проходит ряд последовательных этапов, каждый из которых характеризуется

специфическими особенностями и требует применения соответствующих социальных технологий.

На начальном этапе увольнения в запас ключевую роль играют диагностические процедуры, направленные на выявление индивидуальных характеристик, потенциальных ресурсов и ограничений бывших военнослужащих. Глубинные интервью, психологическое тестирование, мотивационный анализ позволяют сформировать комплексный профиль личности офицера и спрогнозировать наиболее вероятные траектории его дальнейшей адаптации.

Следующая стадия связана с преодолением психологического дискомфорта, вызванного утратой привычного социального статуса, профессиональной роли и референтного окружения. На этом этапе крайне важно создание системы психолого-педагогической поддержки, включающей в себя индивидуальное и групповое консультирование, терапевтические практики, направленные на восстановление эмоционального баланса и нормализацию самооценки бывших военнослужащих.

Дальнейшее движение адаптационного процесса предполагает переключение фокуса на освоение новых профессиональных компетенций, востребованных на гражданском рынке труда. Применение технологий карьерного консультирования, профессиональной переподготовки, опережающего обучения позволяет офицерам, уволенным в запас, не только преодолеть квалификационные разрывы, но и сформировать конкурентоспособные профессиональные профили.

Завершающая фаза адаптации связана с налаживанием эффективных социальных связей в новом профессиональном и социокультурном окружении. Использование технологий командообразования, наставничества, нетворкинга обеспечивает бывшим военнослужащим возможность встраивания в корпоративную культуру гражданских организаций, установления взаимовыгодных деловых контактов и обретения устойчивого ощущения принадлежности к новому профессиональному сообществу.

Разработка и внедрение комплексной системы социальных технологий, нацеленных на эффективную интеграцию офицеров, уволенных в запас, в новые социально-экономические условия, предполагает использование широкого спектра специализированных инструментов.

Одним из ключевых элементов адаптационной технологии является диагностический блок, включающий в себя углубленные интервью, личностные тесты и оценочные процедуры. Данные инструменты позволяют глубоко изучить индивидуальные особенности, мотивационные доминанты и компетентностные профили бывших военнослужащих, что, в свою очередь, служит основой для выстраивания персонифицированных программ адаптации.

Дальнейшее движение адаптационного процесса опирается на применение комплекса психолого-педагогических технологий, направленных на восстановление эмоционального равновесия и самооценки офицеров, уволенных в запас. Индивидуальное и групповое консультирование, тренинговые практики, арт-терапевтические и телесно-ориентированные методики способствуют преодолению психологического стресса и формированию устойчивых ресурсов личностного роста.

Ключевым звеном адаптационной технологии является блок, связанный с профессиональной переподготовкой и освоением новых компетенций. Использование технологий опережающего обучения, в том числе дистанционных образовательных программ, бизнес-симуляторов и стажировок, позволяет в кратчайшие сро-

ки сформировать у бывших военнослужащих конкурентоспособные профессиональные профили.

Завершающий этап адаптации ориентирован на использование технологий социальной интеграции, позволяющих офицерам, уволенным в запас, эффективно встраиваться в новые корпоративные и общественные структуры. Применение инструментов управления карьерой, нетворкинга, наставничества и командообразования обеспечивает построение устойчивых деловых связей и социальных взаимодействий.

Комплексное использование данных инструментальных блоков в рамках единой адаптационной технологии доказало свою высокую эффективность. Внедрение данной системы позволяет в сжатые сроки обеспечить успешную интеграцию офицеров, уволенных в запас, в новые социально-профессиональные условия, минимизируя риски их маргинализации и повышая адаптационный потенциал.

Коммуникативные технологии

Важнейшим аспектом процесса социальной адаптации офицеров, уволенных в запас, является разработка и внедрение эффективных коммуникативных технологий. Развитие и поддержание конструктивных коммуникативных связей выступает ключевым фактором, обеспечивающим успешную интеграцию данной социальной группы в новые социально-профессиональные условия.

Традиционные модели коммуникации, характерные для военной среды, зачастую оказываются малоэффективными в гражданских реалиях. Жесткая вертикаль управления, формализованный стиль общения, четкое разграничение статусных позиций – данные особенности уходят в прошлое, требуя замены на более гибкие, горизонтальные коммуникативные стратегии.

Адаптационные коммуникативные технологии должны быть ориентированы на формирование у бывших офицеров навыков конструктивного диалога, ведения переговоров, публичных выступлений, нетворкинга. Особое внимание следует уделять развитию эмоционального интеллекта, навыков активного слушания, аргументации и убеждения. Только комплексное освоение этих компетенций позволит экс-военнослужащим успешно встраиваться в горизонтальные коммуникативные сети современных организаций.

Немаловажную роль играют и технологии формирования позитивного имиджа и самопрезентации. Востребованность офицеров, уволенных в запас, на гражданском рынке труда во многом зависит от их способности презентовать себя как надежных, ответственных, компетентных и самостоятельных специалистов. Отработка навыков самоподдачи, управления впечатлением, публичных выступлений способствует эффективному позиционированию данной целевой группы.

Процесс интеграции офицеров, уволенных в запас, в новые социально-профессиональные условия требует применения разнообразных коммуникативных подходов. Особую актуальность приобретают оптимизированные стратегии, способствующие адаптивности, гибкости и креативности коммуникативных практик.

Одной из ключевых стратегий выступает ориентация на установление широких партнерских связей. Расширение сети контактов, налаживание горизонтальных коммуникаций, развитие навыков нетворкинга становятся критически важными для бывших военнослужащих. Это позволяет им не только оперативно получать актуальную информацию, но и эффективно позиционировать себя на рынке труда, привлекать необходимые ресурсы для реализации своих проектов.

Также востребованными становятся коммуникативные стратегии, основанные на принципах открытости и транспарентности. Умение ясно артикулировать свои цели, задачи и потребности, предоставлять исчерпывающую информацию о своем опыте и компетенциях становится залогом доверительных отношений с потенциальными работодателями и партнерами. Такой подход способствует разрушению стереотипов и предубеждений в отношении бывших военнослужащих.

Кроме того, важную роль играют коммуникативные техники, направленные на развитие эмоционального интеллекта и навыков управления впечатлением. Способность выстраивать конструктивные, эмпатичные отношения, демонстрировать гибкость и адаптивность в общении, эффективно позиционировать свои конкурентные преимущества – все это значительно повышает шансы офицеров, уволенных в запас, на успешную интеграцию.

Исследование коммуникативных стратегий, востребованных в контексте интеграции офицеров, уволенных в запас, подтверждает их ключевую роль в преодолении вызовов социально-экономической нестабильности. Грамотное применение современных коммуникативных технологий служит важным катализатором успешной адаптации данной целевой группы к новым условиям.

Расширение сети контактов и налаживание партнерских связей посредством использования методик нетворкинга, активного самопродвижения и эффективного презентационного менеджмента открывает перед уволенными военнослужащими новые возможности трудоустройства и реализации предпринимательских инициатив. Оперативный доступ к актуальной информации, установление горизонтальных коммуникаций с различными представителями профессионального сообщества позволяют им своевременно улавливать тенденции рынка, быстро реагировать на возникающие потребности работодателей.

Применение коммуникативных техник, основанных на принципах открытости и транспарентности, способствует формированию доверительных отношений с потенциальными партнерами. Четкое, убедительное позиционирование своего опыта, компетенций и ценностного предложения, обеспечение максимальной информационной прозрачности – все это значительно повышает шансы офицеров, уволенных в запас, на успешное трудоустройство и дальнейшее карьерное развитие.

Не менее важную роль играют коммуникативные стратегии, направленные на развитие эмоционального интеллекта, управление впечатлением и выстраивание конструктивных отношений. Способность к эмпатии, гибкость поведенческих моделей, умение презентовать свои конкурентные преимущества – эти надпрофессиональные навыки выступают в качестве ключевых факторов формирования позитивного имиджа уволенных военнослужащих и их успешной социальной адаптации.

Комплексное внедрение коммуникативных технологий в процесс интеграции бывших офицеров позволяет обеспечить их эффективное взаимодействие с внешней средой, установление продуктивных связей с потенциальными работодателями и партнерами, успешное позиционирование на рынке труда. Это, в свою очередь, служит фундаментом для их полноценной социально-профессиональной адаптации.

Выводы

Проведенный теоретический анализ проблемы интеграции офицеров, уволенных в запас, сделать ряд ключевых выводов.

Главным образом, исследование подтвердило, что комплексное применение современных социальных технологий выступает в качестве ключевого фактора успешной адаптации данной целевой группы к трансформирующимся реалиям рынка труда. Эффективные коммуникативные стратегии, основанные на принципах нетворкинга, самопрезентации и эмоционального интеллекта, служат мощным инструментом расширения возможностей для трудоустройства и самореализации уволенных в запас военнослужащих.

Изучение практик внедрения и оптимизации подобных технологий также выявило их способность нивелировать риски социальной изоляции и маргинализации рассматриваемой категории граждан. Развитие навыков построения партнерских связей, установления конструктивного диалога с представителями профессиональных сообществ, грамотное позиционирование своих компетенций – все это служит эффективным инструментом преодоления социально-психологических барьеров, сопровождающих процесс перехода офицеров к гражданской жизни.

Кроме того, теоретическое исследование продемонстрировало значимость применения технологий управления впечатлением, направленных на формирование позитивного имиджа и репутации уволенных в запас военнослужащих. Грамотное использование коммуникативных методик, ориентированных на развитие эмоционального интеллекта и конструктивных деловых отношений, служит весомым фактором их успешной профессиональной и социальной реинтеграции.

Результаты теоретического анализа наглядно свидетельствуют о ключевой роли современных социальных технологий в обеспечении эффективной интеграции офицеров, уволенных в запас. Их комплексное внедрение, оптимизация и творческое применение выступают в качестве важнейших предпосылок для реализации данной целевой группой своего профессионального и личного потенциала.

Результаты анализа научных источников и передовых практик в области реализации данных технологий убедительно доказали их способность нивелировать целый комплекс проблем, встающих перед рассматриваемой категорией военнослужащих в ходе их перехода к гражданской профессиональной деятельности. Так, методики, направленные на развитие навыков коммуникации, нетворкинга и самопрезентации, эффективно способствуют расширению возможностей трудоустройства уволенных в запас офицеров, преодолению ими барьеров социально-психологического характера. В свою очередь, технологии эмоционального интеллекта и управления впечатлением позволяют сформировать устойчиво-позитивный имидж данной целевой группы в профессиональном сообществе. В совокупности, подобные социальные технологии служат комплексным инструментом успешной социальной и профессиональной реинтеграции офицеров, уволенных в запас, преодоления ими состояния социальной изоляции и маргинализации.

Таким образом, выводы проведенного теоретического исследования категорически подтверждают гипотезу о ключевой роли современных социальных технологий в обеспечении эффективной интеграции рассматриваемой целевой группы в стремительно меняющуюся социально-профессиональную среду.

Полученные в ходе настоящего теоретического исследования результаты открывают широкие горизонты для дальнейшего научного поиска в обозначенной проблемной области. В частности, представляется весьма перспективным более детальное изучение конкретных практик применения инновационных социальных техно-

логий, показавших свою эффективность при решении задач интеграции уволенных в запас офицеров в новые профессиональные и социальные условия. Детальный анализ данных кейсов позволит выявить ключевые факторы результативности данных методик, а также разработать рекомендации по их масштабированию и тиражированию.

Помимо этого, целесообразным видится проведение эмпирических исследований, нацеленных на изучение восприятия и установок самих офицеров, уволенных в запас, относительно использования современных социальных технологий в процессе их профессиональной и социальной реинтеграции. Результаты подобных исследований могли бы стать ценным источником данных для совершенствования существующих и разработки новых инструментов в данном направлении.

Особый научный интерес также представляет проблематика согласования и координации деятельности различных акторов – государства, бизнеса, образовательных и общественных структур – в обеспечении эффективной социальной интеграции рассматриваемой категории военнослужащих. Изучение практик межсекторного партнерства и механизмов его оптимизации могло бы стать весомым вкладом в разработку комплексных решений обозначенной проблемы.

Литература

1. Вольф К.В., Геронтьев Е.А. Современные аспекты профессиональной адаптации военнослужащих, увольняемых в запас. // *Власть*. 2024. Т. 32. № 1. С. 153–158.
2. Деникина З.Д., Дроконова К.Е. Особенности социально-психологического состояния военнослужащих в процессе увольнения в запас. // *Власть*. 2024. Т. 32. № 1. С. 159–165.
3. Монахов О.Н. Профессиональная адаптация военных пенсионеров: инклюзивный подход. // *Профессиональное образование и рынок труда*. 2024. Т. 12. № 2. С. 120–132. <https://doi.org/10.52944/PORT.2024.57.2.008>
4. Семянникова Д.А. Правовое регулирование предоставления комплексной реабилитации военнослужащим-участникам специальной воен-

ной операции. // *Юридические исследования*. 2023. № 12. С. 67–76.

5. Филимонов О.В. Использование потенциала фронтовиков для обновления управленческих кадров: прошлое и современность. // *Власть*. 2024. Т. 32. № 3. С. 226–238.

OPTIMIZATION OF SOCIAL TECHNOLOGIES FOR MANAGING THE RE-SOCIALIZATION OF RETIRED OFFICERS

Shchipakov V.E., Osipenko E.B.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

The article analyzes social technologies that ensure the effective integration of retired officers. Based on theoretical research, the key areas of application of innovative techniques and tools have been identified, which have proven their effectiveness in solving the problems of professional and social reintegration of this category of military personnel. The importance of intersectoral interaction of various actors in ensuring the effectiveness of social integration of retired officers was noted. Prospects for further research related to a detailed study of successful practices, analysis of the opinions and attitudes of the officers themselves, as well as the development of recommendations on scaling and dissemination of the most effective social technologies are identified.

Keywords: social technologies; integration of retired officers; optimization of social technologies; professional and social reintegration; intersectoral interaction; research prospects

References

1. Wolf K.V., Gerontiev E.A. Modern aspects of professional adaptation of military personnel transferred to the reserve. // *Power*. 2024. Т. 32. No. 1. P. 153–158.
2. Denikina Z.D., Drokonoval K.E. Features of the socio-psychological state of military personnel in the process of transfer to the reserve. // *Power*. 2024. Т. 32. No. 1. P. 159–165.
3. Monakhov O.N. Professional adaptation of military pensioners: an inclusive approach. // *Professional education and labor market*. 2024. Т. 12. No. 2. P. 120–132. <https://doi.org/10.52944/PORT.2024.57.2.008>
4. Semyannikova D.A. Legal regulation of the provision of comprehensive rehabilitation to military personnel participating in a special military operation. // *Legal research*. 2023. No. 12. P. 67–76.
5. Filimonov O.V. Using the potential of front-line soldiers to renew management personnel: past and present. // *Power*. 2024. Т. 32. No. 3. P. 226–238.

Реализация армянской культурной дипломатии в России диаспоральными организациями

Аветисян Ашот Альбертович,

преподаватель кафедры философских наук МГЛУ

E-mail: ashotavetisyana@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности реализации культурной дипломатии посредством организаций гражданского общества. В частности, реализуется армянская культурная дипломатия в России посредством трех таких системообразующих объединений, как Армянская церковь Союз армян России и Культурно-просветительское общество Арарат, которые представляют культурно-образовательную и общинную жизнь армян в России. Посредством деятельности этих организаций и в их лице реализуется армянская культурная дипломатия в России, которая обеспечивает основу положительных взаимоотношений между Арменией и Россией, несмотря на политический кризис и официальную дипломатию.

Ключевые слова: культурная дипломатия, гражданское общество, диаспора, армянская церковь, Союз армян России, Общество Арарат, сотрудничество, национальная идентичность, воспитание, образование.

Современная обстановка на международной арене резко обостряется, межгосударственные противоречия на различных континентах доходят до военных столкновений. Говорится, когда пушки слышны, дипломатическая деятельность затухает. Однако, данное изречение не всегда соответствует реалиям. Дипломаты продолжают свою важную миссию – достижение внешнеполитических государственных целей путем отстаивания своих интересов, идеалов посредством участия в ООН, БРИКС, ШОС, СНГ и других международных организациях. Наряду с государственной дипломатией важная роль отводится культурной дипломатии, которая осуществляется институтами, или отдельными представителями гражданского общества. Важными общественными элементами выступают проживающие вне своей страны диаспоры, которые выполняют свои средствами культурную дипломатию. Следовательно, во-первых, необходимо проанализировать сущность публичной дипломатии; во-вторых, рассмотреть особенности культурной дипломатии; в-третьих, выявить особенности культурной дипломатии, которые осуществляются проживающей в Российской Федерации армянской диаспорой.

Публичная дипломатия, как правило, выполняет государственный заказ по реализации своих интересов, созданию благоприятного образа страны на международной арене. Это пропаганда своего образа жизни, информационное воздействие на мировоззрение, убеждение населения других государств. Важное место в системе публичной дипломатии занимает культурная дипломатия, использующая свои специфические воздействия на граждан зарубежных стран. Особенно широкое поле отводится разновидностям искусства – художественные выставки, театральные постановки, музейные выставки, музыкальные ансамбли и т.п. Подобные мероприятия потенциально способны продемонстрировать лучшие качества российской многонациональной культуры, нести гуманитарные идеалы, формируя у зарубежных граждан добрые соседские отношения.

Ярким примером культурной дипломатии и межкультурной коммуникации является армянская культурная дипломатия в России, часто не осознавая и даже не контролируя поток энергии. Армянские организации гражданского общества вовлечены во многие региональные и федеральные структуры, реализуют реальную публичную и культурную дипломатию, тем самым решая еще вопрос как интеграции армянского национального ценностного носителя в Российское общество, так и сохранения национальную идентичность и самобытность.

Армянские образовательные и культурные учреждения в Российской Федерации в частности, а также образовательная и культурная жизнь граждан Армении, граждан России армянского происхождения и армянской национальности, проживающих в Российской Федерации в целом, нуждаются в глубоком и всестороннем исследовании. Будучи перманентно обновляющиеся диаспорой, где армянские общины и общинные организации формируются и переформируются чуть ли не каждый год, трудно представить такую культурно-образовательную или региональную организацию, кото-

рая взяла бы на себя всю тяжесть реализации культурной дипломатии и защиты интересов своих подопечных. Несмотря на имеющиеся сложности, в Российской Федерации действуют такие организации, как Союз Армян России, Религиозная организация Святая Армянская Апостольская Православная Церковь, Региональное национальное культурно-просветительское общество АРАРАТ, которые, начиная с 1990-х годов взяли на себя ответственность реализовать роль интеграционных, образовательных, гуманитарных и других центров для армянских представителей. Следует отметить, что армянская диаспора в России неоднородна, и состоит из представителей, которые появились в России начиная с XVII века. За последнее время Россия приняла тысячу вынужденных переселенцев из Нагорного Карабаха, что затрудняет как интеграционный, координационный и образовательный процессы.

1. В современной армянской культурной дипломатии следует выделить деятельность Армянской церкви в России, которая осуществляет незаменимые духовные, культурные, общинные и образовательные мероприятия.

Российская и Ново-Нахичеванская епархия ААЦ образована в 1966 г. указом Католикоса Всех Армян Вазгена I в результате объединения Астраханской, Ново-Нахичеванской и Северокавказской епархий с Московским приходом. До начала 1990-х гг. Российская и Ново-Нахичеванская епархия имела 7 храмов – в Москве, Санкт-Петербурге, Армавире, Ростове-на-Дону, Чалтыре, Владикавказе и Буденновске (бывший Сурб Хач).

Епархия юга России: Первая епархия Армянской Апостольской церкви в России образовалась в начале XVIII века (1717) с епархиальным центром в г. Астрахани и называлась Астраханской епархией. В состав этой епархии входили все армянские церкви на территории Российской империи. Епархия Юга России образована 13 января 1998 г.

Сегодня в составе Российской и Ново-Нахичеванской епархии зарегистрировано около 40 церковных общин, 27 из которых находятся непосредственно на территории Российской Федерации. С 2000 года Российскую и Ново-Нахичеванскую епархию возглавляет архиепископ Езрас (Нерсисян), который одновременно является Патриаршим экзархом в России [1].

- Духовно-просветительский центр «Айордеац тун» (буквально – «дом армян, армянский дом») в сентябре 2006 года открыл свои двери перед первыми учениками, которые начали учить армянский язык, получать духовное воспитание, знакомиться со своей историей. Целью «Айордеац тун» является воспитание поколения московских армян, родившихся или выросших вне исторической родины, в духе любви к Армении, к святой Армянской церкви, а также сохранение национальной идентичности, приобщение к многовековой культуре и традициям армянского народа.

В программу воскресной школы входят два обязательных предмета – армянский язык и история Армении, а также изучается Библия. В «Айордеац тун» можно освоить игру на армянских национальных музыкальных инструментах (дудук, канон), заниматься хоровым и фольклорным пением, армянскими национальными танцами, обучаться актерскому мастерству, заниматься спортивными единоборствами (дзюдо, карате), рисованием, освоить технику объемного гобелена [2].

- Гимназия имени Святого Григора Нарекаци была учреждена с целью создания среды для самовоспитания духовно-нравственной личности, способной преодолевать трудности, не боясь неудач и пораже-

ний. Миссия Гимназии заключается в максимальном развитии творческого потенциала каждого ребенка с тем, чтобы он смог самостоятельно построить свое достойное будущее в любой точке динамично меняющегося мира.

С сентября 2019 высокопрофессиональная команда учителей и наставников будет квалифицированно руководить процессом обучения и воспитания. В Гимназии им. Святого Григора Нарекаци есть основные программы образования, а именно дошкольная программа образования (с 5 лет), начальное (1–4 класс), общее (с 5–9 класс) и среднее образование (с 10–11 класс). В гимназии действует Центр молодежного инновационного творчества (ЦМИТ) (начиная с 14 лет), который включает в себя две программы: Программа «Альтернативная энергетика» и Программа «IT цифровые технологии, 3D моделирование». Осуществляется важнейшая задача – выявление талантливой молодежи. В молодежном Центре при поддержке армянской Церкви функционирует библиотека, видеотека, проводятся массовые научные, культурные мероприятия [3].

- Музей «Тапан» – уникальное культурное пространство в самом сердце Москвы, которое объединяет людей независимо от национальных различий, языкового барьера и религиозных убеждений. Согласно Библии, после всемирного потопа, гора Арарат стал причалом для Ноева ковчега. С тех пор Библейская гора служит напоминанием о том, что сам Бог избрал эти земли для возрождения человечества, поэтому Армению справедливо считают колыбелью цивилизации. «Тапан», в переводе с армянского языка означает «ковчег», – своеобразный хранитель истории и культуры как Армении, так и всего человеческого культурного наследия.

Такое взаимодействие обогащает культурную сторону человеческой жизни, расширяет кругозор и учит не просто терпимости в виде безразличия, а добрососедства, которая закладывает краеугольные камни к пониманию, оценке и передаче общечеловеческих ценностей, когда мирно сосуществуют представители различных религий, культур, национальностей и традиций. Многофункциональный культурный центр «Тапан» выходит за пределы классического музея. Он постоянно ищет новые идеи и формы, сотрудничает с творческими мастерскими и арт-проектами. Современные интерактивные технологии, которые используются в центре (видеоинсталляции, информационные дисплеи, планшеты и др.), делают любую информацию доступной и легкой для восприятия [4].

- Следует выделить осуществление культурной дипломатии со стороны коллектива Театра «Гавит», который основан в декабре 2010 г. Однако сами истоки начинают свою историю с сентября 2008 года. Именно тогда была создана 1-ая театральная студия под руководством Гамлет Галечяна при ДПЦ «Айордеац тун», выпускники которой и составили «фундамент» театра.

В течение последующих лет труппа пополнялась профессиональными актерами разных поколений, к театру примкнули и продолжают примыкать выпускники театральных вузов различных годов как России, так и Армении. Театр «Гавит», как любой национальный театр, имеет ярко выраженное своеобразие, являясь носителем родного языка, выразителем менталитета своего народа, его характера, обычаев, традиций. Театр своим движением мысли показывает все, что наболело, все, что радует или тревожит тот или иной народ. Именно поэтому руководство Театра «Гавит» большое значение придает репертуарной политике своего театра. Так,

спектакль «Пластическая драма по Библии» был удостоен диплома за инновационный подход к образному решению библейского сюжета на международном конкурсном фестивале «Театральные ассамблеи», а также диплома Лауреата I степени, номинация «На шаг вперед». Спектакли «Пчелиный луг» и «Пластическая драма по Библии» – дипломов за творческий вклад в сохранение, популяризацию и развитие национальной культуры на фестиваль-конкурсах национальных театров «Москва – город мира» и др. [5].

- Важным институтом гражданского общества является Центр Арменоведения. Он образован для создания платформы и условий, благоприятных для широкой и плодотворной деятельности по актуальным проблемам истории и культуры армянского народа с участием российских и зарубежных экспертов, организаций и Церкви.

Структура центра Арменоведения состоит из Научного совета, в который входят 9–12 экспертов, профессоров, кандидатов и докторов наук в области арменистики, и научных секретарей (исполнители). Центр выполняет следующие функции: устанавливает связи с армянскими организациями и экспертами (российскими и зарубежными) в области армянской истории, культуры, филологии, литературы, искусства; координирует сотрудничество между организациями, выполняющие своими средствами культурную дипломатию.

2. Региональная общественная организация «Армянское культурно-просветительское общество «АРАРАТ» (ОО АКПО «АРАРАТ») была зарегистрирована 24 года назад – 11 октября 1999 года в Управлении Юстиции города Москвы. Основана она 24 года назад по инициативе известного российского армянского общественного деятеля с энциклопедическими знаниями в области истории и культуры Армении – бывшим Заместителем председателя Совета организации «Армянская община Москвы» Эммануилом Егисавичем Долбабяном. Поэтому 2024-ый год является 25-ым юбилейным в истории этой организации с большим вкладом в культурно-просветительскую деятельность, проводимую московскими армянами.

«АРАРАТ» – некоммерческая организация, финансовой деятельностью не занимается, и в реализации своих программных целей и задач, помимо армянских организаций, пользуется ресурсной помощью Московского дома национальностей, который предоставляет нам залы и другие услуги, необходимые для проведения мероприятий. Этот факт идеального сотрудничества еще раз доказывает тезис взаимного вовлечения сотрудников гражданского общества и государственных структур. Основными целями являются содействие сохранению и развитию армянского языка, традиций, культуры в России, а также содействие интеграции и межкультурной коммуникации как в России и Армении, как и во всем мире. Направления деятельности общества «Арарат», в основном, следующие:

- ежемесячно проводятся лекции и презентации по приоритетным темам; проведены 4 Конференции: «Лазаревские чтения по истории армян России» в 3 томах; осуществляется издательская деятельность по актуальным вопросам арменоведения в России; Все мероприятия проводятся на билгвальной основе, так как большинство членов Арарата русскоговорящие представители армянской интеллигенции Москвы;
- началась работа в направлении увековечивания памяти, жившей более 1000 лет назад армянки – Анны Византийской. Будучи сестрой византийского императора, представительница Македонской армянской

династии стала женой Великого князя киевской Руси с условием принятия Русью христианства. Условие это Князем Владимиром Святославовичем было принято – до венчания Владимир был крещён.

В последние годы ведутся работы в области армянской музыкальной культуры: сначала подружился с ДМШ им. Арама Ильича Хачатуряна. Ученики этой школы стали выступать на наших вечерах с исполнением произведений армянских композиторов. В результате деятельности в музыкальной сфере, уже состоялись Первый и Второй Фестивали-конкурсы исполнителей армянских композиторов. Кроме того, был проведен фестиваль-конкурс «Советские композиторы: из прошлого в настоящее». На этом конкурсе прозвучали также произведения армянских композиторов, с председателем жюри – профессором Московской консерватории, с присвоением званий лауреатов и дипломантов конкурса. В Первом конкурсе приняло участие 37 учащихся московских музыкальных школ, а во втором – уже 83. Число проведенных мероприятий за 24 года функционирования организации – 156 в МДН и 134 – в других залах. Всего за этот период на 01 декабря 2023 года было проведено 290 мероприятий. При этом следует учесть, что по причине пандемии почти полтора года (в 2020–2021 годах) мероприятия не проводились [6].

3. Союз армян России. В Российской Федерации зарегистрированы и действуют 65 региональных и более 640 местных отделений, которые объединяют сотни тысяч армян России. Целью Союза является:

- сохранение национальной самобытности диаспоры (языка, культуры, традиций) и оказание взаимной социальной поддержки (медицинская и юридическая помощь, трудоустройство, сотрудничество, решение проблем, связанных с молодежью, ветеранами, беженцами и т.д.);
- оказание многоплановой поддержки Республике Армения и Нагорно-Карабахской Республике (экономической, гуманитарной, социальной и др.) Особое значение имеет внедрение инвестиционных проектов в экономику РА и НКР для создания рабочих мест и содействие укреплению связей во всех сферах традиционного союзнического партнерства между Россией и Арменией;
- содействие динамике позитивного участия российских армян в деле развития своей страны – России, как сильной, процветающей, демократической державы [7].

Все эти цифры и факты были бы лишь простой и нудной формальностью, если не учитывать несколько важных факторов, касающиеся нашей темы публичной и культурной дипломатии, реализуемой организациями гражданского общества. Место и роль как региональных, так и общероссийских диаспоральных организаций невозможно переоценить. И в регионах, и в Москве, за пределами самой материнской страны-Родины эти организации выполняют культурно-дипломатическую роль, обеспечивая как связь с поколениями, так и сохранение национальной идентичности.

Литература

1. Российская и Ново-Нахичеванская Епархия ААЦ. Официальный сайт Российской и Ново-Нахичеванской епархии ААЦ. – URL: <https://armenianchurch.ru/eparchies/5c8b631dade83e0017ddea2c> (дата обращения: 01.07.2024).
2. Духовно-просветительский центр «Айордеац тун». Официальный сайт Духовно-просветительского

центра «Айордеац тун». – URL: <https://armenianchurch.ru/tun> (дата обращения: 01.07.2024).

3. Гимназия им. Святого Григора Нарекаци. Официальный сайт Гимназии им. Святого Григора Нарекаци. – URL: <https://armenianchurch.ru/armenian-center> (дата обращения: 01.07.2024).
4. Армянский музей «Тапан». Официальный сайт Армянского музея «Тапан». – URL: <https://armenianchurch.ru/tapan> (дата обращения: 01.07.2024).
5. Армянский театр «Гавит». Официальный сайт Армянского театра «Гавит». – URL: <https://armenianchurch.ru/gavit> (дата обращения: 01.07.2024).
6. Армянское культурно-просветительское общество «АРАРАТ». Официальный сайт Центра поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. – URL: <https://russia-armenia.info/node/4999> (дата обращения: 01.07.2024).
7. Союз армян России. Официальный сайт Союза армян России. – URL: <https://sarinfo.org/about/Ideology/goals/> (дата обращения: 01.07.2024).

ARMENIAN CULTURAL DIPLOMACY REALIZATION IN RUSSIA THROUGH DIASPORA ORGANIZATIONS

Avetisyan A.A.

Moscow State Linguistic University

In the article we discuss cultural diplomacy realization features through civil society organizations. In particular, Armenian cultural diplomacy realization is presented through three main systematically interconnected community bodies, that are Armenian church, Union of Armenians in Russia and Armenian cultural/educational organization "Ararat". Through the fellowship of the above-mentioned di-

aspora organizations both Armenian community life and Armenian-Russian positive relationship is maintained despite the political crisis and official diplomacy.

Keywords: Cultural diplomacy, civil society, diaspora, Armenian church, Armenians' Union of Russia, Ararat organization, cooperation, national identity, education and pedagogy.

References

1. Russian and New Nakhichevan Diocese of the Armenian Apostolic Church. Official website of the Russian and New Nakhichevan Diocese of the Armenian Apostolic Church. – URL: <https://armenianchurch.ru/eparchies/5c8b631dade83e0017d-bea2c> (date of access: 01.07.2024).
2. Spiritual and Educational Center "Hayordeatz Tun". Official website of the Spiritual and Educational Center "Hayordeatz Tun". – URL: <https://armenianchurch.ru/tun> (date of access: 01.07.2024).
3. St. Gregory of Narek Gymnasium. Official website of St. Gregory of Narek Gymnasium. – URL: <https://armenianchurch.ru/armenian-center> (date of access: 01.07.2024).
4. Armenian Museum "Tapan". Official website of the Armenian Museum "Tapan". – URL: <https://armenianchurch.ru/tapan> (date of access: 01.07.2024).
5. Armenian Theater "Gavit". Official website of the Armenian Theater "Gavit". – URL: <https://armenianchurch.ru/gavit> (date of access: 01.07.2024).
6. Armenian Cultural and Educational Society "ARARAT". Official website of the Center for Support of Russian-Armenian Strategic and Public Initiatives. – URL: <https://russia-armenia.info/node/4999> (date of access: 01.07.2024).
7. Union of Armenians of Russia. Official website of the Union of Armenians of Russia. – URL: <https://sarinfo.org/about/Ideology/goals/> (date of access: 01.07.2024).

Социальное доверие – опыт философско-методологической интерпретации

Деникин Анатолий Васильевич,

д.ф.н., профессор, Кафедра гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: avdenikin@fa.ru

Ореховская Наталья Анатольевна,

д.ф.н., профессор, Кафедра гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: naorehovskaya@fa.ru

Деникина Зоя Дмитриевна,

д.ф.н., профессор, Кафедра гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: zddenikina@fa.ru

Актуальность темы социального доверия определяется как внутренней логикой развития социально-философского знания, так и внешними факторами глобальной неустойчивости мировой системы. В статье представлен вариант сближения внутрифилософской проблематики и анализа практических вызовов современного мира. Соответственно, феномен социального доверия сначала рассматривается в автономных парадигмальных режимах классического, неклассического и постнеклассического мышления. Данная задача решается с помощью экспликации понятия ценности и его трансформации в современном знании. Социальное доверие выступает как внутрисистемный минимум – наличие ценностно-нормативных смыслов и проявление максимума – доверительного взаимодействия системы и внешней среды.

Для утверждения значимости классической трактовки социального доверия в статье применяется специальный методологический прием – перенос постулатов аналитической философии на анализ феномена доверия. Делается вывод об ограниченном значении доверия-правила, конвенционального и контекстуального доверия.

После монопарадигмального анализа в статье предложен межпарадигмальный ракурс рассмотрения социального доверия, осуществляемый с помощью другого методологического приема – компаративистского анализа. Ключевые постулаты феноменологической концепции Э. Гуссерля и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера адаптируются к современной экспликации социального доверия. В результате подтверждается гипотеза о том, что социальное доверие выполняет функцию трансцендентальной связи онтологических и ценностных суждений. Другими словами, социальное доверие выступает объективной, трансцендентальной структурой личностного и общественного сознания, способной актуализировать общезначимые смыслы.

Ключевые слова: социальное доверие, ценностное доверие, конвенциональное доверие, контекстуальное доверие, феноменологическое доверие, доверие как общезначимый смысл, доверие-видимость, подлинный субъект доверия, доверие как системное Dasein.

Проблема социального доверия чрезвычайно актуализируется в эпоху стратегической нестабильности мировой системы. Для осмысления такого рода масштабных изменений требуется соответствующее методологическое обеспечение, в том числе и философская рефлексия.

Тема социального доверия на протяжении длительного времени остается «вещью-в-себе», ускользающей от исследователя субстанцией. Не смотря на неослабевающий научный интерес, в социально-гуманитарном знании пока фиксируются лишь отдельные дисциплинарные проявления этой «неуловимой» эпистемологической сущности [1; 2; 3; 4]. Своеобразие данного феномена объясняется сложностью определения его онтологического статуса (отнесением к актуальному, потенциальному, личностному, общественному бытию и т.д.). Такое рассмотрение во многом зависит от методологических установок, которые в свою очередь расширяют спектр онтологических представлений [5].

Обратимся к возможным линиям анализа феномена социального доверия в его социально-философском и антропологическом измерении. Выскажем гипотезу о том, что понятие социального доверия занимает особое место в концептуальном осмыслении социальной жизни. Его рассмотрение относится к классу парадигмальных исследований: классическому, неклассическому и постнеклассическому способам объяснения реальности [6] и межпарадигмальной, синтетической форме понимания социальности с точки зрения одновременно сосуществования парадигм.

Проанализируем парадигмальные особенности толкования социального доверия. В каком смысле в идентификации этого феномена происходит качественный философско-методологический поворот? Как известно, неклассическое социально-политическое мышление в своей основе опирается на субъектно-субъектные и субъектно-объектные отношения и взаимодействия. Личностное сознание остается при этом многослойным и непрозрачным для самого себя и вступает в противоречие с враждебным для индивида внешним миром. Поэтому тема социального доверия может разворачиваться в двух ипостасях. Во-первых, «разорванный» индивид претендует на атрибутивную социальную свободу в противостоянии с Другим. Примечательно, что в ситуации абсурда человек доверяет лишь факту наличия спонтанного, личного сознания, не отягощенного ни смысловым, ни ценностным содержанием. В сартровском постулате «всё, что случилось со мной, моё!» выражается антропологическая предельность феномена доверия, которое не простирается дальше «чистой» субъективности.

В эпоху постглобализации социальный мир вступает в мир цифровизации и экономики больших данных. Становится понятным, что со временем все более усиливается фрагментарность мировой системы, а ее антиномичность выводится на уровень государственных образований. В условиях постглобализации антропологические абстракции «Я-Чужой» и «Я-Другой» приобретают иную онтологическую нагрузку, связанную с рассмотрением больших сложных систем, механизмов их саморегуляции и самоорганизации. Таковые изучаются в современном постнеклассическом мышлении в философско-научном и межпарадигмальном вариантах.

Тема свободы, как ни странно, все более локализуется в онтологии больших субъектных образований. Исследователь задается вопросом, в каком смысле можно говорить о суверенитете государства, как далеко распространяются границы его свободы? В любом случае проблема свободы возникает по причине недружественной внешней среды, отсутствие социального доверия между системами-субъектами. Соответственно в поле межгосударственных отношений могут возникать и возникают ситуации Абсурда, связанные с устранением смысловой наполненности свободы и утраты доверия между правящими элитами.

В любом случае с неклассических и постнеклассических позиций социальное доверие выглядит как многомерное образование, включающее в себя параметры ценности, значимости и смыслов. Безусловно, в современном социальном знании абстракция ценности-значимости вполне адекватна для осмысления специфики социального доверия. По меньшей мере в философии цивилизационных процессов важна реконструкция классической идеи Канта о ценностях-нормах, сохраняющих сущность человека.

Философия доверия предполагает еще одну интерпретацию так называемого антропного принципа. Социальная реальность предстает не только как область коммуникации, но и как область цивилизационных норм и смыслов, целенаправленных действий. Эти смыслы зависят не только от контекста (тезис неклассического мышления), но и от понимания предельных оснований бытия (тезис классического мышления).

С другой стороны, определение социального доверия как ценностно-нормативного состояния имеет прямую отсылку к внутрисистемным процессам. Для постнеклассического мышления характерен инфинитный характер моделирования неравновесной реальности: бесконечная самоорганизация системы и ее рефлексивная функция. Теперь осознается финитный характер социокультурной системы и ее функций. Можно говорить об онтологии предельности, тем самым новое звучание получают классические принципы эссенциализма и фундаментализма. Речь идет не просто о социальном кризисе и механизме выхода из него, а о возможном перерождении качества системы, навязанном ей извне инобытию. В данном случае социальная система теряет свою сущность, вступая в область чуждого ей конвенционального доверия.

В ситуации геополитического противостояния мы имеем дело с государством как социальной системой, в которой ярко выражены онтологические позиции минимума и максимума. Минимум и максимум не относятся к конвенциональным характеристикам системы, наоборот они определяют ее сущность. Одно из проявлений минимума – наличие ценностно-нормативных смыслов, а проявление максимума – комплексный эффект доверительного взаимодействия системы и внешней среды.

Поясним, в чем проявляется онтологическая уязвимость конвенционального понимания социального доверия. Под конвенциональным доверием мы понимаем способ достижения согласия путем устанавливаемых правил, не всегда соответствующих трансцендентальным значениям. Методологические истоки такого понимания следует искать в проблематике аналитической философии.

Возможно ли философское определение доверия не только в рамках теории ценностей, но и в русле теории значения? Связана ли проблема доверия с вопросами описания фактов окружающей действительности? На наш взгляд проблема феномена доверия и выражения его в языке вторично для адекватного понимания

его онтологического статуса. Да, социальная реальность бесконечно конструируется, складываются новые правила описания, но в случае с доверием его параметры недостаточно эксплицировать в терминах условного доверия, релятивной динамики значений. В функционировании социального доверия равнозначны любые способы его локации в социальной среде, в том числе формализованные и обыденные языки. Даже изменчивость «языковых игр» трансформирует лишь внешние формы коммуникативного движения.

На первый взгляд, социальное доверие успешно квалифицируется в контексте соотношения таких важных для социальной философии категорий, как факты, ценности, нормы. Для аналитической философии их онтология не однопорядкова. Согласно Л. Витгенштейну, метафизика ценностей невозможна, но не потому, что никаких ценностей нет, а потому, что они не существуют как факт, а стало быть они невыразимы в языке. Иначе говоря, «этика не может быть высказана» [7, § 6.421]. По нашему мнению, здесь уместен компаративистский анализ, поскольку существуют явные онтологические параллели между социальным доверием и сферой этического.

Во-первых, по Витгенштейну, ценности могут быть лишь показаны, они не могут выражать сущность этического [7, § 6.421]. Во-вторых, они существуют как бы за пределами системных значений, находятся за пределами мира, то есть за пределами обладающего значениями языка [8, с. 335]. В-третьих, осмысленность ценностей обнаруживается лишь в момент контекста практических действий. Особо следует подчеркнуть, что тогда они приобретают статус правил для этих фактических действий.

Витгенштейн высказывает типичные для неклассической философско-научной парадигмы тезисы о субъектно-объектной природе мира, в которой субъектные параметры акцентированы в полной мере, о релятивности норм, о решающей роли условий в различении причинно-следственных связей. Для него ценности не необходимы, и это означает, что они не относятся к разряду сущностной и причинной детерминации гегелевского образца. Факты вообще трактуются как «наличие ситуаций» [7, § 2], что говорит о процессуальном характере многомерного социального бытия.

В этом месте мы подходим к одному из ключевых постулатов аналитической философии в трактовке реальности. «Невозможно, чтобы правилу следовал только один человек, и всего лишь однажды. Не может быть, чтобы лишь однажды делалось сообщение, давалось или понималось задание и т.д. Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы – все это практики (применения, институты) ... Совместное поведение людей – вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык» [9, § 199, 206.]. Социальность такова, что в различных контекстах коммуникативных действий, появляются правила, несущие социальные значения. Таким образом, срабатывает известный неклассический принцип дополнительности: в обществе возникает договоренность о значении социальных практик.

Релевантны ли такие представления в отношении социального доверия как формы контекстуальных правил? Действительно, социальное доверие в своем практическом функционировании может быть контекстуальным и зависеть от степени объективности сообщества, субъекта – носителя доверия. Проблема заключается в другом, можно ли обнаружить в такой контекстуальной форме субстанциональные характеристики, выявляемые в классическом мышлении? Видимо, при определении

социального доверия следует обратиться к методологическому потенциалу межпарадигмального мышления. В этом случае социальное доверие обретает базовые параметры, которые и лежат в основе этого феномена.

Выскажем предположение о том, что онтологическая корреляция социального доверия связана с трансцендентальными структурами сознания. Другими словами, социальное доверие является формой хранения и трансляции общезначимых смыслов. Примем утверждение об объективном характере складывания общезначимой структуры доверия. Последнее выполняет функцию трансцендентальной связи онтологических и ценностных суждений. Общезначимость в свою очередь зиждется на передаваемых во времени социокультурных смыслах и значениях.

Трактовка социального доверия в качестве структуры общезначимых смыслов снимает проблему гипертрофирования субъектности, личностного «блуждания» значений. Социальное доверие не может быть неопределенным (тема весьма актуальная для современной философии права). Оно может быть неустоявшимся или несформированным, насильственно приобретенным или утраченным для некоторых системных социальных субъектов.

В этом вопросе актуализируется методологическая проблема состыковки философско-научных парадигм. Так, все указанные трансформации социального доверия, переводящие его в режимы видимости или сущности, хорошо объясняются ключевыми сюжетами неклассических философских направлений. Одно из них – феноменология Э. Гуссерля, которая определяет базовое значение общезначимых структур. «Все, что доступно нам благодаря рефлексии, имеет одно замечательное общее всем свойство – быть сознанием о чем-то, осознанием чего-либо, или, коррелятивно, быть осознанным – мы говорим об интенциональности. Это сущностная характеристика психической жизни в точном смысле слова и, таким образом, просто неотделима от нее» [10, с. 65].

По аналогии с данной методологией социальное доверие включает в себя чистоту феноменологического опыта, интенциональность. Все происходящие синтезы сознания в социальном доверии отсылают нас в конечном счете к состоянию идентичности. Социальное доверие с феноменологических позиций выступает как совокупность инвариантных социально-психологических переживаний и рефлексий, а достижение интегративного смысла осуществляется в границах, предложенных Гуссерлем синтетических форм. Иначе говоря, социальное доверие выступает как усмотрение смысла коллективных действий, вид социальной истины, обеспечивающей согласованность человеческого опыта. Примечательно, что Гуссерль распространяет интенциональную взаимосвязь на отношения Я с Другим. В нашем случае в феноменологической интерпретации доверие, безусловно, сохраняет интересубъективное единство сознания.

Вспомним, что в посткантовскую эпоху широкое распространение получает феноменологическая трактовка ценностей. Ценности закрепляются за естественной структурой сознания. Они конституируются как эмпирическая и надэмпирическая содержательная значимость, которая может варьироваться в различных субъектных образованиях. Философия Гуссерля – это время процессуальной онтологии структурности, в которой еще нет проблематизации средового бытия. В этом плане феноменологическое сознание нейтрально в отношении подлинности субъекта-носителя доверия. Человек не может не доверять содержательным смыслам потока сознания.

В современном звучании социальное доверие выходит в сферу системной онтологии межгосударственных отношений изучения градации состояний внешней среды. В интервале социальной философии это означает необходимость неклассического анализа деонтологической составляющей социального доверия. В каком смысле социальное доверие необходимо и нормативно? Может ли оно вообще быть нормативным?

В ответе на этот вопрос нам поможет экзистенциальная философия М. Хайдеггера, которая, как представляется позволяет объяснить онтологические и ценностные искажения социального доверия. В центр внимания выдвигается проблема подлинности и неподлинности субъекта-носителя социального доверия. Используя терминологию Хайдеггера, можно утверждать, что само по себе социальное доверие относится к бытийным определениям субъекта. Согласно Хайдеггеру, есть разные способы опрашивания сущности. Видимо, социальное доверие занимает уникальное место в этом опрашивании, так как его анализ связан с образцово сущим – Я [11, с. 41, 400]. По Хайдеггеру, человек стоит в просвете бытия, которое ему открывается или нет.

В целях межпарадигмального определения доверия поясним, как выглядит трансцендентальная структура в рамках фундаментальной онтологии Хайдеггера. Хайдеггер заботит не область мышления в его классическом понимании, а его истинность. Через истину бытия он пытается выйти в онтологию человеческого и внешнего мира, не применяя известные классические аргументы для поиска первых оснований. Для нас важна хайдеггеровская интерпретация смысла, без которого нивелируется само социальное доверие. «Понять направление, в каком вещь уже движется сама по себе, – значит увидеть ее смысл... Осмыслением подразумевается больше, чем осознание чего-либо». «У осмысления другая сущность, чем у осознания и научного познания, и даже другая сущность, чем у культуры и образования». «Путем осмысления мы достигаем места, откуда впервые открывается пространство, вымеряемое всяким нашим действием» [12, с. 250].

Обратим внимание, что Хайдеггер не говорит о подлинности внешнего мира для *Dasain*. Проблема подлинности межсредовых взаимодействий будет поставлена позже, в постнеклассическом мышлении. По Хайдеггеру, выходя во внешний мир, человек должен обнаружить свое подлинное существование. Мысль – чрезвычайно важная для философии социального доверия, поскольку образцово сущее соразмерно внешнему бытию, а мы помним, что доверие является образцово сущим. Данная процедура обязательного обнаружения себя во внешнем мире создает онтологическую устойчивость, возможность сосуществования человека и внешнего мира. Конечно, в экзистенциалистской концепции как форме неклассического мышления не рассматриваются принципы холизма и системности. Однако рассуждения Хайдеггера о *Dasein* выходят на трансцендентальную, а потому и фундаментальную онтологию мира. Человеку требуется «хранить существо бытия в его истине» [12, с. 254]. Перефразируя Хайдеггера, можно сказать, что наличие социального доверия определяет тот поворот, когда «человек как пастух бытия», будет ходить «за истиной бытия».

Социальное мышление может быть несобственным, но истинное бытие раскрывается в момент выхода друг к другу. То есть существуют параметры социальности, которые подаются через характеристики другого. Поэтому в истине бытия заложено стремление к своему собственному [11, с. 297]. Таким образом, онтология и герменевтика Хайдеггера способствует пониманию интер-

субъективности социального доверия. Человек «неизменно определяется как Я и Ты, как Мы и Вы». Субъективный эгоизм, для которого Я «определяется как субъект, может быть сломленным сплочением многих Я в Мы. Благодаря этому субъективность только набирает силу» [12, с. 61].

Идея Хайдеггера о трансцендентальности социального мира проявляется в полной мере. «Мир присутствия есть *совместный-мир*» [11, с. 118]. Следовательно, я делю бытие-в-мире с другими. «Другой встречает в своем соприсутствии в мире» [11, с. 120]. «Ближайшим образом присутствие это человек людей и большей частью таким остается» [11, с. 129].

Есть еще один аспект вкрапления неклассических мировоззренческих установок в современную трактовку доверия, связанный с учением Хайдеггера. Видимо ключевой антропологический тезис для Хайдеггера звучит следующим образом: будь тем, кто ты есть. Идентификация существенно необходима, индивид естественным образом стремится понять свое бытие. Для того, чтобы «стоять в истине», есть еще одна необходимость – контакт с внешним миром. В этом смысле человек доверяет миру, выходит в него и обнаруживает в нем истинного себя.

При экстраполяции выводов Хайдеггера на теорию современных социальных систем проявляются сходные онтологические сюжеты. Можно говорить о социальном доверии как акте системного Dasein. Государство обязано себя идентифицировать в качестве онтологического и ценностного субъекта. Согласно Хайдеггеру, такое бытие раскрывается в своих синкретичных характеристиках.

В настоящее время не вызывает сомнений способность социального доверия служить индикатором состояния социального и международного пространства. В социально-философском знании понятие социального доверия совершенно точно не находится на «задворках» категориального аппарата и концептуальных средств. Можно с уверенностью говорить не только о междисциплинарном транзите данного понятия, но и о грядущем акцентировании его межпарадигмальной природы.

Итак, в классическом мышлении социальное доверие проявляется как социокультурная основа, обеспечивающая согласованность человеческих действий. В неклассической феноменологической интерпретации социальное доверие выступает как трансцендентальная способность социального субъекта обладать единством всех видов сознания. Такой вид трансцендентальности приводит к единым условиям феноменологического опыта в данной социальной системе. В экзистенциальной интерпретации социальное доверие невозможно без обретения подлинности носителей субъектно-субъектных взаимодействий.

Литература

1. Ореховская Н.А. Философский анализ понятий «коммуникация» и «общение» // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 108–115.
2. Деникин А.В., Деникина З.Д. Образовательное доверие как феномен коммуникативной рациональности // Мир образования – образование в мире. 2019. № 2 (74). С. 31–36.
3. Макаренко Д.Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2(39). С. 21–22.

4. Махаматов Т.М. Конфликт Запада и Востока как фактор неоглобализации // Век глобализации. 2022. № 4(44). С. 63–72.
5. Деникина З.Д. Проблема доверия в контексте методологического холизма // В сборнике: Как попасть в пятерку. Сборник научных трудов. 2018. С. 24–28.
6. Степин В.С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 6–27.
7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Канон+, 2019.
8. Витгенштейн Л. Лекции об этике. // Людвиг Витгенштейн. – М.: Канон+, 2015.
9. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994.
10. Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. 1992. № 3.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997.
12. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.

SOCIAL TRUST – THE EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL INTERPRETATION

Denikin A.V., Orekhovskaya N.A., Denikina Z.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of the topic of social trust is determined both by the internal logic of the development of socio-philosophical knowledge and by external factors of the global instability of the world system. The article presents a variant of the convergence of intraphilosophical issues and the analysis of practical challenges of the modern world. Accordingly, the phenomenon of social trust is first considered in the autonomous paradigmatic modes of classical, non-classical and post-non-classical thinking. This problem is solved by explicating the concept of value and its transformation in modern knowledge. Social trust acts as an intra-system minimum – the presence of value-normative meanings and the manifestation of the maximum – the trusting interaction of the system and the external environment. To assert the importance of the classical interpretation of social trust, the article uses a special methodological technique – the transfer of the postulates of analytical philosophy to the analysis of the phenomenon of trust. The conclusion is made about the limited meaning of trust-rules, conventional and contextual trust. After a monoparadigmatic analysis, the article proposes an interparadigmatic perspective on social trust, carried out using another methodological technique – comparative analysis. The key postulates of E. Husserl's phenomenological concept and M. Heidegger's fundamental ontology are adapted to the modern explication of social trust. As a result, the hypothesis that social trust performs the function of a transcendental connection between ontological and value judgments is confirmed. In other words, social trust acts as an objective, transcendental structure of personal and social consciousness, capable of actualizing universally significant meanings.

Keywords: social trust, value trust, conventional trust, contextual trust, phenomenological trust, trust as a generally meaningful meaning, trust-visibility, a genuine subject of trust, trust as a systemic Dasein.

References

1. Orekhovskaya N.A. Philosophical analysis of the concepts of “communication” and “intercourse” // Social and humanitarian knowledge. 2015. No. 4. P. 108–115.
2. Denikin A.V., Denikina Z.D. Educational trust as a phenomenon of communicative rationality // The world of education – education in the world. 2019. No. 2 (74). P. 31–36.
3. Makarenko D.G. Mechanisms for forming public trust in government institutions // Monitoring of law enforcement. 2021. No. 2 (39). P. 21–22.

4. Makhamatov T.M. Conflict between West and East as a factor of neo-globalization // The century of globalization. 2022. No. 4 (44). P. 63–72.
5. Denikina Z.D. The Problem of Trust in the Context of Methodological Holism // In the collection: How to Get into the Top Five. Collection of Scientific Papers. 2018. Pp. 24–28.
6. Stepin V.S. Historical Types of Scientific Rationality: Problems of Demarcation and Continuity // Philosophy, Methodology, and History of Science. 2015. No. 1. Pp. 6–27.
7. Wittgenstein L. Tractate Logico-Philosophical. – Moscow: Canon+, 2019.
8. Wittgenstein L. Lectures on Ethics. // Ludwig Wittgenstein. – Moscow: Canon+, 2015.
9. Wittgenstein L. Philosophical Investigations // Wittgenstein L. Philosophical Works. Part 1. – M.: Gnosis, 1994.
10. Husserl E. Amsterdam reports // Logos. 1992. No. 3.
11. Heidegger M. Being and time. – M.: Ad Marginem, 1997.
12. Heidegger M. Time and being: articles and speeches. – M.: Republic, 1993.

Социально-философский анализ механизма социализации курсантов военного университета

Дьяченко Андрей Николаевич,

аспирант, Забайкальский государственный университет
E-mail: asa0295@mail.ru

В статье проведен анализ механизма социализации курсантов военного университета. В первую очередь на основе нескольких философских подходов было сформулировано понятие малой группы, сделан вывод о том, что сообщество курсантов является малой группой. Была дана характеристика сообщества курсантов военного университета как группы, выделены их основные черты, приведены факторы, которые повышают сплоченность внутри группы. Сделан вывод о том, что курсанты являются закрытой малой группой, что связано со спецификой деятельности группы и целей ее существования. Выделенные характеристики курсантов как закрытой малой группы позволили описать внешние и внутренние факторы социализации курсантов. В описании процесса социализации курсантов выделены основные этапы, дана их характеристика. Был сделан вывод о соотношении естественной и социальной стороны механизма социализации курсантов. Естественная сторона социализации связана с биологической составляющей, а социальная сторона – с взаимодействием людей, идеологией, воспитанием.

Ключевые слова: малая группа, закрытая малая группа, сообщество курсантов, социализация, адаптация, интеграция, естественная сторона социализации, социальная сторона социализации.

В современном мире, где глобальные изменения в социальной, политической и культурной сферах бросают новые вызовы перед процессом воспитания и подготовки будущих офицеров, исследование механизма социализации курсантов является актуальным. В условиях постоянного обновления стратегий и тактик вооруженных сил, значимость правильной и глубокой социализации молодых курсантов становится очевидной, ведь именно они станут носителями ценностей, норм и традиций, определяющих боеготовность и моральный дух армии. Социальная философия представляет собой базис для обширного анализа процессов, происходящих в социальной структуре и межличностных отношениях. Применение философского подхода к исследованию механизмов социализации позволяет глубже понять, каким образом формируются мировоззренческие установки курсантов, как они интегрируются в военную среду и какие факторы влияют на их поведение и личностное развитие. Важно также учитывать влияние общенациональных идеологий, культурных парадигм и социальных трендов на молодых людей, вступающих на путь военной службы.

Одним из ключевых аспектов является исследование роли институциональных и неформальных структур в процессе формирования личности курсанта. Система военного образования и подготовки традиционно предполагает жесткую дисциплину и строгий регламент, что накладывает определенные требования к социализации. Здесь возникают уникальные условия, при которых курсант оказывается перед необходимостью адаптации не только к специфическим условиям военной жизни, но и к высоким моральным и этическим стандартам. Кроме того, социализация курсантов военного университета включает в себя важный компонент коллективной идентичности. В условиях тесного взаимодействия, совместного прохождения испытаний и реализации общих целей, у курсантов формируются стойкие коллективные связи, способствующие укреплению чувства товарищества и сплоченности. Социальная философия помогает раскрыть глубинные механизмы этого процесса, объяснить, как именно формируются такие коллективные идентичности и какое значение они имеют для боевой эффективности и устойчивости воинского духа.

Итак, социальной группой является не любое абстрактное сообщество людей, которые объединены только одним местом (парк, магазин), что является агрегацией. Объединение на основе одного или нескольких признаков также не является социальной группой (студенты, инвалиды, дошколята), а является категорией. Социальной группой можно назвать устойчивую общность, объективную совокупность людей, которые взаимодействуют для достижения определенных целей, обладают схожими признаками, а также разделяют ожидания, идеи, интересы и мировоззренческие ориентиры.

Галкина Т.П., анализируя идеи М. Шоу, пишет, что: «Группа – это два лица или более, которые взаимодействуют друг с другом таким образом, что каждое лицо оказывает влияние на других и одновременно находится под влиянием других лиц» [3, С. 315]. Р.К. Мертон [7] определяет группу как «совокупность людей, которые

определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются ее членами с точки зрения других людей». Э. Дюркгейм [4] рассматривал социальную группу как основу социальной солидарности. Для него группы образуются благодаря общим нормам и ценностям, которые удерживают их вместе, создавая коллективное сознание.

Макс Вебер видел в социальных группах результат многомерного взаимодействия не только экономических, но и социокультурных и политических факторов. Его понятие «социальная стратификация» охватывало группы, созданные на базе статуса, власти и экономического положения.

Джордж Герберт Мид [8] считал, что социальные группы возникают через процессы социальной интеракции и символического взаимодействия. Важное значение он придавал роли языка и знаковых систем в формировании групповой идентичности.

Ханна Арендт [2] изучала социальные группы через призму политики и власти. Она акцентировала внимание на значении общих интересов и публичных действий, которые создают чувство принадлежности и общественно-го участия в группах.

Исходя из приведенных объединений, можно сделать вывод, что курсанты военного университета являются малой группой.

Курсанты как социальная группа обладают рядом характерных признаков, которые делают их отдельным социологическим субъектом. Так, у курсантов как у единой группы есть общие цели и задачи: пройти профессиональное обучение для последующей службы в Вооруженных силах Российской Федерации. Выполнение учебных и служебных заданий способствует формированию сплоченности, коллективного духа, ощущения товарищества. Совместная учебная и тренировочная деятельность способствует поддержанию традиций и ритуалов, которые служат основанием для их групповой идентификации (стиль приветствия, общая военная форма и т.д.). Курсанты переживают общие жизненные ситуации и проблемы, что также укрепляет их социальные связи. Кроме того, важно учитывать и наличие взаимной поддержки, постепенное формирование чувства идентичности с коллективом.

Итак, курсанты являются социальной группой благодаря общим целям, разделяемым ценностям и нормам, общему опыту, взаимодействиям с внешними структурами и взаимной поддержке внутри группы. Эти элементы комплексно формируют уникальную и сплоченную социальную группу, способную выполнять специфические функции в обществе, а именно обеспечение защиты нашей страны. Кроме того, учитывая сказанное ранее (характеристика малой группы курсантов), можно говорить и о том, что сообщество курсантов является закрытой малой группой.

Особенности курсантов военного вуза как закрытой малой группы проявляются в различных аспектах их коллективной и индивидуальной жизни. Уже отмечалось, что военный университет является строго регламентированной структурой, где все отношения между курсантами и руководящим составом подчинены четко установленным правилам и нормам. Это создает четкую иерархию, где каждый знает своё место и роль. Все курсанты без исключения живут и учатся в условиях постоянного контроля и дисциплины. Их распорядок дня расписан по минутам: утренние подъемы, учебные занятия, спортивные тренировки, вечерние строевые прогулки и ночной отбой. Однако отметим, что есть время для досуговой деятельности, которая не подвергается строгой регламентации (ограничена только временем).

Важным аспектом является дух товарищества и взаимовыручки, который воспитывается с первых дней пребывания в вузе. Курсанты учатся полагаться друг на друга, помогать и поддерживать в трудные моменты. В условиях повышенной физической и психологической нагрузки это становится залогом успешной подготовки и выживания в экстремальных ситуациях. Коллективизм становится неотъемлемой частью их мировоззрения.

Следует отметить, что курсантам практически не предоставляется свобода выбора в личных и профессиональных вопросах. Внутренняя регламентация затрагивает даже такие аспекты, как предпочтения в еде, время отдыха, форма общения с родными и близкими. Это привносит в их жизнь элементы изоляции от внешнего мира, что способствует формированию особого психологического климата внутри группы.

Психологическая адаптация к условиям службы, жизнь в изолированной среде и необходимость постоянного самоконтроля накладывают отпечаток на личностные черты курсантов. Они становятся более стойкими, целеустремленными, дисциплинированными и ответственными. Однако иногда это может вести к излишней жесткости и трудностям в выражении эмоций и чувств.

С процессом адаптации связан и процесс социализации курсантов. Процесс социализации курсантов представляет собой многоаспектный и сложный феномен, включающий как социальные, так и естественные составляющие. Социальная составляющая социализации курсантов охватывает множество аспектов, связанных с взаимодействием, культурой и ценностями, в то время как естественная составляющая представляет собой элементарные биологические и когнитивные процессы, происходящие в человеческом организме.

В процессе социализации курсантов задействуется как личность, так и военный вуз (то есть коллектив). Для характеристики соотношения индивидуального и общественного в процессе социализации курсантов обратимся к идеям Т.Л. Лопуха, А.А. Манина, В.А. Чебатарева [6], согласно которым «в процессе социализации происходит соединение факторов и условий военно-социальной среды и личностных факторов», что возможно благодаря самоидентификации курсантов, взаимодействия военной среды и элементов личности курсантов, а также посредством постепенного приобщения курсантов к военной среде.

Профессиональная социализация курсантов не искажается, не отступает от единой траектории, а также невозможна патология социализации, что связано с жесткой дисциплиной и регламентацией всей жизни и деятельности курсантов. Если же курсант нарушает дисциплину, не справляется с особенностями военной службы или есть личные проблемы (не связанные непосредственно с обучением и службой), курсанту может быть предложено прервать (прекратить) обучение в военном университете.

Для описания социализации курсантов применима модель социализации личности Д.Д. Невирко [9]. Модель социализации включает следующие этапы:

1. Познание. На данном этапе курсант знакомится с новой культурной и профессиональной средой, а также регламентацией процесса обучения, службы и быта.

2. Адаптация. На этапе адаптации курсант подбирает подходящие способы и средства приспособления к новым условиям жизни. Курсант соотносит свои личные качества, интересы и навыки с новой для него средой жизни.

3. Интеграция. На данном этапе курсант полностью закрепляется в военной среде, он способен удовлетворить свои потребности без нарушения требований воен-

ного вуза. Этап интеграции связан с механизмами престижа, популярности, авторитета.

Д.Д. Невирко [9] отмечает, что «обучаемый приспосабливается к ролевым функциям, воинским нормам, условиям воинского труда, военно-корпоративным общностям, группам и слоям, существующим в сфере воинской службы организациям и институтам».

Результатом процесса социализации становится обретение курсантом статуса офицера, который готов нести службу в вооруженных силах Российской Федерации. Курсант обретает новые духовные качества, ценности и цели, обучается новым ритуалами.

В механизме социализации курсантов присутствует естественная и социальная составляющие. Рассмотрим их.

Во-первых, рассмотрим социальную составляющую процесса социализации курсантов. Этот процесс включает в себя несколько ключевых элементов. На первом месте стоит взаимодействие с товарищами по учебе и старшими офицерами. В условиях строгой дисциплины и иерархической структуры курсанты учатся коммуникативным навыкам, коллективной работе и лидерству. Положительное окружение и поддержка со стороны команды способствуют формированию чувства принадлежности к общности и развитию социальной идентичности. Курсанты перенимают социальные нормы и правила, учатся справляться с критикой и принимать конструктивные замечания.

Кроме того, значительная роль в социализации курсантов отводится культурной и идеологической составляющей. Военные традиции, ритуалы, символы и история прививают чувство гордости за свою выбранную профессию и закладывают основу для патриотического воспитания. Специальные образовательные программы подчеркивают значимость служения родине, ответственность перед обществом и необходимость защищать мир и порядок. Таким образом, курсанты становятся носителями ценностей, характерных для военной среды, что значительно влияет на их дальнейшее поведение и мировоззрение.

Естественная составляющая процесса социализации курсантов связана с биологическими аспектами. Биологические аспекты играют важную роль в восприятии информации, усвоении знаний и адаптации к физическим нагрузкам. В процессе обучения курсанты проходят интенсивную физическую подготовку, которая улучшает их общий уровень здоровья, выносливость и физическую форму. Структурированные тренировки помогают не только развивать тело, но и укрепляют волю и самодисциплину.

Когнитивные процессы, такие как память, внимание и мышление, также являются важной естественной составляющей социализации. В учебном процессе курсанты сталкиваются с различными интеллектуальными задачами, которые стимулируют нейропластичность и развитие когнитивных способностей. Интенсивное обучение и регулярное повторение учебного материала способствуют воспитанию навыков критического мышления, аналитической работы и быстрых реакций в стрессовых ситуациях.

Особого внимания заслуживает также психоэмоциональное развитие курсантов. Встреча с различными эмоциональными переживаниями, необходимостью работать в непростых условиях и справляться с высокими нагрузками требует высокого уровня эмоционального интеллекта. Курсанты учатся управлять своими эмоциями, справляться с тревогой и стрессом, что в дальнейшем помогает им сохранять психологическую устойчивость в экстремальных ситуациях.

Таким образом, процесс социализации курсантов является сочетанием социальной и естественной составляющих. Совместное действие этих элементов формирует всесторонне развитых специалистов, готовых к выполнению сложных задач, обладающих необходимыми профессиональными навыками, морально-этическими качествами и устойчивым психоэмоциональным состоянием. Социальная и естественная составляющие взаимодополняют друг друга, обеспечивают полноценное становление личности курсанта как будущего защитника своей родины. Естественная составляющая проявляется в стремлении людей жить в группе, потребности в понимании и единении, в заботе, а также избегании изоляции и одиночества. Социальная составляющая проявляется через взаимодействие посредством внушения и конформизма, а также обретение статуса и роли в группе, что также является и результатом всего процесса социализации. Курсанты приобретают неоценимый опыт командной работы, умение принимать решения в стрессовых ситуациях, навыки стратегического мышления и лидерства. Все это подготавливает их к важной миссии – защите своей страны и обеспечению её безопасности.

Литература

1. Аймаутова, Н.Е. Групповые представления, обусловленные ситуацией обучения (специфика методологии исследования) / Н.Е. Аймаутова, И.М. Кондаков // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2006. – № 1. – С. 110–115.
2. Арндт, Х. О деятельной жизни / Х. Арндт. – М.: Ад Маргинем, 2023. – 416 с.
3. Галкина Т.П. Малая группа как субъект деятельности социальной организации // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2006. № 11. С. 315.
4. Дюркгейм, Э.О. Разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
5. Карлова, Е.Н. Динамика ценностных ориентаций и установок курсантов военных образовательных организаций Высшее образование в России – № 5, 2018
6. Лопуха, Т.Л. Воинская социализация военнослужащих в системе работы с личным составом / Т.Л. Лопуха, А.А. Манин, В.А. Чебатарёв // Мир науки, культуры, образования. 2018.
7. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. – 873 с.
8. Мид, Дж.Г. Разум, Я и Общество
9. Невирко, Д.Д. Модели социализации личности как функциональное отражение политических режимов. Образование и социальное развитие региона. 1999; 2: 13–22.
10. Позняков, В.П. Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности / В.П. Позняков // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. – С. 167–175.
11. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т 1–2. М.: Феникс, 1992. С. 218
12. Субботина, Н.Д. Закономерности естественно-групповых отношений как механизм самосохранения группы / Н.Д. Субботина // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2021. – № 12. – С. 64–76.
13. Субботина, Н.Д. Соотношение естественного и социального во внутригрупповых и межгрупповых отношениях в ситуации межэтнических конфликтов / Н.Д. Субботина // Гуманитарный вектор. – 2021. – № 5. – С. 87–98 С. 89

14. Философский энциклопедический словарь. М. Советская энциклопедия. 1983. 840 с.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE MECHANISM OF SOCIALIZATION OF MILITARY UNIVERSITY CADETS

Dyachenko A.N.

Transbaikal State University

The article analyzes the mechanism of socialization of military university cadets. First of all, on the basis of several philosophical approaches, the concept of a small group was formulated, and it was concluded that the community of cadets is a small group. The community of military university cadets as a group was characterized, their main features were highlighted, and factors that increase cohesion within the group were given. It is concluded that the cadets are a closed small group, which is due to the specifics of the group's activities and the goals of its existence. The identified characteristics of cadets as a closed small group made it possible to describe the external and internal factors of socialization of cadets. In the description of the process of socialization of cadets, the main stages are highlighted and their characteristics are given. A conclusion was made about the relationship between the natural and social aspects of the mechanism of socialization of cadets. The natural side of socialization is associated with the biological component, and the social side is associated with the interaction of people, ideology, and upbringing.

Keywords: small group, closed small group, community of cadets, socialization, adaptation, integration, natural side of socialization, social side of socialization.

References

1. Aimautova, N.E. Group representations conditioned by the learning situation (specificity of research methodology) /

- N.E. Aimautova, I.M. Kondakov // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. – 2006. – No. 1. – P. 110–115.
2. Arendt, H. About active life / H. Arendt. – M.: Ad Marginem, 2023. – 416 p.
3. Galkina T.P. Small group as a subject of activity of a social organization // Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2006. No. 11. P. 315.
4. Durkheim, E.O. Division of social labor / E. Durkheim. – M.: Kanon, 1996. – 432 p.
5. Karlova, E.N. Dynamics of value orientations and attitudes of cadets of military educational organizations Higher education in Russia – No. 5, 2018
6. Lopukha, T.L. Military socialization of military personnel in the system of work with personnel / T.L. Lopukha, A.A. Manin, V.A. Chebatyrov // World of science, culture, education. 2018.
7. Merton, R. Social theory and social structure. M.: ACT, 2006. – 873 p.
8. Mead, J.G. Mind, Self and Society
9. Nevirko, D.D. Models of personality socialization as a functional reflection of political regimes. Education and social development of the region. 1999; 2: 13–22.
10. Poznyakov, V.P. Psychological relations of subjects of joint life activities / V.P. Poznyakov // Knowledge. Understanding. Skill. 2013. No. 1. – P. 167–175.
11. Popper, K. Open Society and Its Enemies. T 1–2. M.: Phoenix, 1992. P. 218
12. Subbotina, N.D. Patterns of natural group relations as a mechanism of group self-preservation / N.D. Subbotina // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. – 2021. – No. 12. – P. 64–76.
13. Subbotina, N.D. The relationship between the natural and the social in intragroup and intergroup relations in situations of interethnic conflicts / N.D. Subbotina // Humanitarian vector. – 2021. – No. 5. – P. 87–98 P. 89
14. Philosophical encyclopedic dictionary. M. Soviet Encyclopedia. 1983. 840 p.

Обобщение концепций кооперации в контексте общественного развития

Егоров Владимир Георгиевич,

доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического анализа РГСУ, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: korrka@mail.ru

В статье содержится анализ общественно-политической мысли по вопросам кооперации, рассмотрены концепции интеллектуалов, представляющих наиболее значимые мировоззренческие направления. Исследование трудов авторов разных научных школ акцентировано на углубленной презентации кооперации в контексте перспектив общественного развития. Описываемый этап осмысления кооперации совпал с периодом становления капитализма, когда этот способ производства испытывал восходящую траекторию развития и в следствие «безграничности» рынков и потенциальных возможностей оказывал доминирующее влияние на другие социально-экономические уклады, в том числе кооперативный. Набирая социальную «силу», воплощенную в капитале, капитализм использовал в своем стремлении к восхождению самые жесткие механизмы эксплуатации, поэтому пионеры кооперативной мысли искали в кооперативной организации, прежде всего, средство избавления от капиталистической экспансии. Именно в это время зарождается «социал-реформистское» направление кооперативной мысли. Вместе с тем поиск механизма избавления от изъятий капитализма позволил интеллектуалам увидеть черты кооперации, устремленные в будущее, таким образом открыв теоретическое направление, связанное с определением ее места и роли в перспективе общественного развития.

Ключевые слова: кооперация, социализм, индивидуализм, институционализм, марксизм.

Кооперативная проблематика и особенно кооперативная теория даже с учетом достаточно длительного периода изучения остаются, по словам Дж. Миллера, «поглощающей туманностью» [1, с. 23].

Несмотря на кажущуюся тривиальность объекта исследования научному сообществу пока не удалось значительно продвинуться в освоении темы. Такое положение дел обусловлено: во-первых, нестатичностью рассматриваемой формы социально-экономической организации, развивающейся в общем потоке планетарной трансформации; во-вторых, вследствие места и роли кооперации никогда не являвшейся доминирующим укладом и всегда испытывающей влияние, нередко приводящее к мутациям господствующих социальных отношений; в-третьих, потому, что консолидируя значительные массы сторонников, всегда составляла объект притязаний политических сил для использования в своей борьбе; в-четвертых, ее неиссякаемой актуальностью. Не составляя альтернативу ни одной из существующих форм социально-экономической организации, кооперация тем самым обеспечивает себе особую жизнеспособность. Очевидно, что и сегодня в условиях глобальных цивилизационных трансформаций ее роль не только не убывает, но, напротив, получает новое, качественно более высокое социальное значение.

Заслуга наиболее состоятельного анализа пройденного пути в освоении кооперативной теории принадлежит И.В. Емельянову. Отправной точкой своих изысканий исследователь справедливо определил идеи Р. Оуэна. Общеизвестно, что английский философ, видя тяготы и лишения народных «низов», которые сопровождали восходящий капитализм, предполагал необходимым заменить господствующие в общественном хозяйстве формы, основанные на индивидуальном интересе и конкуренции ассоциациями трудящихся, действующих в интересах всего общества.

Автор подчеркивает, что без индивидуальной заинтересованности, которая, как правило, противоречит общественному благу, общество не смогло бы существовать. Однако, когда люди осознают свои истинные интересы и увидят, какие удивительные результаты может дать их объединение, они поймут, что нынешняя система общества несправедлива, нерациональна и антиобщественна. Она подавляет лучшие качества людей с самого детства и стимулирует развитие вредных привычек. В целом, эта система превращает все, что могло бы сделать людей счастливыми и благополучными, «в нечто нелепое, глупое и гибельное...» [2, с. 538].

Однако научному взгляду и уж тем более полноценному вкладу в теорию кооперации препятствовало всепоглощающее стремление Р. Оуэна найти средства замены капитализма социализмом. Не случайно, в этой связи, Р. Оуэн не без разочарования оценивал современные ему кооперативные структуры Англии.

Шаг вперед в сравнении с английским мыслителем, хотя и с большими оговорками, но все же сделал Л. Блан. Корень социального зла, по его мнению, заключался в конкуренции, одинаково пагубной и для интересов трудящихся и благосостояния буржуазии.

Новеллу идей Л. Блана составляло положение о возможности замены экономической системы, основанной на конкуренции кооперацией [1, с. 31]. Не трудно понять,

в чем заключалась ограниченность такой позиции: кооперация, обладающая особыми природными качествами, не могла предоставить перспективу промышленной революции, массового производства и форсированного экономического роста. Вместе с тем, вклад этого мыслителя в теорию кооперации бесспорный. Именно Л. Блан одним из первых обратил внимание на кооперацию не в качестве средства борьбы за социализм, а как самоценную организацию, представляющую собой сущность, заключающуюся в метафоре «третьего пути».

Идею, связывающую социальный прогресс с кооперацией, продолжил развивать Дж.С. Милль. Его труды принято считать популяризирующими устоявшееся к моменту его творческого расцвета классическому политэкономии и экономического либерализма. Однако Дж.С. Милль, уже успевший убедиться в правоте либеральных пессимистов (Р. Мальтуса и др.) прямо утверждал, что экономическая система, в которой «процветание» практически отождествляется с величиной прибыли, является лишь одним из этапов развития общества.

Экономист не соглашался с теми, кто считал «нормальным состоянием человеческих существ борьбу за преуспевание», сопровождаемую стремлением людей «раздавить, уничтожить, растолкать локтями, обогнать всех остальных», составляющим «основную черту современной общественной жизни» [3, с. 78–79].

Несогласие мыслителя вызывало и то, что современная экономическая организация неизбежно инициировала последствия, связанные с тем, что «земля должна потерять ту огромную часть своего очарования, какую придает ей все то, что неизбежно должно исчезнуть в результате неограниченного роста богатства» [3, с. 82] (гонки за прибылью – авт.).

Вместе с тем, в отличие от социальных реформаторов, Дж.С. Милль не утверждал необходимость замены рыночного хозяйства коммунистическим продуктообменом и ликвидации частной собственности, а лишь настаивал на обязательности труда как источника богатства и доступности его для всех.

Полагая обязательной трудовую основу собственности, Дж.С. Милль считал, что общественная мораль, благородство и справедливость могут быть воспитаны только через объединение людей, а не через их изоляцию. Цель прогресса заключается не в создании условий, позволяющих людям жить независимо друг от друга, а в возможности работать вместе или для других, сохраняя при этом равноправные отношения.

Дж.С. Милль верил в возможность создания крупных предприятий без разделения сотрудников на противоборствующие группы. По его мнению, когда большинство работников выполняют свои обязанности в качестве слуг под руководством того, кто предоставляет средства, их интересы ограничиваются получением зарплаты с минимальными усилиями [3, с. 99].

Не остались в стороне от пронизательного взгляда ученого и институциональные качества формы организации общественного хозяйства, основанной на обобществлении материальных и трудовых ресурсов участников объединения. Для их характеристики теоретик прибегнул к идеям Чарльса Бэббиджа. В качестве важнейшей черты кооперативов Дж.С. Милль упомянул непосредственную заинтересованность всех участников в результатах общей деятельности, «поскольку любой успех или любая неудача немедленно скажется на его собственных еженедельных доходах».

Другой чертой, выделенной Дж.С. Миллем, является стремление кооператоров избегать ошибок в управлении и руководстве предприятием, делающее обязательным их участие в администрировании.

Логика таких рассуждений фактически привела экономиста к осознанию императивного организационного принципа кооперации – прямой демократии и его неизбежного следствия продуцирования высоких нравственных норм участников предприятий.

Справедливости ради следует отметить, что в силу малоизученности кооперативной проблематики Дж.С. Милль допускал инкорпорацию кооперативной формы организации экономики в капиталистическую путем соединения частного бизнеса и предприятий, основанных на обобществлении трудовых и материальных ресурсов. Тем не менее, такой «пассаж» не уменьшал его вклада в теорию вопроса. Помимо указаний на преимущества кооперации и ее способность преодолевать противоречие между трудом и капиталом идеи Дж.С. Милля способствовали коррекции до того времени преобладающей социал-реформистской позиции, продвигающей взгляд на эту форму ориентации как исключительно социалистическую и альтернативную конкуренции и рыночному хозяйству.

Провидческим с точки зрения перспектив развития кооперации, в том числе в эпоху постмодерна, явилось указание интеллектуала на то, что увеличение интеллектуального уровня широких слоев населения приведет к тому, что рабочие будут еще больше не согласны с тем, что только власть и престиж тех, кто стоит выше них, определяют их действия и методы работы. [3, с. 92].

Источником фундированности кооперативной теории, как бы это не звучало парадоксально, стала методология индивидуализма, нашедшая свое воплощение в трудах маргиналистов. Помимо прочего, революционный вклад плеяды экономистов этого направления заключался в смещении описания экономических процессов на уровень индивидуума, в наибольшей степени поддающийся научному анализу. Конечно, взгляды маргиналистов не были примитивной попыткой атомизации мотивов поведения субъектов экономической деятельности, скорее, таковые вводили в экономическую науку логику, отправной точкой которой стала отдельная личность с определенным набором потребностей и интересов. При этом большинство разделивших методологический подход, основанный на индивидуализме, прекрасно понимали наличие императива социальной обусловленности личности и связи ее хозяйственной инициации с общественными интересами и даже зависимости «сумы удовольствий, получаемых от жизни» отдельным индивидом от сопряженности его деятельности с потребностями общества. Одним словом, методология индивидуализма не только не разрывала связь «рационального эгоиста» с обществом, но, напротив, полагала таковую обязательной. Г.Г. Госсен утверждал, что каждый человек для своего же блага должен использовать свои силы таким образом, который будет наиболее полезен для всего общества. Это и есть сила, которая поддерживает единство человеческого общества, связывающая всех людей и заставляющая их через взаимный обмен увеличивать свое благосостояние и благосостояние окружающих [4, с. 121].

Таким образом, смещая исследовательскую оптику на уровень индивида, но не исключая его социальной обусловленности, методологический подход индивидуализма, с точки зрения продвижения теории кооперации способствовал пониманию сущностной природы кооперации, мобильность которой также направлена от интереса и потребности личности. Кооперация начинается не из утопических мечтаний, а совершенной организации общества и зарождается не как альтернатива капитализму, но ее генезис и развитие связаны с индивидуальным интересом, поступаясь частью которого через

обобществление материальных трудовых и интеллектуальных ресурсов, личность получает качественно иные большие возможности в удовлетворении потребностей и обретении хозяйственных преимуществ. Одним словом, при наличии издержек, связанных с утратой части «суверенитета» кооператор приобретает индивидуальное преимущество (в виде удешевления товара и услуг или потенциала конкурентоспособности), значительно их превосходящее. Генри Сиджуик отмечал, что концепция личной заинтересованности, создающая и поддерживающая сложную структуру общественного производства, обладает особой привлекательностью. Поэтому неудивительно, что в начале ее открытия она была принята как идеал общественных отношений и цель политического прогресса. Автор считает, что в этой концепции содержится значительная доля истины: личный интерес действительно действует мощно и постоянно, как описано выше, и трудно найти ему адекватную замену в качестве движущей или регулирующей силы. Это почти непреодолимое препятствие на пути создания общества на основе, отличной от индивидуалистической [4, с. 144].

Именно индивидуальный интерес, акцентированный этой мировоззренческой концепцией, продуцировал институт кооперации. Основанный на «рациональном эгоизме» личности, также как и иные формы концентрации мелкотоварного производства и организации потребителей эпохи модерна кооперация, в силу природного родства и имманентности товарному хозяйству, не составляла альтернативу капитализму.

Таким образом, не углубляясь в критику основных принципов данного подхода, следует отметить, что он основан на индивидуальном поведении, определяемом индивидуальным потребителем [5, с. 98]. Индивид с его интересами и потребностями становится центральным элементом методологии индивидуализма.

Несмотря на критику со стороны экономистов, не разделяющих принципы индивидуализма, редукция фокусирует внимание на индивидуальных интересах, которые являются основой функционирования кооперации. Редукция мотивов экономической деятельности к индивиду адекватно отражает сущность коллективной формы организации экономики, в которой личность кооператора играет ключевую роль.

В результате объединения каждым участником кооперативного предприятия двух ролей – собственника и работника – даже небольшое нарушение баланса между ними приводит к утрате естественного характера организации в целом. Гармонизация труда и собственности, таким образом, ограничивает возможность внедрения в кооперации машинного производства, заменяющего работника, использование наемной рабочей силы, не ограниченного расширения масштабов производства, сверх предела позволяющего каждому контролировать и распоряжаться собственностью или представительством прав собственника. Справедливости ради следует заметить, что перечисленные ограничения преодолеваются по мере продвижения к «умной экономике».

Более того, именно личные интересы играют решающую роль в формировании кооперативной организации. Кооператор жертвует частью своей независимости ровно настолько, насколько личная выгода от этого превышает ущерб (включая моральный), причиняемый этим действием.

Таким образом, методология индивидуализма позволяет точно описать ряд важных характеристик кооперации, но имеет ограничения в представлении кооперативной организации как самоценной экономической сущности, то есть содержания, обусловленного ее энергетическим свойством (системным качеством).

Вместе с тем, природа кооперации имела принципиальные отличия от структур, порождаемых частной предпринимательской инициативой. Во-первых, кооперативный путь обобществления не предполагал экспроприацию мелкой собственности и поэтому развивался эволюционно. Во-вторых, в отличие от мануфактуры и фабрики участниками кооперации являются приблизительно социально и имущественно равные партнеры, не разделенные непреодолимым противоречием труда и капитала.

Интеграция индивидуальных интересов в одном целеполагании, как было сказано, порождает новый институт. В этой связи теорию кооперации не могли обойти стороной идеи институционализма.

Принципиальным вкладом институционализма в теорию кооперации стало понимание того, что поведение индивида, инкорпорированного в институт, опосредовано его влиянием, и положение о новом качестве организации, не сводимом к простому сложению элементов, входящих в систему. Так, по словам Торстейна Веблена, где бы ни существовал институт частной собственности, даже в примитивной форме, процесс экономического развития характеризовался борьбой за владение имуществом [6, с. 343].

Точное определение экономического института сформулировал Джон Ричард Коммонс. По его мнению, таковой есть: «коллективное действие по контролю, высвобождению и расширению масштабов индивидуального действия» [6, с. 354]. Влияние коллективного на индивидуальное в концепции классика институционализма определяется поведенческими триггерами по установкам: «может – не может», «взаимопомощи», «разрешено – не разрешено».

Институциональная теория лучше, чем иные дала возможность понять, почему кооперация, объединяющая разношерстную массу (далеко не всегда объединяющую наиболее культурную часть общества) продуцирует высокие нравственные принципы и обязательность прямой демократии в управлении.

Знаменитый институционалист Дуглас Норт и его коллеги выделяют два типа организации: «партнерские», к которым, бесспорно, относится кооперация, и «контрактные», использующие для поддержания «третьей стороны». К ним, например, можно отнести элитные сообщества. Описывая партнерские организации, авторы отмечают, что поскольку организации координируют действия своих членов, объединяют их общей целью, у индивидов появляются общие представления о нормах и правилах их организации. Это приводит к появлению собственной институциональной структуры внутри организации [7, с. 78]. Основу консолидации в «партнерских» организациях составляет исключительно индивидуальный интерес ее членов, не требующий дополнительного «принуждения» извне.

Практика кооперации показывает, что развитие предприятий этого сектора тем успешнее, чем больше их экономических связей осуществляется «внутри» кооперативной системы. В этой связи не случайно национальные объединения кооперации стремятся максимально распределить хозяйственные операции среди структур собственной сети. Например, Союз Еврокооп объединяет в качестве членов 5000 ритейлеров и производителей с годовым оборотом 79 млрд евро¹.

Методология институционализма, которая помогает точно описать коллективную организацию кооперации, все же имеет свои ограничения в теории кооперации.

¹ Официальный сайт Европейского союза потребительских обществ // www.eurocoop.coop

Используя институциональный подход для объяснения поведения отдельных людей через призму института, который их объединяет, он как бы преодолевает индивидуальность кооперативных объединений. Именно такую метаморфозу имели в виду В.И. Ленин и его последователи, когда определяли кооперацию как «переходную ступень» к полному обобществлению собственности. На основе полного забвения индивидуальных интересов членов кооперации в советской науке и экономической практике родилась другая сентенция о якобы обязательном завершении кооперирования хозяйств мелких товаропроизводителей полным обобществлением всех производственных операций. Начавшись в коллективизации сбыта, снабжения совместной эксплуатации машин кооперация должна была по прогнозам советских экономистов обязательно (и желательно быстрее) преодолеть этот первый, простой этап, вырасти в «полноценное» кооперативное предприятие, объединяющее все стороны хозяйства, включая производство. Практика не подтвердила теоретические предположения сторонников полного обобществления; большинство кооперативов «застряли» на уровне сбыто-снабженческих товариществ по совместному использованию техники, а попытка привести ее в соответствие в установками теории, привели к деконструкции самой природы кооперации и созданию «семулякров», только внешне напоминающих о таковой.

Таким образом, кооперативная теория не может быть простой копией уже существующих методологических подходов, но представляет собой, как и сама кооперация, сложную концепцию, сформированную из конструктивного потенциала этих подходов.

Внешняя простота ее связи с методологией индивидуализма и институционализма обусловлена идентичностью институтов частной собственности и рынка, которые лежат в основе всех рыночных организаций, включая кооперативную.

Преодоление методологических ограничений индивидуализма и институционализма привело к поиску подхода их интеграции, «третьего пути». В этом же направлении сосредоточился теоретический анализ кооперации [8].

Важным шагом на пути объединения различных теоретических представлений стало создание «институционального индивидуализма», о котором заявил в середине прошлого века Йозеф Агасси [9, с. 83]. Последовательное отражение «срединного пути» представлено работами Фернандо Тобозо [10]. Согласно его концепции, индивидуальные взаимодействия происходят внутри институциональных структур, которые изменяют свой облик в соответствии с потребностями социальных или экономических практик. В концепции Ф. Тобозо рациональное поведение индивидов дополняется влиянием социальных факторов на их деятельность.

Однако, отказывая институциональным структурам¹ в субъектности в экономическом процессе и наделяя индивидов способностью их изменения и моделирования, Ф. Тобозо фактически исключает возможность конвергенции классического институционализма Т. Веблена и неоинституционализма Д. Норта, воспроизводящего методологические подходы, характерные индивидуализму. В отличие от неоклассиков Д. Норт отказывает индивидам в рациональности выбора на основании ограниченности информации, которой они владеют [11, с. 24].

Не придерживается Д. Норт и другого императива индивидуализма, заключающегося в абсолютизации кон-

куренции, которая в представлении других институционалистов «должна устранить более слабые институты и способствовать выживанию тех институтов, которые лучше решают человеческие проблемы».

Несмотря на значительное отступление от ряда исходных «рубежей» методологии индивидуализма Д. Норт оставляет его системообразующую составляющую – индивида, изменяющего институты для достижения максимальной полезности результата экономической деятельности. Но в последних трудах, аккумулирующих неоинституциональное содержание, он утверждает, что «институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты; поэтому наша теория должна начинаться с индивида» [11, с. 20].

Таким образом, интеграция двух методологических направлений в современной экономической науке привела не к актуализации «третьего пути», а к практически полной ассимиляции институционализма индивидуализмом. Субъектами экономической деятельности независимо от структурирования в организациях или институтах является индивид – мотивированный на получение оптимальной выгоды.

Значительно более конструктивную попытку конвергирования методологии индивидуализма и институционализма сделал Мансур Олсон, который предположил, что «индивид (действуя неорганизованно) может оказать либо вообще неспособным как-либо продвинуть решение общей проблемы, либо не сможет обеспечить ее адекватное решение». Наличие индивидов с ограниченными возможностями в решении в том числе хозяйственных проблем, инициирует создание организации, назначение которой «связано с существованием общих или групповых интересов» [12, с. 6].

Создание организации и формирование общественных интересов не уничтожают индивидуальных мотивов экономической деятельности, но позволяют им трансформироваться на новом уровне, обеспечиваемом коллективным участием. М. Олсон подчеркивает, что те, кто являются частью какой-либо организации или группы, имеют как общие интересы, так и личные интересы, которые отличаются от интересов других членов группы [12, с. 7]. Диалектическое единство индивидуальных и общественных интересов в кооперации порождает ряд фундаментальных противоречий, которые, однако, не являются непреодолимым препятствием для развития кооперации, но становятся стимулом для ее совершенствования. Объединение в кооперативных предприятиях индивидуальных товаропроизводителей с различными исходными трудовыми и интеллектуальными способностями и обобществляемыми материальными ресурсами неизбежно инициирует конфликт личных и общественных интересов.

Практика кооперации позволяет полагать, что и это диалектическое противоречие результируется в совершенствовании внутренней организации кооперативных предприятий.

Свой вклад в развитие теории кооперации внесли представители немецкой исторической школы политэкономии.

Основной новеллой немецких экономистов, сыгравшей фундаментальную роль в теоретических представлениях о кооперативной форме социально-экономической организации, стало возвращение в научный мейнстрим человека, наделенного индивидуальными характеристиками, обусловленными историко-культурным процессом, включающим духовные, нравственные, религиозные и т.д. паттерны как фактор хозяйственной субъектности. Понятно, что кооперативная организация, строящаяся на прямой демократии, высо-

¹ Автор применяет термин «институциональные структуры», имея в виду закономерно возникающие организации, для появления которых необходимы объективные институциональные предпосылки.

ких нравственных устоях, интегрирующая не только материальные, но и интеллектуальные ресурсы пайщиков и продуцирующая высокую мотивацию участия, никак не вписывалась в основополагающий императив классической политэкономии о бездуховном «рациональном эгоисте».

Намеренное редуцирование сущности экономического субъекта отвечало потребностям восходящего капитализма и становления массового производства, получившего логически завершённый облик в фордистском конвейере практически избавившегося от препятствий, связанных с индивидуальными особенностями рабочего и их унификацией. При этом аппроксимация экономической субъектности до рационального эгоизма была очевидной.

Принципиально важно заметить, что и трактовка исторической школой самого понятия «общественное разделение труда» была в значительной мере модифицирована в сравнении с его артикуляцией в классической политэкономии.

Посвящая один из основных разделов своего классического труда «Богатство народов» общественному разделению труда, А. Смит раскрыл этот концепт в контексте проблем рынка и обмена, в то время как немецкие экономисты полагали, что разделение труда в «ассоциациях индивидуальных сил для преследования общих целей» создает новое системное качество, способствующее повышению эффективности экономических организаций, являющемся «могущественнейшим средством для обеспечения счастья каждого человека» [6, с. 55]. В этой связи следует заметить, что логика цитируемого интеллектуала результировалась в утверждении о том, что самой совершенной ассоциацией является нация, объединенная в одном хозяйственном организме и консолидированная вокруг общих целей.

Положением исторической школы, часто подвергавшемся критике, но важным с точки зрения продвижения кооперативной теории, явилось утверждение о закономерности эволюционного развития экономики. Большинство этого научного сообщества не признавало революций в хозяйственных организациях и их развитии (или вернее сказать, не признавало их естественное происхождение). С точки зрения определения сущностных качеств кооперации, становление, развитие и перспективы которой не предполагали замещение, вытеснение или слом других хозяйственных форм, такой подход немецких политэкономистов являлся единственно релевантным. Эволюционный характер экономических перемен особенно отчетливо проявляется в трудах Карла Бюхера. Относительно теоретического осмысления экономики он писал, что самым важным для теоретиков является уловить общий характер эволюции в ее основных этапах, не обращая внимания на переходные периоды, когда все явления кажутся находящимися в движении. Только тогда можно выявить общие законы развития [6, с. 140].

Отношение к мелкотоварному производству как к реальности, отличной от социалистических идей, определило второстепенную роль кооперации в марксистском наборе средств и форм построения нового общества. Работы К. Маркса и Ф. Энгельса не содержат детального анализа кооперации мелких собственников. Это объясняется тем, что взгляд основоположников научного социализма был направлен в сторону крупного машинного производства. Исключение составляли пролетарские кооперативы, которые в качестве одной из форм экономической борьбы рабочего класса за свои права подвергались критике за непоследовательность и «мел-

кобуржуазное лавочничество», ослабление накала политической борьбы. К. Маркс отмечал, что для построения единой системы свободного кооперативного труда, нужен переход «государственной власти от капиталистов и землевладельцев к самим производителям» [13, с. 31].

Ортодоксальные марксисты рассматривали кооперативное движение исключительно как средство защиты от капиталистической эксплуатации, считая, что с установлением диктатуры рабочего класса историческая миссия кооперации будет выполнена [14].

Таким образом, краткий анализ кооперативной теории в мировой общественно-политической мысли убеждает в нетривиальности самого объекта исследования, активно эволюционирующего в динамично меняющемся социальном мейнстриме. Сложность теоретического осмысления социально-экономического феномена кооперации, никогда не составляющего укладной доминанты заключается еще и в том, что общественно-политическая мысль, «обслуживающая» системообразующие формации неизбежно интегрировала ее в обоснование абсолютности и универсальности перспективы общественного развития в направлении капитализма или замены его социализмом.

Позитивным вектором освоения кооперативной теории стал поиск или вернее сказать его первые шаги в определении собственных сущностных качеств кооперации, открывающих простор для дальнейшего научного исследования.

Литература

1. Емельянов И.В. Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций. М. 2020. 440 с.
2. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. 1. М. 2001. 720 с.
3. Милль Дж.С. Основы политической экономии. Т. III. М. 1981. 452 с.
4. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. II. М. 2005. 751 с.
5. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. М. 2003. 464 с.
6. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. III. М. 2005. 893 с.
7. Норт Д., Чоллис Д., Вайнгай Б. Насилие и социальный порядок. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. 2011. 478 с.
8. Егоров В.Г. Кооперация – третий путь. К теории вопроса. Челябинск. 152 с.
9. Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. № 10. 2013. С. 66–89.
10. Toboso F. Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms the Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics // European Journal of Law and Economics. 1995. 2 (1). P. 63–84.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. 1997. 180 с.
12. Олсон М. Логика коллективных действий. Общие блага и теория групп. М. 1995. 174 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О кооперации. М. 1988. 318 с.
14. Мещеряков Н.Л. Кооперация и социализм. М. 1920. 111 с.

GENERALIZATION OF THE CONCEPTS OF COOPERATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL DEVELOPMENT¹

Egorov V.G.

Russian State University of Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Bauman Moscow State Technical University

The article contains an analysis of socio-political thought on issues of cooperation, the concepts of intellectuals representing the most significant ideological trends are considered. The study of the works of authors from different scientific schools focuses on an in-depth presentation of cooperation in the context of prospects for social development.

The described stage of understanding cooperation coincided with the period of the formation of capitalism, when this mode of production experienced an upward trajectory of development and, as a result of the “boundlessness” of markets and potential opportunities, exerted a dominant influence on other socio-economic structures, including the cooperative one. Gaining social “strength” embodied in capital, capitalism used the most stringent mechanisms of exploitation in its quest for ascent, therefore, the pioneers of cooperative thought sought in the cooperative organization, first of all, a means of getting rid of capitalist expansion. It was at this time that the “social reformist” trend of cooperative thought was emerging. At the same time, the search for a mechanism to get rid of the flaws of capitalism allowed intellectuals to see the features of cooperation aimed at the future, thus opening up a theoretical direction related to determining its place and role in the perspective of social development.

Keywords: cooperation, socialism, individualism, institutionalism, Marxism.

References

1. Yemelyanov I.V. Economic theory of cooperation. The economic structure of cooperative organizations. M. 2020. 440 p.
2. World economic thought. Through the prism of centuries. Vol. 1. M. 2001. 720 p.
3. Mill J.S. Fundamentals of political economy. Vol. III. M. 1981. 452 p.
4. World economic thought. Through the prism of centuries. Vol. II. M. 2005. 751 p.
5. Hodgson J. Economic theory and institutions. Manifesto of modern institutional economic theory. M. 2003. 464 p.
6. World economic thought. Through the prism of centuries. Vol. III. M. 2005. 893 p.
7. North D., Chollis D., Vaingai B. Violence and social order. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind. M. 2011. 478 p.
8. Egorov V.G. Cooperation – the third way. To the theory of the question. Chelyabinsk. 152 p.
9. Kirdina S.G. Methodological individualism and methodological institutionalism // Economic issues. No. 10. 2013. pp. 66–89.
10. Toboso F. Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms the Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics // European Journal of Law and Economics. 1995. 2 (1). P. 63–84.
11. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. M. 1997. 180 p.
12. Olson M. The logic of collective action. Public goods and the theory of groups. M. 1995. 174 p.
13. Marx K., Engels F., Lenin V.I. About cooperation. M. 1988. 318 p.
14. Meshcheryakov N.L. Cooperation and socialism. M. 1920. 111 p.

¹ The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23–28–01043 “Cooperation in the strategy of development of society”, <https://rscf.ru/project/23–28–01043> / Agreement No. 23–28–01043 dated 12.01.2023

Отражение феномена глобализации в парадигмах культуры

Козлов Владимир Игоревич,

кандидат философских наук, доцент, кафедра менеджмента и маркетинга, Волгоградский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: vladjoker@mail.ru

Глобализация привела к беспрецедентной взаимосвязанности обществ во всем мире. Однако ее влияние воспринимается по-разному в разных культурных парадигмах. Проведенный анализ позволил выявить сложное взаимодействие между глобальной и локальной динамикой развития культур, бросая вызов упрощенным нарративам культурной гомогенизации. Анализ идей теоретиков глобализации обогащает дискурс, предоставляя многомерную перспективу влияния глобализации на культурную идентичность, экономическую интеграцию и политический суверенитет. Концепции полуглобализации и CAGE предполагают, что, несмотря на глобальные экономические, политические и культурные обмены, локальные культурные различия остаются влиятельными. Исследования гиперглобализации и модель Мир 3.0 подчеркивают необходимость нюансированного взаимодействия культур под влиянием глобализации, признавая как потенциальные преимущества интеграции, так и важность суверенитета. Понимание глобализации в рамках разных культурных парадигм имеет решающее значение для понимания ее многогранного влияния. Важен сбалансированный подход к глобализации, направленный на модель, которая способствует глобальному процветанию, не принося в жертву культурное разнообразие и национальную автономию.

Ключевые слова: культурная парадигма, глобализация, феномен, потребление, стратегии, гиперглобализация.

Введение

Глобализация является процессом, привнесшим в современную жизнь поток идей, товаров, капитала, имеющего мировой уровень. Подобные масштабные влияния отсутствовали в начале XX века, но сегодня они разворачиваются в пространстве, олицетворяя расширение социально-экономических и культурных взаимодействий, что обусловлено развитием технологий, коммуникаций и инфраструктурных компонентов. Однако глобализационные процессы могут быть по-разному трактованы в пределах разных культурных парадигм, раскрывая сложные процессы культурного сохранения, адаптации и т.д. Диалектика взаимодействия глобальных факторов и региональных культур приводит к разным результатам, которые возникают как ответ на нарративы культурной гомогенизации. В результате наметилась необходимость освещения специфики рассмотрения глобализации в условиях разных культурных парадигм.

Цель исследования – анализ последствий глобализации в горизонте различных культурных парадигм.

Результаты исследования

Глобализация – это процесс усиления глобальной взаимозависимости, проявляющийся в экономической интеграции, технологическом прогрессе, политическом сотрудничестве и культурном обмене. Специфика интерпретации глобализации в философском дискурсе может быть представлена в горизонте различных культурных парадигм, которые можно представить как рамки, сквозь призму которых воспринимают представители общества, интерпретируют собственные культурные практики и ценности. Их специфика обусловлена историческими, социальными факторами. В труде «Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура» [7] авторы определяют особенности глобализации. Соответственно влияние глобализации на культуру можно исследовать через такие основные парадигмы, как гибридизация, гомогенизация и глокализация.

В рамках концепта гибридизации формируется утверждение о том, что глобализационные процессы инициируют процесс смешения культурных элементов разных традиций, в результате чего возникают новые, гибридные культурные формы. Инновационный потенциал смешения культур является базисным принципом, на котором следует акцентировать внимание на таком ракурсе анализа глобализации. Я.Н. Питерс в работе «Глобализация и гибридизация» [9] освещает основные признаки этого процесса. Впоследствии в работе [8] автор акцентирует внимание на подъеме Востока и Юга, что привело к появлению новой географии торговли, экономическим и политическим комбинациям и ослаблению американской гегемонии.

Гомогенизационная парадигма сосредотачивает ракурс на том, что основным признаком глобализации является ее конвергентное влияние на культуры. Происходит распространение американских медийных продуктов, пищи, типа хозяйствования, экономических моделей, в результате чего происходит формирование единой глобальной культуры. Соответственно размываются границы местных культур, традиций, принципов деятель-

ности, что может привести к их уничтожению. Теоретиком, обосновывающим специфику гомогенизации, которая реализовывалась в русле распространения феномена макдональдизации, был Джордж Ритцер. Гомогенизированная культура делает потребление стандартизированным, фактически уничтожая культурную уникальность. Хотя она была присуща сфере питания, однако быстро распространилась из бизнес-сферы на общество в целом [3]. В условиях гомогенизационных воздействий и ожидания и реальное потребительское поведение имеют однообразный и предсказуемый характер.

Социолог Роланд Робертсон предлагает термин «глокализация», объединяющий в себе «глобализацию» и «локализацию», подчеркивая одновременное появление противоположных процессов, возникающих под влиянием смешения культур [1]. Местные культуры адаптируют глобальные тенденции в соответствии с собственными традициями и идентичностями, что приводит к уникальным проявлениям глобального в локальном.

Три базовые философские парадигмы, толкующие влияние глобализации на культурное своеобразие, указывают и на конвергенцию, и на дивергенцию, которая возможна в современном пространстве. Конвергенция проявляется как интегрирование культур в единую гомогенизированную среду, а дивергенция, напротив, в закреплении специфики национального, уникального, что характерно для культуры. Это выявляет сложность глобально-культурной динамики, которая приводит к противоположным культурным изменениям, имеющим инновационный, синтезирующий или регрессивный характер.

Арджун Аппадурай в своих работах формулирует рамки для понимания сложной динамики современной глобальной культурной экономики. Автор описывает, как глобальные культурные потоки ориентируются в новом ландшафте дизъюнктивной глобальной экономики, обозначенном неравномерным и асинхронным потоком культуры, людей, технологий, капитала и идеологий. Исследуя эти компоненты культуры, он предлагает пять измерений глобальных культурных потоков, которые он называет «ландшафтами» или «пространствами» (scape): этнопространство, медиапространство, технопространство, финансовое пространство и идеопространство [6]. В каждом из них обнаруживаются изменения, связанные с изменением определенного вида ландшафта. Так, перемещение беженцев, иммигрантов, туристов через границу, их пребывание в той или иной стране оказывает влияние на социум. Так же циркуляция новостей и информации в медийном пространстве обеспечивает отображение смены нарративов, этнопространства. Не менее активно продвижение технологии (информационных и механических) через границы. Эти измерения человеческой жизнедеятельности, в которых происходит формирование сложного динамического взаимодействия, подкреплены мощными финансовыми потоками, также носят глобальный характер. Все эти составляющие кросс-культурных процессов выявляют конструирование с помощью образов идеологических политических мировоззрений, которые многокомпонентны. Анализ Аппадурай является ключевым для понимания роли воображения в общественной жизни. Он утверждает, что возникают мнимые миры, которые, хотя и зарождаются в конкретных исторических, языковых и политических ситуациях, выходят за пределы традиционных границ, создавая новые возможности для идентичности и социальных движений. Такой ракурс видения глобализации обуславливает значение воображения для производства и потребления глобальных культурных форм. Причем в системе Аппадурай оказывается, что такие противоположные

феномены, как локальное и глобальное, являются неотъемлемыми компонентами глобализации, а наиболее выразительной парой противоположных категорий является территориальное – детерриториализованное.

Манфред Стигер в работе «Глобализация: краткое вступление» предлагает краткий обзор явления глобализации, которая изображается как сложный процесс, характеризующийся интенсификацией глобальных взаимодействий и взаимозависимостей [10]. В отличие от ряда других авторов, Стигер указывает на глубокие исторические корни глобализации, подчеркивая ее не новейшее происхождение, а существенное эволюционирование с течением времени, что и выразило ее в последние годы вследствие ускорения технологического процесса и политических изменений. Многомерный характер глобализации проявляется в экономическом, политическом, культурном и экологическом измерениях. Спецификой глобализации является ее неравномерность, когда выгоды и издержки распределяются не одинаково между разными обществами.

Формирование глобального рынка, развитие транснациональных корпораций и финансовых потоков сопровождаются изменениями в политическом секторе, где возникают наднациональные институты. Стигер критикует неолиберальную экономическую политику и ее влияние на глобальное неравенство и социальное благополучие, отмечая изменения в политической власти под влиянием глобализации. Стигер указывает и на гомогенизирующее влияние глобальной культуры, и на сохранение культурного разнообразия и гибридности [10]. Подчеркнута двойственность подхода, ведь распространение культурных продуктов через границы приводит к определенному уровню гомогенизации, когда доминирующие культуры влияют на менее мощные. С другой стороны, существует устойчивая сохранность культурного разнообразия и гибридности, когда местные культуры адаптируются и сочетают эти глобальные влияния со своими исконными практиками, создавая уникальные гибридные формы.

Гомогенизирующее влияние глобализации на культуру иллюстрируется распространением американских или западных СМИ, образа жизни, что приводит к монолитной глобальной культуре. В противоположность нарративу о культурной гомогенизации, Стигер подчеркивает устойчивость локальных культур и появление гибридных культурных форм. Этот аспект глобализации показывает, что культурные обмены не являются однонаправленными, а скорее включают сложные взаимодействия между глобальными и местными силами. Местные общины активно взаимодействуют с глобальными культурными потоками. Этот процесс подчеркивает активность местных общин в глобальных культурных обменах и бросает вызов понятию пассивного культурного потребления.

Гибридность становится ключевым понятием в понимании культурного измерения глобализации, отражая способы, посредством которых культуры частично взаимодействуют и влияют друг на друга, что приводит к инновационным сочетаниям языков, новым кулинарным традициям, музыкальным стилям и моде. Это динамическое взаимодействие обогащает мировую культуру, способствуя ее разнообразию. Взаимодействие между гомогенизирующим влиянием глобальной культуры и сохранением культурного разнообразия и гибридности имеет последствия для культурной идентичности, ведь глобализация способствует появлению транскультурной идентичности, когда отдельные личности и сообщества идентифицируют себя с разными культурами и соответственно их элементы влияют на самосознание. Это может способствовать межкультурному пониманию и толерантности,

но также задает вопрос сохранения традиционных культурных идентичностей. Стигер вводит понятие «глобализм» – идеологию, которая рассматривает глобализацию как неизбежный и полезный процесс, однако она представлена в его концепции как имеющая отрицательный характер [10].

В работе Джозефа Э. Стиглица [5] осуществляется обзор процессов и политики глобальной экономической интеграции и роль международных экономических институций (МЭИ), в частности Международного валютного фонда (МВФ). Стиглиц утверждает, что глобализация может быть положительной силой для мира, но ее преимущества пока не реализуются из-за неудач в управлении МВФ и другими международными финансовыми организациями [5]. Эти институты не смогли эффективно урегулировать кризисы, нанесли ущерб развитию бедных стран и неправильно руководили переходом от плановой к рыночной экономике. Политика, одобренная МВФ и другими институтами, часто называемая Вашингтонским консенсусом (с акцентом на фискальную экономию, приватизацию и либерализацию рынков), стала самоцелью, а не средством для более справедливого и устойчивого роста. Стиглиц утверждает, что эта политика, внедренная быстро и без учета местного контекста, усилила неравенство и может подорвать потенциальные выгоды от глобализации.

Стиглиц использует такой пример, как кризис в Восточной Азии, чтобы проиллюстрировать неудачи политики МВФ. По его мнению, преждевременная финансовая либерализация, поощряемая МВФ, привела к нестабильности. В таких регионах, как Китай и Малайзия, которые придерживались более осторожных, постепенных подходов к экономическим реформам и либерализации все вышло на более высокий уровень [5]. Джозеф Стиглиц выступает за значительные реформы в управлении и политических подходах МВФ и других МФО. Он предлагает сосредоточиться на антикризисном управлении, совершенствовании банковского регулирования, более взвешенном управлении потоками капитала, развитии систем социальной защиты и создании институтов, которые лучше отражали бы интересы и потребности развивающихся стран. Необходима прозрачность и подотчетность в рамках международных институтов, ведь открытые дебаты и общественный контроль необходимы для их реформирования и повышения эффективности глобализации для всего человечества.

В течение последних сорока лет процесс глобализации приобрел такой размах, что все чаще стали отмечать выход на уровень гиперглобализации. Д. Родрик в работе [4] формулирует так называемую «Политическую трилемму мировой экономики». Родрик предполагает, что мы не можем одновременно добиться гиперглобализации, национального суверенитета и демократического управления в полной мере. Максимум две из этих трех целей могут быть реализованы вместе. Эта трилема показывает фундаментальную несовместимость между глубокой экономической интеграцией (гиперглобализацией) и демократическим процессом в контексте развития суверенных национальных государств.

Родрик использует экономический кризис в Аргентине в 1990-х и начале 2000-х годов в качестве примера для иллюстрации этой трилеммы. Попытка страны принять гиперглобализацию из-за строгой монетарной политики и открытости к международным рынкам сначала принесла стабильность и рост, но в конце концов привела к разрушительному экономическому коллапсу. Этот крах отчасти явился следствием напряженности между поддержкой глобальной экономической стратегии и удовлетворением внутренних политических и эко-

номических потребностей [4]. Опыт Аргентины подчеркивает сложность поддержки глубочайшей глобальной экономической интеграции без подрыва государственного суверенитета либо демократических действий.

Трилема предполагает три возможных сценария. Согласно первому гиперглобализации и демократии будет принесен в жертву национальный суверенитет, что потребует такой формы глобального управления, при которой международные институты будут иметь значительные регуляторные и нормотворческие полномочия, ограничивая автономию национальных правительств. Второй сценарий связан с процветанием гиперглобализации и государственного суверенитета, во время которого приносят в жертву демократию. В этом сценарии страны придают приоритет глобальной экономической интеграции и национальной автономии над демократическими процессами, что приводит к уменьшению влияния общественности на экономическую политику.

Третий сценарий свидетельствует о поражении гиперглобализации, когда есть необходимость ее принесения в жертву демократии и национальному суверенитету. Этот подход напоминает Бреттон-Вудскую систему, позволяющую странам проводить свою экономическую политику при сохранении демократического управления, но с меньшим акцентом на глубокую экономическую интеграцию. Родрик отстаивает право на жизнь третьего варианта, выступая за форму «умной глобализации», поддерживающую национальные демократические процессы и допускающую разнообразие во внутренней экономической политике. Он предполагает, что стремление к гиперглобализации часто ставит во главу угла интересы транснациональных корпораций и финансовых институтов в ущерб более широким социальным и экономическим целям, создавая напряженность в отношении демократических идеалов и национальных приоритетов. Наконец, Родрик призывает к переоценке глобальной экономической политики, чтобы обеспечить ее совместимость с принципами демократии и национального суверенитета. Он отмечает необходимость международного сотрудничества институтов, которые уважают и поддерживают разнообразные подходы к экономическому развитию и управлению, а не навязывают универсальную модель гиперглобализации [4].

В работе Панкаджа Гемавата [2] представлены взгляды на глобализацию и ее влияние на мировую экономику. Гемават утверждает, что не может быть полностью глобализованного мира, но он предполагает, что мы живем в состоянии «полуглобализации», где культурные, административные, географические и экономические различия (концепция CAGE) все еще оказывают существенное влияние на глобальное взаимодействие. Гемават предлагает сбалансированный подход к глобализации под названием «Мир 3.0», предусматривающий углубление рыночной интеграции наряду с более эффективным регулированием для преодоления рыночных провалов. Гемават указывает, что текущий уровень глобализации составляет лишь от 10 до 25%, что свидетельствует о существенных различиях между странами, играющими существенную роль. В частности, Мир 3.0 является конструктом будущего, в котором преимущества усиления рыночной интеграции могут быть реализованы без ослабления экономического регулирования. Этот подход контрастирует с предыдущими фазами глобализации, которые либо не имели интеграции (Мир 0.0 и Мир 1.0), либо предполагали полную интеграцию (Мир 2.0) [2]. По мнению Гемавата, концентрация рыночной власти, глобальные внешние эффекты и влияние на рынки труда не являются следствием глобализации и могут быть уменьшены за счет большего сотрудниче-

ства и более разумной интеграции. Собственно, данная работа побуждает переосмыслить общеизвестные тезисы и рассмотреть более нюансированный подход к глобальной интеграции, который признает важность различий и одновременно исследует потенциал для большего сотрудничества и регулирования для повышения глобального процветания.

Заключение

Исследование глобализации в контексте различных культурных парадигм предлагает понимание того, как глобализационные процессы интерпретируются исследователями. Анализ в нескольких плоскостях – гибридации, гомогенизации и глокализации – раскрывает сложную динамику глобальных и локальных взаимодействий, бросая вызов упрощенным нарративам культурной гомогенизации. Привлечение идей теоретиков глобализации обогащает дискурс, предоставляя многомерную перспективу влияния глобализации на культурную идентичность, экономическую интеграцию и политический суверенитет.

Концепция полуглобализации и концепция CAGE предполагают, что, несмотря на глобальный охват экономических, политических и культурных обменов, локальные культурные различия остаются влиятельными. Исследование гиперглобализации и предложенной модели «Мир 3.0» подчеркивает необходимость взвешенного взаимодействия с глобализацией, признающей потенциальные выгоды от усиления интеграции, а также важность регулирования, суверенитета и демократических процессов.

Подчеркнута важность рассмотрения глобализации в аспекте разных культурных парадигм для всестороннего понимания ее многогранного влияния. Важен такой конструкт будущего, в котором глобализацией будут руководить, осознавая ее сложности, стремясь к модели, которая будет способствовать всеобщему процветанию, не принося в жертву культурное разнообразие, национальную автономию или демократическое управление. В то время как мир борется с вызовами и возможностями глобализации, нужно конструировать философско-мировоззренческие стратегии, способствующие более инклюзивному, справедливому и устоявшемуся глобальному порядку.

Литература

1. Донских С.В. Теория глокализации и проблема сущности локальной культуры // *Философия и социальные науки*. 2012. № 1/2. С. 4–8.
2. Панкадж Гемават. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. М.: Альпина-Пресс. 2013. 416 с.
3. Ритцер Дж. Макдольдизация общества 5 / пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис. 2011. 592 с.
4. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики: пер. с англ. М.: Ин-т Гайдара. 2014. 567 с.
5. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. Г.Г. Пирогова. – М.: Национальный общественно-научный фонд. 2003. 304 с.
6. Фурс В. Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации. 2003. т. 3, № 4. С. 57–66
7. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура. М.: Праксис. 2004. 576 с.
8. Nederveen Pieterse J. Global rebalancing: Crisis and the East-South turn // *Development a. change*. Oxford; Malden. 2011. Vol. 42(1). pp. 22–48.
9. Nederveen Pieterse J. Globalization as hybridization // *Globalization: Critical concepts in sociology* / Ed. by Robertson R. and White K. Vol. 1. L.; N.Y.: Routledge. 2004. pp. 265–290.
10. Steger M. *Globalization: A Very Short Introduction*. Sixth Edition. – Oxford University Press. 2023. 192 p.

REFLECTION OF THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION IN CULTURAL PARADIGMS

Kozlov V.I.

Volgograd Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics

Globalization has led to unprecedented interconnectedness of societies around the world. However, its influence is perceived differently in different cultural paradigms. The analysis revealed the complex interplay between global and local cultural dynamics, challenging simplistic narratives of cultural homogenization. An analysis of the ideas of globalization theorists enriches the discourse by providing a multidimensional perspective on the impact of globalization on cultural identity, economic integration and political sovereignty. The concepts of semi-globalization and CAGE suggest that despite global economic, political and cultural exchanges, local cultural differences remain influential. Research on hyperglobalization and the World 3.0 model emphasize the need for nuanced interactions between cultures under the influence of globalization, recognizing both the potential benefits of integration and the importance of sovereignty. Understanding globalization within different cultural paradigms is critical to understanding its multifaceted impact. What is important is a balanced approach to globalization, aimed at a model that promotes global prosperity without sacrificing cultural diversity and national autonomy.

Keywords: cultural paradigm, globalization, phenomenon, consumption, strategies, hyperglobalization.

References

1. Donskikh S.V. The theory of glocalization and the problem of the essence of local culture // *Philosophy and social sciences*. 2012. No. 1/2. pp. 4–8.
2. Pankaj Ghemawat. *World 3.0: Global integration without barriers*. M.: Alpina-Press. 2013. 416 p.
3. Ritzer J. *McDoldization of Society 5* / trans. from English A.V. Lazarev. M.: Praxis. 2011. 592 p.
4. Rodrik D. The paradox of globalization: democracy and the future of the world economy: trans. from English M.: Gaidar Institute. 2014. 567 p.
5. Stiglitz J. Yu. *Globalization: alarming trends* / Transl. from English G.G. Pirogova. – M.: National Social Science Foundation. 2003. 304 p.
6. Furs V. Arjun Appadurai. “Modernity” in the open: cultural dimensions of globalization. 2003. vol. 3, no. 4. pp. 57–66
7. Held D., Goldblatt D., McGrew E., Perraton D. *Global transformations: Politics, economics and culture*. M.: Praxis. 2004. 576 p.
8. Nederveen Pieterse J. *Global rebalancing: Crisis and the East-South turn* // *Development a. change*. Oxford; Malden. 2011. Vol. 42(1). pp. 22–48.
9. Nederveen Pieterse J. *Globalization as hybridization* // *Globalization: Critical concepts in sociology* / Ed. by Robertson R. and White K. Vol. 1.L.; N.Y.: Routledge. 2004. pp. 265–290.
10. Steger M. *Globalization: A Very Short Introduction*. Sixth Edition. – Oxford University Press. 2023. 192 p.

Цивилизационная безопасность России в контексте формирования системы евразийской безопасности

Лепехин Владимир Анатольевич,

к.ф.н., председатель правления Института ЕАЭС, вице-президент Академии геополитических проблем, заместитель председателя Московского отделения Российского философского общества
E-mail: vlepehin2015@yandex.ru

В статье в контекст исследования и обсуждения проблематики обеспечения цивилизационной безопасности России вводится такое понятие, как «евразийское разделение труда», которое автор соотносит с такой политической категорией (активно продвигаемой сегодня президентом РФ Владимиром Путиным), как «система евразийской безопасности». В статье подробно рассматриваются основные факторы обеспечения коллективной безопасности на постсоветском пространстве, в том числе – в политэкономическом, политологическом и историческом аспектах.

Автор статьи подчеркивает актуальность формирования при самом активном участии России и на базе Евразийского экономического союза евразийской зоны разделения труда и формирования на этой основе системы евразийской коллективной безопасности.

Ключевые слова: российская цивилизация, Евразийский экономический союз, евразийская зона разделения труда, зона свободной торговли, цивилизационная безопасность, система евразийской коллективной безопасности, стратегия развития, национальная модель экономики, национальный суверенитет.

Конференция в Бюргенштоке (Швейцария) по Украине в июне 2024 года, в которой приняли участие практически все западные страны, но отказались принимать участие или не подписали итоговую резолюцию Конференции большинство крупных стран Азии, Африки и Латинской Америки (Китай, Индия, Иран, Бразилия, Пакистан, Индонезия, Вьетнам, Таиланд, Мексика, ЮАР и проч.), а также большая часть постсоветских стран, фактически расколола мир надвое. Европа и США подтвердили свой курс на формирование мировой гегемонии Запада и нивелирование роли ООН как консенсусной структуры планетарного масштаба; соответственно, большая часть не-западных суверенных стран продемонстрировали свое несогласие с данным курсом. Ну а «яблоком раздора» стала Россия, оказавшаяся не просто в центре данного события и триггером данного размежевания, но своего рода квинтэссенцией нарастающих противоречий между двумя субглобальными сущностями – условно «западной» и условно «восточной».

Находящаяся разом и практически в равной степени на двух континентах – и в Европе, и в Азии, современная Россия являет собой практическое воплощение образа орла с двумя головами, смотрящими в разные стороны. С одной стороны, Россия ведет военные действия против устремившейся в НАТО Украины и, в связи с этим, противостоит военным путем Североатлантическому альянсу и всему Западу, с другой – добровольно реализует внутри себя глобальную (то есть западную) повестку дня с её курсом на продвижение монетаристской политики в экономике и социальной сфере, трансгуманизма в политике, цифровизации рубля и контроля за гражданами, мультикультурализма, «ювеналки», «дистанционки», «толерантности», «климатической» повестки и проч.

Разумеется, подобную «двойственность», которую можно охарактеризовать как затянувшуюся внутри- и внешнеполитическую шизофрению постсоветских «элит», следует преодолеть. Для чего следует обратиться с причинами этой самой шизофрении и ее источником.

Распад Советского Союза в декабре 1991 года стал следствием не только работы западных спецслужб, но и внутреннего системного кризиса: начавшейся в СССР деградации системы государственного управления, глубокого кризиса в экономике страны, коллапса официальной идеологии, разложения политической системы и нарастающих проблем в области внешней политики и международных отношений.

С нашей точки зрения, всем этим кризисным процессам предшествовали вырождение правящей элиты (как монополюбно правящей группы) и, как следствие, идейно-мотивационный кризис в головах руководителей СССР и прежде всего – верхушки КПСС и КГБ. Вожди и идеологи Компартии не распознали нарастающих внешних и внутренних вызовов и угроз так называемому «социалистическому строю», не захотели что-либо менять в системе управления государством, оказавшись в итоге не готовыми КОНЦЕПТУАЛЬНО к адекватной реакции на названные вызовы и игре на опережение. А органы безопасности – после того, как председатель КГБ СССР Юрий Андропов стал генеральным секретарем ЦК

КПСС, – увлеклись захватом властных позиций в системе высшего государственного и партийного управления, ослабив работу на должных для себя направлениях – предупреждения враждебных действий со стороны геополитических противников и соответствующего обеспечения национальной безопасности.

Одним из первых результатов идейно-мотивационного кризиса, с которым столкнулся СССР в период правления Н.С. Хрущева, а затем и «раннего Брежнева», то есть еще в 1960-е годы XX века, стал разворот руководства страны в сторону «конструктивного» взаимодействия с Западом, то есть, в сущности, в сторону наращивания потребления. «Мирное» время требовало замирения систем капитализма и социализма, однако же Л.И. Брежнев, А.И. Громыко и некоторые другие руководители страны чрезмерно увлеклись процессом налаживания отношений со странами Запада (продвижением соглашений о «мирном сосуществовании СССР и США»), проигнорировав важнейшее предупреждение И.В. Сталина, высказанное им в одной из последних своих теоретических работ «Экономические проблемы социализма в СССР», а именно – тезис о том, что мирное сосуществование мировых систем социализма и капитализма невозможно в силу агрессивного характера последнего [1, с. 222].

Понятно, что Советский Союз стремился выйти из состояния «холодной войны» с Западом, однако 40-летняя автаркия и приверженность марксистской догматике, похоже, сыграли с руководством СССР злую шутку. Обсуждая варианты и направления более тесного экономического сотрудничества со странами Запада и, в первую очередь, с государствами Европы, руководство КПСС, не имея собственной внятной концепции экономического развития, вошла в союз с рядом европейских стран на их условиях.

Главное условие потенциальных, а затем и реальных экономических партнеров СССР сводилось к предложению советской стороне поставлять в страны Европы сырье по «согласованным» ценам: нефть, газ, металлы, золото, алмазы, зерно, лес-кругляк, уран, удобрения и т.п. – в обмен на товары массового спроса и оборудование для добывающих отраслей. Соответственно, первым же крупным договором стало соглашение «Газ – трубы» между СССР и Германией (в 1970-ом году), в преддверии подписания которого Советский Союз начал осваивать месторождения нефти и газа в Западной Сибири и строить за свой счет трубопроводы в Европу. Первый трубопровод (нефтяной) – «Дружба» – сделал первую прокачку в 1964 году, второй (газовый) – «Уренгой-Помары-Ужгород» – вступил в действие в 1983 году.

Таким образом, **в систему взаимоотношений СССР и стран Западной Европы (Европейского Союза) были изначально заложены две большие системные «мины»**, на которых сначала подорвался СССР, а затем – уже в 2014-ом и в 2022-ом гг. – новая Россия.

Первая «мина» (мы называем её «миной подрыва безопасности») была связана с тем, что в СССР в 1970-е годы сформировалась мощная прослойка специалистов в области внешней торговли (за коей приглядывали прикрепленные к ним и впоследствии слившиеся с ними в единый коммерческий конгломерат сотрудники КГБ), которая постепенно встала над законом, над официальной идеологией, получила доступ к валюте, к импортным товарам (в условиях их дефицита в СССР), к контактам с зарубежными коммерсантами и спецслужбами и проч. И эта «мина» взорвалась в «перестройку», когда образовавшиеся, укрепившиеся и трансформировавшиеся на внешней торговле торгово-силовые кланы, став в РФ

основным субъектом либеральных прозападных перемен, в начале 90-х гг. прошлого века сначала поставили под контроль советскую прессу и дискредитировали КПСС и советский строй, затем организовали «либертарианскую» революцию (в августе 1991 года) и ликвидировали Компартию, а вслед за ней и СССР, после чего приватизировали в свою пользу и в пользу своих зарубежных коммерческих партнеров практически все прибыльные и дееспособные российские активы.

Вторая «мина» (мы называем её «миной ущербного разделения труда») связана с порочной и убыточной для СССР-РФ формулой интеграции советско-российской экономики в общеевропейское разделение труда.

В сущности, в **1970-ом году СССР по факту вошел в западно-европейскую систему разделения труда, в которой занял невыгодную для себя позицию периферийного поставщика в Европу дешевого сырья**. Это предопределило неэквивалентный обмен между СССР и Европой поставляемыми друг другу товарами, вывоз из СССР, а затем и из России добавленной стоимости и, по сути, рост эксплуатации Западом советских людей. Подобный тип экономического взаимодействия предопределил также нарастающий сырьевой уклон российской экономики на долгие годы вперед, (неоколониальную) сверхзависимость советской, а затем и российской экономики от европейских рынков (диктующих продавцу продажную цену на поставляемое сырье), а также от целого ряда транзитных государств: от Украины, Белоруссии, Молдовы, стран Балтии, Польши, Турции, Болгарии и т.п. И эта «мина» начала взрываться по мере ухудшения отношений России с Молдовой, Украиной, Польшей и далее, после чего буквальным взрывом стали диверсии западных спецслужб в сентябре 2022 года в Балтийском море против трубопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2».

Таким образом, в конце 2022 года многим в России стало абсолютно очевидно, что эпоха «мирного сосуществования» и плодотворного экономического сотрудничества между РФ и странами Европейского Союза закончилась. Соответственно идеология «Большой Европы от Владивостока до Лиссабона», продвигаемая с нулевых или даже с 90-х годов руководством новой России, провалилась. Однако провал изначально ущербной для нашей страны идеологии и экономической стратегии «Большой Европы» с Россией на задворках не означает, что у Российской Федерации и ее постсоветских партнеров не может быть альтернативного варианта экономического развития.

Альтернативный вариант, как мы полагаем, связан с формированием Россией своей собственной, евразийской зоны разделения труда как базового условия достижения реальной суверенности.

Контуры этой зоны обозначил, как известно, еще в 1994 году президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, который предложил создать Евразийский экономический союз на базе, как минимум, двух государств – Казахстана и России. И это был весьма дальновидный шаг, суть и перспективы которого лидеры ряда постсоветских стран начинают понимать только сейчас – после введения против России и – косвенно – против многих её партнеров экономических санкций Запада.

В принципе, сегодня становится понятным, что если бы руководство России и ряда других стран (Белоруссии, Казахстана, Украины, Грузии, Армении и т.п.) еще в 1990-е годы прошлого века коллективно и консолидировано запустили бы проект формирования Евразийского экономического союза не просто как системы сохранения постсоветских народно-хозяйственных связей, но **как проект формирования собственной евразийской**

зийской зоны разделения труда с вовлечением в неё не только постсоветских стран, но и, к примеру, государств соседнего Юга (Сирии, Ирана, Ирака, Монголии и т.п.), сегодня ситуация на евразийском пространстве могла бы быть иной.

Становится понятным, что за основу экономической стратегии новой России (и других постсоветских стран) еще в 90-е годы следовало взять **НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ**, первоочередной задачей которых должно было стать достижение суверенитета и самодостаточности, а не оголтелая «интеграция в цивилизованный мир», оказавшаяся на деле системным разграблением названных стран в пользу Запада.

В этом случае, возможно, Украина и Грузия не стали бы врагами России; Молдова, возможно, не устремилась бы в Румынию; плюс не случилось бы в 2020-ом году войны между Азербайджаном и Арменией и последующей Арцахской трагедии.

Понятно, что сегодня – как говорят на Кавказе – «поздно пить «Боржоми» и искать виноватых. Однако объективная оценка упущенных возможностей необходима нам уже хотя бы потому, что подобная оценка и объективный анализ случившегося могут помочь всем заинтересованным сторонам найти способы исправления допущенных ошибок и наметить на этой основе план дальнейших действий.

С нашей точки зрения, наибольшая вина за недавнюю новизну, нерешительность и неспособность жить своим умом и сформировать в итоге уже в 1990-е годы собственный конкурентоспособный, самодостаточный и полноценный Экономический союз в Северной Евразии, вне всякого сомнения, лежит на России, как на центральном и самом большом государстве рассматриваемой территории, без которого в евразийском пространстве невозможен ни один интеграционный проект цивилизационного масштаба... Впрочем, непонимание истинного значения экономической интеграции до сих пор характерно практически для всех элит стран – членов ЕАЭС... Может быть поэтому процесс единения постсоветских государств не единожды буксовал, после чего менял свой формат и состав участников: сначала это был Таможенный Союз Белоруссии, Казахстана и России, затем Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС), и наконец, в 2015 году был сформирован Евразийский экономический Союз (ЕАЭС).

Такая смена аббревиатур и аппаратные переупаковки одной и той же сущности всякий раз призвана была придать постсоветским странам дополнительный импульс к активизации сотрудничества, но интенсификация процесса единения этих государств (за исключением Белоруссии и России, которые пошли на создание Союзного государства РБ и РФ) до сих пор не произошло. Напротив, к 2023 году возникла угроза распада ЕАЭС в виду начала движения Армении в сторону Евросоюза, а Казахстана – в сторону от РФ.

С другой стороны, по состоянию на 2024 год далеко не все возможности евразийской интеграции упущены, шансы на развитие ЕАЭС еще есть и, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Еще в 2015-м году Владимир Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ заявил **о необходимости формирования Большого евразийского партнерства** [2]. И в последующем он повторял данный тезис из года в год [3] И в целом Евразийский экономический союз (ЕАЭС) с момента своего создания так и развивался – как экономическое партнерство ряда постсоветских стран и даже как Зона свободной торговли (пространство «четырёх свобод»: труда, капитала, товаров и рабочей силы), но, увы, не как суверенная и само-

достаточная Зона разделения труда (ЗРТ) и альтернатива конкурентным экономическим союзам и зонам, в том числе – Евросоюзу и общеевропейской ЗРТ, в которой уже тогда, в 2015 году отчетливо обозначился кризис жанра [4]. Наверное, по этой причине многие планы ЕАЭС (например, план создания к 2025 году единого евразийского финансового пространства и единой евразийской валюты), разработанные и продвигаемые аппаратом ЕЭК, остаются в основном на бумаге.

Понятно, что вплоть до недавнего времени приоритетным проектом для российского руководства был проект «Большая Европа», в отношении же проекта «Большой Евразии» (ЕАЭС) стояла задача как-то увязать его с названным приоритетом, равно как нормативную базу ЕАЭС и экономические интересы стран-участников Союза нужно было увязать с нормами международного права и требованиями ВТО. Разумеется, подобная задача в духе «и вашим, и нашим» была обречена на провал. (Шизофрения лечится только одним способом – в сознании имярека жестко фиксируется только одно и подлинное «я»)... Но теперь пришло время отделить «мух от котлет» и осознать объективную потребность России и ряда других постсоветских стран в модернизации Евразийского экономического союза как союза цивилизационного, сориентированного на совместное и суверенное саморазвитие стран-участников.

Летом 2024 года российское руководство среагировало на эту потребность, обосновав необходимость актуализации процесса евразийского единения прежде всего через решение задачи обеспечения БЕЗОПАСНОСТИ на постсоветской территории.

В конце июня т.г. в ходе ряда встреч (например, 14 июня во время встречи с руководством МИД РФ и 21 июня на встрече с выпускниками вузов России) **президент РФ Владимир Путин заявил о необходимости создания единой системы ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ** [5].

По факту, в ситуации ужесточения экономических санкций по отношению к РФ, проведения Россией Специальной военной операции на Украине, шаткого перемирия между Арменией и Азербайджаном на Южном Кавказе, а также целого ряда гражданских конфликтов на постсоветском пространстве (в Грузии и Молдове) и даже геноцида (в Арцахе) вопрос безопасности (в самом широком смысле) постсоветских стран и народов выходит на первый план. С другой стороны, в подобной инициативе президента РФ именно сейчас имеются немалые риски. В частности, в ситуации нарастания в России внутренних проблем переключение внимания российского руководства на внешнеполитические инициативы в духе придания очередного импульса евразийским объединительным процессам может закончиться окончательной дискредитацией идеи «Большой Евразии». (Грубо говоря, чтобы проект формирования системы евразийской безопасности состоялся, Россия обязана победить в СВО, достойно противостоять НАТО, после чего начать реальное движение в сторону суверенного развития). В любом случае президент РФ не предложил пока ничего конкретного – ни создания ОБСЕА в альтернативу ОБСЕ, ни создание с участием таких стран, как Китай, Индия, Иран, Вьетнам, Пакистан, Казахстан, КСА и т.п., Евразийского суда, ни хотя бы создания Парламентской ассамблеи евразийских стран (ПАЕС) в альтернативу ПАСЕ и Евразийской организации здравоохранения (ЕОЗ) в альтернативу ВОЗ [6]. Хотя, казалось бы, понятно, что коллективная система безопасности требует наличия у участников создания этой системы единой и согласованной «евразийской повестки дня» – в альтернативу глобальной повестке, которая навязывается сегод-

ня всем суверенным государствам, с соответствующим инфраструктурным, финансовым и информационным её сопровождением.

Вместе с тем, **ряд предложений российского президента явно рассчитаны «на вырост», на перспективу.**

Во-первых, идея Владимира Путина ставится как предложение начать широкое обсуждение новой системы двусторонних и многосторонних гарантий коллективной безопасности в Евразии.

Во-вторых, для продвижения идеи системы коллективной безопасности нужно активировать диалоговый процесс между уже работающими в Евразии многосторонними организациями – Союзным государством, ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, ШОС и другими.

И в-третьих, по мнению президента России, в перспективе надо вести дело к постепенному сворачиванию **военного присутствия внешних держав** в евразийском регионе. (Например, убрать военные базы США из Японии, Южной Кореи, Турции и т.п.)

Владимир Путин напомнил, что в конце 2021 года Россия предлагала США и странам Запада заключить договор о гарантиях безопасности, и это предложение остается в силе. Помимо этого Москва поддерживает идею Минска разработать **Хартию многополярности и многообразия в XXI веке**. «В ней можно сформулировать не только рамочные принципы евразийской архитектуры с опорой на базовые нормы международного права, но и в более широком плане стратегическое видение сущности природы многополярности и многосторонности как новой системы международных отношений, приходящей на смену западоцентричному миру» [7], – отметил президент России.

Хочется надеяться, что названная инициатива главы РФ на этот раз получит продолжение в конкретных действиях российского руководства и в решениях стран-партнеров, а также в реконструкции аппарата ЕЭК и других интеграционных структур и их насыщении новым содержанием. При этом нужно понимать, что идея формирования системы евразийской безопасности имеет перспективы только в том случае, если она получит поддержку со стороны других стран: на первом этапе стран-членов ЕАЭС, на втором – СНГ, ШОС, БРИКС, ЛАГ, etc.

Идея подобного масштаба не может быть реализована, если в настоящее время в пространстве основных интеграционных структур (и прежде всего – в пространстве ЕАЭС) имеются разногласия и сложности во взаимоотношениях между основными участниками: например, между Россией и Арменией, Россией и Казахстаном, а также между потенциальными странами-партнерами будущей евразийской ЗРТ: например, между Арменией и Азербайджаном, Россией и Грузией, Ираном и Турцией, Турцией и Сирией, Кыргызстаном и Таджикистаном, Китаем и Индией, Индией и Пакистаном и т.п. Более того: вся Северная Евразия и значительная часть Юго-Западной Евразии находятся сегодня в зоне повышенной опасности в связи с военными действиями на Украине и в Палестине. В любом случае идеи и планы формирования и единой евразийской зоны разделения труда, и евразийской системы коллективной безопасности – это то, что должно стать основным содержанием МИД РФ и иных государственных институтов России на ближайшее десятилетие.

Литература

1. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. – М., 1952. – 222 С.

2. Главные слова послания президента Федеральному Собранию – РИА Новости, 03.12.2015 (ria.ru)
3. Путин заявил, что большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом – ТАСС (tass.ru); См. также здесь – О российской инициативе Большого Евразийского партнерства – Министерство иностранных дел Российской Федерации (mid.ru).
4. У британских стратегов возникла идея выйти из Евросоюза (чтобы не нести ответственности за бредовые решения Совета Европы и не накладывать на себя коллективные обязательства), и воспользоваться по максимуму своим привилегированным положением в европейской ЗРТ – как управляющего сегмента.
5. Путин предложил создать новую систему безопасности в Евразии – РБК (rbc.ru).
6. Возглавляемый автором этих строк с 2010 года «Институт ЕАЭС» продвигает все эти «структурные» предложения с 2011–2012 гг., но пока бесполезно: МИД РФ и иные структуры, ответственные за проведение внешнеполитической стратегии России по-прежнему спят.
7. Путин предложил создать новую систему безопасности в Евразии – РБК (rbc.ru).

RUSSIA'S CIVILIZATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE EURASIAN SECURITY SYSTEM

Lepekhin V.A.

NPP Institute, Academy of Geopolitical Problems, Moscow Branch of the Russian Philosophical Society

In this article, in the context of research and discussion of the problems of ensuring the civilizational security of Russia, such a concept as the “Eurasian division of labor” is introduced, which the author correlates with such a political category (actively promoted today by Russian President Vladimir Putin) as the “Eurasian security system”. The article discusses in detail the main factors of ensuring.

The author of the article emphasizes the urgency of forming, with the most active participation of Russia and on the basis of the Eurasian Economic Union, the Eurasian zone of division of labor and the formation of the Eurasian collective security system on this basis.

Keywords: Russian civilization, Eurasian Economic Union, Eurasian division of labor zone, free trade zone, civilizational security, Eurasian collective security system, development strategy, national economic model, national sovereignty.

References

1. Stalin I. Economic Problems of Socialism in the USSR. – M., 1952. – 222 p.
2. Key Words of the President's Address to the Federal Assembly – RIA Novosti, 03.12.2015 (ria.ru)
3. Putin Said that the Greater Eurasian Partnership Could Become a Civilizational Project – TASS (tass.ru); See also here – About the Russian Initiative of the Greater Eurasian Partnership – Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (mid.ru).
4. British strategists came up with the idea of leaving the European Union (in order not to bear responsibility for the crazy decisions of the Council of Europe and not to impose collective obligations on themselves), and to take maximum advantage of their privileged position in the European ZRT – as a governing segment.
5. Putin Proposed Creating a New Security System in Eurasia – RBC (rbc.ru).
6. The “EAEU Institute,” headed by the author of these lines since 2010, has been promoting all these “structural” proposals since 2011–2012, but so far it has been useless: the Russian Foreign Ministry and other structures responsible for implementing Russia's foreign policy strategy are still asleep.
7. Putin proposed creating a new security system in Eurasia – RBC (rbc.ru).

Влияние политической активности молодежи на повышение популярности ультраправых сил: на примере выборов в Европарламент в июне 2024 года

Болдырев Марк Олегович,

магистр кафедры теории и истории международных отношений Факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: markb@mail.ru

В работе рассматривается динамика политической поддержки среди европейской молодежи с заострением внимания на значительном сдвиге в сторону ультраправых партий, наблюдавшемся во время выборов в Европейский парламент в июне 2024 года. Основная цель – выявить факторы, обусловившие этот сдвиг, и понять социально-экономический и политический контекст, влияющий на молодых избирателей. В работе выдвинута гипотеза о том, что экономическая незащищенность и эффективное использование социальных сетей крайне правыми партиями являются ключевыми факторами, определяющими этот политический сдвиг. Методология включает в себя смешанный подход, сочетающий количественный анализ данных о выборах и оценки научных центров в различных европейских странах. Результаты показывают, что значительная часть молодого электората разочаровалась в традиционных партиях и тяготеет к ультраправой риторике, затрагивающей вопросы экономического и социального неблагополучия. Данное исследование предоставляет критический взгляд на меняющийся политический ландшафт Европы и подчеркивает насущную необходимость для традиционных партий учитывать проблемы молодых поколений.

Ключевые слова: Жордан Барделла, Герт Вилдерс, выборы, Национальное объединение, ультраправые, Альтернатива для Германии, молодежь, Европейский Союз.

Недавние июньские выборы в Европейский парламент продемонстрировали значительные изменения в политическом ландшафте, особенно со стороны молодых избирателей. Несмотря на прогнозы, что молодежь Европы не допустит всплеска ультраправых сил (как она сделала это в 2019 году), произошло обратное. В этом году крайне правые партии добились исторических успехов, не оставив шанса правящим кругам в таких крупных странах, как Франция и Германия [14].

Во Франции Национальное объединение Марин Ле Пен и Жордана Барделла одержало победу, набрав более 30% голосов, что заставило президента Эммануэля Макрона объявить о проведении внеочередных парламентских выборов [12]. В Германии крайне правая партия Альтернатива для Германии (AfD) заняла второе место по количеству голосов, дестабилизировав социал-демократическое правительство канцлера Олафа Шольца [13].

Молодые избиратели сыграли решающую роль в этих событиях. Во Франции 32% избирателей моложе 34 лет поддержали Национальное объединение, в то время как партия Э. Макрона набрала всего 5% [9]. В Германии AfD утроила свою поддержку среди молодых избирателей – с 5% в 2019 году до 15% сейчас [2]. Этот сдвиг объясняется различными факторами, в том числе кризисом стоимости жизни и жилья, а также эффективным использованием ультраправыми социальных сетей. Жордан Барделла, 28-летний президент Национального объединения, использовал такие платформы, как TikTok, для прямого общения с молодыми избирателями, собрав более 1,6 миллиона подписчиков [7].

Успехи ультраправых прослеживаются и в других странах. В Нидерландах антииммиграционная Партия свободы Герта Вилдерса набрала 17% голосов молодежи по сравнению с 7% до этого [5]. Аналогичные тенденции наблюдаются в Португалии, Испании и Финляндии. Это свидетельствует о более широком европейском сдвиге: молодые люди тяготеют к ультраправым партиям, которые готовы решить их проблемы, связанные с доступным жильем и иммиграцией.

Исторически сложилось так, что молодые поколения считались прогрессивными и заботящимися об окружающей среде. Однако последние выборы показали, что юные избиратели отличаются разнообразием политических взглядов. Многие из них тянутся к ультраправым из-за разочарования в традиционных партиях и ощущения, что политики их не замечают. Эта демографическая группа, получившая название «The Invisible Third», чувствует себя политически и социально маргинализованной, что делает ее крайне восприимчивой к ультраправой риторике.

Всемирный доклад о счастье 2024 года показывает, что нынешнее молодое поколение менее счастливо, чем более старшие. В то время как заметное меньшинство молодежи мобилизуется против давних источников беспокойства и возмущения, таких как глобальное потепление и войны, молчаливое большинство, похоже, обеспокоено теми же проблемами качества жизни, которые волнуют и старших [18]. По имеющимся данным, растущая стоимость жизни является главной проблемой для 93% европейцев, за которой следует угроза бедности и социальной изоляции (82%).

Учитывая эту ситуацию, можно задаться вопросом, почему молодые люди не голосуют за левые партии. Растущая поддержка ультраправых вызывает особое недоумение, поскольку, согласно опросам, традиционные темы левых, такие как социальная и экономическая справедливость, сейчас более важны для избирателей, чем главный вопрос ультраправых – иммиграция. Повестка дня левых, сочетающая культурный либерализм с социальной справедливостью и заботой об окружающей среде, как представляется, отвечает многим проблемам молодых людей. Однако европейская молодежь все больше отворачивается от левых партий. Аналогичная тенденция наблюдается и в Соединенных Штатах, где Дональд Трамп набирает поддержку среди молодых избирателей, обращая вспять прежнюю тенденцию поддержки молодежью Демократической партии [8].

Главная проблема, которая сегодня тревожит молодежь, – это новая форма экономической неопределенности, или «незащищенность средств к существованию». В то время как люди старшего поколения боятся потерять работу, молодое поколение беспокоится о том, что никогда не сможет получить стабильную работу, несмотря на то, что вкладывает значительные средства в высшее образование. Авторы исследования 2024 года «Молодежь в Германии» («Jugend in Deutschland») пришли к выводу, что сдвиг вправо обусловлен не культурным шовинизмом, а беспокойством о будущем благосостоянии [19]. Разочарование, связанное с бедностью, может породить желание радикальных перемен и поддержку левой политики, но страх потерять социальный статус способствует развитию консервативных инстинктов стабильности и безопасности.

В политическом поведении молодых людей есть еще один фактор. Возможно, они не ориентируются в политике по тому же идеологическому компасу, которым пользовались их родители, бабушки и дедушки, где одна ось направлена на культурный либерализм и социальную справедливость, а другая – на культурный традиционализм и экономическую свободу.

Несмотря на распространённое представление о «популистских партиях», эти группы не являются одинаково культурно-консервативными и не всегда придерживаются принципов свободного рынка, как можно было бы предположить, классифицируя их как «правых». Например, такие партии, как французское Национальное объединение и голландская Партия свободы, часто сочетают поддержку либеральных ценностей (от свободы слова до гендерного равенства) с призывами к социальной, экономической, культурной и физической безопасности. Марин Ле Пен в манифесте 2022 года обещала отменить налоги для лиц моложе 30 лет, предоставить финансовую помощь студентам-рабочим и увеличить количество студенческого жилья [11]. Аналогичным образом, Герт Вилдерс в прошлом году проводил кампанию по инвестированию в здравоохранение и жилье, как и руководство партии Альтернатива для Германии (AfD).

Эти партии позиционируют себя как защитники западного либерализма, которому, по их мнению, угрожает мусульманский традиционализм, воспринимаемый как враждебный эмансипации женщин и правам меньшинств. Таким образом, они объединяют элементы культурного либерализма и ксенофобии в своей защите «европейского образа жизни».

Тем не менее, поддержка молодежью ультраправых партий не обязательно свидетельствует о перманентном сдвиге. Многие молодые люди разочарованы политическими институтами и политикой, которую считают неэффективной в решении таких серьезных проблем, как пандемия и изменение климата. Институт глобальных

проблем Eurasia Group установил, что молодые люди во Франции, Германии, Великобритании и США считают эти глобальные проблемы самыми большими угрозами, за которыми следуют политические решения, наносящие ущерб обществу, и иммиграция [16].

Успех радикальных правых также был подчеркнут вирусным видео с немецкого курортного острова Зюльт, где молодые немцы скандировали ксенофобские лозунги [17]. Это видео вызвало возмущение, но подчеркнуло растущее признание подобных взглядов среди европейской молодежи. AfD воспользовалась этими настроениями, добившись наилучших результатов за всю свою историю.

Несмотря на эти тенденции, левые партии по-прежнему пользуются значительным влиянием среди молодых избирателей. Во Франции крайне левая партия Непокоренная Франция по-прежнему популярна среди людей в возрасте от 18 до 24 лет, хотя поддержка Национального объединения возросла [9]. Умелое использование Жорданом Барделла социальных сетей и легко узнаваемая личность повысили привлекательность Национального объединения, но главными факторами его успеха являются недовольство населения нынешним правительством и проблемы иммиграции [6].

Пандемия COVID-19 и последующие события усилили недовольство молодых избирателей, укрепив их мнение о том, что политические элиты не идут с ними на контакт. Хотя экономическая ситуация в Европе улучшилась, а инфляция и уровень безработицы снизились, политические последствия этих кризисов сохраняются.

В то время как европейские элиты борются с этим правым поворотом, предстоящие выборы во Франции станут проверкой того, является ли недавний успех ультраправых временным протестом или долгосрочными изменениями. Хотя Ж. Барделла вряд ли станет самым молодым премьер-министром в истории, Национальное объединение может получить больше мест, что создаст почву для будущих президентских кампаний [4].

В Германии плохие результаты коалиции О. Шольца могут привести к перестановкам в правительстве, в результате чего к власти может прийти консерватор Фридрих Мерц [1]. Независимо от ближайших результатов, молодые ультраправые избиратели способны оказывать влияние на европейскую политику в течение многих лет. Их политические приверженности, сформировавшиеся в условиях недавних кризисов, скорее всего, сохранятся, сигнализируя о долгосрочных изменениях в политическом ландшафте Европы.

Эта трансформация, движимая молодежью, означает глубокие изменения в политической динамике Европы. Появление поколения «foreigners out», символизируемое видеороликом с острова Зюльт, подчеркивает резкий контраст между ценностями современной молодежи и более либеральными, прогрессивными идеалами их родителей, бабушек и дедушек. Этот сдвиг поколений был вызван различными социально-экономическими и политическими потрясениями, такими как пандемия COVID-19, миграционный кризис 2015 года и текущие экономические проблемы [3].

Эти молодые избиратели, чувствуя себя оторванными от традиционного политического дискурса, нашли отклик в ультраправых нарративах, которые обещают решить их насущные проблемы. Умелое использование социальных сетей лидерами ультраправых сыграло решающую роль в этом объединении. Такие лидеры, как Ж. Барделла, используют платформы, как TikTok, для создания прямой линии связи с молодыми избирателями, минуя традиционные каналы СМИ и создавая чувство общности и принадлежности.

Особенно показателен политический ландшафт во Франции. После внеочередных выборов истинная степень влияния Национального объединения будет подвергнута проверке. Привлекательность Ж. Барделла для молодежи в сочетании с падающей популярностью Э. Макрона создает основу для потенциально значительного изменения состава Национального собрания во Франции. Даже если Ж. Барделла не станет премьер-министром, потенциальные успехи Национального объединения могут укрепить позиции партии в качестве крупной политической силы, оказывающей влияние на французскую политику далеко за рамками следующих нескольких лет [10].

В Германии рост популярности AfD среди молодых избирателей отражает более широкое разочарование в правящей коалиции. Правительство канцлера Олафа Шольца, и без того находящееся под давлением, может столкнуться с дальнейшей нестабильностью, поскольку молодые избиратели продолжают склоняться к поддержке AfD. Этот сдвиг не только угрожает нынешнему правительству, но и свидетельствует о долгосрочной переориентации немецкой политики в правую сторону.

По всей Европе ультраправые партии используют страхи и разочарования молодых избирателей. Видимая неспособность традиционных партий решить такие проблемы, как доступное жилье, занятость и иммиграция, создала вакуум, который крайне правые партии стремятся заполнить. Их идеи, часто переплетающиеся с националистическими и антииммигрантскими настроениями, находят отклик у поколения, ищущего четких и решительных решений своих проблем.

Последствия этого смещения глубоки. По мере того как молодые избиратели продолжают поддерживать ультраправых, эти партии приобретают все большую легитимность и влияние, потенциально меняя направление европейской политики в отношении иммиграции, экономики и социальных вопросов. Эта новая политическая реальность бросает вызов общепринятому мнению о том, что молодые поколения по своей природе прогрессивны и заботятся об окружающей среде.

Умеренные и левые партии должны адаптироваться к этому меняющемуся ландшафту. Они больше не могут полагаться на то, что молодые избиратели будут естественным образом тяготеть к ним. Вместо этого им необходимо заниматься вопросами, которые наиболее важны для этих избирателей, и эффективно доносить свои решения. Это означает использование новых каналов коммуникации и решение экономических и социальных проблем, которые толкают молодых избирателей к ультраправым.

Усиление ультраправых среди европейской молодежи – это не просто мимолетный этап. Он представляет собой фундаментальный сдвиг в политической структуре континента, движимый поколением, которое чувствует себя неуслышанным и недооцененным традиционными политическими структурами [15].

На пути Европы в новую политическую эпоху решающее значение будут иметь действия, предпринимаемые ее лидерами в ближайшие годы. Будь то политические реформы, улучшение коммуникации или более активное взаимодействие с молодыми избирателями, ответ на всплеск ультраправых сил определит будущее европейской демократии. Задача состоит не только в том, чтобы решить насущные проблемы молодых избирателей, но и в том, чтобы восстановить доверие к политической системе и обеспечить, чтобы все голоса были услышаны и оценены по достоинству.

Литература

1. Chazan, G. 2024. Will Friedrich Merz finally become Germany's next chancellor? *Financial Times*. 12.05.2024. Available at: <https://www.ft.com/content/4e9d5120-b97d-47f7-8ed5-7d2f46a6e36e> (дата обращения: 25.06.2024).
2. Cokelaere, H. 2024. It's not just boomers, young people are voting far right too. *Politico*. 29.05.2024. Available at: <https://www.politico.eu/article/europe-young-people-right-wing-voters-far-right-politics-eu-elections-parliament/> (дата обращения: 25.06.2024).
3. Europeans concerned by cost of living crisis and expect additional EU measures. 2023. *European parliament*. 12.01.2023. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230109IPR65918/europeans-concerned-by-cost-of-living-crisis-and-expect-additional-eu-measures> (дата обращения: 24.06.2024).
4. Gilchrist, K. 2024. France's far right looks headed for victory in the first round at the polls. Here's what that means. *CNBS*. 28.06.2024. Available at: <https://www.cnbc.com/2024/06/28/french-election-le-pens-far-right-national-rally-election-gains.html> (дата обращения: 29.06.2024).
5. Godfrey, P. 2024. Far-right gains foothold in European Parliament, Dutch exit polls show. *UPI*. 07.06.2024. Available at: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2024/06/07/EU-elections-far-right-gets-strong-start/5221717757846/ (дата обращения: 26.06.2024).
6. Jordan Bardella: 28-year-old «captain» of France's far right. 2024. *CNA*. 10.06.2024. Available at: <https://www.channelnewsasia.com/world/jordan-bardella-28-year-old-captain-frances-far-right-4398266> (дата обращения: 27.06.2024).
7. Larcher, T. 2024. Jordan Bardella: his unflattering nickname and 1.5m Tik Tok fans. *The Connexion*. 11.06.2024. Available at: <https://www.connexionfrance.com/news/jordan-bardella-his-unflattering-nickname-and-15m-tik-tok-fans/663977> (дата обращения: 23.06.2024).
8. Layne, N., Reid, T. 2024. Some young people see Trump as an answer to their economic woes. *Reuters*. 21.04.2024. Available at: <https://www.reuters.com/world/us/chance-trump-youth-rally-see-him-answer-economic-woes-2024-04-21/> (дата обращения: 25.06.2024).
9. Les jeunes et les élections européennes de 2024 [Youth and the 2024 European elections]. 2024. *IFOP*. 16.05.2024. Available at: [https://www.ifop.com/publication/les-jeunes-et-les-elections-europeennes-de-2024/#:~:text=En%20mat%C3%A8re%20d'intention%20de,par%20Jordan%20Bardella%20\(32%25\)](https://www.ifop.com/publication/les-jeunes-et-les-elections-europeennes-de-2024/#:~:text=En%20mat%C3%A8re%20d'intention%20de,par%20Jordan%20Bardella%20(32%25)) (дата обращения: 24.06.2024).
10. Povillon, Y. 2024. Les elections europeennes etaient un referendum pour ou contre Macron, les legislatives seront un referendum pour ou contre Bardella [The European elections were a referendum for or against Macron, the legislative elections will be a referendum for or against Bardella]. *Midi Libre*. 09.06.2024. Available at: <https://www.midilibre.fr/2024/06/09/les-elections-europeennes-etaient-un-referendum-pour-ou-contre-macron-les-legislatives-seront-un-referendum-pour-ou-contre-bardella-12005448.php> (дата обращения: 26.06.2024).
11. Programme de Marine Le Pen [Marine Le Pen program]. 2022. *L'internaute*. 24.04.2022. Available at: <https://www.linternaute.com/actualite/politique/1364508-programme-de-marine-le-pen-2022-pouvoir-d-achat-securite-immigration-le-resume-du-projet/> (дата обращения: 22.06.2024).

12. Results of the elections to the European Parliament (France). 2024. European Parliament. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en/france/> (дата обращения: 25.06.2024).
13. Results of the elections to the European Parliament (Germany). 2024. European Parliament. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en/germany/> (дата обращения: 24.06.2024).
14. Results of the elections to the European Parliament. 2024. European Parliament. Available at: <https://results.elections.europa.eu/> (дата обращения: 26.06.2024).
15. Routzounis, A. 2024. Fear, a decisive force in these European elections. Politico. 04.06.2024. Available at: <https://www.politico.eu/sponsored-content/fear-a-decisive-force-in-these-european-elections/> (дата обращения: 24.06.2024).
16. Top risks 2024: implications for Europe. 2024. Eurasia group. 08.01.2024. Available at: <https://www.eurasiagroup.net/issues/Top-Risks-2024-Implications-for-Europe> (дата обращения: 23.06.2024).
17. Wieder, T. 2024. Germany struck with outrage after racist chants on a jet set holiday island. Le Monde. 29.05.2024. Available at: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2024/05/29/outrage-after-racist-chants-on-an-island-where-affluent-german-vacations_6672960_4.html (дата обращения: 26.06.2024).
18. World Happiness Report 2024. 2024. WHR. Available at: <https://worldhappiness.report/ed/2024/> (дата обращения: 27.06.2024).
19. Wundersee, P. 2024. So pessimistisch wie noch nie [More pessimistic than ever before]. Tagesschau. 23.04.2024. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/studie-jugend-100.html> (дата обращения: 24.06.2024).

THE INFLUENCE OF YOUTH POLITICAL ACTIVITY ON INCREASING THE POPULARITY OF FAR-RIGHT FORCES: THE EXAMPLE OF THE ELECTIONS TO THE EUROPEAN PARLIAMENT IN JUNE 2024

Boldyrev M.O.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This study examines the dynamics of political support among European youth, focusing on the significant shift towards far-right parties observed during the European Parliament elections in June 2024. The main objective is to identify the factors behind this shift and to understand the socio-economic and political context influencing young voters. The work hypothesises that economic insecurity and the effective use of social media by far-right parties are key factors driving this political shift. The methodology includes a mixed-method approach combining quantitative analysis of electoral data and evaluations of research centres in different European countries. The results show that a significant proportion of the young electorate has become disillusioned with traditional parties and gravitates towards far-right rhetoric addressing issues of economic and social disadvantage. This study provides a critical look at the changing political landscape in Europe and emphasises the urgent need for traditional parties to address the concerns of younger generations.

Keywords: Jordan Bardella, Geert Wilders, elections, National Rally, far-right, Alternative for Germany, youth, European Union.

References

1. Chazan, G. 2024. Will Friedrich Merz finally become Germany's next chancellor? Financial Times. 12.05.2024. Available at: <https://www.ft.com/content/4e9d5120-b97d-47f7-8ed5-7d2f46a6e36e> (accessed: 25.06.2024).
2. Cokelaere, H. 2024. It's not just boomers, young people are voting far right too. Politico. 29.05.2024. Available at: <https://www.politico.eu/article/europe-young-people-right-wing-voters-far-right-politics-eu-elections-parliament/> (accessed: 25.06.2024).
3. Europeans concerned by cost of living crisis and expect additional EU measures. 2023. European parliament. 12.01.2023. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230109IPR65918/europeans-concerned-by-cost-of-living-crisis-and-expect-additional-eu-measures> (accessed: 24.06.2024).
4. Gilchrist, K. 2024. France's far right looks headed for victory in the first round at the polls. Here's what that means. CNBC. 28.06.2024. Available at: <https://www.cnbc.com/2024/06/28/french-election-le-pens-far-right-national-rally-election-gains.html> (accessed: 29.06.2024).
5. Godfrey, P. 2024. Far-right gains foothold in European Parliament, Dutch exit polls show. UPI. 07.06.2024. Available at: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2024/06/07/EU-elections-far-right-gets-strong-start/5221717757846/ (accessed: 26.06.2024).
6. Jordan Bardella: 28-year-old «captain» of France's far right. 2024. CNA. 10.06.2024. Available at: <https://www.channelnewsasia.com/world/jordan-bardella-28-year-old-captain-frances-far-right-4398266> (accessed: 27.06.2024).
7. Larcher, T. 2024. Jordan Bardella: his unflattering nickname and 1.5m Tik Tok fans. The Connexion. 11.06.2024. Available at: <https://www.connexionfrance.com/news/jordan-bardella-his-unflattering-nickname-and-15m-tik-tok-fans/663977> (accessed: 23.06.2024).
8. Layne, N., Reid, T. 2024. Some young people see Trump as an answer to their economic woes. Reuters. 21.04.2024. Available at: <https://www.reuters.com/world/us/chance-trump-youth-rally-see-him-answer-economic-woes-2024-04-21/> (accessed: 25.06.2024).
9. Les jeunes et les élections européennes de 2024 [Youth and the 2024 European elections]. 2024. IFOP. 16.05.2024. Available at: [https://www.ifop.com/publication/les-jeunes-et-les-elections-europeennes-de-2024/#:~:text=En%20mati%C3%A8re%20d'intention%20de,par%20Jordan%20Bardella%20\(32%25\)](https://www.ifop.com/publication/les-jeunes-et-les-elections-europeennes-de-2024/#:~:text=En%20mati%C3%A8re%20d'intention%20de,par%20Jordan%20Bardella%20(32%25)) (accessed: 24.06.2024).
10. Povillon, Y. 2024. Les élections européennes étaient un référendum pour ou contre Macron, les législatives seront un référendum pour ou contre Bardella [The European elections were a referendum for or against Macron, the legislative elections will be a referendum for or against Bardella]. Midi Libre. 09.06.2024. Available at: <https://www.midilibre.fr/2024/06/09/les-elections-europeennes-etaient-un-referendum-pour-ou-contre-macron-les-legislatives-seront-un-referendum-pour-ou-contre-bardella-12005448.php> (accessed: 26.06.2024).
11. Programme de Marine Le Pen [Marine Le Pen program]. 2022. L'internaute. 24.04.2022. Available at: <https://www.linternaute.com/actualite/politique/1364508-programme-de-marine-le-pen-2022-pouvoir-d-achat-securite-immigration-le-resume-du-projet/> (accessed: 22.06.2024).
12. Results of the elections to the European Parliament (France). 2024. European Parliament. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en/france/> (accessed: 25.06.2024).
13. Results of the elections to the European Parliament (Germany). 2024. European Parliament. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en/germany/> (accessed: 24.06.2024).
14. Results of the elections to the European Parliament. 2024. European Parliament. Available at: <https://results.elections.europa.eu/> (accessed: 26.06.2024).
15. Routzounis, A. 2024. Fear, a decisive force in these European elections. Politico. 04.06.2024. Available at: <https://www.politico.eu/sponsored-content/fear-a-decisive-force-in-these-european-elections/> (accessed: 24.06.2024).
16. Top risks 2024: implications for Europe. 2024. Eurasia group. 08.01.2024. Available at: <https://www.eurasiagroup.net/issues/Top-Risks-2024-Implications-for-Europe> (accessed: 23.06.2024).
17. Wieder, T. 2024. Germany struck with outrage after racist chants on a jet set holiday island. Le Monde. 29.05.2024. Available at: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2024/05/29/outrage-after-racist-chants-on-an-island-where-affluent-german-vacations_6672960_4.html (accessed: 26.06.2024).
18. World Happiness Report 2024. 2024. WHR. Available at: <https://worldhappiness.report/ed/2024/> (accessed: 27.06.2024).
19. Wundersee, P. 2024. So pessimistisch wie noch nie [More pessimistic than ever before]. Tagesschau. 23.04.2024. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/studie-jugend-100.html> (accessed: 24.06.2024).

Диалектико-типологическое взаимодействие человека и общества как структурообразующее основание целостности социального бытия

Лустин Юрий Михайлович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: lustin56@mail.ru

Цель исследования – в контексте цивилизационных трансформаций выявить специфику отношений субъекта практики и общества, направленную на познание системной целостности социального бытия. Новизна работы состоит в социально-философском обосновании конструкта диалектической взаимообусловленности типологических свойств человека и общества в качестве структурообразующего основания системы их социальных связей, отношений и опосредований. С одной стороны, конструкт-интегральность такой определенности важна для выявления, с помощью диалектического метода и принципов системной типологии, онтологического порядка воздействия на типологические свойства человека типовых качеств социума. С другой стороны, концептуальность как особый способ связи диалектики и типологии конкретизирует диалектико-типологическое *содержание* конструкта и его *форму* в виде структурообразующего основания универсальной связи субъектов социальности, что конкретизирует целостный характер разносторонней жизнедеятельности человека и общества. С позиций социальной методологии обоснована значимость диалектико-типологического подхода как фундаментального средства спецификации типа социальной целостности в любой ее форме. Выявлена уникальная роль типологических свойств личности в структурирующем переходе их социальной потенциальности в качественную целостность бытия общества. В этом значении актуализирована идея о диалектической противоречивости структурообразующих свойств типологии человека и типа общества, реляционный синтез которых конституирует логику построения социальной целостности человеческого существования.

Ключевые слова: человек, общество, диалектико-типологическое, социальное, взаимодействие, свойство, целостность.

Введение

Современная цивилизация характеризуется социально-динамическими процессами своего противоречивого развития, многогранностью общественных трансформаций, которые еще слабо воспрепятствуют расширению глобальных угроз человечеству. Мощный вектор развития многополярного мира, прокладывающий путь в новых социально-исторических условиях, рост этнонациональных конфликтов и религиозного фанатизма, идеологически предвзятая экзистенциально-апологетическая риторика западных стран в навязывании миру своего образа «цивилизованного бытия», деструктивная политизация форм общественного сознания, манипулятивная виртуализация и вестернизация сознания индивида и когнитивная потеря им своей субъектности, национальной идентичности, архетипической самости усиливают исследовательский интерес к концепт-дискурсу о диалектико-типологическом взаимодействии человека и общества, актуализируют необходимость методологического подхода к познанию системной целостности социального бытия. Социально-культурные, экономико-правовые, идейно-нравственные аспекты диалектико-типологического вида взаимодействия требуют нового осмысления проблем развития целостности социальной общности и ее многосторонней явленности в парадигме ноосферного существования Человечества.

Как показало исследование, анализ взаимоотношений человека и общества, личности и результатов ее деятельности наиболее продуктивен в контексте использования философской методологии, методов системного подхода, логико-аналитических закономерностей типологического знания, когнитивных принципов социальной онтогносеологии, фундаментальных выводов конструктивной социологии, теоретико-практического опыта социального познания.

В логической парадигме построения целостности социального существования человека структурообразующая составляющая его отношений с обществом – это двухсторонний процесс взаимного влияния, который связан, прежде всего, с концептуальной спецификацией типа целостности их социально-культурного, антропо-исторического бытия в смысловом контексте взаимовлияния форм общественного бытия и общественного сознания. В социальной диалектике взаимодействий «человек – общество», основополагающим моментом является концептуальность цивилизационных связей и конструктивность антропо-культурных отношений, которые в деятельности субъекта общественной практики нацелены, прежде всего, на достойный уровень взаимодействия между членами социума в парадигме глобальных трансформаций современности.

Целостность социального бытия: сущность и консолидирующее значение

Целостность человеческого существования органически связана с такими понятиями, как: человек, общество, социальная реальность диалектика, развитие, взаимодействие, сущность, структура, связь, отношение, кон-

цептуальность, многомерность, типология, целое, всеобщность, устойчивость и другими. В контексте социальной эволюции развития человека и общества идея консолидирующей целостности их существования волновала мыслителей давно. В разные периоды развития научного знания первостепенное внимание уделялось методологии генезисной взаимосвязи понятий, отражающих сущность вещей, процессов, явлений человеческого бытия. Так, еще Аристотель говорил о том, что целое не сводимо к сумме его частей. Рассуждая о диалектике части и целого и логически понимая их концептуальную взаимозависимость, великий Стагирит в своей «Метафизике» особо подчеркивал: «... нечто целое, есть общее в том смысле, что оно объемлет многие вещи, поскольку оно сказывается о каждой из них, причем каждая из них в отдельности есть одно» [1, с. 175]. Данное утверждение указывает на сущностное качество концептуальности – ее многосвойственную всеохватность множественного в процессе чего раскрывается всеобъемлющий характер и полнота целостной универсальности. У И. Канта взаимодействие представлено как категория отношений: абсолютное единство множественных сущностей есть необходимое условие целостного существования мира и необходимое состояние проявления его свойств. Согласно И. Канту, целостность является имманентной основой существования мира вещей. По Дж. Локку организационная структура целостной общности предполагает объединение ее отдельных частей на основе определенных принципов. В философии Г. В. Лейбница взаимодействие трактуется исходя из его метафизического понимания. В категориальной рефлексии Г. В. Гегеля диалектике отводится фундаментальная роль, так как она имеет силу во всех «областях и образованиях природного и духовного мира». Согласно Ф. Энгельсу взаимодействие является истинной конечной причиной вещей, которая влияет на устойчивость социальных форм бытия.

Специфика отношений субъекта практики и общества направлена на познание системной целостности социального бытия. Эта особенность, во-первых, определена тем, что сам по себе человек и типологическая индивидуальность его существования социоприродно включены в бытие мирового социума, исторически сложную событийность антропо-культурного существования. Во-вторых, человек и универсальные интенции идеального существования его внутреннего мира направлены на преобразование реальности, целостное постижение закономерностей бытия на основе общественно развитых типологических свойств (качеств). В-третьих, руководствуясь создающим потенциалом мышления человек использует диалектические формы рефлексивной конструктивности своего мыследеятельного потенциала, обеспечивая тем самым противоречивое проявление типологических свойств индивидного «Я». Следовательно, в контексте познания системной целостности социального бытия особенностью отношений субъекта практики и общества является диалектическая взаимобусловленность их типологических свойств.

Феномен целостности социального бытия, исходя из принципов дополнительности и интегративного взаимовлияния, с одной стороны, концептуально обнаруживается через противоречия этих свойств, рефлексивно соотносящихся между собой и определяющих типологическую структуру социальной реальности, основу которой составляет концепт «тип (типология) общества – типология (тип) человека». С другой стороны, реальная целостность социального бытия проявляется в его содержательных характеристиках и диалектико-типологических моментах консолидирующей явленности.

Понимание целостности социального бытия немислимо без структурного анализа общественной среды, конкретного места и коллективной роли в ней индивида. Единение людей с людьми, подчеркивал К. Маркс, основанное на реальном различии между людьми (типологическом различии – автор), понятие человеческого рода, перенесенное с неба абстракции на реальную землю и составляющее понятие общества. Любое общество представляет собой характерную целостную структуру взаимосвязанных индивидов, типология которых должна соотноситься с идеалами, целями, задачами общества. Именно объективное наличие конструктивных связей и переплетение «удерживающих отношений» между членами сообщества структурирует их социальность.

Социальное бытие – это реальность философии существования природы, человека, общества и культуры. В сложносоставной методологии самого глубинного уровня понимания социальности целостность любого антропо-культурного сообщества представляет собой, прежде всего, типологически организованную диалектическую целокупность культурозначимых элементов, противопологаемость которых находится в противоречивых отношениях. Вот почему «Идея целостности связана с понятием противоположности. ... Целостность – сущная человеческая потребность. Реализуя ее в познании мира, индивид стремится к использованию имеющихся знаний и вновь обретаемых. В мире человеческом все взаимосвязано, и ничего не происходит без причины и без цели» [4, с. 58–59].

В дискурсе прогрессивного развития мировой цивилизации противоречивое взаимодействие между человеком и обществом взаимообусловлено консолидирующей составляющей индивидуальных и общественных действий, гражданской ответственностью [16]. Целеопределенная деятельность человека преимущественно направлена на реализацию уникальной роли его типологических свойств. В этом отношении характерной особенностью совершенствования всех сфер существования человека служит типопределенное проявление свойств социальных действий человека и общества, структурообразующая интеграция которых имеет дифференцированный характер должествующей приоритетности.

Вполне очевидно, что диалектико-типологическое взаимодействие между людьми и структурными элементами социума имеет примат целого над частью и ориентировано, согласно авторитетному мнению одного из классиков русской философской мысли Вл. Соловьева, на приоритет момента единства между ними. Несмотря на то, что люди образуют общество, именно общество, объединяя конкретных людей, определяет методы, формы и способы их взаимодействия, функциональное предназначение, место и целесообразную роль в составе целостной системы общественного устройства. Всесторонность социального бытия следует понимать не в абсолютном, а в относительном смысле слова. Структурность социального бытия проявляется в системной организации существования человека и общества, в характере системообразующих связей и отношений между ними [13, с. 112].

В своей диалектической видоопределенности (модифицированности) типологические свойства человека имеют консолидирующее значение. Как компонент социального бытия человека они обладают логикой социально-природной заданности, связаны с культурой социального познания, имеют коммуникативные возможности в сфере межличностного общения, содержат когнитивный смысл инверсии форм знаний о различных сторонах человеческой жизнедеятельности. Типологи-

ческие особенности антропо-социальных и культурно-исторических знаний позволяют человеку выходить за «бытийственные пределы» наличной данности в различных ситуациях постижения действительности. При этом «концептуальность диалектико-типологического познания реальности определяет приоритетную значимость идеологических, социально-политических, антропо-культурных, мотивационно-психологических знаний в жизнедеятельности социализированной личности» [11, с. 13].

В репрезентативной характерности отмеченных смыслов значительную роль играет проблема взаимодействия в социальном сообществе и ее анализ в аспекте методологии познания диалектической конструктивности типологического.

Взаимодействие типологических свойств в формате «человек – общество» и их диалектическая взаимообусловленность

Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», универсальная философская категория «взаимодействие» обуславливает взаимное развитие объектов (вещей, процессов, явлений) в их объективном воздействии друг на друга, что приводит к изменению их состояния, взаимным переходам, а также порождению одним объектом другого. Взаимодействие охватывает непосредственные и опосредованные, внешние и внутренние отношения, являясь тем самым принципом познания природы, человека, общества. Взаимодействие выступает как интегрирующий фактор, посредством которого происходит объединение частей в определенный тип целостности. Взаимодействие лежит в основе отношения причины и следствия. Каждая из взаимодействующих сторон выступает как причина другой и как следствие обратного влияния противоположной стороны. Сложные формы взаимодействия определяют характер жизнедеятельности общества. Само собой разумеется, что взаимодействие порождает объект-субъектные, субъект-субъектные, субъект-объектные отношения.

Если целостность социального бытия рассматривать как результат взаимодействия общественных субъектов практики, то предметность многих научных исследований, так или иначе, позиционирует свою направленность на познание их многофакторных взаимоотношений [14]. Стоит заметить, в работах некоторых авторов научно-теоретический поиск направлен преимущественно не столько на анализ процесса взаимодействия между человеком и социумом, сколько на операциональное выявление разнообразных факторных моментов общественного воздействия на индивида и результаты его деятельности. В настоящее время таким вопросам, как: методология диалектического анализа смысложизненных и духовно-нравственных проблем человека; логико-эпистемологические инварианты межличностного общения; когнитивная типология влияния иррациональных моментов виртуального пространства на понимающее мышление личности информационного общества; национально ориентированные социальные стратегии кросс-культурных трансформаций общества, к сожалению, не уделяется должного внимания, за исключением работ А.А. Гаспаряна [6], А.А. Гезалова [8], А.А. Кричевского [9].

В социально онтологической репрезентативности такой очевидности эпистемологический статус категории «взаимодействие» является исходным для более глубокого смыслового понимания содержания реальности, которое отражается в фундаментальных понятиях фило-

софского знания (движение, изменение, становление, развитие, совершенствование, отражение). В дискурсе научно-практической объективности познавательная конкретизация отмеченной категории осуществляется через эти и другие понятия, что придает ей более высокий статус логико-методологического смысла.

В самом общем виде, концептуальность процесса взаимодействия человека и общества обретает свою структурно-смысловую определенность в таких значениях, как: а) передача формы социального изменения от одних объектов (субъектов) к другим; б) дискретно-таксономическое детерминационное изменение социальных свойств (качеств) элементов общественной среды под влиянием трансформационных факторов; в) интегративное единство различных сущностных сил индивида, обеспечивающее последовательность его активности в пространстве и времени; г) причинно-следственные характеристики цивилизационного созидания общества в различные моменты его существования. В таком детерминационном аспекте познания содержания процесса взаимодействия подтверждается фундаментальное основоположение Ф. Энгельса об универсальности этого феномена, исходя из предназначения которого можно понять причинную связь как момент всемирной взаимозависимости.

Философия взаимодействия, исходя из фундаментальной модальности принципа целостности социальных субъектов, обладает методологическим достоинством, так как диалектически объективирует интеллектуальные возможности человека, когнитивный потенциал общества в типопредельной предметности общественного бытия и общественного сознания. Структурная систематизация элементов (компонентов) сущности человеческого бытия сопряжена со многими факторами, условиями, ситуационными состояниями. В этом отношении социум способствует структурно-системной упорядоченности жизни субъекта общественной практики, развитию его типологического потенциала. При этом, по утверждению М.А. Бондарчук «важен процесс становления определенного типа человека, характер его взаимосвязи с процессом становления и развития того или иного типа общества» [3, с. 10]. Именно поэтому, концептуальная объективация отмеченных значений, их конструктивная репрезентация наиболее целесообразна в формате триады: «внешний мир (диалектика природы) – типология человека – тип общества (типология социального мира)».

Человек – особая форма бытия, поэтому данный формат многомерно эксплицирует онтогносеологический порядок включенности индивида в различные модели его судьбоносного самоосуществления. Социокультурная особенность данного формата имеет, также, диалектико-типологический характер конструктивной масштабности и структурообразующей значимости, которые взаимно усиливаются друг другом. Постоянно обновляемая парадигма структурообразования системы социальных связей, отношений и опосредований сопряжена с закономерным развитием элементов целостности социального бытия и непостоянством местонахождения человека в пространстве внутренних (внешних) социокультурных связей (взаимозависимостей). При этом новые модели и обновленные структуры социального бытия человека и общества могут преемственно сохранять конкретный характер своего первоначального существования независимо от воздействия кризисных детерминант внешнего мира.

С методологических позиций философско-типологического понимания структурной целостности бытия, логика постижения феномена человека как от-

крытой целостности, коэволюционно сопряжена с типологией человеческого существования, онтологической модальностью социальной субъектности [15]. В типопределенном дискурсе социальной диалектики важным моментом в этом отношении служит методологическая составляющая процесса много свойственной позиционности человека и общества. Говоря о методологической специфике социальных отношений субъекта практики и социальной общности О.А. Врублевская утверждает: «методологический эффект взаимодействия» характеризуется такими свойствами, как: объективным характером; взаимным изменением; конкретностью; моментом взаимопревращений; ведущей стороной, с которой начинается каждый новый круг развития; интегрирующим фактором [5, с. 61]. Если это так, то в целостности социального бытия логико-структурный вектор взаимодействия снимает противопоставленность человека и общества, «выводя» их общение на комплексную реализацию объект-субъектных, субъект-субъектных, субъект-объектных отношений, находящихся в диалектической плоскости социальной координации и типологии антропо-культурного сотрудничества. Опираясь на эти доводы можно резюмировать: диалектико-типологическое взаимодействие человека и общества – это закономерный процесс постоянного прямого или опосредованного воздействия их друг на друга, имманентно порождающий обоюдную взаимную обусловленность одновременного обратного влияния.

Диалектико-типологическое взаимодействие субъекта практики и социума регулируется многими принципами. Наряду с такими исходными теоретическими постулатами (объективность, целостность, дополнительность, конкретность, структурность, целеопределенность, функциональность, тождественность, (самотождественность), адаптивность, опосредованность) *основными принципами* диалектической взаимоопределенности типологических свойств человека и общества являются:

- принцип единства типологий природы, человека, общества и культуры, в сущности которого обнаруживается закономерность проявления конструкта диалектической взаимообусловленности типологических свойств человека и общества;
- принцип противоречия, имеющий своей структурообразующей основой различного рода несовпадения между человеком и обществом в предметной реальности их социального существования (сосуществования);
- принцип социального партнерства, с помощью которого субъекты социального взаимодействия реализуют собственные цели, задачи, замыслы, намерения. Исходя из требований целесообразности их осуществление объективируется с учетом идеалов, интересов, потребностей других членов общества, а также структур, органов, подразделений общества различных форм собственности и направлений деятельности.

Концептуальная интегральность принципов выявляет: а) онтологический порядок воздействия на типологические свойства человека типовых качеств социума; б) архетипически видовое состояние структурно-системного своеобразия социального бытия конкретного социума [12]; в) диалектическую противоречивость типологических свойств человека и общества, их взаимопроникновение, взаимный переход друг в друга, обнаруживая при этом воспроизводство новых форм собственных определенностей на основе уже ранее имевшихся.

Данные принципы, являясь своеобразной структурообразующей детерминантой типологических свойств субъекта практики и общества, подчинены логике со-

циальной контекстуальности. Это позволяет устанавливать различное коррелятивное соответствие свойств субъектов и объектов общественного взаимодействия в соответствии с существующими социальными реалиями, регулятивами и нормативностью общественной среды. В итоге, совокупность устойчивых связей между человеком и обществом имеет структурообразующую конкретность и содержит в себе структурообразную характерность, улучшая тем самым порядок взаимодействия. Именно это обеспечивает целостность бытия социума и самотождественность человеческой сущности в когнитивно-типологической парадигме «Я – идентичность». Разумеется, что одновременно с этим диалектическая составляющая процесса структурообразования выявляет глубинную типологию самости человека и его место в системах самоопределения, самосозидания, самопроявления, по сути дела, обеспечивая способ человеческого существования. По мнению Е.Г. Ланганса «понятие способа бытия человеком должно структурно включать в себя экспликацию его как модуса бытия человеком и представление его как человеческого дела созидания мира» [10, с. 68].

Стоит особо подчеркнуть, именно диалектико-типологическое взаимодействие социальных объектов и субъектов закономерно образует новые элементы своей взаимообусловленности, способствуя тем самым созданию структурообразующей системы социальных связей, приоритетов, модальностей в общественной среде. Новые элементы расширяют содержательное содержание социальной реальности. Это позволяет человеку реализовывать новоявленные онтогносеологические модели социальных практик, осваивать обновленные элементы цивилизационного бытия, сохраняющие общественно признанное культурное и коллективное значение прошлых поколений. «Социальная реальность, как отмечают некоторые исследователи, ... складывается из символических значений и структур, а также состояний, эмоций, интенций, телесных пресуппозиций с ними связанных, выработанных в социальном бытии определенно-го сообщества, закрепленных в мышлении и действиях отдельных людей и актуализируемых в их совместных практиках по «освоению мира», направленных на продолжения события в свете представлений о личном комфорте, благоприятных межличностных отношениях и сохранении общественно ценного, а также связанных с сохранением собственной телесной, коллективной и культурной идентичности» [2, с. 44]. В рамках этой парадигмы важно онтогносеологическое выявление моментов вовлечения человека в принципиально новые сферы общественной реальности (информатизация, экологизация, техносфера, виртуалистика и др.), что способствует развитию его типологических свойств и качеств.

Диалектическая взаимная детерминация типологических свойств человека и общества, в снятой форме своей социальной репрезентативности, обнаруживает различные стороны общественного взаимодействия, которые интегративно связаны концептуальной причинной предопределенностью в виде некоего абстрактно-теоретического конструкта. Реальное существование этой зависимости указывает на конструктивный момент развития социальной действительности, о которой человеческое знание об абстрактном не всегда может подлежать эмпирическому обоснованию.

Социальное бытие – сложно структурированный системный объект, абстрактно-теоретическое знание о котором имеет важный методологический смысл. Диалектико-типологическое содержание потенциально-го знания о социальном бытии позволяет глубже понимать его сущность, систему социальных связей и отно-

шений. Экстраполируемость субстантивной сущности диалектико-типологического подхода на содержание социальной реальности – верный способ обнаружения конструктивно-интеграционной целостности элементов социального бытия. Если это так, то использование социальной методологии интегративного подхода позволило определить *конструкт диалектической взаимообусловленности типологических свойств человека и общества* в качестве структурообразующего основания системы их социальных связей, отношений и опосредований. Данный конструкт имеет двухстороннее значение. В своей сущности он выражает реляционный синтез смыслового содержания понятий «диалектика» и «типология» в фундаментальной совокупности базовых универсалий как общих понятий:

а) универсалий диалектического потенциала философского знания (истина, сущность, явление, причина, следствие, форма, содержание, часть, целое, всеобщее, особенное, единичное и другие);

б) универсалий типологической наличности научного знания сравнительно-сопоставительного характера (сходство, тождество, различие).

Исходным положением данного синтеза служит рассуждение Г. В.Ф. Гегеля о взаимодействии конечного («наличное бытие» – автор) и бесконечного («утвердительное бытие» – автор) в двусторонне переходящем контексте отрицания отрицания. Закономерность данной взаимообусловленности можно определить как некий синтез-конструкт «поскольку каждое из них, по утверждению великого философа, в самом себе и в силу своего определения есть полагание своего иного, они *неотделимы друг от друга*. Но это их единство *скрыто* в их качественном инобытии; оно *внутреннее* единство, которое лишь лежит *в основании*» [7, с. 205]. Важно подчеркнуть, что понятия «диалектика» и «типология» проявляют свою глубинную сущность в противоречивом поле противоположения, гармонии их неслиянного единства, а не в противопоставляемом научно-теоретическом дискурсе контрастирующих значений.

Структурообразующая составляющая конструкта имеет методологическую направленность логико-эпистемологической содержательности. Когнитивно-созидательная сущность конструкта определена монологичным единством *формы и содержания*, конкретизирована многокачественностью различных смысловых доминант и системностью логико-ментальных детерминант.

Концептуальность как особый способ связи диалектики и типологии конкретизирует возможность и необходимость взаимных переходов типологических свойств человека и общества, которые в итоге структурируют типопределенные виды их взаимосогласованных практических действий. Это достижимо на основе *констатирующей и формирующей* характеристики универсалий, с помощью которых реализуется структурообразующая функциональность системы социальных связей и отношений в общественной среде. В итоге, функциональность концептуальной интеграции специфицирует диалектико-типологическое содержание конструкта и его форму в виде структурообразующего основания универсальной связи субъектов социальности, что определяет целостный и многоуровневый характер разносторонней жизнедеятельности человека и общества в условиях современных трансформаций Бытия.

Центральное место в проявлении особенностей конструкта занимает интеграция, понимаемая как средство процесса развития и целостного своеобразия социального бытия. Интеграция связана с изменением свойств элементов структуры, обладающих разным уровнем це-

локупности и потенциальными возможностями взаимного обнаружения. Интегративно-целостный аспект социального познания позволяет говорить о диалектико-типологическом подходе, в котором принцип целостности выполняет структурообразующую функцию, а его основу составляет метод концепт-интеграции свойств. Данный метод подчеркивает объективность социального взаимовлияния потенциальных свойств личности и качественной определенности ее реальной деятельности в многофакторном процессе постижения содержания общественного бытия. В проблемном поле такой значимости приобретает особое значение диалектическая противоречивость структурообразующих свойств типологии человека и типа общества, концептуальная связь которых конституирует логику построения социальной целостности человеческого существования.

Заключение

1. Свойства человека и общества обнаруживают свою сущность во взаимодействии друг с другом. Общественный и универсальный характер социального взаимодействия обусловлен диалектическим и типологическим характером проявления свойств. Одним из видов социального взаимодействия является диалектико-типологическое взаимодействие, в котором единство свойств человека и общества обеспечивает материальную и духовно-нравственную целостность всех систем, сфер, структурных уровней общественного бытия и общественного сознания.

2. В трансформационной парадигме современности обнаруживается концептуальность проявления качественных определенностей социального бытия. Содержание жизнедеятельного существования человека и общества отражает особый способ связи диалектики и типологии в структуре научного знания. Онтогносеологическую очевидность этого процесса определяет конструкт диалектико-типологической взаимообусловленности типологических свойств человека и общества. Фундаментальная сущность конструкта выявляет методологическую закономерность системной организации социальной реальности. Диалектико-типологическая форма и содержание конструкта служит структурообразующим основанием универсальной связи субъектов социальности, что определяет целостный характер разносторонней жизнедеятельности человека и общества.

3. Конструктивно-противоречивый характер диалектико-типологического содержания конструкта обеспечивает структурный (системно-структурный) переход актуальных типологических свойств личности в потенциальную многокачественную целостность бытия общества. Диалектическая роль и логико-методологическое значение типологических свойств человека и общества в противоречивом процессе формирования социальной целостности человеческого существования первостепенна.

4. Перспективными направлениями дальнейших исследований, углубляющими предметность заявленной темы, могут быть различные научно-теоретические, философско-методологические, практико-прикладные изыскания, направленные на: методологию диалектико-типологического анализа человека и общества; реализацию идей конструктивно-смысловой специфики диалектических концептов: «тип общества – типология человека»; «тип общества – типология социальной деятельности личности» в парадигме социальной трансформации; освоение философско-психологической теории о логико-когнитивной потребности человека в целостном восприятии реалий социального бытия; анализ

конструктивной динамики общественных процессов в дискурсе закономерностей социально-философской рецепции; разработка методологических положений, раскрывающих диалектический аспект типологии социальной конвенции, социокультурной конвенциональности в структурах общественного бытия; совершенствование методик по созданию и реализации экспликативных моделей (схем, контент-алгоритмов, конструктов) эффективной трансформации социокультурных процессов современности; апробирование методов философско-типологического анализа структурообразующих оснований целостности социального бытия.

Литература

1. Аристотель *Метафизика* / Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. М., «Мысль», 1976. – 550 с.
2. Белокобыльский А. В., Левицкий В.С. Социальная реальность. Институты intersubjectivity // *Вопросы философии* 2018. – № 9. – С. 39–51.
3. Бондарчук М.А. Человек и общество: сопоставительный анализ взаимосвязи в западном и российском обществе: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Москва, 2000. – 26 с.
4. Власов Д.Г. Целостность как основание бытия человека в мире / Д.Г. Власов // *Практические задачи философии: ретроспектива и перспектива: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых* (г. Екатеринбург, 4–6 апреля 2011 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011. – С. 58–60.
5. Врублевская О. А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях / О.А. Врублевская // *Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева*, 2006. – № 5 (12). – С. 60–65.
6. Гаспарян А. А. «Бытие» в системе категорий и законов диалектики: методологический аспект: дис... канд. филос. наук: 09.00.01. Нальчик., 2009. – 159 с.
7. Гегель Г. В.Ф. *Наука логики*. В 3-х томах. Т. 1. М., «Мысль», 1970. – 501 с.
8. Гезалов А.А. Социокультурный контекст трансформаций российского общества / А.А. Гезалов // *Социально-гуманитарные знания*, 2023. – № 11. – С. 105–110.
9. Кричевский А.В. Диалектика бытия и свободы в метафизике: монография / А. В. Кричевский // – Москва; Берлин: Директ – Медиа, 2018. – 223 с.
10. Ланганс Е. Г. К вопросу о способе бытия человеком в эпоху глобального кризиса / Е.Г. Ланганс // *Вестник Омского государственного университета*, 2014. – № 3. – С. 65–69.
11. Лустин Ю.М. Политическое сознание и понятийное мышление человека: концептуальность диалектико-типологической целостности / Ю.М. Лустин // *Научный потенциал*, 2024. – № 2 (45). Часть 1. – С. 9–15.
12. Павлов А.П. Социальное бытие и миропорядок / А.П. Павлов // *Вестник Челябинского государственного университета* – 2017. – № 4 (400). Философские науки. Вып. 44. – С. 21–26.
13. Полещук И.А. Анализ принципа системности и принципа целостности / И.А. Полещук // *Наука, техника, образование*, 2015. – № 11 (17). – С. 110–113.
14. Принцип целостности в современной философии: теоретико-методологические основания и исследовательские практики [Текст]: Сборник статей и тезисов докладов всероссийской научной конфе-

ренции с международным участием, 17–18 ноября 2016 года, г. Липецк / Науч. редакторы: д-р филос. наук, проф. И.П. Полякова, канд. филос. наук, доц. А.А. Линченко. – Липецк: НОУ ВО «ЛЭГИ», 2016. – 284 с.

15. Прохоренко Ю.И. Субъектность в структурах социальной реальности: автореф. дис... докт. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург, 2003. – 42 с.
16. Kenyon E. Troubled belonging: lived experience and the responsibility of citizenship / *The Journal of Social Studies Research*, 2018 – Vol. 43, Iss: 1, pp. 47–56.

DIALECTICAL-TYOLOGICAL INTERACTION OF PERSON AND SOCIETY AS A STRUCTURAL BASIS FOR THE INTEGRITY OF SOCIAL EXISTENCE

Lustin Yu.M.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The purpose of the study is to identify, in the context of civilizational transformations, the specifics of the relationship between the subject of practice and society, aimed at understanding the systemic integrity of social existence. The novelty of the work lies in the socio-philosophical substantiation of the construct of dialectical interdependence of the typological properties of man and society as the structure-forming basis of the system of their social connections, relationships and mediations. On the one hand, the construct-integrity of such certainty is important for identifying, using the dialectical method and principles of systemic typology, the ontological order of influence on the typological properties of a person by the typical qualities of society. On the other hand, conceptuality as a special way of connecting dialectics and typology concretizes the dialectical-typological content of the construct and its form in the form of a structure-forming basis for the universal connection of subjects of sociality, which concretizes the holistic nature of the versatile life activity of man and society. From the standpoint of social methodology, the importance of the dialectical-typological approach as a fundamental means of specifying the type of social integrity in any of its forms is substantiated. The unique role of the typological properties of the individual in the structuring transition of their social potential into the qualitative integrity of the existence of society has been revealed. In this meaning, the idea of the dialectical inconsistency of the structure-forming properties of the human typology and the type of society, the relational synthesis of which constitutes the logic of constructing the social integrity of human existence, is actualized.

Keywords: person, society, dialectical-typological, social, interaction, property, integrity.

References

1. Aristotle *Metaphysics* / Works in four volumes. T. 1. Ed. V.F. Asmus. M., “Thought”, 1976. – 550 p.
2. Belokobylsky A.V., Levitsky V.S. Social reality. Institutions of intersubjectivity // *Questions of Philosophy* 2018. – No. 9. – P. 39–51.
3. Bondarchuk M.A. Man and society: a comparative analysis of the relationship in Western and Russian society: abstract. dis... Ph.D. *Philosopher Sciences*: 09.00.11. Moscow, 2000. – 26 p.
4. Vlasov D.G. Integrity as the basis of human existence in the world / D.G. Vlasov // *Practical problems of philosophy: retrospective and perspective: materials of the All-Russian scientific and practical conference of young scientists* (Ekaterinburg, April 4–6, 2011). – Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2011. – P. 58–60.
5. Vrublevskaya O.A. On the essence of the concept of “social interaction” in scientific research / O.A. Vrublevskaya // *Bulletin of the Siberian State Aerospace University named after Academician M.F. Reshetnev*, 2006. – No. 5 (12). – P. 60–65.
6. Gasparyan A. A. “Being” in the system of categories and laws of dialectics: methodological aspect: diss... Candidate of Philosophy: 09.00.01. – *Ontology and theory of knowledge*. – Nalchik., 2009. – 159 p.
7. Hegel G. V.F. *The Science of Logic*. In 3 volumes. T. 1. M., “Thought”, 1970. – 501 p.

8. Gezalov A.A. Sociocultural context of transformations of Russian society / A.A. Gezalov // *Social and humanitarian knowledge*, 2023. – No. 11. – P. 105–110.
9. Krichevsky A.V. Dialectics of being and freedom in metaphysics: monograph / A. V. Krichevsky // – Moscow; Berlin: Direct – Media, 2018. – 223 p.
10. Langans E.G. On the question of the way of being a person in the era of the global crisis / E.G. Langans // *Bulletin of Omsk State University*, 2014. – No. 3. – P. 65–69.
11. Lustin Yu.M. Political consciousness and conceptual thinking of a person: conceptuality of dialectical-typological integrity / Yu.M. Lustin // *Scientific potential*, 2024. – No. 2 (45). Part 1. – pp. 9–15.
12. Pavlov A.P. Social existence and world order / A.P. Pavlov // *Bulletin of the Chelyabinsk State University* – 2017. – No. 4 (400). *Philosophical Sciences*. Vol. 44. – pp. 21–26.
13. Poleshchuk I.A. Analysis of the principle of consistency and the principle of integrity / I.A. Poleshchuk // *Science, technology, education*, 2015. – No. 11 (17). – P. 110–113.
14. The principle of integrity in modern philosophy: theoretical and methodological foundations and research practices [Text]: Collection of articles and abstracts of reports of the All-Russian scientific conference with international participation, November 17–18, 2016, Lipetsk / Scientific. editors: Dr. Phil. sciences, prof. I.P. Polyakova, Ph.D. Philosopher Sciences, Associate Professor A.A. Lynchenko. – Lipetsk: NOU VO “LEGI”, 2016. – 284 p.
15. Prokhorenko Yu.I. Subjectivity in the structures of social reality: abstract. dis... doc. Philosopher Sciences: 09.00.11. Ekaterinburg, 2003. – 42 p.
16. Kenyon E. Troubled belonging: lived experience and the responsibility of citizenship / *The Journal of Social Studies Research*, 2018 – Vol. 43, Iss: 1, pp. 47–56.

Гуманитарные технологии как область социально-философского осмысления

Щеглов Илья Алексеевич,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
E-mail: shchia@mail.ru

В статье поднят вопрос гуманитарных технологий как области изучения в философии образования, философии фидбэка, гуманитарной экспертизе, сфере управления. Дано определение понятий технологии и гуманитарной технологии. Осуществлен анализ представленных в научном знании подходов к пониманию гуманитарных технологий, изложен авторский взгляд на их природу. Очерчено дискуссионное поле в заявленной тематике. Обоснован тезис о неуместности проектирования гуманитарных технологий на социальные. Выделены условия и содержательные требования к реализации гуманитарных технологий, показана значимость экспертного направления в их изучении. Акцентируется проблема возможных угроз и рисков для гуманитарных технологий на современном этапе общественного развития. Сформулирован вывод об уместности рассмотрения гуманитарных технологий в диалогической перспективе, ориентированной на кооперативные отношения, продуцирующие развивающие механизмы обратных связей.

Ключевые слова: технология, гуманитарные технологии, социальные технологии, гуманитарная экспертиза, экспертная технология, информационные технологии.

Сегодня гуманитарные технологии получают интенсивное осмысление в философии образования, фидбэка, гуманитарной экспертизе и сфере управления в контексте непрерывно накапливаемого опыта социальных инноваций.

Технология – последовательность операций (действий), направленных на достижение необходимого результата в процессе производства. Применяемая последовательность предполагает использование соответствующих методов.

Гуманитарная технология – это последовательность операций (действий), направленных на установление каналов кооперативного взаимодействия, что предполагает выработку и признание соответствующей методики, под которой следует понимать содержание и последовательность входящих в нее методов; она требует создания платформ, базирующихся на логике объединения, механизмах выработки компромиссных решений, на принципе диалогичности социальных взаимодействий.

Обратимся к трактовкам гуманитарных технологий, осмысление которых в большинстве случаев осуществляется с отсылкой на социальные технологии. В зарекомендовавшем себя понимании **социальная технология – это совокупность методов и приемов, применяемых для достижения заданных целей в процессе социального планирования, проектирования, осуществления коммуникативных воздействий и решения социальных проблем.** В широком смысле, определяется последовательностью этапов социального взаимодействия.

Е.О. Нечаевой представлен анализ категории социальных технологий на основании имеющегося в научном знании опыта осмысления этого понятия. В основном его использование связано со сферой управления [13]. В свою очередь управление раскрывается через отношения управления, систему воздействий управляющей и управляемой подсистем. О.С. Елкина, проведя анализ термина «управление» на базе существующих в научном знании положений, приходит к тому, что «управление хорошо характеризуется через термин “воздействие”» [6, с. 114].

Термин «воздействие» определяется как действие, оказываемое кем/чем-либо на кого/что-либо; влияние. Действие, направленное на кого/что-либо для достижения определенного результата. Воздействие – активное влияние субъекта на объект, не обязательно явное или с обратной связью. На основании сравнения имеющихся в научном знании определений понятия «воздействие», Н.В. Шарафутдинова принимает за рабочее следующее: это – целенаправленный процесс, осуществляемый осознанно, непосредственно и/или опосредованно на личность или группу с целью оказания влияния на них в процессе социального взаимодействия [20, с. 277].

Из представленных трактовок следует, что понятие воздействия отсылает к субъект-объектному типу отношений, в которых субъект – источник активности, направленной на объект. В субъект-субъектных отношениях воздействие не исключено, но работает не в пользу гуманитарных технологий. С отсылкой на положения Б.Г. Юдина, «там, где речь идет о воздействии на индивида, следует говорить о гуманитарных технологиях,

а когда речь идет о воздействиях на социальные общности ... имеет смысл говорить о социальных технологиях» [цит. по: 17, с. 18]. В таком ключе утрачивается миссионерское значение гуманитарных технологий. Согласимся, что термин «гуманитарный» отражает направленность «на бескорыстный интерес к человеку» [17, с. 21].

В. Грановский, В. Осипов, М. Карижский акцентируют внимание на том, что гуманитарные технологии есть совокупность технологий мягкого влияния, в отличие от принуждения и насилия [см.: 12, с. 256]. Мягкое влияние – сила без насилия, управление без принуждения. С отсылкой на документы ЮНЕСКО, Н.И. Медведева пишет: с одной стороны, технология обучения – совокупность методов и средств обработки, представления учебной информации, с другой – наука о способах воздействия преподавателя на учащихся в процессе обучения с использованием необходимых средств; главная проблема, требующая решения за счет технологии, видится в управляемости процесса обучения, где гуманитарные технологии понимаются как комплекс методов управления социо-гуманитарными системами [11, с. 57, 58].

А.Е. Митин, С.О. Филиппова связывают задачу гуманитарных технологий в сфере образования с переходом от субъект-объектной к субъект-субъектной парадигме, с личностно-ориентированным подходом. Однако сохраняющееся в их работе понимание процессов воспитания и обучения как административного ресурса перевело возможности гуманитарных технологий в части использования ресурсов личности обучающихся за счет учета их потребностей и интересов в инструмент оптимизации самого процесса целенаправленного влияния. Отсюда и вывод авторов, что «гуманитарные технологии – это мощные инструменты влияния на поведение человека» [12, с. 258].

С.А. Гончаров полагает гуманитарные технологии как коммуникативное пространство, принципы открытости и прозрачности которого сегодня входят в конфликт с манипулятивными технологиями, которые отличает монологичность (т.е. принцип монологичности социального взаимодействия), непрозрачность (в принятии решений), имитационность (обратных связей), прагматичность (по отношению к человеку) [4].

О.К. Слинкова признаками гуманитарных технологий считает личностно-развивающее, смысло-ценностное, индивидуализированное, диалогическое их содержание [15, с. 81]. В.П. Вирская выделяет два свойственных гуманитарной технологии принципа – диалогичности, условием реализации которого служит построение субъект-субъектного типа отношений в системе «преподаватель-студент»; открытости, например, «целей в работе преподавателя с аудиторией, отсутствие манипулятивности» [3, с. 383].

Т.В. Черникова говорит о «качественном управлении» образовательным процессом, залог которого видится в диалогической природе взаимодействия субъектов управления с теми, на кого направлено воздействие. Гуманитарные технологии представлены как способ преобразования управленческой модели субъект-объектного типа в диалогическое управление [19, с. 6]. Здесь требуется внесение ясности. Образовательная технология включает в себя технологию обучения – как управление учебной деятельностью согласно целям развития учащихся. Идет ли речь о гуманитарной образовательной технологии, которая направлена на изменения в системе управления учебной деятельностью, или о гуманитарной технологии в сфере образования, располагающейся в качестве альтернативы иным технологиям в образовании? Полагаем, что гуманитарную образова-

тельную технологию следует понимать как возможный этап развития, проект образовательной технологии. Гуманитарные технологии в образовании имеют вариативное, самостоятельно устанавливаемое наполнение при базовом понимании их сущности. К ним относятся тренинговые, игровые аудиторные, экспертные и иные технологии в образовании. Гуманитарная образовательная технология переориентирует систему управления в соуправление как продукт диалога субъектов образовательного пространства.

Гуманитарные технологии в качестве альтернативы отличает: открытость; публичность; гласность; прозрачность; диалогичность; системность. На фоне популяризации общественного мнения, демократизации общественной жизни стало модным маркировать коммуникационные площадки как диалоговые, что актуализирует область гуманитарных технологий. Большинство исследователей солидарны – «гуманитарные технологии предполагают обязательное наличие обратной связи между участниками» [9]. Но считать основой диалога обратную связь недостаточно. Не любая обратная связь является диалоговым форматом социальных отношений. Под диалогом в указанном контексте понимается не владение видами речевой деятельности, а диалогическое взаимодействие. Речь о том, что в основе социального взаимодействия могут лежать как принципы диалогичности, так и монологичности.

В большинстве случаев создаваемые коммуникационные площадки носят проектный характер, или проходят стадию апробации. Насколько продуктивны интерпретируемые в качестве гуманитарных применяемые в них технологии? Гуманитарными технологиями прикрываются социологические, игровые (игра со зрителем, слушателем, актером) формы отношений. Ресурс этих отношений ограничен их формами. Это значит, что эффект использования одних и тех же методов в разных их приложениях будет отличаться. Например, использование метода анкетирования в рамках социологических отношений и в производстве гуманитарной экспертизы будет иметь разное действие. Диалог предполагает создание необходимых и достаточных для него условий, без учета которых он несостоятелен.

Гуманитарные концепции берут за отправную точку непосредственное взаимодействие и общение с объектом гуманитарного исследования, которое становится беседой, диалогом. В процессе диалога оказывается возможным глубинное понимание, включающее не только отражение фактов и адекватную трактовку их значения, но и постижение их ценностно-смысловых оснований. Ориентированность гуманитарного познания на текст как исходный предмет изучения требует учета, во-первых, того, что «текстологическое прочтение» гуманитарных явлений выполняет только подготовительную роль; во-вторых, того, что «текст» следует понимать не в узко-лингвистическом смысле, а как любые знаково-символические сообщения и проявления человека.

Е.В. Островский и П.Г. Щедровицкий указывают на то, что гуманитарные технологии управляют не людьми, а правилами их взаимоотношений; «самый эффективный способ воздействия на целевую группу – непосредственное включение человека в процесс принятия решения» [цит. по: 16, с. 200]. Значит, гуманитарные технологии задействованы не просто в принятии решений, а с привлечением целевой аудитории в данный процесс. Не понятно – во благо этой аудитории, либо, под предлогом активного включения, в угоду иных целей и интересов. Ни механизмы, ни условия такого привлечения не проясняются. В 2001 году на поставленный в рамках

тематической конференции вопрос – «что такое гуманитарные технологии?» ясного ответа не последовало. При этом не было отрицания понимания того, что гуманитарные технологии есть «удачный брэнд, раскрученный умелыми рекламщиками и имиджмейкерами» [16, с. 200]. В.П. Соломин, Н.О. Верещагина, А.Е. Митин в своей работе 2011 года отмечают: «Наши исследования показали, что за время, прошедшее с момента этого обсуждения, в рассматриваемый вопрос так и не была внесена ясность» [16, с. 200].

Из вышесказанного можно идти в двух разных направлениях. Либо гуманитарные технологии не противостоят манипулятивному, поскольку сами являются новым манипулятивным ходом. Ведь полученные мнения, позиции рядовых граждан, привлеченных к процессам принятия решений, по-разному можно интерпретировать и использовать в защиту чьих-либо интересов. Либо гуманитарные технологии еще не обрели должного развития – методической, концептуальной, организационной проработки и внедрения. Понимание А.П. Валицкой гуманитарных технологий как теоретической модели [2, с. 29] дает определенное объяснение такой ситуации.

Гуманитарные технологии становятся нередко модным словосочетанием, замещающим уже существующие технологии, а также универсальным понятием, объединяющим в себе известные технологии, что усиливает неопределенность понимания первых.

Точному определению гуманитарных технологий в области образования также препятствует отсутствие строгого различения понятий «гуманитарный» и «гуманистический». На наш взгляд, «гуманистический» имеет в своей основе ценностное измерение. Здесь в центр внимания ставится ценность человека как личности, его свобода, возможности личностного роста и развития, способности к самореализации. «Гуманитарный» – обращенный к человеку, относящийся к циклу наук о человеке и культуре. Основу гуманитарной технологии составляет производственное измерение, направленное на эффективное построение диалога с использованием тех или иных методов, способов, инструментов.

Имеет место не только разность понимания и определения гуманитарной технологии, но и скепсис относительно самого словосочетания. Гуманитарные технологии – «понятие, вызывающее недоумение и скепсис», поскольку в нем, по мнению А.П. Валицкой, совмещаются «техническое» и «гуманитарное» [2, с. 29]. Схожей позиции придерживается А.С. Роботова, считающая, что понятия «технология» как «механический», «бездушный» производственный процесс и «гуманитарный» оппозиционны по смыслу [14, с. 15]. Е.Н. Хадикова в этом же контексте отмечает, что «не происходит различения гуманитарных технологий и технологий производственных» [18]. Внесем ясность в данный пункт. Любая технология встроена в процесс производства чего-либо – знания, информации, продукции. По этой причине некорректно делить технологии на социальные и производственные. Если под последними понимаются промышленные, то лучше их так и обозначать. Специфика процесса подражает соответствующие ему технологии. Используемые со словом «технология» словосочетания указывают на их принадлежность к той или иной сфере. В образовании, констатирует В.П. Вирская, гуманитарные технологии изучаются «как способ решения различных педагогических задач, способствующих максимальной реализации потенциала обучающихся» [3, с. 383].

Тема гуманитарных технологий, вне зависимости от области, в которой они рассматриваются, уходит в проблему социальной коммуникации разных типов и уровней. Ведущая парадигма отстаивает идею челове-

ка как субъекта социальных взаимодействий, важность вовлечения людей, особенно, молодых в социальную практику, активное общественно-политическое участие.

Положенный в основу гуманитарных технологий принцип диалогичности является основополагающим. Но связанные с практической реализацией этого принципа проблемы точно и актуально сформулированы Е.Г. Гребенщиковой: «участие общества – это решение», однако впоследствии стало ясно, что это еще и проблема». Возникают сомнения и вопросы. На каком этапе участие общества целесообразно и эффективно? Какова роль общества? Насколько действительно преодолим «когнитивный разрыв» между специалистом и непрофессионалом? [5]. Исследуя проект народной экспертизы как формы публичной коммуникации общества и власти на основе цифровых платформ, И.А. Быков констатирует, что эти коммуникации затруднены бюрократическими правилами, апелляциями к юридическим процедурам, приемами манипулятивной подачи информации [1, с. 45]. Л.В. Минаева замечает в цифровых платформах публичной коммуникации позиционные тактики, такие как самопрезентации, создания позитивного образа проводимой политики, демонстрации единства власти и граждан [см.: 1, с. 46]. Позиционирование – инструмент для продвижения чего-либо; создание нужного образа в головах целевой аудитории.

Реализация гуманитарных технологий содержательно требует:

- осуществления планирования (постановка цели, задач, формулирование гипотезы, разработка этапов и стадий процесса);
- учета специфики диалоговых площадок, различаемых по уровню и типу; (например, общественный диалог и аудиторный имеют свои особенности);
- разработки методики, соответствующей составным частям процесса;
- организационного обеспечения;
- идентификации участников социального взаимодействия;
- определения условий и требований к лицам, привлекаемым в диалоговое пространство;
- обеспечения нормативно-правового регулирования процесса;
- информационно-консультационного сопровождения;
- определения ресурсов (финансовых, технических, административных).

Условиями реализации гуманитарных технологий служат следующие.

- Системность. Включает в себя идентификацию вовлеченного в процесс лица, установление его положения в системе отношений и связи с тем, из-за чего они возникают. За каждым участником должны быть закреплены ролевые предписания, выдвинуты требования к выполняемой роли, сформулированы ролевые ожидания.
- Адресность. Полагает целевую аудиторию, т.е. то, что объединяет круг лиц относительно гуманитарного объекта.
- Прозрачность. Каждый из вовлеченных в социальный процесс должен видеть значимость своего участия, механизмы учета его среза знания, мнения, позиции, их отражение на результатах принимаемых решений.
- Конвенциональность. Термин происходит от латинского «conventionalis» (соответствующий договору, согласованный). Он имеет значения – условный, общепринятый, соответствующий традициям. Условный – понятный, известный тем, кто условился. В этом смысле В.А. Луков отмечает, что участники

диалога должны говорить на одном языке – языке права [10, с. 115]. Это предполагает установленный социальный статус лиц, вовлеченных в процесс социальной коммуникации, формат, принципы и правила взаимодействия.

Идея гуманитарной экспертизы изначально поставлялась в виде проекта гуманитарной технологии, а именно, использования гуманитарного знания для реализации человековедческого замысла. Развитие этой идеи приводит сегодня к пониманию, что лежащая в основе гуманитарной экспертизы гуманитарная технология представляет собой коммуникативный тип экспертной технологии, базирующийся на концепции развивающей обратной связи. Это означает, что гуманитарные технологии включены в процессы коллективного, совместного социального производства. Исследования в данном направлении вносят вклад в осмысление и оптимизацию субъект-субъектного типа отношений в разных областях общественной жизни. Примем во внимание следующие определения: экспертные технологии – осуществляемые в определенной последовательности операции, действия, выполняемые на основе специальных знаний в связи с проведением исследования объектов в целях ответа на поставленные перед экспертом вопросы [8, с. 41].

Среди возможных сегодня угроз и рисков для гуманитарных технологий можно выделить три тенденции. Во-первых, угроза поглощения гуманитарных технологий манипулятивными, которая повлечет минимизацию гуманитарной миссии и предназначения данных технологий. Во-вторых, низкие показатели результативности практик внедрения гуманитарных технологий. Фиксируемые в них тактики демонстративной позиционности можно интерпретировать в пользу квазитехнологий, «которые лишь имитируют решения и действия, подменяя их демонстрацией, декорацией и декларацией» [7, с. 47]. В-третьих, гуманитарные технологии пока не обрели в научном знании устойчивое положение, в силу чего могут получить свое продолжение в разных направлениях.

Технологизация того или иного процесса направлена на его оптимизацию, поэтому технологию надо рассматривать исходя из ее применимости к объекту познания. Фактическая монодисциплинарность изучения понятия технологии выступает основным сдерживающим и негативно сказывающимся на полноте исследований фактором. Полагаем сообразным рассматривать гуманитарные технологии в диалогической перспективе, ориентированной на кооперативные отношения, продуцирующие развивающие механизмы обратных связей. Надо решить основную дилемму – выступают ли гуманитарные технологии мягкой силой, «гуманитарным» управлением и влиянием, либо их рассматривать как поддерживающие – сопроводительные, содействующие, кооперативные, что, на наш взгляд, больше им соответствует.

Литература

1. Быков И.А. Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 2. С. 45–56. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-45-56
2. Валицкая А.П. Гуманитарные технологии и компетентностный подход в контексте инноваций (антропо-философский взгляд) // Вестник Герценовского университета. 2007. № 6 (44). С. 29–33.
3. Вирская В.П. Новые гуманитарные технологии в техническом образовании // Современные средства связи. 2021. Т. 1. № 1. С. 382–384.

4. Гончаров С.А. Гуманитарные технологии в образовании и социальной сфере // Вестник Герценовского университета. 2008. № 5 (55). С. 9–15.
5. Гребенщикова Е.Г. Ответственные исследования и инновации (RRI): переосмысление ответственности и партиципативные стратегии // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12. – URL: <https://human.snauka.ru/2015/12/13269> (дата обращения: 14.05.2024).
6. Елкина О.С. Управление как категория и многоаспектное явление // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2010. № 4. С. 112–116.
7. Комарова Т.М. Роль органов местного самоуправления в формировании положительного имиджа муниципального образования // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 4. С. 45–49. DOI: 10.20310/1819-8813-2016-11-4-45-49
8. Латышов И.В., Яремчук В.П. Понятие и природа судебно-экспертной технологии // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 39–47. DOI: 10.24412/2071-6184-2023-2-39-47
9. Лен А.А., Торкунова О.И., Степанов А.Р. Гуманитарные технологии в высшем военном образовании // Моя профессиональная карьера. 2022. Т. 1. № 33. С. 45–53.
10. Луков В.А. От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 114–118.
11. Медведева Н.И. Методология гуманитарных технологий в современном образовании // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 1. С. 57–58.
12. Митин А.Е., Филиппова С.О. Гуманитарные технологии: обоснование основных положений применения в образовании // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 255–262.
13. Нечаева Е.О. Социальные технологии: история становления и версии понимания // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4 (126). С. 55–64.
14. Роботова А.С. Гуманитарность и гуманитарные технологии // Вестник Герценовского университета. 2008. № 5 (55). С. 15–21.
15. Слинкова О.К. Гуманитарные технологии в сервисе: основные признаки и подходы к типологии // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. Т. 1. С. 80–86.
16. Соломин В.П., Верещагина Н.О., Митин А.Е. Гуманитарные технологии как новая форма функционирования гуманитарного знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 198–208.
17. Тхагапсоев Х.Г. Гуманитарные технологии: методологические проблемы и ценностные измерения // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1 (57). С. 17–26.
18. Хадикова Е.Н. Теоретический анализ инновационных изменений в образовании посредством гуманитарных технологий // Современные технологии в образовании. 2014. № 14–2. С. 134–140.
19. Черникова Т.В. Качество управления образованием в вузе и гуманитарные технологии его совершенствования // Психология обучения. 2009. № 6. С. 4–16.
20. Шарафутдинова Н.В. Воздействие, психологическое воздействие, влияние, психологическое влияние: научные определения понятий // Психоло-

гия и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 276–279. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-276-279>.

HUMANITARIAN TECHNOLOGIES AS A FIELD OF SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

Shcheglov I.A.

Bauman Moscow State Technical University

The article raises the issue of humanitarian technologies as a field of study in the philosophy of education, philosophy of feedback, humanitarian expertise, and the field of management. The definition of the concepts of technology and humanitarian technology is given. The analysis of the approaches presented in scientific knowledge to the understanding of humanitarian technologies is carried out, the author's view of their nature is presented. The discussion field in the stated topic is outlined. The thesis about the inappropriateness of designing humanitarian technologies for social ones is substantiated. The conditions and substantive requirements for the implementation of humanitarian technologies are highlighted, the importance of the expert direction in their study is shown. The problem of possible threats and risks to humanitarian technologies at the present stage of social development is emphasized. The conclusion is formulated about the relevance of considering humanitarian technologies in a dialogical perspective focused on cooperative relations that produce developing feedback mechanisms.

Keywords: technology, humanitarian technologies, social technologies, humanitarian expertise, expert technology, information technologies.

References

1. Bykov I.A. Digital platforms of public administration in the system of national public communications // *Journal of Political Studies*. 2021. Vol. 5. No. 2. Pp. 45–56. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-45-56
2. Valitskaya A.P. Humanitarian technologies and competence-based approach in the context of innovations (anthropo-philosophical view) // *Bulletin of Herzen University*. 2007. No. 6 (44). Pp. 29–33.
3. Virskaya V.P. New humanitarian technologies in technical education // *Modern means of communication*. 2021. Vol. 1. No. 1. Pp. 382–384.
4. Goncharov S.A. Humanitarian technologies in education and social sphere // *Bulletin of Herzen University*. 2008. No. 5 (55). P. 9–15.
5. Grebenschikova E.G. Responsible research and innovation (RRI): rethinking responsibility and participatory strategies //

- Humanitarian scientific research. 2015. No. 12. – URL: <https://human.snauka.ru/2015/12/13269> (date of access: 14.05.2024).
6. Elkina O.S. Management as a category and multi-aspect phenomenon // *Bulletin of Omsk University. Series: Economics*. 2010. No. 4. P. 112–116.
7. Komarova T.M. The role of local governments in forming a positive image of a municipality // *Socio-economic phenomena and processes*. 2016. Vol. 11. No. 4. P. 45–49. DOI: 10.20310/1819-8813-2016-11-4-45-49
8. Latyshov I.V., Yaremchuk V.P. Concept and nature of forensic technology // *Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences*. 2023. No. 2. P. 39–47. DOI: 10.24412/2071-6184-2023-2-39-47
9. Len A.A., Torkunova O.I., Stepanov A.R. Humanitarian technologies in higher military education // *My professional career*. 2022. Vol. 1. No. 33. P. 45–53.
10. Lukov V.A. From social expertise to humanitarian expertise // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2012. No. 2. Pp. 114–118.
11. Medvedeva N.I. Methodology of humanitarian technologies in modern education // *International Journal of Experimental Education*. 2012. No. 1. Pp. 57–58.
12. Mitin A.E., Filippova S.O. Humanitarian technologies: substantiation of the main provisions of application in education // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2013. No. 3. Pp. 255–262.
13. Nechaeva E.O. Social technologies: history of formation and versions of understanding // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism*. 2014. No. 4 (126). P. 55–64.
14. Robotova A.S. Humanitarianism and humanitarian technologies // *Bulletin of Herzen University*. 2008. No. 5 (55). P. 15–21.
15. Slinkova O.K. Humanitarian technologies in service: main features and approaches to typology // *Proceedings of Bratsk State University. Series: Economics and Management*. 2021. Vol. 1. P. 80–86.
16. Solomin V.P., Vereshchagina N.O., Mitin A.E. Humanitarian technologies as a new form of functioning of humanitarian knowledge // *Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2011. No. 132. P. 198–208.
17. Tkhagapsoev H.G. Humanitarian technologies: methodological problems and value dimensions // *Scientific thought of the Caucasus*. 2009. No. 1 (57). P. 17–26.
18. Khadikova E.N. Theoretical analysis of innovative changes in education through humanitarian technologies // *Modern technologies in education*. 2014. No. 14–2. P. 134–140.
19. Chernikova T.V. Quality of education management in a university and humanitarian technologies for its improvement // *Psychology of education*. 2009. No. 6. P. 4–16.
20. Sharafutdinova N.V. Impact, psychological impact, influence, psychological influence: scientific definitions of concepts // *Psychology and pedagogy of service activity*. 2022. No. 4. P. 276–279. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-276-279>.

Эволюция стратегий ультраправых движений в политической системе ЕС: на примере деятельности президента национального объединения Франции Ж. Барделлы

Болдырев Марк Олегович,

магистр кафедры теории и истории международных отношений Факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: markb@mail.ru

Цель исследования – проанализировать феномен Жордана Барделлы и его роль в дедемонизации Национального объединения (НО) во Франции. Основные задачи заключаются в том, чтобы понять стратегию Ж. Барделлы по завоеванию широкой популярности, особенно среди молодежи и пожилых избирателей, и оценить последствия его успеха для более широкого политического ландшафта. В исследовании выдвинута гипотеза о том, что стратегическое использование Ж. Барделлой социальных сетей и его харизматическая публичная персона в значительной степени способствуют его устойчивой популярности и успеху НО на выборах.

В методологическом плане в данном исследовании использован смешанный метод, сочетающий качественный анализ освещения в СМИ и активности Ж. Барделлы в социальных сетях с количественным анализом данных опросов и результатов выборов. Результаты показывают, что умелое использование Ж. Барделлой таких платформ, как TikTok, нашло отклик у молодых избирателей, в то время как его усилия по ребрендингу НО привлекли заметный процент избирателей старшего возраста. Выступление НО на выборах в Европарламент в 2024 году, где она получила почти треть голосов, подчеркивает эффективность стратегии Ж. Барделлы и знаменует собой значительный сдвиг в политике Франции и Европы с ростом националистических и евроскептических партий, а также изменения социальной базы таких партий.

Ключевые слова: Жордан Барделла, Эммануэль Макрон, Марин Ле Пен, выборы, Национальное объединение, дедемонизация, Национальная Ассамблея, Европейский Союз.

Если обратиться к истории французской политики, можно заметить, что французы характеризуются своим непостоянством в этом вопросе. Новые политические деятели проходят через короткие периоды поддержки, после чего неизбежно теряют свою популярность. Последние опросы показывают, что лишь четверть французов доверяют своему правительству или Национальному собранию.

Однако Жордан Барделла является исключением из этого правила. Будучи президентом крайне правого Национального объединения, он на протяжении десяти лет участвует в политической жизни, в том числе пять лет является самым видным представителем партии в Европейском парламенте, не теряя при этом своей общественной привлекательности.

На выборах в Европейский парламент в июне 2024 года 28-летний Ж. Барделла превзошел своих соперников, получив значительную часть голосов. Почти треть французских избирателей поддержала Национальное объединение, обеспечив партии, исторически считавшейся слишком радикальной, вдвое большую поддержку, чем ее ближайшему конкуренту, партии президента Франции Эммануэля Макрона «Возрождение» [18].

Популярность Жордана Барделлы можно объяснить его грамотной манерой поведения и стратегическим использованием социальных сетей, в частности TikTok. Его харизматичное и располагающее к себе поведение привлекло значительную поддержку среди молодежи. Примечательно, что Ж. Барделла был единственным политиком, вошедшим в список 50 самых популярных фигур во Франции по версии французского еженедельника JDD [2].

Рост популярности Ж. Барделлы, наряду с более широким подъемом ультраправых партий по всей Европе, означает потенциальный поворот парадигмы в европейской политике. Традиционные барьеры, которые когда-то исключали националистические и евроскептические партии, такие как Национальное объединение, разрушаются. Существует опасение, что после выборов Европа может столкнуться с трудным периодом, когда прогресс будет замедлен, а амбициозные планы ограничены.

В настоящее время в шести из 27 стран-членов Европейского союза, включая Италию, правительства состоят из представителей партий, ранее считавшихся крайне правыми. Нидерланды готовы присоединиться к этой категории. Хотя высокие результаты на выборах в Европарламент не приведут к немедленному возвышению Национального объединения до уровня Елисейского дворца, итоги широко рассматриваются как предвестник президентских выборов 2027 года, на которых Марин Ле Пен, многолетний лидер партии, как ожидается, сделает еще одну заявку на президентский пост.

Исторически сложилось так, что французские избиратели объединялись, чтобы не допустить ультраправых к власти. Однако сейчас политологи считают, что эта оборонительная стратегия может оказаться неэффективной. Если Национальное объединение в будущем добьется президентского успеха, то это произойдет отча-

сти благодаря его стратегическому ребрендингу в качестве жизнеспособной и привлекательной альтернативы традиционным политическим партиям – трансформации, олицетворением которой стал Жордан Барделла.

Благодаря своему тщательному подобранному имиджу Жордан Барделла, кандидат от ультраправых, завоевал горячую поддержку. Его сторонники активно поддерживают его на предвыборных мероприятиях, выражая одобрение и внимательно следя за его выступлениями в СМИ и на социальных платформах, таких как TikTok [9]. Французские газеты часто пишут о нем под такими заголовками, как «Суперзвезда Барделла», «Перевосхождение ультраправых», «Сверхъяркий популизм» и «Ловушка Барделла» [15].

Несмотря на критику со стороны СМИ и политических противников по поводу его поверхностного понимания сложных вопросов, Ж. Барделла постоянно увеличивает разрыв между собой и Валери Айер, кандидатом от партии Э. Макрона «Возрождение». Его предвыборная стратегия включает в себя постоянные обновления статуса в TikTok и многочисленные селфи с фанатами [11].

Привлекательность Ж. Барделлы распространяется на все возрастные группы. Он начал свою избирательную кампанию в ночном клубе, в неформальной обстановке, что значительно укрепило его поддержку среди молодых избирателей. Кроме того, он добился значительных успехов среди пожилых избирателей – демографической группы, которая исторически сопротивлялась его партии. Проведенный в апреле опрос IFOP показал, что 23 процента избирателей старше 65 лет планируют поддержать Ж. Барделлу, что больше, чем 19 процентов в 2019 году [13].

Даже политические оппоненты Ж. Барделлы признают его авторитет. Сам Э. Макрон перешел традиционные политические границы, пригласив Ж. Барделлу участвовать в межпартийных дискуссиях.

Марин Ле Пен высоко оценила роль Ж. Барделлы в ее усилиях по улучшению имиджа партии и подготовке ее к управлению страной. Она отметила, что Ж. Барделла «не отягощен клеймом, которое окружает голосование за Национальный фронт», имея в виду прежнее название партии, связанное с ее отцом, Жан-Мари Ле Пенем. «Он представляет новое поколение» [6].

Отшлифованный образ Ж. Барделлы – результат тщательной подготовки. Паскаль Юмо, бывший специалист по связям с общественностью Национального объединения, впоследствии прекративший сотрудничество с партией, рассказал, что Ж. Барделла прошел обширную подготовку для работы со СМИ. «Он был пустой оболочкой», – заявил П. Юмо в интервью документальному фильму *Complément d'enquête*. «С точки зрения глубины он был весьма ограничен» [1].

П. Юмо добавил, что нынешняя легкость и энтузиазм Ж. Барделлы – результат месяцев тщательных тренировок. Даже его улыбка и манера приветствия были тщательно отработаны. Эта стратегическая подготовка личности Ж. Барделлы сыграла решающую роль в его политическом восхождении.

Он родился в семье рабочего класса итальянского происхождения, эмигрировавшей во Францию в 1960-х годах, и вырос в общественном жилье в районе Габриэль-Пери в Сен-Дени. Этот бедный пригород к северу от Парижа известен торговлей наркотиками и насильственными преступлениями. Подростком Ж. Барделла вступил в Национальное объединение и бросил университет ради политической карьеры.

Ж. Барделла строго придерживается политических позиций Национального объединения, осуждая преступ-

ность, связанную с наркотиками, и «разгул исламизма» во французских кварталах. Он подчеркивает свое суровое воспитание, контрастирующее с происхождением многих представителей политической элиты Парижа. Однако критики ставят под сомнение подлинность рассказов Ж. Барделлы, отмечая, что его отец был достаточно обеспечен, чтобы позволить себе обучение в частной школе и отдых за границей [14].

В январе 2024 года Ж. Барделла столкнулся с обвинениями в тайном распространении расистских комментариев в социальных сетях во время его пребывания на посту члена регионального совета в 2016 году, которые он отверг.

Франция имеет опыт избрания восходящих звезд, которые бросают вызов политическому истеблишменту. В 2017 году Эммануэль Макрон произвел революцию во французском политическом ландшафте, разгромив основные политические партии страны в ходе своего восхождения на пост президента. К моменту инаугурации Э. Макрона осталось только две значимые политические силы: его собственная и М. Ле Пен, что создало предпосылки для нынешнего вызова, брошенного Ж. Барделлой.

Центристы видят в Национальном объединении своего единственного соперника, что создает биполярный политический ландшафт. Недавние майские дебаты между Ж. Барделлой и 35-летним премьер-министром Э. Макрона, Габриэлем Атталем, подчеркнули эту динамику. Два потенциальных преемника действующего президента боролись за свое видение Европы в ходе телевизионного выступления, которое собрало 3,6 миллиона зрителей.

Жордан Барделла и Марин Ле Пен усердно работают над ребрендингом Национального объединения. В качестве стратегического шага, направленного на дистанцирование от более экстремальных фракций ультраправых, М. Ле Пен недавно разорвала связи с ультраправой Альтернативой для Германии и вместо этого объединилась с Джорджией Мелони, лидером ультраправых в Италии, которая на европейской арене успешно движется в сторону политического центра.

Однако, по мнению Жана-Ива Камю, специалиста по ультраправым в парижском аналитическом центре *Fondation Jean Jaurès*, эти изменения в значительной степени поверхностны. Хотя Национальное объединение дистанцировалось от более одиозных элементов своего прошлого, таких как антисемитизм Жан-Мари Ле Пена, платформа партии остается одной из самых радикальных во Франции, особенно в отношении международных организаций [10].

Хотя ставки на выборах в Европарламент могут показаться относительно невысокими, возможная победа М. Ле Пен на президентских выборах 2027 года существенно изменит политический ландшафт ЕС, потенциально поставив Францию в один ряд с такими странами, как Венгрия и Словакия, которые бросают вызов либеральному истеблишменту Брюсселя.

В Брюсселе Национальное объединение в течение последнего десятилетия последовательно выступало против значительных политических инициатив, включая фонд ЕС по восстановлению после пандемии, европейскую программу *Green Deal* и военную помощь Украине. Президентская платформа М. Ле Пен в 2022 году предусматривала выход Франции из объединенного военного командования НАТО [17]. Хотя она публично осудила СВО, ее партия воздержалась от решающих голосований в поддержку Киева как во Франции, так и в Европарламенте. Партию постоянно обвиняют в связях с Россией [3].

В мартовском интервью Ж. Барделла сделал неожиданное заявление, указав, что хотя Национальное объединение по-прежнему стремится покинуть объединенное командование НАТО, оно сделает это только после окончания Украинского кризиса. «Вы не меняете договоры в военное время», – пояснил он [8].

Национальное объединение умело обставило предстоящие выборы как промежуточный референдум о доверии Э. Макрону, отвлекая внимание от более широких геополитических угроз, стоящих перед Европой [16]. Европейские выборы часто служат своеобразным показателем общественного мнения, по словам эксперта Бруно Жанбарта. «Это сложные выборы для правящей партии, на которых люди обычно выражают свой гнев или разочарование», – объяснил он [4].

Столкнувшись с ожидаемым поражением, союзники Э. Макрона уже пытаются преуменьшить значение выборов. Они утверждают, что, хотя Ж. Барделла сейчас очень популярен, его поддержка носит временный характер.

Слабые места Ж. Барделлы стали очевидны во время его дебатов с премьер-министром Габриэлем Атталем. Несмотря на то, что Ж. Барделла находится в Европарламенте с 2019 года, он практически не проявлял активности, подав всего 21 поправку и часто пропуская дебаты. Хотя в дебатах с Г. Атталем он показал себя лучше, чем М. Ле Пен с Э. Макроном в их президентских дебатах 2017 года, Ж. Барделла выглядел скованным и неловким, когда ему приходилось отклоняться от затовленных ответов.

«Он привлекает максимум избирателей, не занимая четкой позиции ни по какому вопросу», – сказал Франсуа-Ксавье Беллами, ведущий кандидат от консервативной партии Республиканцы. «Но в какой-то момент ему придется перестать занимать расплывчатую позицию» [20].

Даже бывшие союзники описывают Ж. Барделлу как человека, которому не хватает глубины взглядов. «Я быстро убедился, что его убеждения очень переменчивы», – отмечает Флориан Филиппо, бывшая правая рука М. Ле Пен, покинувшая партию после ее поражения на президентских выборах в 2017 году [5].

Несмотря на эту критику, поддержка Ж. Барделлы остается высокой. Опрос, проведенный вскоре после его дебатов с Г. Атталем, показал, что его поддержка достигла рекордно высокого уровня в 34%.

Самым уязвимым местом Ж. Барделлы могут быть растущие предположения о предстоящем столкновении с М. Ле Пен в партии, печально известной своими битвами за лидерство. Недавний опрос показал сдвиг в поддержке избирателей: 52 процента избирателей Национального объединения предпочли бы Ж. Барделлу по сравнению с 43 процентами М. Ле Пен [12].

Хотя Ж. Барделла и М. Ле Пен в настоящее время представляют собой единый фронт, это равновесие многие считают неустойчивым. В Национальном объединении (как и в Национальном Фронте) всегда был один четкий лидер, если кто-то посягал на это звание, то его исключали из партии. Исторически сложилось так, что Жан-Мари Ле Пен устранил двух соперников, прежде чем его сместила родная дочь.

Учитывая более широкую привлекательность Ж. Барделлы и его позицию в поддержку бизнеса, некоторые в партии считают, что он может привести Национальное объединение к победе в 2027 году, особенно если М. Ле Пен будет дисквалифицирована из-за судебного процесса по делу о растратах [19]. Однако многие другие считают, что Ж. Барделла скорее всего проиграет в любой конфронтации с М. Ле Пен, которая остается доминиру-

ющей силой в партии [7]. В сущности, если он окажется в конфликте с влиятельным лидером партии, его политическая карьера может значительно ухудшиться.

Таким образом, стратегический ребрендинг Национального объединения под руководством Жордана Барделлы и Марин Ле Пен представляет собой продуманный шаг, направленный на дистанцирование партии от ее более радикального прошлого при сохранении жесткой позиции по ключевым международным вопросам. Это смещение акцентов направлено на то, чтобы повысить привлекательность партии и усилить ее политическое влияние как внутри страны, так и в Европейском союзе. Несмотря на эти усилия, эксперты, такие как Жан-Ив Камю, утверждают, что эти изменения в значительной степени поверхностны, а основная платформа партии остается одной из самых радикальных во Франции, особенно в ее оппозиции к международным организациям и инициативам [10].

Центральное место в этом ребрендинге занимает сам Жордан Барделла. Его отточенный имидж, стратегическое использование социальных сетей и способность наладить контакт с широкой демографической группой, включая молодежь и пожилых людей, сыграли решающую роль в процессе дедемонизации Национального объединения. Взлет Ж. Барделлы в партии, ознаменовавшийся его значительным успехом на выборах и растущей популярностью, иллюстрирует, как новое поколение лидеров может изменить общественное восприятие и повысить политическую конкурентоспособность партии.

Предстоящие выборы, как в Национальную Ассамблею, так и на пост президента Франции, могут стать решающими для Национального объединения. Потенциальная победа Марин Ле Пен на президентских выборах 2027 года может кардинально изменить политический ландшафт ЕС, поставив Францию в один ряд с такими странами, как Венгрия и Словакия, в борьбе с либеральным истеблишментом Брюсселя. Между тем, недавние заявления и стратегические шаги Ж. Барделлы свидетельствуют об осторожном, но решительном подходе к преодолению текущей геополитической напряженности, такой как продолжающийся кризис на Украине, при одновременном укреплении долгосрочных задач партии.

Поскольку Национальное объединение продолжает преодолевать внутренние и внешние трудности, в том числе колебания в общественном восприятии, способность партии объединить свою социальную базу и расширить свою привлекательность будет иметь решающее значение. Меняющийся политический ландшафт Франции, характеризующийся борьбой между центристами, ультраправыми и ультралевыми, подчеркивает значимость стратегии Национального объединения и его потенциал изменить французскую и европейскую политику в ближайшие годы. Роль Ж. Барделлы как ключевого элемента и «лица» процесса дедемонизации подчеркивает важность стратегического лидерства в переосмыслении политической идентичности и достижении более широкого признания партии.

Литература

1. Andraca R. 2024. Pascal Humeau, le communicant préféré de la droite dure [Pascal Humeau, the communication specialist of the far right]. Arrêt sur images. 11.02.2024. Available at: <https://www.arretsurimages.net/articles/pascal-humeau-le-communicant-prefere-de-la-droite-dure> (дата обращения: 11.05.2024).
2. André A. 2023. Top 50 du JDD: Jordan Bardella, seul (politique) au monde [JDD Top 50: Jordan Bardella,

- the only (politician) in the world]. *Le Journal du Dimanche*. 30.12.2023. Available at: <https://www.lejdd.fr/politique/top-50-du-jdd-jordan-bardella-seul-politique-au-monde-140791> (дата обращения: 13.06.2024).
3. Bertocchi, A. 2024. *Le RN et la Russie: une longue histoire d'amour qui n'est pas terminée* [The RN and Russia: a long love affair that's not over yet]. *Nouvel Obs*. 18.06.2024. Available at: <https://www.nouvelobs.com/politique/20240618.OBS89944/le-rn-et-la-russie-une-longue-histoire-d-amour-qui-n-est-pas-terminee.html> (дата обращения: 19.06.2024).
 4. Bruno Jeanbart: «L'élection européenne est désormais la seconde ou on vote le plus au niveau national» [Bruno Jeanbart: «The European election is now the second most popular national election»]. 2024. *CNEWS*. 09.06.2024. Available at: <https://www.dailymotion.com/video/x900g16> (дата обращения: 15.06.2024).
 5. Florian Philippot (Les Patriotes): «Gabriel Attal a réussi a mettre Jordan Bardella face aux contradictions énormes [du programme du RN]» [Florian Philippot (Patriotes): «Gabriel Attal succeeded in confronting Jordan Bardella with the enormous contradictions [in the RN programme]»]. *BFMTV*. 24.05.2024. Available at: https://www.bfmtv.com/politique/elections/europeennes/florian-philippot-les-patriotes-gabriel-attal-a-reussi-a-mettre-jordan-bardella-face-aux-contradictions-enormes-du-programme-du-rn_VN-202405231065.html (дата обращения: 16.06.2024).
 6. French Far-Right Party Elects New Leader to Replace Le Pen. 2022. *Voanews*. 05.11.2022. Available at: <https://www.voanews.com/a/french-far-right-party-elects-new-leader-to-replace-le-pen-/6822226.html> (дата обращения: 16.06.2024).
 7. Guillou, C. 2023. *Marine Le Pen or Jordan Bardella: Who leads the Rassemblement National?* *Le Monde*. 27.03.2023. Available at: https://www.lemonde.fr/en/politics/article/2023/03/27/marine-le-pen-or-jordan-bardella-who-leads-the-rassemblement-national_6020794_5.html (дата обращения: 15.06.2024).
 8. Jordan Bardella oppose a une sortie du commandement integre del'OTAN «en periode de guerre» [Jordan Bardella opposes leaving NATO's integrated command «in times of war»]. 2024. *AFP*. 28.03.2024. Available at: https://www.bfmtv.com/politique/front-national/jordan-bardella-oppose-a-une-sortie-du-commandement-integre-de-l-otan-en-periode-de-guerre_AD-202403281032.html (accessed: 17.06.2024).
 9. Jordan Bardella: 28-year-old «captain» of France's far right. 2024. *CNA*. 10.06.2024. Available at: <https://www.channelnewsasia.com/world/jordan-bardella-28-year-old-captain-frances-far-right-4398266> (accessed: 17.06.2024).
 10. Jusqu'ou le RN peut-il aller: «La majorite absolue, je n'y crois pas», repond le politologue Jean-Yves Camus [How far can the RN go: «I don't believe in an absolute majority», says political scientist Jean-Yves Camus]. 2024. *La Montagne*. 13.06.2024. Available at: https://www.lamontagne.fr/paris-75000/actualites/jusqu-ou-le-rn-peut-il-aller-la-majorite-absolue-je-n-y-crois-pas-repond-le-politologue-jean-yves-camus_14516758/ (accessed: 15.06.2024).
 11. Larcher, T. 2024. *Jordan Bardella: his unflattering nickname and 1.5m Tik Tok fans*. *The Connexion*. 11.06.2024. Available at: <https://www.connexionfrance.com/news/jordan-bardella-his-unflattering-nickname-and-15m-tik-tok-fans/663977> (accessed: 13.06.2024).
 12. *Le Barometre Europeennes 2024* [Barometer Europeennes 2024]. 2024. *Opinion Way*. 07.06.2024. Available at: <https://www.opinion-way.com/fr/sondage-d-opinion/sondages-publies/opinionway-pour-cnews-europe-1-le-jdd-barometre-europeennes-2024-7-juin-2024/download.html> (accessed: 18.06.2024).
 13. *Les intentions de vote a l'élection présidentielle* [Voting intentions for the presidential election]. 2024. *IFOP*. 04.2024. Available at: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2024/04/120799-Resultats-ensemble.pdf> (accessed: 15.06.2024).
 14. Masih, N., Timsit, A. 2024. *A 28-year-old is the face of France's far right: Who is Jordan Bardella?* *Washington Post*. 12.06.2024. Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/06/12/jordan-bardella-france-far-right/> (accessed: 15.06.2024).
 15. Pontus A. 2024. *Bardella super star*. *RFI*. 23.04.2024. Available at: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/le-choix-d-arnaud-pontus/20240423-23-avril-2024-bardella-super-star> (дата обращения: 17.06.2024).
 16. Povillon, Y. 2024. *Les elections europeennes etaient un referendum pour ou contre Macron, les legislatives seront un referendum pour ou contre Bardella* [The European elections were a referendum for or against Macron, the legislative elections will be a referendum for or against Bardella]. *Midi Libre*. 09.06.2024. Available at: <https://www.midilibre.fr/2024/06/09/les-elections-europeennes-etaient-un-referendum-pour-ou-contre-macron-les-legislatives-seront-un-referendum-pour-ou-contre-bardella-12005448.php> (дата обращения: 16.06.2024).
 17. *Programme de Marine Le Pen* [Marine Le Pen program]. 2022. *L'internaute*. 24.04.2022. Available at: <https://www.linternaute.com/actualite/politique/1364508-programme-de-marine-le-pen-2022-pouvoir-d-achat-securite-immigration-le-resume-du-projet/> (дата обращения: 12.06.2024).
 18. *Results of the elections to the European Parliament (France)*. 2024. *European Parliament*. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en/france/> (accessed: 10.06.2024).
 19. *Who is Jordan Bardella, 28-yr-old Marine Le Pen protege who could be France's next PM?* 2024. *Firstpost*. 13.06.2024. Available at: <https://www.firstpost.com/explainers/who-is-jordan-bardella-28-yr-old-marine-le-pen-protege-who-could-be-frances-next-pm-13782157.html> (дата обращения: 16.06.2024).
 20. Wittenberg, J. 2024. *Debat Attal-Bardella: «Le perdant, c'est la democratie francaise», estime Francois-Xavier Bellamy (LR)* [Attal-Bardella debate: «French democracy is the loser», says Francois-Xavier Bellamy (LR)]. *Franceinfo*. 24.05.2024. Available at: https://www.franceinfo.fr/elections/europeennes/debat-attal-bardella-le-perdant-c-est-la-democratie-francaise-estime-francois-xavier-bellamy-lr_6562919.html (дата обращения: 18.06.2024).

THE EVOLUTION OF STRATEGIES OF FAR-RIGHT MOVEMENTS IN THE POLITICAL SYSTEM OF THE EU: BASED ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE PRESIDENT OF THE FRENCH NATIONAL RALLY J. BARDELLA

Boldyrev M.O.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The aim of this study is to analyse the phenomenon of Jordan Bardella and his role in the de-demonisation of the National Rally (RN) in France. The main objectives are to understand J. Bardella's strategy to gain widespread popularity, especially among young and older voters, and to assess the implications of his success for the broader political landscape. The study hypothesises that J. Bardella's strategic use of social media and his charismatic public perso-

na contribute significantly to his sustained popularity and electoral success.

Methodologically, this study uses a mixed-method approach, combining qualitative analyses of media coverage and J. Bardella's social media activity with quantitative analyses of polling data and election results. The results show that J. Bardella's skilful use of platforms such as TikTok resonated with young voters, while his efforts to rebrand RN attracted a notable percentage of older voters. RN's performance in the 2024 European Parliament elections, where it won almost a third of the vote, emphasises the effectiveness of J. Bardella's strategy and marks a significant shift in French and European politics with the rise of nationalist and Eurosceptic parties and the changing social base of such parties.

Keywords: Jordan Bardella, Emmanuel Macron, Marine Le Pen, elections, National Rally, de-demonisation, National Assembly, European Union.

References

1. Andraca R. 2024. Pascal Humeau, le communicant préféré de la droite dure [Pascal Humeau, the communication specialist of the far right]. Arrêt sur images. 11.02.2024. Available at: <https://www.arretsurimages.net/articles/pascal-humeau-le-communicant-prefere-de-la-droite-dure> (accessed: 11.05.2024).
2. André A. 2023. Top 50 du JDD: Jordan Bardella, seul (politique) au monde [JDD Top 50: Jordan Bardella, the only (politician) in the world]. Le Journal du Dimanche. 30.12.2023. Available at: <https://www.lejdd.fr/politique/top-50-du-jdd-jordan-bardella-seul-politique-au-monde-140791> (accessed: 13.06.2024).
3. Bertocchi, A. 2024. Le RN et la Russie: une longue histoire d'amour qui n'est pas terminée [The RN and Russia: a long love affair that's not over yet]. Nouvel Obs. 18.06.2024. Available at: <https://www.nouvelobs.com/politique/20240618.OBS89944/le-rn-et-la-russie-une-longue-histoire-d-amour-qui-n-est-pas-terminee.html> (accessed: 19.06.2024).
4. Bruno Jeanbart: «L'élection européenne est désormais la seconde ou on vote le plus au niveau national» [Bruno Jeanbart: «The European election is now the second most popular national election»]. 2024. CNEWS. 09.06.2024. Available at: <https://www.dailymotion.com/video/x900g16> (accessed: 15.06.2024).
5. Florian Philippot (Les Patriotes): «Gabriel Attal a réussi à mettre Jordan Bardella face aux contradictions énormes [du programme du RN]» [Florian Philippot (Patriotes): «Gabriel Attal succeeded in confronting Jordan Bardella with the enormous contradictions [in the RN programme]»]. BFMTV. 24.05.2024. Available at: https://www.bfmtv.com/politique/elections/europeennes/florian-philippot-les-patriotes-gabriel-attal-a-mettre-jordan-bardella-face-aux-contradictions-enormes-du-programme-du-rn_VN-202405231065.html (accessed: 16.06.2024).
6. French Far-Right Party Elects New Leader to Replace Le Pen. 2022. Voa news. 05.11.2022. Available at: <https://www.voanews.com/a/french-far-right-party-elects-new-leader-to-replace-le-pen-/6822226.html> (accessed: 16.06.2024).
7. Guillou, C. 2023. Marine Le Pen or Jordan Bardella: Who leads the Rassemblement National? Le Monde. 27.03.2023. Available at: https://www.lemonde.fr/en/politics/article/2023/03/27/marine-le-pen-or-jordan-bardella-who-leads-the-rassemblement-national_6020794_5.html (accessed: 15.06.2024).
8. Jordan Bardella oppose a une sortie du commandement intégrée de l'OTAN «en période de guerre» [Jordan Bardella opposes leaving NATO's integrated command «in times of war»]. 2024. AFP. 28.03.2024. Available at: https://www.bfmtv.com/politique/front-national/jordan-bardella-oppose-a-une-sortie-du-commandement-integre-de-l-otan-en-periode-de-guerre_AD-202403281032.html (accessed: 17.06.2024).
9. Jordan Bardella: 28-year-old «captain» of France's far right. 2024. CNA. 10.06.2024. Available at: <https://www.channelnewsasia.com/world/jordan-bardella-28-year-old-captain-frances-far-right-4398266> (accessed: 17.06.2024).
10. Jusqu'ou le RN peut-il aller: «La majorité absolue, je n'y crois pas», répond le politologue Jean-Yves Camus [How far can the RN go: «I don't believe in an absolute majority», says political scientist Jean-Yves Camus]. 2024. La Montagne. 13.06.2024. Available at: https://www.lamontagne.fr/paris-75000/actualites/jusqu-ou-le-rn-peut-il-aller-la-majorite-absolue-je-n-y-crois-pas-repond-le-politologue-jean-yves-camus_14516758/ (accessed: 15.06.2024).
11. Larcher, T. 2024. Jordan Bardella: his unflattering nickname and 1.5m Tik Tok fans. The Connexion. 11.06.2024. Available at: <https://www.connexionfrance.com/news/jordan-bardella-his-unflattering-nickname-and-15m-tik-tok-fans/663977> (accessed: 13.06.2024).
12. Le Barometre Europeennes 2024 [Barometer Europeennes 2024]. 2024. Opinion Way. 07.06.2024. Available at: <https://www.opinion-way.com/fr/sondage-d-opinion/sondages-publies/opinionway-pour-cnews-europe-1-le-jdd-barometre-europeennes-2024-7-juin-2024/download.html> (accessed: 18.06.2024).
13. Les intentions de vote à l'élection présidentielle [Voting intentions for the presidential election]. 2024. IFOP. 04.2024. Available at: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2024/04/120799-Resultats-ensemble.pdf> (accessed: 15.06.2024).
14. Masih, N., Timsit, A. 2024. A 28-year-old is the face of France's far right: Who is Jordan Bardella? Washington Post. 12.06.2024. Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/06/12/jordan-bardella-france-far-right/> (accessed: 15.06.2024).
15. Pontus A. 2024. Bardella super star. RFI. 23.04.2024. Available at: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/le-choix-d-arnaud-pontus/20240423-23-avril-2024-bardella-super-star> (accessed: 17.06.2024).
16. Povillon, Y. 2024. Les élections européennes étaient un référendum pour ou contre Macron, les législatives seront un référendum pour ou contre Bardella [The European elections were a referendum for or against Macron, the legislative elections will be a referendum for or against Bardella]. Midi Libre. 09.06.2024. Available at: <https://www.midilibre.fr/2024/06/09/les-elections-europeennes-etaient-un-referendum-pour-ou-contre-macron-les-legislatives-seront-un-referendum-pour-ou-contre-bardella-12005448.php> (accessed: 16.06.2024).
17. Programme de Marine Le Pen [Marine Le Pen program]. 2022. L'internaute. 24.04.2022. Available at: <https://www.linternaute.com/actualite/politique/1364508-programme-de-marine-le-pen-2022-pouvoir-d-achat-securite-immigration-le-resume-du-projet/> (accessed: 12.06.2024).
18. Results of the elections to the European Parliament (France). 2024. European Parliament. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en/france/> (accessed: 10.06.2024).
19. Who is Jordan Bardella, 28-yr-old Marine Le Pen protégé who could be France's next PM? 2024. Firstpost. 13.06.2024. Available at: <https://www.firstpost.com/explainers/who-is-jordan-bardella-28-yr-old-marine-le-pen-protége-who-could-be-frances-next-pm-13782157.html> (accessed: 16.06.2024).
20. Wittenberg, J. 2024. Débat Attal-Bardella: «Le perdant, c'est la démocratie française», estime François-Xavier Bellamy (LR) [Attal-Bardella debate: «French democracy is the loser», says François-Xavier Bellamy (LR)]. Franceinfo. 24.05.2024. Available at: https://www.francetvinfo.fr/elections/europeennes/debat-attal-bardella-le-perdant-c-est-la-democratie-francaise-estime-francois-xavier-bellamy-lr_6562919.html (accessed: 18.06.2024).

Брега Александр Васильевич,

ведущий научный сотрудник федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор МТУСИ

E-mail: avbrega@mail.ru

Брега Галина Викторовна,

доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

E-mail: gvbreaga@mail.ru

В статье основное внимание уделяется использованию социальных медиа и социальных сетей как каналов политического участия и политической дестабилизации, что в свою очередь создает различные политические риски. Соответственно осмысление различных приёмов, методов и средств повышения рискогенности политического процесса посредством социальных медиа и сетей позволяют совершенствовать и разрабатывать новые механизмы противодействия росту политической напряжённости и неопределённости.

Ключевые слова: социальные медиа и социальные сети, политический дискурс, политическое участие и противоборство.

Социальные медиа произвели революцию в способах распространения информации в обществе, поскольку люди продолжают полностью полагаться на эти приложения для получения информации о текущих событиях. Лавинообразное включение в жизнь общества информационно-коммуникационных технологий существенно меняет характер и содержание сетевых политических взаимодействий. Они открывают широкий возможности по изменению общественного сознания, посредством разнообразных форм сетевого воздействия.

Медиатизация, а равно сетевизация политических отношений в настоящее время характеризующимся следующими признаками. Во-первых, она является институциональной, поскольку при всех допущениях и отклонениях следует общим, общепринятым кодексам поведения и лежащей в их основе логике функционирования. Во-вторых, она носит массовый информационный характер, так как затрагивает и затрагивает большое количество людей. Именно через медиа материально реализуются и распространяются семиотически сконструированные смыслы. В-третьих, она может быть в конечном итоге тесно связана с некоммуникативными целями и потенциально может вызвать крупномасштабные социальные изменения.

Социальные сети весьма многомерны, поскольку охватывают различные сферы общества, в том числе политическую [1, с. 89]. В узком своём значении они представляют интерактивный многопользовательский сайт, смысловой контент которого наполняется его модераторами и посетителями. В результате имеется возможность многократно нарастить информационную активность в своих интересах. При этом привлечь широкий круг пользователей к обсуждению какой-либо бытовой, социальной, политической и любой другой проблемы.

Социальные медиа по своему предназначению социальные медиа делятся:

- на Блог-площадки (например, Пятно блога, ЯндексДзен, Google+) ориентированные, прежде всего, на формирование текстового контента под конкретные интересы целевой аудитории;
- фото и видеохостинги (TikTok, YouTube, Vimeo, Instagram¹, Pinterest, Youku), являющие собой площадки для создания и размещения видеоконтента. В отличие от блог-площадок они нацелены на максимально широкую аудиторию;
- многофункциональные социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники Facebook², QQ), совмещающие в себе функции мессенджеров, видео и фотохостингов. Однако у них менее акцентированный функционал, направленный на какое-либо направление, что даёт возможность использовать сразу все ключевые аспекты социальных сетей на одной площадке;
- мессенджеры (WhatsApp, Telegram, Viber, WeChat) делают акцент на непосредственную коммуникацию между пользователями посредством множественных инструментов – текстов, аудиосообщений, видео и аудиозвонков;

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

² Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Опрос ВЦИОМ, проведённый среди россиян в июне 2023 года показал, что 86% россиян еженедельно, пользуются как минимум одной социальной сетью или мессенджером. Основными социальными сетями и мессенджерами, которыми пользуются россияне являются hatsApp (87%), YouTube (75%), «ВКонтакте» (62%), Telegram (55%) и «Одноклассники» (42%). При этом, заметим, что социальные сети и мессенджеры, предоставляющие новостные возможности, являются самыми популярными среди подписок российских пользователей социальных сетей (77%) [2].

Использование социальных медиа и сетей безусловно изменило способ политической коммуникации. Они не только явились инструментами информирования и мобилизации пользователей, но и позволили как индивидууму, так и социальным институтам по-новому участвовать в политической жизни [3, с. 12]. При этом стоит заметить, что каждая платформа социальных сетей имеет уникальную цифровую архитектуру, влияющую на то, как политики и граждане могут её использовать для представления политических интересов [4, с. 97].

Другими словами, социальные медиа не просто включаются в морфологию общественных отношений, но и конструируют окружающую политическую действительность путем рукотворной деятельности различных акторов. Любое публичное информационное пространство содержит как позитивную, так и деструктивную составляющие, которые образуются как стихийно, так и целенаправленно. Поэтому, говоря о влиянии социальных медиа на политические процессы, важно понимать в чьих интересах создаётся или интерпретируется социальная реальность, предполагая тем самым формирование определённого дискурса, на основе которого достраивается картина мира через добавление различных субреальностей.

В этом смысле направленность контента социальных медиа можно определить, как предвзятость производителей новостей и модераторов сетей при выборе и освещении многочисленных событий и историй. Эта предвзятость может проявляться в различных формах, таких как выбор события, тон, обрамление и выбор слов. Учитывая огромное количество событий, происходящих в мире в любой момент времени, даже социальные медиа должны быть избирательны в том, что они предпочитают сообщать, вместо того, чтобы освещать все доступные факты в деталях. Такая избирательность может привести к восприятию предвзятости в освещении новостей, преднамеренной или непреднамеренной.

В отличие от новостных статей средств массовой информации, где обычно передают свое отношение к теме через контекст, окружающий её, социальных сетях язык описания и ссылки на сущности не нейтральный дескриптор, а подразумевает различные ассоциации и оценочные суждения. Согласно теории когнитивного скряги в психологии, человеческий разум считается когнитивным скрягой, который склонен думать и решать проблемы более простыми и менее трудоемкими способами, чтобы избежать когнитивных усилий. Поэтому, сталкиваясь с бесконечным количеством новостной информации, рядовые читатели будут склонны обобщать и запоминать содержание новостей просто, т.е. обозначать то, что связано с новостными сообщениями.

Так или иначе социальные медиа и сети превратились в инструмент политики, активной использующийся для управления общественным мнением. В частности, через обращение к инструментам SMM можно продвигать заданный политический имидж, собственные интересы, организовывать поддержку своим действиям, противодействовать оппонентам.

Таким образом, социальные медиа и сети привели к «возвращению масс в политику». Контент социальных сетей функционирует как неотъемлемая часть событий, происходящих в физическом мире. Сообщения, которые люди получают через цифровые медиа, становятся частью их человеческого опыта, их знаний и коллективной памяти и влекут за собой последствия. Виртуальное политическое общение превратилось в обычное действие. Теперь присутствие политиков в социальных сетях является обязательной частью их деятельности, а реакция на это присутствие тщательно отслеживается и анализируется. Включение широких масс в политическую коммуникацию «неизбежно ведет к повышению социально-политической активности и «доступности власти». В свою очередь, власть попадает в определенную зависимость (иногда весьма существенную) от социальных сетей» [5, с. 74].

Как известно, политика всегда была и останется сферой конкурентной борьбы. Соответственно, социальные медиа сегодня это и пространство, и инструмент политического противоборства. Развитие информационных технологий и сети Интернет вывело политическое противоборство на новый уровень. Еще недавнее превалирование «жесткой силы» (директивного метода давления – административно-политического или экономического воздействия) стало дополняться «мягкой силой» (недирективное противоборство реальностей). Визуальные эффекты, распространяемые в публичной сфере, стали значимым игроком в политике. Постцифровое пространство превзошло роль доцифровых новостей в представлении и отражении событий, и уже невозможно отделить виртуальное от реального, правду от лжи [6].

Посредством социальных медиа и сетей политические элиты путём вбрасывания определённого дискурса формируют новые (или поддерживают имеющиеся) нарративы социальной реальности. С другой стороны, контрэлиты, обладающие соответствующим интеллектуальным потенциалом и волей к власти, но не имеющие к ней прямого доступа, через сети пытаются продвинуть свои интересы и снизить доверие к правящему классу. Помимо внутренних акторов на дискурс в социальных сетях влияют акторы других государств. В последнем случае социальные медиа выступают инструментом создания и изменения общественного сознания в интересах других государств.

Использование дискурса постправды всё больше захватывает как массы, так и элиты. Фундаментальное утверждение в рамках концепции постправды заключается в том, что показание экспертов не имеют неотъемлемого превосходства над мнениями обычного человека, поскольку истина считается относительной и зависит от индивидуальных точек зрения [7]. Убедительность апелляций к эмоциям, идентичности и национальной гордости считается равной или даже превосходящей другие формы доказательств [8]. В этой парадигме решающее значение фактов уменьшилось. Развитие искусственного интеллекта (ИИ) еще больше повысило потенциал для создания явно заслуживающих доверия событий, вызвав различные инициативы по противодействию, включая предложения по нормативно-правовой базе ИИ [9].

Социальные медиа активно используются как значимая составляющая информационно-психологических операций в политике, где основными технологиям выступают являются.

Рекрутирование. Известно, что посредством социальных сетей заинтересованными лицами активно вербуются люди для протестных действий, активизма, вовлечение в радикальные организации и т.д. Социальные

сети позволяют максимально использовать целевым способом онлайн-рекрутинг. Например, в социальной сети молодому человеку начинает писать приятный незнакомец, проявлять к нему интерес и оказывать понимание его проблем. В результате «за короткий промежуток времени данное лицо становится лучшим другом своей жертвы, и начинает открывать для нее легкие пути жизни, сулящие деньги, признание, любовь окружающих, освобождение от боли и облегчение страданий» [10, с. 294]. Итогом такого «внимания», человек может приобщиться к экстремистской идеологии.

Специальные службы западных стран даже не скрывают своих намерений по вербовке, основанной на политических мотивах. Этому имеется показательный пример, когда ФБР разместило в соцсети Facebook¹ рекламу на русском языке с призывом к сотрудничеству, подкреплённой фотографией советского актёра и певца Владимира Высоцкого. Далее, при просмотре рекламы происходит переход на страницу местного отделения контрразведки ФБР, где на русском и английском языках призывают поделиться информацией в интересах обеспечения безопасности США – «Если Вы располагаете информацией, которая может помочь ФБР в выполнении поставленной перед ним задачи, просим обратиться в наше региональное отделение... Вы сможете передать нам информацию в доверительной обстановке с соблюдением полной конфиденциальности», – говорится в объявлении [11].

Шпионаж. Социальные сети являются вполне удобным открытым источником поиска информации. Технологии OSINT – open-source intelligence – являются вполне работоспособной методологией сбора и анализа данных, находящихся в открытом доступе, для получения дополнительной информации о цели. Используя методы социальной инженерии и OSINT в открытых аккаунтах социальных сетей, можно получить различную информацию о человеке, включая некоторые характеристики его личностной структуры, паттернов поведения и т.д., которые можно затем использовать в вербовке и политической борьбе [12].

Стоит отметить, что это стало возможным только с появлением социальных медиа. Такая открытая стратегия поведения больше соответствует отношениям государств, находящихся в состоянии явного противостояния. Даже в период холодной войны американские спецслужбы действовали более скрытно.

Дискредитация. Социальные сети являются весьма удобным каналом распространения ложных, неточных или искаженных сведений. Они могут быть направлена как на личность, занимающую ту или иную социальную позицию, так политическую организации или какую-либо социальную группу, слой. С дискредитацией тесно связаны риски ухудшения социально-политической ситуации посредством распространения заведомо ложной информации, слухов или негативной интерпретации имеющейся информации. Эмоциональные сообщения, передаваемые через социальные сети, могут привести к массовому эмоциональному заражению, а также могут формировать суждения и восприятие реальности людьми.

Казалось бы, события последних лет наглядно показали деструктивные возможности инспирирования и влияния на развитие событий, угрожающих социально-политической стабильности. Однако, именно сложность блокирования деструкции в социальных сетях и мессенджерах выступает одной из основных причин полити-

ческого риска. При этом следует важность концепции общественного принятия и ее связи с онлайн-контентом и SM-платформами. Таким образом, социальная сеть собирает идеологические подсети или круги, которые пытаются привлечь людей, разделяющих схожие ценности, и увеличить распространение и поляризацию внутри этих общих кругов. Кроме того, эти сообщества подавляют посторонних, которые ставят под сомнение или выступают против ценностей этих кругов.

Установка «повестки дня» (agendasetting). До сих пор социальные медиа выполняли наряду с прочими функции дополнительного информационного канала по отношению к традиционным масс-медиа. Технология «политическая повестка» представляет собой комплексный подход, который включает в себя выбор актуальных тем для обсуждения, фокусировку внимания аудитории на определённых проблемах, а также формирование необходимого контекста для интерпретации информации, а составление политической повестки реализуется в контекстном разнообразии каналов взаимосвязи.

Социальные требования и риски являются важными аспектами, на которые должны обращать внимание власти. Они оказывают значительное влияние на политическую повестку дня, которая формируется политической элитой. Власти должны дополнять и координировать эту повестку дня, чтобы обеспечить продуктивное взаимодействие входящих и исходящих потоков. Только таким образом можно достичь наиболее подходящих и сбалансированных форм интерпретации, которые будут соответствовать институциональным принципам текущего момента. Социальные требования представляют собой потребности и ожидания общества, которые могут быть связаны с различными сферами жизни, такими как экономика, образование, здравоохранение и т.д. Власти должны учитывать эти требования и работать над их удовлетворением, чтобы обеспечить благополучие и развитие общества.

Однако, вместе с социальными требованиями существуют и риски, которые могут угрожать стабильности и безопасности общества. Это могут быть экономические кризисы, социальные конфликты, природные катастрофы и другие факторы. Власти должны уметь предвидеть и предотвращать эти риски, а также готовиться к их возможному возникновению. Политическая элита, в свою очередь, формирует политическую повестку дня, определяя приоритеты и направления развития общества. Акторы государственной власти должны учитывать как социальные требования, так и риски, чтобы создать наиболее эффективную и устойчивую стратегию развития и продвижения повестки дня. Продуктивное взаимодействие входящих и исходящих потоков, то есть обмен информацией и идеями между властями и обществом, является ключевым фактором для достижения наилучших результатов. Это позволяет учитывать различные точки зрения и интересы, а также находить компромиссы и сбалансированные решения. Важно, чтобы формы интерпретации социальных требований и рисков были сформированы в соответствии с институциональными принципами текущего момента.

Несмотря на вышеперечисленные риски, технология «повестки дня» выступает важным инструментом управления общественным мнением, позволяя в социальных медиа направлять темы массового обсуждения, на которые сводится основной фокус сознательной рефлексии.

Вышеперечисленные инструменты, опосредованные через социальные медиа, представляет собой возможность наступления неблагоприятных политических последствий, образуя, тем самым, разнообразные политические риски. Политическая информация в социаль-

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

ных сетях и мессенджерах становится наиболее востребованной, когда население испытывает острую нужду в другой информации. Прежде всего, это происходит в ситуации, когда контролируемое властями телевидение, преследуя заданные установки, существенно искажает реальную картину происходящего или замалчивает, оставляет без внимания насущные проблемы общества и управления. В результате возникает риск снижения доверия к распространяемой официальной информации, который непосредственно взаимосвязан со снижением доверия к проводимой политике.

В этой связи, власть всегда имеет соблазн ограничить влияние социальных сетей, поскольку, в определённой мере, это позволяет снизить политические риски. В качестве показательного примера можно привести желание киевских властей запретить использование мессенджера Telegram, которое украинское население стало использовать для подключения к российским источникам информации. Очевидно, что жители Украины все меньше доверяют официальной пропаганде киевского режима и стремятся получать объективную информацию из независимых альтернативных источников [13]. По данным опроса Киевского международного института социологии (КМИС), мессенджером Telegram пользуются 63% респондентов, а 41% участников считает его главным источником информации. На втором месте YouTube – 40% опрошенных пользуется, 8% – считает источником номер один. Поэтому, не случайно желание секретаря украинского СНБ О.А. Данилова запретить мессенджер Telegram вполне естественно: население стало все активнее слушать «вражеские голоса». Как он заметил «Telegram – это системы влияния, где люди за деньги начинают продвигать те или иные вещи. Это не о журналистике, это о влиянии» [14].

Чем вреден Telegram для украинской власти? Речь про инструмент, работающий, в первую очередь, в «нашем» пространстве, в шести крупнейших странах СНГ, чья аудитория составляет более 4.5 миллиардов подписчиков (один человек может быть подписан на много каналов). Самые популярные темы в Telegram – новости (82%), а на втором месте – развлечения и политика (59%) [15]. Здесь получилась удачная комбинация аудиовизуального контента и текстов. При этом, ни США, ни Европа не используют мессенджер для продвижения своей повестки: украинский нарратив в этом море просто тонет.

Таким образом, сетевые структуры всё более становятся существенным фактором политического риска, поскольку они формируют новый информационный порядок посредством реализации интересов различных акторов, используя специфические технологии, способные переформатировать картину мира, воздействуя не только на массовое сознание, но и на политическое руководство целых государств [16, с. 150]. Ситуация в массовом информационном поле складывается таким образом, что расширение влияния социальных сетей и мессенджеров представляет собой риск для контроля государственной власти над социальным пространством, особенно в кризисных ситуациях. Государство традиционно, в большей мере, полагается на трансляцию информации по телевизионным каналам, функционирование которых контролировать гораздо проще. Социальные сети и мессенджеры более гибко и оперативно реагируют на события, а сложность контроля над ними позволяет вбрасывать непроверенную, ангажированную информацию или преднамеренную дезинформацию, что способно вызвать негативные политические реакции и привести к дестабилизации социально-политической обстановки. Функционирование деструктивных сетей обычно осуществляет-

ся через противопоставление транслируемых взглядов в отношении власти и общества, используя, при этом, неприемлемые, незаконные методы.

Литература

1. Сморгун Л.В. Политические сети. Теория и методы анализа / Л.В. Сморгун, А.С. Шерстобитов. – М.: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 320 с.
2. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechenost-i-predpochtenija> (дата обращения: 15.05.2024).
3. Михайленок О.М. Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 12–21.
4. Хецелиус В.Е. Социальные сети как инструмент политической коммуникации // Наука без границ. 2019. № 5(33). С. 93–103.
5. Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 74.
6. MacKenzie A., Rose, J., & Bhatt, I. (Eds.). (2021). *The Epistemology of Deceit in a Postdigital Era: Dupery by Design*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-72154-1>
7. Wagener A. (2020). *Hypernarrativity, storytelling, and the relativity of truth: Digital semiotics of communication and interaction*. *Postdigital Science and Education*, 2(1), 147–169. <https://doi.org/10.1007/s42438-019-00066-7>.
8. Terracciano B. (2023). *Accessing to a «truer truth»: Conspiracy and figurative reasoning from Covid-19 to the Russia-Ukraine war*. *Media and Communication*, 11(2), 64–75. <https://doi.org/0.17645/mac.v11i2.6396>.
9. Peters, M. A., Jackson, L., Papastephanou, M., Jandrić, P., Lazaroiu, G., Evers, C. W., Cope, B., Kalantzis, M., Araya, D., Tesar, M., Mika, C., Chen, L., Wang, C., Sturm, S., Rider, S., & Fuller, S. (2023). *AI and the future of humanity: ChatGPT-4, philosophy and education – Critical responses*. *Educational Philosophy and Theory*. <https://doi.org/10.1080/00131857.2023.2213437>
10. Ананьин О.Ю., Базулина А.А., Жуланов А.В. Вербовка молодежи в террористические организации посредством социальных сетей: проблемы профилактики // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 290–295.
11. Зубарев Д. ФБР решило вербовать россиян рекламной с Высоцким / Газета «Взгляд» 6 марта 2020 года.
12. Однорал О.И. Социальные сети как инструмент PSYOP во внешней политике: вызов для национальной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. 2021. № 1. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33428 (дата обращения: 03.06.2024).
13. Основным источником информации для украинцев стал Telegram – опрос. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/11/04/osnovnym-istochnikom-informacii-dlya-ukraincev-stal-telegram-opros> (дата обращения: 06.06.2024).
14. В Киеве призвали заблокировать Telegram на территории Украины. – URL: <https://ria.ru/20231103/telegram-1907152210.html?ysclid=loken57rxj487254295> (дата обращения: 03.05.2024).

15. «Не читать проклятый Telegram». Чего боится украинский секретарь СНБО. – URL: <https://regnum.ru/opinion/3843785?ysclid=lokenwztaz433386716> (дата обращения: 13.04.2024).
16. Грачёва Т. Сеть против иерархии // *Дипломатика*. 2012. № 4. С. 148–156.

SOCIAL MEDIA AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL PARTICIPATION AND CONFRONTATION

Brega A.V., Brega G.V.

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, MTUCI, Financial University under the Government of the Russian Federation

This article focuses on the use of social media and social networks as channels of political participation and political destabilization, which in turn creates various political risks. Accordingly, understanding various techniques, methods and means of increasing the riskiness of the political process through social media and networks makes it possible to improve and develop new mechanisms to counter the growth of political tension and uncertainty.

Keywords: social media and social networks, political discourse, political participation and confrontation.

References

1. Smorgunov L.V. Political networks. Theory and methods of analysis / L.V. Smorgunov, A.S. Sherstobitov. – M.: Limited Liability Company Publishing House “Aspect Press”, 2018. – 320 p.
2. Social networks and instant messengers: involvement and preferences. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (date of access: 15.05.2024).
3. Mikhaylenok O.M. Information and communication risks of networking of political relations // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 12–21.
4. Khetselius V.E. Social Networks as a Tool of Political Communication // *Science without Borders*. 2019. No. 5(33). P. 93–103.
5. Podberezkin A.I. The Third World War against Russia: Introduction to the Study. – Moscow: MGIMO-University, 2015. – P. 74.
6. MacKenzie A., Rose, J., & Bhatt, I. (Eds.). (2021). *The Epistemology of Deceit in a Postdigital Era: Dupery by Design*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-72154-1>
7. Wagener A. (2020). Hypernarrativity, storytelling, and the relativity of truth: Digital semiotics of communication and interaction. *Postdigital Science and Education*, 2(1), 147–169. <https://doi.org/10.1007/s42438-019-00066-7>.
8. Terracciano B. (2023). Accessing to a “true truth”: Conspiracy and figurative reasoning from Covid-19 to the Russia-Ukraine war. *Media and Communication*, 11(2), 64–75. <https://doi.org/10.17645/mac.v11i2.6396>.
9. Peters, M. A., Jackson, L., Papastephanou, M., Jandrić, P., Lazaroiu, G., Evers, C. W., Cope, B., Kalantzis, M., Araya, D., Tassar, M., Mika, C., Chen, L., Wang, C., Sturm, S., Rider, S., & Fuller, S. (2023). AI and the future of humanity: ChatGPT-4, philosophy and education – Critical responses. *Educational Philosophy and Theory*. <https://doi.org/10.1080/00131857.2023.2213437>
10. Ananyin, O. Yu., Bazulina, A. A., Zhulanov, A.V. Recruiting young people into terrorist organizations through social networks: problems of prevention // *Bulletin of Economic Security*. 2022. No. 5. P. 290–295.
11. Zubarev D. The FBI decided to recruit Russians with advertising featuring Vysotsky / *Vzglyad* newspaper, March 6, 2020.
12. Odnoral O.I. Social networks as a PSYOP tool in foreign policy: a challenge for national security // *National security / nota bene*. 2021. No. 1. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33428 (accessed: 06/03/2024).
13. Telegram has become the main source of information for Ukrainians – survey. – URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2023/11/04/osnovnym-istochnikom-informacii-dlya-ukraincev-stal-telegram-opros> (date of access: 06.06.2024).
14. In Kyiv, they called for blocking Telegram on the territory of Ukraine. – URL: <https://ria.ru/20231103/telegram-1907152210.html?ysclid=loken57rxj487254295> (date of access: 03.05.2024).
15. “Don’t read the damned Telegram.” What the Ukrainian Secretary of the National Security and Defense Council is afraid of. – URL: <https://regnum.ru/opinion/3843785?ysclid=lokenwztaz433386716> (date of access: 13.04.2024).
16. Gracheva T. Network versus hierarchy // *Diplomatics*. 2012. No. 4. P. 148–156.

Выявление факторов неэффективности процессов демократизации государств постсоветского пространства

Гаспарян Алена Варужановна,

аспирант первого курса кафедры сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы.

E-mail: alyonagasparian@yandex.ru

В статье проанализированы процессы становления независимых государств постсоветского пространства и общественно-политические изменения, возникающие на территории бывших социалистических стран. Выявлены основные аспекты влияния национальных особенностей и коммунистического наследия на специфику формирования политической культуры и функционирования демократических институтов в этих странах. Так же, выявлены причины неэффективного демократического транзита и влияния популизма на внутривнутриполитические перемены и смену политического класса в постсоветских странах. Проведён анализ причин неэффективности народовластия и несостоятельности демократических институтов на постсоветском пространстве. Выдвинута гипотеза, что демократические институты в постсоветских странах оказались неэффективными в силу недостаточно развитой экономики, слабого гражданского общества, персонализации политической системы. Обоснован тезис о том, что феномен демократии в постсоветских странах является всего лишь фасадом, скрывающим доминирование небольшого круга правящей элиты.

Ключевые слова: постсоветское пространство, демократический транзит, демократические институты, неопатримониализм, клиентелизм, патронаж.

Введение

Наряду с бесчисленными теоретическими подходами к демократии, на данный момент становится все более заметным усиление её критики. Негативные отзывы звучат о неспособности функционирования демократических институтов в некоторых странах постсоветского пространства, а также о нецелесообразности демократического правления в странах находящихся на переходном этапе.

Основная проблема – неустойчивость и структурная неуверенность таких режимов. Демократические процедуры сосуществуют совместно с авторитарными методами политического правления. Политический класс боится потерять власть, и одновременно испытывает страх перед демократическими странами. Именно по этой причине ему приходится все время лавировать, максимально избегая, с одной стороны, излишней либерализации, а с другой стороны, жестких репрессий по отношению к оппозиции, которые неизбежно влекут санкции западных стран.

Причины несостоятельности демократических институтов на постсоветском пространстве

Распад Советского Союза означал появление на политической карте мира множества новых государств, что потребовало пересмотра многих сложившихся отношений и существенной перекройки границ. Вопрос выживания стоял перед всеми без исключения новыми государствами, но процесс государственного строительства в одних местах был менее болезненным, в других – более. Этот процесс стал не только политическим, но и социальным, экономическим, и культурным испытанием для всех новых республик. Каждое из этих государств столкнулось с уникальными вызовами и обстоятельствами, что определило степень успешности их дальнейшего развития и становления.

Коренная трансформация политических режимов постсоветских стран началась в конце 1980-х годов на волне демократических реформ перестройки в СССР. Обретение республиками суверенитета и распад Советского Союза в начале 1990-х открыли путь для перехода к новым конституционным демократическим моделям государственного устройства.

Процесс демонтажа советской политической системы и формирования новых независимых государств сопровождался обострением межнациональных и территориальных споров, вооруженными конфликтами, социально-экономическими потрясениями переходного периода.

Тем не менее, большинство постсоветских стран последовательно провозглашали курс на утверждение основ правового государства, разделение властей, политический плюрализм. Были приняты демократические конституции, закрепившие широкий спектр политических и гражданских прав. Проходили альтернативные выборы президента и парламента. Формировались элементы гражданского общества.

Однако на практике процесс демократизации наталкивался на серьезные препятствия экономического,

социального и межнационального характера. Усиливалось расслоение общества, росла безработица. Острые политические кризисы сопровождались сменой власти неконституционными методами. Практически все новые государства испытали на себе экономический кризис, резкое падение производительности и уровня жизни. Переход к рыночной экономике был сопряжен со значительными социальными издержками, включая рост безработицы и гуманитарные проблемы. Вопросы национальной идентичности, особенно в многонациональных странах, стали источником напряженности и конфликтов. Это способствовало возникновению сепаратистских движений и межэтнических столкновений, что сильно затрудняло процесс государственного строительства.

На сегодняшний день в странах бывшего Советского Союза сложились режимы, которые можно охарактеризовать как несовершенные или дефектные демократии.

С одной стороны, здесь присутствуют базовые демократические институты в виде регулярных конкурентных выборов центральных и местных органов власти, многопартийности, конституционного разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, декларирования основных гражданских прав и свобод.

Но с другой стороны, имеется целый ряд недостатков, снижающих качество демократии, характерных для стран с переходной экономикой. Это и сохраняющаяся достаточно высокая коррупция, особенно в правоохранительных органах, госзакупках и выделении земельных участков, и зачастую низкая эффективность судебной системы, её подверженность внешнему давлению со стороны исполнительной власти, и дефицит по-настоящему независимых медиа, и недостаточное институциональное и финансовое развитие структур гражданского общества.

Для лучшего понимания современных политических процессов в постсоветских странах, требуется задать вопрос, каковы были основные мотивы перестройки и процесса демократизации после распада СССР? Ответ для разных общественных групп будет разным. Для большей части общества процесс демократизации был связан с политическими переменами и достижениями свободы в экономической, культурной и религиозной сферах. Для политического класса принятие высшим руководством либеральных ценностей был непонятен. Но основная часть политического класса, остававшаяся на руководящих позициях быстро поняла, что приватизация общенародной собственности может быть проведена в собственных интересах. Эта часть политического класса сумела существенно повысить свой статус в обществе и вступить в жесткую конкуренцию с акулами теневого бизнеса и предпринимателями криминального толка. [1]

Политика гласности открыла путь к общественной дискуссии о таких универсальных ценностях, как демократия, свободная конкуренция и рыночная экономика. В это время начались первые шаги по внедрению демократических процедур в политику, в частности, в процессе выборов руководителей промышленных предприятий. Впервые был введен термин «перестройка», а творческая и научно-техническая интеллигенция активно объединялась в различные общественно-политические движения и организации. Основными средствами демократической индоктринации становились средства массовой информации, такие как газеты, радио и телевидение.

Важно отметить, что инициатива по демократизации политического режима исходила от верховной власти, то есть от главы государства, который запустил необратимый процесс реформ. Несмотря на провозглашенную

Михаилом Горбачёвым «Перестройку» и поддержку демократических ценностей, институциональная структура посттоталитарной политической системы оставалась практически неизменной. Все ключевые элементы системы сохранили свою прежнюю форму. Силовые структуры в постсоветских странах продолжали контролировать общество, и хотя КГБ было распущено, полиция и спецслужбы по-прежнему оставались инструментами власти, а судебная система выполняла функции силового института. Отмена формальной цензуры не оказала значительного влияния на систему государственной пропаганды и контроль над средствами массовой информации. [2]

Кроме того, отсутствие в постсоветских странах четкой социальной структуры и оформленных социально-экономических интересов негативно сказалось на процессе демократизации. [3] Важно подчеркнуть, что в этих странах также не имелось гражданского общества и традиций публичного обсуждения, а навыков поиска компромиссов между партнерами было недостаточно. В то же время в некоторых постсоветских государствах, таких как Молдова, Украина, Киргизия, Грузия и Армения, политический процесс проявлялся более открыто. [4] Тем не менее, политические элиты этих стран продолжали использовать методы и риторику, характерные для советской номенклатуры. Поэтому не удивительно, что рейтинг «Freedom House» за 2019 год относит эти государства к категории «не полностью свободных». [5]

Эта оценка стала общепринятой в западных странах. Популярный журнал «The Economist» утверждает, что среди бывших коммунистических стран нет ни одной пол ноценной или даже «несовершенной» демократии. В этих странах сформировались гибридные режимы. [6] Суть гибридного режима состоит в том, что формально приняты и учреждены демократические институты: выборы, парламенты, омбудсмены, советы по правам человека, независимые суды, свободный рынок, экономическая конкуренция и т.п. Реально же политическая практика воспроизводит авторитарные или даже клановые способы политического управления, основанные на насилии и игнорирование прав человека.

Специфической чертой демократического транзита в постсоветских странах стал тот факт, ключевые группы старого политического класса не только не сохранились, но и обрели способность к воспроизводству. Получив возможность присваивать общенародную собственность в ходе экономических реформ, политический класс отказался от диалога с демократической частью общества. Если в странах Прибалтики и Восточной Европы был заключен общественный договор между основными участниками демократического транзита относительно будущего демократического устройства общества, то в постсоветских странах политический класс договорился с теневиками и криминалитетом о разделе имеющейся собственности. Демократический транзит был вывеской, обеспечивающий политическому классу получение государственных кредитов от иностранных государств и банков.

Важно подчеркнуть, что страны бывшего советского союза были деинституционализированны в политическом аспекте, что, в свою очередь, стало причиной возникновения персоналистских режимов и раскола между обществом и властью. [7]

Политические реалии, которые оформились на постсоветском пространстве, объясняет концепция неопатримониализма. Она предлагает объяснение, каким образом сформировалось невероятное сочетание демократических институтов современного государства, рационально-легальных политических норм и законов,

с одной стороны, и неформальных авторитарных практик государственного управления, с другой. Каким образом преобладание различных неформальных практик подавляет демократические установления. Описывается механизм «приватизации» государства политическим классом, состоящим из конкретных групп интересов, кланов, клиентел и т.п.. [8]

Одной из характерных черт неопатримониальных политических режимов в постсоветских странах является клиентелизм, иначе говоря, патронажные связи. Эти связи подразумевают, что клиенты находятся в зависимости от своих патронов, которые, в свою очередь, обеспечивают защиту своих клиентов в обмен на предоставляемые им услуги. [9] Клиентелизм формирует свою собственную динамику в социально-политической жизни этих стран, создавая дополнительные сложности на пути к демократическим реформам и подрывая институциональную стабильность. Борьба с этой системой сложно, поскольку разрушение патронажных связей может повлечь за собой большие социальные и экономические потрясения, что делает клиентов зависимыми от действующего порядка.

Патрональные практики имеют глубокие исторические корни, уходящие еще в до советскую эпоху и продолжающиеся до распада СССР. В данном типе управления правящая политическая элита формируется как своего рода политическая семья (или клан), где движущими силами выступают интересы этих элит. Эти интересы включают как мотивы личного обогащения и стремление к монополизации власти, так и другие аспекты. В общем, патрональная политика заметна почти во всех постсоветских государствах. [10]

В результате патрональной политики в странах постсоветского пространства возникают клановые структуры, что в свою очередь образует замкнутое кольцо, где лояльность и близость к патрону становятся основными критериями для получения должности или ресурсов. Патронализм формирует уникальные черты политической культуры постсоветских стран, где ценности общинного и семейного взаимодействия часто преобладают над индивидуалистическими подходами. Это влияет на восприятие власти и участие граждан в политической жизни, приводя к динамике, где активность ограничивается рамками определенных групп интересов.

Еще одной ключевой особенностью неопатримониальных систем правления, характерных для бывших советских республик, является акцент на персонализации власти. Лидер государства не просто представляет собой политическую структуру, но и становится ее живым воплощением, символизируя само государство. Уместно вспомнить слова французского короля Людовика XIV из XVII века: «Государство – это я». В таких системах избиратели на выборах отдают свои голоса не столько за конкретные политические программы, сколько за личность кандидата. Многие политические режимы на постсоветском пространстве в этом отношении полностью отражают логику неопатримониального политического процесса. [11]

Примечательно, что в посткоммунистических странах, в которых был совершен «захват государства» рентоориентированными политическими игроками вместе с неопатримониальной бюрократией сложились именно патримониальные режимы. Такими странами можно считать Украину, Молдову, Грузию и Армению.

Так, к примеру, сложившиеся в настоящее время режимы Армении и особенно Грузии можно характеризовать как гибридные, сочетающие в себе как демократические, так и явно авторитарные черты.

К первым относятся проведение многопартийных выборов, ротация политических элит, наличие относительно независимых СМИ. Но ко вторым – сохраняющееся доминирование сильной президентской власти в системе государственного управления, ограниченность реальной межпартийной политической конкуренции, дефицит независимости и беспристрастности судебной системы, а также зависимость значительных сегментов СМИ от олигархических структур и власти.

Важно подчеркнуть то обстоятельство, что смена правящих групп в обеих странах зачастую происходит не столько по итогам очередного электорального цикла, сколько в результате массовых протестных политических кризисов. Что сближает эти режимы отчасти с моделями гибридных автократий, где формально проводятся многопартийные выборы, но реальная ротация элит осуществляется иначе.

Существует и более радикальная точка зрения ряда западных авторов, относящих Армению и особенно Грузию к категории компетитивных авторитарных режимов, где сохраняется доминирующая роль исполнительной ветви власти, ограничивающей политическую конкуренцию и свободы. Однако такая позиция подвергается весьма серьезной и аргументированной критике со стороны местных экспертов.

Как видно, в академическом сообществе отсутствует консенсус по степени соответствия политических режимов постсоветских стран идеалам либеральной демократии.

Можно сделать вывод, что по итогам политического транзита в странах бывшего СССР главными источниками нестабильности режимов являются сосуществование демократических институтов, с одной стороны и практика авторитарных методов правления – с другой. Политический класс боится потерять власть, и делает все возможное и невозможное, чтобы с помощью «демократических» выборов снова оказаться у власти. Выборы является инструментом легитимизации антинародных режимов, их укрепления и, как следствие, подавления оппозиции. [12]

Заключение

1. Теоретики демократического транзита плохо знали общества, которые они предлагали свои рекомендации. Не говоря уже о самих участниках этого транзита, у которых отсутствовала теория и технологии демократических преобразований.
2. Для того, что демократия могла развиваться на собственной основе нужно было прежде всего решать экономические проблемы под жестким контролем государства. Авторитаризм для подавления мошенников, коррупционеров, асоциальных элементов не обходимо.
3. Политическому классу постсоветского общества не стоило механически копировать западные идеи и политический опыт. Эти страны должны «выстраивать» свои собственные принципы построения демократии, опираясь на свой социокультурный опыт, одновременно решая исторически и социально-разнородные задачи.

Многие теоретики, рассматривающие вопросы демократического транзита, зачастую недооценивали сложность и разнообразие конкретных обществ, для которых они разрабатывали свои рекомендации. Их идеи были недостаточно адаптированы к социальным, культурным, историческим и экономическим контекстам, в которых происходили эти переходы.

Для успешного демократического транзита необходимо учитывать множество факторов: уровень политической культуры, степень гражданского участия, наличие или отсутствие институциональных механизмов, которые могут поддержать демократические процессы. Например, в странах с долгой историей авторитаризма или с низким уровнем гражданской активности, теоретические модели, построенные на опыте западных демократий, могут оказаться малополезными.

Литература

1. Антанович Н.А. Политические трансформации на постсоветском пространстве: парадигмы изучения и ключевые исследовательские проблемы, журнал «Социология», 2007. № 2., Минск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://law.bsu.by/pub/11/ant6.pdf>, дата обращения: 11.07.2024
2. Летняков, Д. Э. (2020). Концептуализация режимных трансформаций на постсоветском пространстве: некоторые промежуточные итоги. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, 13(3), 374–393. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.306>, дата обращения: 15.07.2024
3. Клямкин И.М. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России. – Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 6
4. Freeing Post-Soviet Regimes from the Procrustean Bed of Democracy Theory,” in Balint Magyar, ed., with an introduction by Henry E. Hale, *Stubborn Structures – Reconceptualizing PostCommunist Regimes* (Budapest: Central European University Press, 2019 [April]), pp.5–19.
5. Freedom in the World 2019 Map. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedomworld-2019/map> дата обращения: 14.12.2023
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/01/08/the-retreat-of> дата обращения: 14.12.2023
7. Шкель С.Н. Неопатримониальные практики устойчивости авторитарных режимов Евразии // Полития. 2016. № 4 (83).
8. Мельников К.В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек. – Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 68–81.
9. James F. Short, Jr., *Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society*. By S.N. Eisenstadt and L. Roniger. Cambridge University Press, 1984. 343 pp.
10. Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Том 1.- М.: Новое литературное обозрение, 2022 – (Серия «Библиотека журнала «Неприкословный запас»».)
11. Fisun, Oleksandr. “Постсоветские Неопатримониальные Режимы: Генезис, Особенности, Типология.” Отечественные записки. – 2007. – Т. 39. – № 6. – С. 8–28.
12. Летняков, Д. Э. (2020). Концептуализация режимных трансформаций на постсоветском пространстве: некоторые промежуточные итоги. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, 13(3), 374–393.

IDENTIFICATION OF FACTORS OF INEFFECTIVENESS OF DEMOCRATIZATION PROCESSES IN POST-SOVIET STATES

Gasparyan A.V.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article analyzes the processes of formation of independent states of the post-Soviet space and socio-political changes arising in the territory of former socialist countries. The main aspects of the influence of national characteristics and communist heritage on the specifics of the formation of political culture and the functioning of democratic institutions in these countries are identified. Also, the reasons for ineffective democratic transit and the influence of populism on internal political changes and changes in the political class in post-Soviet countries have been identified. An analysis of the reasons for the ineffectiveness of democracy and the failure of democratic institutions in the post-Soviet space was carried out. A hypothesis has been revealed that democratic institutions in post-Soviet countries turned out to be ineffective due to an underdeveloped economy, weak civil society, and personalization of the political system. The thesis is substantiated that the phenomenon of democracy in post-Soviet countries is just a facade hiding the dominance of a small circle of the ruling elite.

Keywords: Post-Soviet space, democratic transition, democratic institutions, neopatrimonialism, clientelism, patronage.

References

1. Antanovich N.A. – Political transformations in the post-Soviet space: study paradigms and key research problems, *Sociology magazine*, 2007. No. 2., Minsk [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://law.bsu.by/pub/11/ant6.pdf> access date: 07/11/2024
2. Letnyakov, D. E. (2020). Conceptualization of regime transformations in the post-Soviet space: some intermediate results. *Bulletin of St. Petersburg University. International Relations*, 13(3), 374–393. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.306>, access date: 07/15/2024
3. Klyamkin I.M. Post-communist democracy and its historical features in Russia. – *Polis. Political studies*. 1993. No. 2. P. 6
4. Freeing Post-Soviet Regimes from the Procrustean Bed of Democracy Theory,” in Balint Magyar, ed., with an introduction by Henry E. Hale, *Stubborn Structures – Reconceptualizing Post-Communist Regimes* (Budapest: Central European University Press, 2019 [April]), pp.5–19.
5. Freedom in the World 2019 Map. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedomworld-2019/map> access date: 12/14/2023
6. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/01/08/the-retreat-of> access date: 12/14/2023
7. Shkel S.N. Neopatrimonial practices and stability of authoritarian regimes in Eurasia // *Polity*. 2016. No. 4 (83).
8. Melnikov K.V. Neopatrimonialism: classification as a way to overcome conceptual tensions. – *Polis. Political studies*. 2018. No. 2. P. 68–81.
9. James F. Short, Jr., *Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society*. By S.N. Eisenstadt and L. Roniger. Cambridge University Press, 1984. 343 pp.
10. Balint Magyar, Balint Madlovich *Post-communist regimes. Conceptual framework. Volume 1.- M.: New Literary Review, 2022 – (Series “Library of the magazine “Neprikoslovnyi zapas”.)*
11. Fisun, Oleksandr. “Post-Soviet Neopatrimonial Regimes: Genesis, Features, Typology.” *Domestic notes*. – 2007. – Т. 39. – No. 6. – P. 8–28.
12. Letnyakov, D. E. (2020). Conceptualization of regime transformations in the post-Soviet space: some intermediate results. *Bulletin of St. Petersburg University. International Relations*, 13(3), 374–393.

Динамика системы ценностей и ценностных ориентаций российской молодёжи в 2022–2024 гг.

Калинич Владислав Сергеевич,

ассистент кафедры современной социологии
социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vladislav6988@mail.ru

Изучение при помощи эмпирических методов системы ценностей и ценностных ориентаций молодёжи в целом, и её мониторинг в частности, позволяет проанализировать реактивную динамику этой социально-демографической группы, связанную с внешними и внутренними социальными, экономическими и политическими процессами.

Статья посвящена анализу результатов анкетного опроса молодёжи, который был проведен в декабре 2023 – апреле 2024 года. В рамках мониторингового исследования в числе задач обозначены проверка устойчивости, выявление тенденций в приоритетах в рамках системы ценностей и ценностных ориентаций современной молодёжи.

Подобные исследования позволяют анализировать эффективность государственной политики, корректировать меры, программы и мероприятия с учётом запросов и потребностей молодого поколения.

Ключевые слова: молодёжь, ценностные ориентации, молодёжная политика, эмпирическое исследование, социологическое исследование, анкетирование, государство, современное общество.

Качественный подход к воспитанию молодого поколения, системная работа с молодёжью в последние годы обрели характер государственной стратегической задачи, которая оформляется в национальный проект. Национальный проект – уникальный инструмент решения важных государственных задач, поэтому необходимо верно понимать значение данного термина.

В настоящее время автор не встретил научных или законодательно закреплённых дефиниций термина «национальный проект», в связи с чем представляется возможным определить её на основании тех описаний, которые существуют в официальной публицистике. Национальный проект в России – это сложный комплекс государственных программ и прочих межотраслевых и межведомственных мер, направленных на решение актуальных проблем, решение конкретных задач и достижение поставленных целей в определённой отрасли или области экономики, социальной сферы или общества. В настоящее время в России реализуются 14 национальных проектов: «Демография», «Здравоохранение», «Туризм и индустрия гостеприимства», «Образование», «Малое и среднее предпринимательство», «Жильё и городская среда», «Культура», «Безопасные и качественные дороги», «Экология», «Наука и университеты», «Цифровая экономика», «Производительность труда», «Международная кооперация и экспорт» и «Модернизация транспортной инфраструктуры»¹.

12 мая 2024 года Федеральным агентством по делам молодёжи презентован 15-ый национальный проект «Молодёжь и дети». Указанный национальный проект станет ключевым инструментом реализации Стратегии реализации молодёжной политики до 2030 года, создание которой стало одним из поручений Президента Российской Федерации В.В. Путина по итогам заседания Государственного совета по молодёжной политике в декабре 2022 года². Руководитель Федерального агентства по делам молодёжи К.Д. Разуваева определяет целью национального проекта «становление поколения молодых россиян – ответственного, высококвалифицированного, конкурентоспособного и готового обеспечивать развитие будущего нашей страны». В числе задач – развитие социальных, кадровых лифтов, создание условий для самореализации молодых людей, для развития добровольчества, гражданской активности, международное молодёжное сотрудничество, продвижение наших традиционных духовно-нравственных ценностей, русско-го языка за рубежом, модернизация инфраструктуры³.

¹ Официальный сайт национальных проектов России [электронный ресурс] режим доступа: <https://национальныепроекты.рф/projects/>. Дата обращения: 18.02.2024.

² Стенограмма заседания Государственного Совета по вопросам реализации молодёжной политики в современных условиях 22 декабря 2022 года. [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>. Дата обращения: 20.07.2024.

³ «Поколение, готовое обеспечить развитие будущего страны»: на выставке «Россия» презентовали концепцию будущего нацпроекта «Молодёжь и дети» [электронный ресурс] режим доступа: <https://fadm.gov.ru/news/pokolenie-gotovoe-obespechit-razvitie-budushchego-strany-na-vystavke-rossiya-prezentovali-kontseptsi/>. Дата обращения: 20.06.2024.

Среди поставленных задач следует отметить развитие добровольчества как особо важного вида социальной активности современной молодёжи и популяризацию во внешней среде традиционных российских духовно-нравственных ценностей и русского языка как носителей национальной идентичности нашего народа и нашей страны в широком смысле этого слова.

Эмпирические исследования молодёжи в сложных геополитических условиях занимают важное место в российском научном дискурсе¹²³. Следует отметить, что регулярное социологическое исследование молодёжи, изучение актуального состояния системы ценностей и ценностных ориентаций молодых людей, мониторинг восприятия молодёжной политики в России является не просто актуальным и важным, а приобретает характер обязательного элемента обновления научного социологического знания о молодёжи и особенностях её генезиса.

Сбор эмпирических данных в рамках второго социологического исследования проведен в декабре 2023-апреле 2024 гг. Целью исследования является анализ динамики и оценка устойчивости представлений респондентов о патриотизме, патриотах, современном состоянии патриотического воспитания в России, анализ динамики системы ценностных ориентаций и социальной активности молодёжи на основании данных анкетирования, проведенного в июле-сентябре 2022 года и настоящего анкетного опроса. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей динамики в социально-демографическом портрете молодёжи, анализу динамики системы ценностей и ценностных ориентаций респондентов. Респонденты оценивают себя по различным показателям: уровню удовлетворенности, уровню счастья, материальному положению, отношению к религии. В некоторых вопросах расширены и уточнены варианты ответов на основании результатов и опыта предыдущего исследования. Вопрос о материальном положении семей респондентов вынесен из абсолютной системы оценки дохода на члена семьи в шкалу субъективных оценок потребительского статуса семей в связи с широкой репрезентативностью регионов и федеральных округов проживания семей респондентов.

Обработка и анализ результатов исследования осуществлялись на основе создания электронных баз данных, использования основных описательных статистик.

В данной статье будут проанализированы следующие блоки результатов исследования:

- социально-демографический портрет респондентов исследования;
- уровень удовлетворенности, счастья, отношение к религии;
- динамика структуры, тенденций и приоритетов в системе ценностных ориентаций респондентов.

В исследовании приняли участие студенты двух университетов: Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Тверского государственного технического университета. Возраст участников ис-

¹ Смирнов В.А., Скрыбина О.Б., Бессонова Т.И. Некоторые дисфункции процесса социализации в условиях «больших» вызовов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 110–125.

² Смирнов В.А. Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 9–20.

³ Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодёжи в условиях специальной военной операции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 241–250.

следования – от 17 до 25 лет. Среди них 57% – девушки, 43% – юноши. Динамика распределения по первому и второму исследованиям представлена на диаграмме (рисунок 1).

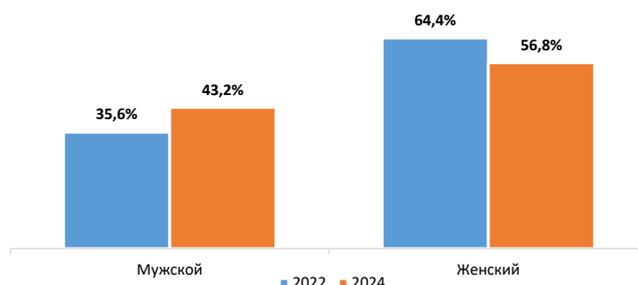

Рис. 1. Динамика распределения респондентов по полу

37,5% респондентов обучается на 3 курсе бакалавриата, 30,7% – студенты 2 курса бакалавриата, 14,9% – первокурсники бакалавриата, 13% – студенты 4 курса, 2,3% – студенты магистратуры 1 года обучения, 1,3% – студенты магистратуры 2-го года обучения, 0,3% – студенты 5 курса специалитета (рисунок 2).

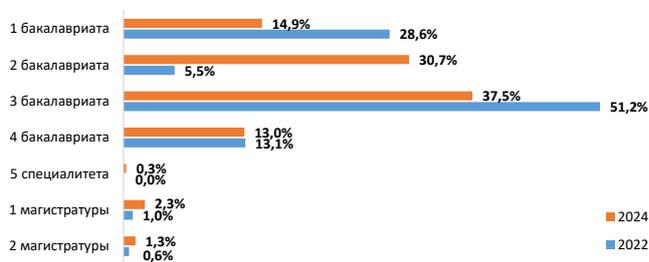

Рис. 2. Динамика распределения респондентов по курсам обучения

Большинство респондентов ожидаемо проживают со своими семьями в Москве, Московской области, Твери и Тверской области. Но в выборочную совокупность попали представители всех федеральных округов Российской Федерации – многие студенты в обоих университетах оказались иногородними, что позволяет говорить о его широкой репрезентативности даже в масштабах страны (рисунок 3).

Рис. 3. Динамика распределения респондентов по регионам и округам проживания

В повторном исследовании были уточнены типы населенных пунктов, в которых проживают респонденты. Более половины респондентов оказались жителями больших городов (59,8%), чуть более четверти (27,1%) – жители малых городов и 13,1% – жители поселков и сёл (рисунок 4). Это вполне сопоставимо с данными первого исследования: 87,7% городских жителей в первом ис-

следовании и 86,9% во втором, соответственно 12,2% и 13,1% жителей поселков и сёл попало в выборочную совокупность (рисунок 4).

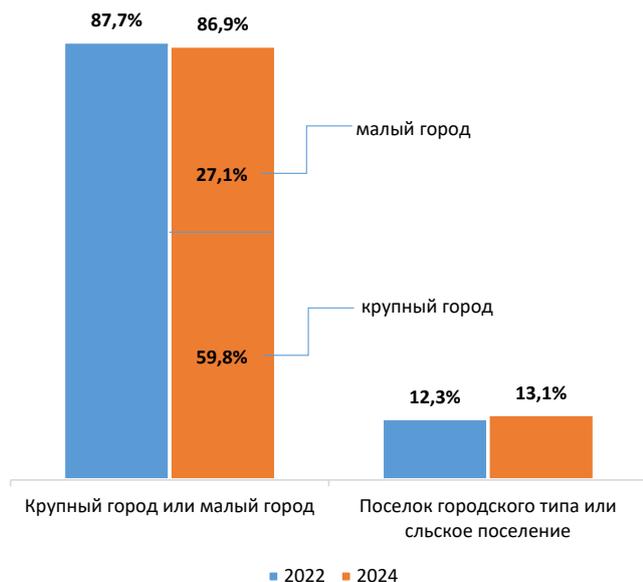

Рис. 4. Динамика распределения респондентов по местам проживания

Как уже упоминалось ранее, материальное положение семей респондентов в повторном исследовании вынесено из абсолютной системы оценки дохода на члена семьи в шкалу субъективных оценок потребительского статуса семей в связи с разнообразием регионов и федеральных округов проживания семей респондентов, а также по причине высокой динамики определённых экономических процессов и показателей за прошедший период (инфляция, динамика потребительских цен, динамика ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, как следствие динамика ставок по кредитованию физических лиц, динамика внутренней структуры потребительского рынка во многих сегментах в связи с экономическими санкциями со стороны недружественных стран). По итогу анализа полученных данных можно сделать вывод, что большинство респондентов проживают в семьях с удовлетворительным (38,3%) или средним (45,6%) доходом. Почти 13% высказались о своём высоком уровне материальных возможностей. В целом структуру материальных возможностей семей респондентов можно оценить как благополучную – семьи 96,7% респондентов в состоянии обеспечить себя питанием, одеждой и прочими необходимыми потребительскими товарами. Незначительный процент респондентов (0,4%) оценил себя субъективно бедным и 2,9% респондентов оценили свои доходы как достаточные лишь для обеспечения питания (рисунок 5).

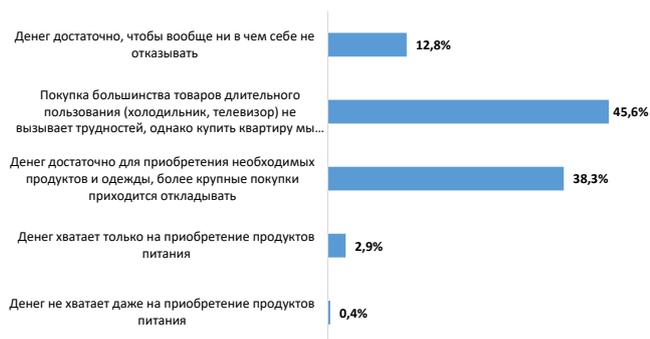

Рис. 5. Распределение респондентов по оценке доходов собственной семьи

В самоидентификации современной молодёжи с религиозными конфессиями России выявляется важная тенденция: рост той части молодых людей, которые относят себя к одной из традиционных религиозных конфессий (православие, католицизм, протестантизм, ислам, буддизм, иудаизм). В 2022 году доля такой молодёжи составляла 46,2%, в 2024 произошёл рост на 4,1% и был преодолен важный статистический рубеж – доля составила 50,3%. В то же время доля нерелигиозной или атеистической молодёжи снизилась на 3,1%, с 49,9% до 46,8%. Доля сторонников нетрадиционных религиозных течений также снизилась с 3,9% до 2,9%. Такая ощутимая динамика за столь короткий период может говорить о постепенном преодолении духовного кризиса в российском обществе. И молодёжь выступает в этом вопросе репрезентативным маркером, так как уровень духовности молодёжи может быть важным показателем духовно-нравственного здоровья всего общества. (рисунок 6).

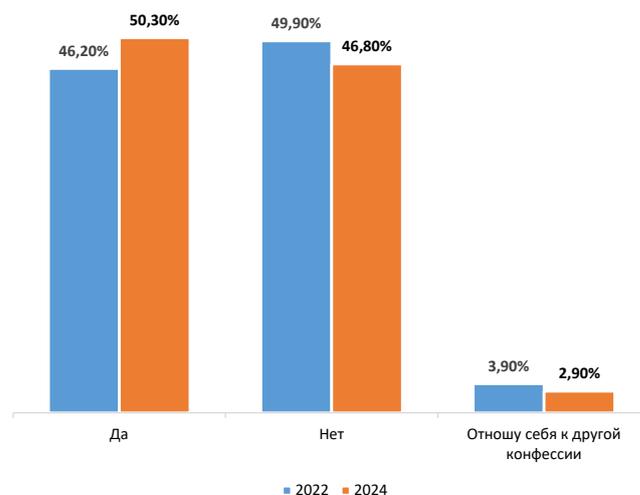

Рис. 6. Самоидентификация молодёжи с традиционными религиозными конфессиями России

Удовлетворенность своей жизнью респондентов имеет устойчивую положительную динамику: полностью удовлетворены и счастливы 31% против 27,3% в 2022 году, в целом удовлетворены и относительно счастливы 59,1% против 57,9% в 2022 году. Положительная динамика составила почти 5%: с 85,2% в 2022 до 90,1% в 2024 году. Количество полностью неудовлетворенных жизнью снизилось с 3,4% до 1,4%. Частично не удовлетворены своей жизнью оказались 8,5% респондентов против 9,5% в 2022 году – снизилось на 1%. Неопределившихся в 2024 году респондентов не оказалось (почти 2% в 2022 году). Данную положительную динамику можно рассматривать как тенденцию повышения среди российской молодёжи уровня удовлетворенности жизнью (рисунок 7).

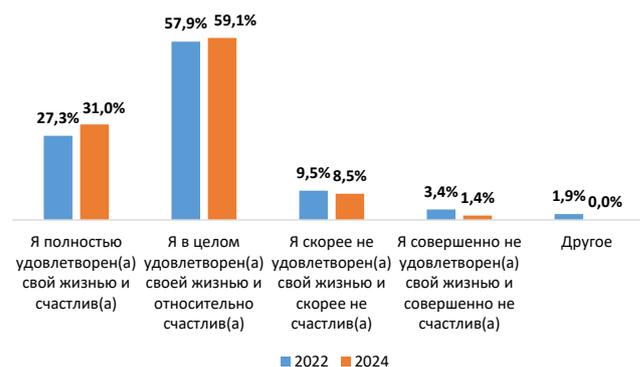

Рис. 7. Динамика удовлетворённости молодёжи жизнью

Уровень счастья российской молодежи в повторном исследовании был замерен более точно: если в 2022 году были предложены всего 2 варианта ответов – да или нет, то в 2024 респондентам предложена градация в виде 4-х вариантов. Результаты оказались сопоставимы с уровнем удовлетворенностью жизнью: определённо счастливыми себя назвали 38,9% опрошенных, скорее счастливыми – 46,8%. Рост уровня счастья составил 3% – с 82,7% в 2022 году до 85,7% в 2024. Скорее несчастливыми себя назвали 10,6% респондентов, определённо несчастливыми – 3,7%. Что логично, снижение уровня несчастливых составило те же 3%, с 17,3% до 14,3% (рисунок 8).

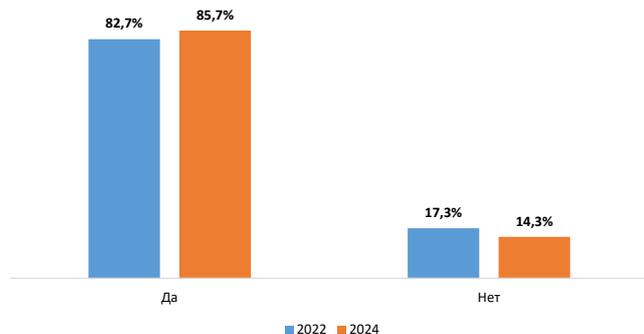

Рис. 8. Динамика уровня счастья российской молодежи

Устойчивая и ровная положительная динамика в уровне религиозности молодежи, уровне удовлетворенности жизнью и уровне счастья на фоне давления ряда серьезных негативных факторов: крайне напряженной геополитической обстановки, мощного информационного воздействия посредством социальных сетей и СМИ недружественных стран и беспрецедентного санкционного давления на экономику России позволяет сделать вывод, что российское общество в целом и молодежь в частности успешно противостоят этим негативным процессам. Социум не просто консолидируется, а идёт по пути оздоровления и преодоления духовного кризиса.

Далее следует проанализировать динамику системы ценностей респондентов за прошедший период. Главной ценностью молодых людей по-прежнему остаётся здоровье. Её значимость за прошедший период только выросла (с 61,8% в 2022 до 66,8% в 2024). Выросло значение и ценности развития, которое сейчас является вторым по значимости (с 42,6% в 2022 до 47,2% в 2024). В первом исследовании эта ценность занимала лишь 6 место. Ценность материального благополучия и достатка заняла 3 место и потеряла позицию в иерархии (была 2) и количество носителей (с 51,1% в 2022 до 45,4% в 2024). Активная, насыщенная событиями жизнь является значимой для 43,8%, потеряла значимость для 7,1% респондентов (было 50,9%) и стала 4 в рейтинге (была 3). Ценность семьи, счастливой семейной жизни сохранила 5 позицию, претерпев минимальное изменение носителей (с 43,3% в 2022 до 41,6% в 2024). Ценность хороших и верных друзей и дружба заняла 6 место с 38,6% (была на 4 месте с 44,6% выбравших). Ценность свободы сохранила 7 место, но при этом показала снижение, хоть и минимальное, выбравших её (с 39,9% до 37,8%). Интересная работа как ценность сохранила 8 место, также потеряв при этом минимальные 0,3% выбравших (с 33,6% в 2022 до 33,3% в 2024). Ценность любви к ближнему сохранила 9 место и добавила 1,3% выбравших её (с 31,2% в 2022 до 32,5% в 2024). Ценность жизненной мудрости стала популярнее среди респондентов и поднялась с 11 до 10 места, прибавив 5,3% выбравших

её (с 23,2% до 28,5%). Уверенность в себе с 10 позиции в системе ценностей молодых людей опустилась на 11, но сохранила количество носителей (27,3%). Ценность успешности в делах потеряла три позиции (с 9 на 12 место) и 6,2% выбравших (с 31,2% до 25% респондентов). Это самое значительное относительное снижение в рейтинге. Творчество как ценность потеряло в рейтинге одну позицию (с 12 на 13 место) и незначительные 0,5% выбравших (с 19% до 18,5%). Эстетика, ценность красоты природы и искусства сохранила 14 позицию и прибавила минимальные 1,2% выбравших (с 15,5% до 16,7%). Патриотизм поднялся с 16 позиции на 15 и добавил относительно ощутимые 3,7% (с 10,3% в 2022 до 14% в 2024). Познание как ценность потеряло одну позицию, опустившись с 15 на 16 место, незначительно приобретя при этом выбравших (с 12,3% до 12,6%). Счастье других осталось на 17 позиции, добавив 1,5% выбравших (с 6,7% до 8,2%). Ценность общественного признания остается наименее популярной ценностью, сохраняя 18 позицию, потеряв при этом 1,5% (с 6,2% до 4,7%). Прочие ценности выбрали всего 0,6% (в 2022–0,9%) респондентов (рисунок 9).

Рис. 9. Рейтинг ценностей современной молодежи в динамике 2022–2024 годов

Исходя из результатов, система ценностей молодежи является в целом устойчивой, сохраняются позиции ключевых ценностей молодых людей. Молодежь остаётся сосредоточенной на себе, собственном здоровье, благополучии и развитии. Определённо усиливается ценность здоровья (хотя оно и так являлось доминирующим), жизненной мудрости, саморазвития и патриотизма. В то же время постепенно снижается значение активной, насыщенной жизни, материального достатка, удовольствий, друзей. То есть снижается ориентация на праздность и праздный уровень жизни, растёт ориентация на развитие и здоровье, физическое и духовное.

Оценка личных качеств молодежью претерпела незначительную, но весьма конкретную динамику. Ответственность осталось самым популярным личным качеством, при этом количество выборов выросло с 56,7% в 2022 году до 63,4% в 2024. Воспитанность сохранила 2-ю позицию, прибавив более 6% популярности, с 55,4% в 2022 году до 61,7% в 2024. Честность поднялась с 4го места на 3-е, сохранив 39% выбора респондентов. Вер-

ность опустилась с 3-го места на 4-е, потеряв более 7% выбора респондентов. Жизнерадостность сохранила 5-ю позицию, в 2022 это качество выбрали 33,6% молодых людей, в 2024—33,1%. Образованность поднялась с 7-го места на 6-е и добавила 1% выбора респондентов, с 28% в 2022 до 29% в 2024. Рационализм поднялся в рейтинге с 11-го места на 7-е, добавив процент выбора с 24,6% до 28%. Самоконтроль как личное качество заняло 8-ю позицию (было на 6-м), незначительно потеряв процент выбора, с 30% в 2022 до 27,4% в 2024. Терпимость поднялась на 4 позиции (с 13-го места на 9-е) и прибавила 4% выбора респондентов, с 23,3% в 2022 до 27,3% в 2024. Исполнительность как качество опустилась с 8-й на 10-ю позицию, потеряв незначительные 1,2% выбора респондентов, с 27,6% в 2022 до 26,4% в 2024. Чуткость также потеряла 1,3% выбора респондентов (с 26,1% в 2022 до 24,8% в 2024), и опустилась с 9-го на 11-е место в рейтинге. Широта взглядов практически не изменилась в популярности (24,7% в 2022, 24,5% в 2024) но опустилась с 10 на 12 место в рейтинге личным качеств респондентов. Аккуратность выросла в популярности с 21,4% в 2022 до 24,1% в 2024 и поднялась на одну позицию в рейтинге, с 14-го на 13-е место. Высокие запросы или амбициозность как личное качество практически не изменилось в популярности, 23,6% выбора в 2022, 23,1% в 2024, но в рейтинге потеряло две позиции, с 12-ой в 2022 до 14-ой в 2024. Смелость в отстаивании своего мнения как качество сохранило 15-ю позицию, но потеряло часть популярности, с 21,3% в 2022 до 16,9% в 2024. Независимость также сохранила свою 16-ю позицию в рейтинге, но потеряла часть популярности, с 20,9% в 2022 до 16,6% в 2024. Непримируемость к своим недостаткам практически не изменилась в популярности, 10,7% в 2022, 10,5% в 2024, но за счёт перераспределения выбора поднялась с 19-го места на 17-е. Твёрдая воля сохранила 18-ю позицию, незначительно потеряв популярность среди молодых людей, с 9,3% в 2022 до 8,6% в 2024. Деловой подход как личное качество опустилось с 17-й на 19-ю позицию и потеряло часть популярности с 12,1% в 2022 до 8,6% в 2024. Прочие варианты набрали в сумме всего 0,1% предпочтений, в 2022 году процент их выбора был 1,3%.

Подводя итог, следует отметить, что ответственность, воспитанность, жизнерадостность, независимость, смелость в отстаивании своего мнения, твердая воля сохранили свои позиции, лишь незначительно претерпев перераспределение предпочтений. Честность, образованность, рационализм, терпимость, аккуратность укрепили свои позиции. Верность, самоконтроль, исполнительность, чуткость, широта взглядов, деловитость потеряли позиции, на которых находились по итогам первого исследования (рисунок 10).

В целом динамика оценки личных качеств оказалась незначительной, установки на ведущие личные качества респондентов оказались устойчивыми, система не претерпела структурных изменений.

Динамика представлений о формировании доминирующих ценностных ориентаций у современной молодежи аналогично является незначительной. Главным ценностным ориентиром по-прежнему является карьеризм при равном выборе в 60%. Вторым по популярности ценностным ориентиром стал здоровый образ жизни, который был третьим в 2022 году (при этом процент выбора упал с 42,5% до 40,5%). Третьим ориентиром по мнению респондентов является потребительство (было на 2 месте, процент выбора упал с 45,1% до 37,9%). Образованность оказалась на 4-м месте, поднявшись с 5-го в 2022 году (процент выбора упал с 36,4% до 33,8%). Патриотизм имеет однозначную положительную дина-

мику, поднявшись с 7-го места на 5-е, процент выбора вырос с 26,5% до 32,2%. Гедонизм (тяга к удовольствиям) по мнению молодежи стал менее популярным, опустившись с 4-го на 6-е место и потеряв почти 10% выбора респондентов (с 39,7% в 2022 до 29,9% в 2024). Ориентация на спортивность поднялась с 8-го на 7-е место, процент выбора молодежью вырос с 25,8% до 28%. Эгоизм опустился с 6-го на 8-е место, процент выбора респондентов упал с 31,1% до 27,5%. Ориентир ответственности поднялся на 9 место с 10, процент выбора респондентами вырос с 22,9% до 24,6%. Ориентир доброты опустился с 9-го на 10-е место, процент выбора незначительно упал с 23,5% до 22,4%. Также вырос в популярности ценностный ориентир семейственности, поднявшись с 15-го на 11-е место, процент выбора вырос с 13,3% до 21,7%. Сохранили свои места честность, вера в Бога, патриархальность, космополитизм и прочие ценности при незначительной динамике выбора. Потеряли свои позиции трудолюбие, праздный образ жизни и корыстолюбие при незначительной динамике выбора (рисунок 11).

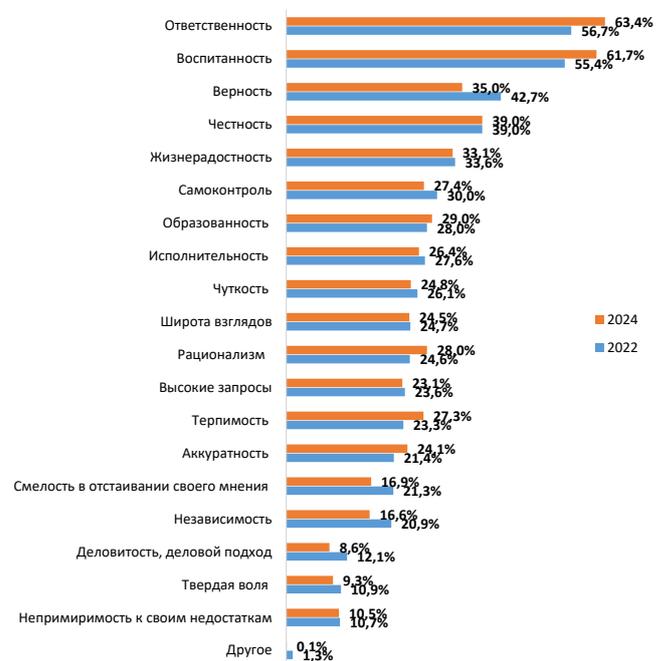

Рис. 10. Рейтинг личных качеств современной молодежи в динамике 2022–2024 годов

В целом динамика оценки качеств, формируемых обществом, оказалась незначительной, представления респондентов оказались устойчивыми, их система не претерпела структурных изменений. При этом наблюдается тенденция снижения критичности по отношению к обществу, рост выбора социально одобряемых качеств: ответственности, здорового образа жизни, спортивности, патриотизма, семейственности. Соответствует тенденции снижения популярности социально неодобряемых качеств, таких как потребительство, гедонизм, эгоизм, праздный образ жизни. Незначительная динамика рейтинга других качеств обусловлена перераспределением выбора респондентов между ними.

Подводя итог анализа всех блоков рассматриваемых вопросов, можно утверждать, что структура системы ценностей молодежи оказалась устойчивой, доминирующей ценностью является здоровье, выросло значение ценности развития, снизилось значение материального достатка, активной насыщенной жизни. Позиция большинства ценностей не претерпела серьезных изменений ни в рейтинге, ни в популярности.

Рис. 11. Рейтинг представлений о формировании ценностных ориентаций молодёжи современным обществом в динамике 2022–2024 годов

Структура оценки личных качеств также не претерпела серьёзных изменений, значение доминирующих качеств, таких как ответственность, воспитанность, образованность лишь возросло. Позиция большинства личных качеств сохранилась как в рейтинге, так и в популярности.

Представления о формировании современным обществом ценностных ориентаций молодёжи оказались устойчивыми: карьеризм, потребительство, здоровый образ жизни остаются доминирующими ценностными ориентациями, остальные ценности значительно не изменили позиций.

Сама молодёжь испытывает положительные изменения: растёт уровень самоидентификации с традиционными религиозными конфессиями России, уровень удовлетворённости жизнью и уровень счастья. Следует отметить, что вынужденные и запланированные значительные изменения, происходящие в нашей стране в самых разных сферах в настоящее время, положительно отражаются на российской молодёжи.

Изучение при помощи эмпирических методов системы ценностей и ценностных ориентаций молодёжи в целом, и её мониторинг в частности, позволяет проанализировать реактивную динамику этой социально-демографической группы, связанную с внешними и внутренними социальными, экономическими и политическими процессами. Подобные исследования позволяют анализировать эффективность государственной политики, корректировать меры, программы и мероприятия с учётом запросов и потребностей молодого поколения. Приращение научного знания о генезисе современной молодёжи позволит решать многие насущные задачи, которые касаются нашего государства и общества.

Литература

1. Калинич В.С. Ценностные ориентации и представления молодежи о патриотизме и патриотическом

воспитании в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 19–29.

2. Официальный сайт национальных проектов России [электронный ресурс] режим доступа: <https://национальныепроекты.рф/projects/>. Дата обращения: 18.02.2024.
3. «Поколение, готовое обеспечить развитие будущего страны»: на выставке «Россия» презентовали концепцию будущего нацпроекта «Молодёжь и дети» [электронный ресурс] режим доступа: <https://fadm.gov.ru/news/pokolenie-gotovoe-obespechit-razvitie-budushchego-strany-na-vystavke-rossiya-prezentovali-kontseptsi/>. Дата обращения: 20.06.2024.
4. Смирнов В.А., Скрябина О.Б., Бессонова Т.И. Некоторые дисфункции процесса социализации в условиях «больших» вызовов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 110–125.
5. Смирнов В.А. Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 9–20.
6. Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 241–250.
7. Стенограмма заседания Государственного Совета по вопросам реализации молодёжной политики в современных условиях 22 декабря 2022 года. [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>. Дата обращения: 20.07.2024.

DYNAMICS OF THE STRUCTURE OF SOCIAL ACTIVITY, VALUE SYSTEMS AND VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN YOUTH IN 2022–2024

Kalinich V.S.

Lomonosov Moscow State University

The study of the system of values and value orientations of young people in general, and its monitoring in particular, using empirical methods, allows us to analyze the reactive dynamics of this socio-demographic group associated with external and internal social, economic and political processes.

The article is devoted to the analysis of the results of a questionnaire survey of young people, which was conducted in December 2023 – April 2024. As part of the monitoring study, the tasks include checking sustainability, identifying trends in priorities within the system of values and value orientations of modern youth.

Such studies allow us to analyze the effectiveness of public policy, adjust measures, programs and activities taking into account the requests and needs of the younger generation.

Keywords: youth, value orientations, volunteering, youth policy, empirical research, sociological research, questionnaire, social activity of youth, the state, modern society

References

1. Kalinich V.S. Value orientations and ideas of youth about patriotism and patriotic education in modern Russia // Socio-humanitarian knowledge. 2023. № 5. pp. 19–29.
2. Official website of national projects of Russia [electronic resource] access mode: <https://национальныепроекты.рф/projects/>. Date of application: 18.02.2024.
3. «A generation ready to ensure the development of the country's future»: the concept of the future national project «Youth and Children» was presented at the exhibition «Russia» [electronic resource] access mode: <https://fadm.gov.ru/news/pokolenie-gotovoe-obespechit-razvitie-budushchego-strany-na-vystavke-rossiya-prezentovali-kontseptsi/>. Date of application: 20.06.2024.

4. Smirnov V.A., Scriabina O.B., Bessonova T.I. Some dysfunctions of the socialization process in the conditions of «big» challenges // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. Vol. 28. № 1. pp. 110–125.
5. Smirnov V.A. Youth policy and educational activities in Russian universities: stages of development and key contradictions // Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. № . 5. pp. 9–20.
6. Smirnov V.A. Social well-being of Russian youth in the conditions of a special military operation // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2024. № 77. pp. 241–250.
7. Transcript of the meeting of the State Council on the implementation of Youth Policy in modern conditions on December 22, 2022. [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>. Date of application: 20.07.2024.

Выбор направления политического партнерства Мексики в условиях «зеленого перехода» национальной экономики: перспективы сотрудничества с Германией

Карнаухова Елена Евгеньевна,

кандидат политических наук, доцент, кафедра иностранных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: unn@unn.ru

Кондратьева Мария Александровна,

преподаватель, кафедра иностранных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: unn@unn.ru

В статье рассматривается высокая вероятность выхода на новый уровень инвестиционно-экономического сотрудничества Германии и Мексики в связи с избранием нового президента латиноамериканской страны, амбициозного технократа, нацеленного на внедрение «зеленой повестки». Авторы статьи утверждают, что в области модернизации в рамках «энергетического перехода» Европейский Союз (и Германия, в первую очередь) представляет собой более выгодную альтернативу Китаю, агрессивно действующему в регионе. Анализируются текущие позиции Германии как надежного экономического партнера Мексики в совокупности с инструментами «мягкой силы», которыми оперирует ФРГ в Латинской Америке. Обосновываются выгоды германской стороны от более тесного инвестиционно-производственного партнерства с Мексикой в связи со стратегией ФРГ в области альтернативной энергетики и климата, в частности, благодаря наличию в Мексике запасов лития и других металлов, необходимых для производства солнечных панелей и электрических аккумуляторов.

Ключевые слова: Германия, Мексика, Латинская Америка, Китай, Европейский Союз, политика в области защиты окружающей среды, климатическая повестка, зеленый переход, альтернативная энергетика, новая инфраструктура, Инициатива Пояса и Пути, мягкая сила, инвестиционная политика.

В результате победы на президентских выборах в Соединенных Штатах Мексики, прошедших 2 июня 2024 года, впервые за двухсотлетнюю историю республики лидером страны стала женщина – бывший мэр столицы Клаудия Шейнбаум, выдвигенец от левой партии Morena и соратница действующего президента Андреаса Мануэля Лопеса Обрадора. При анализе данного политического события эксперты [6] обращают внимание в первую очередь на гендерную принадлежность избранного главы мексиканского государства и прогнозируют положительный эффект на социально-политический ландшафт всего региона Латинской Америки и Карибского бассейна, который должен будет характеризоваться еще более активным вовлечением женщин в процессы принятия решений, ведения бизнеса, получения профессионального образования, построения карьеры, особенно в традиционно «мужских» областях, и интенсификацией борьбы за равноправие и справедливую оплату труда. Однако еще более пристального внимания заслуживает тот факт, что госпожа Шейнбаум является выходцем из академического сообщества, будучи доктором наук с исследовательскими интересами в области альтернативной энергетики и управленческими амбициями в сфере повышения энергетической эффективности использования традиционных и возобновляемых ресурсов [18]. Так, в 2007 году Межправительственная группа экспертов по изменению климата, в которую также входила Клаудия Шейнбаум, получила Нобелевскую премию мира, в еще ранее, в 2000 году, в родной стране она получила портфель министра по вопросам окружающей среды. Стоит ожидать, что в течение своего шестилетнего срока на посту главы государства одним из приоритетов политики новой команды [2] (пусть и под влиянием прежней, вдовой харизматичным АМЛО, как его для краткости называют в испаноязычных СМИ) будет внедрение и развитие технологий «зеленого перехода» в стране, заслуженно пользующейся репутацией одного из промышленных флагманов всего региона ЛАКБ и обладающей определенной научно-индустриальной базой для активных шагов в рамках «зеленой повестки». В то же время этой базы, характерной для страны полупериферии, по миросистемной классификации, будет явно недостаточно для того, чтобы громкие обещания не остались только на бумаге, а уж тем более для совершения настоящего прорыва – чтобы тем самым дать достойный пример соседям по континенту и доказать всему миру, что масштабные проекты под силу мексиканскому обществу, занятому не только изнуряющей борьбой с наркокартелями, с чем в первую очередь ассоциируется данная страна Северной Америки в сознании большинства обывателей.

Возникает закономерный вопрос: к кому может обратиться мексиканское правительство для решения столь сложной задачи? Какие влиятельные международные игроки обладают достаточным технологическим потенциалом для оказания адекватного содействия в осуществлении так называемого «зеленого перехода»? На данном этапе два крупных актора мировой политики находят-

ся в авангарде «экоповестки» – это Китай и Европейский Союз, и в первую очередь индустриальный локомотив Старого Света Германия [14]. О глобальных инициативах, сопряженных с целями устойчивого развития (ЦУР) и инвестициями в «новую инфраструктуру» (телекоммуникации пятого поколения, высокоскоростные железные дороги, эффективная передача электроэнергии, внедрение электротранспорта и электромобилей, обработка больших данных, искусственный интеллект, «умные города», альтернативная энергетика, фотогальванические технологии и т.п.) заявили с высоких трибун как представители КНР, так и ЕС: на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 2021 году председатель КПК Си Цзиньпин озвучил «Инициативу в области глобального развития» как концептуальное продолжение капиталоемкой, ориентированной на строительство транспортной инфраструктуры «Инициативы Пояса и Пути» (ИПП) [19], с одной стороны, и сфокусированными на трансформацию социально-экономических моделей ЦУР, с другой; в свою очередь, Евросоюз в том же 2021 году выдвинул инициативу, известную под названием Global Gateway («Глобальные ворота»), с целью стимулировать инвестиции в ЛАКБ, необходимые для энергоперехода [7]. Конечно же, не стоит думать, что Пекин и Брюссель руководствуются исключительно благотворительными соображениями, выражая обеспокоенность за судьбы и процветание народов западного полушария. Ресурсы – вот, что на самом деле интересует мировые элиты, и на текущем этапе технологического развития литий («белое золото») и другие редкоземельные металлы являются желанным призом в извечной гонке за первенство, особенно те из них, что активно используются в производстве устройств и оборудования для обеспечения необходимого уровня цифровизации, сокращения зависимости от традиционного ископаемого топлива, снижения выбросов в атмосферу вредных веществ и повышения доли «чистой» энергии в производственных процессах, цепочках поставок и в конечном потреблении.

У Китая сложилась довольно противоречивая репутация в странах Глобального Юга и, в частности, в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. С одной стороны, щедрые инвестиции и займы, предоставляемые китайскими финансовыми структурами, пришли именно в тот момент, когда страны-реципиенты в них особенно нуждались [19], а другие игроки воздерживались от крупных вложений, считая риски слишком высокими, а возможные будущие дивиденды недостаточно привлекательным стимулом. В то же время для китайских компаний и банков эти сделки стали отличным способом приложения и приумножения накопленного капитала, а также налаживания прочных транспортно-экономических связей с рынками сбыта разнообразной китайской продукции и источниками сырья, в чем бурно развивающийся Китай всегда остро нуждается, поскольку его собственная территория не обладает достаточными запасами. В итоге по объемам средств, вкладываемых в ЛАКБ, Китай обогнал Всемирный банк и Межамериканский банк развития [19], а за последние десять лет более 2 тысяч китайских компаний в регионе создали более 1,8 миллиона рабочих мест [19] для местных жителей, что способствует росту благосостояния и сокращению бедности. Кроме того за последние два десятилетия объем торговли между КНР и Латинской Америкой в абсолютных величинах вырос в 20 (!) раз [20] – сырье и сельскохозяйственная продукция южноамериканского континента обмениваются на промышленные товары «мастерской мира».

С другой стороны, чрезмерная зависимость от китайских денег не может не беспокоить местные элиты,

но у некоторых просто не остается выбора – как, например, у Аргентины, которая уже на протяжении нескольких лет находится на грани полного банкротства (хотя страна – один из региональных политико-экономических лидеров, член Группы 20) и в настоящее время является первым заемщиком китайских политических банков и коммерческих финансовых структур среди государств ЛАКБ [20]. Покупка дешевых товаров китайского производства не способствует развитию локальной индустриальной базы, а спрос со стороны Китая в первую очередь на товары низкого передела определяет тот факт, что регион не может выбраться из ниши сырьевого поставщика – просто появился еще один мощный вектор ресурсного экспорта. Кроме того деятельность китайских корпораций оказалась на деле не всегда столь благотворна [19], как это рисовали сторонники активного привлечения инвестиций из Поднебесной. Так, правительство Эквадора подало в суд на китайскую компанию Sinohydro, ответственную за строительство гидроэлектростанции Codo Codo Sinclair, за некачественно выполненную работу, которая сделала невозможной эксплуатацию ГЭС, вызвала эрозию почв вверх по течению, а также спровоцировала закрытие двух газопроводов, поставляющих топливо на экспорт, что больно ударило по бюджету южноамериканской страны. Другой пример: по оценке специалистов, разработка китайской сырьевой корпорацией на территории важного горнодобывающего района Arco Minero, расположенного на юге Венесуэлы, нанесла невосполнимый урон местной экосистеме. В то же время в Коста-Рике эксперты вовремя вмешались: проект перестройки нефтеперерабатывающего завода, которую должна была осуществлять китайская компания, был отозван из-за неприемлемого воздействия на окружающую среду в случае его реализации. Иными словами, хищническая эксплуатация территорий и несоблюдение высоких стандартов качества выполняемых работ ведет к подрыву доверия со стороны стран-заказчиков, которые начинают искать более надежную альтернативу, пусть и сопряженную с более высокими затратами.

В этой ситуации более привлекательным партнером выглядит Европейский Союз, который воспринимается латиноамериканскими элитами и общественностью, с одной стороны, как часть Глобального Севера, располагающего передовыми технологиями, а с другой стороны, как самостоятельная величина на мировой арене, способная придерживаться собственного политического курса, а не идти исключительно в фарватере США (хотя уверенность в этом пошатнулась в связи с европейской позицией в отношении развернувшегося российско-украинского конфликта). Стремление к модернизации подталкивает к более активному сотрудничеству с Европой и особенно с Германией, которой дают дополнительные имиджевые очки отсутствие в прошлом как колониальных амбиций на континенте (если не считать планы германского правительства в начале XX века поставить под свой контроль некоторые штаты Южной Бразилии, заселенные немецкими эмигрантами [13]), так и применение неокOLONиального стиля ведения бизнеса (в последующие десятилетия). В целом немецкие товары по всему миру ассоциируются с высоким качеством и надежностью, а немецкие деловые партнеры – с щепетильностью в исполнении взятых на себя обязательств [17]. В этом заключается один из элементов так называемой «мягкой силы», которой обладает Германия [13], позиционируя себя как зрелая демократия с инновационной экономикой, развитым гражданским обществом и высоким уровнем жизни, к чему, безусловно, стремятся сами страны ЛАКБ, видя в данной европей-

ской стране определенный прообраз желаемого идеального будущего или как минимум подходящего партнера, способного оказать содействие в решении насущных задач. Этот привлекательный образ сложился благодаря как пассивным факторам (вклад представителей довольно многочисленных немецкоговорящих диаспор в политику, экономику и культуру стран региона, достижения самой Германии в различных сферах – от технологий до спорта), так и активным шагам в рамках долгосрочной выверенной стратегии, которая предполагает работу на многих направлениях: постоянные дипломатические контакты, финансовая и гуманитарная помощь развивающимся странам, экстренное реагирование в случае чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и техногенных катастроф, сотрудничество с высшими учебными заведениями, культурными центрами и средствами массовой информации, академические обмены и стипендиальные программы (последними занимается немецкое агентство DAAD, оказывая помощь студентам из Аргентины, Бразилии, Колумбии, Коста-Рики, Мексики, Чили [15]). Системную работу ведут не только официальные представители внешнеполитического ведомства ФРГ, но и партийные фонды [15] (Ф. Фридриха Эберта, Ф. Генриха Белля, Ф. Розы Люксембург, Ф. Конрада Аденауэра, Ф. Фридриха Науманна и другие), которые действуют как некоммерческие организации, занимаясь аналитической деятельностью, гуманитарным сотрудничеством, налаживанием контактов с молодежными и профсоюзными организациями, а также с близкими по духу местными политическими объединениями, тем самым укрепляя позиции Германии в регионе и экспортируя немецкую культуру, в том числе ее политическое воплощение. Преимущество действий через партийные фонды заключается в том, что в случае возникновения разногласий, политических затруднений и кризисов, официальный Берлин может дистанцироваться от них, как от акторов, действующих в рамках своей партийной идеологии на свой страх и риск без формального контроля, а значит, государство не несет за них ответственность (хотя опосредованно финансирует из бюджета). Кроме того через такие фонды можно налаживать связь с оппозицией, чтобы возможный (а может, и желательный) приход к власти альтернативных политических сил не навредил интересам немецкого бизнеса. Инструментом «мягкой силы» является также Институт Гете, занимающийся продвижением в мире немецкого языка, а, следовательно, немецкой культуры и ценностей в первую очередь среди подрастающего поколения (будущих специалистов и лиц, принимающих решения, которые должны с симпатией относиться к родине изучаемого языка). Его филиалы в регионе ЛАКБ успешно работают на территории Боливии, Венесуэлы, Колумбии, Перу, Уругвая, Аргентины, Бразилии, Чили и Мексики [13].

Последние четыре страны традиционно находятся в фокусе внимания Германии уже на протяжении нескольких десятилетий по следующим причинам географического, экономического и исторического характера: во-первых, это крупнейшие государства региона (следовательно, это привлекательные рынки), во-вторых, они являются наиболее передовыми с точки зрения уровня развития промышленного производства (а значит рынки платежеспособные, с запросом на приобретение машин, инженерного оборудования, химических продуктов, электротехники, тонкой оптики и т.п., того, что производит и поставляет Германия), в-третьих, с ними уже налажены всесторонние контакты и выстроено успешное сотрудничество на протяжении многих лет, в-четвертых, на их территории проживают наиболее крупные немецкоговорящие общины. Так, в Бразилии

проживают около 1,5 миллион жителей с немецкими корнями, в Аргентине их число примерно 300–500 тысяч, а в Мексике – приблизительно 200 тысяч человек [13], и многие являются влиятельными личностями в политике, журналистике, искусстве. Если проанализировать динамику официальных визитов канцлеров ФРГ в ЛАКБ, то легко распознать тройку стран-фаворитов: Бразилия, Аргентина и Мексика [17]. Если с первой Берлин связывает не только тесные торговые отношения, но и также военно-политическое (Бразилия – традиционный покупатель немецкого вооружения) и дипломатическое сотрудничество (обе страны разделяют амбиции по вхождению в Совет Безопасности ООН на постоянной основе и поддерживают друг друга в этом стремлении), то Мексика стабильно находится на втором месте в списке приоритетов немецкой политики в западном полушарии с внушительной долей во внешнеторговом обороте европейской страны, которая импортирует помимо сырья произведенные на мексиканских заводах запчасти и комплектующие к автомобилям, электротехнические товары, продукцию химической индустрии, машины и оборудование [3]. Кроме того вместе на долю Бразилии и Мексики приходится 80% прямых иностранных инвестиций Германии в регионе [5] (для Мехико это второй по важности зарубежный инвестор после США). На территории латиноамериканской страны действуют 1300 немецких компаний [10] (среди них известные автомобильные бренды, такие как Audi, BMW, Volkswagen), общая капитализация которых оценивается в 25 миллиардов долларов США, а общая стоимость продукции, произведенной дочерними предприятиями Германии руками местной рабочей силы, достигает 62 миллиардов, что равняется 6% ВВП Мексики [12]. Для экономики ФРГ данная страна также является выходом на североамериканский рынок, объединенный в зону свободной торговли договором НАФТА, иными словами, это своеобразный мост, связывающий экономические пространства двух огромных континентов [1]. Производственные и сборочные мощности Мексики, как уже существующие, так и перспективные, могут позволить охватить набирающие привлекательность рынки сбыта региона Латинской Америки и Карибского бассейна, а за счет увеличения общего вала станет возможным снизить затраты на единицу производимой продукции и, возможно, даже составить конкуренцию аналогичным товарам, доставляемым из Азиатско-Тихоокеанского региона (в чем весьма заинтересована Германия, чьи опасения относительно растущей мощи Китая заставляют ее настойчиво и методично искать альтернативы [8]). Например, такое сотрудничество (немецкие НИОКР + мексиканская рабочая сила, более дешевая по сравнению со своим европейским аналогом + богатые мексиканские недра) могут сделать рентабельным производство солнечных панелей, аккумуляторных батарей и прочих комплектующих для электромобилей на территории ЛАКБ для поставки даже на глобальные рынки. Для немецкого бизнеса денежные вливания в латиноамериканские фирмы может стать своего рода компенсацией за понесенные убытки в связи с уходом с российского рынка из-за введенных ограничений (пусть и платежеспособность местных покупателей ниже, чем в России, суммарное население многочисленное и быстро растущее). Но главный фактор роста заинтересованности Германии к инвестированию и сотрудничеству с латиноамериканскими государствами – это амбиции в области «зеленого перехода» [4]: правительством ФРГ была озвучена цель довести число электромобилей на дорогах страны до 15 миллионов к 2030 году [4]. Одним из ключевых ресурсов, конкуренция за который все время возрастает, является литий,

основные разведанные запасы которого сосредоточены в зоне, охватывающей территории сопредельных государств – Боливии, Чили и Аргентины (получивший название «Литиевый треугольник») – и составляют 55–60% от общемировых [16]. Однако в Боливии работа по добыче серьезно осложняется нестабильностью политической ситуации, а в Чили и Аргентине инициативу по разработке «белого золота» уже успел перехватить Китай. Хотя Германия способна предложить более выгодные условия (создание совместных предприятий по добыче, переработке и производству конечной продукции) в отличие от КНР, который вывозит сырье на заводы, расположенные на своей территории, не следует упускать из виду любые альтернативные источники, чтобы сократить отставание от «азиатских тигров». Мексика обладает собственными запасами лития, которые правительство поставило под государственный контроль [16] путем национализации отрасли, следовательно, вопрос сотрудничества двух стран ради эффективного использования имеющихся ресурсов будет включен в повестку на приоритетных началах, поскольку обе стороны в этом крайне заинтересованы. Кроме того Мексика обладает крупнейшими в мире месторождениями серебра, металла, необходимого в производстве солнечных батарей [9]. Еще одной перспективной статьей представляются поиск и разработка месторождений редкоземельных металлов на территории Центральной и Южной Америки, так как, с одной стороны, этот сектор является относительно молодым для региона, а значит, требует серьезных вложений и технологического содействия, с другой стороны, Европе выгодно сократить зависимость от китайских поставщиков, обеспечивающих на данный момент 98% потребностей европейской промышленности в редкоземельных металлах [20]. Что касается конкретно Германии, то страна также испытывает кадровый голод, и новый закон об иммиграции [11] призван улучшить процесс привлечения в страну квалифицированной рабочей силы, в том числе из ЛАКБ. Хотя мексиканскому правительству не нужна «утечка мозгов» и рабочих рук, но временные контракты на территории ФРГ могут способствовать получению ценного трудового опыта, особенно специалистами в области машиностроения, инжиниринга, медицины, цифровых технологий, альтернативной энергетики.

В заключении можно сделать следующий вывод – в свете реализации собственной «зеленой сделки», то есть увеличения доли альтернативных источников в энергетическом балансе и внедрении более экологически безопасных технологий, новое мексиканское правительство во главе с Клаудией Шейнбаум, бывшим министром по вопросам окружающей среды, найдет весьма выгодным сотрудничество с Федеративной Республикой Германии, обладающей необходимым научно-техническим и финансовым ресурсом, а также репутацией надежного и щепетильного делового партнера с давней историей успешных взаимоотношений в практической плоскости. Обе страны сближают амбиции в сфере «зеленой трансформации», а также тот факт, что друг для друга они являются альтернативой Китаю, чье усиление как глобального игрока вызывает растущее беспокойство среди представителей местных элит. Мексика, подобно большинству государств Латинской Америки и Карибского бассейна, воспринимает Европейский Союз в целом и Германию в частности как противовес Соединенным Штатам Америки и потому заинтересована в диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических контактов и оптимальной балансировке между ними. Кроме того внедрение передовых технологий и более продуктивное использо-

вание ресурсов вкупе с экологически чистой добычей может дать шанс на изменение всей модели социально-экономического развития и значительного сокращения бедности, за что так ратуют уже не одно поколение мексиканских и латиноамериканских государственных деятелей и ученых.

Литература

1. Brückenland mit großen Gegensätzen / [Электронный ресурс] // Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung: [сайт]. – URL: <https://www.bmz.de/de/laender/mexiko> (дата обращения: 16.07.2024).
2. Del Campo M., Tolama J., Flores Z. Claudia Sheinbaum revela 31 propuestas económicas en su Proyecto de Nación / Del Campo M., Tolama J., Flores Z. [Электронный ресурс] // www.bloomberglia.com: [сайт]. – URL: <https://latinoamerica/mexico/claudia-sheinbaum-revela-31-propuestas-economicas-en-su-proyecto-de-nacion/> (дата обращения: 12.07.2024).
3. Deutsche Entwicklungszusammenarbeit mit Mexiko / [Электронный ресурс] // Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung: [сайт]. – URL: https://www.bmz.de/de/laender/mexiko#anc=id_10814_10814 (дата обращения: 16.07.2024).
4. Deutschland gibt sich Klimaaußenpolitikstrategie / [Электронный ресурс] // Auswärtiges Amt: [сайт]. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/klimaaußenpolitik/klimaaußenpolitikstrategie/2634734> (дата обращения: 16.07.2024).
5. Foreign Direct Investment – Motor for Jobs, Growth, and Prosperity / [Электронный ресурс] // The Federation of German Industries (BDI): [сайт]. – URL: <https://english.bdi.eu/topics/global-issues/foreign-direct-investments> (дата обращения: 16.07.2024).
6. Gilavci A.A. Mexican Elections and the Rise of Sheinbaum / GILAVCI A.A. [Электронный ресурс] // Ankara Center for Crisis and Policy Studies: [сайт]. – URL: <https://www.ankasam.org/meksika-secimleri-ve-sheinbaumun-yukselisi/?lang=en> (дата обращения: 12.07.2024).
7. Global Gateway in Latin America and the Caribbean / [Электронный ресурс] // European Commission: [сайт]. – URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/initiatives-region/initiatives-latin-america-and-caribbean_en (дата обращения: 16.07.2024).
8. La ventaja competitiva de China inquieta a Alemania y al resto de Europa / [Электронный ресурс] // Канал DW Español на видеохостинге YouTube: [сайт]. – URL: https://youtu.be/tRumschx_Rw?si=AHAD-g33R1O0vK21y (дата обращения: 16.07.2024).
9. Lankes A. Latin America could lead the way on green power / Lankes A. [Электронный ресурс] // The Economist: [сайт]. – URL: <https://www.economist.com/the-world-ahead/2023/11/13/latin-america-could-lead-the-way-on-green-power> (дата обращения: 16.07.2024).
10. Lateinamerika und die Karibik: eine strategisch wichtige Region / [Электронный ресурс] // Auswärtiges Amt: [сайт]. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/lateinamerika-/201390> (дата обращения: 16.07.2024).
11. Personal cualificado, bienvenido / [Электронный ресурс] // Deutschland.de: [сайт]. – URL: <https://www.deutschland.de/es/topic/economia/ley-de-inmigracion-de-profesionales-trabajar-en-alemania> (дата обращения: 16.07.2024).

12. Rebossio A. La presencia de Alemania en Latinoamérica / Rebossio A. [Электронный ресурс] // El País.Blogs: [сайт]. – URL: <https://blogs.elpais.com/eco-americano/2013/09/la-presencia-de-alemania-en-latinoamerica.html> (дата обращения: 16.07.2024).
13. Tatuntz S.A. La política del poder blando de Alemania en America Latina [Текст] / Tatuntz S.A. // Iberoamérica. – 2021. – № 4. – С. 80–101.
14. Umwelt- und Klimapolitik / [Электронный ресурс] // Auswärtiges Amt: [сайт]. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/lateinamerika/umwelt-lak/201392> (дата обращения: 16.07.2024).
15. Глебов М.С. Левые партийные фонды Германии и социальные перемены в Латинской Америке (на опыте начала XXI века) // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2018. № 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/levye-partiynnye-fondy-germanii-i-sotsialnye-peremeny-v-latinskoj-amerike-na-opyte-nachala-xxi-veka> (дата обращения: 16.07.2024).
16. Головинченко Д. Мексика национализирует литиевые резервы / Головинченко Д. [Электронный ресурс] // Коммерсант: [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5317660#:~:text=В%20настоящее%20время%20Мексика%20не,контролируемая%20китайским%20капиталом%20Васанора%20Lithium> (дата обращения: 16.07.2024).
17. Емельянов А.И. Национальные интересы Германии в Латинской Америке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 3 (787). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-germanii-v-latinskoj-amerike> (дата обращения: 16.07.2024).
18. Михантьева М. Ученая против наркокартелей: что известно о первой женщине-президенте Мексики / Михантьева М. [Электронный ресурс] // www.forbes.ru: [сайт]. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/514113-ucena-a-protiv-narkokartelej-cto-izvestno-o-pervoj-zensine-prezidente-meksiki> (дата обращения: 12.07.2024).
19. Сафронова Е.И. Новые «повороты» Инициативы «Пояс и путь» в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2023. – Выпуск № 10 С. 62–78. – URL: <https://latamerica-journal.ru/s0044748x0027610-0-1/> (дата обращения: 16.07.2024).
20. Яковлев П.П. Латинская Америка и Евросоюз померились разными взглядами / Яковлев П.П. [Электронный ресурс] // Журнал «Международная жизнь»: [сайт]. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41853> (дата обращения: 16.07.2024).

CHOOSING THE DIRECTION OF MEXICO'S POLITICAL PARTNERSHIP IN THE CONTEXT OF THE "GREEN TRANSITION" OF THE NATIONAL ECONOMY: PROSPECTS FOR COOPERATION WITH GERMANY

Karnaukhova E.E., Kondratieva M.A.

National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

The article presents the arguments for high probability of the new shift in the German – Mexican investment and economic collaboration due to the coming to power of the newly elected President of the Latin American country, an ambitious “green agenda” technocrat. The authors claim that the European Union (Germany especially) is a more beneficial alternative to aggressively acting China when it comes to green transition modernization. Besides the paper offers the analysis of Germany’s current positions as a reliable economic partner of Mexico and the European country’s soft power tools utilized in the Latin American and Caribbean region. The researchers single out the advantages of a more intensive investment and industrial partnership with Mexico for Germany in the context of al-

ternative energy and climate change strategy, in particular, thanks to Mexico’s richness in resources (first of all, in lithium and other metals that are considered essential for the solar panels and electric batteries production).

Keywords: Germany, Mexico, Latin America, China, European Union, environment policy, climate agenda, green transition, alternative energy, new infrastructure, Belt and Road Initiative, soft power, investment policy.

References

1. Brückenland mit großen Gegensätzen/[Electronic resource]// Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung: [website]. – URL: <https://www.bmz.de/de/laender/mexiko> (access date: 16.07.2024).
2. Del Campo M., Tolama J., Flores Z. Claudia Sheinbaum revela 31 propuestas económicas en su Proyecto de Nación / Del Campo M., Tolama J., Flores Z. [Electronic resource] // www.bloomberglinea.com: [website]. – URL: <https://latinoamerica/mexico/claudia-sheinbaum-revela-31-propuestas-economicas-en-su-proyecto-de-nacion/> (access date: 12.07.2024).
3. Deutsche Entwicklungszusammenarbeit mit Mexiko/[Electronic Resource]//Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung: [website]. – URL: https://www.bmz.de/de/laender/mexiko#anc=id_10814_10814 (access date: 16.07.2024).
4. Deutschland gibt sich Klimaaußenpolitikstrategie/[Electronic resource]//Auswärtiges Amt: [site]. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/klimaussenpolitikstrategie/2634734> (access date: 16.07.2024).
5. Foreign Direct Investment – Motor for Jobs, Growth, and Prosperity/[Electronic Resource]//The Federation of German Industries (BDI): [website]. – URL: <https://english.bdi.eu/topics/global-issues/foreign-direct-investments> (access date: 16.07.2024).
6. Gilavci A.A. Mexican Elections and the Rise of Sheinbaum/GILAVCI A.A. [Electronic Resource]//Ankara Center for Crisis and Policy Studies: [site]. – URL: <https://www.ankasam.org/meksika-secimleri-ve-sheinbaumun-yukselisi/?lang=en> (access date: 12.07.2024).
7. Global Gateway in Latin America and the Caribbean/[Electronic Resource]//European Commission: [site]. – URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/initiatives-region/initiatives-latin-america-and-caribbean_en (access date: 16.07.2024).
8. La ventaja competitiva de China inquieta a Alemania y al resto de Europa/[Electronic resource]//DW Español channel on YouTube video hosting: [site]. – URL: https://youtu.be/tRumschx_Rw?si=AHaDg33R1O0vK21y (access date: 16.07.2024).
9. Lankes A. Latin America could lead the way on green power/Lankes A. [Electronic resource]//The Economist: [site]. – URL: <https://www.economist.com/the-world-ahead/2023/11/13/latin-america-could-lead-the-way-on-green-power> (access date: 16.07.2024).
10. Latin America and the Caribbean: a strategically important region/Federal Foreign Office:// [site]- URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/lateinamerika/-/201390> (access date: 16.07.2024).
11. Personal cualificado, bienvenido/[Electronic resource]// Deutschland.de: [site]. – URL: <https://www.deutschland.de/es/topic/economia/ley-de-inmigracion-de-profesionales-trabajaren-alemania> (access date: 16.07.2024).
12. Rebossio A. La presencia de Alemania en Latinoamérica/Rebossio A. [Electronic Resource]//El País.Blogs: [site]. – URL: <https://blogs.elpais.com/eco-americano/2013/09/la-presencia-de-alemania-en-latinoamerica.html> (access date: 16.07.2024).
13. Tatuntz S.A. The Politics of Germany’s Soft Power in Latin America – 2021. – № 4. – pp. 80–101.
14. Environment and Climate Policy/[Electronic Resource]//German Federal Foreign Office: [site]. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/lateinamerika/umwelt-lak/201392> (access date: 16.07.2024).
15. Glebov M.S. Left party funds of Germany and social changes in Latin America (from the experience of the beginning of the XXI century)//Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Historical Sciences. 2018. № 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/levye-partiynnye-fondy-germanii-i-sotsialnye->

- peremeny-v-latinskoy-amerike-na-opyte-nachala-xxi-veka (access date: 16.07.2024).
16. Golovinchenko D. Mexico nationalizes lithium reserves/Golovinchenko D. [Electronic resource]//Kommersant: [website]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5317660#:~:text=In%20at%20time%20Mexica%20not,controlled%20by%20Kite%20capital%20Bacanora%20Lithium> (access date: 16.07.2024).
 17. Emelyanov A.I. National interests of Germany in Latin America//Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2017. № 3 (787). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-germanii-v-latinskoy-amerike> (access date: 16.07.2024).
 18. Mikhantieva M. Scientist against drug cartels: what is known about the first woman president of Mexico/Mikhantieva M. [Electronic resource]// www.forbes.ru: [site]. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/514113-ucenaa-protiv-narkokartelejcto-izvestno-o-pervoj-zensine-prezidente-meksiki> (access date: 12.07.2024).
 19. Safronova E.I. New “turns” of the Belt and Road Initiative in Latin America//Latin America. – 2023. – Issue # 10 C. 62–78. – URL: <https://latamerica-journal.ru/s0044748x0027610-0-1/> (access date: 16.07.2024).
 20. Yakovlev P.P. Latin America and the European Union measured different views/Yakovlev P.P. [Electronic resource]//Magazine “International Life”: [site]. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41853> (access date: 16.07.2024).

Британская миссионерская политика в странах Западной Африки в начале XX в.

Кудряшова Юлия Александровна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева
E-mail: Ylyub@mail.ru

В статье рассмотрены основные направления и инструменты колониальной политики на территории Британской Западной Африки (Нигерия, Гана, Сьерра-Леоне и Гамбия). Отмечается, что миссионерская деятельность – важнейший компонент колониальной политики Британской Империи. Распространение христианской религии стало одним из важнейших инструментов удержания власти британцев. Охарактеризовано этноконфессиональное пространство Западной Африки в начале XX в. Обозначены основные виды деятельности миссионеров. Представлена типичная структура локальных христианских общин. Рассмотрена практика «реверсивного миссионерства» – привлечения африканцев для работы в Великобритании в качестве проповедников. Обозначена роль миссионеров на территории Западной Африки и даны критические оценки ее воздействия на местное общество.

Ключевые слова: миссионер, британская империя, колониализм, метрополия, колония, Западная Африка, англиканская церковь.

Введение

Исследование британской миссионерской политики в странах Западной Африки в начале XX в. представляет значительный интерес для историков, поскольку научное осмысление предпосылок, динамики и последствий колониализма позволяет лучше понять механизмы культурной, социальной и политической трансформации, происходившей в колониальных обществах. Миссионерская деятельность была одним из инструментов колониальной власти, и влияние миссионерской деятельности прослеживается в современных африканских государствах до сих пор. Изучение деятельности миссионеров Британской Империи на территории Западной Африки позволяет углубить понимание многих современных проблем и процессов, связанных с политической инфраструктурой, культурной идентичностью, религиозными противоречиями, языковой ситуацией и др.

Колониализм как ключевой механизм реализации британских внешнеполитических стратегий в начала XX в.

Колониализм представляет собой сложное, многофакторное и гетерогенное историко-политическое и социально-экономическое явление, возникающее в результате установления и поддержания контроля одного государства (метрополии) над определенной территорией, находящейся за пределами ее границ (колонией). Контроль реализуется метрополией посредством военных, экономических, политических, дипломатических, пропагандистских и культурных ресурсов и, в большинстве случаев, сопровождается систематической эксплуатацией природных и человеческих ресурсов колонизированной территории [10, с. 193].

Колониализм как явление реализуется в четырех основных направлениях: (1) политический контроль: установление и поддержание власти колонизаторов посредством назначения своих представителей на руководящие посты или за счет обеспечения поддержки местных элит, лояльных метрополии; (2) экономическая эксплуатация: изъятие и экспорт ресурсов, использование дешёвой или бесплатной рабочей силы, создание экономики, функционирующей исключительно с целью удовлетворения потребностей метрополии; (3) культурная ассимиляция: популяризация (в т.ч. насильственными методами) языка, религии, образовательных и правовых систем метрополии, что, в свою очередь, приводит к утрате или маргинализации местных культурных практик и идентичностей; (4) инфраструктурная трансформация: строительство новой инфраструктуры, городов, транспортных сетей и систем связи, вызванное стремлением к обеспечению интересов метрополии.

Как отмечает нигерийский исследователь Е.Е. Окон, в африканской историографии колониализм описывается как период, во время которого страны Европы и США осуществляли захватнические действия и эксплуатировали человеческие и природные ресурсы континента посредством использования военных ресурсов [10, с. 193].

Африканский историк Н.С. Иуэ описывает колониализм как «...этап исторического развития Африки, характеризующийся интенсификацией географических исследований и открытий, работоторговлей, борьбой за африканские территории, территориальными амбициями и притязаниями стран Запада, навязыванием чуждого местному населению правления и властных институтов, насаждением западных форм христианства, аккультурацией, расизмом и эксплуатацией» [9, 1985].

Британская Империя является одним из наиболее значительных примеров колониализма в мировой истории. Вершины своего могущества она достигла в XIX – начале XX вв., когда её территории охватывали около 25% поверхности планеты и включали в себя множество разнообразных регионов, народностей и культур. В конце XIX в. состав Британской империи был существенно расширен за счет стран Африки: Египет, Нигерия, Золотой Берег (совр. Гана), Сьерра-Леоне, Южная и Северная Родезия (Зимбабве и Замбия), Бечуаналенд (Ботсвана), Басутоленд (Лесото), Свазиленд, Уганда, Кения.

Территория Британской Западной Африки включала в себя Нигерию, Гану, Сьерра-Леоне и Гамбию. Основной формой правления на рассматриваемых нами территориях выступал протекторат. В африканских протекторатах действовало, главным образом, две системы управления: прямое, при котором реализация всех властных полномочий находилась в ведении назначаемого чиновника, и косвенное, при котором представителям местных племен или феодалов было разрешено разрешать некоторые вопросы внутренней жизни местного населения [3, с. 3].

Миссионерская деятельность как компонент колониальной политики Британской Империи

Как отмечено выше, власть метрополии на подконтрольных территориях устанавливается разными путями – в том числе посредством инфраструктурной реорганизации общества и культурных политик. Распространение христианской религии стало одним из важнейших инструментов удержания власти для британцев, и деятельность миссионеров, соответственно, «встраивалась» в общую стратегию по колонизации Западной Африки.

Следует отметить, что британские миссионеры не были единственными распространителями христианской религии в Западной Африке. С самого начала колониальных завоеваний европейские завоеватели привозили в экспедиции представителей духовного сословия: так, еще в 1481 г. португальцы построили две церкви на Золотом Берегу (Гана), а в 1491 г. были возведены католические церкви в Конго [8]. По мере нарастания колониальных завоеваний новые отряды миссионеров из разных стран и разных религиозных организаций прибывали в Африку. Помимо католических священнослужителей, на континент прибыли протестантские миссионеры различных конфессий – англикане, протестанты, лютеране и др. Таким образом, протестантские миссии были не единственными представителями христианства на континенте.

Как отмечает А.С. Балезин, первой протестантской миссией в Африке стали голландские реформаты, прибывшие в середине XVII в. на юг континента. Англикане начали миссионерскую деятельность лишь полвека спустя – с начала XIX в., а позднее к ним подключились немецкие (лютеранские) и американские миссионеры [1, с. 223].

Расцвет миссионерской деятельности принято датировать XIX в., когда на африканском континенте функ-

ционировали такие организации, как Лионское миссионерское общество, ордена Белых Отцов и Белых Сестер, Орден Святого Духа (Франция), Церковное миссионерское общество (Британская Империя), Берлинское, Лейпцигское, Рейнское миссионерские общества (Германия), Орден Непорочного Сердца Марии и Общество Иисуса (Бельгия). Миссионеры основывали собственные общины – станции, локализованные, как правило, в местах, обладающих торговым или политическим значением для метрополии [, с. 224].

Следует отметить, что в рассматриваемый нами исторический период британские миссионеры работали в условиях гетерогенности этноконфессионального пространства Западной Африки. К началу XX в. в Западной Африке доминировали местные верования и культы – т.н. этнорелигии (72,9% населения); существенная часть населения исповедовала ислам (25,4%), тогда как доля христиан не превышала 1,7% [2, с. 100]. Соответственно, в задачи миссионеров входила трансформация конфессиональной структуры населения Западной Африки и, прежде всего, замещение этнорелигий христианством.

На первый взгляд может показаться, что деятельность британских миссионеров на территории Западной Африки не имела существенного значения для политического контроля метрополии. Тем не менее, в данной связи требуется понимать ментальный и социокультурный контекст эпохи: как отмечает И.А. Захаров, именно религия формировала устойчивое ядро геопространства на подконтрольных территориях; религиозная общность обеспечивала устойчивую и долговременную поддержку государственной власти метрополии. Религия выполняла важнейшую функцию легитимации власти, в соответствии с принципом *cujus regio, ejus religio* («чья земля – того и вера») [2, с. 101].

Миссионерская деятельность на территории Западной Африки осуществлялась посредством британских миссионерских организаций – проводников интересов британской короны, а также за счет усилий индивидуальных миссионеров – к примеру, Р. Моффета и Д. Ливингстоуна. Наиболее известными миссионерскими организациями Британской Империи, состоящими преимущественно из евангелистов и неконформистов, были «Лондонское миссионерское общество» («London Missionary Society», осн. в 1795 г.) и «Церковное миссионерское общество» («Church Mission Society», осн. в 1879 г.) [3, с. 6].

Миссионерская деятельность в начале XX в. не была направлена исключительно на строительство церквей и привлечение новой паствы из числа местного населения. Миссионерские общины, будучи одним из инструментов колониального управления, занимались пропагандистской работой, формируя лояльное отношение к колониальной администрации, боролись с местными культурами; кроме того, миссионеры занимались развитием здравоохранения и образования, благотворительностью, открывали детские дома, распространяли сельскохозяйственные и производственные технологии.

После окончания Первой мировой войны (1918 г.) государство (метрополия) взяло на себя некоторые функции, которые ранее выполняли представители миссионерских общин. До Первой мировой войны образовательные проекты в Западной Африке реализовывали преимущественно миссионерские структуры, но после ее завершения государство стало активно участвовать в этом процессе.

Деятельность миссионеров кардинально преобразовывала жизнь местного населения. Прежде всего следует отметить, что перед началом деятельности миссио-

неры основывали станцию – строили дома и хозяйственные постройки для миссионера и его семьи, заводили хозяйство, нанимали работников из представителей местного населения. Постепенно вокруг миссионерского дома формировалась локальная христианская община, структурно имевшая две части:

(1) «внутренняя» община, в которую входили члены семьи миссионера и многочисленные домашние слуги: горничные, кухарки, садовники, пастухи. Обслуживающим персоналом часто становились дети и подростки, которые с ранних лет приучались к ведению домашнего хозяйства, изучали английский язык и, конечно, религию. Позднее эти молодые люди вступали в брак с такими же «новыми христианами», формируя, таким образом, новые социальные ячейки по европейскому образцу. Зачастую обращенные в христианство африканцы становились учителями и проповедниками или даже основывали новые миссионерские станции.

(2) «внешняя» община, в которую входили жители африканских поселков, возникших при миссиях или существовавших ранее.

Деятельность миссионеров, как отмечено выше, распространялась за пределы проповедничества. Именно миссионеры должны были создавать прослойку африканцев, дружелюбно настроенных к европейским колонистам. При этом, несмотря на тесную взаимосвязь государственной власти и миссионеров, многие миссионеры зачастую оказывались в оппозиции ко властным структурам метрополии, осуждая методы, применяемые ими. Помимо проповедования, миссионеры обучали местное население Западной Африки ремесленным и сельскохозяйственным навыкам. Кроме того, миссионеры часто занимались научно-исследовательской, литературоведческой, археологической, переводческой деятельностью; миссионерами были созданы письменные версии африканских литературных языков.

Образовательная деятельность британских миссионеров в Западной Африке в начале XX в.

Уже к началу XIX в. британцам удалось создать целую сеть миссионерских станций на территории Западной Африки. Любая миссионерская станция, при этом, занималась образовательной деятельностью – в особенности активно продвигалась идея о всеобщем начальном образовании. Приобщить африканцев к христианству, не научив их читать религиозные тексты, едва ли было возможным. Критики британской колониальной политики указывают: миссионеры формировали новое поколение жителей колонии, воспитанных в духе христианского терпения и покорности, и образование строилось таким образом, чтобы исключить возможность африканцев для продвижения вверх по социальной лестнице [11, с. 60].

Одним из успешных проектов англикан была начальная школа в Сьерра-Леоне, учрежденная Церковным миссионерским обществом в поселении Башия. Дети изучали как религиозные предметы (Библию, катехизис), так и другие – английский язык, арифметику, географию. Обучение, при этом, сочеталось с физическим трудом в области сельского хозяйства и ремесел [4, с. 75].

Открытием школ занималось государство, но к началу XX в. метрополия начала выделять и самим миссионерам средства для учреждения собственных учебных заведений. К 1905 г. сумма правительственных грантов, предоставленных миссионерским школам и высшим учебным заведениям, составила 2490 фунтов. К 1912 г. были получены гранты на открытие 91 миссионерской школы на территории Западной Африки (территории со-

временных Гамбии, Сьерра-Леоне, Ганы и Нигерии). Известно, что к 1900 г. в восточных провинциях Нигерии англиканская церковь имела 61 школу; в центральных – 73; в западных – 196 [5, с. 59].

К началу XX в. британские миссионеры отказались от идеи насильственного искоренения местных традиций и культуры и стали положительно относиться к местным обычаям и религиям, пытались сохранить местные языки. Службы в миссиях и занятия в школах стали проводиться в том числе и на местных языках.

Помимо начального образования и обучения ремеслам и сельскохозяйственным практикам, миссионеры занимались развитием высшего профессионального образования. Так, чтобы обеспечить школы учителями, учреждались педагогические институты (к началу XX в. подобные институты имелись в г. Абекут, Лагос, Онитш, Бонни, Калабар) [5, с. 59]. Миссионеры, кроме того, уделяли внимание подготовке священнослужителей из местного населения.

После Первой мировой войны на территории британских колоний в Западной Африке начали усиливаться антиколониальные движения. Нейтрализовать их было возможно путем принятия компромиссных мер, которые бы отвечали интересам не только самих колонистов, но и местного населения. В данной связи в 1920–1930-е гг. был принят ряд программ, посредством которых система образования в колониях адаптировалась под местную специфику, в том числе язык, менталитет, обычаи и проч. Тем не менее, были урезаны профессиональные программы – метрополия более не нуждалась в широкой прослойке образованных африканцев. Именно они, как показала практика, активно участвовали в антиколониальных выступлениях. Был учтен опыт Замбии, где основной силой восстания стали учителя и ученики миссионерских школ (1918 г.).

Правительство ввело инспекторские проверки образовательных учреждений, а также постепенно сокращало полномочия церкви в области образования. При этом метрополия все еще нуждалась в профессиональных кадрах, в связи с чем в 1922 г. была принята «Генеральная миссионерская конференция» («General Missionary Conference») – резолюция, об учреждении колледжей для обучения основам сельского и лесного хозяйства, педагогики и первоначальным навыкам управления [3, с. 9].

«Обратное» миссионерство

Расширение христианской прослойки жителей Нигерии, Ганы, Сьерра-Леоне и Гамбии и возрастание значения образовательной деятельности привели к появлению уникальной практики «реверсивного миссионерства». Так, в частности, в начале XX в. для работы в Великобритании привлекались африканские священнослужители. Они проповедовали среди беднейших слоев населения, в т.н. «Темной Англии» («Darkest England»). К примеру, африканец С. Вилсон, проповедовал в Йоркшире и Линкольншире с конца 1890-х гг. до 1939 г., за что его называли «Черный евангелист Севера» («Black Evangelist of the North») [3, с. 11]. Д-р Г. Мууди, выпускник «Королевского колледжа» в 1931 г. основал в Лондоне организацию «Лига цветных людей» («League of Colored People»), которая, помимо религиозной деятельности, выступала в защиту прав африканских рабочих в Великобритании. В 1922 г. в Ливерпуле было учреждено две аналогичные организации – «Миссия африканских церквей» («African Churches Mission») и «Африкано-вест-индийская миссия» («African and West Indian Mission») [3, с. 14].

Критическая оценка деятельности и роли британской миссии в Западной Африке

Колониализм, по мнению ряда исследователей, нанес существенный репутационный ущерб христианству на африканском континенте. Христианизация Западной Африки во многом была осуществлена посредством методов колониальных репрессий [10, с. 193].

И. Ковалев, в свою очередь, выражает иной тезис: к конце XIX-началу XX вв. протестантские священнослужители осознали жестокость колониальной политики метрополии и стремились к тому, чтобы нейтрализовать ущерб, нанесенный колонистами местному населению. Помимо христианской религии, они приносили в Африку достижения и блага западной цивилизации, давали африканцам навыки и умения для адаптации к новым реалиям. Ссылаясь на британского историка Э. Портера, И. Ковалев говорит о том, что многие протестантские миссионеры считали себя антиимпериалистами, вследствие чего их отношения с официальными властными структурами метрополии были весьма напряженными [4, с. 60]. Следует отметить, что деятельность британских миссионеров в Западной Африке в начале XX в. происходила в контексте внутривластных разногласий в Великобритании, связанных с общественно-политическими дискуссиями на тему колониальной экспансии в Западной Африке [6, с. 56].

Действительно, к началу XX в. церковь Англии перестала поддерживать работоторговцев, идеологически обосновывать допустимость и законность работоторговли. Н.Н. Поташинская также приводит в пример многих миссионеров-подвижников, которые искореняли последствия злоупотреблений светских и церковных властей и, по возможности, защищали местное население [7, с. 58].

В целом можно отметить, что колониальный период в истории Западной Африки – наряду с развитием образования, письменности, науки, совершенствованием социальной структуры общества – сопряжен с рядом случаев насильственного насаждения религии и культуры британцев среди местного населения. При этом, в рассматриваемый нами период наметились и позитивные тенденции, возможные благодаря автономным от метрополии действиям британских миссионеров, направленных во благо местного населения.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Колониальная политика реализуется, как правило, в четырех основных направлениях: (1) политический контроль; (2) экономическая эксплуатация; (3) культурная ассимиляция; (4) инфраструктурная и институциональная трансформация.
2. В начале XX в. состав Британской Западной Африки были включены Нигерия, Гана, Сьерра-Леоне и Гамбия. Основной формой правления на этих территориях был протекторат. Миссионерская деятельность – важнейший компонент колониальной политики Британской Империи. Распространение христианской религии стало одним из важнейших инструментов удержания власти британцев.
3. В начале XX в. британские миссионеры работали в условиях гетерогенности этноконфессионального пространства Западной Африки при доминировании этнорелигий – местных верований и культов.
4. Миссионерская деятельность в начале XX в. была направлена на строительство церквей и привле-

чение новой паствы из числа местного населения, на пропаганду, на развитие здравоохранения и образования, благотворительность, распространение сельскохозяйственных и производственных технологий. Помимо начального образования и обучения ремеслам и сельскохозяйственным практикам, миссионеры занимались развитием профессионального образования.

5. Структурно локальная христианская община имела две части: (1) «внутренняя» община, в которую входили члены семьи миссионера и домашние слуги, (2) «внешняя» община, в которую входили жители ближайших поселков.
6. К началу XX в. британские миссионеры отказались от идеи насильственного искоренения местных традиций и культуры и стали положительно относиться к местным обычаям и религиям, пытались сохранить местные языки, изучали местную культуру и работали над созданием письменности.
7. Расширение христианской прослойки жителей Нигерии, Ганы, Сьерра-Леоне и Гамбии и возрастание значения образовательной деятельности привели к появлению уникальной практики «реверсивного миссионерства» – привлечения африканцев для работы в Великобритании в качестве проповедников.

Литература

1. Балезин, А.С. Европейские миссионеры и встреча культур в Африке / А.С. Балезин // Новая и новейшая история. – 2006. – № 3. – 2006. – С. 222–229.
2. Захаров, И.А. Динамика конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI в. / И.А. Захаров // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – № 1 (36). – С. 97–112.
3. Карпов, Г.А. Африканцы в Великобритании: колониальная эпоха (XVI – первая половина XX вв.) / Г.А. Карпов // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 6. – С. 1–19.
4. Ковалев, И. Протестантские миссионеры и британская колонизация Западной Африки в конце XVIII – начале XIX в. / И. Ковалев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022. – № 3. – С. 59–83.
5. Кудряшова, Ю.А. Образовательная политика британских миссионеров в Западной Африке во второй половине XIX начале XX в. / Ю.А. Кудряшова // Известия ВГПУ. – 2012. – № 9. – С. 56–59.
6. Медведик, И.С. Великобритания в борьбе за Западную Африку в конце XIX в.: внутривластный аспект / И.С. Медведик // Современная научная мысль. – 2022. – № 6. – С. 52–57.
7. Поташинская, Н.Н. Колониализм и религия / Н.Н. Поташинская // Евразийский форум. – 2016. – № 1 (8). – С. 49–61.
8. Christian Missionary Activities in West Africa // West African Senior School [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wasscehistorytextbook.com/6-christian-missionary-activities-in-west-africa/>. – Дата доступа: 13.07.2024.
9. Iwe, N. S.S. Christianity, Culture and Colonialism in Africa / N. S.S. Iwe. – Port Harcourt: COE, 1985. – 199 p.
10. Okon, E.E. Christian missions and colonial rule in africa: objective and contemporary analysis / E.E. Okon // Religion and European Scientific Journal June – 2014. – Vol.10. – No.17 – С. 192–209.
11. Seddall, H. The Missionary History of Sierra Leone / H. Seddall. – Kessinger Publishing, 2008. – Pp. 60–61.

BRITISH MISSIONARY POLICY IN WEST AFRICA COUNTRIES AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

Kudryashova Yu.A.

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

The article examines the main directions and instruments of colonial policy in British West Africa (Nigeria, Ghana, Sierra Leone and Gambia). It is noted that missionary activity is an essential component of the colonial policy of the British Empire. The spread of the Christian religion became one of the most important tools for maintaining the power of the British. The ethno-confessional space of West Africa at the beginning of the twentieth century is characterized. The main types of activities of missionaries are indicated. The structure of local Christian communities is presented. The practice of "reverse missionary" is considered – attracting Africans to work in Great Britain as preachers. The role of missionaries in West Africa is outlined and a critical assessment of its impact on local society is given.

Keywords: missionary, british empire, colonialism, metropolis, colony, West Africa, anglican church.

References

1. Balezin, A.S. European missionaries and the meeting of cultures in Africa / A.S. Balezin // *New and recent history*. – 2006. – No. 3. – 2006. – P. 222–229.
2. Zakharov, I.A. Dynamics of the confessional space of Africa in the 20th – early 21st centuries. / I.A. Zakharov // *Man: Image and essence. Humanitarian aspects*. – M.: INION RAS, 2019. – No. 1 (36). – pp. 97–112.
3. Karpov, G.A. Africans in Great Britain: the colonial era (XVI – first half of the XX centuries) / G.A. Karpov // *Genesis: historical studies*. – 2017. – No. 6. – P. 1–19.
4. Kovalev, I. Protestant missionaries and British colonization of West Africa at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries. / I. Kovalev // *State, religion, church in Russia and abroad*. – 2022. – No. 3. – P. 59–83.
5. Kudryashova, Yu.A. Educational policy of British missionaries in West Africa in the second half of the 19th and early 20th centuries. / Yu.A. Kudryashova // *News of the VSPU*. – 2012. – No. 9. – pp. 56–59.
6. Medvedik, I.S. Great Britain in the struggle for West Africa at the end of the 19th century: internal political aspect / I.S. Medvedik // *Modern scientific thought*. – 2022. – No. 6. – pp. 52–57.
7. Potashinskaya, N.N. Colonialism and religion / N.N. Potashinskaya // *Eurasian Forum*. – 2016. – No. 1 (8). – P. 49–61.
8. Christian Missionary Activities in West Africa // *West African Senior School* [Electronic resource]. – Access mode: <https://wasscehistorytextbook.com/6-christian-missionary-activities-in-west-africa/>. – Access date: 07/13/2024.
9. Iwe, N. S.S. Christianity, Culture and Colonialism in Africa / N. S.S. Iwe. – Port Harcourt: COE, 1985. – 199 p.
10. Okon, E.E. Christian missions and colonial rule in Africa: objective and contemporary analysis / E.E. Okon // *Religious and European Scientific Journal* June – 2014. – Vol.10. – No.17 – pp. 192–209.
11. Seddall, H. The Missionary History of Sierra Leone / H. Seddall. – Kessinger Publishing, 2008. – Pp. 60–61.

Прикладные аспекты нейросоциологии и патриотическое воспитание молодежи

Резников Михаил Юрьевич,
независимый исследователь
E-mail: reznikov2008@yandex.ru

В статье рассматривается прикладное значение новой для настоящего времени науки – нейросоциологии. В частности, освещаются прикладные аспекты в применении к информационному противоборству и патриотическому воспитанию молодежи. На основе полученных фундаментальных знаний предложена программа исследований, которая сможет предложить комплексный подход к решению поставленной проблемы на основе объединения нейронаук и социологии. В статье рассматривается российский и зарубежный опыт в данной сфере, а также представляется междисциплинарный принцип инновационной концепции применения нейросоциологии в информационном противоборстве и патриотическом воспитании молодежи.

Ключевые слова: нейросоциология, нейронаука, социология, информационное противоборство, патриотическое воспитание молодежи

Введение

Нейросоциология – междисциплинарная область, объединяющая методы и концепции социологии и нейронаук для изучения социальных феноменов и поведения человека на нейрофизиологическом уровне. Рассматривая социальное взаимодействие с точки зрения нейросоциологии можно будет применить закономерности, присущие отдельному головному мозгу, к социальной группе, что поможет в разработке методов улучшения социальных навыков и управления конфликтами, понять глубинные процессы социального влияния на нейронные процессы принятия решений, что крайне важно для маркетинга, политической пропаганды и формирования общественного мнения. В свою очередь изучение нейрофизиологических основ социальной среды поможет в создании более эффективных образовательных методик, которые учитывают индивидуальные различия. Также нейросоциология даст понимание использования социальных сетей и цифровых технологий для влияния на мозг и социальное поведение. Все эти аспекты подчеркивают значимость нейросоциологии для понимания сложных взаимодействий между мозгом, поведением и социальными структурами.

Важной задачей является изучение психологических и дискурсивных (в том числе и невербальных) особенностей информационного воздействия на личность и социальные группы в их связи с нейрофизиологическим фактором.

Современный мир характеризуется возрастанием роли информации во всех сферах жизни общества. Нейросоциологические исследования открывают новые возможности для понимания и противодействия информационным манипуляциям, а также является эффективным инструментом влияния.

Чем напряженнее ситуация в стране и мире, тем все большее значение приобретает молодежь как наиболее активная и перспективная составляющая социума во всех его измерениях и как все более значимый субъект социального развития.[1] Соответственно одним из важных аспектов работы должно быть рассмотрение вопросов нейросоциологии в молодежной среде.

Проблема необходимости учитывать нейросоциологические факторы была убедительно продемонстрирована В.А. Бажановым. XX в. может быть назван атомным веком, рубеж XX и XXI вв. описывается торжеством информационных технологий, а XXI в. имеет все шансы стать столетием когнитивной науки и точнее – столетием нейронауки. Предпосылки к этому имелись в конце XX в., когда президент и сенат США объявили 1990-е гг. годами изучения мозга.[2] Прогресс нейронауки был настолько впечатляющим, что Европейский Союз (ЕС) и США запустили широкомасштабные и дерзкие по замыслу программы исследования мозга. В ЕС такого рода программа действует примерно с 2007 г.[3], в 2013 г. президент США объявил об аналогичной государственной программе.[4]

Ю.С. Шкурко акцентирует внимание на неразвитости связей естественнонаучных и социальных дисциплин, недостаточные знания биологии, методов нейронауки, инертность, консерватизм социологического со-

общества, боязнь радикального редукционизма являются причинами настороженного отношения социологов к возможностям инкорпорировать в традиционные социологические концепции результаты экспериментальных исследований нейронауки.[5]

В ряде научных исследований синхронизация ритмов электрической активности головного мозга была предложена в качестве нейронной основы сознания. Эта синхронизация проявляется в мозге во время значимого социального взаимодействия. Более того, она связана с субъективными отчетами о социальной связанности, вовлеченности и готовности к сотрудничеству, а также об опыте социальной сплоченности и «слияния себя с другими». Эти результаты противопоставляют стандартное понимание человеческого сознания как единственного и приватного от первого лица. [6]

Анализ отечественной и зарубежной научной литературы по теме исследования позволяет сделать следующие выводы: 1) в настоящий момент не существует разработанных фундаментальных основ нейросоциологии, которые могли бы быть применены на практике; 2) недостаточно разработаны теоретико-методологические подходы к реализации нейросоциологического подхода в решении проблем противодействия информационным манипуляциям; 3) в теории нейросоциологии нет единого подхода к изучению объекта исследования и выбора методов его провидения.

Обзор изученных источников, а также опрос экспертов из числа нейрофизиологов, социологов и психологов показывают, что в настоящее время сложились совершенно различные взаимоисключающие подходы к продолжению фундаментальных исследований в нейросоциологии. С одной стороны эти вопросы начинают рассматриваться с применением методов функциональной диагностики на отдельном головном мозге, что противоречит изучению коллективного восприятия информации в малых группах, а с другой стороны рассматриваются вопросы психологических особенностей восприятия информации отдельной личностью, что также кардинально отличается и не может быть применено к нейрофизиологическим особенностям восприятия информации в социальной группе. Вышеуказанные подходы не позволяют не только выработать единую концепцию, но даже приблизиться к применению нейросоциологических аспектов на практике.

В этой связи выдвигается гипотеза о том, что применение на практике фундаментальных основ нейросоциологии создаст эффективные инструменты создания и внедрения в практику инновационных междисциплинарных действенных механизмов совершенствования существующих методик информационного противоборства в молодежной среде, а также использование инновационных нейросоциологических методик в патриотическом воспитании.

Научной задачей на первом этапе является формулирование фундаментальных нейросоциологических основ восприятия информации, информационного воздействия и методов защиты от него.

Источниковую базу научно-исследовательской работы составят научные труды и публикации отечественных и зарубежных социологов, педагогов, психологов, философов, политологов по проблемам социального контроля и качества обучения в высших учебных заведениях; материалы научных конференций; нормативная правовая база Российской Федерации, регулирующая процессы социального контроля и обеспечения качества обучения в вузах.

Теоретико-методологической основой станут: общенаучная и частнонаучная методологии; концептуальные

положения социологической науки; теории социального управления; теории социальной психологии больших и малых групп; результаты исследований отечественных и зарубежных ученых в области нейросоциологии.

Эмпирической базой для нейросоциологического исследования в молодежной среде могут быть репрезентативные группы студентов, нормативные правовые акты Российской Федерации в области молодежной политики и средств массовой информации, статистические данные Федерального агентства по делам молодежи, Министерству образования и науки Российской Федерации, Федеральной службы государственной статистики, характеризующие основные показатели патриотического воспитания и информационного воздействия на молодежь.

В подобном исследовании необходимо будет применить теоретические методы: структурно-функциональный, ситуационный, системный, синергетический подходы; теоретическая и эмпирическая интерпретации понятий и другие, а также эмпирические методы: выборочный, анкетный и экспертный опросы; контент-анализ; глубинное интервью; анализ информационного контента; вторичный анализ результатов социологических исследований; методы математической обработки данных.

Достоверность научных результатов, обоснованность теоретических положений, выводов и практических рекомендаций могут быть обеспечены: результатами исследования обширной отечественной и зарубежной источниковой базы, охватывающей различные области гуманитарных научных знаний; репрезентативностью и вариативностью выборки исследования; применением совокупности исследовательских процедур, методов сбора, обработки и анализа исходных социологических данных, их вторичной обработкой с использованием математических методов и компьютерных программных продуктов; репликация проводимых исследований с использованием схожих методов и инструментов.

Теоретическая значимость подобной работы состоит в том, что разработанный и обоснованный подход к нейросоциологическим аспектам, применимых в воспитательной работе и патриотическом воспитании молодежи расширяет теоретические представления о восприятии информации и информационных манипуляциях в молодежной среде, дает возможность разработать новые эффективные нейросоциологические методы информационного противоборства и повысить качество патриотического воспитания молодежи. Также результаты такой работы существенно дополняют предметную область и теорию нейросоциологии, могут быть использованы при проведении других междисциплинарных исследований.

Практическая значимость научно-исследовательской работы определяется тем, что сформулированные выводы и разработанные рекомендации могут быть использованы: в совершенствовании механизмов, форм и методов информационного противоборства; повышении качества патриотического воспитания студенческой молодежи и эффективности информационно-пропагандистской работы среди молодежи в контексте современных информационных войн; совершенствовании системы подготовки студенческой молодежи, способных эффективно противостоять информационным манипуляциям.

Основная часть

В современном мире информационное противоборство стало неотъемлемой частью геополитического противостояния. С одной стороны, информационное пространство

переполнено дезинформацией, фейками и пропагандой. С другой стороны, необходимо активно развивать систему информационной безопасности. Особое внимание уделять патриотическому воспитанию молодежи, формированию у нее чувства гордости за свою страну.

В нынешних условиях информационного противоборства особую важность приобретает:

- развитие критического мышления у молодежи. Студенты должны уметь отличать достоверную информацию от ложной, самостоятельно анализировать события и делать обоснованные выводы.
- формирование у молодежи стойких иммунитетов к информационным манипуляциям. Этого можно добиться путем обучения молодежи основам информационной безопасности, а также путем развития у нее навыков самоконтроля и самоанализа с отдельным акцентом на нейросоциологический аспект, который поможет максимально эффективно осуществлять контрпропаганду и ограничить манипулирование массовым сознанием.

Использование современных информационных технологий позволит повысить эффективность патриотического воспитания молодежи. Это комплексная проблема, требующая комплексного решения. Только при условии скоординированных действий государства и науки, общества и образовательных учреждений можно эффективно противостоять информационным угрозам в XXI веке.

В качестве основных направлений деятельности по противодействию информационным угрозам можно выделить:

- совершенствование системы патриотического воспитания молодежи, которое включает в себя разработку и скорейшую реализацию инновационных методик и программ патриотического воспитания на основе использования новых научных знаний и разработок в области нейросоциологии.
- повышение уровня информационной грамотности молодежи и понимание специфики мышления и механизмов принятия решений будет способствовать тому, чтобы студенты могли самостоятельно ориентироваться в информационном пространстве, отличать достоверную информацию от фейков и критически оценивать получаемую информацию.
- развитие системы информационной безопасности образовательных учреждений на основе фундаментальных принципов нейросоциологии включает в себя обучение сотрудников и студентов правилам информационной безопасности с точки зрения коллективного восприятия информации.

Реализация этих мер позволит повысить уровень защищенности российской молодежи от информационных угроз.

В условиях современного информационного общества в патриотическом воспитании возрастает роль информационного противоборства, которое становится одним из главных инструментов достижения геополитических целей. На сегодняшний день основными проблемами информационного противоборства, которые возможно решить инструментами нейросоциологии, являются:

- распространение дезинформации и фейковых новостей, когда противники государства используют различные информационные каналы, включая социальные сети, для распространения ложной информации о военной службе, армии и государстве в целом, оказывая влияние на конкретные социальные группы. Это может привести к формированию у молодежи негативного отношения к военной службе и спаду ее патриотических настроений.

- использование информационных технологий для манипулирования сознанием, когда с помощью социальных сетей и других онлайн-платформ могут осуществляться целенаправленные информационные кампании, направленные на изменение ценностных ориентиров молодежи, подрыв ее доверия к государственным институтам.

- низкий уровень информационной грамотности, позволяет задействовать социально-психологические механизмы и специфику восприятия информации молодыми людьми, когда они не умеют критически оценивать подложные или подтасованные сведения, что делает их уязвимыми для информационных манипуляций.

Пути совершенствования патриотического воспитания с применением механизмов нейросоциологии являются:

- формирование информационной стойкости отдельных социальных групп, где необходимо учить критически оценивать информацию, отличать правду от лжи, распознавать фейковые новости и пропаганду, делая акцент на отличии коллективного восприятия информации и отдельным индивидуумом.
- воспитание патриотизма и любви к Родине, когда важно прививать молодым людям чувство гордости за свою страну, ее историю и армию, также используя нейросоциологические основы воздействия на большие и малые группы молодежи.
- развитие системы военно-патриотического воспитания путем совершенствования методик в образовательных учреждениях, которые заранее будут подготовлены к использованию максимально эффективных нейросоциологических методов формирования общественного мнения в молодежной среде.
- совершенствование информационной работы на уровне государства в целом, когда посредством различных инструментов вводится активная информационная работа, а также на противодействие дезинформации и фейковым новостям, используя нейросоциологические методики.

И помимо вышеперечисленного, необходимо также:

- внедрение методик нейросоциологии в возможности современных информационных технологий, таких как онлайн-курсы, симуляции и виртуальные игры.
- основываясь на фундаментальных основах нейросоциологии и социальной психологии (эксперимент Милгрэма), привлекать к работе с молодежью лидеров мнений, которым она доверяет, для повышения эффективности информационной работы.
- используя инновационные принципы нейросоциологии создавать условия для открытого диалога с молодежью.

В контексте информационного противоборства нейросоциологический фактор может играть ключевую роль, поскольку он позволяет понять, как различные информационные воздействия влияют на когнитивные процессы, эмоции и поведение людей. Особое внимание уделяется информационному воздействию на малые группы, так как именно в них происходит синхронизация мозговой деятельности каждого отдельного индивидуума, и это воздействие многократно усиливается.

Существует ряд подходов, которые будут использоваться для исследования нейросоциологического фактора в информационном противоборстве:

- Межмозговая нейронная синхронизация (развитие теории когнитивного диссонанса), когда у отдельного индивидуума при нахождении в группе происходит синхронизация ритмов головного мозга с остальными членами группы, что напрямую коррелирует

ся с уровнем заинтересованности в восприятии новой информации. Люди при этом неосознанно стремятся к внутренней согласованности своих взглядов и убеждений. Информационное воздействие в данном случае зачастую противоречит существующим у человека представлениям и может привести к когнитивному диссонансу, как следствие, к изменению поведения.

Также в исследовании будут рассмотрены аспекты применения следующих нейросоциологических подходов:

- социальное конструирование реальности, когда люди конструируют свою реальность в процессе социального взаимодействия. Информационное воздействие может играть важную роль в этом процессе, формируя у людей определенные представления об объекте информации;
- теория фрейминга, когда люди интерпретируют события и явления в зависимости от того, как они представлены. Информационное воздействие может использовать различные фреймы, чтобы влиять на восприятие людьми информации.

Немаловажным является разделение нейросоциологического исследования на два основных фундаментальных раздела.

1. Нейробиологические механизмы восприятия информации. Внимание: различные факторы, такие как новизна, эмоциональная окраска и источник информации, влияющие на внимание и фокус обработки информации.

Память: информация кодируется и хранится в памяти, соответственно, как она может быть искажена или забыта под влиянием информационного воздействия.

Эмоции влияют на восприятие и обработку информации, соответственно, как они могут быть использованы для манипулирования сознанием.

Принятие решений: нейробиологические процессы влияют на принятие решений в условиях информационной неопределенности и риска.

2. Изучение влияния информационного воздействия. Пропаганда влияет на нейронную активность и когнитивные процессы, соответственно, как она может привести к изменению социальных установок и поведения.

Дезинформация влияет на нейронную активность и когнитивные процессы, соответственно, как она может привести к искажению восприятия реальности.

Фейковые новости влияют на нейронную активность и когнитивные процессы, соответственно, как они могут привести к поляризации общества.

Важным моментом нейросоциологической интерпретации концептуальных положений теории патриотического воспитания молодежи является:

Формирование социальных установок:

Роль лимбической системы в формировании эмоциональных реакций малой группы на угрозы.

Влияние нейромедиаторов (дофамин, серотонин) на восприятие информации и принятие решений внутри коллектива.

Нейропластичность и возможности изменения социальной устойчивости в процессе коллективного обучения.

Социальная идентичность и групповая динамика:

Зеркальные нейроны и их роль в эмпатии и понимании социальных норм.

Нейронные корреляты чувства принадлежности к группе и группового сплочения.

Влияние нейропептидов (окситоцин) на социальное взаимодействие и доверие.

Мотивация и целеполагание:

Роль лобных долей коры головного мозга в личностном планировании и целеполагании внутри коллектива. Нейронные корреляты чувства долга и патриотизма при групповом восприятии.

Влияние нейромедиаторов (норадреналин) на уровень мотивации и активации в малой группе.

Непосредственно само патриотическое воспитание:

Активация лимбической системы в составе малой группы при восприятии символов и атрибутов государства.

Повышение уровня дофамина и серотонина у участников малой группы при чувстве гордости за свою страну.

Нейронные корреляты чувства сопричастности к судьбе своей страны при восприятии информации в составе малой группы.

Активация лобных долей коры головного мозга участников малой группы при планировании действий в условиях военной угрозы.

Повышение уровня норадреналина с учетом мобилизации сил и ресурсов организма при восприятии информации в составе малой группы.

Нейронные корреляты чувства долга и ответственности за безопасность своей страны студенческой молодежи.

Только комплексный подход к решению проблемы информационного противоборства и патриотического воспитания молодежи с применением инновационных междисциплинарных подходов и методик, как приведенные в данной статье методы нейросоциологии, позволят обеспечить эффективное патриотическое воспитание молодежи и информационную безопасность страны.

Литература

1. Карпунин О.И., Комиссаров С.Н. Молодежь России: бремя выбора // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 110–130.
2. Бажанов В.А. Идея нейросоциологии в современной социальной мысли // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 27–33
3. Human brain project / The European Commission. – Mode of access: <https://www.humanbrainproject.eu/en/> [Accessed 19.02.2024]
4. Brain initiative: Fact sheet / The White House; Office of the Press Secretary. – 02.04.2013. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/04/02/fact-sheet-brain-initiative> [Accessed 19.02.2024]; Sorensen G. The White House brain initiative hits a tax hurdle // The Wall Street j. – N.Y., 2013. – Apr 15. – Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324100904578404580119306900> [Accessed 19.02.2024]
5. Шкурко Ю.С. В поисках нейросоциологии // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 3–11
6. Valencia A.L. & Froese T. What binds us? Inter-brain neural synchronization and its implications for theories of human consciousness // Neuroscience of Consciousness. 2020. – Mode of access: <https://academic.oup.com/nc/article/2020/1/niaa010/5856030> [Accessed 19.02.2024]

APPLIED ASPECTS OF NEUROSOCIOLOGY AND PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Reznikov M.Yu.

The article discusses the applied significance of a new science for the present time – neurosociology. In particular, applied aspects are

highlighted as applied to information warfare and patriotic education of youth. Based on the acquired fundamental knowledge, a research program has been proposed that can offer an integrated approach to solving the problem posed by combining neuroscience and sociology. The article examines Russian and foreign experience in this area, and also presents the interdisciplinary principle of the innovative concept of using neurosociology in information warfare and patriotic education of youth.

Keywords: neurosociology, neuroscience, sociology, information warfare, patriotic education of youth

References

1. Karpukhin O.I., Komissarov S.N. Youth of Russia: the burden of choice // Social and humanitarian knowledge. 2020. No. 6. P. 110–130.
2. Bazhanov V.A. The idea of neurosociology in modern social thought // Sociological Research. 2017. No. 4. pp. 27–33
3. Human brain project / The European Commission. – Mode of access: <https://www.humanbrainproject.eu/en/> [Accessed 02/19/2024]
4. Brain initiative: Fact sheet / The White House; Office of the Press Secretary. – 04/02/2013. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/04/02/fact-sheet-brain-initiative> [Accessed 02/19/2024]; Sorensen G. The White House brain initiative hits a tax hurdle // The Wall Street j. – N.Y., 2013. – Apr 15. – Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324100904578404580119306900> [Accessed 02/19/2024]
5. Shkurko Yu.S. In search of neurosociology // Sociological research. 2017. No. 8. P. 3–11
6. Valencia A.L. & Froese T. What binds us? Inter-brain neural synchronization and its implications for theories of human consciousness // Neuroscience of Consciousness. 2020. – Mode of access: <https://academic.oup.com/nc/article/2020/1/niaa010/5856030> [Accessed 02/19/2024]

Классификация технологий формирования общественного мнения о политических процессах в сети Интернет

Саадулаева Патимат Идрисовна,

аспирант Управления аспирантуры и докторантуры
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: saadulpi@mail.ru

Целью исследования являлся анализ технологий, посредством которых осуществляется формирование общественного мнения в отношении политических процессов и манипулирование этим мнением. Методами выступили анализ, обобщение, формализация, классификация. Результат исследования состоит в том, что в его рамках осуществлена классификация современных технологий, посредством которых формируется общественное мнение по поводу политики. Выводы: развитие информационного общества с одной стороны способствует укреплению демократии, а с другой стороны открывает широкие возможности для интернет-СМИ по манипуляции общественным мнением. Технологии формирования общественного мнения в отношении политических процессов, используемые интернет-СМИ, зависят от того, какая именно цель стоит в каждом конкретном случае, в каком состоянии находится окружающая реальность, какими показателями характеризуется информационная сфера. Постоянные изменения, происходящие в общественных взаимоотношениях, развитие общества обуславливают необходимость модернизировать существующие и создавать новые технологии формирования общественного мнения, которые должны использоваться исключительно во благо общества.

Ключевые слова: общественное мнение, политические процессы, интернет-СМИ, манипулятивные технологии.

С тех пор, как средства массовой информации (СМИ) стали неотъемлемой составляющей повседневной жизни граждан, в исследовательском сообществе не ослабевает интерес к проблеме влияния СМИ на общественное мнение, на его формирование и структуру, а также к таким вопросам, как возможности СМИ осуществлять манипуляции общественным мнением в отношении той информации, которую они транслируют.

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена тем, что в последние десятилетия отмечается значительный рост важности места СМИ в обществе, а также их превращение в мощный инструмент, посредством которого различные акторы могут оказать воздействие на мнения, убеждения и установки людей. СМИ посредством сообщения определенной информации при помощи самых различных платформ, влияют на формирование общественного мнения, поскольку они транслируют обществу масштабный объем информационных потоков. Транслируемая СМИ информация может быть использована для того, чтобы сформировать у людей взгляды, мнения, убеждения в отношении происходящих ситуаций и политических процессов, показывающие, как общество относится к этим событиям.

Общественное мнение является одним из ключевых показателей того, насколько государственная власть и иные политические акторы соответствуют и приспосабливаются к происходящим событиям и изменяющимся тенденциям. Оно в значительной мере выступает как стратегический партнер власти, как ключевой источник, посредством которого политические акторы могут получить информацию о таких аспектах, как имеющиеся у граждан предпочтения, убеждения, переживания и страхи. То есть в целом общественное мнение можно трактовать в качестве механизма, при помощи которого граждане могут выразить свое отношение к власти и происходящим в государстве политическим процессам. Для политической науки исследование общественного мнения представляет очень важный инструмент, позволяющий выявлять тренды отношения населения к политике страны [3].

Отметим, что общественное мнение характеризуется неустойчивостью и склонностью к стремительной трансформации. Это обусловлено тем, что оно выступает как отражение психоэмоционального настроения граждан в данный конкретный момент. Значительная часть населения склонна к иррациональному поведению, кроме того, люди могут менять взгляды и убеждения, под влиянием которых интерпретация аналогичных событий со стороны одних и тех же людей может быть совершенно разной. В связи с этим, оценки, которые выносятся под воздействием, осуществляемым со стороны общественного мнения, могут не соответствовать реальности либо не отражать ее адекватно. Формирование общественного мнения по-прежнему существенно зависит от того, какие предрассудки и стереотипы имеются у населения. Государственная власть и политические акторы могут учитывать мнение общества, когда принимают политические решения, но могут и не принимать его во внимание, что как правило зависит от конкретной ситуации. Но в любом случае политикам и представите-

лям власти необходимо показать, что они интересуются и учитывают общественное мнение [2].

Сегодня наиболее развитыми и популярным являются интернет-СМИ, которые используются не только для того, чтобы информировать о происходящих событиях гражданское общество, но также и в интересах различных политических сил и акторов, принимающих участие в реализации государственного управления, политических процессов и принимающих важные государственные решения. Основными характеристиками интернет-СМИ являются высокий уровень их мобильности, возможность быстро изменять и дополнять свои сообщения, применение широкого арсенала технологий цифрового характера, среди которых можно прежде всего выделить стриминги, то есть потоковое мультимедиа, видеохостинги, оперативные текстовые и видеосообщения и т.п. Между тем необходимо отметить, что все эти технологии несут в себе широкий потенциал манипулятивного воздействия на формирование мнения общества и этот фактор необходимо учитывать при разработке информационной политике как самих интернет-СМИ, так и власти [4].

На современном этапе для того, чтобы повлиять на информационно-коммуникативные убеждения и установки населения применяется совокупность мер, с помощью которых осуществляется регулирование медиаиндустрии. Эти меры носят как государственный, так и общественный характер и являются фундаментом формирования и реализации информационной политики СМИ. После того, как большинство СМИ стали развиваться и распространяться в интернет-пространстве, они получили больше возможностей по интеграции контента на самых разных носителях. В этой связи интернет-СМИ сегодня превратились в приоритетную платформу, которая оказывает влияние на формирование общественного мнения [7].

Необходимо отметить, что каналы массовой коммуникации имеют очень важное значение, поскольку опосредованность общения, осуществляющегося при помощи используемых интернет-СМИ технических средств, детерминирует основную специфику массовой коммуникации, выступающей одной из форм человеческого общения.

Рост роли информационных технологий в продвижении и распространении информации диктует необходимость изучения тех средств, которые сегодня используются интернет-СМИ. Следует отметить, что такие средства, а также механизмы постоянно развиваются и носят все более изощренный характер. В качестве таких средств выступают информационные технологии, обеспечивающие переход информационного сектора в иные сферы при помощи опоры на сознание общества [1].

Информационное общество обладает собственными отличительными чертами:

1. Повсеместное и активное распространение новых информационно-коммуникативных средств, мультимедийных технологий способствовало трансформации самых разных сторон жизни, включая общественно-политическую. Это проявляется в том, что общество больше тянется к сенсационным сообщениям, развлечениям, массовым зрелищам.

2. «Дефицит от изобилия». Проявлением этой характеристики в первую очередь является недостаток фактической информации, а каузальный, то есть причинно-обусловленный дефицит, который является вполне стандартным для социально-политического познания. Тут отмечается работа информационной ловушки, посредством которой политик, чиновник или како-

е-либо должностное лицо становится участником шоу. Это обусловлено тем, что информационное пространство чрезмерно перенасыщается сюжетами, имеющими событийный, зрелищный и в целом эмоциональный характер.

3. В качестве ключевого аспекта новой культуры начинает выступать визуальное восприятие. Оно представляет главное средство, позволяющее передавать информацию при помощи комплекса кодов, а также набора образов. Активная виртуализация общества, происходящая сегодня, сопровождается процессом, в рамках которого символические образования замещаются символами вторичного характера [5].

Рассмотрим наиболее распространенные технологии, посредством которых осуществляется формирование общественного мнения в отношении политических процессов, обладающие наибольшей эффективностью:

1. «Навешивание ярлыков». Данная технология заключается в том, что у определенной группы социума создается отрицательное отношение к какому-либо объекту или субъекту путем использования таких средств, как использование негативных эпитетов, определений, очернение их деятельности.

2. «Перенос», либо, иными словами, «трансфер». Суть технологии состоит в том, что положительные характеристики субъекта (к примеру, авторитетность, престиж и др.) либо его морально-нравственные ценности проецируются на другого субъекта или даже на целую группу. Общественное мнение формируется за счет отождествления этого субъекта или группы с тем, что обладает большим значением и высоким уровнем ценности для общества.

3. «Общий вагон». Указанная технология характеризуется тем, что желаемая реакция нагнетается при помощи того, что общественности активно внушается мысль, что такая реакция является самой разумной, рациональной и общепризнанной. При применении этой технологии подбираются такие суждения, убеждения, слова и высказывания, с помощью которых можно создать впечатление, что такое поведение и установки характерны для всех. Человек получает уверенность в своей точке зрения за счет того, что именно она превалирует у большинства.

4. «Сияющие обобщения». По-иному данная технология называется «блистательная неопределенность». Сущность технологии заключается в том, что в ее рамках используются слова и выражения, являющиеся эмоционально окрашенными, интенсивными и вызывают ассоциации с ключевыми ценностями, существующими в конкретном обществе. При этом такие выражения должны быть убедительными сами по себе, не требовать ссылаться на идеи авторитетов или давать какую-либо дополнительную информацию. Эта технология обращена к таким чувствам людей, как патриотизм, любовь к своей семье и дому, гордость за свою страну, стремление к свободе и др. Именно этой технологией чаще всего пользуются политические акторы.

5. «Свои ребята». В рамках данной технологии у общества целенаправленно пробуждаются такие чувства, что представитель власти или политический актор является близким для народа, что его можно считать «своим человеком».

6. «Отсылка к авторитетам». Суть технологии заключается том, что в этом случае используются мнения и взгляды людей или групп, имеющих авторитет и известность среди целевой аудитории. Это могут быть популярные в народе политики, артисты и иные деятели культуры, преподаватели и т.д. Трансляция их мнений формирует у людей, на которых оказывается такое ма-

нипулятивное влияние, соответствующее отношение к определенному субъекту или объекту, которое может быть как позитивным, так и негативным [2].

Кроме перечисленных технологий, многие эксперты и исследователи отмечают, что в последние годы сформировалась новая категория политической культуры, получившая наименование «политика постправды». Данное понятие отражает модальность, имеющую определенный постмодернистский характер, некое искажение сознания, когда взаимосвязь между стереотипами и реальными образами полностью утрачена. В таком мире место реальных фактов замещают эмоции, а место достоверных новостей замещают дезинформация и фейки, в связи с чем политические процессы трактуются альтернативным образом [6].

Основной принцип указанной политики заключается в том, что формирование системы смыслов осуществляется посредством вызывания эмоций у тех объектов, на которые осуществляется манипулятивное воздействие. Это осуществляется без учета существующей политической действительности и с игнорированием определенных фактов с одновременным увеличением роли тех мнений, взглядов, убеждений и эмоций, которые высказывают отдельные люди (это, например, могут быть эксперты, политики, лидеры мнений и т.п.) путем тиражирования этих мнений на разных информационных каналах.

То есть, в целом, развитие информационного общества с одной стороны способствует укреплению демократии, а с другой стороны открывает широкие возможности для интернет-СМИ по манипуляции общественным мнением [1]. При этом то, что другой вариант нельзя назвать однозначно позитивным либо однозначно негативным, поскольку они оба имеют и хорошие и плохие стороны.

Таким образом, технологии формирования общественного мнения в отношении политических процессов, используемые интернет-СМИ, зависят от того, какая именно цель стоит в каждом конкретном случае, в каком состоянии находится окружающая реальность, какими показателями характеризуется информационная сфера. Кроме того, важно учитывать качество политической культуры, которой обладает население. Постоянные изменения, происходящие в общественных взаимоотношениях, развитие общества обуславливают необходимость модернизировать существующие и создавать новые технологии формирования общественного мнения, которые должны использоваться исключительно во благо общества. Необходимо также разработать правовые основы в отношении применения манипулятивных технологий, влияющих на общественное мнение во избежание их корыстного использования.

Литература

1. Бахтуридзе З.З. Формирование общественного мнения в условиях развивающегося информационного общества / З.З. Бахтуридзе // Армия и общество. – 2013. – № 5 (37). – С. 23–29.
2. Карпова М.К. Особенности управления общественным мнением органами государственной власти / М.К. Карпова, И.А. Атышкін // Наука. Общество. Государство. – 2018. – Т. 6, № 3 (23). – С. 121–127.
3. Поминов Д.Ю. Общественное мнение как способ формирования общественного сознания граждан / Д.Ю. Поминов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 370–376.

4. Попцов Д.А. Новые медиа в контексте формирования общественного мнения / Д.А. Попцов // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2020. – № 3 (40). – С. 140–152.
5. Хубецова А.Ю. Управление общественным мнением в системе политической власти: региональный аспект / А.Ю. Хубецова // Вестник ПАГС. – 2008. – № 1. – С. 13–18.
6. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С.В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42–59.
7. Чумиков А.Н. Условия и политика формирования общественного мнения в информационном пространстве / А.Н. Чумиков // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2023. – Том 8, № 3. – С. 83–93.

CLASSIFICATION OF TECHNOLOGIES FOR FORMING PUBLIC OPINION ABOUT POLITICAL PROCESSES ON THE INTERNET

Saadulayeva P.I.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Russia

The purpose of the study was to analyze the technologies through which public opinion is formed in relation to political processes and the manipulation of this opinion. The methods were analysis, generalization, formalization, classification. The result of the study is that within its framework, a classification of modern technologies has been carried out, through which public opinion about politics is formed. Conclusions: the development of the information society, on the one hand, contributes to the strengthening of democracy, and on the other hand, opens up wide opportunities for online media to manipulate public opinion. The technologies of forming public opinion in relation to political processes used by online media depend on what exactly the goal is in each particular case, what state the surrounding reality is in, and what indicators characterize the information sphere. The constant changes taking place in public relations and the development of society necessitate the modernization of existing and the creation of new technologies for the formation of public opinion, which should be used exclusively for the benefit of society.

Keywords: public opinion, political processes, online media, manipulative technologies.

References

1. Bakhturidze Z.Z. Formation of public opinion in the conditions of a developing information society / Z.Z. Bakhturidze // Army and society. – 2013. – № 5 (37). – Pp. 23–29.
2. Karpova M.K. Features of public opinion management by public authorities / M.K. Karpova, I.A. Atyashkin // Nauka. Society. The State. – 2018. – Vol. 6, No. 3 (23). – pp. 121–127.
3. Pominov D. Yu. Public opinion as a way of forming public consciousness of citizens / D.Y. Pominov // Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – 2009. – No. 114. – pp. 370–376.
4. Poptsov D.A. New media in the context of public opinion formation / D.A. Poptsov // Scientific journal “Discourse-Pi”. – 2020. – № 3 (40). – Pp. 140–152.
5. Khubetsova A.Y. Management of public opinion in Russia the system of political power: a regional aspect / A.Y. Khubetsova // Bulletin of the PAGS. – 2008. – No. 1. – pp. 13–18.
6. Chugrov S.V. Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? / S.V. Chugrov // Polis. Political research. – 2017. – No.2. – pp. 42–59.
7. Chumikov A.N. Conditions and policy of public opinion formation in the information space / A.N. Chumikov // Communicology: electronic scientific journal. – 2023. – Volume 8, No.3. – pp. 83–93.

Китайско-американское политическое противостояние в Азиатско-Тихоокеанском регионе: на примере выбора модели федерализма Мьянмы

Сой Ян Наунг,

аспирант кафедры политологии РУДН

E-mail: Soeyannaung1990@gmail.com

Появление федерализма в Мьянме в связи с этническими вооруженными проблемами и социальными требованиями можно однозначно рассматривать как политическое решение. Несколько исследований показали, что китайско-американская конкуренция в Азиатско-Тихоокеанском регионе оказывает экономическое и политическое воздействие на страны Юго-Восточной Азии. Демократия, этническая принадлежность и религия – три основных новых фактора, влияющих на федерализм в многорасовых странах Юго-Восточной Азии. Это исследование связано с тем фактом, что китайско-американские отношения конкуренция связана с рассмотрением федерализма в Мьянме; влияние китайско-американской конкуренции на эти три фактора объясняется анализом. В этом исследовании также утверждается, что политическая дилемма в Мьянме проистекает из политического идеологического соперничества между Китаем и Соединенными Штатами. Под руководством Соединенных Штатов Запад поддерживает продвижение политической культуры развития демократических систем и процессов децентрализации, но Китай хочет, чтобы Мьянма по-своему сосредоточилась на политической стабильности и экономических интересах. Это исследование также демонстрирует, что отношения Китая с этническими вооруженными силами станут проблемой для федерализма Мьянмы, а влияние Китая на этнические вооруженные силы будет препятствовать отношениям между Соединенными Штатами и Мьянмой, ставя под угрозу их территорию и развал государства.

Ключевые слова: Соперничество Китая и США, Федерация Мьянмы, демократия, раса и религия

Introduction

Southeast Asia is an inseparable part of the Asia Pacific region. It has long been a strategic location. From a geopolitical strategic perspective, Southeast Asia is a convenient region for international trade and defense. In addition, Southeast Asia is located at the crossroads of Asia and the most convenient sea route between Northeast Asia and the South Pacific, from the Indian Ocean to the Pacific Ocean. Thus, the competition between America and China in Southeast Asia has a significant impact on regional and global politics.

Despite of facing much international criticism, after the successful completion of the 2010 general election and the smooth transfer of power to a democratically based civilian Government, Myanmar can be considered to have embarked on a positive path on the long path of political reform. The peacemaking that started under the democratic government in 2010 represents the best efforts to end the discord between the ethnic groups in the country and genuine reconciliation. However, the topics mentioned above deviated from the path following the military takeover on February 1, 2021. As a result, it led to public riots, and not only the current ethnic armed forces, but also urban attacks. Adopting the right political strategy as soon as possible is necessary for Myanmar to emerge from the current crisis.

Meanwhile long-term civil war is ongoing process, Myanmar's peace process is highly demanded, and involves the large number of actors. Although the main groups of actors in Myanmar peace process may be the government and the ethnic armed groups, but the international community, and non-state mediators are important to mediate, monitor and negotiate in ceasefire agreements and the peace talks; as well as well implementing policy towards federalism.

While the U.S. wants to adjust the power balance of China in Asian region, China protects other intervention in this region to prevent security issue; this emerged competition between the United States and China directly affects economic and politic of regional developing countries in Asia. Myanmar and China have had not only longstanding diplomatic and economic contacts, also one of the few regional governments to keep in contact with Myanmar government during the period of isolation after 1980. China has been seeking to improve dominant role in Myanmar in recent years through various diplomatic initiatives, economy, and best relations with military governments as well as ethnic armed groups. China always tries to become more powerful in the form of a competition against Western democratic countries, especially the United States to influence on regional countries.

Research Problem and Methodology

According to the ethnic armed problems and public demands, the emergence of a federal union based on true democracy can clearly be considered as a political solution. In the nation building of a multi-ethnic country in the post-colonial era, prioritizing the rights of the majority ethnic groups over the minority ethnic groups result to inequalities, inter-ethnic conflicts led to civil war. Scholars have recognized the significance of federalism as a potential solution to these political challenges.

Several factors have contributed to the emergence of transition towards a more decentralized governance structure and development of a federal system in Myanmar. However, it is impossible to ignore the factors affecting the international community in implementing such a policy. The international community, including foreign governments, regional organizations, and international institutions, is an important stakeholder in Myanmar. They engage in diplomatic efforts, provide development assistance, and promote human rights and democracy in the country.

International stakeholders often play a role in supporting peace processes, facilitating dialogue, and exerting diplomatic pressure to influence the political developments to forming peaceful federalism in Myanmar. Numerous studies have demonstrated that the consequences of Sino-American rivalry include economic and political effects on countries in the Southeast Asian region, including Myanmar. However, it is not obvious whether this influences the federalization of Myanmar and a lack of widely reviewed literature with the influence of Sino-American relations on the federalization of Myanmar is a gap in knowledge.

This research will analyze China- U.S.-Myanmar relations from 2010, when democracy started in Myanmar, to 2021, before the junta took overpower. By gathering secondary data from publications, scholarly research, and journals, this study will analyze the factors that the China- U.S. rivalry had on the federal system at this time. This research aims to understand the impact of China- U.S. competition on Myanmar and its impact on federalism should not be ignored.

Research Question

1. From international influence factors in developing a policy, does the Sino-American regional rivalry affect the peace-making process by enforcing federalism in Myanmar?
2. What is the relationship between Sino-American rivalry and federalism in Myanmar?
3. What are the challenges in shaping the federal system in Myanmar?

Factors Influencing Federalism in Myanmar

Democracy, ethnicity, and religion are the three new dominant factors influencing the federal system in multi-ethnic countries in Southeast Asia including Myanmar [1]. Scholars assert that democracy in federalism is primarily relational and a mandatory research topic that cannot be omitted [2;3]. In multi-ethnic countries, a majority-led electoral system lowers democratic standards and further divides ethnic groups. Therefore, it can be concluded that these problems should be taken seriously [4]. If a federal system is to be implemented in a multi-ethnic country like Myanmar, not only ethnic diversity but also territorial diversity must be considered. The reason is that different ethnic groups are living together in their own areas and want to address local governance issues such as regional development from their own point of view.

One of the factors to consider for the implementation of federalism in Southeast Asian countries, including Myanmar, is religious influence. In Myanmar (until the military takeover in 2021), the role of Buddhism was a sensitive and important issue in relation to constitutional reform and peacebuilding. Federalism aims to foster "unity in diversity" [5], but religious influences in religiously diverse countries have hindered federalization. Political secularism seems to be an essential condition for both the establishment and operation of federalism. When national identity is based on a religion, it can only be resolved for those who believe in that religion or have no religion at all.

US-China-Myanmar Relation

As Myanmar's largest neighboring country, China is not only a major economic partner but also a significant player in the Myanmar peace process. But Sino-Myanmar relations began to deteriorate between 2010 and 2015, during the first democratic government, when the construction of the Myitsone River was suspended due to environmental concerns.

Subsequently, the suspension of the Letpadaung copper project and challenges in the Kyaukphyu Special Economic Zone caused damage to China's interests. These events led to an increase in grievances against Myanmar by China. Consequently, in 2015, the Chinese government responded strongly, publicly accusing Myanmar of neglecting the peace process by preventing armed groups in northern Myanmar from signing the Nationwide Ceasefire Agreement (NCA) [6].

When US Secretary of State, Hillary Clinton visited in Myanmar in 2011, which was the first trip by a U.S. foreign minister to Myanmar after 1955. During this visit, she met President U Thein Sein and prodemocracy activist Daw Aung San Suu Kyi in Yangon. This visit marked the beginning of a positive relationship between Myanmar and the United States [7].

In 2012, the United States announced that it would ease restrictions. Subsequently, the U.S. engaged in diplomatic efforts with Myanmar, leading to the official reduction of sanctions. During US President Obama's visit to Myanmar in 2012, he expressed confidence in the positive political changes in the country. He stated that he would also provide necessary assistance on Myanmar's path to democracy.

In 2013, the President of Myanmar visited the White House and met with the US President. They discussed the release of more political prisoners, political reform, the establishment of law enforcement institutions, and the resolution of ethnic conflicts in Myanmar. Following their discussions, they signed a framework agreement on bilateral trade and investment.

In 2014, President Obama visited Myanmar for the second time, further strengthening US-Myanmar relations. After the National League for Democracy (NLD) took power in 2015, communication with the US improved. In 2016, State Counselor Daw Aung San Suu Kyi issued a joint statement during her trip to the United States, revoking the framework of sanctions imposed on Myanmar. Additionally, he urged the proper handling of the Rohingya crisis, a complex issue involving religion and ethnicity in Rakhine State [8].

The impact of Sino-American rivalry on the Factors influencing Federalism in Myanmar

The China has not directly objected to America's support for democratization in Myanmar. However, there were concerns that US-Myanmar relations would become closer. During the period of democratization from 2010 to 2021, the government of Myanmar pursued a foreign policy oriented toward Western countries, moderating the previously dependent relationship with China. Given the significance of this situation for China, the Chinese side sought to support the ethnic armed forces to prevent it.

The suspension of trade and economic agreements with China is believed to be Myanmar's effort to gain legal recognition from the West. China's concerns about security in northern Myanmar stem from the fear that Western countries, especially the United States, might intervene in China's neighboring nations. China strongly objects to the possibility of US access to China's border, citing concerns about mediation amid peace-building efforts along the extensive border.

Hindering efforts to bring its Myanmar's northern problem to global levels became China's top priority in 2013. China assigned Wang Yingfan as its Special Representative for

Asian Affairs and mediator of the armed conflict between Myanmar's central government and ethnic armed groups [9]. Moreover, China successfully prevented the issue from being signed as an informed witness in the American Nationwide Ceasefire Agreement (NCA) [10].

China's interest in peace hinges on ethnic armed groups along the Sino-Myanmar border, particularly in Kachin State and Shan State. These groups are a priority for China due to their ethnic ties and close territorial proximity and China is regarded as a main negotiator in peacebuilding between the government and regional groups. China maintains its influence as a strategic intermediary by safeguarding ethnic armed groups, especially if the United States and the Myanmar government engage more closely on security issues [11].

This research finding indicates that the impact of the China-US rivalry indirectly affects federalism in Myanmar. According to this study, the China-US rivalry poses a threat to democracy in Myanmar and is connected to fundamental factors in the implementation of federalism, such as ethnic tension and religion. A constitution based on democracy including fair elections, and religious influence can be considered as an essential factor for the success of a federal system.

This research explains that competition is linked to democracy and tension in ethnic groups in Myanmar, but the religious cause is not clearly seen. However, the sectarian-based conflict in the Rohingya crisis is testament to American pressure to resolve peacefully and focus on minority religions. Therefore, it can be concluded that these factors are influenced by Sino-American tension.

There is a political dilemma for Myanmar that emerged from political ideology competition between China and America. While the US and western countries support promoting a political culture of developing democratic systems and decentralizing processes, China wants Myanmar to focus on political stability and economic interests in its own way.

The process of democratization towards federalism has been hindered by tensions and conflicts between ethnic groups. Because of the Sino-American rivalry, China's influence on the ethnic armed forces to impede the US-Myanmar relationship is a crucial factor to consider if the federal system is implemented in Myanmar. This research then argues that China's links to the ethnic armed forces will be a challenge in Myanmar's federalism and could pose a risk of the secession of their territory and the disintegration of the state.

Литература

1. Баоган Хе, Мишель Г. Брин, Лаура Эллисон-Ройманн. (2023). Сравнительный федерализм в Азии: демократия, этническая принадлежность и религия. Нью-Йорк: Routledge.
2. Элазар, Д. Дж. (1987). Исследуя федерализм. Таскалуса, Алабама: Издательство Университета Алабамы.
3. Майкл Берджесс, А.-Г. Г. (2010). Федеративные демократии. Лондон.
4. Лайфхарт А. (1977). Демократия в плюралистических обществах: сравнительное исследование. Издательство Йельского университета.
5. Уоттс Р. Л. (1999). Сравнение федеральных систем.
6. Ви, С.-Л. (2015, 15 октября). Официальные лица Мьянмы обвиняют Китай во вмешательстве в мирные переговоры повстанцев. (Reuters) Извлечено из www.reuters.com/article/us-myanmar-china-idUSKCN0S22VT20151008
7. Глисон С. (2016, 29 августа). Представители Пекина встречаются с пограничными вооруженными группами в преддверии мирной конференции. (Граница

Мьянмы) Взято из <http://frontiermyanmar.net/en/news/beijing-reps-meet> – с-пограничными-вооруженными-группами-в-преддверии-мирной-конференции.

8. Ян Х. и Уотсон И. (2014, 13 ноября). Обама в Мьянме: кризис в отношении рохинджа может помешать проведению саммита АСЕАН. (CNN) Извлечено из <https://edition.cnn.com/2014/11/13/politics/myanmar-obama-asean-visit/index.html>
9. Сунь Ю. (2013, 20 февраля). Вмешательство Китая в конфликт в Качине. (Азиатско-Тихоокеанский бюллетень) Извлечено из www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/apb200_0.pdf
10. Сан, Ю. (2014, январь). Китай, Соединенные Штаты и конфликт в Качине", Краткий отчет Центра Стимсона № 2. Извлечен из www.stimson.org/sites/default/files/file_attachments/Myanmar_Issue_Brief_No_2_Jan_2014_WEB_3_1.pdf
11. Сун Ю. (2013, 15 января). Потерял ли Китай Мьянму? Взято из <https://www.brookings.edu/articles/has-china-lost-myanmar/>

CHINESE-AMERICAN POLITICAL CONFRONTATION IN THE ASIA-PACIFIC REGION: THE CASE OF MYANMAR'S CHOICE OF FEDERALISM MODEL

Soe Yan Naung
RUDN University

According to the ethnic armed problems and public demands in Myanmar, the emergence of a federal system can clearly be considered as a political solution. Numerous studies have demonstrated that the consequences of Sino-American rivalry effects on political and sociological affairs in Southeast Asian countries. Democracy, ethnicity, and religion are the three new dominant factors to influence the federal system in multi-ethnic countries in Southeast Asia countries. This research explains that Sino-American rivalry is linked to considering federalism in Myanmar by analyzing the influence of Sino-American Rivalry on these three factors. This research then also argues that Myanmar political dilemma has emerged from political ideology competition between China and America. While the US-led western countries support promoting a political culture of developing democratic systems and decentralizing processes, China wants Myanmar to focus on political stability and economic interests in its own way. This research also indicates that China's links to the ethnic armed forces will be a challenge in Myanmar's federalism as China's influence on the ethnic armed forces to impede the US-Myanmar relationship and a risk of the secession of their territory and the disintegration of the state.

Keywords: US-China Competition, Myanmar Federalism, Democracy, Ethnicity, and Religion

References

1. Baogang He, Michel G. Breen, Laura Allison-Reumann. (2023). Comparative Federalism in Asia: Democracy, Ethnicity and Religion. New York: Routledge.
2. Elazar, D. J. (1987). Exploring federalism. Tuscaloosa, Alabama: The University of Alabama Press.
3. Michael Burgess, A.-G. G. (2010). Federal Democracies. London.
4. Lijphart, A. (1977). Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. Yale University Press.
5. Watts, R. L. (1999). Comparing Federal Systems.
6. Wee, S.-L. (2015, October 15). Myanmar Official accuses China of Meddling in Rebel Peace Talks. (Reuters) Retrieved from www.reuters.com/article/us-myanmar-china-idUSKCN0S22VT20151008
7. Gleeson, S. (2016, August 29). Beijing Reps Meet with Border Armed Groups as Peace Conference Nears. (Frontier Myanmar) Retrieved from <http://frontiermyanmar.net/en/news/beijing-reps-meet-with-border-armed-groups-as-peace-conference-nears>.
8. Yan, H., & Watson, I. (2014, November 13). Obama in Myanmar: Rohingya crisis could dim ASEAN summit. (CNN) Retrieved

- from <https://edition.cnn.com/2014/11/13/politics/myanmar-obama-asean-visit/index.html>
9. Sun, Y. (2013, February 20). China's Intervention in the Kachin Conflict. (Asia Pacific Bulletin) Retrieved from www.eastwest-center.org/sites/default/files/private/apb200_0.pdf
10. Sun, Y. (2014, January). China, the United States and the Kachin Conflict," Stimson Center Issue Brief No. 2. Retrieved from www.stimson.org/sites/default/files/file_attachments/Myanmar_Issue_Brief_No_2_Jan_2014_WEB_3_1.pdf
11. Sun, Y. (2013, January 15). Has China Lost Myanmar? Retrieved from <https://www.brookings.edu/articles/has-china-lost-myanmar/>

Политические инструменты реализации проекта здоровых городов: аспекты формирования института общественного целеполагания

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-западный институт управления)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Статья посвящена политической составляющей широкомаштабного движения здоровых городов. Проект здоровых городов был инициирован Всемирной организацией здравоохранения с целью улучшения здоровья граждан на муниципальном уровне. Проект имеет широкое социально-политическое содержание, которое не сводится только к снижению заболеваемости и улучшению значений показателей общественного здоровья. В ходе реализации проекта применялись различные формы участия граждан, использовались новые подходы к управлению. В ряде случаев осуществление проекта имело значительные политические следствия. Проект здоровых городов по ряду аспектов может рассматриваться как своеобразный политический идеал. Он вовлекает сообщества в совместное целеполагание, деятельность и принятие социальной ответственности. В настоящее время проект здоровых городов осуществляется в объединении с другими актуальными повестками городского развития.

Ключевые слова: городская политика, местное управление, участие общественности, общественное здоровье, политика здравоохранения, городские исследования.

Международное движение здоровых городов (Healthy Cities) представляет собой комплексный проект, осуществляемый на местном (муниципальном) уровне. Это движение берет начало с 1986 г., когда Европейское бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) объявило о новой инициативе, направленной на продвижение стратегии «Здоровье для всех» (Health for All) и принципов Оттавской хартии [1]. В 1988 г. была создана Европейская сеть здоровых городов (The WHO European Healthy Cities Network), с помощью которой ВОЗ взаимодействует с европейскими городами. Эта сеть является на сегодняшний день наиболее длительно функционирующим сетевым объединением городов Европы. В настоящее время она включает около 100 ведущих («флагманских») городов, а вместе с национальными сетями – около 1400 муниципалитетов.

Важнейшей особенностью проекта здоровых городов явилось обращение Всемирной организации здравоохранения к муниципальным образованиям с призывом поддержать данную инициативу (до этого ВОЗ всегда работала с государственным уровнем управления). Это было новым явлением и, в частности, свидетельствовало о той возросшей роли, которую играет местный уровень управления в современном мире.

С 1990-х ряд городов Российской Федерации тоже участвуют в проекте здоровых городов.

Первыми теоретиками концепции здорового города являются такие авторы, как Л. Дул, И. Кикбуш, Т. Хэнкок, А. Цурос и др. Однако идеи, близкие этой концепции, обсуждались еще в XIX веке [2, p.201].

Существует немало определений здорового города, а также компактных представлений его основных составляющих.

Согласно одному из наиболее известных определений, здоровый город непрерывно создает и улучшает физическую и социальную среду, а также усиливает местные ресурсы, что дает людям возможность взаимно поддерживать друг друга в реализации всех жизненных функций с достижением их максимального потенциала [3].

Проект здоровых городов изначально имел широкое социально-политическое содержание, не ограничивающееся только задачами снижения заболеваемости и улучшения показателей здоровья населения. Так, в перечне атрибутов здорового города, представленном в документе ВОЗ «Двенадцать шагов к развитию проекта здоровых городов», помимо охранительных и экологических параметров, присутствуют также следующие характеристики: сильное сообщество, отличающееся взаимной поддержкой и отсутствием эксплуатации; высокая степень участия и контроля граждан над решениями, влияющими на жизнь, здоровье и благополучие сообщества; доступ к широкому спектру опыта и ресурсов, с возможностью обширного круга контактов, взаимодействий и коммуникации; разнообразная, жизнеспособная, инновационная городская экономика; поощрение связей с прошлым, с культурным и биологическим наследием жителей города, а также с другими группами и отдельными индивидами [4, p.30].

Политическая составляющая проекта ярко представлена также в документе ВОЗ под примечательным на-

званием «Здоровые города. Хорошее здоровье – это хорошая политика» (2015).

В этом документе приводится определение здорового города Ф. Бартона и др., согласно которому здоровый город «заботится о физическом, психическом и социальном благополучии людей и стремится быть справедливым и инклюзивным обществом» [5, p.18].

В данном документе среди основополагающих принципов, лежащих в основе проекта здоровых городов, присутствует ряд тезисов социально-политического содержания. В частности, это: твердая политическая приверженность делу обеспечения оптимального здоровья и развития человеческого потенциала; равенство в отношении здоровья и развитие человеческого потенциала как центральные установки государственной политики и действий; транспарентность, верховенство закона и подотчетность [5, p.18].

Соответственно, эффективное городское управление (*good urban governance*), или «здоровое» управление определяется как управление, связанное со справедливым распределением власти и ресурсов и обеспечением надлежащего баланса между конкурирующими требованиями различных заинтересованных сторон города для достижения здоровья всех [5, p.7], [6].

Следует отметить, что с самого начала программа здоровых городов стала развиваться гораздо активнее, чем ожидалось. Интерес к этому проекту со стороны ряда городов Европы возник уже в течение нескольких месяцев с его официального запуска. Вначале предполагалось включить в этот проект лишь небольшое число городов (от 4 до 6) в течение пяти лет, однако за первую фазу проекта (1987–1992 гг.) в него было вовлечено уже 34 города. Более того, проект вскоре вышел за пределы Европы, и для его дальнейшего развертывания стали формироваться национальные сети участников [7, p.242]. ВОЗ обеспечивала поддержку и легитимность участия всех заинтересованных городов в этой инициативе.

Некоторые авторы (А. Цурос и др.) охарактеризовали этот процесс как начало самостоятельного социального движения [8]. В любом случае, можно ли считать данный процесс полноценным социальным движением или нет, вовлечение в проект все большего числа участников, масштаб и охват этого процесса говорят как минимум о притягательности идеи, лежащей в основе данной инициативы.

В процессе реализации проекта его организаторами и участниками была осознана необходимость использования новых методов управления. В частности, традиционные бюрократические структуры, основанные на иерархии и контроле, оказались недостаточно пригодными для решения задач в области улучшения здоровья граждан.

Как заметил один из основоположников проекта здоровых городов Т. Хэнкок, такие проблемы, как здоровье, устойчивость, справедливость, безопасность и т.п. требуют нового стиля управления, при котором власть осуществляется на основе влияния, а не властных полномочий; она совместно разделяется вместе с людьми, а не удерживается над ними; она предполагает переговоры, а не распоряжения, требует коллегиальных, а не иерархических отношений, поощряет сотрудничество, а не конкуренцию, а также использует скорее холистический, чем узко секторальный подход [9, p. 15–16].

В процессе создания европейской сети здоровых городов Всемирная Организация Здравоохранения применила в большей степени содействующий, а не директивный метод организации. Сама концепция формирования сетей и сетевого руководства стала пониматься как но-

вый стиль управления, который объединяет независимых участников для достижения общих целей, а также постоянно создает новые связи и взаимоотношения [10, p.452].

Следует отметить, что идея совместного участия в управлении, формирования сетей и взаимоотношений между ними, выстраивания руководства на неиерархических основаниях и т.п. была уже позже (в 1990-е и 2000-е гг.) теоретизирована в англоязычной литературе в области политики и управления как концепция *governance* (руководства), которая в известном смысле противоостоит укоренившемуся способу осуществления власти, обозначаемому термином *government* (правительство, т.е. традиционные институты власти). Таким образом, во время развертывания проекта здоровых городов применяемые новые формы организации и руководства по сути оказались политико-управленческой инновацией.

В литературе высказывается мнение, что жизнеспособность данного проекта, который действительно стал широкомасштабным движением, была связана, с одной стороны, с деятельностью Евробюро ВОЗ как авторитетной организации, продвигающей относительно радикальную повестку, а с другой – участием всех заинтересованных сторон на местном уровне (местных сообществ, медицинских работников, политических деятелей, активистов) [7, p.77].

При этом в процессе продвижения проекта на местах во многих случаях местные инициативы существенно отличались от «централизованного» видения ВОЗ. Например, первостепенную значимость в ряде городов приобретали проблемы устойчивости локальных сообществ [7, p.77]. Это еще раз показывает, что самостоятельность местных сообществ и муниципальных властей играла важную роль в реализации данного проекта.

Участие общественности в реализации проекта (принятии решений, их имплементации и др.) с самого начала рассматривалось как непереносимое условие его успешного осуществления. Сам концептуальный базис этой инициативы был нацелен на более полное использование потенциала граждан (их знаний, опыта, возможностей), а также общественных организаций для решения проблем здравоохранения [2, p.216].

В процессе реализации проектов здоровых городов на местном уровне было использовано множество различных конкретных средств и форм привлечения местных сообществ (с целью их информирования, консультирования, расширения прав и возможностей, работы в партнерстве).

Исследование, проведенное в 2013 г. в 78 городах – участниках Европейской сети здоровых городов, выявило значительное разнообразие практик участия населения, от эпизодических консультаций до институционализированных форм [7, p.360], [11]. Авторы исследования подтвердили приверженность городов, реализующих проект, принципу участия сообществ, а также подчеркнули, что этот принцип интерпретируется различными городами по-разному.

Однако для более полной оценки участия общественности в процессах реализации проекта здоровых городов (в том числе в разработке политик и принятии решений) имеется недостаточно свидетельств. Накопленный Европейской сетью значительный опыт остается слабо документированным, и поэтому «невидимым» и неизученным [7, 245], [12, p.85].

Аналогично, формальные оценки результатов проекта по его фазам зависели от собственных отчетов городов-участников и, вероятно, много ценных данных,

полученных в процессе работы городов, могли быть упущены [7, p.248].

В ходе реализации проектов на местном уровне был предпринят широкий спектр разнообразных мероприятий [13, p.10–11]. Так, проводились действия, направленные на снижение неравенства в отношении здоровья: развитие здравоохранения в малообеспеченных общинах, изменения среды для улучшения условий жизни групп населения, находящихся в неблагополучном положении, и др.

Множество мер были направлено на улучшение городской среды: снижение интенсивности движения транспорта, борьба с загрязнением воздуха, улучшение способов очистки питьевой воды, озеленение городов и создание «зеленых» зон, совершенствование систем удаления отходов и т.п.

В ряде муниципалитетов проводилась переориентация служб здравоохранения на укрепление здоровья и профилактику заболеваний (особенно для детей и пожилых). В некоторых городах предпринимались специальные меры для привлечения детей (как будущих граждан) к формированию городской политики и к деятельности по совместному продвижению к намеченным целям.

Развертывание в Латинской Америке проекта *здоровых муниципалитетов* (Healthy Municipios, Municipios Saludables) (аналога здоровых городов) имело значимые политические следствия, далеко выходящие за исходные рамки данной инициативы. Проект стал мощным локомотивом для участия многих стран в отношении развития децентрализации управления и укрепления активного гражданства [2, p.214]. В некоторых странах (например, в Колумбии) проект был расширен до решения ряда задач социальной политики (жилищные проекты для малообеспеченных, поддержка малого бизнеса для безработных, всеобщий доступ к начальному образованию и др.) [2, p.214].

Итак, проект здоровых городов, инициированный ВОЗ, стал мощным драйвером, стимулировавшим проведение ряда разнообразных мероприятий (медико-защитных, политических, экологических, социальных и др.) в городах – участниках.

Более того, проект движения к здоровому городу представляет собой своего рода политический идеал, что выражается в ряде аспектов.

Так, он является идеалом с точки зрения связанной с ним высоко релевантной социально-политической повестки. Цели программы ясны и понятны для всех заинтересованных сторон, тема здоровья затрагивает всех. Кроме того, эта повестка во многом является внешнеидеологической – тем более, что достижение лучшего здоровья понимается не как доступ к какому-то ограниченному ресурсу или как способ распределения (или перераспределения) неких благ, а как повестка, которая объединяет всех (в частности, создание единой для всех здоровой городской среды).

Этот проект основан на принципах демократии участия; он изначально открыт к сотрудничеству со всеми заинтересованными сторонами. Он ориентирован на ценности равенства и справедливости. Самостоятельное формирование политики и принятие решений на уровне местных сообществ тоже является притягательной характеристикой данной повестки.

В продолжение сказанного, отметим, что данный проект является идеалом с точки зрения потенциала политической мобилизации (граждан, властей, профессиональных сообществ и др.) и коллективного политического действия. Содержание повестки предполагает также достаточный уровень политической консолидации (когда

достигается определенный консенсус по поводу общего видения проекта, его утверждения и реализации, и когда акторы действуют согласованно или с высокой степенью согласованности).

Совместная забота граждан об улучшении общих условий проживания, участие местного сообщества в решении наиболее насущных, важных для всех проблем, совместное обустройство «локального мира» – все это заставляет вспомнить о первоначальном, подлинном смысле слова «политика», восходящего к древнегреческому «полис».

Разумеется, реализация данного проекта не означает, что здоровье становится единственной и доминирующей целью развития города (населенного пункта) – то, что сегодня критикуют под названием «хелсизм». Скорее, важнейшей чертой движения к здоровому городу выступает глубокое и ясное понимание местным сообществом принципиальной и первостепенной важности здоровья и здоровой среды как самостоятельного полноценного блага и как ресурса для достижения других целей – например, социального и культурного развития.

Кроме того, существенной характеристикой этой инициативы является понимание социальной *ответственности* сограждан за собственное здоровье, здоровье семьи и ближайшего окружения, здоровье будущих поколений, а также за состояние окружающей среды, сохранение города (населенного пункта) как жизнеспособной территории, построение справедливого и инклюзивного сообщества и т.д.

Таким образом, проект здоровых городов вовлекает местные сообщества в формирование и осуществление совместного опыта целеполагания, деятельности и социальной ответственности.

В действительности проект развивался со значительным разнообразием местных форм, в том числе с разбросом вариантов с большим или меньшим участием общественности. Однако в целом, как уже говорилось, в городах-участниках наблюдалась приверженность принципам *партиципаторности* – особенно на подъеме этого проекта как особого социального движения – и стремление к реализации описанного выше политического идеала.

В этом плане движение здоровых городов может служить и как *образец* (с точки зрения и формулирования концепции проекта, и практик его реализации) для развертывания других актуальных социально-политических инициатив, в том числе для заимствования опыта политической мобилизации, консолидации и т.п.

На современном этапе ВОЗ разработала так называемую динамическую концепцию здоровых городов. Эта концепция постоянно развивается и включает в себя самые современные научные данные, решает возникающие проблемы общественного здоровья, согласуется с глобальными и региональными стратегиями в области здравоохранения и устойчивого развития, включает знания, полученные посредством опыта, основывается на местных приоритетах и проблемах [14, p.4].

Очевидно, что такая концепция созвучна современным реалиям – прошедшей пандемии COVID и ситуации «постковидного» мира. В этой концепции больше внимания уделяется *уязвимости* городов (и влияющим на это факторам). Динамическая концепция подчеркивает необходимость создания здоровых городов для поддержания долгосрочной устойчивости городов к рискам для здоровья и кризисам [14, p.4].

В настоящее время среди различных стратегий городского развития появились другие повестки, уже завоевавшие широкую популярность – например, умный город (smart city) и устойчивый город. При этом одним

из важнейших факторов, влияющих на успех этих инициатив, является способность организаторов и руководителей на местах осуществлять на должном уровне политическую мобилизацию участвующих локальных сообществ. И здесь, конечно, изучение опыта здоровых городов может быть довольно ценным.

С другой стороны, будущее движения здоровых городов зависит от того, насколько оно сможет найти свое место в контексте новых стратегий и задач общественного развития, интегрироваться с ними. (Например, уже имеются идеи по объединению стратегий здорового города и умного города) [15].

Принятый в 2018 г. Копенгагенский консенсус мэров «Более здоровые и счастливые города для всех» подтвердил приверженность европейских городов идее здорового города и даже придал ей более глобальное, «планетарное» значение. Этот документ (который призван стать ориентиром для дальнейшего развития проекта Healthy Cities) расширяет повестку здоровых городов в сторону поддержки «безопасных, инклюзивных, устойчивых и жизнестойких обществ» [16].

Таким образом, проект здоровых городов стал широкомасштабным движением, охватившим множество населенных пунктов во многих странах. Он включал притягательную, социально релевантную повестку и продемонстрировал в целом высокую степень политической мобилизации и консолидации. Данный проект ориентировался на значимые для всего общества (местного сообщества) политические и социальные ценности. На современном этапе данный проект продолжается и реализуется в поле других повесток общественного развития и достижения наиболее важных общественных целей, поэтому сегодня он рассматривается не как отдельное начинание, а в расширенном формате (интегрированном с иными социально-политическими повестками).

В определенном смысле проект здоровых городов может выступать как политический идеал и образец для реализации других современных высоко актуальных инициатив.

Литература

1. Ashton J., Grey P., Barnard K. Healthy cities – WHO's new public health initiative. *Health Promotion International*, 1986, 1(3), 319–324.
2. Kenzer M. Healthy cities: a guide to the literature. *Environment and Urbanization*, Vol. 11, No. 1, April 1999, 201–220
3. Hancock T., Duhl L. (1988). Healthy cities: Promoting health in the urban context. WHO Healthy Cities Paper N1. Copenhagen: FAD L, 1988.
4. Twenty steps for developing a Healthy Cities project. 3rd ed. World Health Organization, Regional Office for Europe, 1997
5. Healthy cities: good health is good politics. WHO, 2015
6. Improving urban health equity through action on the social and environmental determinants of health. Final report of the GRNUHE. Global Research Network on Urban Health Equity. London: University College London and Rockefeller Institute, 2010
7. Healthy Cities: The Theory, Policy, and Practice of Value-Based Urban Planning / Leeuw E. De, Simos J. (eds.). Springer-Verlag NY Inc., 2017
8. Tsouros A.D. World Health Organization Healthy Cities Project: A project becomes a movement. Review of Progress 1987 to 1990. Copenhagen, Denmark: World Health Organization Regional Office for Europe, 1990.
9. Hancock T. The evolution, impact and significance of the healthy cities/healthy communities movement. *Journal of Public Health Policy*, 1993, 14(1), 5–18.
10. Kickbusch I. Global + local = glocal public health. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 1999, 53, 451–452.
11. Dooris M., Heritage Z. Healthy cities: Facilitating the active participation and empowerment of local people. *Journal of Urban Health*, 2013, 90 (Suppl 1), S74–S91.
12. Nieuwenhuijsen M., Khreis H. (eds.). *Integrating Human Health into Urban and Transport Planning*. Springer, 2019
13. Hancock T. The evolution, impact and significance of the healthy cities/healthy communities movement. *Journal of Public Health Policy*, 1993, 14(1), 5–18.
14. Healthy Cities: Effective approach to a rapidly changing world. WHO, 2020.
15. Mouton M., Ducey A., Green J. et al. Towards «smart cities» as «healthy cities»: health equity in a digital age. *Canadian Journal of Public Health*, 2019, 110, 331–334
16. Copenhagen Consensus of Mayors. Healthier and happier cities for all. A transformative approach for safe, inclusive, sustainable and resilient societies. WHO, Copenhagen, 2018

POLITICAL INSTRUMENTS FOR IMPLEMENTING THE HEALTHY CITIES PROJECT: ASPECTS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTION OF PUBLIC GOAL SETTING

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA St. Petersburg)

The article is devoted to the political component of the large-scale movement of Healthy Cities. The Healthy Cities project was initiated by the World Health Organization with the aim of improving the health of the citizens at the municipal level. The project has a broad socio-political content, which is not limited only to reducing morbidity and improving the values of public health indicators. During the implementation of the project, various forms of citizen participation and new governance approaches were used. In some cases, the implementation of the project had significant political consequences. The Healthy Cities project can be considered as a kind of political ideal in a number of aspects. He engages communities in joint goal-setting, activity and acceptance of social responsibility. Currently, the Healthy Cities project is being implemented in conjunction with other relevant urban development agendas.

Keywords: urban policy, local government, public participation, public health, health policy, urban research

References

1. Ashton J., Grey P., Barnard K. Healthy cities – WHO's new public health initiative. *Health Promotion International*, 1986, 1(3), 319–324.
2. Kenzer M. Healthy cities: a guide to the literature. *Environment and Urbanization*, Vol. 11, No. 1, April 1999, 201–220
3. Hancock T., Duhl L. (1988). Healthy cities: Promoting health in the urban context. WHO Healthy Cities Paper N1. Copenhagen: FAD L, 1988.
4. Twenty steps for developing a Healthy Cities project. 3rd ed. World Health Organization, Regional Office for Europe, 1997
5. Healthy cities: good health is good politics. WHO, 2015
6. Improving urban health equity through action on the social and environmental determinants of health. Final report of the GRNUHE. Global Research Network on Urban Health Equity. London: University College London and Rockefeller Institute; 2010
7. Healthy Cities: The Theory, Policy, and Practice of Value-Based Urban Planning / Leeuw E. De, Simos J. (eds.). Springer-Verlag NY Inc., 2017
8. Tsouros A.D. World Health Organization Healthy Cities Project: A project becomes a movement. Review of Progress 1987 to

1990. Copenhagen, Denmark: World Health Organization Regional Office for Europe, 1990.
9. Hancock T. The evolution, impact and significance of the healthy cities/healthy communities movement. *Journal of Public Health Policy*, 1993, 14(1), 5–18.
 10. Kickbusch I. Global + local = glocal public health. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 1999, 53, 451–452.
 11. Dooris M., Heritage Z. Healthy cities: Facilitating the active participation and empowerment of local people. *Journal of Urban Health*, 2013, 90 (Suppl 1), S74–S91.
 12. Nieuwenhuijsen M., Khreis H. (eds.). *Integrating Human Health into Urban and Transport Planning*. Springer, 2019
 13. Hancock T. The evolution, impact and significance of the healthy cities/healthy communities movement. *Journal of Public Health Policy*, 1993, 14(1), 5–18.
 14. *Healthy Cities: Effective approach to a rapidly changing world*. WHO, 2020.
 15. Mouton M., Ducey A., Green J. et al. Towards «smart cities» as «healthy cities»: health equity in a digital age. *Canadian Journal of Public Health*, 2019, 110, 331–334
 16. *Copenhagen Consensus of Mayors. Healthier and happier cities for all. A transformative approach for safe, inclusive, sustainable and resilient societies*. WHO, Copenhagen, 2018

Генерация новостей с помощью искусственного интеллекта: возможности и проблемы автоматизированной журналистики

Чжан Чэньюй,

магистр, Белорусский государственный университет

E-mail: zhangchenyu812@gmail.com

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) стал преобразующей силой в журналистике. Эти достижения позволяют генерировать новостные сюжеты, анализировать большие массивы данных и персонализировать контент, создавая как возможности, так и проблемы для отрасли. Цель данного исследования – дать полное представление о роли искусственного интеллекта в создании новостей и, изучив его сильные и слабые стороны, помочь специалистам и политикам в области новостей лучше справиться с будущими изменениями в новостной индустрии. Цель данного исследования – обеспечить всестороннее понимание роли генерации новостей с помощью ИИ и, изучив его сильные и слабые стороны, помочь специалистам и политикам, принимающим решения, лучше справиться с будущими изменениями в новостной индустрии. В обзоре литературы и тематическом исследовании рассматриваются конкретные случаи применения существующих технологий ИИ в новостной индустрии и их последствия, а также анализируются соответствующие данные и статистические результаты, подтверждающие полученные выводы. Данное исследование заключается во всестороннем изучении конкретных случаев применения ИИ в создании новостей, анализе текущего состояния дел и примеров применения, а также предложении будущих направлений и рекомендаций, особенно с точки зрения этических норм и нормативной базы. Генерация новостей с помощью ИИ имеет большой потенциал для повышения эффективности производства новостей и персонализированных сервисов, но при этом сталкивается с серьезными проблемами с точки зрения этики, доверия и замещения рабочих мест.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генерация новостей, эффективность, персонализация, этика, технологический прогресс.

Introduction

From its inception, journalism has experienced major changes. News was first distributed slowly and exclusively through print media. The industry underwent a transformation when the printing press was developed in the fifteenth century, enabling the mass manufacturing of newspapers and the extensive dissemination of information. As technology developed, radio and television became more popular in the 20th century, bringing more immediate and visually appealing news into people's homes. The internet's introduction in the late 20th and early 21st centuries significantly changed the journalism environment. With the advent of digital media, interactive content and real-time news updates became possible. Social media platforms have facilitated the widespread and instantaneous dissemination of information, hence democratizing the news distribution process. These technological advancements have increased the speed and reach of news dissemination, making information more accessible than ever before. Artificial Intelligence (AI) has become a disruptive factor in many different industries. Artificial Intelligence (AI) is the umbrella term for a set of technologies that let robots do tasks that normally require human intelligence, such as machine learning, natural language processing (NLP), and data analytics. Artificial Intelligence is utilized in healthcare for tailored treatment regimens and predictive diagnosis. Algorithms powered by AI make fraud detection and high-frequency trading easier in the financial sector. AI improves predictive maintenance and automation in the manufacturing sector. The field of journalism has started to use AI to increase productivity and streamline procedures.[5] Large volumes of data are analyzed, news stories are created, and reader content is personalized thanks to AI technologies. Algorithms used in AI-driven news generation can create news stories by using data inputs like financial reports, sports stats, and election results. The potential for these developments to completely transform the news industry presents both enormous obstacles and fresh opportunities. There are two sides to the influence of AI in journalism: on the one hand, there are significant opportunities to improve efficiency, data analysis, and content personalization; on the other hand, there are ethical issues, job displacement, reporting quality issues, and public trust issues that need to be addressed. [3] In order to provide readers a thorough grasp of AI-driven news generation's potential and significant challenges, this essay will examine both of these aspects and offer a forecast for the field's future.

Opportunities of AI-Driven News Generation

The capacity of AI to generate and disseminate news at a remarkable rate is among the most noteworthy advantages it offers to the journalistic industry.[7] Artificial intelligence (AI)-driven systems may produce news stories faster than human journalists by analyzing data and producing them in a matter of seconds. The Associated Press (AP), for example, uses AI to generate thousands of earnings reports every quarter. This helps news organizations cover a greater range of issues without being constrained by human labor, in addition to giving viewers fast information. By automating monotonous and repetitive duties, artificial intelligence frees up journalists to

focus on more intricate and imaginative areas of news reporting. Artificial intelligence (AI) systems are capable of handling tasks like fact-checking, organizing massive volumes of data, and transcription of interviews. For example, Reuters' Lynx Insights tool aids journalists by scanning financial reports and highlighting key information automatically, thereby reducing the time spent on preliminary data analysis.[10]

AI excels at processing and analyzing extensive datasets, uncovering trends and insights that human analysts might overlook. In journalism, this capability facilitates the rapid extraction of relevant information from vast data collections. For instance, AI can analyze social media trends to gauge public opinion on various issues or sift through government documents to identify significant developments. This enhances the depth and accuracy of news reporting. Investigative journalism often involves analyzing complex data to uncover hidden patterns and connections. AI's pattern recognition abilities can significantly enhance these investigative efforts.[2] For example, AI algorithms can examine financial records to detect fraudulent activities or analyze network data to reveal illicit connections between entities. The International Consortium of Investigative Journalists (ICIJ) utilized AI to analyze the Panama Papers, which contained over 11.5 million documents, leading to the exposure of global tax evasion practices.

By customizing news information according to user choices and behaviors, AI can improve user engagement. Artificial intelligence (AI) systems are able to suggest articles that correspond with readers' interests by examining user data, including reading history and interaction patterns. This helps news organizations keep their audience longer while also boosting reader engagement.[6] AI is used, for example, by services like Google News and Apple News to curate customized news feeds for their subscribers. Because it is tailored to the reader's individual requirements and interests, personalized content is frequently more relevant and engaging. AI has the ability to dynamically modify news story presentation elements including headlines, graphics, and summaries in order to better hold readers' interest. There is proof that using this strategy lengthens users' stays on news sites and increases click-through rates.

Because AI-driven news production automates common reporting activities, it can result in significant cost savings. As a result, news organizations can cover conventional news beats with smaller editorial teams, increasing their operational efficiency. For instance, Bloomberg lowers the human expenses involved in producing thousands of financial reports a year by using an AI system called Cyborg to create the reports. AI frees up journalists to concentrate on more intricate and imaginative parts of their work, such in-depth reporting, analysis, and storytelling, by taking care of repetitive tasks. This guarantees the more efficient use of human resources while also improving the caliber of journalism.[8] For example, Heliograf, The Washington Post's AI tool, does routine reporting duties so that journalists can spend more time on feature stories and investigative projects.

In conclusion, there are many chances to improve the effectiveness, productivity, and general caliber of journalism using AI-driven news production. Artificial intelligence (AI) has the power to revolutionize the news industry by automating repetitive operations, delivering data-driven insights, personalizing content, and cutting operational costs. This will allow news companies to provide their consumers with fast, accurate, and interesting material.

Challenges of Automated Journalism

Even while AI systems are extremely efficient, they are nevertheless capable of producing inaccurate or unreliable out-

put.[1] These differences could be the consequence of inaccurate data entry, inaccurate algorithmic interpretations, or insufficient contextual awareness. For example, during the 2016 US presidential election, erroneous data inputs led an AI-generated report to declare Donald Trump the winner of the popular vote. These errors carry the risk of misleading the public and eroding trust in news organizations that employ artificial intelligence to produce content. Preexisting biases in the data used to train AI algorithms may be strengthened or even made worse. This could result in biased news coverage, which could then strengthen prejudices and have an impact on public opinion. For instance, a ProPublica study revealed that an AI system used in the US criminal justice system was prejudiced against African Americans. Similar prejudices may skew the media's portrayal of specific issues or groups. It is imperative that news organizations ensure the diversity and representation of their training data, and that they regularly check their AI systems for bias.

Should AI be utilized to automate routine tasks for journalists, there might be a decrease in the demand for traditional media positions. It is likely that when AI systems take over tasks like data analysis and basic news writing, entry-level media positions may become less necessary. According to a PwC estimate, up to 30% of UK jobs could be automated by the early 2030s, with the media industry being one of the most affected. To remain relevant in an AI-driven news landscape, journalists must adapt by picking up new skills and taking on new roles. This means learning how to use AI tools, focusing on tasks that require human creativity and critical thinking, and analyzing and understanding data generated by AI.[9] Journalists will need to take part in training programs and continue their education if they want to transition into careers that compliment artificial intelligence capabilities.

Artificial intelligence-generated news usually lacks the depth and careful consideration that human journalists bring to their reporting. Although AI systems can generate fact-based articles, it's possible that they won't be able to provide in-depth analysis or contextual awareness. For instance, an AI-generated sports report can accurately recount the game's events but fail to capture the spectators' and players' emotional reactions. This limitation could result in news reporting that is overly superficial and overlooks the subtleties of important stories. Research contrasting AI with human-written content has shown that while the former can produce factual and readable news items, the latter usually outperforms the former. A Knight Foundation study found that readers thought news articles written by AI were less trustworthy and engaging than those written by humans. This suggests that human journalists are still necessary to maintain the standard of news reporting, particularly in the case of investigative and in-depth reporting.

The public's confidence in news generated by AI is gravely threatened. Many readers are skeptical about the accuracy and reliability of articles produced by machines. According to a Reuters Institute for the Study of Journalism research, only 25% of participants said they trusted news generated by artificial intelligence (AI), compared to 46% who said they trusted news authored by human journalists. Gaining the public's trust requires both transparency in the employment of AI and proof of how it improves news quality and accessibility. Transparency about the use of AI in news production is essential to maintaining public trust. News organizations should disclose when and how AI is used to create news content. In order to guarantee accuracy and reduce bias, information regarding the AI systems in use, the data sources, and the supervision procedures in place must be disclosed. The New York Times, for instance, freely talks about how AI is used in many areas of its business, which contributes to readers' trust in the newspaper's journalistic ethics.

In conclusion, even if AI-driven news generating has a lot to offer, there are a lot of issues that need to be resolved. In order to make sure that AI strengthens rather than weakens the news industry, it is imperative that important issues including ethical concerns, employment displacement, the depth and quality of reporting, trust, and transparency are carefully addressed. To build a reliable and sustainable future for automated journalism, developers, journalists, and legislators must work together to address these issues.

Future Prospects and Recommendations

As AI technology continues to evolve, several advancements hold the potential to further revolutionize journalism. One significant development is the enhancement of natural language generation (NLG) capabilities, which could lead to more sophisticated and contextually aware AI-generated content.[4] Additionally, AI systems are likely to improve in their ability to understand and interpret human emotions and sentiments, enabling the creation of more empathetic and engaging news stories. Another promising area is the development of AI-powered tools for real-time fact-checking. These tools could help journalists verify the accuracy of information quickly and efficiently, reducing the spread of misinformation. Furthermore, advancements in AI-driven multimedia content generation, such as automated video and audio production, could diversify the formats in which news is delivered, catering to different audience preferences.

Deep learning, a subset of machine learning, has shown remarkable potential in various applications, and its integration into journalism could bring about significant improvements. Deep learning algorithms can analyze complex patterns in large datasets, offering deeper insights and uncovering hidden trends. For instance, AI-driven investigative tools powered by deep learning could analyze vast amounts of financial records, social media data, and other sources to detect fraud, corruption, and other irregularities. Moreover, AI-driven sentiment analysis tools can gauge public opinion on various issues by analyzing social media posts and online comments. This could provide journalists with valuable insights into public sentiment, enabling them to produce more relevant and timely stories. The use of AI in predictive analytics can also help news organizations anticipate trends and prepare content in advance, ensuring they stay ahead of the news cycle.

To address the ethical challenges posed by AI in journalism, it is essential to establish comprehensive guidelines and standards. These guidelines should emphasize the importance of accuracy, transparency, and accountability in AI-generated content. News organizations should implement rigorous validation processes to ensure the reliability of AI-driven news stories. Regular audits of AI systems should be conducted to identify and mitigate biases. Additionally, ethical guidelines should promote transparency in the use of AI. This includes clearly disclosing when content is generated or augmented by AI, providing readers with information about the data sources and algorithms used. Establishing a code of ethics for AI in journalism, similar to existing journalistic codes, can help maintain the integrity and credibility of the profession.

Regulatory bodies play a crucial role in overseeing the ethical use of AI in journalism. These bodies should develop and enforce regulations that ensure the responsible deployment of AI technologies. This includes setting standards for data privacy, algorithmic transparency, and the mitigation of bias. Regulatory bodies should also facilitate collaboration between news organizations, technologists, and ethicists to create a balanced and inclusive framework for AI use in journalism. Furthermore, regulatory bodies can establish

certification programs for AI tools and systems used in newsrooms. These programs can evaluate the compliance of AI technologies with ethical standards and best practices, providing news organizations with a benchmark for responsible AI use. By fostering a regulatory environment that prioritizes ethical considerations, the potential risks associated with AI-driven journalism can be minimized.

In conclusion, the future prospects of AI in journalism are promising, with advancements in technology poised to further transform the industry. However, it is essential to address the ethical and regulatory challenges to ensure the responsible use of AI. By establishing comprehensive guidelines, involving regulatory bodies, and investing in continuous learning and training for journalists, the opportunities presented by AI-driven news generation can be harnessed effectively while mitigating potential risks.

Conclusion

AI-driven news generation is revolutionizing the journalism industry, presenting both substantial opportunities and notable challenges. On the one hand, AI offers significant benefits in terms of efficiency, productivity, data-driven insights, customization, personalization, and cost-effectiveness. It can generate news rapidly, reduce mundane tasks for journalists, analyze large datasets to extract relevant information quickly, and tailor news content to individual preferences. Moreover, AI can cut operational costs and allow journalists to focus on more complex and creative tasks. However, the integration of AI into journalism is not without its challenges. Ethical concerns, such as accuracy, reliability, and bias in AI-generated content, remain significant issues. There is also the potential for job displacement, with traditional journalism roles being reduced and the need for journalists to adapt to new skill sets and roles. Quality and depth of reporting are additional concerns, as AI-generated news may lack the critical analysis and nuanced insights that human journalists provide. Furthermore, public trust in AI-generated news is an ongoing challenge, necessitating transparency in the use of AI in newsrooms. Despite these challenges, the future prospects of AI in journalism are promising. Advancements in AI technology, such as improved natural language generation, real-time fact-checking, and deep learning, have the potential to further transform journalism. Ethical and regulatory considerations must be addressed, with comprehensive guidelines, standards, and oversight by regulatory bodies to ensure responsible AI use. Continuous learning and training for journalists are also crucial, equipping them with the skills needed to navigate the evolving landscape of AI-driven journalism.

Future research is necessary to conduct a longitudinal study of the long-term impact of AI on journalism, including job shifts and changes in journalistic practices, in order to understand the evolving dynamics of the industry. By exploring this line of research, scholars and practitioners can better understand and navigate the complexities of AI-driven journalism to ensure that its benefits are maximized while effectively addressing its challenges.

Литература

1. Виноградова К. Е. Развитие искусственного интеллекта и трансформация журналистики: новые возможности и вызовы // Гуманитарный вектор. 2023. № 18(3). С. 121–130.
2. Давыдов С. Г., Замков А. В., Крашенинникова М. А., et al. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 5. С. 3–21.

3. Иляхина А А, Деева И В. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в журналистике // Вестник науки. 2024. № 3(1 (70)). С. 580–588.
4. Крашенинникова М А, Барабанова А А. Автоматизированный текст в современной российской медиа-практике // Меди@ льманах. 2022. № 5 (112). С. 56–62.
5. Максименкова А М. Влияние внедрения искусственного интеллекта на журналистику и качество информации в сми // Современные исследования: Актуальные вопросы теории и практики. 2023. С. 50–52.
6. Морозова А А, Попова С Н. Феномен искусственного интеллекта в современной науке: понятие, векторы и проблемы применения в сфере массмедиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 41–52.
7. Чертовских О О, Чертовских М Г. Искусственный интеллект на службе современной журналистики: история, факты и перспективы развития // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. № 8(3). С. 555–568.
8. Шкаленко А В, Фадеева Е А. Влияние искусственного интеллекта на креативные индустрии: тенденции и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. № 24(3). С. 44–59.
9. Шнайдер А А. Тренды массмедиа: применение искусственного интеллекта, машинного обучения, SEO-инструментов и дата-журналистики в контексте мирового медиаландшафта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2022. № 21(6). С. 59–68.
10. Verma D. Impact of Artificial Intelligence on Journalism: A Comprehensive Review of AI in Journalism // Journal of Communication and Management. 2024. № 3(02). С. 150–156.

AI-DRIVEN NEWS GENERATION: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES OF AUTOMATED JOURNALISM

Zhang Chenyu

Belarusian State University

Artificial intelligence (AI) has been a disruptive factor in journalism in recent years. These developments provide potential and difficulties for the industry by enabling the creation of news stories, analysis of big datasets, and the personalization of information. By examining its advantages and disadvantages, this study seeks to give a thorough grasp of the function of AI-driven news generating and to assist policymakers and news practitioners in better adjusting to upcoming changes in the news sector. By examining its advantages and disadvantages, this study seeks to give a thorough grasp of the

function of AI-driven news generating and to assist decision-makers and news practitioners in better adjusting to upcoming changes in the news sector. Using a case study and research of the literature, particular uses of current AI technologies. Specific uses of current AI technologies in the news industry and their consequences are investigated through a survey of the literature and a case study. Relevant data and statistical findings are reviewed to support the conclusions. This research focuses on the particular uses of AI in news generating through a thorough investigation, analysis of the state-of-the-art and application scenarios, and recommendations for future work, particularly with regard to ethical standards and legal frameworks. Though there is a lot of promise for increased news production efficiency and targeted services with AI-driven news generation, there are also a lot of ethical, trust, and job displacement issues that need to be addressed.

Keywords: Artificial Intelligence, News Generation, Efficiency, Personalization, Ethics, Technological advances

References

1. Vinogradova K E. Development of artificial intelligence and transformation of journalism: new opportunities and challenges // Humanitarian Vector. 2023. № 18(3). Pp. 121–130.
2. Davydov S G, Zamkov A V, Krasheninnikova M A, et al. The use of artificial intelligence technologies in Russian media and journalism // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2023. № 5. Pp. 3–21.
3. Ilyakhina A A A, Deeva I V. Prospects for the application of artificial intelligence technologies in journalism // Vestnik nauki. 2024. № 3(1 (70)). Pp. 580–588.
4. Krasheninnikova M A, Barabanova A A. Automated text in modern Russian media practice // Medi@ lmanah. 2022. № 5 (112). Pp. 56–62.
5. Maksimenkova A M. The impact of the introduction of artificial intelligence on journalism and the quality of information in the media // Modern Studies: Actual issues of theory and practice. 2023. Pp. 50–52.
6. Morozova A A A, Popova S N. Phenomenon of artificial intelligence in modern science: concept, vectors and problems of application in the sphere of mass media // Знак: problem field of media education. 2021. № 4 (42). Pp. 41–52.
7. Chertovskikh O O, Chertovskikh M G. Artificial intelligence in the service of modern journalism: history, facts and prospects of development // Voprosy teorii i praktika journalistiki. 2019. № 8(3). Pp. 555–568.
8. Shkalenko A V, Fadeeva E A. The impact of artificial intelligence on creative industries: trends and prospects // Bulletin of Volgograd State University. Economics. 2022. № 24(3). Pp. 44–59.
9. Schneider A.A. Trends in mass media: the use of artificial intelligence, machine learning, SEO-instruments and data journalism in the context of the global media landscape // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology. 2022. № 21(6). Pp. 59–68.
10. Verma D. Impact of Artificial Intelligence on Journalism: A Comprehensive Review of AI in Journalism // Journal of Communication and Management. 2024. № 3(02). Pp. 150–156.

Опыт и выводы из передачи китайских и советских архивов в республиканский период

Ян Цзяньюнь,

аспирант, Институт марксизма, Китайская академия общественных наук; библиотекарь-исследователь, Шеньянский медицинский институт
E-mail: 42121328@qq.com

В статье рассматриваются исторические предпосылки, конкретный процесс, опыт и уроки, извлеченные из передачи китайско-советских архивов в республиканский период, а также проливается свет на развитие современных архивов и направление будущего развития. Глубокое изучение процесса передачи архивов показало, что ключом к успеху является четкое политическое руководство, тщательное организационное планирование и профессиональная техническая гарантия. При этом целостность и сохранность архивов имеют решающее значение в процессе передачи. Этот опыт дает важное представление о развитии современных архивов, требуя от них идти в ногу со временем, использовать современные технологии для улучшения управления и укреплять международное сотрудничество и обмен. Перед лицом вызовов и возможностей, которые несут с собой новые технологии, архивистам необходимо постоянно обновлять свое мышление и способствовать развитию архивов на более высоком уровне.

Ключевые слова: китайско-советская передача архивов, историческая справка, архивная карьера, опыт и уроки, современные откровения, направление дальнейшего развития.

Введение

Исследуя масштабную историческую картину отношений между Китаем и Советским Союзом в республиканский период, нельзя упускать из виду значение передачи архивов как важного звена во взаимодействии между двумя странами. В республиканский период отношения между Китаем и Советским Союзом претерпели сложную трансформацию от тесного сотрудничества к постепенному отчуждению и окончательному разрыву, и архивы, созданные в ходе этого процесса, не только зафиксировали детали истории, но и стали ценными свидетелями изменений в отношениях между двумя странами.[6] Передача архивов, как конкретное проявление сотрудничества между двумя странами, не только способствует обмену и использованию архивных ресурсов двух сторон, но и предоставляет ценные оригинальные материалы для последующих исторических исследований.

Цель данного исследования – глубоко проанализировать практический опыт передачи китайско-советских архивов в республиканский период, изучить историческую логику и мотивы, лежащие в его основе, а также последствия этого процесса для развития современных архивных начинаний. Благодаря глубокому изучению передачи архивов в этот период можно лучше понять сложность меняющихся китайско-советских отношений и извлечь полезные уроки для современного международного архивного сотрудничества. Кроме того, это исследование будет способствовать развитию архивной дисциплины и обогащению теории и методологии архивных исследований.

Исторические предпосылки передачи китайско-советских архивов в республиканский период

Исторические предпосылки передачи китайско-советских архивов в республиканский период глубоко отражают развитие отношений между Китаем и Советским Союзом. В первые годы после образования Китайской Народной Республики Китай и Советский Союз быстро установили тесные и дружеские отношения, основанные на общих политических целях и идеологии.[2] Советский Союз стал первой страной, признавшей и установившей дипломатические отношения с новым Китаем, оказывая ему широкую политическую, экономическую и военную поддержку. В этом контексте передача архивов стала важным звеном в отношениях между двумя странами, которое не только способствовало обмену и развитию архивов, но и углубляло сотрудничество и взаимопонимание между двумя странами.

Со временем между Китаем и Советским Союзом постепенно возникли различия в их сотрудничестве, особенно в плане идеологии и национальных интересов. Эти различия привели к напряженности и конфликтам в отношениях между двумя сторонами и оказали глубокое влияние на передачу документов. Однако даже в периоды напряженности передача архивов в определенной степени продолжалась как часть сотрудничества между двумя странами. Благодаря консультациям и компро-

2024 Научно-исследовательский проект архивного бюро провинции Ляонин «Красные архивы Коммунистической партии Китая в российских коллекциях: пути раскопок и распространения» (2024-B-02), этап Достижения в исследованиях

миссам обе стороны старались поддерживать непрерывность и стабильность передачи архивов.

Исторические мотивы передачи архивов охватывают широкий спектр политических, экономических и культурных аспектов.[9] С политической точки зрения, близость отношений между двумя странами оказывала непосредственное влияние на масштабы и частоту передачи архивов. В экономической сфере советская помощь обеспечила Китай важными ресурсами для промышленного строительства, а передача архивов позволила обеим сторонам получить необходимый технический и управленческий опыт. Что касается культурных обменов, то благодаря взаимному обучению и обращению к опыту обе страны добились общего прогресса в управлении архивами.

Таким образом, ход развития китайско-советских отношений и исторические мотивы передачи архивов переплетаются и взаимно влияют друг на друга, что в совокупности составляет сложный исторический фон китайско-советской передачи архивов в республиканский период. Этот фон не только отражает обмены и сотрудничество между Китаем и Советским Союзом в политической, экономической и культурной областях, но и показывает проблемы и трудности, с которыми сталкиваются обе стороны в своем сотрудничестве.

Специфический процесс передачи архивов между Китаем и Советским Союзом

Специфический процесс передачи китайско-советских архивов – это тщательный и сложный рабочий процесс, который предполагает тщательное планирование и скрупулезное выполнение на нескольких этапах.

На подготовительном этапе первой задачей является определение объема и критериев передаваемых архивов.[8] Для этого необходимо провести глубокую оценку и анализ существующих архивов силами архивных экспертов, чтобы определить их целостность, историческую ценность и соответствие условиям передачи. В то же время для обеспечения бесперебойного процесса передачи необходимо создать профессиональную команду, состоящую из архивистов, историков и технических специалистов, а также уточнить обязанности и распределение обязанностей каждого члена команды. Кроме того, крайне важно составить подробный план и график передачи, которые помогут рационально распределить ресурсы и обеспечить упорядоченное выполнение различных этапов работы.

На этапе реализации первой задачей является сбор, систематизация и классификация архивов.[7] Этот процесс требует терпения и внимательности, поскольку важно обеспечить полноту и организованность архивов для последующей транспортировки и хранения. Во время транспортировки архивов особое внимание следует уделять их сохранности и конфиденциальности, а также принимать соответствующие защитные меры, чтобы предотвратить повреждение или потерю архивов. Кроме того, важной задачей на этом этапе является общение и координация действий с принимающей стороной, чтобы обеспечить четкое понимание между двумя сторонами относительно получения и хранения архивов.

После того как архивы были успешно доставлены принимающей стороне, наступает время для этапа передачи и приемки.[4] На этом этапе обе стороны должны перепроверить количество и качество архивов, чтобы убедиться, что все архивы точны. После приемки обе стороны проведут официальную церемонию подписания, чтобы отметить успешное завершение передачи архивов.

Наконец, в процессе последующей работы принимающей стороне необходимо использовать архивы и управлять ими. Это включает в себя хранение, заимствование и воспроизведение архивов, чтобы обеспечить их эффективное использование и сохранение в долгосрочной перспективе. В то же время очень важно обобщить и осмыслить опыт передачи файлов, что поможет создать полезные справочные материалы для будущей работы по передаче файлов.

Опыт и последствия передачи китайско-советских архивов

Опыт и выводы китайско-советской передачи архивов дают ценные перспективы для последующих исследователей, демонстрируя как успехи, так и выявляя проблемы и уроки.

Важность и поддержка правительств двух стран – ключ к успеху передачи архивов[3] Этот импульс сверху вниз обеспечил эффективное распределение ресурсов и бесперебойное выполнение работы. В то же время надежная организационная система и планирование обеспечили надежную гарантию передачи архивов и позволили провести работу в организованном порядке. Эффективные механизмы коммуникации и сотрудничества также необходимы, чтобы облегчить обмен информацией между двумя сторонами и повысить эффективность и качество работы.

Однако в процессе передачи архивов выявился ряд проблем. Одной из них являются технические трудности, особенно в свете стремительного развития оцифровки и информационных технологий, что делает сложной задачу обеспечения целостности и читаемости архивов. [1] Кроме того, стоит задуматься о балансе между сохранением и использованием архивов. Как сохранить первоначальный вид архивов и при этом удовлетворить потребности общества в доступе к ним – важный вопрос, стоящий перед управлением архивами. Кроме того, нельзя игнорировать влияние культурных различий между двумя странами на передачу архивов, что требует большего внимания к межкультурному взаимопониманию и коммуникации в работе.

В связи с современными открытиями необходимо укреплять международное сотрудничество и обмены, чтобы способствовать общему развитию архивов.[5] Опираясь на успешный опыт других стран, сможем лучше справляться с проблемами и способствовать инновациям и развитию архивов. В то же время совершенствование системы архивного законодательства также является важным средством обеспечения безопасности и использования архивов. Законодательство, регулирующее поведение руководства архивов, может обеспечить долгосрочную сохранность и эффективное использование архивов. Наконец, повышение уровня управления архивами – это ключ к достижению максимального использования архивных ресурсов. Усиливая подготовку талантливых специалистов и технологические инновации, можно повысить профессиональный уровень управления архивами, чтобы предоставить обществу более качественные архивные услуги.

Заключение

После глубокого изучения исторического процесса передачи китайско-советских архивов в республиканский период мы вынесли ряд ценных уроков. Эти уроки показывают, что передача архивов требует не только четкого политического руководства, но и тонкого организацион-

ного планирования и профессиональной технической гарантии. В то же время целостность и сохранность архивов имеют первостепенное значение в процессе передачи, и необходимо принимать строгие меры защиты.

Для развития современного архивного дела этот опыт представляет собой важную идею. Архивное дело должно идти в ногу со временем и использовать современные научно-технические средства для повышения уровня управления архивами. Необходимо укреплять международное сотрудничество и обмена, чтобы совместно содействовать развитию архивов. Кроме того, архивисты должны обладать высокой степенью ответственности и профессионализма, чтобы обеспечить целостность и безопасность архивов.

Заглядывая в будущее, архивный бизнес сталкивается с проблемами и возможностями, которые открывают новые технологии, такие как оцифровка и сетевое взаимодействие. Чтобы справиться с этими вызовами, архивистам необходимо постоянно совершенствовать свое мышление и активно изучать новые способы управления и методы обслуживания. В то же время необходимо укреплять развитие и использование архивных ресурсов, а также продвигать архивы на более высокий уровень развития. Только так сможем лучше служить обществу и удовлетворять потребности людей в архивной информации.

Литература

1. Верченко, А.Л. Советско-китайское культурное сотрудничество в 1950-е годы в советских и китайских архивных документах // VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы Международной научно-практической конференции. 2023. С. 108–116.
2. Дацышен, В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX–начале XX вв // Директмедиа. 2014.
3. Дубленных, А.К. Подготовка библиографических изданий университетскими библиотеками в контексте реализации общероссийских тенденций // Информационный Бюллетень РБА. 2014. № 72. С. 142–144.
4. Иванов, А.В. Сталинская политика переселения на Дальний Восток России в 1925–1953 гг // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: Сборник научных статей. – Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. 2014. С. 30–35.
5. Красильникова, И.Ю. Электронная составляющая межбиблиотечного обслуживания в контексте развития культуры // Информационный Бюллетень РБА. 2014. № 72. С. 118–121.
6. Мировицкая, Р.А. Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века). Китай в мировой и региональной политике // История и современность. 2012. № 17(17). С. 336–345.
7. Панарина, Д.С. Российская диаспора в странах Востока // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 2. С. 167–171.

8. Сотникова, И.Н. Помощь Советского Союза // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. 2017. С. 590–619.
9. Черникова, Л.П. Неизвестный ошанин: к биографии выдающегося востоковеда // Современная научная мысль. 2023. № 5. С. 168–189.

EXPERIENCE AND ENLIGHTENMENT OF THE TRANSFER OF SINO-SOVIET ARCHIVES DURING THE REPUBLIC PERIOD

Yang Jianyun

Shenyang Medical Institute

This article examines the historical background, concrete process, experiences and lessons learned from the transfer of Sino-Soviet archives during the republic period, and sheds light on the development of modern archives and the direction of future development. An in-depth study of the archives transfer process has shown that the key to success is clear political leadership, careful organizational planning and professional technical guarantee. At the same time, the integrity and preservation of the archives are crucial in the transfer process. These experiences provide important insights into the development of modern archives, requiring them to keep pace with the times, use modern technology to improve management, and strengthen international cooperation and exchange. In the face of the challenges and opportunities brought by new technologies, archivists need to constantly renew their thinking and promote the development of archives at a higher level.

Keywords: Sino-Soviet transfer of archives, historical reference, archival career, experience and lessons, modern revelations, future development direction.

References

1. Verchenko, A.L. Soviet-Chinese cultural cooperation in the 1950s in Soviet and Chinese archival documents // VI Gotlibov Readings: Oriental Studies and Regional Studies of the Asia-Pacific Region: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. 2023. Pp. 108–116.
2. Datsyshen, V.G. History of Russian-Chinese relations in the late XIX-early XX centuries // Directmedia. 2014.
3. Dublennykh, A.K. Preparation of bibliographic editions by university libraries in the context of the implementation of all-Russian trends // RBA Information Bulletin. 2014. № 72. Pp. 142–144.
4. Ivanov, A.V. Stalin's policy of resettlement in the Russian Far East in 1925–1953 // The Soviet Far East in the Stalinist and post-Stalinist era: Collection of scientific articles. – Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2014. Pp. 30–35.
5. Krasilnikova, I. Yu. Electronic component of interlibrary service in the context of cultural development // RBA Newsletter. 2014. № 72. Pp. 118–121.
6. Mirovitskaya, R.A. Sketch of the history of early Russian-Chinese relations (20-ies of the twentieth century). China in world and regional politics // History and Modernity. 2012. № 17(17). Pp.336–345.
7. Panarina, D.S. Russian diaspora in the countries of the East // Vostok. Afro-Asian societies: history and modernity. 2017. № 2. Pp.167–171.
8. Sotnikova, I.N. Aid of the Soviet Union // History of China from ancient times to the beginning of XXI century. 2017. Pp.590–619.
9. Chernikova, L.P. Unknown Oshanin: to the biography of an outstanding orientalist // Modern Scientific Thought. 2023. № 5. Pp.168–189.

Система образования для государственных служащих: проблемы подготовки специалистов к деятельности в сложных современных условиях

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Деятельность государственных служащих в современных условиях становится все сложнее, что связано со многими обстоятельствами. Особое значение имеет цифровизация управления, требующая от администраторов новых специфических навыков. Статья посвящена проблемам подготовки государственных служащих в системе профессионального образования. Отмечается, что учебные программы должны иметь вполне актуальное содержание, передавать наиболее современные знания. Кроме того, система образования должна формировать навыки работы в условиях сложности и неопределенности, в том числе навыки творческого мышления и принятия нестандартных решений. Важнейшей задачей системы образования является формирование целостного профессионального мировоззрения, которое базируется на ценностных основах государственной службы. Эту задачу прежде всего призваны решать так называемые интегрирующие дисциплины (этика, история государственного управления и др.). В целом в учебных программах должен быть достигнут баланс между новыми и основополагающими (интегрирующими) дисциплинами.

Ключевые слова: государственное управление, система образования, подготовка государственных служащих, проблемы образования, основы государственной службы.

Содержание профессиональной деятельности государственных служащих непрерывно усложняется. Это связано со многими обстоятельствами, среди которых можно назвать следующие.

Прежде всего, это бурное развитие новых технологий, причем на первый план сегодня вышла цифровизация (которая, как ожидается, должна радикально трансформировать всю сферу деятельности публично-управления). Это, далее, продолжающиеся административные реформы, которые изменяют цели, правила работы, объем ответственности, структуру правительственных учреждений и т.д.

Назовем также возрастающие требования общества к качеству публичных услуг, к профессиональным умениям и самому поведению государственных служащих.

Кроме того, постоянное производство новых научных знаний – прежде всего в социальных науках (экономике, психологии и др.) – влечет необходимость их использования в сфере государственного управления для повышения его эффективности и достижения других желаемых целей.

Следует также отметить и растущую сложность социальных систем, которыми должны управлять (или руководить) государственные служащие – примерами могут служить крупные города и огромные агломерации.

Все это требует приобретения все большего количества передовых знаний и новых усложненных навыков, необходимых для эффективной работы. Сегодня общепринятым является утверждение, что государственный служащий должен быть готов учиться в течение всей профессиональной карьеры.

Непрерывные изменения в деятельности государственных служб имеют и побочный эффект: в усложняющихся условиях работы и нарастающем потоке новых знаний, технологий, требований, норм и т.д. размывается, становится все более неопределенным сам смысл профессии государственного служащего.

Рост сложности в сфере публичного управления, разумеется, увеличивает нагрузку и на систему образования для государственных служащих, порождает потребность ее обновления и в составе преподаваемых дисциплин, и в их внутреннем содержании (а также совершенствования самих методов и техник преподавания).

В этой связи возникает ряд вопросов в отношении организации системы образования для государственных служащих. Наиболее фундаментальный из них (из которого следуют все остальные) состоит в том, к чему, собственно, должна готовить система образования будущих специалистов в области публичного управления? Вполне очевидно, что система образования должна предвосхищать те реалии государственного управления, в которых придется работать будущему профессионалу.

С практической точки зрения, этот вопрос означает необходимость обоснованного выбора дисциплин, которые следует включать в учебные программы.

Разумеется, внимание системы образования, ее организаторов и руководителей обращено прежде всего на самые передовые знания и технологии: на новые методы работы с данными, информатику и др. Все это необходимо для того, чтобы система образования отража-

ла новейшие тенденции и изменения, готовила будущих специалистов не к государственной службе «вчера-шнего дня», а к актуальной и развивающейся (сегодняшней и завтрашней).

Например, в литературе отмечается применение администраторами все более сложных аналитических методов. По мере развития технологий работники государственных служб переходят от использования отчетов, подготовленных другими лицами, к самостоятельной разработке моделей, прогнозов, решений и т.п. Это включает такие инструменты (выходящие за рамки статистической проверки гипотез и регрессионного анализа), как деревья решений, линейное программирование, платежные матрицы и др. [1, p.76]

Поэтому включение в учебные программы дисциплин, позволяющих освоить самые современные статистические и аналитические методы, является вполне обоснованной и актуальной мерой.

Помимо передачи конкретных знаний, не меньшее значение имеет задача развития у будущих управленцев самой готовности нестандартно мыслить, искать новые решения, применять новаторские подходы и т.п. Иными словами, это потребность в формировании некоего общего мировоззрения, которое связано с пониманием сложности современного мира, его нелинейности, множественных взаимосвязей, многоуровневых процессов и т.п.

В том числе современный государственный служащий должен иметь готовность и способность преодолеть в своей работе различные дисциплинарные, институциональные, организационные барьеры.

Как было сказано в одном программном документе, нынешним и будущим лидерам понадобится широкий набор знаний, навыков и умений, включающий управление сложными сетями, гибкие (agile) техники, инновационные решения, а также умение решать межотраслевые проблемы. [2, p. 438–439]

Задача формирования современного управленческого мировоззрения может решаться различными способами. Например, это введение в учебную программу особых «развивающих» дисциплин («Технологии креативного мышления» и др.). В некоторых работах отмечалась перспективность дизайн-мышления в управленческой деятельности. [3].

Необходимо также включать в специальные или общие дисциплины темы, модули и т.п., которые способствуют развитию такого мировоззрения. Это предполагает в том числе рассмотрение различных кейсов, решение студентами специальных задач, участие в проектах и т.п., – которые могли бы содействовать развитию у будущих государственных служащих установок к действию в условиях неопределенности, сложных связей, сформировать навыки комплексного мышления, применения междисциплинарного подхода и т.п.

Как говорилось выше, постоянные изменения и нарастание сложности в работе государственных служб порождают все большую неопределенность в отношении самого смысла профессии государственного служащего.

Аналогичным образом, множество дисциплин в системе профессиональной подготовки по публичному управлению (а также их разнообразие и сложность) не лучшим образом влияют на формирование у студентов целостного профессионального мировоззрения. В частности, есть опасность того, что учебная программа будет восприниматься как лишь сумма разрозненных знаний.

Следует отметить, что эта опасность имеет известные основания. Как указывает Р. Элмор, в отношении

государственной политики и управления существует недостаточный уровень согласия относительно того, что представляет собой профессиональное знание (в сравнении, например, с такими областями, как архитектура, медицина или юриспруденция) [4, p. 171].

В этой связи в системе образования для государственных служащих особое значение приобретают дисциплины, которые можно условно назвать *интегрирующими*. К ним следует отнести в первую очередь историю государственного управления, введение в профессиональную деятельность и этику государственной службы.

Интегрирующие дисциплины должны давать целостное представление о государственной службе как профессии. Они должны способствовать приобщению учащихся к лучшим традициям публичного управления, к пониманию его важнейшей миссии в обществе как института, призванного обеспечивать общественную стабильность и одновременно развитие (социальное, экономическое, культурное, технологическое и др.)

Желательно, чтобы на эти дисциплины было обращено достаточное внимание в учебных программах в области публичного управления (что, конечно, может оказаться затруднительным при существенном сдвиге профессионального образования в сторону новейших знаний и навыков).

И, разумеется, очень важно, чтобы интегрирующие дисциплины преподавались на современном уровне – с разбором содержательных кейсов, выполнением творческих заданий, проведением коллективных обсуждений и дискуссий, т.е. с максимальным вовлечением учащихся.

Этическая составляющая играет важнейшую роль в деятельности государственных служащих. Несмотря на развитие новых технологий, методов работы с данными (Data Science, Big Data и др.), средств поддержки решений (decision support) и т.п., многократно усиливающих возможности управления, не следует забывать, что публичное управление имеет ценностную основу и является (и остается) деятельностью этической по преимуществу.

Многим работникам в области публичного управления часто приходится разрешать сложные этические коллизии (подобно тому, как это делает врач в повседневной работе, что, в некотором смысле, сближает медицинскую этику и этику государственной службы).

В этой связи сегодня издается немало специальных работ по этике государственной службы, в том числе руководства по решению этических проблем [5], [6]. Имеется также существенный опыт внедрения и расширения курсов этики в программы подготовки государственных служащих [7].

Разумеется, значение этики не снижается в современных условиях, однако имеется риск смещения в общей структуре учебных программ (а также смещения внимания организаторов образовательных курсов) в сторону передовых (технических) знаний и навыков.

Кроме того, работники сферы публичного управления призваны защищать важнейшие политические ценности общества (демократия, права человека, верховенство закона и др.). Как подчеркивают известные исследователи Дж. и Р. Денхардты, гражданская служба – это продолжение гражданства. Авторы связывают этическую идентичность администраторов с принципами демократической гражданственности и указывают на то, что такая связь влечет принятие администраторами особых ролей и обязанностей [8, p. 53–56].

Стоит вспомнить также, что крупнейший специалист в области образования для Public Administration Д. Уолдо (D. Waldo) (который сам преподавал почти четыре десятилетия

тилетия) полагал, что в центре изучения публичного администрирования и политики должны быть этика и ценности, и кроме того, – в учебных программах должно уделяться больше внимания праву и истории.

С его точки зрения, основной целью учебных программ подготовки к государственной службе должно быть обучение студентов гражданству и демократии [9]. (Разумеется, учебные программы включают также множество прикладных предметов, и сам Д. Уолдо руководил процессом экспертной оценки таких программ, который позже трансформировался в аккредитацию курсов МРА – Master of Public Administration) [10].

Таким образом, формирование в процессе получения образования целостного, основанного на ценностях, мировоззрения у будущих государственных служащих, становится важнейшей задачей в ситуации все более усложняющейся и изменяющейся деятельности института публичного управления. И, как отмечалось выше, значительную нагрузку здесь (при возрастающей дифференциации и специализации преподаваемых предметов) несут именно интегрирующие дисциплины.

В целом же следует отметить, что в настоящее время значительно возросла необходимость в хорошо обоснованном планировании системы образования для государственных служащих в соответствии с настоящими и будущими потребностями общества и публичного управления.

В частности, тщательному рассмотрению и обсуждению должны быть подвергнуты примерно следующие вопросы. Каковы основные цели системы образования будущих специалистов? На чем она должна быть сфокусирована в первую очередь? Как должны быть расставлены ее приоритеты? И, конечно, постоянным остается вопрос о том, какие знания, навыки, установки, ценности система образования должна передавать учащимся?

Подводя итог, можно сказать, что система образования для государственных служащих должна достичь определенного *баланса*. Это означает, что, с одной стороны, система образования должна реагировать на новейшие тенденции, в том числе на технологические изменения, на развитие специальных областей (статистики, прикладной математики, методов принятия решений, технологий искусственного интеллекта и др.), что должно выражаться в обновлении учебных курсов, включении в программы новых передовых дисциплин и т.п.

С другой стороны, система образования в идеале должна хранить (и воспроизводить) некое ценностное ядро профессии, ее инвариант (вне преходящих идеологий вроде нового государственного менеджмента), а также должна быть ориентирована на устойчивые ценности общества (демократия, защита прав человека, справедливость и др.).

Литература

1. The State of Public Administration: Issues, Challenges and Opportunities / Menzel D.C, White H.L. (eds). Routledge, 2015
2. Gerton T., Mitchell J.P. Grand challenges in public administration: Implications for public service education, training, and research. Journal of Public Affairs Education, 2019, 25:4, 435–440
3. Dunne D., Martin Roger. Design thinking and how it will change management education. Academy of Management Learning and Education, 2006, 5 (4): 512–523
4. Elmore R.F. Teaching, learning, and education for the public service. Journal of Policy Analysis and Management, John Wiley & Sons, Ltd., 1991, vol. 10(2), 167–180.

5. Lewis C. W., Gilman S.C. The Ethics Challenge in Public Service: A Problem-Solving Guide. Jossey-Bass, 2005
6. Menzel D.C. Ethics Moments in Government: Cases and Controversies (ASPA Series in Public Administration and Public Policy). Routledge, 2017
7. Teaching ethics and values in public administration programs: innovations, strategies, and issues / Bowman J.S., Menzel D.C. State University of New York Press, 1998
8. Denhardt J. V., Denhardt R.B. The New Public Service: Serving, Not Steering. M.E. Sharpe, 2007
9. Waldo D. Values in the Political Science Curriculum // Roland Y. (ed.). Approaches to the Study of Politics. Evanston, 111.: Northwestern University Press, 1958
10. Frederickson H.G. Dwight Waldo and Education for Public Administration. Journal of Public Affairs Education, 1999. Vol. 5, N. 1, pp. 5–11

THE EDUCATION SYSTEM FOR CIVIL SERVANTS: THE PROBLEMS OF PREPARING SPECIALISTS TO WORK IN DIFFICULT MODERN CONDITIONS

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA St. Petersburg)

The activities of civil servants in modern conditions are becoming increasingly complex, which is due to many circumstances. Of particular importance is the digitalization of governance, which requires new specific skills from administrators. The article is devoted to the problems of training civil servants in the system of vocational education. It is noted that educational programs should have quite relevant content, convey the most up-to-date knowledge. In addition, the education system should develop skills to work in conditions of complexity and uncertainty, including skills of creative thinking and making non-standard decisions. The most important task of the education system is the formation of a holistic professional worldview, which is based on the value foundations of public service. This task is primarily intended to be solved by the so-called integrating disciplines (ethics, history of public administration, etc.). In general, the curricula should achieve a balance between new and fundamental (integrating) disciplines.

Keywords: public administration, education system, education for civil servants, problems of education, fundamentals of public service

References

1. The State of Public Administration: Issues, Challenges and Opportunities / Menzel D.C, White H.L. (eds). Routledge, 2015
2. Gerton T., Mitchell J.P. Grand challenges in public administration: Implications for public service education, training, and research. Journal of Public Affairs Education, 2019, 25:4, 435–440
3. Dunne D., Martin Roger. Design thinking and how it will change management education. Academy of Management Learning and Education, 2006, 5 (4): 512–523
4. Elmore R.F. Teaching, learning, and education for the public service. Journal of Policy Analysis and Management, John Wiley & Sons, Ltd., 1991, vol. 10(2), 167–180.
5. Lewis C. W., Gilman S.C. The Ethics Challenge in Public Service: A Problem-Solving Guide. Jossey-Bass, 2005
6. Menzel D.C. Ethics Moments in Government: Cases and Controversies (ASPA Series in Public Administration and Public Policy). Routledge, 2017
7. Teaching ethics and values in public administration programs: innovations, strategies, and issues / Bowman J.S., Menzel D.C. State University of New York Press, 1998
8. Denhardt J. V., Denhardt R.B. The New Public Service: Serving, Not Steering. M.E. Sharpe, 2007
9. Waldo D. Values in the Political Science Curriculum // Roland Y. (ed.). Approaches to the Study of Politics. Evanston, 111.: Northwestern University Press, 1958
10. Frederickson H.G. Dwight Waldo and Education for Public Administration. Journal of Public Affairs Education, 1999. Vol. 5, N. 1, pp. 5–11

Внешняя политика Франции на постсоветском пространстве в период с 1991 по 2000 гг.

Ароян Эмиль Каренович,

магистр, кафедра зарубежного регионоведения и внешней политики, «Анализ и экспертное комментирование международных процессов» Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: emil_712@bk.ru

В статье рассмотрен исторический этап 1990–2000 гг. – период дезинтеграции единого политического и экономического пространства – СССР в контексте внешней политики Франции. Выявлены специфические черты внешнеполитических стратегий Франции. Сделан вывод о стремлении французских дипломатов, политиков и предпринимателей к построению отношений с государством-правопреемником СССР – Россией, а также с другими странами постсоветского пространства. Обозначено несколько направлений внешней политики Франции со странами бывшего СССР: (1) российское направление; (2) балтийское направление (Эстония, Литва, Латвия); (3) восточноевропейское направление (Украина, Беларусь, Молдова); (4) закавказское направление (Грузия, Армения, Азербайджан); (5) центральноазиатское направление (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан). Представлены умозаключения о мотивах и предпосылках Франции к сотрудничеству с бывшими республиками СССР.

Ключевые слова: Франция, внешняя политика, Европейский Союз, СССР, постсоветское пространство, Закавказье, Восточная Европа, Центральная Азия, Прибалтика.

Для Франции внешняя политика всегда играла существенную роль. Во многом именно внешнеполитические и внешнеэкономические интересы Франции детерминировали внутривнутриполитический вектор ее развития. С самого начала формирования Пятой Республики (1958 г.) Франция стала декларировать амбициозные цели по наращиванию могущества на международной арене. Несмотря на вариативность французской политики последующих десятилетий, эти политические амбиции всегда можно было усмотреть во внешнеполитических стратегиях этой страны [5, с. 36].

На протяжении длительного времени Франция придерживалась экспансионистской концепции внешней политики, позиционируя себя в качестве колониальной державы. Колониальные внешнеполитические стратегии на разных исторических этапах были успешно реализованы такими правителями, как кардинал Ришелье, Людовик XIV и Наполеон Бонапарт, которым удалось существенно расширить территорию и сферу геополитического влияния Франции. Тем не менее, к концу XIX в. колониализм стал все чаще получать отрицательную оценку как со стороны представителей политических элит, так и со стороны массовой общественности. Ко второй половине XX в. большая часть французских колоний обрела независимость, а французская политика стала развиваться уже в рамках т.н. неоколониализма – сохранения влияния на бывшие колонии при наделении их суверенитетом. Колониализм так долго определял геополитические решения французских политиков, что его индикаторы можно проследить во внешней политике Франции на современном этапе. Тем не менее, де юре Франция отошла от идеи о построении колониальной империи, стремясь при этом сохранить прежние «зоны влияния» и обрести новые [5, с. 37]. Так, в частности, пришедший к власти в 1995 г. Ж. Ширак заявил, что Франция должна оставаться в авангарде мировой политики и экономики, сохраняя роль одного из мировых лидеров в условиях формирования новой геополитической картины и сохранить мировую роль Франции в новых геополитических условиях [4, с. 88]. И.Ф. Миттерен, и Ж. Ширак и последующие лидеры страны неоднократно указывали, что Франция будет стремиться ко многовекторности во внешней политике и, таким образом, присутствовать во всех регионах мира.

В 1991 г. одна из доминирующих геополитических сил – СССР – подверглась деструкции, вызванной тяжелым внутренним кризисом политического и социально-экономического характера. В результате на мировой карте возникло 15 новых государств, что, безусловно, привлекло внимание лидеров других стран и обусловило поиск стратегий сотрудничества с новыми участниками политической игры. Франция, как и другие страны Европы, также столкнулась с задачей определения внешнеполитических векторов в отношении стран, ранее входивших в состав СССР.

В задачи французских дипломатов, политиков и предпринимателей входило не только построение отношений с государством-правопреемником СССР – Россией,

но и с другими странами постсоветского пространства. Дезинтеграция единого политического и экономического пространства, произошедшая в 1991 г., привела Францию к необходимости учета как общей ситуации на территории бывшей сверхдержавы, так и специфических черт конкретных стран, ранее входивших в Советский Союз [8, с. 86].

Рассматривая события и тенденции, наметившиеся во внешней политике Франции с 1991 г. по 2000 г., следует также учитывать и более широкий геополитический аспект. Речь идет о дискуссиях на тему расширения Европейского Союза, о критериях, на основании которых страны могли быть приняты в эту институциональную структуру, о пределах и о будущем Союза в целом. Смена политических режимов, произошедшая во многих странах Европы «социалистического блока», привела к тому, что желание вступить в Европейский Союз выразило 12 стран (1993 г.). Встал вопрос о том, рассматривать ли в качестве потенциальных кандидатов те государства, которые ранее входили в состав СССР [13, с. 462].

Анализируя внешнеполитические меры, заявления, официальные документы и в целом политику Франции в рассматриваемый нами период, можно прийти к выводу о наличии нескольких условных направлений внешней политики: (1) российское направление; (2) балтийское направление (Эстония, Литва, Латвия); (3) восточноевропейское направление (Украина, Беларусь, Молдова); (4) закавказское направление (Грузия, Армения, Азербайджан); (5) центральноазиатское направление (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан, Таджикистан) [8, с. 88]. Тогда как российский вектор французской внешней политики уже достаточно детально представлен в русскоязычном научном массиве [3, 5, 7, 10 и др.], остальные направления все еще требуют дальнейшей проработки.

Балтийский вектор внешней политики Франции с 1991 по 2000 гг. Еще до распада СССР Франция усматривала некие центробежные тенденции, особенно отчетливо проявлявшиеся в Прибалтийском регионе, и выражала интерес к сотрудничеству с Литвой, Латвией и Эстонией – в том числе и с перспективой их вступления в Европейский Союз (ЕС). В данной связи уже в августе 1991 г. Франция установила дипломатические отношения с этими странами, пригласив их представителей на заседание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в Брюсселе. В ходе заседания в адрес прибалтийских лидеров были высказаны рекомендации по вступлению в международные организации – Совет Европы, ОБСЕ и ООН и др. – на правах независимых государств. Таким образом Франция, наряду с другими странами ЕС, выразила свою позицию в отношении признания Литвы, Латвии и Эстонии независимыми государствами. Страны Балтии, в свою очередь, отчетливо заявили о проевропейском политическом курсе, что впоследствии, в 2004 г., привело к их вступлению в НАТО и ЕС. Следует отметить, что как и в случае с Прибалтикой, в отношениях с другими бывшими республиками СССР Франция во многом координировала свою внешнюю политику с ЕС [8, с. 87]. Тем не менее, в балтийском направлении политика Франции в большей степени оказалась интегрирована в общеевропейскую.

Восточноевропейское направление внешней политики Франции в 1990–2000 гг. Дипломатические отношения с тремя странами (Беларусь, Молдова, Украина) были установлены в начале 1992 г. Франция довольно быстро признала суверенитет Беларуси, Молдовы и Украины, но, тем не менее, сотрудничество с этими странами в рассматриваемый нами период не отлича-

лось интенсивностью: во многом внешнеполитический диалог находился в тени французско-российских отношений. Политический курс, избранный Ф. Миттераном и последующем – Ж. Шираком, во многом игнорировал страны Восточной Европы.

Тем не менее, на данном этапе постепенно формировались институциональные и правовые рамки дипломатических отношений: в период с 1992 по 1996 гг. Франция подписала двусторонние договоры с Беларусью, Молдовой и Украиной, ставшие основой дальнейшего сотрудничества. Речь идет о договоре о согласии и сотрудничестве с Украиной от 1992 г., договоре о согласии, дружбе и сотрудничестве с Молдавией от 1993 г. и договоре о взаимопонимании и сотрудничестве с Беларусью от 1996 г.

В последующем ключевым условием сотрудничества Франции со странами Восточной Европы стал разворачивающийся энергодиалог Европы и России, начавшийся в 2000 г. Франция принимала активное участие в продвижении демократизации стран региона, поощряя проевропейские политические силы и гуманитарные организации. При этом, по мнению специалистов, в развитии политических отношений между Беларусью и Францией можно отметить два этапа: 1991–1996 гг. – формирование и наращивание положительной динамики политических, культурных и экономических отношений и 1996–2000 г. – резкое снижение интенсивности белорусско-французских связей, свертывание политических контактов. Франция высказывала несогласие с усилением президентской власти в Беларуси и заняла достаточно жесткую позицию в отношении политических элит страны. Более того, следуя общеевропейской тенденции, Франция приостановила сотрудничество с Беларусью, регулярно высказывая критику в адрес режима А. Лукашенко.

Отношения Украины и Франции на протяжении изучаемого периода были не раз осложнены эскалацией отношений Украины и России. При этом Франция после распада СССР поддержала идею о предоставлении гарантии безопасности и целостности Украины, в 1994 г. подписав, наряду с Великобританией, Россией и Китаем, меморандум о гарантиях безопасности Украины. В тот же день их примеру последовали Франция и Китай. В результате советские ядерные боеголовки, расположенные на территории Украины, были вывезены в Россию к 1996 г., а ракетоносители и токсичное топливо уничтожены до 2000 г. [2].

Можно отметить, что политика Франции в отношении Молдовы в большей степени была сфокусирована на социально-культурном и гуманитарном векторе взаимодействия. В 1992 г. был учрежден Французский Альянс в Молдове (L'Alliance Française de Moldavie), под руководством которого проводятся культурные, художественные и языковые мероприятия [10, с. 58]. В 1998 г. Молдова вступила в Международную организацию франкофонии, и с этих пор Франция регулярно направляет усилия на поддержку и дальнейшее укрепление французского языка в республике. Кроме того, французская политика в Молдове направлена на обучение политических элит, формирование гражданского общества и стабилизацию функционирования государственных институтов. Можно также отметить переговоры по вопросу Приднестровья, начавшиеся в 1997 г. при посредничестве России, Украины и ОБСЕ [8, с. 92].

Внешние связи Франции с Грузией, Арменией и Азербайджаном после распада СССР. Рост интереса к республикам Южного Кавказа со стороны Франции начался еще до распада СССР. Первым импульсом к смещению фокуса внешнеполитического внимания Франции к Закавказью стали этнические конфлик-

ты в закавказских республиках и эскалация конфликта в Нагорном Карабахе – в частности [11, с. 126].

После распада Советского Союза Закавказье стало интересовать многих региональных (Россия, Иран, Турция) и внерегиональных акторов (США, ЕС, НАТО, Китай, страны Центральной Азии, страны Арабского Востока). Интерес был во многом обусловлен обширной акваторией и ресурсами Черного и Каспийского морей, а также соображениями транзита энергоресурсов в Европу [11, с. 126].

В отношениях со странами Закавказья Франция исходила из общеевропейских политик: так, в 1994–1995 гг. Комиссией ЕС был представлен документ «Отношения с Закавказскими республиками» – стратегия Европейского Союза», где декларировалась общность стратегии сотрудничества с бывшими советскими республиками. В 1996 г. со всеми государствами Южного Кавказа было заключено единое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, вступившее в силу в 1999 г. [11, с. 127].

Франция стала второй страной, официально признавшей суверенитет Азербайджана в 1991 г. (после Турции). По мнению политологов, ценность поддержания внешнеполитических связей с Азербайджаном объясняется в первую очередь наличие значительных запасов углеводородного сырья. Франция, как Евросоюз в целом, декларирует стремление налаживать связи с Азербайджаном как источником энергоресурсов и страной, по территории которой проходит транзит данных ресурсов. Кроме того, Франция принимает участие в обучении азербайджанских чиновников и журналистов; схожая политика проводится и в Грузии [8, с. 96].

Франция поддержала политический вектор, выбранный Грузией после распада СССР: Грузии удалось достигнуть политического плюрализма, сформировать многопартийную систему, ввести в парламент представителей оппозиционных сил, обеспечить независимость СМИ. В 1995 г. была утверждена новая версия Конституции, в рамках которой была зафиксирован баланс между президентско-исполнительной и законодательной властью в стране. Эти и другие меры существенно сблизили политические концепции Грузии и Европы, что, собственно, и обусловило формирование положительной динамики сотрудничества Франции с этой страной [9, с. 62].

Тем не менее, развитие Грузии было осложнено зависимостью от российского энергетического рынка. Для формирования национальной и относительно автономной энергетической системы правительству требовались крупные инвестиции, тогда как в 1990-е гг. в стране наблюдалась резкая экономическая стагнация. Франция, наряду с США, Великобританией, Норвегией, Германией и другими странами стала одним из основных инвесторов в энергетику Грузии [9, с. 63].

Тогда как отношения с Азербайджаном и Грузии развивались более динамично, после распада СССР Армения не входила в перечень геополитических интересов Франции. Кроме того, долгое время Армения, по причине сложных отношений с соседними странами и параллельным укреплением сотрудничества с Россией, не проявляла инициатив по наращиванию динамики внешних связей со странами Европы.

Центральноазиатское направление французской внешней политики в постсоветский период. Центральноазиатское направление во французской внешней политике отличалось схожестью стратегий и мероприятий, проводимых во всех странах региона (речь идет об Узбекистане, Туркменистане, Киргизстане, Таджикистане, и в меньшей степени – о Казахстане). В 1992 г. Франция установила дипломатические отношения со всеми

вышеперечисленными республиками. В период с 1992 по 1994 г. были учреждены консульства Франции в Ашхабаде, Бишкеке и Душанбе, позже реорганизованные в посольства. Тем не менее, едва ли можно констатировать наличие тесных и регулярных связей со странами Центральной Азии, причиной чего можно считать отсутствие значимых интересов для Франции.

В 1994 г. Великобритания как ядерное государство в обмен на отказ от ядерного оружия предоставила Казахстану гарантии безопасности, позже аналогичную меру приняла Франция. После «разоружения» Казахстана интересы ведущих стран ЕС в Центральной Азии существенно ослабли.

Изначально Франция декларировала весьма амбициозные планы в отношении стран Центральной Азии. В середине 1993 г. Франция сформулировала курс на укрепление отношений с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном – наиболее перспективными с экономической и политической точек зрения странами региона. Впоследствии, при формировании конкретных региональных политик эти амбиции уже не транслировались, что существенно ослабило интерес бывших республик к французским партнерам [12, с. 61].

К 1994–1995 гг. Центральная Азия стала интересовать Францию в большей степени, причиной чего стало стремление Европы сдерживать «неоимпериалистический» курс России в Узбекистане, Туркменистане, Киргизстане, Таджикистане и Казахстане. Под видом стратегии поддержки независимости стран Центральной Азии Европа стремилась к сокращению российского влияния в регионе. В 1993 г. президент Узбекистана и президент Туркменистана посетили Париж; в качестве ответных визитов состоялись поездки Ф. Миттерана в Ташкент и Ашхабад в 1994 г. По результатам переговоров были сделаны выводы о политическом векторе стран Центральной Азии, приняты решения об экономической помощи Туркменистану и Узбекистану, о дальнейшем укреплении экономических, военных, гуманитарных связей [12, с. 52].

Постепенно формировалась правовая основа отношений Франции со странами Центральной Азии; налаживались внешнеэкономические связи – под крупные контракты Франция выделяла государственные кредиты. Тем не менее, динамика отношений Франции с Кыргызстаном и Таджикистаном оставалась весьма слабой.

В отношении Туркменистана можно отметить следующее: Франция стала единственным государством Европейского Союза, которое выступило спонсором резолюции 1995 г. Генеральной Ассамблеи ООН о «Постоянном нейтралитете Туркменистана», а также поддержало идею о целесообразности иранского маршрута экспорта туркменского газа. В 1996 г. представители Франции и Туркменистана подписали меморандум о стратегическом партнерстве; была сформирована рабочая группа по энергоресурсам. Тем не менее, к концу 1990-х гг. французские нефтегазовые компании уступили конкурентные позиции американским и британским нефтегазовым компаниям; позднее возникли противоречия по поводу возведения транскаспийского газопровода. Эти и другие факторы обусловили резкий спад динамики отношений между Туркменистаном и Францией после 1996 г. [12, с. 62].

Несмотря на относительно слабые успехи французской дипломатии в политическом и экономическом пространстве, Франция, тем не менее, уже с 1990-х гг. внедрила множество программ сотрудничества в иных областях: с Узбекистаном – в области образования [6, с. 102]; с Казахстаном и с Кыргызстаном – в области культуры, науки и техники, в сельском хозяйстве, администрирова-

нии, в области разработки полезных ископаемых и углеводородов [1, с. 36]. Так, к примеру, в 1993 г. Ф. Миттеран совершил визит в Казахстан, в результате которого были подписаны: Соглашение о сотрудничестве в области культуры и искусства; Совместная Декларация о сотрудничестве в области науки и новых технологий; Соглашение о сотрудничестве между Национальной академией наук Казахстана и Национальным центром научных исследований Франции; Протокол о сотрудничестве между министерствами иностранных дел двух стран [10, с. 59].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Достаточно долго Франция придерживалась экспансионистской концепции внешней политики, свойственной колониальной державе. Тем не менее, во второй половине XX в. большая часть французских колоний обрела независимость, и французская внешнеполитическая стратегия стала развиваться уже в рамках неокOLONИализма – сохранения влияния на бывшие колонии при наделении их суверенитетом. Несмотря на то, что Франция более не стремилась к построению колониальной империи, она все еще стремилась сохранить прежние «зоны влияния» и обрести новые. Французские лидеры неоднократно декларировали приверженность идее многовекторности во внешней политике и расширения присутствия во всех регионах мира.
- В 1991 г. произошел распад СССР, в результате чего образовалось 15 новых государств, что привлекло внимание лидеров стран Европейского Союза. Францией столкнулась с задачей определения внешнеполитических векторов в отношении стран, ранее входивших в состав СССР.
- Анализ политики Франции в рассматриваемый нами период позволяет прийти к выводу о наличии следующих направлений внешней политики: (1) российское направление; (2) балтийское направление (Эстония, Литва, Латвия); (3) восточноевропейское направление (Украина, Беларусь, Молдова); (4) закавказское направление (Грузия, Армения, Азербайджан); (5) центральноазиатское направление (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан, Таджикистан).
- Франция довольно быстро признала суверенитет новых республик и уже с начала 1990-х гг. начала формировать правовые и институциональные рамки будущих отношений. Тем не менее, отношения с бывшими советскими республиками в целом не отличались интенсивностью. Долгое время внешнеполитический диалог находился в тени франко-русских отношений. Интерес Франции к странам бывшего СССР был обусловлен: энергоресурсами, расположенными на территории бывшего СССР, вопросом о транзите этих энергоресурсов, оказанием поддержки в построении стабильных государственных институтов новых республик, актуальностью социально-культурного сотрудничества.

Литература

1. Ашуров, А.М. Формирование политико-дипломатических отношений государств Центральной Азии с Францией после распада советского союза / А.М. Ашуров, М.С. Султонова // Вестник Педагогического университета. – 2022. – № 3 (98). – С. 335–340.
2. Внешняя политика Украины в 1990–2010 гг. (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.

5, История: Информационно-аналитический журнал. – 2011. – № 2. – С. 105–116.

3. Головина, Е.Е. Межгосударственные отношения России и Франции: политико-экономический аспект / Е.Е. Головина, О.И. Мартынова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1 (62). – С. 85–96.
4. Жуков, А.Д. Внешнеполитическая стратегия пятой республики: робкий поворот к большой Евразии / А.Д. Жуков, М.М. Шумилов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1 (31). – С. 84–93.
5. Леонтьева, О.А. Концептуальные основы внешней политики Франции в период Пятой Республики / О.А. Леонтьева // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 2 (19). – С. 36–41.
6. Махмасобирова, Ю. Особенности Узбекско-Французского торгово-экономического сотрудничества / Ю. Махмасобирова // ОИИ. – 2021. – № 4/S. – С. 101–107.
7. Пупыкин, Н. И. «Привилегированные» отношения с Москвой во внешней политике Ж. Ширака (1995–2002) / Н.И. Пупыкин // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 3. – С. 58–63.
8. Тимофеев, П.П. Политика Франции на постсоветском пространстве / П.П. Тимофеев // Современная Европа. – 2013. – № 2 (54). – С. 86–100.
9. Турарбекова, Р. Становление внешней политики Грузии: ключевые факторы (1991–2003 гг.) / Р. Турарбекова, А. Каличава // Журнал международного права и международных отношений. – 2019. – № 3–4 (90–91). – С. 60–68.
10. Шевченко, Я.Н. Внешняя культурная политика Франции на постсоветском пространстве / Я.Н. Шевченко // Международные гуманитарные связи: материалы заочных сессий ежеквартальной студенческой научной конференции: Материалы десятой заочной сессии (1–9 декабря 2015 года). – Том X. – Великий Новгород, 2015. – С. 57–65.
11. Юматов, К.В. Эволюция политики Европейского союза на Южном Кавказе / К. В. Юматов // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2012. – № 1 (17). – С. 126–131.
12. Юн, С.М. Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии / С.М. Юн // Сравнительная политика. – 2011. – № 4 (6). – С. 50–64.
13. Lane, D. Post-Communist States and the European Union / D. Lane // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 2007. – #23:4. – С. 461–477.

FRENCH FOREIGN POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE IN THE PERIOD FROM 1991 TO 2000.

Aroyan E.K.

Russian State Humanitarian University

The article examines the historical stage of 1990–2000. – the period after the disintegration of a single political and economic space – the USSR. The specific features and evolution of French foreign policy strategies are revealed. A conclusion is drawn about the desire of French diplomats, politicians and entrepreneurs to build relations with the successor state of the USSR – Russia, but also with other countries of the post-Soviet space. Several conditional directions of French foreign policy with the countries of the former USSR are outlined: (1) Russian direction; (2) Baltic direction (Estonia, Lithuania, Latvia); (3) Eastern European direction (Ukraine, Belarus, Moldova); (4) Transcaucasian direction (Georgia, Armenia, Azerbaijan); (5) Central Asian direction (Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, Tajikistan). Conclusions about the motives and prerequisites of France for cooperation with the former republics of the USSR are presented.

Keywords: France, foreign policy, European Union, USSR, post-soviet space, transcaucasus, Eastern Europe, Central Asia, Baltica.

References

1. Ashurov, A.M. Formation of political and diplomatic relations between the states of Central Asia and France after the collapse of the Soviet Union / A.M. Ashurov, M.S. Sultonova // *Bulletin of the Pedagogical University*. – 2022. – No. 3 (98). – pp. 335–340.
2. Foreign policy of Ukraine in 1990–2010. (abstract review) // *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 5, History: Information and analytical magazine*. – 2011. – No. 2. – pp. 105–116.
3. Golovina, E.E. Interstate relations between Russia and France: political and economic aspect / E.E. Golovina, O.I. Martynova // *Caspian region: politics, economics, culture*. – 2020. – No. 1 (62). – pp. 85–96.
4. Zhukov, A.D. Foreign policy strategy of the fifth republic: a timid turn towards greater Eurasia / A.D. Zhukov, M.M. Shumilov // *Eurasian integration: economics, law, politics*. – 2020. – No. 1 (31). – pp. 84–93.
5. Leontyeva, O.A. Conceptual foundations of French foreign policy during the Fifth Republic / O.A. Leontyeva // *Tauride Scientific Observer*. – 2017. – No. 2 (19). – P. 36–41.
6. Makhmasobirova, Y. Features of Uzbek-French trade and economic cooperation / Y. Makhmasobirova // *Oil*. – 2021. – No. 4/S. – pp. 101–107.
7. Pupykin, N. I. “Privileged” relations with Moscow in the foreign policy of J. Chirac (1995–2002) / N.I. Pupykin // *Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences*. – 2008. – No. 3. – pp. 58–63.
8. Timofeev, P.P. Policy of France in the post-Soviet space / P.P. Timofeev // *Modern Europe*. – 2013. – No. 2 (54). – P. 86–100.
9. Turarbekova, R. The formation of Georgia’s foreign policy: key factors (1991–2003) / R. Turarbekova, A. Kalichava // *Journal of International Law and International Relations*. – 2019. – No. 3–4 (90–91). – P. 60–68.
10. Shevchenko, Y.N. Foreign cultural policy of France in the post-Soviet space / Y.N. Shevchenko // *International humanitarian connections: materials of correspondence sessions of the quarterly student scientific conference: Materials of the tenth correspondence session (December 1–9, 2015)*. – Volume X. – Veliky Novgorod, 2015. – P. 57–65.
11. Yumatov, K.V. Evolution of the policy of the European Union in the South Caucasus / K. V Yumatov // *Vestn. Volume. state un-ta. Story*. – 2012. – No. 1 (17). – pp. 126–131.
12. Yun, S.M. Comparative analysis of the policies of Germany, Great Britain and France in Central Asia / S.M. Yun // *Comparative Politics*. – 2011. – No. 4 (6). – P. 50–64.
13. Lane, D. Post-Communist States and the European Union / D. Lane // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. – 2007. – #23:4. – pp. 461–477.

Влияние исторического контекста на конституционное развитие Италии на современном этапе

Жегалова Ульяна Алексеевна,
магистр РГГУ
E-mail: zhegalova.u@mail.ru

18 июня 2024 года Сенат Италии одобрил законопроект о конституционной реформе, направленный на введение «премьерства», то есть на усиление полномочий премьер-министра и установление «прямых выборов». Стоит сказать, что конституционная реформа является одним из актуальнейших вопросов для итальянского правительства, во главе которого находится лидер национал-консервативной партии «Братья Италии» Джорджа Мелони. Цель данной статьи – рассмотреть, как исторический контекст влияет на политический процесс, поскольку изучение конституционного развития Италии позволяет проследить эволюцию демократических институтов, оценить их эффективность и выявить особенности итальянской модели конституционализма.

Ключевые слова: конституция, Италия, реформы.

Введение

Италия – одна из старейших демократий мира. За это время в стране сменилось несколько конституций, отражающих изменения в политической, экономической и социальной жизни общества. Актуальность темы обусловлена тем, что Италия является одним из ключевых игроков на мировой арене, а её опыт конституционного строительства может быть полезен для других стран, стремящихся к укреплению демократии и защите прав человека. Кроме того, изучение конституционного развития помогает лучше понять историю и культуру Италии, а также её роль в формировании европейской идентичности.

Целью данной статьи является анализ основных этапов и особенностей конституционного развития Италии и как в XXI происходит дальнейшее развитие норм Конституции. В статье используются методы исторического и системного анализа, а также метод изучения документов. Источниками информации являются тексты Конституций Италии разных лет, научные публикации, статистические данные и другие материалы.

Результаты исследования могут быть полезны для учёных, студентов, преподавателей и всех, кто интересуется историей и конституционным правом. Они позволяют лучше понять специфику итальянского конституционализма и его вклад в развитие европейской демократии.

История и основные особенности конституционного строительства в Италии

Путь формирования Конституции в Италии был достаточно длительным, поскольку Италия считается первой европейской страной, в которой конституционные институты прошли через монархию и её крах, фашистскую диктатуру и принятие уже антифашистской Конституции в 1946 году.

2 июня 1946 года в Италии прошел общенациональный референдум, а 18 июня 1946 года была создана Первая Республика. 22 декабря 1947 года Учредительное собрание утвердило Конституцию, которая вступила в силу с 1 января 1948 года. Таким образом, в 1940-х годах в Италии была заложена политико-правовая основа, которая действует в стране до сих пор.

После Учредительного собрания была назначена комиссия, состоящая из 75 членов, для разработки новой демократической конституции. Комиссия делилась на три подкомиссии: права и обязанности граждан, конституционное устройство государства и экономические и социальные отношения [Onida, Gorlero 2011, с. 11]. Процесс принятия Конституции был осложнен столкновением различных антифашистских сил, вышедших на партийно-политическую арену после Второй мировой войны [Астахова 2014, с. 48]. Несмотря на многие разногласия между сторонами о целях итальянского правительства и общества, они смогли прийти к общему соглашению. Конституция Италии стала компромиссом, достигнутым между партиями, стремившимися включить те нормы, которые устраивали бы всех.

Новое итальянское правительство понимая, что страна шла долгое время в фарватере фашистской диктату-

ры и сотрудничества с нацистским режимом, указало в новом Статуте, что внутренний порядок страны не противоречит принципам международного права, Италия отказывалась от войны как посягательства на свободу других наций и средства разрешения международных споров [Астахова 2014, с. 49].

Еще одним важным моментом является тот факт, что внутри Италии находится суверенное католическое государство – Ватикан. Было принято решение, что ст. 7 Конституции сохранит положения Латеранский Пактов 1929 года, которые в свое время урегулировали порядок двусторонних отношений между Святым Престолом и Итальянским Королевством [The Constitution of the Italian Republic...].

Вдобавок к самой Конституции был принят ряд дополнительных законов: закон о печати, закон о выборах и статуты четырех из пяти автономных областей (Фриули-Венеция-Джулия, Сардиния, Трентино-Альто-Адидже и Валле-д'Аоста). Остальные итальянские институты продолжали формироваться уже в ходе работы Первой Республики [Onida, Gorlero 2011, с. 17]. В частности, Конституционный суд окончательно был оформлен только в 1957 года, а Высший совет магистратуры в 1958 году [LEGGE COSTITUZIONALE...].

В 1970 году на волне протестного движения в Италии необходимо было ввести в Конституцию закон, который был регулировал бы институт референдума.

Стоит сказать, что Конституция Италии считается одним из наиболее демократичных Статутов в современном мире. Особенностью является отсутствие преамбулы, а все юридические и морально-правовые нормы содержатся в самом тексте. Демократический характер Конституции также подтверждает тот факт, что большая часть текста посвящена вопросу прав и свобод человека. Это был первый случай в Европе, когда почти 40% текста было посвящено именно этому [Авакьян 2008, с. 23]. О таком расширении раздела о правах настаивал итальянский политик и юрист Джорджо Ла Пира, который говорил, что для полного развития человеческой личности, к которому должна была стремиться итальянская Конституция, необходимо не только утвердить индивидуальные права, не только утвердить социальные права, но и подтвердить существование прав промежуточных сообществ – от семьи до международного сообщества [CAMERA DEI DEPUTATI...].

Конституция Италии также отличается своей стабильностью, поскольку процесс внесения правок достаточно жёсткий. За время существования Конституции с 1947 года было внесено всего 10 поправок.

Особенности конституционных норм в Италии

Что касается организационной структуры, то Италия, согласно Конституции, является парламентской республикой, где президент назначает председателя Совета Министров (премьер-министра) и состав кабинета министров [Авакьян 2008, с. 17]. В свою очередь, ст. 49 предусматривает, что центральную роль в Правительстве играют политические партии [The Constitution of the Italian Republic...]. Ст. 94 подразумевает, что Правительство должно получить вотум доверия двух палат Парламента для начала своей работы [The Constitution of the Italian Republic...]. Таким образом, политический расклад сил в Парламенте играет важную роль при формировании того или иного правительства.

Особенностью итальянской Конституции является то, что президент Республики считается реальным гарантом ее осуществления, поскольку он находится на вершине гос. аппарата, но при этом не имеет права осуществлять

исполнительную власть. Таким образом, Президент находится на правильном расстоянии от Правительства. Самым важным правом Президента является возможность роспуска Парламента согласно ст. 88, так как, имея посредническое положение между разными ветвями власти, он может сохранять более уравновешенную позицию [The Constitution of the Italian Republic...]. То есть Президент Италии в отличие от своих коллег в США, Франции, РФ и др. играет важную роль с точки зрения контроля конституционных отношений, выступая в роли ментора Конституции.

Важной чертой также является роль «народного вето» согласно ст. 75 [The Constitution of the Italian Republic...]. По числу проведенных референдумов после образования Первой Республики в 1946 году Италия уступает только Швейцарии.

Влияние норм конституции на формирование институтов государственной власти в Италии

Италия – страна, для которой характерна «правительственная чехарда» из-за большого количества политических кризисов. Согласно ст. 94 итальянское правительство может официально уйти в отставку после вынесения вотума недоверия парламентом, однако в Италии есть такое явление как «внепарламентский правительственный кризис» [The Constitution of the Italian Republic...]. Это означает, что правительство может уйти в отставку, когда правящая коалиция не видит поддержки большинства среди парламентариев и народа.

Однако 1990-е годы стали беспрецедентным временем для итальянской Конституции, поскольку политический кризис достиг своего пика, и появилась явная необходимость реформирования Статута [Астахова 2014, с. 51]. На арену партийно-политической системы вновь с начала XX века вышел популизм в лице правоцентристской коалиции во главе с Сильвио Берлускони. После распада Первой Республики и образования Второй Республики образовалось новое противостояние блоков – левых и правых, которые сохранили тенденцию «чехарды кабинетов министров», сменявшие друг друга в связи с идеологическими разногласиями.

В контексте этой борьбы на арену, как свое время вышел Берлускони, также выходят авангардные силы по типу «Движения 5 Звезд» во главе с комиком-политиком Бeppe Грилло [Астахова 2014, с. 52], которому удалось прорвать эту классическую биполярность левых и правых.

Однако несмотря на все существующие противоречия между левой и правой коалициями стоит сказать, что конституционный строй остается пока что неизменным с 1947 года. Здесь возвращаемся к тому факту, что Конституция Италии – это компромисс самых разных антифашистских сил, поэтому ее положения актуальны как для правых, так и для левых.

Однако после прихода к власти правительства во главе с первой женщиной премьер-министров Италии Джорджей Мелони существующий конституционный баланс был нарушен. Одним из главных заявлений по изменениям существующего порядка стала предполагаемая конституционная реформа, которую намерена была провести министр по институциональным реформам и бывший председатель Сената Италии Мария Элизабетта Альберти-Казеллати. Согласно нововведению, итальянцы будут иметь право голосовать на выборах сразу за премьер-министра, а не за членов парламента, которые, в свою очередь, оказывают поддержку правительству и премьер-министру. Новый законопроект со-

стоит из пяти частей. Первая статья отменяет назначение пожизненных сенаторов. Этот пункт один из базовых в программах правых партий Италии. На данный момент ст. 59 Конституции гласит, что Президент может назначить пожизненными сенаторами не более пяти «граждан, прославивших Отечество высокими заслугами в общественной, научной, художественной и литературной областях» [The Constitution of the Italian Republic...]. На одной из пресс-конференций премьер-министр Джорджа Мелони сделала оговорку, что неизменным останется пункт о том, что все бывшие президенты автоматически становятся пожизненными сенаторами [Conferenza stampa...].

Вторая статья касается ст. 88 Конституции, которая подразумевает право Президента Республики распустить одну из двух палат парламента Италии. Поскольку такой возможностью не пользовался ни один глава государства, то эту норму теперь окончательно убирают.

Третья и четвертая статьи касаются ст. 92 и ст. 94 Конституции. Согласно реформе Президент больше не сможет назначать Председателя Совета, поскольку теперь итальянцы будут напрямую голосовать на премьер-министра и за обновление состава Палаты депутатов [Cos'è questo 2023...]. Президент может только поручать формирование правительства. Еще одним нововведением можно указать то, что премьер-министр должен быть исключительно парламентарием, так как на данным момент им может быть любой человек.

Как написано выше, характерной чертой итальянских правительств исторически можно считать «чехарду» и политические кризисы. Нынешняя Конституция закрепляет, что в случае краха правительственного большинства (как это было, например, с двумя правительствами Джузеппе Конте) приходится искать новое парламентское большинство. Реформа устанавливает новый механизм в таком случае. Если правительство лишилось палло, то Президент может поручить формировать новое только ушедшему в отставку премьер-министру. Таким образом, правительство Мелони хочет обезопасить свои позиции, так как в данном случае новый премьер-министр может быть избран только из числа депутатов от той же партии или коалиции большинства, что и предыдущий [Cos'è questo 2023...].

Популяризация Конституции в Италии, сохранение истории о Конституции

Что касается празднования Дня Конституции, который отмечается 8 декабря, то итальянцы по классике устраивают парады, фестивали, выставки и концерты [Праздник непорочного...]. В этот день на вершинах всех гос. учреждений вывешивается итальянский флаг – именно этот жест считается символом Дня Конституции и проявлением истинного патриотизма. Кроме этого, данный праздник это не только почитание памяти итальянской государственности, но и праздник солидарности и единства Италии. В этот день итальянцы проводят различные мероприятия, на которых можно насладиться традициями регионов, национальной кухней и уникальной культурой. В этот день музеи, галереи и церкви, где хранятся объекты итальянского наследия, работают абсолютно для всех бесплатно [Праздник непорочного...].

Интересным фактом является то, что День Конституции совпадает с днем празднования «Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии». Таким образом, этот день объединяет в себе исторические, культурные и религиозные смыслы. Для туристов это уникальный день в году

проникнутся атмосферой аутентичной Италии [Праздник непорочного...].

В 2017 году Италия отмечала 70-летие Конституции [Тараканов 2017]. В честь этого была организована выставка «Путешествие Конституции». Выставка перемещалась между 12 городами, в каждом из которых была представлена отдельная глава Статута. Таким образом, данная выставка – это было открытое пространство для всех желающих проследить историю итальянской Конституции через кадры, цитаты ключевых персонажей, аудиокomentarиев к двенадцати основным статьям под редакцией Роберто Бенини. В конце маршрута каждый посетитель смог подтвердить свою приверженность Конституции символическим актом – поставить виртуальную подпись рядом с подписью отцов-основателей [Milano 2017...].

Милан, как северная столица Италии, рассказывал о 1-й главе «Италия – демократическая Республика, основанная на труде». Милан был выбран отправной точкой, так как этот город сыграл решающую роль в Сопротивлении фашизму. На первом этапе присутствовал премьер-министр Италии Паоло Джентилони, который заявил: «Конституцию следует помнить за ее актуальность, потому что это живой текст... великая страна не может не культивировать память своих институтов» [Il Viaggio 2017...].

Рим, как столица Италии, стал седьмым этапом из двенадцати, поскольку именно ст. 7 Конституции регулирует отношения между государством и Церковью, согласно которой оба образования являются независимыми и суверенными. Помимо этих городов выставка останавливалась в Катании, Реджо-ди-Калабрии, Бари, Кальери, Аосте, Венеции, Флоренции, Триесте, Ассизи и Реджо-Эмилии. Каждый город сыграл важную роль для определенной статьи Конституции [Il Viaggio 2017...].

Организации, занимающиеся исследованиями и популяризацией Конституции Италии

В Италии также действует аналитический центр «Центр конституциональных исследований» при Университете Мачерата (Il Centro di Studi costituzionali), который занимается развитием и координацией исследовательской деятельности по тематике современного конституционализма. Деятельность Центра заключается в следующих аспектах: защита прав и свобод, структура формы правления, система источников регулирования, территориальные автономии и взаимоотношения между уровнями власти, юриспруденция Конституционного суда, правосудие, государственное управление и институциональные реформы [Il Centro di Studi...]. Центр проводит множество семинаров и конференций, сотрудничает с научно-исследовательскими органами и другими центрами, занимающимися вопросами конституционной проблематики.

Кроме того, в 2003 году на базе факультета политики, институтов и истории Болонского университета был основан «Центр конституционных исследований, культур, прав и демократий – Европа, Евразия, Средиземноморье» (Centro per gli studi costituzionali, le culture, i diritti e le democrazie – Europa, Eurasia, Mediterraneo). Основная цель Центра – проведение исследований по европейской конституционной истории и сравнение ее с культурной и политической реальностью стран Восточной Европы и Средиземноморья [Centro per gli studi...]. Центр стал также отправной точкой для курса «Цивилизации Восточной Европы и Средиземноморья» на факультете сохранения культурного наследия Болонского университета. Центр сотрудничает с издательской компанией Il

Mulino, с которой они выпускают серию «Демократия, право, конституция», направленную на продвижение исследований истории конституций стран Востока и Средиземноморья.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что процесс конституционного строительства в Италии не стоит на месте. Конституции Италии по своей сути является демократическим и антифашистским документом, который был сформирован идеологически разными политическими силами в поствоенное время. Исторический контекст принятия Конституции откладывает свой отпечаток на формулировках и на закреплённых в ней ценностях.

В Италии существуют Центры и организации, занимающиеся изучением норм Конституции, развитием новых смыслов для будущих реформ и популяризацией главного Статута среди итальянского населения.

На данный момент в Италии министерством институциональных реформ разрабатывается конституционная реформа, которая в корне может поменять существующий партийно-политический порядок.

Литература

1. CAMERA DEI DEPUTATI. PROPOSTA DI LEGGE № 2641 URL: https://web.archive.org/web/20170314005402/http://www.camera.it/leg17/995?sezione=documenti&tipoDoc=lavori_testo_pdl&idLegislatura=17&codice=17PDL0026700 (accessed 17.07.2024)
2. Centro per gli studi costituzionali, le culture, i diritti e le democrazie – Europa, Eurasia, Mediterraneo URL: <https://www.mulino.it/collaborazioni/cencode> (accessed 17.07.2024)
3. Conferenza stampa del Consiglio dei Ministri n. 57 (2023) URL: <https://www.youtube.com/live/HD6XmRpZ5FM?si=OawDAMVVqKuQIZYx>(accessed 17.07.2024)
4. Cos'è questo «premierato», e perché ne sentiremo parlare a lungo (2023) URL: <https://www.ilpost.it/2023/11/03/riforma-costituzionale-premierato-meloni-casellati/>
5. Il Centro di Studi costituzionali URL: <http://studicostituzionali.unimc.it/it> (accessed 17.07.2024)
6. LEGGE COSTITUZIONALE 11 MARZO 1953, N. 1 Norme integrative della Costituzione concernenti la Corte costituzionale URL: <https://www.parlamento.it/parlam/bicam/14/accusa/Documenti/LEGGE%20COST%2011%20MARZO%201953.pdf> (accessed 17.07.2024)
7. Milano. «Viaggio nella Costituzione»: fino al 17 settembre in mostra a Palazzo Reale, gratis» (2017) URL: <https://www.discoradio.it/milano-viaggio-nella-costituzione-fino-al-17-settembre-in-mostra-a-palazzo-reale-gratis/> (accessed 17.07.2024)
8. The Constitution of the Italian Republic URL: <https://www.governo.it/en/fundamental-principles/11825> (accessed 17.07.2024)
9. Valerio Onida, Maurizio Pedrazza Gorlero, Compendio di diritto costituzionale, Giuffrè, 2011
10. «Il Viaggio della Costituzione»: il tour di Gentiloni parte da Milano (2017) URL: <https://artemagazine.it/2017/09/13/il-viaggio-della-costituzione-parte-da-milano/>(accessed 17.07.2024)
11. Авакьян С. А. «Конституционное право зарубежных стран: лекции» – Челябинск: ЮУрГУ, 2008
12. Астахова Г.В. «Тенденции развития политической системы современной Италии и особенности итальянского конституционализма» // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2014. No 3
13. Назарбаева Д. Н. «Политическая борьба в Италии вокруг принятия республиканской Конституции 1947 года». – М., 1990.
14. Праздник непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии. Справка URL: <https://ria.ru/20101208/297403624.html> Centro di Studi costituzionali URL: <http://studicostituzionali.unimc.it/it> (accessed 17.07.2024)
15. Тараканов А. (2017) «В Италии начали отмечать 70-летие Конституции страны» URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-italii-nachali-otmechat-70-letie-konstitucii-strany.html> (accessed 17.07.2024)

THE INFLUENCE OF HISTORICAL CONTEXT ON THE CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF ITALY AT THE PRESENT STAGE

Zhegalova U.A.

Russian State University of Humanities and Sciences

On 18 June 2024 the Italian Senate approved the constitutional reform bill aimed at introducing 'premiership', i.e. to strengthen the powers of the Prime Minister and to establish 'direct elections'. It is worth saying that constitutional reform is one of the most relevant issues for the Italian government, which is headed by the leader of the national-conservative Brothers of Italy party, Giorgia Meloni. The aim of this article is to examine how the historical context influences the political process, since the study of the constitutional development of Italy allows us to trace the evolution of democratic institutions, assess their effectiveness and identify the peculiarities of the Italian model of constitutionalism.

Keywords: constitution, Italy, reforms.

References

1. CAMERA DEI DEPUTATI. PROPOSTA DI LEGGE No. 2641 URL: https://web.archive.org/web/20170314005402/http://www.camera.it/leg17/995?sezione=documenti&tipoDoc=lavori_testo_pdl&idLegislatura=17&codice=17PDL0026700 (accessed 07/17/2024)
2. Centro per gli studi costituzionali, le culture, i diritti e le democrazie – Europa, Eurasia, Mediterraneo URL: <https://www.mulino.it/collaborazioni/cencode> (accessed 07/17/2024)
3. Conferenza stampa del Consiglio dei Ministri n. 57 (2023) URL: <https://www.youtube.com/live/HD6XmRpZ5FM?si=OawDAMVVqKuQIZYx>(accessed 07.17.2024)
4. Cos'è questo «premierato», e perché ne sentiremo parlare a lungo (2023) URL: <https://www.ilpost.it/2023/11/03/riforma-costituzionale-premierato-meloni-casellati/>
5. Il Centro di Studi costituzionali URL: <http://studicostituzionali.unimc.it/it> (accessed 07/17/2024)
6. LEGGE COSTITUZIONALE 11 MARZO 1953, N. 1 Norme integrative della Costituzione concern la Corte costituzionale URL: <https://www.parlamento.it/parlam/bicam/14/accusa/Documenti/LEGGE%20COST%2011%20MARZO%201953.pdf> (accessed 07/17/2024)
7. Milano. «Viaggio nella Costituzione»: fino al 17 settembre in mostra a Palazzo Reale, gratis» (2017) URL: <https://www.discoradio.it/milano-viaggio-nella-costituzione-fino-al-17-settembre-in-mostra-a-palazzo-reale-gratis/>(accessed 07/17/2024)
8. The Constitution of the Italian Republic URL: <https://www.governo.it/en/fundamental-principles/11825> (accessed 07/17/2024)
9. Valerio Onida, Maurizio Pedrazza Gorlero, Compendio di diritto costituzionale, Giuffrè, 2011
10. «Il Viaggio della Costituzione»: il tour di Gentiloni parte da Milano (2017) URL: <https://artemagazine.it/2017/09/13/il-viaggio-della-costituzione-parte-da-milano/>(accessed 07/17/2024)
11. Avakyan S. A. «Constitutional law of foreign countries: lectures» – Chelyabinsk: SUSU, 2008
12. Astakhova G.V. «Trends in the development of the political system of modern Italy and features of Italian constitutionalism» // Vestnik VSU. Series: history, political science, sociology. 2014. No. 3
13. Nazarbayeva D. N. «Political struggle in Italy around the adoption of the Republican Constitution of 1947.» – М., 1990.
14. Feast of the Immaculate Conception of the Blessed Virgin Mary. Help URL: <https://ria.ru/20101208/297403624.html> Centro di

Studi costituzionali URL: <http://studicostituzionali.unimc.it/it> (accessed 07/17/2024)

15. Tarakanov A. (2017) "In Italy they began to celebrate the 70th anniversary of the country's Constitution" URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-italii-nachali-otmechat-70-letie-konstitucii-strany.html> (accessed 07/17/2024)

[pnp.ru/politics/v-italii-nachali-otmechat-70-letie-konstitucii-strany.html](https://www.pnp.ru/politics/v-italii-nachali-otmechat-70-letie-konstitucii-strany.html) (accessed 07/17/2024)

Проблема демократизации арабских государств: усиление исламского фактора

Кулаев Глеб Тамбиевич,

магистр, кафедра международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России
E-mail: kulaev_g@mail.ru

В статье рассмотрены политические режимы в странах мусульманского Востока. Отмечена специфика организации политической власти в арабском мире. По форме правления государства мусульманского Востока можно условно дифференцировать на две группы: монархические и республиканские. Монархии и республики арабского Востока имеют отчетливые черты авторитарных режимов. При этом реализация автократии – как в рамках республик, так и в рамках правления монарха – базируется на укорененном в ментальности мусульман представлении о сакральности власти. Описана роль религиозного фактора в оформлении политических институтов. Представлены подходы к интерпретации понятия «демократия» на Западе и в арабских странах. Выявлено, что укрепление фундаментализма и радикальных течений ислама – это один из важнейших факторов, оказывающих влияние на политические режимы мусульманских стран.

Ключевые слова: ислам, исламский фактор, демократия, монархия, республика, автократия, экстремизм.

Введение

В большинстве стран арабского мира политические элиты следуют общемировым трендам в формировании стратегий национального развития. Политические партии, президенты, монархи и иные высшие должностные лица декларируют стремление к демократизации общественной жизни, созданию условий для экономического роста и повышения благосостояния людей, достижению социальной справедливости и безопасности, формированию качественных систем всеобщего образования и здравоохранения, борьбе с коррупцией [6, с. 163]. При этом в реальной практике эти устремления сталкиваются с рядом препятствий и рисков, одним из которых выступает радикальная исламизация. Кроме того, в каждой из стран, где большинство населения исповедует ислам, имеется собственная специфика реализации т.н. «исламского фактора», что делает рассмотрение данной прикладной области весьма *актуальным*. Следует сказать, что арабский Восток по-прежнему считается одной из «точек напряжения», территории, на которой сходятся политические и экономические интересы многих международных акторов [1, с. 202].

Режимы правления в странах арабского Востока

Следует согласиться с М. Вагабовым в том, что рассмотрение мусульманского мира в качестве единого, гомогенного политического и социального пространства едва ли возможно [2, с. 146]. «Мусульманский мир» – понятие весьма условное, так как в разных странах наблюдаются, во-первых, различные течения ислама, во-вторых, существуют разные политические режимы, в-третьих, мусульманские страны существенно различаются по уровню социально-экономического благополучия. Эти и другие факторы обуславливают специфику позиций арабских стран при решении внешнеполитических и внутривнутриполитических проблем. Тем не менее, в развитии рассматриваемых нами государств все же можно проследить некоторые общие тенденции; кроме того, в ряде случаев имеет место т.н. «исламская солидарность» – взаимная поддержка в условиях внешних угроз.

По форме правления государства мусульманского Востока можно условно дифференцировать на две группы: монархические и республиканские. Следует сказать, что в арабских странах принадлежность режима к республиканскому типу отнюдь не отождествляется с демократической парадигмой мироустройства, как это происходит в Европе. И монархии, и республики арабского Востока имеют отчетливые черты авторитарных режимов. При этом реализация автократии – как в рамках республик, так и в рамках правления монарха – базируется на укорененном в ментальности мусульман представлении о сакральности власти.

Ключевую роль легитимизации власти выступает ее исторический «бэкграунд»: так, в Марокко у власти находятся представители сейидов, а в Иордании – потомки шерифа Мекки (обе династии считаются прямыми потомками пророка Мухаммеда).

В данной связи возникает логичный вопрос о том, почему республиканская форма правления в принципе

Различия в интерпретации категории «демократия» в западной и восточной мировоззренческих парадигмах

Как отмечает Р. Мухамметов, по мнению большинства мусульман ислам совместим с демократией. Население

возможна в мусульманском мире. Дело в том, что все республиканские режимы в странах арабского Востока стали результатом сложной социально-политической трансформации, включавшей в себя как волны национального освобождения, так и попытки возродить идеологию арабского национализма. Как и многие другие государства мира, мусульманские страны в конце XIX – начале XX вв. испытали на себе влияние социализма, что на уровне политических систем привело к модернизации режимов реализации властных полномочий.

К. Труевцев в данной связи справедливо отмечает, что модернизация затрагивала лишь частные, поверхностные или локальные аспекты организации властных структур, но не касалась ее сущности – стремления к централизации полномочий в руках одного правителя [10, с. 158]. В результате институт президентской власти в значительной степени можно рассматривать в качестве суррогата монархии. Тем не менее, не всегда данный путь можно считать оптимальной траектории демократизации государств: республики, правители которых лишились «сакрального» элемента, оказались более уязвимыми перед внутренними социальными, экономическими и политическими угрозами.

Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Катар, в свою очередь, представляют собой пример сохранения теократической монархии, где правитель является главой государства, правительства, судебной власти и главнокомандующим вооруженными силами. Консультативный совет или иной аналогичный орган играет второстепенную роль, и его решения в большей степени являются рекомендательными. Эти страны сохранили традиционные устои и господство религии, что позволяет им удерживать стабильную политическую и экономическую обстановку. Стабильность поддерживается, помимо прочего, фактором сырьевого характера экономики: продажа нефти и нефтепродуктов обуславливают высокий уровень благосостояния граждан и, в конечном итоге, нейтрализуют риски формирования протестных/оппозиционных движений.

Некоторые страны пошли по пути формирования дуалистических режимов. Бахрейн, Иордания, Кувейт и Марокко представляют собой монархии, ограниченные конституцией. Режим дуалистической монархии функционирует на базисе двух ключевых социально-политических институтов: монархическая власть и парламент. Дуалистическая монархия представляет собой переходную форму правления и в целом отражает тенденцию, характерную для всего арабского Востока: переход от абсолютизма к конституционному ограничению власти монарха за счет дифференциации законодательных и исполнительных полномочий. Парламенты Бахрейна, Иордании и Кувейта, при этом, остаются в подчиненном положении к монарху, поэтому в западной науке их стремление к демократизации оценивается как недостаточное [8, с. 125].

Как отмечено выше, республиканская форма правления в арабском мире обладает своей спецификой и тяготеет к автократии. Республиканские режимы стали результатом ликвидации колониального гнета и свержения монархий. Во многих республиках режим был установлен в ходе военного переворота – в качестве примера можно привести Тунис, Алжир, Ирак и Сирию.

в мусульманских странах выступает против диктатуры и поддерживает демократию, но, при этом, действующий режим должен быть приведен в соответствие с законами и принципами шариата [6, с. 160].

Многие специалисты говорят о том, что в мусульманской истории накоплено немало примеров различных механизмов реализации власти. Считается, что последователи Пророка после его смерти выработали четыре разные политические схемы. Согласно религиозному канону, в области построения системы государственной власти ислам предписывает два принципа – советственность (понимаемую как участие широких слоев в управлении) и верховенство норм шариата [6, с. 161].

В западной науке и в политическом дискурсе шариат принято воспринимать как древний, жестокий и во многом примитивный уголовный кодекс, тогда как фактически многие положения шариата свидетельствуют о древней традиции демократизации власти, регламентируя, к примеру, способы ограничения власти султана [6, с. 162].

Становление институтов демократии на сегодняшний день поддерживают и либеральные, прозападные исследователи и политики, и консервативно настроенные представители власти. Тем не менее, очевидно, что в понимании самой сути категории «демократия» в научном и обиходном сознании наблюдаются явные различия между представителями Запада и мусульманского мира. По мнению европейских и американских экспертов, усиление президентской власти в сторону автократии и диктатуры существенно тормозит демократическое преобразование в странах мусульманского мира. Отчасти этот так – но в данном контексте следует обязательно учитывать ментальную и историческую подоплеку власти в исламе.

Д.С. Крылов с соавт. говорит о том, что западная модель демократии сама по себе не универсальна и не может быть воспринята как шаблон, по которому может действовать любое государство [5, с. 291]. В данной связи следует более глубоко подходить к анализу попыток внедрения практики народовластия в арабском мире и в любой иной стране, которая не относится к «коллективному Западу». Сегодня перспективы сохранения западной гегемонии становятся все менее очевидными, растет вероятность наступления эпохи мультиполярного мира, поэтому крайне важно проводить многосторонний анализ западных моделей демократизации.

Тем не менее, представляется вполне объективной критика многих реалий, свойственных абсолютно всем арабским странам – преследование инакомыслия, официальный запрет оппозиционной деятельности, репрессии, нарушения прав и свобод человека [8, с. 125–126]. Эти тенденции действительно лишают демократические преобразования смысла и превращают демократию лишь в декоративную форму внешнего оформления диктата.

С позиции западных политологов, Иордания, Марокко, Египет и Тунис выступают в качестве наиболее перспективных, с точки зрения развития представительной демократии, стран. В этих странах имеются политические институты, связанные с формами представительной демократии, – парламенты, политические партии, избирательная система и т.д. При этом вышеотмеченные государства имеют разную степень демократизации политических устройств: так, в частности в Марокко и Иордании можно констатировать функционирование полноценной многопартийной системы, конкурентную борьбу, хотя эта борьба и происходит с «благословения» главы государства.

Укрепление фундаментализма и радикальных течений ислама как фактор, оказывающий влияние на политические режимы мусульманских стран

Как показывает мировой опыт, в абсолютном большинстве стран уже давно завершилась эпоха сакрализации правящей власти; ушел к прошлое синтез религии и государства. Уже к концу XIX в. можно было с уверенностью говорить о нарастающей глобальной тенденции к секуляризации власти. Трансформация социального пространства во многих странах Европы, Америки и Азии происходило в условиях постепенного устранения религии из политики, экономики, науки и прочих сфер. В.Д. Останин-Головня называет эту тенденцию «приватизацией» религиозной деятельности и культурных практик индивидом или обособленной группой верующих [7, с. 212].

Арабский мир, в свою очередь, не подчиняется данной закономерности. Религиозный фактор всегда присутствовал и, как можно предположить, еще долго будет присутствовать в политике мусульманских стран. Кроме того, демократизация арабского мира в последнее время существенно осложняется нарастанием активности фундаменталистов и иных представителей радикальных течений ислама.

Исламский фундаментализм, исламский экстремизм и сопровождающий его террор проявился ещё в начале XX в. в идеях ваххабитов. Достаточно долго идеи исламского экстремизма сдерживались теми режимами Ближнего Востока, которые выбрали для себя прогрессивный путь. Исламисты стремятся к созданию мирового халифата как наиболее справедливого государственного устройства, объявив несогласным с этой идеей «священную войну» (джихад). Идеологическим базисом для данных движений является Коран, интерпретируемый таким образом, чтобы его положения выражали наступательную, агрессивную позицию [9, с. 69].

В совокупности активизацию исламских экстремистов или, по крайней мере, фундаментализма, принято называть термином «исламское пробуждение». Данное понятие охватывает разнообразные формы политической, социальной и религиозной активности, направленные на возрождение исламских ценностей и принципов в современном обществе. «Исламское пробуждение» включает в себя как «мирные» реформаторские движения, стремящиеся к внедрению шариатских норм в законодательные и общественные системы, так и радикальные течения, использующие насилие для достижения своих целей.

Возникновение и усиление исламского пробуждения можно объяснить множеством факторов, включая геополитические конфликты, социально-экономическое неравенство, а также реакцией на процессы глобализации и вестернизации. Важно отметить, что исламское пробуждение не является гомогенным явлением; оно характеризуется значительным внутренним разнообразием и различными уровнями радикализации.

Отправной точкой «пробуждения» принято считать 1979 г., когда произошла Исламская революция в Иране, которая впервые акцентировала роль исламского религиозного фактора в политике [3, с. 149]. Исламская революция и теракт в Мекке хронологически совпали с началом Афганской войны 1979–1989 гг., участие в которой радикальных исламистов привело к созданию многих экстремистских организаций в Иране, Сирии, Иордании, Египте и многих других странах [7, с. 214].

О.Н. Попенков и С.И. Буркут выделяют следующие основные черты исламского экстремизма: рассмотре-

ние текущих сообществ как «неверных»; отказ от позиций официальных имамов и постулатов мусульманского права «Иджма»; следование традиционным практикам в организации власти и рассмотрение новшеств, в т.ч. демократических институтов, в качестве ереси [3, с. 73]. По мнению М. Вагабова, именно западные интервенции и попытки навязать мусульманским странам чужеродные политические режимы и институты стали истинной причиной радикализации ислама [2, с. 148].

Радикальный ислам оказывает значительное влияние на политику в мусульманских странах, проявляя себя в различных аспектах государственной и общественной жизни. В некоторых случаях радикальные исламистские движения играют ключевую роль в свержении правящих режимов. Изменился и панарабизм, который утратил светские черты и стал исламистским – тогда как ранее он имел скорее националистический или демократический характер [4, с. 164].

В некоторых странах радикальные исламистские партии успешно участвуют в выборах и получают значительное количество голосов. Это постепенно приводит к изменению государственной политики в сторону более строгого соблюдения шариата и отказа от недавно введенных демократических институтов. Под влиянием радикальных исламистов в ряде мусульманских стран ужесточаются законы, касающиеся личной и общественной морали, законы о нормах поведения в общественных местах, запрете алкоголя и правах женщин. Примером может служить Саудовская Аравия, где общественная жизнь строго регламентирована в соответствии с консервативной интерпретацией ислама.

Радикальные исламистские группы часто действуют за пределами своих государств, создавая транснациональные сети поддержки и влияния. Радикальные исламистские движения уже сегодня становятся катализаторами или участниками межгосударственных конфликтов. В качестве примера можно отметить Сирию, где различные исламистские группировки участвуют в гражданской войне, привлекая сторонников и ресурсы из-за рубежа.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Мусульманский мир не является единым политическим и социальным пространством – в странах арабского Востока можно наблюдать широкое разнообразие течений ислама, политических режимов и уровней социально-экономического благополучия. Страны арабского Востока можно условно разделить на монархические и республиканские. Обе формы правления демонстрируют авторитарные черты, основанные на представлении о сакральности власти. Республиканские режимы возникли в результате социально-политических трансформаций, включавших национальное освобождение и арабский национализм. Теократические монархии сохраняют стабильность благодаря религиозной традиции и экономическим ресурсам. Некоторые страны имеют дуалистические режимы, сочетая монархическую власть с конституционными ограничениями.
- Мусульманская история предлагает разнообразные механизмы власти, основанные на принципах совещательности и верховенства шариата. Налицо различия в интерпретации категории «демократия» в западной и восточной мировоззренческих парадигмах. Западная наука воспринимает шариат как архаичный кодекс, игнорируя его элементы демо-

кратизации. Западная модель демократии не является универсальной, и ее внедрение требует учета культурных и исторических особенностей.

- В совокупности активизацию исламских экстремистов принято называть термином «исламское пробуждение». Данное понятие охватывает разнообразные формы политической, социальной и религиозной активности, направленные на возрождение исламских ценностей и принципов в современном обществе. На сегодняшний день радикальный ислам оказывает значительное влияние на политику в мусульманских странах, проявляя себя в различных аспектах государственной и общественной жизни.

Литература

1. Антюхова, Е. А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных режимов / Е.А. Антюхова // Вестник МГИМО. – 2015. – № 2 (41). – С. 201–209.
2. Вагабов, М. Исламский фактор в современной геополитике / М. Вагабов // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 8. – С. 141–151.
3. Данилова, Е. С. «Идеология и практика современного исламского фундаментализма» / Е.С. Данилова // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. – 2021. – № 2 (11). – С. 147–153.
4. Кадилова, Г. Ш. «Арабская весна» как попытка демократизации Ближнего Востока по западному образцу / Г.Ш. Кадилова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 81. – С. 163–181.
5. Крылов, Д.С. Незападные модели демократии на арабском востоке: идейно-ценностный аспект / Д.С. Крылов, В.Д. Останин-Головня // АПЕ. – 2023. – № 1 (117). – С. 289–319.
6. Мухаметов, Р. Перспективы аль-демократии (исламский мир ищет свою дверь в современность) / Р. Мухаметов // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 6 (252). – С. 160–172.
7. Останин-Головня, В.Д. Поворот на ближний восток: фактор «исламского пробуждения» / В.Д. Останин-Головня // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 2. – С. 209–221.
8. Пирогов, А.И. Особенности функционирования политических режимов в арабском мире / А.И. Пирогов, Д.А. Бирюков // ЭСГИ. – 2015. – № 3 (7). – С. 123–131.
9. Попенков, О. Н. К вопросу об исторических корнях исламского терроризма на Ближнем Востоке / О.Н. Попенков, С.И. Буркут // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2022. – № 3 (215). – С. 68–74.
10. Труевцев, К. Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией / К. Труев-

цев // Россия и мусульманский мир. – 2005. – № 11. – С. 157–173.

THE PROBLEM OF DEMOCRATIZATION OF THE ARAB STATES: STRENGTHENING THE ISLAMIC FACTOR

Kulaev G.T.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines political regimes in the countries of the Muslim East. According to the form of government, the states of the Muslim East can be conditionally differentiated into two groups: monarchical and republican. The specifics of the organization of political power in the Arab world are noted. Both monarchies and republics of the Arab East have distinct features of authoritarian regimes. At the same time, the implementation of autocracy – both in republics and in monarchies – is based on the idea of the sacredness of power, rooted in the mentality of Muslims. The role of the religious factor in the design of political institutions is described. Approaches to the interpretation of the concept of “democracy” in the West and Arab countries are presented. It has been revealed that the strengthening of fundamentalism and radical movements of Islam is one of the most important factors influencing the political regimes of Muslim countries.

Keywords: islam, islamic factor, democracy, monarchy, republic, autocracy, extremism.

References

1. Antyukhova, E. A. “Arab Spring”: New Mechanisms for Changing Authoritarian Regimes / E.A. Antyukhova // MGIMO Bulletin. – 2015. – No. 2 (41). – P. 201–209.
2. Vagabov, M. The Islamic Factor in Modern Geopolitics / M. Vagabov // Russia and the Muslim World. – 2010. – No. 8. – P. 141–151.
3. Danilova, E. S. “Ideology and Practice of Modern Islamic Fundamentalism” / E.S. Danilova // Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary. – 2021. – No. 2 (11). – P. 147–153.
4. Kadirova, G. Sh. “Arab Spring” as an attempt to democratize the Middle East according to the Western model / G. Sh. Kadirova // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2020. – No. 81. – P. 163–181.
5. Krylov, D.S. Non-Western models of democracy in the Arab East: ideological and value aspect / D.S. Krylov, V.D. Ostanin-Golovnya // APE. – 2023. – No. 1 (117). – P. 289–319.
6. Mukhametov, R. Prospects of al-democracy (the Islamic world is looking for its door to modernity) / R. Mukhametov // Russia and the Muslim World. – 2013. – No. 6 (252). – P. 160–172.
7. Ostanin-Golovnya, V.D. Turn to the Middle East: the factor of “Islamic awakening” / V.D. Ostanin-Golovnya // Contours of global transformations: politics, economics, law. – 2022. – No. 2. – P. 209–221.
8. Pirogov, A.I. Features of the functioning of political regimes in the Arab world / A.I. Pirogov, D.A. Biryukov // ESGI. – 2015. – No. 3 (7). – P. 123–131.
9. Popenkov, O.N. On the issue of the historical roots of Islamic terrorism in the Middle East / O.N. Popenkov, S.I. Burkut // News of universities. North Caucasian region. Series: Social Sciences. – 2022. – No. 3 (215). – P. 68–74.
10. Truvtsev, K. Political systems of Arab countries: between authoritarianism and democracy / K. Truvtsev // Russia and the Muslim world. – 2005. – No. 11. – P. 157–173.

Приоритетные направления международной промышленной кооперации в рамках ШОС

Серегина Антонина Александровна,

канд. полит. наук, доцент кафедры мировой экономики
Дипломатической академии МИД России
E-mail: a.seregina@dipacademy.ru

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основанная в 2001 году, в настоящий момент включает в себя девять постоянных государств-членов: Китай, Россия, Индия, Пакистан, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. При этом Иран стал полноправным членом объединения относительно недавно – в июле 2023 года – в год, когда был подписан Меморандум об обязательствах Республики Беларусь в целях получения статуса государства – члена ШОС. В сентябре 2022 года были подписаны меморандумы о предоставлении Египту, Катару и Саудовской Аравии статуса партнеров по диалогу ШОС, соответствующий меморандум Правительство Саудовской Аравии утвердило в марте 2023 года. Позднее в мае 2023 года список стран-партнеров по диалогу также пополнили Бахрейн, ОАЭ, Кувейт, Мальдивская Республика и Мьянма. Подобный интерес стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии к участию в работе ШОС в последнее время свидетельствует о новом этапе в развитии организации, ее становлении в качестве многосторонней площадки для диалога и многостороннего сотрудничества в рамках приоритетных направлений. Более широкий географический охват участников позволяет странам объединения приступить к конфигурации масштабных проектов, что в конечном итоге будет способствовать совместному экономическому сторон.

Ключевые слова: промышленное развитие, критические технологии, энергетическая политика, импортозависимость, интеллектуальные процессы, сотрудничество.

Как следует из деклараций Совета глав государств ШОС, одним из ключевых направлений деятельности организации является «расширение сотрудничества в области промышленной и производственной кооперации» посредством «развития и внедрения совместных программ и проектов»¹. Члены организации неоднократно подчеркивали необходимость «развития высокотехнологичных производств и модернизации различных отраслей промышленности»², а также «важность научных и технологических инноваций как одного из ключевых факторов средне- и долгосрочного экономического роста и глобального устойчивого развития»³. «Высокие технологии и инновации», а также «промышленная кооперация» являются приоритетными областями для развития сотрудничества⁴ (предусматривающее выход на общее благо для целей дальнейшего развития сторон), что подчеркивается в Соглашении о научно-техническом сотрудничестве между правительствами государств – членов ШОС, Стратегии экономического развития ШОС до 2030 г.,⁵ Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества до 2035 г.,⁶ а также Плате по ее имплементации 2021–2025⁷. В частности, стороны намерены «наращивать взаимодействие в области промышленной кооперации, привлекать ин-

¹ The Samarkand Declaration of the Heads of State Council of the Shanghai Cooperation Organisation/Ministry of external affairs. Government of India. – URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/35724/Samarkand+Declaration+of+the+Council+of+Heads+of+State+of+Shanghai+Cooperation+Organization,2022> (дата обращения: 15.04.2024).

² Dushanbe Declaration by the Heads of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization. – URL: <https://www.law-infochina.com/display.aspx?id=8084&lib=tax&SearchKeyword=&SearchCKeyword=>, 2014 (дата обращения: 21.04.2024).

³ The Moscow Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation, 2020; см. также Bishkek Declaration of the Shanghai Cooperation Organisation's Heads of State Council, 2019; New Delhi Declaration of the Council of Heads of State of Shanghai Cooperation Organization, 2023; Joint communiqué on Twelfth meeting of the Council of Heads of Government (Prime Ministers) of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization, 2013; Joint communiqué following the 21st meeting of the SCO Heads of Government (Prime Ministers) Council, 2022.

⁴ New Delhi Declaration of the Council of Heads of State of Shanghai Cooperation Organization, 2023, см. также Joint communiqué on Twelfth meeting of the Council of Heads of Government (Prime Ministers) of the Member

States of the Shanghai Cooperation Organization, 2013; Joint Communiqué The Fifteenth Meeting of the SCO Heads of Government (Prime Ministers) Council, 2016.

⁵ SCO Economic Development Strategy 2030. -URL: <https://eng.sectsc.org/20230309/SCO-begins-drafting-Strategy-for-Economic-Development-to-2030-933092.html> (дата обращения: 25.04.2024)

⁶ Programme of Multilateral Trade and Economic Cooperation of the SCO Member States until 2035.- URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1450494&lang=en> (дата обращения: 26.04.2024)

⁷ Action Plan for the Implementation of the Program of Multilateral Trade and Economic Cooperation of the SCO Member States 2021–2025. – URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/policyreleasing/202012/20201203020247.shtml> (дата обращения: 26.04.2024).

весторов и рассматривать возможности для совместной реализации промышленных проектов, обмена опытом в создании индустриальных парков и торгово-инвестиционных кластеров, а также в иных сферах, представляющих взаимный интерес в области промышленного сотрудничества»¹.

Так, Таджикистан выступил с инициативой «по созданию механизмов для проведения встреч министров энергетики и министров промышленности стран – членов ШОС»², где уже на первом заседании министров промышленности стран – членов ШОС в Душанбе в 2021 г. Генеральный секретарь организации подчеркнул «важность расширения промышленного сотрудничества между государствами – членами ШОС, поскольку регион обладает огромным нереализованным промышленным потенциалом для более глубокой взаимовыгодной кооперации», а также отметил готовность Секретариата «оказывать помощь в рамках своей компетенции»³. На следующей встрече в 2022 г. в Ташкенте министры промышленности стран – членов ШОС согласовали Программу стимулирования промышленного сотрудничества между деловыми кругами государств – членов ШОС⁴. В планах организации по дальнейшему развитию сотрудничества в промышленной сфере также находится создание Альянса особых экономических зон стран ШОС, который обсуждался на специальной сессии «Промышленное сотрудничество государств – членов ШОС в условиях глобальных вызовов» в рамках международной выставки ИННОПРОМ⁵.

Отдельно необходимо отметить, что в странах ШОС к настоящему времени выстраивается инфраструктура для крупных проектов, создающих основу для дальнейшего сотрудничества в различных областях: так, взаимодействие стран в рамках таких инициатив, как Деловой совет ШОС и Межбанковский консорциум ШОС, способствуют, среди прочего, финансированию и банковскому сопровождению инвестиционных проектов, поддержанных правительствами государств – членов ШОС. Участие в совместных проектах, таких как Международный транспортный коридор Север – Юг (INSTC), подчеркивает приверженность государств укреплению промышленных связей и торговли в регионе. Китайская инициатива, выдвинутая в 2010-х годах, «Организация международного сотрудничества Шелковый путь» (объединение проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века»), (BRI) также выступает в качестве стратегической основы для расширения инфраструктурных связей.

В рамках оформляющейся инфраструктуры для промышленных проектов особое внимание государства – члены ШОС уделяют процессам цифровизации. Главы делегаций стран ШОС признают «ключевую роль цифро-

визации в развитии промышленности, содействии всеохватывающему экономическому росту и стимулированию национальных экономик»⁶. Так, в 2019 г. в Бишкеке была утверждена «Концепция сотрудничества в области цифровизации и информационно-коммуникационных технологий»⁷, в 2023 г. страны-члены сделали официальное заявление о сотрудничестве в области цифровой трансформации⁸. В 2024 г. в Алма-Ате в рамках Цифрового форума ШОС состоялось первое заседание Управляющей комиссии Пула технопарков и инновационных кластеров ШОС под председательством Казахстана. Стороны подчеркнули важность технопарков, инновационных кластеров для налаживания сотрудничества между стартапами и венчурными фондами⁹.

В 2021 г. Россия представила проект цифровой деловой платформы для ШОС¹⁰. В 2023 г. российская компания «Росатом» пригласила организации стран – членов ШОС к сотрудничеству в рамках международной платформы «зеленых» технологий и устойчивого развития Mission Impact¹¹.

В 2024 г. Казахстан принял первый Цифровой форум ШОС¹², а также внес предложения об учреждении объединенной ассоциации технопарков государств – членов ШОС¹³. В сфере энергетики Казахстан предложил рассмотреть перспективы объединения энергетических систем в рамках ШОС, дальнейшего исследования «технологий накопления и хранения электроэнергии, внедрения элементов умной энергосистемы и умных электросетей», а также инвестиций в модернизацию и реконструкцию генерирующих установок¹⁴.

Китай также принимает активное участие в реализации совместных проектов и инициативах в рамках ШОС: в 2023 г. Демонстрационная зона местного экономического и торгового сотрудничества Китай-ШОС превра-

⁶ Там же

⁷ SCO Secretary-General takes part in a videoconference on SCO digital economy and e-commerce in COVID-19 environment, 18 July 2020 // SCO, URL: <https://eng.sectsc.org/20200718/664411.html> (дата обращения: 01.05.2024)

⁸ Statement of the Council of SCO Heads of State on Cooperation in Digital Transformation, 2023. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/36752/Statement_of_the_Council_of_SCO_Heads_of_State_on_Cooperation_in_Digital_Transformation (дата обращения: 05.05.2024)

⁹ First meeting of Managing Commission of SCO Technopark and Innovation Cluster Pool, 2 February 2024 // SCO, URL: <https://eng.sectsc.org/20240202/1254774.html> (дата обращения: 05.05.2024)

¹⁰ Эксперты представили проект цифровой деловой платформы для стран ШОС и Большой Евразии, 18 октября 2021 г. // Интерфакс, URL: <https://www.interfax.ru/presscenter/797951> (дата обращения: 05.05.2024)

¹¹ Росатом пригласил организации стран – членов ШОС к сотрудничеству в рамках международной платформы Mission Impact, 2 мая 2023 г. // Росатом, URL: <https://rosatom-academy.ru/media/novosti/rosatom-priglasil-organizatsii-stran-chlenov-shosk-sotrudnichestvu-v-ramkakh-mezhdunarodnoy-platfor/> (дата обращения: 04.05.2024)

¹² Kazakhstan Hosts First SCO Digital Forum, Announces New Initiatives, 1 February 2024 // The Astana Times, URL: <https://astanatimes.com/2024/02/kazakhstan-hosts-first-sco-digital-forum-announces-new-initiatives/> (дата обращения: 05.05.2024)

¹³ Kazakhstan proposes the establishment of a joint association of technoparks of SCO member states, 2 February 2024 // Ankasam, URL: <https://www.ankasam.org/kazakhstan-proposes-the-establishment-of-a-joint-association-of-technoparks-of-sco-member-states/?lang=en> (дата обращения: 06.05.2024)

¹⁴ Kazakhstan proposes linking energy systems of SCO member states – Kazakh energy minister, 4 October 2023 // TASS, URL: <https://tass.com/economy/1684327> (дата обращения: 06.05.2024)

¹ Industrial cooperation discussed at SCO Secretariat, 26 January 2021 // SCO, URL: <https://eng.sectsc.org/20210126/716678.html> (дата обращения: 26.04.2024).

² The Moscow Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation, 2020. – URL: <https://eng.sectsc.org/20201110/690356.html> (дата обращения: 27.04.2024).

³ Dushanbe hosts first Meeting of SCO Industry Ministers, 15 July 2021 // SCO, URL: <https://eng.sectsc.org/20210715/770127.html> (дата обращения: 26.04.2024).

⁴ Second Meeting of SCO Industry Ministers, 20 July 2022 // SCO, URL: <https://eng.sectsc.org/20220720/906235.html> (дата обращения: 27.04.2024).

⁵ Joint communique following the 22nd meeting of the Heads of Government (Prime Ministers) Council of the Shanghai Cooperation Organisation, 26 October 2023 // SCO, URL: <https://eng.sectsc.org/20231026/Joint-communique-following-the-22nd-meeting-of-the-Heads-of-Government-Prime-Ministers-Council-of-963083.html> (дата обращения: 01.05.2024)

тилась в новую платформу для сотрудничества в рамках «Пояса и пути»¹.

В 2020 г. Индия выдвинула инициативу организации Специальной рабочей группы по стартапам и инновациям как «новую опору для сотрудничества между государствами – членами ШОС», стороны договорились о создании группы на саммите глав государств ШОС в Самарканде в 2022 г.² Кроме того, по инициативе страны был запущен первый Форум стартапов ШОС в 2020 г.,³ который теперь проводится ежегодно⁴.

Промышленной кооперации Узбекистана способствуют природные ресурсы, которыми богата страна, включая золото, уран и природный газ, а также ее стратегическое расположение, которое предоставляет возможности для транзита и активной торговли. В Узбекистане, в соответствии со Стратегией индустриализации на 2021–2030 гг., основные усилия направлены на модернизацию ключевых секторов, таких как сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность и инфраструктура. В 2022 г. в Самаркандской области была открыта «Промышленная зона Узбекистан-ШОС»⁵, призванная стать «эффективным механизмом реализации Программы стимулирования промышленного сотрудничества между деловыми кругами стран ШОС»⁶, также была согласована инициативная Программа стимулирования промышленной кооперации в странах ШОС⁷. Предложения Узбекистана также включают в себя создание Альянса особых экономических зон государств – членов ШОС⁸, разработку Новой программы экономического диалога ШОС с акцентом на инновационное развитие, цифровизацию и промышленность будущего⁹, а также проведение «Недели инно-

вационного партнерства» в 2024 г.¹⁰ Кроме того, Узбекистан и Казахстан договорились о начале строительства Центра промышленной кооперации летом 2024 г.¹¹

Кыргызстан, обладающий богатыми минеральными ресурсами и гидроэнергетическим потенциалом, работает над привлечением иностранных инвестиций и модернизацией своей промышленной инфраструктуры. Среди актуальных проектов можно выделить Пилотную зону регионального торгово-экономического сотрудничества ШОС (2023 г.), подписание Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве в области цифровизации, направленного на развитие кооперации с Китаем в сфере цифровых и промышленных интернет-технологий в рамках ШОС в 2023 г.¹²

Внешнеполитическим приоритетом для Ирана является сотрудничество со странами Кавказа и Центральной Азии, а также с Китаем и Индией [3]. Нахождение под санкциями на протяжении долгого времени, с одной стороны, препятствует реализации потенциала крупных секторов иранской экономики, а также развитию научнотехнической сферы, с другой стороны, становится причиной развития «экономики сопротивления», нацеленной на внутренний рынок. На данный момент наиболее развиты в Иране нефтедобыча и нефтепереработка (к примеру, Иран остается третьим производителем нефти в ОПЕК¹³), машиностроение, автомобильная промышленность и строительство. В 2024 г. Иран и Индия заключили договор о развитии и эксплуатации иранского порта Чабахар, расширяя сотрудничество между странами в рамках ШОС¹⁴. Кроме того, перспективным для Ирана представляется сотрудничество с китайскими инвесторами в формате ШОС¹⁵. В рамках ШОС была также создана Специальная рабочая группа по содействию инвестициям в Тегеране¹⁶.

Благодаря своему стратегическому расположению, соединяющему Южную Азию, Центральную Азию и Ближний Восток, Пакистан предлагает ценные возможности для торговли, инвестиций и экономической интеграции между государствами – членами ШОС. Кроме того, природные ресурсы Пакистана, квалифицированная

¹ China developing SCO demonstration area into new Belt and Road cooperation platform, 11 October 2023 // News, URL: <https://english.news.cn/20231011/a93a5da502564e6884a72ab906e3ce93/c.html>.

² SCO Special Working Group on Startups and Innovation // #startupindia, URL: <https://www.startupindia.gov.in/content/sih/en/sco.html#:~:text=All%20Member%20States%20agreed%20to,between%20the%20SCO%20Member%20States> (дата обращения: 06.05.2024)

³ India's initiatives in SCO // Embassy of India, Beijing, China, URL: https://www.eoibeijing.gov.in/eoibeijing_pages/NDg (дата обращения: 06.05.2024)

⁴ 4th Shanghai Cooperation Organisation Startup Forum organized in New Delhi // Ministry of Commerce & Industry, URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2015890> (дата обращения: 06.05.2024)

⁵ Joint communiqué following the 21st meeting of the SCO Heads of Government (Prime Ministers) Council, 2022. – URL: <https://eng.sectsc.org/20221102/Joint-communiqu-following-the-21st-meeting-of-the-SCO-Heads-of-Government-Prime-Ministers-Council-922225.html> (дата обращения: 07.06.2024)

⁶ BRI & SCO and Role of Uzbekistan: An Expert Opinion, 14 September 2022 // ED News, URL: <https://ednews.net/en/news/analytical-wing/542248-bri-sco-and-role-of-uzbekistan#:~:text=An%20innovative%20project%20%E2%80%9CUzbekistan%2DSCO%20industrial,percent%20of%20the%20global%20GDP>.

⁷ В странах ШОС появятся центры индустриальной кооперации. О том, что это значит, рассказывает доктор экономических наук Дмитрий Тростянский, 25 января 2022 // ХОБАР, URL: <https://khovar.tj/rus/2022/01/v-stranah-shos-poyavyatsya-tsentry-industrialnoj-kooperatsii-o-tom-chto-eto-znachit-rasskazyvaet-doktor-ekonomicheskikh-nauk-dmitrij-trotyanskiy/> (дата обращения: 07.06.2024)

⁸ Joint communiqué following the 21st meeting of the SCO Heads of Government (Prime Ministers) Council, 2022.

⁹ Central Asian leaders advocate for enhanced cooperation and project implementation at SCO Summit, 10 June 2024 // Daryo, URL: <https://daryo.uz/en/2024/06/10/central-asian-leaders-advocate-for-enhanced-cooperation-and-project-implementation-at-sco-summit> (дата обращения: 07.06.2024)

¹⁰ Uzbekistan proposes new economic dialogue program for SCO, 27 October 2023 // Daryo, URL: <https://daryo.uz/en/2023/10/27/uyuv> (дата обращения: 07.06.2024)

¹¹ Kazakhstan, Uzbekistan Agree to Start Construction of Industrial Cooperation Center in Summer, 20 February 2024 // The Astana Times, URL: <https://astanatimes.com/2024/02/kazakhstan-uzbekistan-agree-to-start-construction-of-industrial-cooperation-center-in-summer/> (дата обращения: 07.06.2024)

¹² Кыргызстан будет активно сотрудничать в области цифровизации в рамках ШОС, 28 декабря 2023 г. // Ритм Евразии, URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news-2023-12-28-kyrgyzstan-budet-aktivno-sotrudnicat-v-oblasti-cifrovizacii-v-ramkashshos-70664> (дата обращения: 07.06.2024)

¹³ Иран остался третьим по добыче нефти в ОПЕК, 14 марта 2024 г. // Business media, URL: <https://bm.ge/ru/news/iran-ostalsia-tretim-po-dobyce-nefti-v-oppek> (дата обращения: 07.06.2024)

¹⁴ Глава МИДИ Ирана заявил о намерении расширить отношения с Индией в форматах БРИКС и ШОС, 14 мая 2024 г. // ШОС, URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20788357> (дата обращения: 07.06.2024)

¹⁵ Iran's membership in SCO promises close political and economic cooperation in a wide geography, 19 September 2021 // Tehran Times, URL: <https://www.tehrantimes.com/news/465250/iran-membership-in-sco-promises-close-political-and-economic> (дата обращения: 09.06.2024)

¹⁶ Россия готова предложить странам ШОС высокие технологии в сфере промышленности и сельского хозяйства, 22 февраля 2024 // Министерство экономического развития РФ, URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_gotova_predlozhit_stranam_shos_vysokie_tehnologii_v_sfere_promyshlennosti_i_selskog (дата обращения: 09.06.2024)

рабочая сила и динамично развивающийся производственный сектор предоставляют широкие возможности для развития партнерских отношений в таких секторах, как энергетика, инфраструктура и технологии. В 2021 г. Пакистан выдвигал программу обеспечения финансовой базы промышленного сотрудничества ШОС¹. Государство осуществляет технологическое сотрудничество с Китаем в оборонной промышленности в рамках ШОС², в 2024 г. стороны опубликовали Совместное заявление, согласно которому они намерены развивать промышленную кооперацию³.

Среди стран-постоянных членов ШОС есть как крупные страны-производители энергоресурсов (Россия, Казахстан, Узбекистан), так и страны-потребители энергии (КНР, Индия, Пакистан). В связи с этим особую экономическую привлекательность демонстрируют энергетические проекты в рамках ШОС, имеются значительные перспективы дальнейшего развития многостороннего партнерства в этой сфере [2]. Так, например, совместные предприятия в области разведки энергоресурсов и развития инфраструктуры в ТЭК смогут укрепить не только региональные связи, но и энергетическую безопасность объединения, которая отмечается в качестве одного из приоритетных направлений продвижения сотрудничества в тексте Нью-Делийской Декларации Совета глав государств – членов ШОС в 2023 году⁴.

Несмотря на потенциальные выгоды, промышленная кооперация в рамках ШОС сталкивается с некоторыми проблемами, среди ключевых: нормативные барьеры, геополитическая напряженность и несовершенство существующей инфраструктуры для соответствующей кооперации. Однако активные меры, такие как: координация политик государств – членов ШОС, содействие инвестициям, а также инициативы по наращиванию промышленного потенциала, помогут смягчить проблемные аспекты.

Одним из основных направлений сотрудничества в рамках объединения выступает взаимодействие стран в первую очередь в рамках реализации совместных проектов в нефтегазовой сфере в области бурения и добычи энергоресурсов. Особый интерес для стран-ШОС представляет технология **добычи трудноизвлекаемых запасов нефти на основе термохимического воздействия на нефтематеринскую породу (кероген) сверхкритической водой**, которую разрабатывает Китайский нефтяной университет (China University of Petroleum, CUP). Реализация данной технологии может сделать рентабельной добычу из трудноизвлекаемых запасов Западной Сибири, Приволжья за 3–5 лет.

Также стоит отметить, что Россия (ПАО «Газпром») совместно с КНР (CNPC) реализуют проект Амурского

ГПЗ: в 2019 году завершился монтаж оборудования⁵ первого пускового комплекса завода, также были смонтированы две **технологические линии по переработке природного газа (по 7 млрд куб. м в год каждая) и установка очистки и сжижения гелия (мощность – 20 млн куб. м газа в год)**. Проект Амурского ГПЗ предполагает монтаж трех подобных установок. Кроме того, китайско-российская кооперация затрагивает направление по оборудованию объектов газо- и нефтеразработки: в 2016 году между ПАО «НК «Роснефть» и CNIC были подписаны контракты на поставку уникального оборудования для СК «Звезда» (входит в АО «Дальневосточный центр судостроения и судоремонта»), контракт, в том числе, включал в себя строительство тяжелого докостроительного стапеля для производства среднетоннажных судов и морской техники, введение в эксплуатацию сухого дока и производственных цехов полного цикла для производства крупнотоннажных судов и морской техники, а также введение производственных цехов для **строительства офшорной морской техники**⁶.

Еще одним китайско-российским проектом является проект «Ямал СПГ», который предусматривает строительство завода по производству СПГ мощностью 17,4 млн т СПГ в год. Проект строительства **завода по сжижению природного газа** предусматривает возведение трех линий мощностью 5,5 млн т в год каждая, а также одну линию – 900 тыс. т в год. Первая технологическая линия введена в производство в 2017 году, вторая и третья линии – в 2018 году, четвертая линия введена в эксплуатацию в 2021 году⁷.

Технологии среднетоннажного СПГ «Арктический каскад» (4-я линия «Ямал СПГ») также может быть предложена ПАО «Новатэк» к реализации на индийских газовых проектах. Более 80% оборудования для данной технологии локализовано в России. Россия и Индия также имеют опыт по реализации совместных проектов в области геологоразведки. Так, «Севморнефтегеофизика» с января 2020 по июнь 2021 года реализовывала контракт на **проведение морских сейсморазведочных работ 2D и 3D** на континентальном шельфе Индии. Этот контракт был получен дочерней компанией «Росгеологии» по результатам тендера, который провела крупнейшая государственной газодобывающая компания Индии «Oil & Natural Gas Corporation» («ONGC») в конце 2019 года. Сейсмические исследования проводились на трех перспективных участках Мумбайского нефтегазового бассейна в Камбейском заливе Аравийского моря: один – у северного побережья залива к югу от города Махува, два – западнее городов Мумбай и Тарапур [1].

Положительно сказывается на развитии промкооперации в отраслевом сегменте также казахско-российское взаимодействие. Так, ПАО «ЛУКОЙЛ», осуществляя ввод в эксплуатацию и обустройство месторождения им. Филановского, занимается разработкой блока кондуктора – морской ледостойкой стационарной платформой с минимальным составом оборудования для освоения морских нефтегазовых месторождений. Кроме того, ПАО «ЛУКОЙЛ» инвестирует в проект расширения Тенгизского месторождения, включающий в себя увеличение производственных мощностей добывающих объектов с использованием **технологии закачки сырого природного газа**, а также обеспечение полной загрузки

⁵ Информационное агентство «Ведомости». – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/02/15/677796-amurskii-cnrc> (дата обращения: 09.06.2024)

⁶ ПАО «НК «Роснефть». – URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/186705/> (дата обращения: 09.06.2024)

⁷ ОАО «Ямал СПГ». – URL: <http://yamallng.ru/press/news/37677/> (дата обращения: 09.06.2024)

¹ Pakistan puts forward 4-point agenda for industrial cooperation among SCO states, 17 July 2021 // BOL News, URL: <https://www.bolnews.com/business/2021/07/pakistan-puts-forward-4-point-agenda-for-industrial-cooperation-among-sco-states/> (дата обращения: 09.06.2024)

² Пакистан в едином строю ШОС, 31 июля 2023 // Евразия сегодня, URL: <https://eurasia.today/actual/pakistan-v-edinom-stroyu-shos/> (дата обращения: 09.06.2024)

³ Joint Statement between the People's Republic of China and the Islamic Republic of Pakistan, 2024. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202406/09/content_WS666500fcc6d0868f4e8e7f17.html (дата обращения: 09.06.2024)

⁴ New Delhi Declaration of the Council of Heads of State of Shanghai Cooperation Organization, 2023. – URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/36751/New+Delhi+Declaration+of+the+Council+of+Heads+of+State+of+Shanghai+Cooperation+Organization> (дата обращения: 09.06.2024)

перерабатывающих мощностей действующих на Тенгизе заводов путем снижения устьевого давления и повышения давления на 6 действующих комплексных технологических линиях.

Активное сотрудничество в сфере промышленной кооперации в газовой отрасли наблюдается между Россией и Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. На территории Кыргызстана находится 2 базы сжиженного природного газа, входящие в актив ПАО «Газпромнефть». Также, функционирующее на территории государства ООО «Газпром Кыргызстан» выполнило 34 мероприятия по автоматизации метрологии и технологической связи. На территории Таджикистана 40 АЭС, 5 нефтебаз, а также 2 базы сжиженного газа принадлежат ООО «Газпром нефть Таджикистан» по состоянию на III квартал 2021 года. В рамках сотрудничества Узбекистана с Россией (освоение газового месторождения «25 лет независимости») планируется, в рамках второго этапа проведения работ в период 2023–2025 годов, строительство газохимического комплекса для производства полимерных продуктов в объеме до 500 тысяч тонн в год с глубокой переработкой товарного газа.

В 2017 году состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании касательно сотрудничества в нефтегазовой отрасли между Россией (Gazprom International) и национальной нефтегазовой компанией Пакистана Oil and Gas Development Company Limited (OGDCL). Помимо содействия внедрению и использованию современных технологий в области добычи нефти и газа, стороны договорились оказывать взаимную техническую помощь для развития отдаленных и малодоходных месторождений и комплексные услуги по бурению. Компания рассматривает Раджанское месторождение, находящееся в собственности OGDCL, на предмет применения **технологии повышенной нефтеотдачи (Enhanced Oil Recovery (EOR))**.

Одним из ключевых направлений промышленной кооперации в рамках ШОС также является **электроэнергетика**, которая играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности региона. Активное внедрение современных технологий и реализация совместных проектов в области электроэнергетики позволяют странам-участницам ШОС эффективно обеспечивать стабильное и надежное энергоснабжение населения, объектов промышленности и экономики в целом.

Взаимодействие Индии с Россией позволило внедрить передовое технологическое оборудование на индийские ТЭС. ПАО «Силовые машины» в 2021 году получило сертификат эксплуатационной приемки энергосилового оборудования блока № 3 ТЭС «Сипат» в Индии. Документ выдан индийской организацией NTPC Limited. **Паровая турбина мощностью 660 МВт, генератор, автоматические системы управления, вспомогательное оборудование третьего энергоблока ТЭС успешно прошли гарантийные испытания и способны работать на сверхкритических параметрах пара**¹.

Россия и Индия также активно развивают взаимодействие по вопросам использования атомной энергии в мирных целях, в настоящее время взаимодействие сторон осуществляется в рамках строительства АЭС. В 2016 году ГК «Росатом» закончил строительство и ввел в эксплуатацию 2 энергоблока АЭС «Kudankulam» с двумя реакторами ВВЭР-1000. Завершение строительства 3 и 4 энергоблоков АЭС «Kudankulam» планируется в 2023 году. Строительство 5-ого и 6-ого энергоблоков началось с июня и декабря 2021 г. соответственно. ГК

¹ Электронное издание «Энергетика и промышленность России». – URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2021/1513893.htm> (дата обращения: 09.06.2024)

«Росатом» начала строительство 5-го энергоблока АЭС «Kudankulam», 21 декабря 2021 г. начато строительство 6-го блока. Ожидается, что они будут введены в эксплуатацию в 2026–2027 гг. Более того, в октябре 2018 года в Нью-Дели прошел 19-ый Российско-индийский саммит, в рамках которого Россия и Индия подписали документ о строительстве в Индии шести новых энергоблоков АЭС по проектам ГК «Росатом».

Перспективы взаимодействия стран ШОС в области атомной энергетики возможны также и с Пакистаном. После ввода KANUPP-1 в Пакистане были построены четыре блока на АЭС Чашма. Блоки эксплуатируются с высокими значениями КИУМ (более 80%), являясь одними из самых экономичных и надежных источников электроэнергии в стране².

В рамках взаимодействия Узбекистана с Россией в 2018 году была осуществлена полномасштабная модернизация энергоблоков № 1 и № 2 Сырдарьинской ТЭС «под ключ» в рамках контракта с АО «Узбекэнерго» и АО «Sirdaryo IES». Работы по контракту включали модернизацию турбинного, генераторного, котельного и вспомогательного оборудования, приводных турбин, **реконструкцию автоматической системы управления, внедрение автоматизированной системы управления процессами**, разработку проектной документации, выполнение строительно-монтажных и пусконаладочных работ, а также проведение гарантийных испытаний. Более того, подобные работы проводились также на Нижнечаткальской ГЭС, Фархадской ГЭС, Чарвакской ГЭС, Пскемской ГЭС, Талимарджанской ТЭС и Туполангской ГЭС.

Реализуется ряд партнерских проектов Кыргызстана с Россией, например, в настоящее время между АО «Силовые машины» и ОАО «Электрические станции» действует договор на поставку оборудования (турбины и генератора) гидроагрегата ст.№ 2 на Камбаратинскую ГЭС-2.

В условиях продвижения концепции устойчивого развития и экологической повестки на мировой арене, страны ШОС также заинтересованы в развитии промышленной кооперации и обмена технологическими инновациями и оборудованием в сфере устойчивого развития и возобновляемых источников энергии.

Безусловным лидером среди стран ШОС в области разработки и совершенствования различных технологий ВИЭ является Китай. Так, одним из привлекательных для стран-участниц ШОС направлением является развитие **плавучих солнечных электростанций**: мощность 40 МВт (проект Sungrow Power Supply Co Ltd, запущенный в 2017 году) в провинции Аньхой³, 150 МВт⁴ (2017 год), а также мощностью 320 МВт (запущенная в январе 2022 года эта электростанция стала крупнейшей в мире плавучей СЭС) вблизи Дэчжоу (провинция Шаньдун)⁵. Китай также развивает проекты **гибридных**

² Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/pakistan-raises-power-prices-amid-energy-crisis-despite-rampant-inflation-2022-07-26/> (дата обращения: 10.06.2024)

³ ИА «РБК». – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/08/2017/5992d16a9a7947594df45661 (дата обращения: 10.06.2024)

⁴ Информационный портал «Power Technology». URL: <https://www.power-technology.com/features/worlds-biggest-floating-solar-farms/#:~:text=Three%20Gorges%20New%20Energy's%20floating%20solar%20farm,-Three%20Gorges%20New&text=Located%20in%20Huainan%20City%20in,national%20grid%20in%20December%202017.> (дата обращения: 10.06.2024)

⁵ PV Magazine. – URL: <https://www.pv-magazine.com/2022/01/03/worlds-largest-floating-pv-plant-goes-online-in-china/> (дата обращения: 10.06.2024)

станций, использующих энергию солнца и морских приливов. В 2022 году был запущен первый подобный проект, с мощностью станции 100 МВт, расположенной в Вэньлин (провинция Чжэцзян)¹. Кроме того, страна демонстрирует рекордные темпы строительства **морских ветровых электростанций**: мощность введенных в эксплуатацию морских ВЭС в 2021 году достигла 16,9 ГВт², в том же году к сети была подключена крупнейшая в Китае офшорная ветростанция мощностью 802 МВт в провинции Цзянсу. Страна также выступает одним из лидеров по объему производства **турбин для ВЭС**. Согласно данным Глобального совета по ветроэнергетике (GWEG), доля КНР на мировом рынке производства гондол турбин и их ключевых компонентов (редукторы, генераторы и лопасти) составляет около 60–65%³. Совместно с Россией, Китай осуществляет ряд проектов по солнечной энергетике: ведется **строительство СЭС** на территориях Самарской, Астраханской, Ульяновской, Волгоградской областей, Республики Башкортостан и Ставропольского края Российской Федерации общей установленной мощностью 400 МВт⁴; планируется **производство фотоэлектрических преобразователей** и сборка фотоэлектрических модулей на территории Российской Федерации в годовом объеме, соответствующем мощности солнечных электростанций до 300 МВт⁵.

В Казахстане, согласно данным 2021 года, действует 115 электростанций ВИЭ общей установленной мощностью 1635 МВт. По оценкам Министерства энергетики страны, за период 2014–2020 годов на строительство ВИЭ в Казахстане были привлечены инвестиции в размере 1,5 млрд долл. США, а мощности ВИЭ выросли более чем в 10 раз. В 2015 году была запущена **солнечная электростанция «Бурное Солар»** в Жамбылской области мощностью 100 МВт. В 2018 году введена в эксплуатацию солнечная электростанция в городе **Сарань**, Карагандинской области и в поселке **Гульшат** в том же регионе (100 МВт и 40 МВт соответственно)⁶. В 2019 году введена в строй солнечная электростанция **«Байконур Солар»** (50 МВт)⁷.

В целях диверсификации топливно-энергетического комплекса Россия разрабатывает водородные проекты (Концепция развития водородной энергетики была утверждена в 2021 году). Несомненно, России может быть полезен опыт Китая по производству, внедрению и функционированию передовых технологий и технологического оборудования в области водородной энергетики. Так, Китайский нефтяной университет (China University of Petroleum, CUP) располагает разработками в области новых материалов и технологий для водородной

энергетики, включая **полимерные протонообменные мембраны для электролизеров и твердополимерных топливных элементов, газодиффузионные слои (углеродная бумага, углеродная ткань), электрокатализаторы (бесплатиновые, с пониженным содержанием платины)**. Лаборатории университета также прорабатывают решения, связанные с хранением и транспортировкой водорода.

В заключение следует отметить, что Шанхайская организация сотрудничества уже сегодня является платформой, содействующей торговле, инвестициям, а также передаче технологий и развитию инфраструктуры, которые способны заложить основу для устойчивого роста и развития государств-членов. Сегодня важно продолжать предметный диалог по вопросам промышленной кооперации. Используя коллективный потенциал, государства – члены организации, а также партнеры ШОС, смогут не только обеспечить доступ к новым производственным возможностям, но и стимулировать интеграционный прогресс (в том числе, кооперационный потенциал) [4].

Литература

1. Kumar S, Smith SR, Fowler G, Velis C, Kumar SJ, Arya S, R, Kumar R, Cheeseman C. 2017 Challenges and opportunities associated with waste management in India. R. Soc. open sci. 4: 160764. <http://dx.doi.org/10.1098/rsos.160764>
2. Еникеев Ш.М., Лукин А.В., Новиков Д.П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1. С. 129–148 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2024-01-06
3. Мехди Солтани (2024). Роль ШОС в экономических отношениях в условиях санкций с акцентом на Россию и Иран. 4(6), стр. 59–72
4. Nikitin, Alexander, Политика безопасности ШОС в условиях меняющихся форм, характера, географии и масштаба традиционных и нетрадиционных вызовов и угроз (SCO Politics in Security Area in Conditions of Changing Forms, Geography, and Scale of Traditional and Non-Traditional Security Threats and Challenges) (May 22, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4484372> (дата обращения: 15.06.2024)

PRIORITY AREAS OF INTERNATIONAL INDUSTRIAL COOPERATION WITHIN THE SCO FRAMEWORK

Seregina A.A.

Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of Russia

The Shanghai Cooperation Organisation (SCO), founded in 2001, currently comprises nine permanent member states: China, Russia, India, Pakistan, Iran, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. At the same time, Iran became a full member of the association relatively recently – in July 2023, the year when the Memorandum of Commitment of the Republic of Belarus to become a member state of the SCO was signed. In September 2022, memorandums were signed to grant Egypt, Qatar and Saudi Arabia the status of SCO dialogue partners, and the relevant memorandum was approved by the Government of Saudi Arabia in March 2023. Later in May 2023, Bahrain, UAE, Kuwait, Maldives and Myanmar also joined the list of dialogue partner countries. Such interest of the countries of the Middle East and South-East Asia in participating in the work of the SCO recently indicates a new stage in the development of the organization, its establishment as a multilateral platform for dialogue and multilateral cooperation within the framework of priority areas. The wider geographical coverage of the participants allows the countries of the association to start the configuration of large-scale projects, which will ultimately contribute to joint economic development.

¹ CGTN. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2022-05-30/China-s-first-solar-tidal-photovoltaic-power-plant-fully-operational-1asqPv0xC2k/index.html> (дата обращения: 10.06.2024)

² GWEC Global wind report 2022. – URL: https://gwec.net/wp-content/uploads/2022/04/Annual-Wind-Report-2022_screen_final_April.pdf (дата обращения: 10.06.2024)

³ GWEC Global wind report 2022. – URL: https://gwec.net/wp-content/uploads/2022/04/Annual-Wind-Report-2022_screen_final_April.pdf (дата обращения: 10.06.2024)

⁴ ООО «Солар Системс». – URL: <http://solarsystems.msk.ru/about-company/#solar-systems> (дата обращения: 15.06.2024)

⁵ ООО «Солар Системс». – URL: <http://www.solarsystems.msk.ru/press-cents/news/1860/> (дата обращения: 15.06.2024)

⁶ ИнформБуро. – URL: <https://informburo.kz/stati/kak-v-kazahstane-razvivaetsya-zelyonaya-energetika.html> (дата обращения: 15.06.2024)

⁷ Sputnik Казахстан. – URL: <https://ru.sputniknews.kz/regions/20191216/12305530/elektrostantsiya-kyzylordinskaya-oblast.html> (дата обращения: 15.06.2024)

Keywords: industrial development, critical technologies, energy policy, import dependence, integration processes, cooperation.

References

1. Kumar S, Smith SR, Fowler G, Velis C, Kumar SJ, Arya S, R, Kumar R, Cheeseman C. 2017 Challenges and opportunities associated with waste management in India. *R. Soc. Open sci.* 4: 160764. <http://dx.doi.org/10.1098/rsos.160764>
2. Yenikeev S.M., Lukin A.V., Novikov D.P. Shanghai Cooperation Organisation in new geopolitical conditions // *Bulletin of International Organisations*. 2024. T. 19. № 1. С. 129–148 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2024-01-06
3. Mehdi Soltani (2024). The role of the SCO in economic relations under sanctions with a focus on Russia and Iran. 4(6), pp. 59–72
4. Nikitin, Alexander, *SCO Politics in Security Area in Conditions of Changing Forms, Nature, Geography, and Scale of Traditional and Non-Traditional Security Threats and Challenges* (May 22, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4484372> (date of access: 15.06.2024).

Транзитная роль Армении как геополитический фактор во внешней политике России

Мурадян Карлен Арутюнович,

заместитель начальника департамента, Министерство экономического развития РФ

Сизова Вероника Сергеевна,

студент, НИУ ВШЭ

Мушина Виктория Кирилловна,

студент, НИУ ВШЭ

В силу возросшего в 20-ых гг. XXI в. санкционного давления, а также необходимости структурной трансформации экономики Президентом Российской Федерации В.В. Путиным обозначен, так называемый «поворот на Юг». Ключевой задачей является формирование сети устойчивых партнерств с иностранными государствами и создание необходимой инфраструктуры для внешнеэкономической деятельности, в том числе модернизация международных транспортных коридоров за счет повышения глобальной конкурентоспособности маршрутов. Одним из ключевых партнеров России на этом направлении является Армения, потенциал взаимодействия с которой значительно вырос. Вместе с тем в настоящее время наблюдается ряд политических вызовов, замедляющих кооперацию двух стран. Именно исследованию указанных факторов развития двусторонних отношений России и Армении и посвящена данная статья. В статье проводится оценка преимуществ и недостатков географического расположения Армении как логистического и транзитного «хаба» на основе теоретического анализа роли транзитных маршрутов в контексте геополитических парадигм, преимущественно, а также теории функционализма. Статья объясняет транзитные связи между Арменией и Россией как предпосылку к более глубокой интеграции, рассматриваемой с точки зрения «эффекта перелива». Помимо этого, проведен анализ взаимодействия РФ и Армении в рамках деятельности ЕАЭС, который выступает как платформа для эффективного сотрудничества и взаимодействия между исследуемыми государствами. Вместе с тем, политический разворот Еревана в сторону США, может стать угрозой взаимоотношениям с Россией. Политические и экономические издержки текущей политики руководства Армении еще предстоит оценить, однако с большой долей вероятности, они приведут преимущественно к дестабилизации региона и отношений с Москвой.

Ключевые слова: российско-армянские отношения, транспортные маршруты, транспортная инфраструктура, ЕАЭС, функционализм.

Введение

Исследование посвящено изучению транзитной роли Армении как важного геополитического фактора во внешней политике России. В условиях глобальной интеграции и мультиполярных тенденций в мировой политической структуре транзитные маршруты приобретают особое значение, способствуя укреплению торговых и политических связей между государствами. Транзитный потенциал Армении рассматривается как ключевой элемент, способный влиять на российско-армянские отношения и их динамику в контексте евразийской интеграции.

Для проведения исследования были использованы методы теоретического анализа, включая изучение геополитических парадигм и функционалистской теории, которые помогают раскрыть значимость транзитных маршрутов в укреплении международных связей. Исследование опирается на данные об инфраструктурных проектах, таких как газопровод Иран-Армения, железная дорога ЮКЖД и модернизация Армянской АЭС при участии «Росатома». Дополнительно были использованы количественные данные Всемирного банка, в частности, индекс эффективности логистики (LPI). Эти данные позволяют оценить качество транспортных услуг и логистики в Армении и сопредельных странах, что является важным для анализа конкурентоспособности транзитных маршрутов через Армению. Использование этих данных помогает выявить сильные и слабые стороны логистической инфраструктуры Армении в сравнении с соседними странами.

Цель исследования заключается в понимании того, как транзитный потенциал Армении может быть использован для укрепления экономических и политических связей с Россией. Анализ транзитных маршрутов, проходящих через Армению, и оценка их влияния на двусторонние отношения, позволяет выявить ключевые преимущества и вызовы, стоящие перед обеими странами. Оценка инфраструктурных проектов и их роли в развитии транзитного потенциала Армении предоставляет важные данные для дальнейшего стратегического планирования. Влияние ЕАЭС на интеграцию России и Армении также является важным аспектом исследования, помогающим понять, как участие в Союзе способствует экономическому развитию и укреплению политических связей.

Таким образом, данное исследование помогает определить, каким образом Армения может стать важным транзитным узлом в регионе, способствующим укреплению российско-армянских отношений и повышению геополитической стабильности на Южном Кавказе.

Роль транзитных маршрутов в геополитике и геоэкономике стран

В современных условиях глобальной интеграции между странами и развития мультиполярных тенденций в геополитической структуре мировой арены транзитные маршруты стали неотъемлемой составляющей геоэкономики. Транзитные маршруты напрямую обеспечивают создание и развитие торговых связей, что потенциально обусла-

вликает сближение и политических позиций. Согласно функциональной парадигме, государства с большей вероятностью будут стремиться к кооперации и интеграции, если у них есть общий интерес, преимущественно – экономический, что затем, по «эффекту перелива», переходит в более глубокую интеграцию¹. В свою очередь, подобные процессы являются продуктом закономерных исторических взаимосвязей стран, стремящихся к созданию единого мирового рынка с целью увеличения конкурентной среды на свободном рынке, снижения тарифов и снятия экономических барьеров, а также с целью получения доступа к мировым факторам производства².

Транзитные маршруты неизменно представляют собой следующую схему: государство-поставщик – государство-транзитер – государство-получатель. Причем, каждый актор транзитной цепочки получает определенные выгоды в зависимости от своего положения. В частности, государства-транзитеры, благодаря удачному географическому положению фокусируются на инфраструктуре, трансферных услугах и логистических особенностях в обмен на что получают либо часть ресурсов, проходящих через транзитные маршруты по бартеру, либо денежные доходы согласно установленным тарифам и условиям транзита. При этом каждая страна-транзитер обладает уникальным набором геополитических и внешнеполитических факторов, способными как усиливать, так и сдерживать дальнейшую интеграцию между странами-партнерами транзитной цепочки.

Транзитный маршрут в том числе может быть использован страной-транзитером как инструмент укрепления торговых и дипломатических связей. Такие страны имеют особое влияние в геополитике региона, на котором функционирует транзитный маршрут, поскольку способны выступать как медиаторы тех или иных конфликтов, или же, наоборот, форсировать их для достижения собственных интересов. Тем не менее, согласно ряду исследований, страна-транзитер получает всего лишь часть преимуществ цепочки, в то время как наиболее выгодная позиция наблюдается у стран-конечных потребителей³. Для последних транзитные маршруты и страны-транзитеры становятся инструментами ведения внешней политики или дополнительным фактором, который следует учитывать при формировании основных стратегических целей государства как в экономической, так и политической сфере.

С целью увеличения позитивных эффектов, получаемых от включения в транзитный маршрут, страны-транзитеры традиционно стремятся наладить постоянный и продуктивный диалог с остальными участниками транзитной схемы. При создании и поддержке контакта со странами-партнерами по транзитным маршрутам, государства неизбежно должны учитывать как внешнеполитические интересы акторов в целом, так и текущую региональную и/или мировую обстановку. Поскольку транзитные маршруты являются по своей сути экономическими проектами, политика в их отношении выстра-

¹ Эффект перелива – процесс, при котором экономическая интеграция и сотрудничество в одной области постепенно распространяются на другие сферы, приводя к более глубокой и всеобъемлющей интеграции между странами. Первоначально определение выдвинуто Маршаллом в 1890-х, как способ интеграции европейских стран вследствие экономической поддержки.

² Комов М.С. Роль транспорта в развитии региональных интеграционных процессов в мировой экономике // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 8 (94). С. 192–199.

³ Moschovou T. P., Giannopoulos G.A. Modeling freight mode choice in Greece // Procedia-Social and Behavioral Sciences. – 2012. – Т. 48. – С. 597–611.

ивается с одной стороны, на балансировании экономических затрат и выгод для стран-участников, с другой, на соотношении выгод и рисков. Тем не менее, экономическая часть диалога не единственная: составляя дву- и/или много-сторонние политические акты, соглашения и/или договоры между страной-получателем/страной-поставщиком и страной-транзитером, акторы обеспечивают себе более выгодные условия региональной интеграции, поскольку помимо общей логистической системы и взаимовыгодных экономических связей, государства обязаны друг перед другом политическими соглашениями.

Именно потому, что существенная часть всей инфраструктуры, обеспечивающей потоки поставляемых и получаемых ресурсов сосредоточена на странах-транзитерах, а политические соглашения, помимо экономических выгод, выступают как одни из наиболее эффективных способов регулирования диалога между акторами; государства-транзитеры и их транзитная роль в маршрутах являются неотъемлемой частью внешней политики как самих транзитеров, так и других участников транзитного маршрута.

Транзитный потенциал Армении: географические особенности и развитие инфраструктуры

Географическое положение Армении является ключевым фактором, определяющим ее значимость в региональном транзите. Расположенная в Южном Кавказе, Армения является перекрестком важных транспортных маршрутов, связывающих Восточную Европу и Западную Азию. Ее уникальное географическое положение обеспечивает стратегические преимущества и делает ее привлекательной для развития транзитных потоков.

Армения граничит с Турцией, Ираном, Азербайджаном и Грузией, что обеспечивает ей доступ к различным рынкам. Восточные границы Армении связаны с Ираном и Азербайджаном, открывая пути для транзита товаров и энергетических ресурсов между Ираном и странами Европы и Азии. Западные границы Армении предоставляют доступ к Турции и Грузии, что открывает возможности для транзита товаров между Европой и Центральной Азией. Развитие инфраструктуры и участие в международных проектах способствуют улучшению транспортных связей между Арменией и ее соседями.

На севере и юге Армения активно развивает международные проекты развитию транзитного потенциала, в том числе в сфере энергетики. Так, реализован проект совместного газопровода с Ираном⁴. Газопровод Иран–Армения представляет собой транспортную магистраль с протяженностью около 140 километров, основной целью которого является обеспечение поставок нефти из Ирана в Армению для использования внутри страны и для возможности экспорта в другие регионы, что способствует диверсификации поставок энергетических ресурсов для Армении и снижению зависимости от других источников. Газопровод Иран–Армения имеет стратегическое значение для обеих стран. Во-первых, газопровод Иран–Армения обеспечивает Армению надежным и стабильным снабжением природным газом, что позволяет стране сократить свою зависимость от импорта газа из других источников, таких как Россия, и гарантирует непрерывное энергоснабжение для населения, промыш-

⁴ Вардомский Л. и др. Страны Южного Кавказа: особенности развития и регионального взаимодействия / Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин, Т.В. Соколова. – Москва: Ин-т экономики, 2014–70. С. (Научные доклады Института экономики РАН).

ленности и других секторов экономики¹. Доступ к недорогому природному газу и устойчивые поставки способствуют стабильности энергетического сектора и экономическому развитию Армении. Более того, газопровод Иран-Армения способствует развитию торговых и экономических связей между Арменией и Ираном. Он создает возможности для укрепления экономического сотрудничества, включая сферы торговли, инвестиций и развития энергетического сектора, что способствует созданию рабочих мест, привлечению инвестиций и повышению экономического благосостояния Армении. Благодаря этому проекту, возрастает роль Армении в транзите энергетических ресурсов между Ираном и другими регионами, что способствует ее экономическому развитию и укреплению ее позиции в региональной энергетической инфраструктуре.

Кроме того, Армения участвует в создании единого коридора передачи электроэнергии Россия-Грузия-Армения-Иран, который позволит объединить разрозненные до этого двусторонние сети в одну². Это позволит Армении реализовать свой транзитный потенциал и обеспечить стабильность энергетического рынка как самой Армении, так и всего региона³.

Вместе с тем, наряду с упомянутыми выше преимуществам, которые связаны с географическим положением Армении, существуют определенные вызовы и ограничения, которые препятствуют развитию транзитных потоков в регионе. Одной из наиболее значимых проблем является сложная политическая обстановка, которая существует в данном регионе.

Армения была вовлечена в вооруженный конфликт с Азербайджаном, что привело к нарушению безопасности и усилило неопределенность относительно транзитных маршрутов. Во время конфликта, Турция, являющаяся соседней и граничащей с Арменией страной, приняла сторону Азербайджана, что привело к охлаждению отношений между двумя странами. После конфликта Турция продолжила поддерживать Азербайджан, что создало неопределенность и риски для безопасности транзитных маршрутов через Армению. Снижение активности дипломатических и экономических контактов между Арменией и Турцией может отразиться на потен-

циале развития транзитной инфраструктуры и потоков⁴. Однако, согласно последним новостям, Армения и Турция начали процесс нормализации отношений. Премьер-министр Армении Никол Пашинян и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган выразили готовность работать над урегулированием отношений без предварительных условий, что может способствовать стабилизации региона и улучшению условий для транзита⁵. Решение подобных проблем требует дипломатических и политических усилий со стороны всех заинтересованных сторон и привлечения третьих сторон для обеспечения безопасности и устойчивости транзитных маршрутов, а также укрепления стабильности в регионе.

Несмотря на вышеуказанную напряженность, в целом в последние годы наблюдается положительная динамика развития взаимоотношений Еревана с Баку и Анкарой. Подобные изменения способствовали улучшению ситуации в регионе и имеют важное значение для транзитных потоков в Армении⁶. Открытие армяно-турецких границ и установление прямых торгово-экономических отношений между двумя странами предоставляет Армении возможность преодолеть свое прежнее изолированное положение в регионе. Это способствует интеграции Армении в Средний коридор, иначе именуемый Транскаспийский международный транспортный коридор, который является важным путем для транзита товаров и грузов между Восточной Европой и Западной Азией, в связи с тем, что его путь пролегает через Китай, Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и далее выходит в Турцию и страны Европы. Создание проекта Зангезурского коридора и его теоретическая имплементация могут предоставить необходимую базу для дальнейшего развития как экономики Армении, так и укрепления ее позиции в геоэкономическом пространстве, так как проект позволил бы включить эту страну в вышеупомянутую международную систему перевозок с большим объемом торговли⁷. Однако, по состоянию на 2024 год, Армения не выразила абсолютной поддержки этому проекту, в связи с тем фактом, что ее желание установить таможенные тарифы и пошлины на границах, через которые по плану должен проходить данный коридор, было встречено негативно.

Помимо вышеуказанного конфликта со странами-соседями, Армения чувствительна к политическим столкновениям между странами, для которых она является транзитером. Таким образом, эскалация грузино-осетинского конфликта в 2008 году и последующая «операция России по принуждению Грузии к миру», привели к снижению объем транзита в том числе из-за отмены льгот для транзита армянских грузов в рамках тарифного соглашения⁸, что привело к увеличению транспортных

¹ С помощью диверсификации поставок газа, руководство Армении старается не допустить повторения ситуации 2019 г. на рынке бензина, когда совокупность внешних и внутренних факторов привела к тому, что средняя стоимость бензина резко увеличилась примерно на 10%. Одной из причин, которые привели к кризису, называлась существенная зависимость от поставок российского топлива, на которые приходилось около 90%. См. подробнее: Монополизированный бензин для Армении: что реально происходит на рынке топлива? Спутник Армения, 2019 // Режим доступа: <https://ru.armeniasputnik.am/20191025/Dokumenty-dlya-moschnogo-armyano-gruzinskogo-proekta-budut-gotovy-k-dekabryu-zamministra-20883222.html> (дата обращения: 29.06.2023)

² Документы для «мощного» армяно-грузинского проекта будут готовы к декабрю – замминистра. Спутник Армения, 2019. Режим доступа: ru.armeniasputnik.am/20191025/Dokumenty-dlya-moschnogo-armyano-gruzinskogo-proekta-budut-gotovy-k-dekabryu-zamministra-20883222.html (дата обращения: 29.06.2023)

³ В настоящее время в Армении существует ряд обособленных друг от друга линий электропередач с Ираном, Грузией, Турцией и Азербайджаном (с последними двумя не функционируют). При этом обмен электроэнергией происходит сезонно, что снижает возможности наращивания армянских поставок за рубеж. При существенных рисках перепроизводства электроэнергии, наращивание экспорта является не только экономической необходимостью, но и позволит Армении реализовать свой геоэкономический потенциал.

⁴ Кудаяров К.А. Турция и Нагорно-Карабахский конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 67–73.

⁵ РБК. Армения и Турция договорились наладить отношения, 2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/06/2024/6672096f9a79471c8ae6fc49>

⁶ Карян А. Становление прямых армяно-турецких торгово-экономических отношений меняет геоэкономический баланс // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/stanovlenie-pryamykh-armyano-turetskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 16.06.2023)

⁷ Гусейнов В. Зангезурский коридор – краеугольный камень регионального сотрудничества на Южном Кавказе. // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor/> (дата обращения: 16.06.2023)

⁸ Ашот Е. Армения: основы транзита для страны, не имеющей выхода к морю // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17.

расходов и снижению конкурентоспособности армянских транзитных маршрутов.

Впрочем, положение Армении в региональном транзите подвергается риску и из-за отсутствия выхода к морю. Это снижает эффективность и надёжность транзитных потоков в регионе, в том числе из-за необходимости пересечения товарами границ с соседними странами, что усиливает негативное влияние транзакционных издержек и ухудшения политической обстановки в регионе. На рост транзакционных издержек влияют в том числе несовместимость правовых норм и процедур на границах, через которые проходят товары, что может привести к «правовому пату» и вызвать перебои в транзите товаров через Армению¹. Проблема «правового пата» может проявляться в различных формах, например, различные правила и требования в отношении таможенных процедур, лицензирования, сертификации и других административных процедур могут замедлять процесс транзита товаров и увеличивать административные издержки.

С учетом географических особенностей Армении, основным способом транспортировки грузов наряду с трубопроводным (64,7% в 2023 г. – рост на 1,3 п.п. к 2022 г.) является автомобильный (23,9% – рост на 4,4 п.п.) и железнодорожный транспорт (11% – снижение на 5 п.п.)². В том числе есть железнодорожное сообщение с грузинским портом Потти, тем самым обеспечивая Армении доступ к морским международным коридорам.

В настоящее время активный транзит осуществляется по маршруту Айрум (Армения) – Садахло (Грузия). Более того, в 2020 году возобновилась работа паромной переправы Кавказ-Поти-Кавказ для международных перевозок, который позволяет обеспечить стабильный маршрут доставки грузов на международном уровне и, в частности, между Россией и Арменией через Грузию.

Вместе с тем, развитие железнодорожного транзита также испытывает на себе давление политических факторов. Так, из-за политических разногласий была приостановлена работа ряда договоров о сообщении, например, Ахурян (Армения) – Догучапи (Турция). Помимо экономических последствий для Армении, закрытие железной дороги послужило толчком к созданию и реализации обходного пути, а именно железной дороги Баку – Тбилиси – Карс (БТК).

Помимо прочего, Армения сталкивается с проблемами в контексте развития альтернативных (в обход Армении) региональных транзитных путей, в которых она не принимает участия. Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум обеспечивают транзит энергетических ресурсов в обход Армении. Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан (далее – БТД) был запущен в эксплуатацию в 2005 году и соединил каспийские нефтяные месторождения с терминалом в турецком порту Джейхан на Средиземном море. Протяженность нефтепровода составляет около 1,8 тыс. километров, а его емкость составляет около 1 млн баррели нефти в день. Проект БТД имеет направлен на обеспечения независимости от существующих маршрутов транспортировки нефти и создания альтернативного пути для экспорта каспийской нефти на мировые рынки. Нефтепровод БТД проходит через территории Азербайджана, Грузии и Турции, обеспечивая транзит через регион и способствуя развитию транспортной инфраструктуры в этих странах.

Газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум (Южно-Кавказский трубопровод, далее – БТЭ) является частью масштабного газового проекта Южный газотранспортный коридор и был запущен в 2006 году, который представляет собой транзитный маршрут для газа, добытого в Азербайджане, и предоставляет возможность поставки газа в Турцию и Европу. Газопровод БТЭ имеет протяженность около 700 километров и проходит через Азербайджан, Грузию и Турцию. Его емкость составляет около 16 млрд куб.м. газа в год.

Нефтепровод БТД и газопровод БТЭ являются важными компонентами инфраструктурной сети региона, обеспечивающими стабильность и укрепление сотрудничества в регионе. Вместе с тем, Армения, не принимая участия в их реализации, испытывает дополнительное конкурентное давление со стороны БТД и БТЭ.

Помимо оценки географического положения и присутствия в международных и региональных проектах стоит рассматривать качество услуг по транспортировке и логистике. Согласно статистическим исследованиям Всемирного Банка, индекс эффективности логистики (ИЭЛ) Армении находится на достаточно низком уровне – 97 место с индексом 2,5 (из 130 стран), что говорит о низком уровне предоставляемых услуг (см. Рисунок 1). При этом начиная с 2014 г. показатели ИЭЛ последовательно снижались (не считая восстановительного роста в 2017–2018 гг. после резкого падения на фоне вооруженных столкновений в Нагорном Карабахе в 2016 г.).

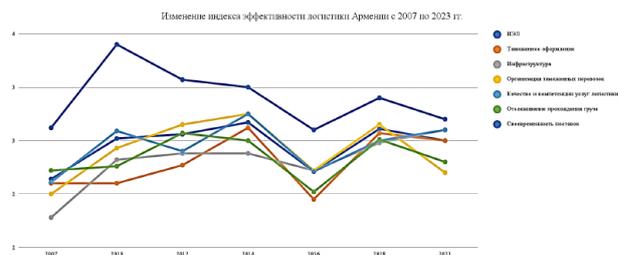

Рис. 1. Изменение индекса логистической эффективности Армении с 2007 по 2023 гг.

Источник: Данные Всемирного банка³

Наряду с общей низкой эффективностью, Армения также уступает своим странам-соседям – Грузии и Турции (Рисунок 2). В сравнении, Армения была оценена на 2,5 по ИЭЛ, в то время как Грузия и Турция – 2,7 и 3,4 соответственно.

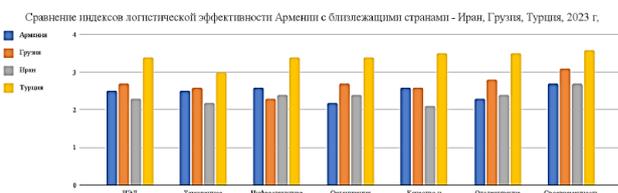

Рис. 2. Сравнение индексов логистической эффективности Армении с близлежащими странами – Иран, Грузия, Турция

Источник: данные Всемирного банка⁴

Совокупность негативного влияния политических факторов, неучастие Армении в ключевых транзитных

³ World Bank: сайт. – URL: <https://lpi.worldbank.org/international/scorecard/column/C/ARM/2023/C+GEO+2023+C+TUR+2023+C+IRN+2023> (дата обращения: 28.06.2023)

⁴ World Bank: сайт. – URL: <https://lpi.worldbank.org/international/scorecard/line/C/ARM/2023/C+ARM+2016+C+ARM+2018> (дата обращения: 28.06.2023)

№ . 4. С. 88–103.

¹ Там же.

² Ссылка на армстат

маршрутах региона, а также низкое качество эффективности логистики в совокупности негативно влияют на конкурентоспособность Армении и потенциал расширения ее роли страны-транзитера.

Транзитные маршруты как инструмент для расширения российского влияния в регионе: двусторонние отношения

Роль Армении для российской внешней политики обусловлена ее географическим положением, определяющим в том числе ее транзитную роль в стратегически важных для России транзитных коридорах.

Особенную роль приобрели транзитные маршруты через Армению, в связи с перенаправлением транзитных потоков после блокировки традиционных маршрутов, что стало ответом на транспортные и логистические санкции, которые в том числе затрагивают ключевые для России энергетические потоки. Северный поток-1 подвергся санкционному давлению, Северный поток-2 приостановлен после подрыва, а общая тенденция отказа от российского газа среди стран ЕС, поднимает проблему поставок и изменения курса политики особенно остро. В подобных реалиях, роль и без того критически важной Армении, как транзитной страны, как геополитический фактор фокуса внешней политики РФ только увеличивается¹.

Для России одним из ключевых направлений в политике стал так называемый «Поворот к Югу», ознаменовавший переход от проевропейского нарратива к странам ближнего востока, южным соседям и азиатским партнерам². Фокус с Северного и Турецкого потоков, через которые Россия экспортировала газ и нефть в страны Европы, сместился в сторону геополитических партнеров, в том числе, членов ЕАЭС. Поскольку конфронтация между Россией и Западом неизбежно растет, необходимость в новых партнерах, близких не только географически, но и идеологически, растет. Следовательно, одним из наиболее приоритетных направлений стал Каспийский регион, где Россия исторически имеет значительный вес как один из крупнейших акторов.

Армения является одним из ключевых объектов внешней политики России в силу целого ряда маршрутов, проходящих через нее, а именно: газопровод Иран-Армения, маршрут Север-Юг. Увеличение поставок нефти и газа в Каспийский регион через Армению на фоне подавляющей доли российских углеводородов в энергобалансе Армении обеспечило России возрастающее влияние.

Геополитическое влияние России в регионе на данный момент является одним из приоритетных направлений в силу следующих обстоятельств:

1. Исторический нагорно-карабахский конфликт, где Россия неоднократно выступала медиатором, конкурируя за влияние с США;
2. Растущее санкционное давление со стороны запада;
3. «Поворот на Юг», объявленный президентом РФ как одна из ключевых стратегий внешней политики страны.

На разных этапах кризиса вокруг Нагорного Карабаха, Россия долгое время была единственным актором международной арены, имеющим достаточного влияния

¹ Vinokurov E. Y., Ahunbaev A., Zaboiev A.I. International North-South Transport Corridor: Boosting Russia's "pivot to the South" and Trans-Eurasian connectivity // Russian Journal of Economics. 2022. Т. 8. № 2. С. 159–173.

² Ibid

в регионе, чтобы выступать медиатором в конфликте, в том числе способствовать прекращению огня в регионе, что обеспечивало исторически обусловленную внешнеполитическую гегемонию России на Южном Кавказе. Однако, потенциальный упадок гегемонической стабильности России может быть связан с санкционным давлением западных акторов на Россию и необходимостью переприоритизацию вектора внешней политики; а также с увеличением вовлеченности стран запада в нестабильный регион, с целью снижения политического капитала России. В регионе появляются возможности для Запада на использование силы в своих целях, что означает нарастающий «силовой вакуум» и неизбежный переход к рискам и нестабильности³.

Тем не менее, несмотря на существующие разногласия связь Армении и России остается сильной, что обусловлено как историческими и культурными связями, так и развитием экономического взаимодействия: участие в ЕАЭС, сотрудничество по линии энергетической безопасности и экономической взаимосвязью. Подобная связь потенциально является наиболее решающим геополитическим фактором, поскольку способна разрешить гонку за влияние в регионе в пользу России.

Несмотря на факторы, оказывающие негативное влияние не транзитный потенциал Армении, она все же обладает геополитически важным транзитным потенциалом при условии дальнейшего развития инфраструктуры. Увеличение логистической эффективности, как и развитие инфраструктуры, зависит от непосредственного участия Армении в ЕАЭС и от влительной поддержки (как экономической, так и политической) со стороны России. Для России, в свою очередь, увеличение экономической вовлеченности в регион является наиболее перспективным вариантом для расширения своих связей с Арменией, поскольку, в силу действующих сниженных тарифов и стратегии на развитие евразийской логистической инфраструктуры в рамках ЕАЭС, потенциальные вложения в долгой перспективе предоставят возможность укрепить российское присутствие на Южном Кавказе в целом по принципу ранее описанного «эффекта перелива».

Сейчас Россия активно инвестирует в регион, посредством, преимущественно, финансирования газопровода Иран-Армения, ЮКЖД (Южно-Кавказской железной дороги), а также модернизации Армянской АЭС совместно с Росатомом. Росатом, через свою дочернюю компанию «Русатом Сервис», активно работает над модернизацией Армянской атомной электростанции. В рамках этих работ проводится модернизация системы охлаждения реакторного отделения, что позволит продлить срок эксплуатации станции до 2036 года. Что касается первого, главной ролью России в контексте газопровода является обеспечение финансирования и экспертизы для его строительства и эксплуатации, поскольку российская компания «Газпром» является ведущим инвестором и оператором этого проекта и владеет 40% самого газопровода, что позволяет обеспечить его надежную работу⁴. В свою очередь, ЮКЖД является 100% дочерней компанией РЖД, что позволяет последней владеть и напрямую управлять железной дорогой в Армении⁵. Это

³ Erosion of Russia's Hegemonic Stability in the South Caucasus and Transition to Risky Instability // Modern Diplomacy URL: <https://modern diplomacy.eu/2023/03/25/erosion-of-russias-hegemonic-stability-in-the-south-caucasus-and-transition-to-risky-instability/> (дата обращения: 16.06.2023).

⁴ Газпром Армения: сайт. – URL: <https://armenia.gazprom.ru/about/history/> (дата обращения: 29.06.2023)

⁵ Южно-Кавказская Железная Дорога: сайт. – URL: <https://www.railway.am/ru/about> (дата обращения: 29.06.2023)

позволяет вкладывать средства в модернизацию и развитие ЮКЖД, что как и для России, так и для Армении, является не только решением проблемы низко развитой инфраструктуры, но и гарантией перевозок.

Опираясь на вышеобозначенное, справедливо будет отметить, что для России, в условиях растущих санкций и ухудшения экономического партнерства с Европой и Западом в целом, усиление экономического взаимодействия с Арменией является одним из возможных вариантов усиления позиций России в регионе. При этом низкий уровень развития инфраструктуры, усиление политических разногласий и очевидный разворот современного армянского руководства в сторону западных стран обуславливает риски охлаждения отношений как в политической, так в экономической сферах.

Роль Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в укреплении транзитной связи между Россией и Арменией

ЕАЭС – созданный с целью углубления экономической интеграции союз, в рамках которого функционируют Единый Таможенный Тариф, Таможенный Кодекс, и сам Договор о ЕАЭС, закрепляющий принцип «четырёх свобод» между государствами-членами. Согласно плану ЕАЭС, закрепляющим основные стратегии направления развития организации, одними из первостепенных задач являются развитие единой транспортной системы между странами и создание общего, единого рынка энергетики¹. В том числе, организацией особенно подчеркивается необходимость улучшения и дальнейшего развития логистической инфраструктуры на направлениях «Север – Юг» и «Восток – Запад». ЕАЭС и для Армении, и для России является гарантом свободного, «эксклюзивного» и надежного рынка². «Эксклюзивность» рынка также была подчеркнута премьер-министром Армении – Николой Пашиняном, который на заседании Межправительственного Евразийского совета (2023 г.) подтвердил уникальный доступ ЕАЭС к рынку Ирана, обеспеченный участием Армении в Евразийской организации³.

С момента вступления Армении в ЕАЭС (2015 г.), наблюдается значительный рост экспорта России в Армению (рост на 80,2% до 1,9 млрд долл США), так и экспорта Армении в Россию (рост на 241,3% до 0,71 млрд долл США)⁴. Например, рост экспорта натурального газа из России в Армению за период с 2016 по 2021 г. оценивается в 34,6%, нефти – в 67,7%⁵. В это же время рос и экспорт из Армении в Россию в следующих категориях: алкогольная продукция (вино, производные) – на 45,9%,

табачная продукция – 55,4%⁶. Одновременно с этим, база данных ООН COMTRADE оценивает долю товаров в Армении за первые месяцы 2023 года, импортированных из России (из всех импортных товаров по всем торговым партнерам Армении) в 31%⁷. Подобный прирост может объясняться следующими факторами:

а) упрощенный процесс ввоза/вывоза товаров в рамках единой транспортной системы ЕАЭС;

б) единая таможенная политика Армении и России, обусловленная требованиями Евразийского комитета;

в) развитие инфраструктуры транзитных маршрутов в рамках проектов ЕАЭС, в том числе автоматизация и упрощение таможенных процедур, внедрение современных систем контроля и учета грузов;

г) обеспеченная единая платформа цифрового документооборота;

д) развитие проекта «Евразийский агроэкспресс» для увеличения логистического потенциала членов ЕАЭС.

Согласно данным Министерства экономического развития России⁸, темпы роста взаимной торговли между странами-участницами ЕАЭС в 2022 увеличились на 6,7% по сравнению с 2021, в то время как наибольший прирост поставок товаров наблюдался из Армении. Так, в рамках проекта «Зеленый коридор» за 2020 год (антикризисная мера в период пандемии коронавирусной инфекции) были налажены транзитные пути импорта из Армении в Россию по пути Мегри (пограничный с Ираном город) – Ереван – Верхний Ларс. Это может послужить основной для укрепления транзитной роли Армении в армяно-российских отношениях, что является важным геополитическим фактором для внешней политики РФ в целом.

Помимо увеличения экономической интеграции между Арменией и Россией, Армения, в силу своего географического положения и участия в ЕАЭС, может потенциально играть роль посредника между Россией и Ираном. Поскольку Армения – единственная страна ЕАЭС, имеющая сухопутную границу с Ираном, Армения может сыграть ключевую роль как транзитная страна для доступа членам ЕАЭС к рынку Ирана⁹.

Последние два года наблюдается улучшение двусторонних отношений между Россией и Арменией, поддерживаемых единой политикой ЕАЭС (предоставление платформ для переговоров, создание и имплементация единой политики, в том числе в экономике). В 2020 году, согласно данным Минэкономразвития России, «результаты исполнения поручений по итогам МПК» были реализованы на 81,8% между Россией и Арменией¹⁰. Во-вторых, в 2022 году было проведено обновление Российско-Армянского делового совета, что позволило увеличить эффективность и оперативность работы ведомства. В этом же году в Ереване был открыт Центр стратегического развития Армении, главной целью которого является разработка и применение мер по увеличению евразийской интеграции. Были улучшены условия двусторонней торговли: с 2017 года было устранено 10 интеграционных барьеров со стороны РФ и 2 со стороны

¹ Решение ЕАЭС «О Стратегических направлениях евразийской экономической интеграции до 2025 года» от 11.12.2020 № 12 // Высший Евразийский Экономический Совет. 2020

² Мигранян А. А., Маргарян А.Ш., Ткаченко М.Ф. Специфика интеграционного сотрудничества Армении со странами ЕАЭС // Постсоветский материк. – 2015. – № 4 (8). – С. 95–114.

³ Страны ЕАЭС получают эксклюзивный доступ на рынок Ирана // Kginfo: сайт. – URL: <https://kginfo.ru/strany-aeas-poluchayut-eksklyuzivnyj-dostup-na-rynok-irana-nikol-pashinyan/> (дата обращения: 29.06.2023)

⁴ Торговля России и Армении // Внешняя торговля России, 2022. – URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-armeniyev-2021-g> (дата обращения: 19.07.2024)

⁵ Exports from Russia to Armenia & exports from Armenia to Russia, % // OEC URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/rus/partner/arm?depthSelector=HS6Depth&measureBilateralTradeSelector=vizValueOption3&compareExports0=comparisonOption5> (дата обращения: 28.06.2023).

⁶ Ibid.

⁷ TradingEconomics: сайт. – URL: <https://tradingeconomics.com/armenia/imports-by-country> (дата обращения: 28.06.2023)

⁸ Об итогах деятельности Правительства Российской Федерации за 2022 год: Доклад // Министерство экономического развития РФ. – 2023. – Приложение № 1.

⁹ Нерсисян К. А., Балаян Н.В. Роль и значение Армении в евразийской интеграции // Economics. 2017. № 10 (31). С. 65–73.

¹⁰ Доклад «Итоги внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в 2020 году и I полугодии 2021 года» от 2021 // Министерство экономического развития

Армении, включающие в себя вопрос о неприятии Россией таможенных документов со стороны стран-участниц ЕАЭС¹.

В целом транзитная связь между Россией и Арменией имеет большой потенциал для развития, в том числе из-за поддержки ЕАЭС. Будучи странами-участницами, Армения и Россия имеют ряд обязательств перед организацией, основная цель которой создать единый рынок по принципу «четырёх свобод». Сформулированная стратегия ЕАЭС в отношении транзитных маршрутов обозначила путь на развитие логистических цепочек и обеспечивающей маршруты инфраструктуры. Для армяно-российских отношений, ЕАЭС может расцениваться как платформа, в рамках которой страны могут осуществлять единую политику в отношении транзитных маршрутов и общего рынка. В контексте транзитных связей между Арменией и Россией это не только позволяет усилить двустороннюю экономическую интеграцию, но, как и указано ранее, укрепить позицию России на Южном Кавказе.

Заключение

Армения обладает транзитным и логистическим потенциалом, который, при условии сотрудничества с Россией, может быть выгоден для обеих стран. Во-первых, Армения, как страна-транзитер, сможет увеличить экономические выгоды, получаемые от предоставления инфраструктур и логистических путей для транзитных маршрутов. В долгой перспективе это может означать ускорение темпов экономического роста и наращивание капитала в стране. Во-вторых, для России налаженные транзитные маршруты могут означать выходы к новым рынкам (в первую очередь – рынок Ирана, впоследствии – рынок стран Африки в рамках изменения российского внешнеполитического курса).

Тем не менее, потенциал Армении ограничен конфронтацией с Азербайджаном и Турцией на основе исторических разногласий между государствами. Подобное столкновение приводит к закрытию наземных границ, что становится критическим препятствием для развития транзитных маршрутов, поскольку Армения не имеет выхода к морю, а, следовательно, и заменяемых наземных маршрутов. Во время обострения конфликта в Нагорном Карабахе, транспортные риски усилились: закрытие ряда маршрутов привело к частичной транспортной изоляции. Конфликты со географическими соседями также привели к невключению Армении в крупные инфраструктурные проекты например, газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум.

Что касается геополитического фактора внешней политики России, транзитная роль Армении возросла в силу ряда факторов. В первую очередь, это необходимость обеспечения стабильности и укрепление влияния России на Южном Кавказе. Поскольку через развитие транзитных маршрутов Россия способна увеличивать вложения (финансы и ресурсы) в регион, ее присутствие с развитием транзитных связей будет расти. Во-вторых, транзитная роль Армении может означать выходы к новым рынкам, что, как и упомянуто ранее, соответствует интересам РФ в рамках «поворота на Юг». Поскольку Армения для России – стратегически важный партнер, Россия систематически принимает участие в проектах, направленных на развитие инфраструктуры и логистических путей в Армении.

Ряд проектов реализуются в рамках ЕАЭС, одной из стратегических целей которого является развитие

¹ ЕАЭС: сайт. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Cases/68> Кейс таможенного рынка РФ.pdf

инфраструктуры и логистических путей с целью увеличения интеграции и обеспечения единого рынка. Для российско-армянских отношений, ЕАЭС выступает как платформа, на которой государства-партнеры могут осуществлять деятельность, направленную на экономическое развитие. Более того, участие в Союзе обеспечивает единый таможенный тариф и упрощенные условия ввоза/вывоза товаров, что увеличивает стимулы и интересы государств развивать региональный рынок. Помимо прочего, деятельность ЕАЭС направлена на проведение проектов, цель которых – увеличение логистического потенциала, реконструкцию и обновление инфраструктур, а также создание единой транспортной системы. Все это помогает России и Армении в реализации взаимовыгодных целей на общих транзитных маршрутах.

Армения обладает существенным нереализованным потенциалом для развития транзитных путей, который при поддержке России и ЕАЭС способен развиваться, несмотря на внутрирегиональные турбулентности. Для России транзитная роль Армении способна стать одним из ключевых геополитических факторов внешней политики в силу стремительно меняющегося баланса сил на мировой арене.

Литература

1. Ашот Е. Армения: основы транзита для страны, не имеющей выхода к морю // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. № 4. С. 88–103.
2. Вардомский Л. и др. Страны Южного Кавказа: особенности развития и регионального взаимодействия / Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин, Т.В. Соколова. – Москва: Ин-т экономики. 2014. 70. С. (Научные доклады Института экономики РАН).
3. Гусейнов В. Зангезурский коридор – краеугольный камень регионального сотрудничества на Южном Кавказе. // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor/> (дата обращения: 16.06.2023)
4. Карян А. Становление прямых армяно-турецких торгово-экономических отношений меняет геэкономический баланс // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/stanovlenie-pryamykh-armyano-turetskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 16.06.2023)
5. Комов М.С. Роль транспорта в развитии региональных интеграционных процессов в мировой экономике // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 8 (94). С. 192–199.
6. Кудаяров К.А. Турция и Нагорно-Карабахский конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 67–73.
7. Мелконян С.Г. Армяно-российские отношения: в поиске новой формулы // РСМД. 2023. URL: <https://rusiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/armyano-rossiyskie-otnoshenia-v-novoy-formuly/>
8. Мигранян А. А., Маргарян А. Ш., Ткаченко М. Ф. Специфика интеграционного сотрудничества Армении со странами ЕАЭС // Постсоветский материк. 2015. № 4 (8). С. 95–114.
9. Нерсисян К. А., Балаян Н.В. Роль и значение Армении в евразийской интеграции // Economics. 2017. № 10 (31). С. 65–73.
10. Смирнова А.В. Взаимоотношения России и Армении: исторические реалии и перспективы // Bulletin

Social-Economic and Humanitarian Research. 2019. № 4(6)

11. Moschovou T. P., Giannopoulos G.A. Modeling freight mode choice in Greece // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2012. T. 48. C. 597–611.
12. Vinokurov E. Y., Ahunbaev A., Zaboiev A.I. International North–South Transport Corridor: Boosting Russia’s “pivot to the South” and Trans-Eurasian connectivity // *Russian Journal of Economics*. 2022. T. 8. № . 2. C. 159–173.

TRANSIT ROLE OF ARMENIA AS A GEOPOLITICAL FACTOR IN RUSSIA’S FOREIGN POLICY

Muradyan K.H., Sizova V.S., Mushina V.K.

Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Higher School of Economics

In light of the escalating sanctions pressure in the early 2020s and the imperative for structural transformation of the national economy, President Vladimir Putin of the Russian Federation has unveiled what has been dubbed the «pivot to the South». The primary goal is to forge a robust web of strategic partnerships with foreign nations and establish the requisite infrastructure for international economic engagement, encompassing the modernization of global transportation corridors to enhance their global competitiveness.

Armenia stands as one of Russia’s pivotal partners in this endeavour, with the potential for collaboration having significantly expanded. However, at present, several political impediments are hindering the progress of cooperation between the two nations. This paper delves into exploring these factors that are impacting the evolution of bilateral relations between Russia and Armenia. The article delves into a comprehensive analysis of Armenia’s strategic positioning as a critical logistical and transit hub, examining its advantages and disadvantages through a theoretical lens. Drawing upon geopolitical frameworks, particularly the concept of transit routes, and the functionalist theory, the article explores the significance of Armenia’s role as a transit link between Russia.

This analysis is further enhanced by considering the «spillover effect» as a precondition for deepening integration between Armenia and Russia. Moreover, the article delves into the intricate dynamics of Russia-Armenia relations within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU), serving as a platform for fostering effective cooperation and collaboration between these two nations. The study posits that Armenia represents a valuable partner for Russia in the current context, as collaboration with Armenia not only enhances Russia’s geopolitical influence in the region but also yields a multitude of economically viable long-term benefits. Nonetheless, it is crucial to mitigate regional tensions, foster stable relationships with neighbouring nations based on mutual esteem and consideration of one another’s interests, and enhance the quality of transportation infrastructure. By addressing these objectives, Russia can emerge as an effective ally for Armenia.

Nevertheless, Yerevan’s shift towards the United States could potentially jeopardise its ties with Russia. The political and economic consequences of Armenia’s current policy direction have yet to be fully assessed, but it is likely that they will predominantly contribute to regional instability and strained relations with Moscow.

Keywords: Russian-Armenian relations, transport routes, transport infrastructure, EAEU, functionalism.

References

1. Ashot E. Armenia: fundamentals of transit for a landlocked country // *Central Asia and the Caucasus*. 2014. T. 17. No. 4. pp. 88–103.
2. Vardomsky L. et al. Countries of the South Caucasus: features of development and regional interaction / L.B. Vardomsky, A.G. Pylin, T.V. Sokolova. – Moscow: Institute of Economics. 2014. 70. P. (Scientific reports of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences).
3. Guseinov V. Zangezur corridor – the cornerstone of regional cooperation in the South Caucasus. // *International Discussion Club “Valdai”*. 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor/> (access date: 06.16.2023)
4. Karyan A. The establishment of direct Armenian-Turkish trade and economic relations changes the geo-economic balance // *Valdai International Discussion Club*. 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/stanovlenie-pryamykh-armyano-turetskikh-otnosheni/> (date of access: 06/16/2023)
5. Komov M.S. The role of transport in the development of regional integration processes in the world economy // *Regional problems of economic transformation*. 2018. no. 8 (94). pp. 192–199.
6. Kudayarov K.A. Türkiye and the Nagorno-Karabakh conflict // *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 9, Oriental and African Studies: Abstract Journal*. 2021. no. 2. pp. 67–73.
7. Melkonyan S.G. Armenian-Russian relations: in search of a new formula // *RIAC*. 2023. URL: <https://rusiiancouncil.ru/analytiks-and-comments/columns/postsoviet/armyano-rossiyskie-otnosheniya-v-novoy-formuly/>
8. Migranyan A. A., Margaryan A. Sh., Tkachenko M.F. Specifics of integration cooperation between Armenia and the EAEU countries // *Post-Soviet continent*. 2015. No. 4 (8). pp. 95–114.
9. Nersisyan K. A., Balayan N.V. The role and significance of Armenia in Eurasian integration // *Economics*. 2017. no. 10 (31). pp. 65–73.
10. Smirnova A.V. Relations between Russia and Armenia: historical realities and prospects // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2019. No. 4(6)
11. Moschovou T. P., Giannopoulos G.A. Modeling freight mode choice in Greece // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2012. T. 48. pp. 597–611.
12. Vinokurov E. Y., Ahunbaev A., Zaboiev A.I. International North–South Transport Corridor: Boosting Russia’s “pivot to the South” and Trans-Eurasian connectivity // *Russian Journal of Economics*. 2022. Vol. 8. No. 2. pp. 159–173.

Чжэн Сяотин,

доктор филологических наук, старший преподаватель,
Пекинский университет иностранных языков
E-mail: xiao.ting@bfsu.edu.cn

Летом 2019 года Чжан Чэнчжи, известный китайский писатель, совершил свою первую поездку в Россию: он побывал в Санкт-Петербурге, Москве, Казани и Крыму. С его знаниями русского языка и монгольской истории эта поездка должна была стать глубокой. Чжан Чэнчжи сосредоточился на судьбе крымских татар, а также на современных мусульманских образовательных реформах на рубеже XIX–XX веков. Для Чжан Чэнчжи Лев Толстой представляется символом идеальной интеллигенции, духовный сдвиг которой в Севастополе стал ключом к пониманию России. В Крыму Чжан Чэнчжи вновь задумался об этническом угнетении и колониальной экспансии Российской империи, в результате чего «новая школа» в Бахчисарае, Севастопольский Бастион № .5 и Ливадийский дворец стали местами памяти, забытой широкой публикой. Начиная с материальных, символических и функциональных аспектов крымских мест памяти, эта статья анализирует память, историю и национальность в Крыму глазами китайского писателя. Через изучение мест памяти он пытается найти остатки национальной идентичности с целью восстановления чувства принадлежности к мусульманской общине.

Ключевые слова: Крым, место памяти, татары, исламизация, постколониализм.

Introduction

Zhang Chengzhi (1948-, Beijing) is a contemporary Hui Chinese writer, poet, archaeologist, ethnographer. He began his writing career in 1978, with the publication of a poem in Mongolian entitled *Son of the People* and a Chinese-language short story *Why the Rider Eulogizes His Mother?* The most important masterpieces of Zhang are *The Black Steed*, *Rivers of the North*, *History of the Soul*, *A Clean Spirit*, *Respect and Farewell – To Japan*. Zhang Chengzhi is often named as the most influential Muslim writer in China, while his historical narrative *History of the Soul*, on the rise of the Jahriyya Tariqah in China's northwest during 172 years is considered an essential study of the Hui minority. Zhang is proficient in Arabic, Japanese, Mongolian, Manchu, and Kazakh, and familiar with the Hui settlement areas of Inner Mongolia, Xinjiang, Gansu, Ningxia and Qinghai.

His essay *Tolstoy on the Border* was drafted in the New Year of 2020, and then published in a major Chinese literary magazine *October* (Issue 3, 2020) rewritten in 2021–2022, and finalized after more than a dozen revisions during the Ukraine Crisis, and renamed as *Empire on the Blade*, but has not yet been assembled for publication. This essay is divided into a first section “Empire” and a second one “Conscience” of total nine chapters, this very condensed essay is based on the impressions of Zhang's 2019 trip to Russia. The Crimea was the last stop on his trip, and it is here that Zhang Chengzhi strings together Mongolia, Russia, and Tolstoy to tell readers about the realms of Crimean memories, many of which have been forgotten by the present generation.

The Realms of Material Memory, or Imperial Colonialism

In 2019, Zhang Chengzhi was 71 years old, he did not expect that he would still be able to come to the Crimea in his life. Coming out of Simferopol airport at noon, with long dark shadows spreading over the edge of the wilderness, Zhang Chengzhi describes himself as a lonely ‘lost man’, like a Tatar herdsman who has been searching for the legendary ‘White Mosque’ of his homeland. Although Zhang Chengzhi had never been to the Crimea before, he said even as a shadow, finally he is ‘back’ to the Crimea [12, p. 31]. His deep desire to travel and explore the Crimea seems evident.

Bakhchisaray

Bakhchisaray (Бахчисарай) was the capital of the Crimean Khanate (1430–1783) and the Crimean People's Republic (1917–1918). For Zhang Chengzhi it was even more valuable because he thinks that it is “the only Tatar place name on the Crimean Peninsula that has not been erased” [11, p. 51]. We have already noticed that Zhang Chengzhi's Crimean writing is rather subjective, and it would be more appropriate to say “the only Tatar place name in the Crimea he knows of”, because there are plenty of Tatar place names in use in the Crimea now, for example, Koktebel (Köktöbel), Dzhankoi (Canköy), Echki-Dag (Eçki Dağ).

Bakhchisaray in Zhang Chengzhi's eyes is covered with a veneer of melancholy: The Garden Palace at sunset is as simple as a breath at the end of a torment, as a tear without a drop of water after it has dried up [11, p. 51]. Zhang

Chengzhi's poetic associations are so different from Pushkin's passionate lines that the Chinese writer confessed that he "could not tolerate Pushkin's vulgar poems" because Pushkin "did not know the depths of Tartars!" Zhang Chengzhi even cited his literary icon Leo Tolstoy as an example, quoting Tolstoy's eldest son, Sergey Lvovich Tolstoy, in "L.N. Tolstoy in the Memoirs of Contemporaries": "My father did not think much of Pushkin's narrative poems, 'Tears of Bakhchisaray', 'The Prisoners of the Caucasus'..." [7, p. 307] The Polivanovs also recorded Tolstoy's criticism of Pushkin: "Take Pushkin, he wrote a lot of all kinds of nonsense. A full-body memorial statue was made of him, and he stood in the square... You go and explain to the peasants the significance of this sculpture and why Pushkin deserves to have a statue erected" [7, p. 413].

Prior to the nineteenth century, the Crimean Tatars were the largest ethnic group on the Crimean Peninsula, and during World War II, the Crimean Tatars were accused of being anti-Soviet and defecting to the Nazi Germans, so immediately after the Soviet Union recaptured Ukraine from the Axis Powers in May 1944, the National Defense Council ordered that all the Tatars be driven on trains and forcibly exiled mostly to Central Asia and in small numbers to different regions in European Russia and the Urals. In Bakhchisaray, Zhang Chengzhi felt an indescribable shocking feeling in his heart at that instant. "Is this how history is confirmed?" The Crimean Tatars were deported mostly to Central Asia and in small numbers to different regions in European Russia and the Urals by Stalin, which makes Zhang Chengzhi unable to tolerate this part of their history. The decline of the Crimean Tatar community has caused Zhang Chengzhi to lament: "homeland was in the hands of others", "and there may have been people who cared about their suffering, but no one recognized their rights. The international community, by ignoring them and supporting Russia or Ukraine, does not recognize the evils of colonialism" [12, p. 58]. In this way Zhang called Bakhchisaray a "true submitter", whose unique landscape blends in with the world on the surface, while its children, the Crimean Tatars, are struggling to survive without saying a word.

Redoubt № .5 in Sevastopol

Before the departure Zhang Chengzhi decided that he would read Tolstoy's *Sevastopol Sketches* aloud at Redoubt № .5, as he had realized during his re-reading of Maud's *Life of Tolstoy* that the Redoubt № .5 in Sevastopol was the decisive place in the shift of Tolstoy's thoughts. Once a brutal and bloody battlefield, now a luxurious and silent park, the site of the Redoubt № .5, Malakoff, was the site of the battle during the Crimean War.

In August 1854, the British and French allied forces landed on the Crimean Peninsula and laid siege to the Sevastopol Fortress, the base of Russia's Black Sea Fleet. After a year of siege, the French attacked the Malakoff fortress, and the allied forces captured this important fortress, while the Russians withdrew from the Crimean Peninsula and declared their surrender. After the defeat Russia stopped its expansion into Europe and turned its strategic goals towards Central Asia and the Far East. Zhang Chengzhi discusses the pace of territorial expansion of the Russian Empire to the south and east in the nineteenth-twentieth centuries in *Tolstoy on the Border* and another essay *Strait of Tartary*. For Russia, a country that would have stood as it were on the edge of a blade, continued to march south and north, a path paved at the expense of many lives, and Tolstoy's *Sevastopol Sketches* is a sign on the way to the edge of the blade.

The first of *Sevastopol Sketches*, *Sevastopol in December, 1854*, was appreciated by Nicholas I and ordered to

be translated into French. But in *Sevastopol in May, 1855* and *Sevastopol in August, 1855*, Tolstoy changed the tone of 'love for country'. According to Zhang Chengzhi "it was the former land of Crimean Tatars that was fought over, but the dead were half Russian and half French". In the face of piles of dead bodies, Tolstoy did not care about the state and national honour, the description of how "a boy kicked dead body" is so realistic that it seems to come from the writer's own eyes. Tolstoy tells us from his own experience that the most brutal battlefields of the past were not the patriotic educational centre of today. From this moment on, Zhang Chengzhi believed that Tolstoy's thought had begun to take great strides forward, "I recognize Caucasian inflections in his diction: 'And again the weapons of death and suffering are shrieking; again innocent blood is shed, and groans and curses are audible'" [11, p. 59].

Livadia Palace

For the tourists who flock here, seeing the site of the Yalta Conference and photographs of 'the Big Three' is the most important thing. Few would have guessed that the steep cliff below were once hometown to the Crimean Tatars. Zhang Chengzhi speculated that the word 'Yalta' is the 'cliff' in Turkish. In relation to the ongoing crisis in Ukraine, Zhang thinks that people throughout the world just ignore the Crimean Tatars' existence: "In the declaration of justice in favour of the weak, there is also a hidden discrimination against the weaker ones" [12, p. 29]. That is, he takes the Crimean Tatars as the 'original inhabitants' of the peninsula, who are not taken into account in the crisis.

The Livadia Palace is a Muslim-style retreat of the last Russian Emperor, Nicholas II. In the courtyard of the Livadia Palace, a stone tablet is inscribed with the words 'Livadia' (ليڤاديڤيا) in Arabic. Apparently, the name of the palace reminded Zhang Chengzhi of his trip to Spain many years ago, when during a visit to the Alhambra Palace in Granada, Zhang noticed an inscription on the wall that read, "There is no Victor but Allah" [13, p. 257]. Zhang Chengzhi compared the Russian Tsar with the king of Spain, who had expelled the Muslims. The former engraved the name of his palace in Arabic, just like the latter one was fascinated with the words "There is no Victor but Allah" in his palace. Such 'foreign mood' and 'Oriental elegance' seems to be intentional to remind future generations of the glory of former empire. All of this point to cultural appropriation [10, p. 136], this can be especially controversial when members of a dominant culture appropriate from minority cultures. According to critics of the practice, cultural appropriation differs from acculturation, assimilation, or equal cultural exchange in that this appropriation is a form of colonialism. Because when cultural elements are copied from a minority culture by members of a dominant culture, and these elements are used outside of their original cultural context – sometimes even against the expressly stated wishes of members of the originating culture – the practice is often received negatively.

Zhang Chengzhi did not use this term, 'cultural appropriation', he stresses instead that "immoral assimilation is like rape, it will give birth to son who will avenge their mother's death by criticizing culture. All colonialists are hardened assimilationists" [11, p. 60]. Zhang Chengzhi reminded us that in the heat of the Ukraine Crisis, no one realized that the Crimea once upon a time was considered "Azov" ('Azov' mentioned in the *History of Yuan Dynasty*), it was the vast land north of the Black Sea, which was once the pasture of the Crimean Tatars. The Russian Empire 'seized' it, and gave it a name 'New Russia' (Новороссия), with a strong colonial flavour.

The Realms of Symbolic Memory: Wall and River

Wall

In Ujimqin Banner Mongolian herders know and address the Great Wall of China as 'Tsagaan herem' (ᠲᠰᠠᠭᠠᠨ ᠬᠡᠷᠡᠮᠢᠰᠢᠨ ᠬᠡᠷᠡᠮᠢᠰᠢᠨ it means 'white wall'). They even build with their own hands small or large 'herems' made of clay or stone, if we know that in the western Mongolian dialect 'h' is pronounced as 'k' and 'herem' is pronounced as 'kerem', we would naturally think of the Kremlin and the Crimea [11, p. 46]. This is the first time that Zhang Chengzhi mentioned the Crimea in his essay *Tolstoy on the Border*.

Before travelling to the Crimea, Zhang Chengzhi first arrived in Moscow and Kazan, gazing at the wall of the Kazan Kremlin, Zhang had already recognized it from Moscow to Kazan: 'herem – kerem – Kremlin', it is an extension of the steppe word 'wall', a fortress surrounded by walls. The air is filled with the faint sound of a salute, inexplicably reminiscent of Turkey or Malacca. The University of Kazan, where Tolstoy and Lenin had studied, now appeared before Zhang's eyes, alongside Kazan's landmark, the tower of the legendary Queen Sujumbike.

While we are still wondering what does the wall mean to Zhang Chengzhi, he turns his sight once again on the Russian Empire. Zhang believes that the title 'Tsar' (царь) was originally boasted of as a sign of the subversion of Tatar suzerainty [12, p. 18]. Later, with the marriage of Ivan III to the niece of the last emperor of Byzantium, the Russian ruler showed a new ambition: he will become the emperor of Byzantium, and Russia will become the third Roman Empire with the aim to conquer all known and unknown worlds. The iconic victory was its capture of Kazan (1552). This victory was too brilliant. "Since then, Russia has relied on it to make Tatar and other alien ethnic groups obey its government, and has since begun to transform into a multi-ethnic empire" [1, p. 10].

At this point, we can already venture to conclude that for Zhang Chengzhi the wall symbolized Russian imperialism and colonialism. Zhang even admits that colonialism in Russia has also spawned a generation of scholars, one of them, Pyotr Petrovich Semyonov-Tyan-Shansky (1827–1914), the Russian geographer and statistician who managed the Russian Geographical Society for more than 40 years. He gained international fame for his pioneering exploration of the Tian Shan mountains. In "The Travel to Tian Shan" Semyonov-Tyan-Shansky wrote:

And only since the great world event, the capture of Kazan, which occurred simultaneously with the colonization of the New World (America) by the European race in the Trans-Atlantic west, did a more or less continuous and consistent European-Russian colonization of Asia begin on the eastern edge of Europe, mastering first the vast lands of ethnographic Asia in Europe, and then spreading rapidly through the entire Palearctic zone to the Pacific Ocean [5, p. 57].

Taking 1552, when Kazan fell, as a sign of the end of the dynasty, the alien lands conquered by the imperial artillery one after another are: the Crimea, Caucasus, Western Siberia, Kazakh Steppes, Central Asia – even if we know it, we often do not realize it: most of these places are parts of the Mongolian Empire, populated by Tatars or Turkic peoples converted to Islam. By the time Russia entered the twentieth century, the Muslims in the arms of the new Empire had accounted for 13% of the population, totalling as many as 20 million. It is just that it will take nearly a hundred years to realize the power of Islamization, until the great unravelling of the Russian Empire. Based on the conquest of other peoples by the Russian Empire since the 16th century and sympathy for the Tatars, the author so asserted. Zhang Chengzhi insisted that Russia has shaped a "great power spirit" through arrogance and force in the Caucasus, in Ukraine, and in Siberia, like a hard wall.

River

The 'Volga River' appears 45 times in the Zhang Chengzhi's renewed manuscript. The river has a symbolic meaning in Russian culture – Russian literature and folklore often refer to it as Volga-Matushka (Mother Volga). The Russian people's deep feeling for the Volga echoes in national culture and literature, starting from the twelfth century *Lay of Igor's Campaign*. Volga-Matushka, along with the song *Hawthorn tree* had always been typical image of Russia for Zhang since his middle school time.

But what intrigues Zhang more is that the Volga River during the period of the Golden Horde was considered as the East-West divide. A Soviet writer Vasily Yan (Yanchevetsky) mentions that the soldiers of Batu Khan looked at the Volga and shouted, "The steppe of the Orientals ends here! This great river divides the world in two!" [9, p. 235]. The Turkic peoples living along the river formerly referred to it as 'Itil' or 'Atil'. In modern Turkic languages, the Volga is known as 'Idel' (Идел, Итиль) in Tatar, 'Edil' in Kazakh, and 'İdil' in Turkish.

Not far from the Kazan Railway Station, while Zhang Chengzhi was looking at the Volga River from a distance, the wide river gave him a sense of time travel, like a return to a past of shepherding and the thought occurred to him that he was looking at the territory of Chagatai (the Central Asian khanate) from the distance from one of Jochi's camps (the Volga River basin). Because the nomadic era is long gone, most people have long been indifferent to Yan's words about the Volga River, maybe the medieval nomadic sense of geography has almost disappeared, but Zhang Chengzhi is still willing to contemplate the river to discover the truth.

Within the expansion of the first Western Conquest led by Genghis Khan himself and the Golden Horde integrated by Jochi Khan's son, Batu Khan, lies the broad geography of the western part of the Eurasian inner continent. From the Volga River to Poland, the land that today is part of Russia was dotted with Turkic-speaking khanates and Christian princely states of Eastern Europe, which are succinctly summarized in the *History of Yuan Dynasty*. *Uriyangkhadaï*: Kipchaks (钦察 Qin Cha), Ulus (兀鲁思 Wu Lu si), Aorsi (阿速 A Su), and Borair (孛烈儿 Bo Lie er). Kipchaks included the tribal khanates of the Kipchak branch of the Turkic language, mainly Bulgar, Khazar. The Ulus is Rus', and the Aorsi is the area around the Sea of Azov, which today is in the throes of war. The Borair are in the north, along the line of Poland and Prussia.

Kazan Khanate and Crimean Khanate were just parts or extension of the Golden Horde. The empire of the Golden Horde, which ruled from Kipchak to Aorsi, overlooking the Ukraine and the Volga River basin for centuries, was only the northwestern corner of the ancient Mongol conquests. Zhang Chengzhi desperately wanted to prove the Islamization factors in the Mongol conquests, and he did find them. "It was so grand in scale, and it swept over so many peoples. Turkification and Islamization are not dry academic terms, but a huge change brought about by Mongols from Western Siberia and the Volga Valley to the Crimean Peninsula" [12, p. 14]. Exactly on the banks of Volga River, from the furthest point of view that one can revisit it and be truly shocked – what is the Mongolian movement of world history. The river speaks of the impermanence of fate and the shortness of victory.

The Realms of Functional Memory: Education and literature

Jadid movement in education

Looking back at the modern history of Russian Tatar enlightenment, Zhang Chengzhi compares them to "the protagonists of tragedies" [11, p. 46]. First, there was Shigabudin Marjani (1818–1889). The well-known Tatar historian and theologian,

who worked as an imam and teacher of religious disciplines in Kazan. Marjani became the first Muslim member of the Society for Archaeology, History and Ethnography at Kazan State University. In his papers he illustrated his ideas about the renovation and the perfection of the Tatar educational system. As a historian, he was the first Tatar scholar to employ a synthesis of European methodology with the traditions of the Oriental scholars. He was the author of more than 30 books on Tatar history, some of his works were published in Kazan, Istanbul and Cairo.

Ismail Gasprinsky (1851–1914), a representative of the Tatar enlightenment after Marjani, declared resistance to fundamentalism with greater determination, fighting against the conservative Mullahs. He was a native Crimean Tatar, and the leading figure in Jadid movement in the 1880s, aiming at reforming traditional Islamic education, covering various aspects such as phonetic styles, learning system, teaching methods, programmes of studies and curricula, and the selection and edition of teaching materials.

Facing the drastic disparity between Muslims and the West as well as Russians in education, Gasprinsky pointed out that traditional Islamic education – Maktab and Madrasa is riddled with shortcomings and is no longer able to provide the knowledge to meet the needs of the times [15, p. 87]. He founded the first Jadid school in 1884 in Bakhchisaray. The Jadid education had a great impact on the Muslim areas of Russia, significantly improving the level of education of the Tatars. Zhang Chengzhi evaluated it was “a genuine cultural uplift, not a revival of the old” [12, p. 47]. New Style Schools created a new generation of Muslim intellectuals, which, until today, has not been reached by the Muslims in China.

When the news of the success with Jadid schools spread, teachers from all the major Muslim areas of Russia gathered in Bakhchisaray to learn the new method of teaching, and then returned to their own schools to teach their students. Bakhchisaray became a centre of Jadid movement, which began with the New Style School and gradually expanded into social, cultural, and religious reform.

In 1883, Gasprinsky proposed that the Turkic people should “Unite in word, thought and action!” (in Russian: Единство в словах, мыслях и делах!). At the same time, he also devised a Chagatai-styled universal Turkic script, which was actually Tatar written in Arabic letters, and he used this script in the new newspaper *Translator* (Переводчикъ, نام‌چرت). The newspaper became a tool for Gasprinsky’s propaganda of Jadidism. By the end of 1918, 63 newspapers and 34 magazines had been founded by the Tatars. Among them, the *Translator* had the greatest influence, it was published for twenty-five years with a circulation of more than 10,000 copies and was widely circulated in Tatarstan, Azerbaijan and Turkestan, as well as in Turkey, Persia, Egypt, Bulgaria, Romania, etc. The Russian Tatars also brought the newspaper to Xinjiang, China, where Jadidism and pan-Turkism spread through the *Translator* [4, p. 25].

Gasprinsky’s pan-Turkism called for the union of Turks in Russia, while claiming nonviolence, it still was more or less a revolt against the imperial Russian government by struggling against Kadimism. Imperial Russian authorities were quite wary of this nationalist movement, took measures to suppress and contain it. But Zhang Chengzhi believed that Gasprinsky sowed the seeds of civilization in the Crimea, not of war, by founding the newspaper *Translator*, and sooner or later, this newspaper would become an important Crimean relic, glittering with the restoration of conscience [12, p. 47].

Caucasian stories of Tolstoy

While the Tatar intellectuals of Kazan and the Crimea set off a great wave of enlightenment, Tolstoy also reached the zenith of a writer’s possible splendor. A series of dazzling master-

pieces such as *War and Peace* and *Anna Karenina* may not resolve the inner conflict of Tolstoy, in the midst of a fierce spiritual struggle, he realized the significance of enlightenment.

Zhang Chengzhi was eager to find out how Russian intellectuals viewed their own civilization, as well as Russia’s internal national oppression and external colonial expansion, so he reread Tolstoy again and again, believing that Tolstoy’s ideals and veins of thought could give him answers. In 1851, Tolstoy had already left Kazan to join the Imperial Army in the Muslim hinterland of the Caucasus. But at that time the young Tolstoy was just a member of the Imperial Army, who was preparing for campaign, he had not yet metamorphosed into the ‘true Tolstoy’. In a letter to his brother Sergei Tolstoy wrote he would do the best of his ability to “assist, with the aid of a cannon, in destroying the predatory and turbulent Asiatics” [2, p. 65–66], the writing left behind in that period is more about portraits of the Emperor and military officers, or romantic images of armed Cossacks.

But Zhang Chengzhi found that the novella “Hadji Murad” (Хаджи-Мурат) is a special case. Tolstoy wrote it from 1896 to 1904 and published posthumously in 1912 (though not in full until 1917). The entire story is inspired by Tolstoy’s experiences in the Caucasus from 1851 to 1853. Its titular protagonist Hadji Murad is an Avar rebel commander who, for reasons of personal revenge, forges an uneasy alliance with the Russians he has been fighting. An even clearer theme is the struggle between a Christian Russia and Muslim Caucasian Imamate, the classic West vs. East theme found in Russian history and many different stories and novels.

Hadji Murad made a big impression on Zhang Chengzhi. He included this story in his edited collection of fiction, *Romance on the Other Side, My Favourite Romance Novels*. In another essay, Zhang Chengzhi again praised the novella:

Tolstoy’s knowledge of Chechens, the Caucasian mountaineers, and his familiarity with the inner workings of Islamic Sufism was moving; Tolstoy’s critical points about state terrorism and resisters’ claims of violence, his depiction of a third alternative to disengagement from force and violence, it taught me a lot. [14, p. 55]

Toward the end of Tolstoy’s life, “Hadji Murad”, which was written to depict the imperial invasion of the Caucasus, clearly took a lot of his attention. This straightforward image of Russian expansion and colonization campaigns was repeatedly revised by him, and he was reluctant to publish it for a long time.

Why did he hesitate? Zhang Chengzhi believes that it was due to complex or deadlock that Tolstoy realized – assimilation or self-help. Young Tolstoy could be unaware of it, while in his later years he could no longer be indifferent. In fact, after 1853 Tolstoy began writing his Caucasian prose like *The Cossacks* (Казакки), *The Prisoner of the Caucasus* (Кавказский пленник).

Unlike Pushkin’s work of the same name, Tolstoy’s *The Prisoner of the Caucasus* offers the very contours of the story that unravel the contours of the Caucasus, including the realities of resistance, the innocence of people, the dignity of nationhood, and the destiny of tragedy. Zhang Chengzhi referred to the paragraph where briefly spells out the cause and the heart-wrenching tragedy of what happened.

From being at odds with statism to a confrontation with colonialism. Tolstoy went through this process internally and it is all reflected in his works. His personal experience of the Crimean War accelerated his transformation into a “true Tolstoy”, and the Malakoff battle of 27 August 1855 made Tolstoy realize the ugliness of war and violence, which was necessary for the birth of Tolstoyanism. Zhang Chengzhi also mentioned Tolstoy’s story *How Much Land Does a Man Need?* Like the Caucasian series, this story of warning for the future was inspired by local Caucasian tribes. When the

Empire reached the end of the continent, when Tolstoy himself arrived at the end of his thinking, he decided to choose the simplest enlightenment. Thus, Tolstoy caught up with the knowledge he had missed in Kazan in his youth, and wrote such simple but great work like *How Much Land Does a Man Need?*

Conclusion

In Nora's words, what we call 'memory' today is not memory but already history. What we take to be flare-ups of memory are in fact its final consumption in the flames of history [3, p. 13]. The passage from memory to history has required every social group to redefine its identity through the revitalization of its own history. From the Volga River to the Crimea, these places visited by Zhang Chengzhi are realms of memory of Tatars, and the writer expects to excavate the Tatars' ethno-historical process within Russia from material, symbolic, and functional perspectives, spanning the period of the Golden Horde to contemporary reality, focusing on the present international situation caused by this history.

The rejection of Russian imperialism and colonialism is another aim of Zhang Chengzhi's Crimean writing. For him, Russian imperialism and Tatar nationalism were a set of irreconcilable contradictions, and for a long time Russian imperialism was dominant and manifested itself as aggressive nationalism, which strove to export identity and acquire land on which Others lived [6, p. 1]. Against this background, the Muslim Enlightenment of the nineteenth-twentieth centuries, advocated by Tatar intellectuals such as Shigabutdin Marjani, Ismail Gasprinsky, played a particular role. Zhang Chengzhi is a great admirer of Tolstoy and quoted a lot from Tolstoy's life and creation, emphasizing Tolstoy's image transformation from a patriotic military officer of the Russian Empire to a prophet against statism. It is very interesting that the title of the essay is also Tolstoy, which strongly contrasts with the collective aphasia of the Tatars, once again illustrating the silence – collective memory of the Tatars.

Tolstoy on the Border is more of a mix of travel note, political commentary, and academic essay. Zhang Chengzhi brought much lyricism and romanticism, as well as critical references to his essay, while his views on history appear very subjective, sometimes extremely so.

Литература

1. Hisao, Komatsu. Ibrahim's Journey to Japan, Tosuishobo. 2008. pp.10. (In Japanese)
2. Maude, Aylmer. 1911. The Life of Tolstoy, New York: Dodd, Mead. 1911. pp. 65–66.
3. Nora, Pierre. Realms of Memory: Rethinking the French Past, Vol. 1 – Conflicts and Divisions, Warrenton: Columbia University Press. 1996. pp. 13.
4. Pan, Zhiping. The 'Jadid' Movement in Russian Tatarstan and the Modern Uyghur Enlightenment, Northwest Ethnic Studies. 2014. 3: 25. pp. 25. (In Chinese)
5. Semenov-Tyan-Shansky. Petr Petrovich. Travels in the Tian-Shan 1856–1857. Moscow. 1947. pp. 57. (In Russian)
6. Thompson, Ewa M. Imperial knowledge: Russian literature and colonialism, Westport, Conn.: Greenwood Press. 2000. pp. 1.
7. Tolstaya, Sofia Andreevna, L.N. Tolstoy in the memoirs of contemporaries, part 1, Shanghai, 1984, pp. 307. (In Chinese).
8. Tolstoy, Leo. A Russian Proprietor, and Other Stories, translated by Nathan Haskell Dole, New York: Crowell & Company. 1887. pp. 244.
9. Yan, Vasily Grigorievich. Collected Works in Four Volumes, Volume III, Moscow: Pravda Publishing House. 1989. pp. 235. (In Russian)
10. Young, James. O. "Profound Offense and Cultural Appropriation", The Journal of Aesthetics and Art Criticism. part 63. 2005. 2: 136.
11. Zhang, Chengzhi. "Tolstoy on the Border", October Literary Magazine. 2020. 3: 45–67. (In Chinese)
12. Zhang Chengzhi. Empire on the Blade. part.1–2, 2022. manuscripts. (In Chinese)
13. Zhang, Chengzhi. The Ruins of Flowers, Chronicles of Al-Andalus, Beijing: New World Press. 2005. pp. 257. (In Chinese)
14. Zhang, Chengzhi. Using the Pen as a Flag, Shanghai: Shanghai Literature and Art Press. 2015. pp. 55. (In Chinese)
15. Zhang, Laiyi. "National Harmony: Gasprinsky's Valuable Contribution to Russian History of Ideas", World Nation. 2009. 5: 87. (In Chinese)

MEMORY. HISTORY. NATION: THE CRIMEA FROM ZHANG CHENGZHI'S

Zheng Xiaoting

Beijing Foreign Studies University

In the summer of 2019, Zhang Chengzhi, a famous Chinese Hui (Muslim) writer, completed his first trip to Russia: he travelled to Saint Petersburg, Moscow, Kazan, and the Crimea. With his background in Russian language and Mongolian history, this trip was destined to be profound. Zhang Chengzhi focused on the fate of the Crimean Tatars, as well as the modern Muslim educational reforms at the turn of the nineteenth-twentieth centuries. For Zhang Chengzhi, Leo Tolstoy is regarded as a symbol of ideal intellectuals, whose spiritual shift in Sevastopol became the key to understanding Russia. In the Crimea, Zhang Chengzhi once again thought about the ethnic oppression and colonial expansion of the Russian Empire, as a result, the 'New Style School' in Bakhchisaray, the Redoubt № 5 in Sevastopol, and the Livadia Palace became the realms of memory forgotten by general public. Starting from the material, symbolic and functional aspects of the Crimean memory realms, this article analyzes memory, history, and nationality in the Crimea through the eyes of a Chinese writer. He inquires into the remnants of national identity through the study of realms of memory with a view to retrieving a sense of belonging to the Muslim community.

Keywords: Crimea, realms of memory, Tatars, Islamization, post-colonialism.

References

1. Hisao, Komatsu. Ibrahim's Journey to Japan, Tosuishobo. 2008. pp.10. (In Japanese)
2. Maude, Aylmer. 1911. The Life of Tolstoy, New York: Dodd, Mead. 1911. pp. 65–66.
3. Nora, Pierre. Realms of Memory: Rethinking the French Past, Vol. 1 – Conflicts and Divisions, Warrenton: Columbia University Press. 1996. pp. 13.
4. Pan, Zhiping. The 'Jadid' Movement in Russian Tatarstan and the Modern Uyghur Enlightenment, Northwest Ethnic Studies. 2014. 3: 25. pp. 25. (In Chinese)
5. Semenov-Tyan-Shansky. Petr Petrovich. Travels in the Tian-Shan 1856–1857. Moscow. 1947. pp. 57. (In Russian)
6. Thompson, Ewa M. Imperial knowledge: Russian literature and colonialism, Westport, Conn.: Greenwood Press. 2000. pp. 1.
7. Tolstaya, Sofia Andreevna, L.N. Tolstoy in the memoirs of contemporaries, part 1, Shanghai, 1984, pp. 307. (In Chinese).
8. Tolstoy, Leo. A Russian Proprietor, and Other Stories, translated by Nathan Haskell Dole, New York: Crowell & Company. 1887. pp. 244.
9. Yan, Vasily Grigorievich. Collected Works in Four Volumes, Volume III, Moscow: Pravda Publishing House. 1989. pp. 235. (In Russian)
10. Young, James. O. "Profound Offense and Cultural Appropriation", The Journal of Aesthetics and Art Criticism. part 63. 2005. 2: 136.

11. Zhang, Chengzhi. "Tolstoy on the Border", October Literary Magazine. 2020. 3: 45–67. (In Chinese)
12. Zhang Chengzhi. Empire on the Blade. part.1–2, 2022. manuscripts. (In Chinese)
13. Zhang, Chengzhi. The Ruins of Flowers, Chronicles of Al-Andalus, Beijing: New World Press. 2005. pp. 257. (In Chinese)
14. Zhang, Chengzhi. Using the Pen as a Flag, Shanghai: Shanghai Literature and Art Press. 2015. pp. 55. (In Chinese)
15. Zhang, Laiyi. "National Harmony: Gasprinsky's Valuable Contribution to Russian History of Ideas", World Nation. 2009. 5: 87. (In Chinese)

Сергина Антонина Александровна,

канд. полит. наук, доцент кафедры мировой экономики
Дипломатической академии МИД России
E-mail: a.seregina@dipacademy.ru

Обеспечение технологического суверенитета государства сегодня является частью стратегии устойчивого развития. Одним из возможных организационных решений в вопросах реализации повестки технологического суверенитета может стать создание и развитие технологических альянсов. В настоящее время успешную реализацию данной тематики можно наблюдать на предприятиях топливно-энергетического комплекса – крупнейшего отраслевого налогоплательщика в бюджет России.

В рамках настоящей статьи автор выделяет перспективные меры поддержки технологических альянсов, а также даёт ряд рекомендаций по совершенствованию механизма развития технологических альянсов.

Ключевые слова: технологические альянсы, топливно-энергетический комплекс, венчурное инвестирование, бизнес-акселератор, совместное индустриальное партнёрство, прямое инвестирование, долевое инвестирование, международное разделение труда, научно-техническое развитие.

Технологические альянсы в рамках настоящей статьи следует рассматривать как формат взаимодействия, нацеленный на минимизацию производственных издержек конкурентоспособной продукции. Стоит отметить, что ключевым аспектом в функционировании технологических альянсов является создание ответственных цепочек, составляющих полный производственный цикл: от стадии идеи до стадии реализации [1].

Тематика технологических альянсов находит отклик и в странах Глобального Юга, в распоряжении которых находится колоссальный ресурсный потенциал, причём речь идёт не только и не столько о полезных ископаемых, сколько о человеческом капитале. О планах по развитию технологических альянсов заявила также и Российская Федерация [2].

К настоящему времени не выработано единого, чёткого определения термина «технологический альянс», так, Ермакова Ж.А., д.э.н., проф. (ГОУ «Оренбургский государственный университет») и Свечникова В.В. (Орский гуманитарно-технологический институт), определяют технологические альянсы как перспективную форму взаимодействия между наукой и производством, «отраслевую форму взаимодействия между базовыми участниками инновационной системы и хозяйствующими субъектами, в рамках которой они объединяют свои сильные стороны, разделяют риски и интегрируют функции для повышения уровня инновационного развития» [3].

А.О. Знаменский, к.э.н. (Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации), выделяет термин «стратегический альянс» (strategic alliance) и предусматривает под ним соглашение о кооперации двух или более независимых фирм для достижения определенных коммерческих целей, для получения синергии объединенных и взаимодополняющих стратегических ресурсов компаний. Под стратегическими альянсами подразумевают объединение нескольких независимых предприятий, которые намерены заняться специфическим видом производства или хотят завершить проект, используя при этом знания, материалы и другие ресурсы друг друга, не разделяя ни с кем рисков и стараясь победить конкурентов или создать условия для слияния или присоединения компаний» [4].

А.Г. Ионин, член Совета по внешней и оборонной политике рассматривает технологический альянс в качестве «союза стран, объединяющих с целью гарантировать свой суверенитет национальные ресурсы, компетенции («руки и мозги») и внутренние рынки для совместного развития, применения и владения всем спектром технологий гражданского, двойного и военного назначения» [5].

Уже даже на основе анализа ряда определений отечественных исследователей, можно отметить, что определение А.Г. Ионина относится скорее к альянсам на макроуровне, в то время как определения Ж.А. Ермаковой, В.В. Свечниковой и А.О. Знаменского в большей степени подходят для описания процессов на микро- и мезоуровнях.

А.К. Пелличелли (Туринский университет) определяет стратегические альянсы – как соглашения между компаниями (партнерами) для достижения целей, представляющих общий интерес. Альянсы, по мнению Пелличелли, – это один из различных вариантов, которые

компании могут использовать для достижения своих целей; они основаны на сотрудничестве между компаниями [24].

«Альянс – соглашение о сотрудничестве или ассоциация между двумя или более независимыми предприятиями, которые будут сотрудничать в течение некоторого времени, если захотят улучшить свои компетенции. В этом случае у партнеров будет больше возможностей сконцентрировать ресурсы и скоординировать усилия для достижения лучших результатов. Основные факторы для формирования альянсов – возможность, необходимость и время (скорость)», – П. Дюссож, профессор Высшей коммерческой школы Парижа, и Б. Гаррет, доктор философии, профессор Университета Британской Колумбии [25].

Резюмируя, можно выделить следующие общие черты для технологических альянсов, которые выделяют практические все эксперты: совместные усилия для достижения общей цели; сотрудничество науки, бизнеса и государства; диверсификация производственных рисков и их минимизация.

Стоит отметить, что технологические альянсы объединяют в себе целые отрасли, а не только отдельные предприятия. Технологические альянсы, таким образом, содействуют межотраслевому развитию территориальных центров хозяйствования.

Для корпораций из России, осуществляющих свою деятельность в сфере ТЭК, к настоящему времени накоплен потенциал для создания и развития технологических альянсов, ярким примером являются вертикально-интегрированные компании. В таких компаниях традиционно уделяется значительное внимание всем этапам производства: от геологоразведки и транспортировки до переработки и сбыта углеводородов.

Ретроспективный анализ финансового аспекта формирования технологических альянсов демонстрирует определенную вариативность.

Прямое инвестирование – наиболее часто встречающийся и предпочтительный метод финансирования технологических альянсов в российской практике. Зачастую напрямую инвестируют в новые проекты в сфере разработки месторождений, реализации НИОКР и внедрения новых технологий.

Прямые инвестиции – это инвестиции, сделанные непосредственно инвесторами, юридическими и (или) физическими лицами и позволяющие осуществлять контроль над компанией посредством владения контрольным пакетом акций [7]. Преимущество прямых инвестиций заключается в том, что необходимые средства возможно получить, в том числе, за счёт займа. Помимо денег в проект инвестируются различные нематериальные активы.

Проекты ГК «Росатом» – яркий пример прямых инвестиций в технологические альянсы. Государственная корпорация занимается строительством АЭС как внутри страны, так и за рубежом. Так, для строительства АЭС «Аккую» в Турции [8] было создано АО «Аккую Нуклеар», где мажоритарным акционером является ГК «Росатом», а объем прямых инвестиций составил около 25 млрд долларов США. ГК «Росатом», осуществляя проект АЭС «Аккую», впервые в мировой практике применила модель ВОО (Build – Own – Operate, или «Строй – Владей – Эксплуатируй»). Согласно этой модели, в ведении АО «Аккую Нуклеар» находится не только проектирование и строительство, но также и дальнейшая эксплуатация объекта.

Венчурное инвестирование – более рискованный вид инвестиций. Как правило, венчурные инвестиции – это долгосрочные инвестиции в компанию, где инвестор вза-

мен получает долю предприятия, и для него доходность акций будет выше среднерыночной по отрасли. Венчурные инвестиции дают шанс молодым исследователям и учёным получить средства на реализацию своих разработок на ранних этапах.

Преимуществом венчурных капиталовложений, несомненно, является их высокая доходность, причём в случае таких инвестиций выгодополучателями становятся и сам инвестор, и получившая инвестиции компания, и государство, поскольку за счёт вложений в развитие наукоёмкого производства, повышается конкурентоспособность отрасли в целом.

Согласно исследованию Агентства инноваций Москвы [9], в 2023 году объёмы венчурного инвестирования в России снизились более чем в десять раз по сравнению с предыдущим годом [10]. Основная причина – нежелание части инвесторов вкладывать в стартапы и концентрироваться на долгосрочных капиталовложениях.

В России с целью привлечения частных инвесторов созданы венчурные инвестиционные фонды, в качестве примера: Российская венчурная корпорация (фонд), или РВК (находится в ведении государства), «Лаборатория Касперского», Softline, VTB Capital, Baring Vostok и др. На их базе аккумулируются денежные средства, которые уже распределяются между перспективными (на усмотрение фондов) проектами.

Так, крупнейшая международная нефтесервисная компания Schlumberger вошла в капитал ряда российских развивающихся инжиниринговых и производственных компаний в течении 2010-х годов с долей в 25%. Фирма инвестировала в высокотехнологичные производства в сфере нефтегазодобычи в Калининградской области и в Самаре [11].

В качестве ещё одного примера можно привести компанию ООО «Новомет-Пермь», специализирующейся на производстве скважинного оборудования. Выручка компании за 2023 год составила 15 млрд руб., EBITDA около 4,5 млрд руб. [12]. АО «Роснано» (30,76%) вместе с венчурными фондами Russia Partners и Baring Vostok (19,34%) вложились в растущую компанию в 2011 году. К 2024 году стоимость чистых активов компании выросла в 7 раз. В 2024 году группа компаний «Конар» выкупила все доли венчурных фондов и доли топ-менеджмента компании. Средства от инвесторов были вложены в интенсивное развитие компании, создано современное точное литейное производство, а также роботизированное механообрабатывающее производство [13].

Долевое финансирование предполагает передачу в собственность инвесторов части активов компании. Чаще всего подобный способ применяется в таких формах предпринимательской деятельности, как акционерные общества и товарищества.

Технологические альянсы на основе долевого финансирования представлены в России совместными предприятиями по добычи нефти и газа, производству СПГ. ПАО «Газпром нефть» (оператор проектов) и ПАО «НК «Роснефть» (обладатель лицензий на разведку Мессояхских месторождений) осуществляют совместную разработку месторождений в Северо-западной Сибири при посредничестве АО «Мессояханефтегаз» [14].

Наиболее известными проектами с долевым типом финансирования в сфере СПГ являются «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ 2» с основным, но не единственным владельцем ПАО «Новатэк». «Криогаз-Высоцк» – совместный проект терминала СПГ на территории Ленинградской области, осуществляемы компанией «Новатэк» и ПАО «Газпром» на основе долевого финансирования [15].

Бизнес-акселератор – это социальный институт, направленный на поддержку и развитие стартапов.

Акселератор – это один из инструментов привлечения технологий с внешнего рынка. Деятельность бизнес-акселераторов крайне разнообразна и включает в себя широкий спектр услуг: от образовательных программ, семинаров и лекций экспертов до финансовой поддержки в обмен на долю капитала. Бизнес-модель акселератора основана на венчурном финансировании, по этой причине бизнес-акселераторы часто сотрудничают с венчурными фондами, от которых они получают денежные средства, а взамен дают инфраструктуру, аккмулируя на своих площадках новые идеи.

Согласно данным Ассоциации Акселераторов и Бизнес-инкубаторов на 2018 год в России насчитывалось 103 бизнес-акселератора и 260 бизнес-инкубаторов [16]. В 2023 году Россия заняла 29-е место среди 100 стран (Москва заняла 30-е место среди 1000 городов) в ежегодном рейтинге экосистем для стартапов Global Startup Ecosystem Index агентства StartupBlink [17]. Лидерами рейтинга оказались США, Великобритания, Израиль, Канада и Швеция. Несмотря на то, что в России бизнес-акселераторы не так популярны, как, например, в США, где насчитывается свыше полутора тысяч различных инкубаторов и акселераторов [18], всё же существуют примеры их успешного создания и применения (к таковым относится ПАО «Газпром нефть» INDUSTRIX) [19]. Это технологический акселератор, целью которого является разработка проектов в нескольких областях: разведка и освоение нефтегазоносных месторождений, капитального строительства, а также альтернативной энергетики. Наиболее перспективные проекты и предложения могут быть интегрированы в бизнес-компанию, а также претендовать на венчурные инвестиции (их предоставляет фонд «Новая индустрия», Фонд содействия инновациям и проч.).

Целью **совместного индустриального партнёрства** является кооперация промышленных и исследовательских составляющих производства. Обмен знаний в таком случае значительно упрощён, а сотрудничество способствует скорейшему выходу товаров на рынок. Отметим, что проекты, осуществляемые на базе совместного индустриального партнёрства, представляются довольно сложными в реализации одной компанией. Для этого создаются объединения компаний и корпораций, где участники согласовывают план работ, условия выполнения и объёмы участия.

Совместное индустриальное партнёрство наиболее выгодно и эффективно для компаний по ряду причин: так, компании получают значительно больший результат при тех же капиталовложениях, если сравнивать с прочими способами финансирования. Кроме этого, риски также распределены между участниками, помимо всего прочего, компании на макроуровне участвуют в формировании научно-технического потенциала государства, формируя научно-техническое будущее.

Технологические альянсы меньше остальных представлены в формате совместного индустриального партнёрства. К таковым относятся, например, проект по созданию бесцепараторного многофазного расходомера от АО «Русвэллгруп», принадлежащей ГК «Росатом» (в т.ч., ПАО «НК «Роснефть» и ООО «Новосибирский научно-технический центр»). Основа проекта – передовая технология ГК «Росатом» – нейтронно-активационный метод, применяющийся в элементном анализе, также метод используют в медицине и пищевой промышленности.

Формирование технологических альянсов на сегодняшний день представляется наиболее перспективной формой консолидации технологического потенциала топливно-энергетического комплекса России. Издержки,

связанные с затратами на НИОКР компенсируются путём совместного ведения разработок. Помимо сотрудничества внутри страны, отечественные отраслевых компании также открыты к сотрудничеству с иностранными предприятиями в рамках межгосударственных объединений, в том числе, БРИКС и ОПЕК+.

Принимая во внимание текущую конъюнктуру рынка, а также исходя из необходимости реализации необходимых направлений исследовательской и деловой активности в рамках ТЭК России, следует сосредоточиться на следующих комплексных инициативах:

1. Создание и развитие общей и, что особенно важно, открытой базы данных научно-технического развития отраслей топливно-энергетического комплекса, которая бы включала информацию о НИОКР. Хорошим заделом может послужить функционал Государственной информационной системы топливно-энергетического комплекса (ГИС ТЭК), регулируемой Федеральным законом от 3 декабря 2011 г. № 382-ФЗ «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса», однако, как и любая другая информационная система, она требует регулярного обновления и расширения функционала [20];
2. Установление гарантированного объёма (доли от выручки) капиталовложений компаний ТЭК в научные исследования. Болданова Е.В., к.э.н., (Байкальский государственный университет), выстроила модель для одного из ведущих участников ТЭК России – ПАО «Газпром»:

$$Y(t) = 3162648 + 23628 * X(t) - 49514 * X(t-1) - 46757 * X(t-2) + 31901 * X(t-3) + 186458 * X(t-4),$$

где $Y(t)$ – годовая выручка; $X(t-n)$ – затраты на НИОКР в году $t-n$. Согласно данной модели с увеличением затрат на НИОКР в пятилетней перспективе выручка компании возрастает [21];

3. Акцент на научно-технической сфере в ТЭК на период до 2050, согласно которой будут определены ключевые направления деятельности отраслевых компаний. Например, согласно стратегии развития ТЭК на период до 2035 года предполагается увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов их общего числа – координация государственных программ научно-технологического развития отраслей топливно-энергетического комплекса, программ инновационного развития компаний с государственным участием, а также выполняемых за счет бюджетных средств фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ, создание отраслевых центров компетенций по приоритетным направлениям технологического развития топливно-энергетического комплекса, создание инженеринговых центров и испытательных полигонов, обеспечивающих условия для внедрения инновационных технологий и современных материалов в отраслях топливно-энергетического комплекса, образцов нового оборудования и технологий, создание центров тестирования и сертификации новой продукции, развитие венчурного бизнеса в сфере инноваций и поддержки коммерциализации результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в энергетике, совершенствование механизмов государственной поддержки инновационных проектов, в том числе проектов в области внедре-

ния «сквозных» и цифровых технологий (в том числе платформенных решений) в отраслях топливно-энергетического комплекса [6] [26].

4. Поддержка экспорта отечественного инновационного оборудования и технологий со стороны государства, осуществляемая на базе инжиниринговых центров и НИИ внутри страны. Уже существуют отдельные меры поддержки, например, льготное кредитование, административная и финансовая поддержка, среди них можно выделить Программу, направленную на повышение конкурентоспособности, увеличение объемов производства и экспорта продукции – КППК (Постановление Правительства № 191 от 23.02.2019). Организациям, реализующим КППК, предоставляется доступ к механизмам льготного кредитования по направлениям: инвестиционные кредиты на создание экспортоориентированного производства в России и/или за рубежом, пост экспортное финансирование и международный факторинг, форфейтинг, аккредитивы, кредиты иностранным покупателям и банкам иностранных покупателей. Сроки реализации КППК – от 2 до 5 лет; максимальный объем одного кредита -до 60 млрд руб. по инвестиционным кредитам и до 30 млрд руб. по прочим кредитам [22];

5. Введение требований по увеличению доли используемого отечественного оборудования в ходе научно-исследовательской деятельности в стране. Важно отметить, что в условиях санкционных ограничений российские производители нуждаются в полном переоснащении производств и замене импортных образцов отечественными аналогами, в том числе в рамках НИ-ОКР. Например, электрооборудование, которое в прошлом основывалось преимущественно на поставках из США и ФРГ, активно замещается российскими аналогами. В рамках реализации программы технологического суверенитета Российской Федерации компания ЭнергоПром-Альянс представила ряд ключевых распределительных устройств и электроаппаратов собственного производства, замещающих ранее широко применявшегося оборудования компаний, отказавшихся от контактов с РФ (Шнайдер Электрик, АББ, Сименс, Итон) [23].

Литература

1. Технологические альянсы: будущее российского высокотехнологичного экспорта // Коммерсантъ: [сайт]. – 2023. – <https://www.kommersant.ru/doc/6027481> (дата обращения: 14.07.2024).
2. Путин заявил о планах развивать индустриальные альянсы // РБК: [сайт]. – 2024. – <https://www.rbc.ru/rbcfreepress/65cf75659a794736061e789b> (дата обращения: 14.07.2024).
3. Ермакова, Ж.А. Научно-технологические альянсы как форма инновационного развития корпоративных структур. / Ж.А. Ермакова; В.В. Свечникова // Микроэкономика. – 2009. – № 7. – С. 60–63.
4. Знаменский, А.О. Стратегические альянсы как международные объединения корпораций. / А.О. Знаменский // Микроэкономика. – 2008. – № 4. – С. 11–19.
5. Ионин, А.Г. Технологический альянс вместо Североатлантического. В поисках нового ответа на стратегические вызовы. / А.Г. Ионин // Микроэкономика. – 2009. – № 3.
6. Доля нефтегазового сектора в ВВП РФ в 2023 году снизилась до 16,5% // Коммерсантъ: [сайт]. – 2024. – <https://www.kommersant.ru/doc/6632852> (дата обращения: 14.07.2024).
7. Инвестиции и инвестиционная деятельность: учебник / Л.И. Юзвович, М.С. Марамыгин, Е.Г. Князева, М.И. Львова, Ю.В. Куваева, М.В. Чудиновских, С.А. Дегтярев; под общ. ред. Л.И. Юзвович; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 498 с.: ил. – Библиогр.: в конце глав. – 100 экз. – ISBN 978-5-7996-3082-9. – Текст: непосредственный.с. 20
8. Настоящее и будущее крупнейших зарубежных атомных проектов// ГК «Росатом»: [сайт]. 2023. – URL: <https://strana-rosatom.ru/2023/01/30/istochniki-energii-nastoyashhee-i-budushh/> (дата обращения: 12.07.2024).
9. ГБУ Агентство инноваций Москвы: официальный сайт, – Москва, 2024 г. – URL: <https://innoagency.ru/> (дата обращения: 14.07.2024).
10. Венчур нужен микроскоп. // Коммерсантъ: [сайт]. – 2024. –<https://www.kommersant.ru/doc/6552547> (дата обращения 12.07.2024).
11. Schlumberger рассматривает вариант передачи российского бизнеса менеджменту/ // Коммерсантъ: [сайт]. – 2022. – <https://www.kommersant.ru/doc/5356305> (дата обращения 12.07.2024).
12. АО Новомет-Пермь: официальный сайт, – Пермь, 2024 г. – URL: <https://www.novomet.ru/rus/company/>, дата обращения 14.07.2024
13. Промышленная группа КОНАР: официальный сайт, – Челябинск, 2024 г. – URL: <https://konar.ru/o-kompanii/>, дата обращения 12.07.2024
14. АО «Мессояханефтегаз»: официальный сайт, – Тюмень, 2024 г. – URL: <https://mesng.ru/company/about/>, дата обращения 12.07.2024
15. Криогаз-Высоцк. Линии 1–2. // LNGNEWS.RU: [сайт]. – 2023. – <https://lngnews.ru/project/vysotsk/> (дата обращения: 12.07.2024).
16. Ассоциация Акселераторов и Бизнес-инкубаторов: официальный сайт, – Москва, 2023 г. – URL: <https://www.oneur.ru/>, дата обращения 12.07.2024
17. Где стартапам жить хорошо. // Коммерсантъ: [сайт]. – 2023. – <https://www.kommersant.ru/doc/6027481> (дата обращения 12.07.2024).
18. Куда идти стартапам в США. // RB.RU: [сайт]. – 2021. – <https://rb.ru/countries/usa/> (дата обращения 12.07.2024).
19. ПАО «Газпром нефть» INDUSTRIX: официальный сайт, – Москва, 2023 г. – URL: <https://techpartners.gazprom-neft.ru/industry/>, дата обращения 12.07.2024
20. ГИС ТЭК: официальный сайт, – Москва, 2023 г. – URL: <https://gis-tek.ru/?ysclid=lyt9own7z9612454150>, дата обращения 19.07.2024
21. Болданова Е.В. Затраты на НИОКР и финансовое состояние нефтегазодобывающей компании // Бизнес. Образование. Право. 2021. N 3 (56). С. 153–157. DOI: 10.25683
22. Государственная информационная система промышленности (ГИСП): официальный сайт, – Москва, 2024 г. – URL: <https://gisp.gov.ru/mainpage/>, дата обращения 19.07.2024
23. Энергопром-альянс: наша цель – технологический суверенитет РФ. // ЭНЕРГОЭКСПЕРТ: [сайт]. – 2023. – https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53934370_81700570.pdf (дата обращения 19.07.2024).
24. Pellicelli, A.K. Strategic Alliances / A.K. Pellicelli // Economia Aziendale. – 2003. – № 30/31. – С. 1–21.
25. Гарретт, Б., Дюссож, П. Стратегические альянсы. Пер. с франц. – М.: Инфра-М, 2002. – 331 с. Gar-

rette B., Dussauge P. Les strategies d'alliance [Strategic alliances]. Paris: editions d'Organisation, 1996. 288 p. (Russ. ed.: Garrette, B., Dussauge, P. Strategicheskie al'yansy. Moscow: Infra-M, 2002. 331 p.). c. 71

26. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г.

TECHNOLOGICAL ALLIANCES FOR RUSSIA'S FUEL AND ENERGY SECTOR

Seregina A.A.

Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ensuring technological sovereignty of the state today is part of the strategy of sustainable development. One of the possible organizational solutions for the implementation of the technological sovereignty agenda may be the creation and development of technological alliances. Currently, the successful implementation of this topic can be observed at the enterprises of the fuel and energy complex – the largest sectoral taxpayer to the Russian budget.

In this article, the author identifies promising measures to support technological alliances and gives a number of recommendations to improve the mechanism of technological alliances development.

Keywords: technological alliances, fuel and energy complex, venture capital investment, business accelerator, joint industrial partnership, direct investment, equity investment, international division of labor, scientific and technical development.

References

1. Technological alliances: the future of Russian high-tech exports // Kommersant: [website]. – 2023. – <https://www.kommersant.ru/doc/6027481> (date of access: 14.07.2024).
2. Putin announced plans to develop industrial alliances // RBC: [website]. – 2024. – <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65cf75659a794736061e789b> (date of access: 14.07.2024).
3. Ermakova, Zh.A. Scientific and technological alliances as a form of innovative development of corporate structures. / Zh.A. Ermakova; V.V. Svechnikova // *Microeconomics*. – 2009. – No. 7. – pp. 60–63.
4. Znamensky, A.O. Strategic alliances as international associations of corporations. / A.O. Znamensky // *Microeconomics*. – 2008. – No. 4. – P. 11–19.
5. Ionin, A.G. Technological alliance instead of North Atlantic. In search of a new response to strategic challenges. / A.G. Ionin // *Microeconomics*. – 2009. – No. 3.
6. The share of the oil and gas sector in the Russian Federation's GDP in 2023 decreased to 16.5% // Kommersant: [website]. – 2024. – <https://www.kommersant.ru/doc/6632852> (date of access: 14.07.2024).
7. Investments and investment activities: textbook / L.I. Yuzvovich, M.S. Maramygin, E.G. Knyazeva, M.I. Lvova, Yu.V. Kuvaeva, M.V. Chudinovskikh, S.A. Degtyarev; under the general editorship of L.I. Yuzvovich; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural State University of Economics. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2021. – 498 p.: ill. – Bibliography: at the end of chapters. – 100 copies. – ISBN 978-5-7996-3082-9. – Text: direct.p. 20

8. The present and future of the largest foreign nuclear projects // Rosatom State Corporation: [website]. 2023. – URL: <https://strana-rosatom.ru/2023/01/30/istochniki-energii-nastoyashhe-i-budushh/> (date of access: 12.07.2024).
9. State Budgetary Institution Moscow Innovation Agency: official website, – Moscow, 2024. – URL: <https://innoagency.ru/> (date of access: 14.07.2024).
10. Venture needs a microscope. // Kommersant: [website]. – 2024. – <https://www.kommersant.ru/doc/6552547> (date of access 12.07.2024).
11. Schlumberger considers transferring Russian business to management // Kommersant: [website]. – 2022. – <https://www.kommersant.ru/doc/5356305> (date of access 12.07.2024).
12. JSC Novomet-Perm: official website, – Perm, 2024. – URL: <https://www.novomet.ru/rus/company/>, date of access 14.07.2024
13. Industrial group KONAR: official website, – Chelyabinsk, 2024. – URL: <https://konar.ru/o-kompanii/>, date of access 12.07.2024
14. JSC Messoyakhaneftegaz: official website, – Tyumen, 2024. – URL: <https://mesng.ru/company/about/>, date of access 12.07.2024
15. Cryogaz-Vysotsk. Lines 1–2. // LNGNEWS.RU: [website]. – 2023. – <https://lngnews.ru/project/vysotsk/> (date of access: 12.07.2024).
16. Association of Accelerators and Business Incubators: official website, – Moscow, 2023. – URL: <https://www.oneup.ru/>, date of access 12.07.2024
17. Where startups live well. // Kommersant: [website]. – 2023. – <https://www.kommersant.ru/doc/6027481> (date of access 12.07.2024).
18. Where startups should go in the USA. // RB.RU: [website]. – 2021. – <https://rb.ru/countries/usa/> (date of access 12.07.2024).
19. PAO Gazprom Neft INDUSTRIX: official website, – Moscow, 2023. – URL: <https://techpartners.gazprom-neft.ru/industrix/>, accessed on 12.07.2024
20. GIS TEK: official website, – Moscow, 2023. – URL: <https://gis-tek.ru/?ysclid=lyt9own7z9612454150>, accessed on 19.07.2024
21. Boldanova E. V. R & D costs and financial condition of an oil and gas producing company // *Business. Education. Law*. 2021. N 3 (56). P. 153–157. DOI: 10.25683
22. State Information System of Industry (GISP): official website, – Moscow, 2024. – URL: <https://gisp.gov.ru/mainpage/>, access date 07/19/2024
23. Energoprom-alliance: our goal is the technological sovereignty of the Russian Federation. // ENERGOEXPERT: [website]. – 2023. – https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53934370_81700570.pdf (access date 07/19/2024).
24. Pellicelli, A.K. Strategic Alliances / A.K. Pellicelli // *Economia Aziendale*. – 2003. – No. 30/31. – P. 1–21.
25. Garrette, B., Dussauge, P. Strategic alliances. Translated from French. – Moscow: Infra-M, 2002. – 331 p. Garrette B., Dussauge P. Les strategies d'alliance [Strategic alliances]. Paris: editions d'Organisation, 1996. 288 p. (Russ. ed.: Garrette, B., Dussauge, P. Strategicheskie al'yansy. Moscow: Infra-M, 2002. 331 p.). p. 71
26. Order of the Government of the Russian Federation of June 9, 2020 No. 1523-r On the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035.

Развитие подходов к реализации концепции «мягкой силы» в доктрине внешней политики России и в положениях стратегических документов

Авдалян Мэри Рафаэлевна,

аспирант кафедры африканистики Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: avdalyanmr@my.msu.ru

В статье рассмотрен последовательный процесс имплементации инструментов политики «мягкой силы» в правовые документы Российской Федерации, оформляющие концептуальные основы внешнеполитической доктрины страны. Термин и методы «мягкой силы» были заимствованы из зарубежной политологии с опозданием, однако основные документы российской внешней политики все же интегрируют её элементы в инструментарий дипломатической работы государственных органов России. Внимание государства к потенциалу средств политики «мягкой силы» усиливалось по мере исчерпания эффективности традиционного внешнеполитического инструментария, по мере осознания необходимости расширения культурного и гуманитарного влияния на население зарубежных стран. Внешнеполитическая стратегия Российской Федерации поэтапно расширялась за счет внедрения инструментов публичной, культурной и гуманитарной дипломатии. На определенном этапе развития концептуальных основ внешней политики непосредственное участие в реализации политики «мягкой силы» стали принимать неправительственные организации и учреждения, связанные с Российской Федерацией.

Ключевые слова: внешняя политика, публичная дипломатия, мягкая сила, гуманитарное сотрудничество, международное влияние.

14 сентября 1995 года был принят первый юридический документ, в котором политика «мягкой силы» получила свое первичное закрепление. Указ Президента РФ «Об Утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» [1] стал первой попыткой документально оформить системное видение роли и места России на пространстве СНГ, акцентировав внимание на инструментах политики «мягкой силы». Перед политическим руководством Российской Федерации в полный рост вставала проблема защиты гражданских прав соотечественников, оказавшихся в момент дезинтеграции Советского государства отрезанным от своей исторической Родины, став гражданами новых суверенных государств, но сохранив культурные и языковые связи с Россией. Это предполагало разработку и принятие мер по сохранению и распространению русского языка и культуры как важнейших элементов национальной идентичности. Стратегический курс обозначил задачи активного продвижения информации о международной деятельности России и создания ее положительного образа в странах СНГ. Этот шаг обозначил стремление к интенсивной работе по формированию общего образовательного пространства среди бывших союзных республик, которое могло бы позволить России стать своеобразным культурным «ядром», объединяющим молодое поколение в странах постсоветского пространства.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации [2] (ныне утратила силу), принятой в 1997 г., впервые была обозначена особая функциональная роль русского языка как инструмента межкультурной коммуникации, способного обеспечить единство пространства духовной и культурной жизни русскоязычного населения государства. Также была подчеркнута роль русского языка как инструмента общения для населения стран СНГ.

В 1999 году было объявлено о решении Российской Федерации о проведении комплекса мероприятий, направленных на поддержку и развитие русской культуры за рубежом. Организационные формы этих событий были весьма разнообразны, предполагая проведение различных театральных постановок, а также концерты, которые давались творческими коллективами. Эти инициативы преследовали в качестве своей цели укрепление культурных связей между народами разных государств, сохранение русского языка как инструмента межкультурной коммуникации. Работа славянских центров за границей, поддерживаемая Россией, стала весомым вкладом в распространение русского культурного наследия и укрепление межкультурного диалога.

Начало 2000-х гг. стало новым этапом в переосмыслении роли Российской Федерации на мировой политической арене. Руководство страны все больше склонялось к поиску новых форм построения диалога с правящими национальными элитами стран Ближнего Зарубежья. С одной стороны, такой подход ослаблял действенность инструментов политики «мягкой силы» – реализация национальных интересов все еще ставилась в зависимость от характера контактов с правящими группами других государств. Неправительственные организации могли

быть использованы в качестве посредников между руководством Российской Федерации и правящими элитами иностранных государств. Действия России, направленные на укрепление связей с русскоязычными диаспорами за рубежом и развитие сотрудничества с общественными организациями, все еще были не достаточно последовательными.

Заметная корректировка политики «мягкой силы» Российского государства произошла после избрания в 2000 году на пост Президента России В.В. Путина. Впервые в Концепции внешней политики 2000 г. [3] (ныне утратила силу) было зафиксировано, что, несмотря на роль военной мощи государства, все большее значение приобретают иные инструменты международного влияния. Это замечание символизировало сдвиг в приоритетах внешней политики России, указывая на интеграцию в мировое сообщество посредством инструментов невоенного характера. В этом документе подчеркивалась значимость новых элементов национальной мощи Российской Федерации, среди которых назывались интеллектуальные, информационные и коммуникационные возможности государства.

В этот же период в политических кругах России активно обсуждается и утверждается концепция «культурной дипломатии». Как стратегия внешнеполитического действия государства она призвана способствовать налаживанию международных контактов между государствами на основе культурного обмена и взаимопонимания. Посредством активного продвижения культурных достижений народов России за рубежом могут быть достигнуты цели внешнеполитической стратегии страны. Развитие культурных связей России с зарубежными странами постепенно становится одним из приоритетных направлений в работе МИД РФ. Посредством организации культурных мероприятий, Россия стремится формировать положительный образ и создавать свой национальный бренд. Благодаря активному сотрудничеству в области науки и образования Россия формирует образ России как стратегического партнера в решении задач социального развития других государств.

В этот же период происходит переоценка роли СНГ в международных отношениях, в которых принимает участие Российская Федерация. Ранее существовали определенные надежды на то, что СНГ сможет стать конфедеративным образованием, поддерживающим тесные экономические и политические связи между бывшими республиками СССР. Однако новые реалии показали, что механизмы сотрудничества в рамках СНГ неэффективны, а политика России должна активнее использовать новые формы дипломатического взаимодействия.

В Обзоре внешней политики России [4], который был подготовлен Министерством иностранных дел в 2007 году, впервые была заявлена необходимость использования ресурсов нового инструментального подхода – политики «мягкой силы». Этот документ обозначил качественный сдвиг в российской дипломатии – отныне для решения внешнеполитических задач требовалось увеличение финансирования дипломатических миссий и культурных проектов, осуществляемых за рубежом.

21 июня 2007 года по Указу Президента Российской Федерации В.В. Путина был создан Фонд «Русский мир» [5]. Содержание деятельности этого учреждения составляла работа, направленная на распространение русского языка как универсального инструмента межкультурной коммуникации, которая предполагала объединение усилий некоммерческих и межнациональных организаций в зарубежных государствах. Также работа фонда предполагала поддержку русскоязычных диаспор, которые выступали в качестве своеобразного проводни-

ка для распространения русского языка в зарубежных сообществах. Эта деятельность в самом общем виде квалифицируется сегодня как языковая дипломатия. Ее фундаментом является создание учреждений, способных результативным образом популяризировать русский язык в иноязычной среде. Классическим типом таких организаций стали многочисленные языковые центры.

Для административного обеспечения этой деятельности было учреждено новое ведомство – Россотрудничество, которое встраивало конструктивные каналы коммуникации с русскоязычными сообществами по всему миру. Это ведомство было учреждено Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. [6].

Консолидация действий двух учреждений стало продуктивным опытом воздействия на зарубежные аудитории с целью формирования позитивного отношения к Российскому государству и его национальной культуре, а также для развития взаимных связей между сообществами разных стран.

В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации 2008 г. [7] (ныне утратила силу), значительное внимание уделяется поддержке идеи «Русского мира». В новом документе вновь было подчеркнуто приоритетное значение русского языка как средства для национального брендинга Российского государства, а также как средства для налаживания «мостов» между зарубежными аудиториями и Российским обществом. Также здесь была впервые выделена функциональная роль неправительственных организаций, значимых акторов внешней политики государства, способных воздействовать на общественное мнение в иностранных государствах. Именно они могут выступить новыми субъектами публичной дипломатии, распространения знаний о России, ее языке, культуре и истории за рубежом.

В 2010 году был принят документ, определяющий стратегические направления внешней культурной политики России. В «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» [8] подчеркивалось, что современная глобальная конкуренция требует активного использования элементов духовного и культурного потенциала страны, а также признания культурно-цивилизационного измерения как ключевого фактора современных международных отношений. В этом документе отмечалась роль культурной дипломатии как средства достижения внешнеполитических целей посредством распространения знаний о ценностях, истории и традициях народов Российской Федерации. Документ подчеркивает стремление России использовать культурные инициативы на международной арене, укрепляя тем самым глобальное влияние и способствуя формированию многополярного мира.

В мае 2012 года был издан Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» [9] (ныне утратил силу), который подтвердил стремление государства противостоять попыткам внешнего вмешательства во внутренние дела страны под видом продвижения правозащитных инициатив. В документе была дана негативная оценка работы правозащитных организаций, многие из которых были зарегистрированы за рубежом, поскольку Российское государство оценивает их как инструмент иностранного политического воздействия на общество внутри страны.

Как средство противодействия этому деструктивному влиянию предлагается распространение практики использования работы неправительственных организаций России в иностранных государствах, в том числе для сбалансирования двустороннего внешнеполитического

воздействия. Эта работа должна иметь симметричный характер – действия Российской Федерации в данном направлении носят ответный характер. При этом Российские неправительственные организации должны действовать открыто, не скрывая своего происхождения и источников финансирования, что позволяет избежать обвинения в скрытности внешнеполитического влияния.

Начало 2010-х гг. стало новым этапом в развитии внешнеполитического курса Российского государства. В фокусе внимания руководства страны необходимость решения внешнеполитических задач связывалась с расширением сети дипломатических учреждений в зарубежных государствах, а также со значительным увеличением финансирования работы этих ведомств. Культурная дипломатия как новая форма реализации политики «мягкой силы» органично реализовывалась посредством деятельности отдельных учреждений, уделявших особое внимание поддержке соотечественников.

Работа этих учреждений направлена на поддержание культурных связей с русскоязычным населением за пределами его границ (диаспорами). Документом предполагалось расширение сети центров науки и культуры за рубежом, активизация научного и культурного обмена с другими государствами.

В Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 2013 году [10] (ныне утратила силу), диаспора стала рассматриваться «в качестве партнера», работа с которым через консульские и дипломатические учреждения требует более структурированного и организованного взаимодействия, что не исключает важность дополнительных каналов коммуникации. С этого момента политика «мягкой силы» Российской Федерации стала занимать центральное место в стратегии внешней политики страны, что также сопровождалось поиском инновационных подходов, отличающихся от традиционных западных методов этого направления внешней политики. Неправительственные организации и институты гражданского общества России постепенно расширяли свое участие в реализации политики «мягкой силы», участвуя в мировых экспертно-политологических форумах и международных исследовательских проектах. Этот инструмент политики «мягкой силы» позволяет продемонстрировать достижения страны в области науки, образования и культуры, формируя положительный имидж России и ее национальный бренд. Активное взаимодействие через неправительственные каналы свидетельствует о том, что внешнеполитическая стратегия России стали активно использоваться как традиционные инструменты дипломатии, так и инновационные подходы, направленные на расширение практики применения инструментом политики «мягкой силы».

Последующие варианты концептуальных документов в области внешней политики Российской Федерации, включая Концепцию внешней политики 2023 г. [11], продолжают практику нормативного закрепления инструментария политики «мягкой силы» как приоритетного метода достижения национальных интересов страны за рубежом. В действующей Концепции внешней политики России указывается, что прежняя модель мира, основанная на колониальной эксплуатации зависимых территорий, прежде всего Африки, уходит в прошлое (п. 7). Сегодня формируется новый многополярный мировой порядок, в котором Россия уделяет особое внимание интеграции африканских стран в дружественные международные площадки и объединения (п. 19). Политика «мягкой силы» России в новых условиях ориентирована на распространение правдивой информации о стране в разных регионах планеты – Африки, Азии и Латинской Америки (п. 44). Внимание Российской Федерации к африкан-

скому континенту также проявляется в деятельности, направленной на поддержание региональной безопасности в Северной Африке (п. 56). Россия провозглашает всестороннюю поддержку курсу, направленному на суверенизацию этих государств, а также развитию на системной основе научно-гуманитарных связей (п. 57).

В наиболее значимых документах внешней политики указывается, что Россия пытается построить внешнюю политику на основе международного диалога, уважения суверенитета и невмешательства в дела других государств. Стратегия «мягкой силы» России «достаточно долго формировалась в политической среде и, в конечном счете, приобрела подходы, отличные от стратегии Западных стран» [12, с. 50].

Займствование самого понятия «мягкой силы» и совокупности инструментов её реализации из научного арсенала зарубежной политологии во многом может показаться запоздалым решением руководства Российской Федерации. Этот шаг со стороны Российского государства практически совпал по времени с формированием критического тренда в осмыслении сущности политики «мягкой силы», который четко обозначился в российской и зарубежной академической среде.

Сегодня в науке инструментарий «мягкой силы» всё чаще заменяется понятием «умной силы», представляющей собой результативное сочетание методов жёсткого и мягкого воздействия во внешней политике. Это обусловлено тем, что ведущие мировые державы не ограничиваются в своей внешней политике только одним из типов воздействия.

Развитие внешнеполитического курса Российской Федерации целесообразно обеспечивать за счет поиска и практического применения конкретных методик по работе с зарубежной аудиторией, при этом нет никакой объективной необходимости ссылаться в руководящих документах на какие-либо конкретные концепции, разработанные в западной политической науке.

Таким образом, можно констатировать, что эволюция внешней политики Российской Федерации в три десятилетия постсоветской государственности характеризуется последовательным расширением практики использования инструментов «мягкой силы» как способа решения внешнеполитических задач. Базовые документы российской внешней политики имплементируют элементы политики «мягкой силы» в арсенал средств дипломатической работы органов российского государства, неправительственных организаций, связанных с Российской Федерацией. Переосмысление политики «мягкой силы» связано с трансформацией позиционирования страны на мировой арене, изменениями внешнеполитических приоритетов государства. Начальный этап формирования внешнеполитического курса страны в постсоветский период предполагал работы в области распространения русского языка и образовательной деятельности. Однако в дальнейшем была поставлена задача не только защиты интересов государства, но и создания условий для использования инструментов «мягкой силы» через культурное и гуманитарное сотрудничество с другими странами. Именно такой интегрированный подход мог бы способствовать более эффективному использованию «мягкой силы» в продвижении интересов России на международной арене. На протяжении 1990–2000-х годов постепенно выстраивалась российская модель политики «мягкой силы», включающая в себя не только классические инструменты воздействия, но и активное использование новых медиа и информационных технологий. Эти меры направлены на формирование национального бренда России, ее положительного имиджа среди населения других государств.

Литература

1. Указ Президента РФ от 14.09.1995 № 940 (ред. от 31.08.2005) «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» <https://base.garant.ru/1118275/> (дата обращения 01.03.2024).
2. Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782> (дата обращения 01.03.2024).
3. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2007 году. Обзор МИД России. <https://mid.ru/tv/?id=1735625> (дата обращения: 02.03.2024).
4. Указ Президента Российской Федерации от 21.06.2007 г. № 796 «О создании фонда «Русский мир» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689> (дата обращения: 02.03.2024).
5. Указ Президента РФ от 06.09.2008 № 1315 (ред. от 26.05.2022) «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» (вместе с «Положением о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству») <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020> (дата обращения: 04.03.2024).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 12.07.2008 № Пр-1440). <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (дата обращения: 05.03.2024).
7. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (дата обращения: 01.03.2024).
8. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35269> (дата обращения: 07.03.2024).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013) (утратила силу). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (дата обращения: 01.03.2024).
10. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 05.03.2024).
11. Боронина А.С. Разработка теоретических аспектов политики «мягкой силы» Российской Федерации // Причерноморье. История, политика, культура. 2019. № 28. С. 47–52.

DEVELOPMENT OF APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF “SOFT POWER” IN THE RUSSIAN FOREIGN POLICY DOCTRINE AND IN THE PROVISIONS OF STRATEGIC DOCUMENTS

Avdalyan M.R.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the consistent process of implementing the instruments of the «soft power» policy into the legal documents of the Russian Federation, which formalize the conceptual foundations of the country's foreign policy doctrine. The term and methods of «soft power» were adopted from foreign political science with a delay; however, key documents of Russian foreign policy still integrate its

elements into the toolkit of the state's diplomatic efforts. The state's attention to the potential of the means of «soft power» policy increased as the effectiveness of traditional foreign policy tools was exhausted, as the need to expand cultural and humanitarian influence on the population of foreign countries was realized. The foreign policy strategy of the Russian Federation has been gradually expanded through the introduction of public, cultural and humanitarian diplomacy tools. At a certain stage in the development of the conceptual foundations of foreign policy, non-governmental organizations and institutions associated with the Russian Federation began to take a direct part in the implementation of the «soft power» policy.

Keywords: foreign policy, public diplomacy, soft power, humanitarian cooperation, international influence.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of September 14, 1995 No. 940 (as amended on August 31, 2005) “On approval of the Strategic Course of the Russian Federation with the member states of the Commonwealth of Independent States” <https://base.garant.ru/1118275/> (date of access 03/01/2024).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated December 17, 1997 No. 1300 (as amended on January 10, 2000) “On approval of the National Security Concept of the Russian Federation” (no longer valid) <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782> (date of access 03/01/2024).
3. Foreign policy and diplomatic activities of the Russian Federation in 2007. Review of the Russian Foreign Ministry. <https://mid.ru/tv/?id=1735625> (date of access: 03/02/2024).
4. Decree of the President of the Russian Federation dated June 21, 2007 No. 796 “On the creation of the Russkiy Mir Foundation” <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689> (date of access: 03/02/2024).
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 09/06/2008 No. 1315 (as amended on 05/26/2022) “On some issues of public administration in the field of international cooperation” (together with the “Regulations on the Federal Agency for the Affairs of the Commonwealth of Independent States, compatriots living abroad, and international humanitarian cooperation”) <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020> (access date: 03/04/2024).
6. Concept of foreign policy of the Russian Federation (approved July 12, 2008 No. Pr-1440). <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (date of access: 03/05/2024).
7. The main directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (date of access: 03/01/2024).
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2012 No. 605 “On measures to implement the foreign policy course of the Russian Federation” <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35269> (date of access: 03/07/2024).
9. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on February 12, 2013) (lost force). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (date of access: 03/01/2024).
10. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 “On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation” <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (date of access: 03/05/2024).
11. Boronina A.S. The Development of the “soft power”, Policy's Theoretical Aspects of the Russian Federation / Boronina A.S. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series B: Modern and Contemporary History. – 2019. – № XXVIII (XIII). – P. 47–52.

Российско-итальянские отношения в области культуры на современном этапе

Бирюкова Мария Романовна,

студент Дипломатической Академии МИД РФ

E-mail: biryukova.mr@yandex.ru

Статья посвящена особенностям и проблемам российско-итальянских отношений в сфере культуры. Для рассмотрения в исследовании Италия выбрана неслучайно: отношения с Италией всегда были особым элементом внешнеполитической повестки России. Посол РФ в Риме (в период с 2013 по 2023 г.) Сергей Разов определил отношения в области культуры двух стран на современном этапе следующим образом: «Культура – важный, если не важнейший компонент нашего двустороннего межгосударственного сотрудничества, который имеет долгую историю, глубокие корни и который активно развивается, несмотря на все, как сейчас принято говорить, турбулентные явления». В связи с этим возникает вопрос, в чём специфика российско-итальянских отношений, почему Италия, оказывающая постоянную поддержку Украине, стремится к сохранению диалога с Россией, в том числе, в культурной сфере. В данном исследовании предпринимается попытка разобраться в особенностях культурного диалога, сложившегося между Москвой и Римом.

В первой части статьи кратко рассматриваются история взаимодействия двух стран, актуальные формы сотрудничества, обмен опытом и знаниями в области искусства, культурная дипломатия, а также перспективы развития в будущем.

Во второй части отдельно анализируются совместные проекты, выставки, фестивали, исследовательские программы, образовательные и культурные инициативы, которые способствуют углублению культурных связей между Россией и Италией.

Ключевые слова: Россия, Италия, российско-итальянские отношения, культурная дипломатия, диалог, культура, «перекрестный год».

Вопрос о том, существуют ли перспективы дальнейшего развития связей между Россией и Италией – сложный и вызывающий большое количество споров. Однако изучение темы двустороннего взаимодействия России и Италии, особенно после прихода к власти нового правительства Джорджи Мелони, остается крайне актуальным даже в условиях значительно сократившихся совместно реализованных проектов в разных сферах, а также отсутствия встреч на высшем уровне. В центре внимания нашего исследования – культурные связи двух государств: даже премьер-министр Джорджи Мелони отметила, что нужно разделять вопросы отношений народов и политику [1]. Если говорить о российско-итальянских отношениях в целом, то фундаментом двусторонних отношений являются именно культурные связи, насчитывающие более чем 500-летнюю историю. Наряду с частыми визитами итальянских архитекторов в Москву с одной стороны и творческой деятельностью русских писателей, художников на Апеннинах с другой возникла заинтересованность в наращивании и упрочении связей гуманитарных, торговых, а также и политических, в результате чего дипломатические, экономические и культурные контакты широко разворачивались вплоть до конца XIX в. [2].

На современном этапе двусторонних отношений культурные связи между Россией и Италией осуществляются на основе Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области культуры и образования от 10 февраля 1998 г., предусматривающего программы обмена в этой сфере в рамках заседаний Российско-итальянской смешанной комиссии по сотрудничеству в области культуры и образования. На базе Соглашения осуществлялось взаимодействие высших учебных заведений двух стран, а также действовали программы краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного сотрудничества в образовательной культурной сфере. В качестве примера можно привести Протокол заседания Российско-Итальянской смешанной комиссии по сотрудничеству в области культуры и образования, на основе которой была разработана Программа сотрудничества в сфере культуры, образования, СМИ, молодежных обменов, спорта и туризма на период 2019–2022 гг.

Еще одним примером является проведенный в 2011 г. в Италии Год российской культуры и русского языка, а в России – Год итальянской культуры и итальянского языка. На территории многих итальянских университетов были организованы лекции, семинары с участием российских преподавателей. В рамках этой инициативы была также организована Ассамблея ректоров российских и итальянских вузов [3]. Аналогичное мероприятие было проведено в 2013–2014 гг. в контексте Перекрестных годов туризма и включало в себя гастроли Академического Малого драматического театра в Италии и концерты Российского национального оркестра в Риме. Более того, в сентябре 2021 г. состоялась Церемония открытия перекрестного Года музеев России и Италии при участии министра культуры России Ольги Любимовой и министра культуры Италии Дарио Франческини [4].

Еще один ряд проектов был связан с таким культурно-гуманитарным направлением, как популяризация стра-

нами своих национальных языков. Государства реализовывали профильные мероприятия, суть которых направлена на продвижение русского и итальянского языка. Примером такого взаимодействия была работа Российско-Итальянской рабочей группы по сотрудничеству в области изучения языков, последняя встреча которой прошла в 2021 г. [5].

В России при поддержке Посольства Италии действуют Институт итальянской культуры в Москве и общество Данте Алигьери, повышающие интерес к итальянскому языку и культуре среди российского населения за счёт проведения «недель итальянского языка», открытых лекций, выставок и других мероприятий. С 2001 года также на территории России свою работу начало национальное агентство по туризму в Италии ЭНИТ, также организующее мероприятия, посвящённые итальянской культуре. Нельзя не упомянуть и ежегодные фестивали итальянского кино RIFF, на которых презентуются новинки итальянского кинематографа, пользующиеся большой популярностью среди россиян. Сегодня на регулярной основе в кинотеатре Центрального дома журналиста (Домжур) регулярно проходят встречи Итальянского киноклуба с Сильвией Мандруццато, руководительницей Итальянского Центра культуры (Centro Italiano di Cultura).

Продвижением российской культуры на территории Итальянской Республики занимаются такие организации как Россотрудничество, подведомственная Министерству иностранных дел России, с представительствами в Риме, Неаполе и Флоренции. В 2011 году стартовал «перекрёстный» год культуры двух государств, по итогам которого в Риме открылся Российский центр науки и культуры, где проводятся выставки российских художников и других деятелей культуры. Благодаря работе Фонда «Русский мир» на базе римского университета Сапиенца удалось открыть Центр российских исследований, призванного развить научный и студенческий обмен между государствами. Значимым достижением в области сотрудничества в сфере образования стало подписание российско-итальянского межправительственного Соглашения о взаимном признании документов об образовании, выдаваемых в Российской Федерации и Итальянской Республике. В целом за 2011 год было проведено более 500 мероприятий на территории двух государств, а 2013 год также был объявлен «перекрёстным» годом туризма, в результате которого процедуры получения виз были значительно упрощены [6]. С 2004 года действует Форум итало-российского диалога гражданского общества, созданный в соответствии с договоренностями, достигнутыми на высшем уровне, и направленный на развитие контактов между представителями гражданского общества двух стран в различных сферах. Форум стал своего рода площадкой, объединяющей российских и итальянских деятелей культуры и науки, благодаря которой проводятся круглые столы, концерты и научные конференции.

Наиболее важным для двустороннего сотрудничества стало подписание Российско-итальянской Программы обменов в области культуры и образования на 2019–2022 годы, состоявшееся в ходе официального визита Президента Российской Федерации Владимира Путина в Италию 04 июля 2019. Подписание данного документа доказывает продолжительность функционирования существующей комиссии по сотрудничеству не только «де-юре», но и «де-факто».

Межмузейный диалог на протяжении многих лет оставался основным каналом культурных обменов. Вниманию публики были представлены выставки: «Русские чары. Традиционные живописные работы Академии Глазунова в Москве» в Пинакотеке Академии Альбер-

тина в Турине (30 января – 22 марта 2020 г.), «Даже моя Россия меня полюбит» посвященная художнику М. Шагалу (Ровиго, 19 сентября 2020 г. – 14 марта 2021 г.), «Божественное и авангардное. Женщины в русском искусстве» (Милан, 22 октября 2020 г. – 12 сентября 2021 г.). Российское кино было представлено на 77-й Венецианской кинобиеннале (2–12 сентября 2020 г.). Успешно проведены мероприятия по случаю 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. В Кальдьеро (регион Венето) при участии Посольства РФ, местных властей и ассоциации «Conoscere Eurasia» состоялась торжественная церемония открытия памятника советскому партизану, участнику итальянского Сопrotивления В. Тулиско (20 октября 2020 г.).

Несмотря на столь значимый прогресс в культурном сотрудничестве и интенсивное культурно-гуманитарное взаимодействие в последние годы, с началом «культуры отмены» в отношении России со стороны Запада мир искусства также пострадал от «санкций». В марте 2022 г. сенсацию произвело дело писателя и русиста Паоло Нори, которому миланский университет Бикокка, государственный и один из самых молодых университетов в стране, сообщил, что хочет отложить его курс по Достоевскому, чтобы избежать полемики [7]. На прошедшей через несколько недель в Болонье Детской книжной ярмарке было объявлено, что ярмарка приостановила всякое сотрудничество с российскими официальными организациями, но не с отдельными иллюстраторами или издателями из этой страны, которые смогут участвовать в большой ярмарке, одной из самых главных в мире, посвященной детской литературе. Другой пример – фестиваль Fotografia Europea, который должен был проходить с конца апреля по июнь 2022 г. в Реджо-Эмилии, где Россия должна была быть участником. Инициатива была частью партнерского проекта с Эрмитажем, который курировал выставку «Ледяные тропы» с работами трех российских фотографов. Выставка была отменена; директор Фонда Маньяни Рокка, организующий выставку, заявил, что «диалог с институтами страны, которая в настоящее время является агрессором, невозможен», несмотря на солидарность с отдельными фотографами и кураторами Эрмитажа [8].

В межмузейном диалоге, который стабильно поддерживался между странами в независимости от политической ситуации в мире, также произошли негативные изменения. Сесилия Холлберг, директор Галереи Академии во Флоренции, отозвала работы, предоставленные Пушкинским музеем в Москве, которые должны были быть представлены на выставке, посвященной Пьеру Франческо Фоски и Ренессансу во Флоренции. С «российским вторжением», утверждает Холлберг, «все типы границ были нарушены», «что передача работ такому важному учреждению, как Галерея Академии, будет политически использована и использована в целях пропаганды» [9].

Тем не менее, отвечая на вопросы корреспондента ТАСС в феврале 2023 г. Эйке Шмидт, тогда директор галереи Уффици во Флоренции, назвал ошибкой любые попытки отменить или вычеркнуть российскую культуру из мирового культурного наследия. Более того, Эйке Шмидт, выражая сожаления, что итальянские власти приостановили сотрудничество государственных музеев с Россией, сравнил уничтожение русской культуры буквально с «ампутацией руки»: «Отказ от важной части универсальной мировой культуры ужасен, будто ампутация, он приносит только сильную боль и кровопотерю. Без Толстого, Достоевского, Шостаковича мировая культура будет отброшена назад в своем развитии» [10].

Не лучше обстоит дело и на музыкально-балетном фронте, в Италии и за границей, где театры и фестива-

ли отказываются от российских звезд: помимо «отмены» дирижера Валерия Гергиева, и его выступлений в Ла Скала и театре Петруцелли в Бари (его концерты также отменили Мюнхенская филармония и Эдинбургский фестиваль), в феврале 2022 г. Королевский оперный театр в Лондоне отменил летнюю резиденцию балетной труппы Большого театра. Издатель Даниэла Ди Сора, основательница итальянского издательства Voland, получила электронное письмо от некоторых украинских культурных учреждений с призывом бойкотировать русские книги. Неудивительно, что госпожа Даниэла Ди Сора не последовала общей линии отказа от русской культуры, ведь среди первых выпущенных книг издательства произведения именно русских авторов – Л.Н. Толстого и Н.В. Гоголя. В марте 2022 г. в интервью итальянскому информационному агентству Adnkronos Ди Сора прокомментировала бойкот российских авторов следующим образом: «Имя Воланда происходит из небезызвестного произведения Булгакова, который, как известно, родился в Киеве, а умер в Москве: в нашем каталоге есть русские авторы и книги украинских авторов. Литература объединяет, наводит мосты» [11].

Знаменитый историк искусства, замминистра культуры Италии Витторио Згарби, отвечая на вопрос РИА Новости, назвал идею культурной отмены России безумной, а попытки запретить культурные связи с Россией и препятствовать выступлениям российских деятелей искусства на Западе являются актом насилия [9]. В сентябре 2023 г. посол РФ в Италии Алексей Парамонов, говоря об общей ситуации в сфере культурных обменов между странами, заявил в интервью РИА Новости, что, несмотря на неоднократные высказывания со стороны высшего руководства Италии против отмены российской культуры, на деле не все обстоит благополучно. Он напомнил об отмене выступлений ряда российских деятелей культуры, в частности Дениса Мацуева, Валерия Гергиева, Сергея Полунина. По словам посла, мы являемся свидетелями «нового феномена», когда, например, выступать на ведущих концертных площадках классической музыки приглашаются только исполнители, публично осудившие СВО. Парамонов охарактеризовал это как «идеологическую цензуру и дискриминацию деятелей культуры по политическим мотивам» [12].

Однако, итальянский народ веками симпатизировал России. Направления взаимодействия России и Италии можно заморозить, но никак не разрушить. Сегодня это подтверждают сами итальянцы: по словам президента Итало-российского культурного объединения «Культурная ассоциация «Россия Эмилия-Романья» Луки Росси, 60% итальянцев выступили против отправки оружия на Украину, большинство из них также против участия Италии в этом конфликте. Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова на брифинге перед 100-летним юбилеем установления дипломатических отношений между СССР и Итальянской Республикой в 2024 г. заявила, что «никому не под силу уничтожить без следа, отменить, переписать прочный фундамент российско-итальянских отношений, в основе которых взаимный интерес и симпатии народов друг к другу» [13].

В нашей статье мы позволим себе сформулировать смелый прогноз, о том, что именно люди станут главным элементом в восстановлении двусторонних отношений Италии и России в ближайшем будущем. Иными словами, в центре будущих российско-итальянских отношений будет публичная и народная дипломатия. Так, например, известный литературовед и славист Даниэла Рицци оказала колоссальное влияние на исследование истории русской культуры, а также на развитие российско-итальянских отношений. Даниэла Рицци сто-

яла у истоков масштабных исследовательских проектов национального значения, посвященных изучению жизни русских эмигрантов, оказавшихся в Италии после революции 1917 года. С 2020 г. госпожа Рицци является директором Института итальянской культуры в Москве. Миссия ИИК в Москве заключается в распространении итальянской в Российской Федерации и продвижении итальянского языка и культуры посредством организации культурных мероприятий. В целях содействия обмену идеями, искусства и науки, создания эффективной связи между итальянской и местной культурной сценой, ИИК организует широкий спектр мероприятий в различных областях культуры [14].

Российско-итальянские отношения на современном этапе, не только в области культуры, отличаются от взаимодействия РФ с другими странами Западной Европы. Объясняется это как культурными и историческими симпатиями, так и развитым сотрудничеством, которое велось до начала СВО по самым разным направлениям. Неслучайно, президент России Владимир Путин на организованной ТАСС встрече с главами мировых информационных агентств в июне 2024 г. прокомментировал отношения России и Италии следующим образом: «Мы видим, что в Италии не раздувается пещерная русофобия, и мы это тоже имеем в виду. Мы очень рассчитываем на то, что с Италией нам в конечном итоге – может быть после того, как ситуация будет каким-то образом исправляться на украинском направлении, – удастся восстановить отношения. И, может быть, даже быстрее, чем с какой-либо другой европейской страной» [15].

В целом отношения между двумя странами базируются на богатых и давних традициях дружбы, симпатии и взаимном уважении, которые существовали в течение не одного столетия и существуют до сих пор. Необходимо подчеркнуть, что залогом усиления мировых позиций России может являться обдуманная и рассчитанная внешнеполитическая модель действий, которая исключает автоматическое подражание Западу там, где это не совпадает с ее национальными интересами.

Проанализировав современные российско-итальянские отношения, можно также сделать вывод о том, что значительной скрепой в российско-итальянских отношениях остаётся культура. Тем не менее, Италия вынуждена согласовывать свою политику с политикой Евросоюза, следовательно, можно утверждать, что стратегические подходы сторон разнятся. Еще в 2017 году в ходе своего визита в Сочи в качестве председателя Совета министров Паоло Джентилони заявил: «Италии не нравятся санкции, но она не в силах их отменить» [16]. Тем не менее, по мере дальнейшей эскалации «украинского кризиса», Италия решила поддержать соответствующую западным тенденциям анти-российскую риторику, что привело к закономерному снижению уровня и качества связей двух государств – как по причине взаимной санкционной политики, так и в контексте одностороннего разрыва Италией связей с Россией в рамках существовавших механизмов и форматов взаимодействия.

Литература

1. Джорджа Мелони не разделяет неприязнь к русской культуре из-за спецоперации // ИА Регнум. – URL: <https://regnum.ru/news/3758621> (дата обращения: 20.06.2024).
2. Зюнова Т.В. Российско-итальянские отношения: история и современность / Т.В. Зюнова // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 1. – С. 51–57.

3. Открытие Года российской культуры в Италии и Года итальянской культуры в России // Администрация Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/10359/videos> (дата обращения: 17.05.2024).
4. В Милане открыли перекрестный Год музеев России и Италии // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20210930/muzei-1752538897.html> (дата обращения: 17.05.2024).
5. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе специальной сессии Анталийского дипломатического форума // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/it/1936226/> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Cooperazione culturale // Ambasciata della Federazione Russa in Italia e San Marino. – URL: https://roma.mid.ru/it/russia_e_italia/kultura_i_obrazovanie/cooperazione_culturale/ (дата обращения: 15.06.2024).
7. “Se la guerra mette alla sbarra la cultura russa” di Lara Crinò // la Repubblica. – URL: https://www.repubblica.it/cultura/2022/03/02/news/processo_farsa_alla_cultura_russa-340015576/ (дата обращения: 15.06.2024).
8. Замминистра культуры Италии назвал насилем попытки запретить культурные связи с Россией // Газета.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/11/14/21702607.shtml> (дата обращения: 23.03.2024).
9. Firenze, l’embargo dell’Accademia: «Non vogliamo più opere da Mosca» // Corriere Fiorentino. – URL: https://corrierefiorentino.corriere.it/firenze/notizie/cronaca/22_marzo_01/firenze-l-embargo-dell-accademia-c4d1d8e6-998b-11ec-bc2f-580326f2e25a.shtml (дата обращения: 20.06.2024).
10. Head Of Uffizi Gallery: Russian Culture Cannot Be Canceled // Russkiy Mir Foundation. – URL: <https://ruskiymir.ru/en/news/310688/> (дата обращения: 20.06.2024).
11. Intervista a Daniela Di Sora, editrice di Volland // Pisa Book Festival. – URL: <https://www.pisabookfestival.com/lenews/intervista-a-daniela-di-sora-editrice-di-volland/> (дата обращения: 20.06.2024).
12. В Италии назвали попытки запретить культурные связи с Россией актом насилия // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20231114/svyazi-1909268280.html> (дата обращения: 27.03.2024).
13. Захарова заявила о невозможности разрушить фундамент отношений РФ и Италии // Известия. – URL: <https://iz.ru/1642753/2024-01-31/zakharova-zaiavila-o-nevozmozhnosti-razrushit-fundament-otnoshenii-rf-italii> (дата обращения: 20.04.2024).
14. Миссия ИИК в Москве // Итальянский институт культуры в Москве. – URL: <https://iicmosca.esteri.it/ru/chi-siamo/> (дата обращения: 23.03.2024).
15. Путин допустил, что отношения с Италией восстановятся быстрее, чем с другими странами ЕС // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/21006921> (дата обращения: 18.05.2024).
16. Паоло Джентилони в России: Италии не нравятся санкции, но она не в силах их отменить // Клуб «Валдай». – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/paolo-dzhentiloni-v-rossii/?sphrase_id=467751 (дата обращения: 14.06.2024).

The article is dedicated to the features and issues of the state of Russian-Italian relations in the sphere of culture. Italy was chosen for the study on purpose: Russian relations with Italy have always been a special element of Russia’s foreign policy agenda. The Russian Ambassador to Rome (from 2013 to 2023) Sergey Razov defined the cultural relations between the two countries at the present stage as follows: “Culture is an important, if not the most important component of our bilateral interstate cooperation, which has a long history, deep roots, and is actively developing, despite all the turbulent phenomena, as it is customary to say now.”

That is why the question arises: what is the specificity of Russian-Italian relations, why does Italy, which provides constant support to Ukraine, seek to maintain dialogue with Russia, including in the cultural sphere? In this study, we attempt to understand the peculiarities of the established cultural dialogue between Moscow and Rome.

The first part of the article briefly examines the history of interaction between the two countries, current forms of cooperation, exchange of experience and knowledge in the field of art, cultural diplomacy, as well as development prospects in the future.

The second part analyzes joint projects, exhibitions, festivals, research programs, educational and cultural initiatives that contribute to deepening cultural ties between Russia and Italy.

Keywords: Russia, Italy, Russian-Italian relations, cultural diplomacy, dialogue, culture, cultural exchange.

References

1. Giorgio Meloni does not share the hostility towards Russian culture because of the special operation // IA Regnum. – URL: <https://regnum.ru/news/3758621> (date of access: 20.06.2024).
2. Zonova T.V. Russian-Italian relations: history and modernity // T.V. Zonova // Bulletin of MGIMO-University. – 2012. – No. 1. – P. 51–57.
3. Opening of the Year of Russian Culture in Italy and the Year of Italian Culture in Russia // Administration of the President of Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/10359/videos> (date of access: 17.05.2024).
4. Cross Year of Museums of Russia and Italy opened in Milan // RIA Novosti. – URL: <https://ria.ru/20210930/muzei-1752538897.html> (date of access: 17.05.2024).
5. Speech and answers to questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov during the special session of the Antalya Diplomatic Forum // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/it/1936226/> (date of access: 17.05.2024).
6. Cooperazione culturale // Ambasciata della Federazione Russa in Italia e San Marino. – URL: https://roma.mid.ru/it/russia_e_italia/kultura_i_obrazovanie/cooperazione_culturale/ (date of access: 15.06.2024).
7. “Se la guerra mette alla sbarra la cultura russa” by Lara Crinò // la Repubblica. – URL: https://www.repubblica.it/cultura/2022/03/02/news/processo_farsa_alla_cultura_russa-340015576/ (date of access: 15.06.2024).
8. Deputy Minister of Culture of Italy called attempts to ban cultural ties with Russia violence // Gazeta.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/11/14/21702607.shtml> (date of access: 23.03.2024).
9. Firenze, l’embargo dell’Accademia: “Non vogliamo più opere da Mosca” // Corriere Fiorentino. – URL: https://corrierefiorentino.corriere.it/firenze/notizie/cronaca/22_marzo_01/firenze-l-embargo-dell-accademia-c4d1d8e6-998b-11ec-bc2f-580326f2e25a.shtml (access date: 06/20/2024).
10. Head Of Uffizi Gallery: Russian Culture Cannot Be Canceled // Russian Mir Foundation. – URL: <https://ruskiymir.ru/en/news/310688/> (date of access: 06/20/2024).
11. Intervista a Daniela Di Sora, editrice di Volland // Pisa Book Festival. – URL: <https://www.pisabookfestival.com/lenews/intervista-a-daniela-di-sora-editrice-di-volland/> (date of access: 20.06.2024).
12. In Italy, they called attempts to ban cultural ties with Russia an act of violence // RIA Novosti. – URL: <https://ria.ru/20231114/svyazi-1909268280.html> (date of access: 27.03.2024).
13. Zakharova said it was impossible to destroy the foundation of relations between Russia and Italy // Izvestia. – URL: <https://iz.ru/1642753/2024-01-31/zakharova-zaiavila-o>

RUSSIAN-ITALIAN RELATIONS IN THE FIELD OF CULTURE NOWADAYS

Biryukova M.R.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

nevozmozhnosti-razrushit-fundament-otnoshenii-ri-i-italii (date of access: 20.04.2024).

14. IIC Mission in Moscow // Italian Institute of Culture in Moscow. – URL: <https://iicmosca.esteri.it/ru/chi-siamo/> (date of access: 23.03.2024).

15. Putin admitted that relations with Italy will be restored faster than with other EU countries // TASS. – URL: <https://tass.ru/politika/21006921> (date of access: 18.05.2024)

16. Paolo Gentiloni in Russia: Italy does not like the sanctions, but it is unable to cancel them // Valdai Club. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/paolo-dzhentiloni-v-rossii/?sphrase_id=467751 (date of access: 14.06.2024).

Сотрудничество в области образования в рамках механизма китайско-российского гуманитарного обмена

Ван Аньци,

магистратура, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: cool.anqi@yandex.ru

Сотрудничество в области образования в рамках механизма китайско-российского гуманитарного обмена не только способствовало развитию преподавания языков в двух странах и способствовало развитию многих талантов в области иностранных языков, но также способствовало развитию высшего образования и аналитических центров в Китае и России и предоставило ресурсы для углубленного исследования вопросов, представляющих общий интерес для двух стран.

Взяв за отправную точку создание и функционирование механизма китайско-российского гуманитарного обмена, в данной статье были проанализированы предпосылки создания механизма и проанализированы структурные характеристики функционирования механизма; взяв за основу сотрудничество в сфере образования, в статье основное внимание уделяется образовательному сотрудничеству Китая и России в рамках механизма начиная с XXI века, а также обобщены характерные проекты сотрудничества на разных уровнях реализации. В этой статье обобщены проблемы, существующие в нынешнем сотрудничестве между двумя странами, а затем предложены соответствующие решения.

Ключевые слова: Механизм китайско-российского гуманитарного обмена, Сотрудничество в сфере образования, Сотрудничество университетов, Продвижение языкового образования, Проблемы и решения.

С момента своего создания механизм прошел два этапа: с 2000 по 2006 год он действовал в форме Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, а с 2007 года по настоящее время он действует в форме Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. [1] С точки зрения субъекта реализации структура механизма может быть разделена вертикальным образом; с точки зрения области реализации структура механизма может быть разделена горизонтальным образом. По вертикали он делится на три уровня: национальный, местный и гражданский. Вертикальная структура механизма см. на рис. 1.

Рис. 1

Источник: составлено автором

Замечательный пример сотрудничества на национальном уровне – создание проектной платформы для совместной организации тематического года двумя сторонами. Тематические годы – это проводимая государством правительственная акция, которая объединяет общественные силы для достижения консенсуса по сотрудничеству по конкретным темам. С 2004 по 2023 год Китай и Россия провели в общей 13 мероприятий Тематических годов на государственном уровне. Подробная информация приведена в табл. 1.

Таблица 1 Тематические годы России и Китая

Время (год)	Название
2004	Год дружбы российской и китайской молодежи
2006	Год России в Китае
2007	Год Китая в России
2009	Год русского языка в Китае
2010	Год китайского языка в России
2012	Год российского туризма в Китае
2013	Год китайского туризма в России
2014	Российско-Китайские годы дружественных молодежных обменов
2015	Китайско-Российские годы дружественных молодежных обменов

¹ [Янь, М. Гуманитарное взаимодействие Амурской области (РФ) с провинцией Хэйлуцзян (КНР) в конце XX – начале XXI вв.: специальность 5.6.1 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Янь Мэйвэй. – Благовещенск, – 2022. – 230 с. URL: <https://bib.sfu-kras.ru/elib/view?id=BOOK1-%D0%91%D0%91%D0%9A%2063/%D0%AF%20677-501736914> (дата обращения: 29.04.2024).

Время (год)	Название
2016–2017	Годы обмена между российскими и китайскими СМИ
2018–2019	Годы сотрудничества и обмена на местном уровне
2020–2021	Годы российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества
2022–2023	Годы российско-китайского сотрудничества в области физкультуры и спорта

Источник: составлено автором на основе информации с веб-сайта Центрального народного правительства КНР [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gov.cn/>

После почти 20 лет развития Тематические годы постепенно перешли к систематизации и механизму. Проведение Тематических годов может способствовать быстрому развитию партнерства между двумя странами на национальном уровне, углублению взаимопонимания и превратить дружественные отношения в дружбу, повышению эффективности культурных обменов. Это стало эффективным и прямым средством содействия культурным обменам на государственном уровне и одной из важных моделей российско-китайского гуманитарного сотрудничества.

Местное сотрудничество всегда рассматривалось как важная сила в укреплении российско-китайских отношений. Существует множество форм механизма сотрудничества на местном уровне, наиболее важными из которых являются два региональных механизма сотрудничества – «Северо-Восток – Дальний Восток» и «Река Янцзы – Волга». [1] В рамках механизма регионального сотрудничества «Северо-Восток – Дальний Восток» Северо-Восточный регион Китая, главным образом провинция Хэйлунцзян, осуществил достаточно всестороннюю деятельность с Дальним Востоком РФ. На долю их протяжении на последних тридцати лет приходится половина всего объема российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере. В последние годы все больше провинций и городов Китая участвуют в гуманитарном сотрудничестве с Россией. В дополнение к укреплению местного сотрудничества путем установления дружественных отношений между провинциями (областями) и городами, создаются новые формы сотрудничества.

В дополнение к национальным и местным уровням, многонациональные компании, предприятия, частные лица и организации гражданского общества также являются важными субъектами гуманитарных обменов. Комиссия по гуманитарному сотрудничеству включает в себя девять подкомиссий, поэтому механизм можно разделить на девять областей по горизонтали. Горизонтальная структура механизма на рис. 2.

Подкомиссия по сотрудничеству в области образования играет важную координирующую и направляющую роль в российско-китайских образовательных обменах и сотрудничестве. В рамках общего планирования был создан ряд характерных новых проектов сотрудничества и платформ, чтобы сотрудничество имело четкую структуру и диверсифицированное развитие. Структуру сотрудничества можно раз-

¹ Бай, С. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы // Власть и управление на Востоке России. – 2022. – № 3(100). – С. 42–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49538545> (дата обращения: 08.04.2024).

делить на местный уровень, национальный уровень и международный уровень. Структура сотрудничества на рис. 3.

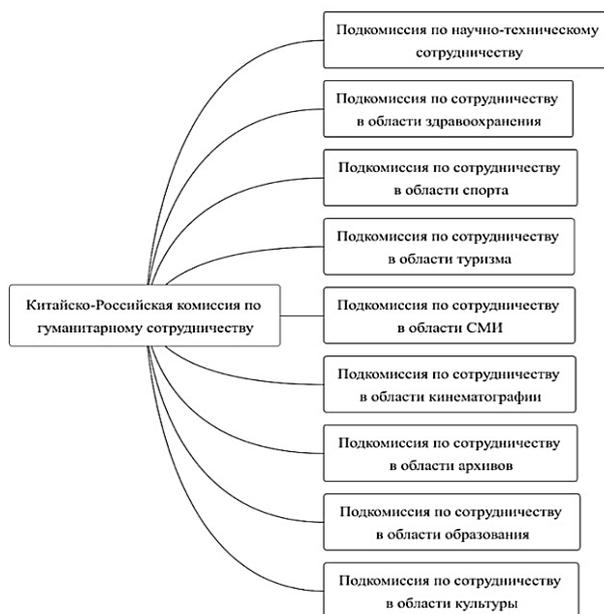

Рис. 2

Источник: составлено автором на основе информации с веб-сайта Центрального народного правительства КНР [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gov.cn/>

Сотрудничество на местном уровне:

В 2011 году совместный Российско-Китайский институт, учрежденный на базе Новосибирского государственного университета и Хэйлунцзянского университета был создан; [2] Российско-Китайский институт Шелкового пути, созданный в 2016 году на основе сотрудничества Уральского государственного университета путей сообщения и Лючжоуского железнодорожного профессионально технического училища, обслуживающий строительство высокоскоростных железных дорог; В 2020 году СПбГУ и ХПУ построили совместный кампус в Китае. Это знаменует конструктивные результаты, достигнутые в развитии совместных образовательных программ. В процессе создания совместного учреждения был усилен обмен экспертами в области научных исследований между Китаем и Россией, что создает стабильную платформу для обмена аналитическими центрами и закладывает основу для формирования нового типа университетского аналитического центра высокого уровня.

Опираясь на превосходные ресурсы университетов Китая и России, Российско-Китайский университетский альянс осуществляет взаимодополняющее сотрудничество для развития высшего образования, повышения качества подготовки талантов и уровня научных исследований, а также содействия технологическому прогрессу и экономическому росту двух стран. По состоянию на 2019 год Китай и Россия совместно создали 11 аналогичных университетских альянсов и 2 региональных

² Положевич Р.С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-s-kitayskoy-narodnoy-respublikoy-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 01.06.2024).

университетских альянса, охватывающих более 600 университетов в двух странах, и сформировали крупней-

шую в мире сеть двустороннего университетского сотрудничества.

Рис. 3

Источник: составлено автором

Совместные научно-исследовательские институты, созданные на основе платформ высококачественных университетов двух стран, могут дополнять преимущества друг друга и сильно объединяться, что способствует объединению мудрости ведущих экспертов и ученых из двух стран. Центр российских исследований в Пекине, созданный в 2015 году на базе Санкт-Петербургского университета и Китайского народного университета, нацелен на укрепление научных исследований, развитие талантов и содействие обмену в области культуры и искусства.^[1] В 2020 году под руководством университета Пекина и МГУ был создан Российско-Китайский математический центр, который продолжит внедрять крупные теоретические инновации и способствовать созданию ведущих международных математических Школ. Это важная веха в российско-китайском академическом сотрудничестве, важная платформа для научно-исследовательского сотрудничества.

Совместная программа обучения будет востребована не только в России и Китае, но и во всем мире.^[2] Обычная схема заключается в том, что студенты учатся в Китае в течение двух-трех лет, а затем отправляются в российские университеты, чтобы учиться в течение одного или двух лет. В 2017 году Московский авиационный институт (МАИ) вместе с Шанхайским университетом Цзяо Тун (ШУЦТ) учредили Совместный институт МАИ-ШУЦТ.^[3] Обе стороны совместно набрали штатных

двойных магистров для совместной подготовки специалистов в области композитной аэрокосмической науки и техники и реализации будущих российско-китайских проектов в авиационной сфере. По завершении программы молодые инженеры получают дипломы сразу двух вузов.

По свидетельству участников XX-го заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, за пять лет (2014–2018 гг.) в области межвузовских отношений удалось добиться значимых результатов: Ряд университетов в двух странах положительно относятся к разработке краткосрочных образовательных программ (российские и китайские летние школы, краткосрочные курсы, курсы повышения квалификации и другие).^[4]

Сотрудничество на национальном уровне:

Студенческая мобильность является основным содержанием образовательных обменов. Трансконтинентальное образовательное сотрудничество принимает стабильное развитие двустороннего обучения за рубежом в качестве основного содержания и является важным способом содействия студенческой мобильности. В год дружественных молодежных обменов обе стороны активно реализовали проекты по студенческому обмену «Сто вузов – десять тысяч студентов». С момента создания механизма в 2000 году количество обучающихся российских и китайских студентов в России и Китае растет с каждым годом (подробности см. в табл. 2). Кроме того, правительства КНР и РФ учредили стипендиальные программы и предоставили финансируемые государством места для обучения за рубежом, чтобы привлечь студентов из обеих стран для обучения в странах друг друга.

¹ Ду, Я. Китайско-российский опыт академического обмена в сфере художественного образования (на примере мастер-классов по русскому искусству) // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-rossiyskiy-opyt-akademicheskogo-obmena-v-sfere-hudozhestvennogo-obrazovaniya-na-primere-master-klassov-po-russkomu> (дата обращения: 07.06.2024).

² Russia–China Dialogue: The 2020 Model [Электронный ресурс] – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58-En.pdf>. (дата обращения: 07.05.2024).

³ Совместный институт МАИ-ШУЦТ [Электронный ресурс] – URL: <https://mai.ru/education/international/maisjtu/> (дата обращения: 07.05.2024).

⁴ Залеская О. В., Янь, М. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в области молодежных культурно-образовательных проектов между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян (начало XXI в.) // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 10. – С. 91–104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44207683> (дата обращения: 11.04.2024).

Таблица 2. Число российских граждан, обучающихся в Китае, и число китайских граждан, обучающихся в России за 2000–2020 гг., чел.

Год	Число российских граждан, обучающихся в Китае	Число китайских граждан, обучающихся в России
2000	703	6 100
2001	1 056	6 800
2002	1 492	7 200
2003	1 224	7 900
2004	2 288	10 400
2005	3 535	12 500
2006	5 035	12 700
2007	7 261	13 800
2008	8 939	14 500
2009	10 596	15 300
2010	12 481	16 200
2011	13 340	16 500
2012	14 971	15 200
2013	15 918	16 100
2014	17 202	18 200
2015	16 197	19 800
2016	17 971	22 100
2017	18 000	26 600
2018	19 239	31 600
2019	20 000	37 500
2020	14 000	42 000

Источник: составлено на основе данных Национального бюро статистики КНР и Федеральной службы государственной статистики.

Язык является важным носителем культуры, а также мостом между человеческим духовным общением и диалогом между различными цивилизациями. Русско-китайское языковое образование в основном относится к популяризации китайского и русского языков. С 2015 года китайский язык вошел в перечень предметов всероссийской олимпиады школьников. В 2017 году китайский язык впервые был включен в Единый Государственный Экзамен (ЕГЭ) в российских школах. В России число людей, выбирающих этот экзамен, увеличивается с каждым годом (подробности см. рис. 4). Китайские студенты также проявляют все больший интерес к изучению русского языка, и число людей, участвующих в Международной онлайн-олимпиаде по русскому языку как иностранному, увеличивается с каждым годом.¹

Языковое сотрудничество является прочной основой и ключевой областью для образовательного сотрудничества. Оба правительства активно строят мост для языкового сотрудничества. Один из наиболее эффективных способов – создать институт Конфуция (ИК) и Центр русского языка. ИК является некоммерческим образовательным учреждением. ИК широко приветствуются в России. Первый в России ИК был создан при Дальневосточном федеральном университете в 2006 году.

¹ Леханова К.Н. Собенности обучения китайских студентов русскому языку как иностранному (из опыта работы в Институте Бода Цзилинского педагогического университета, КНР) // Педагогика. Психология. Философия. – 2018. – № 4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobennosti-obucheniya-kitayskih-studentov-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-iz-opyta-raboty-v-institute-boda-tszilinsko> (дата обращения: 01.07.2024).

По состоянию на 2019 году в России действует 19 ИК и 5 аудиторий Конфуция. В РФ указом президента России В.В. Путина в 2007 году был создан фонд «Русский мир», целью которого является популяризация русского языка. Центр русского языка принадлежит Фонду «Русский мир» и является образовательным учреждением, учрежденным российским правительством за рубежом. Он был создан более чем в 20 университетах Китая.

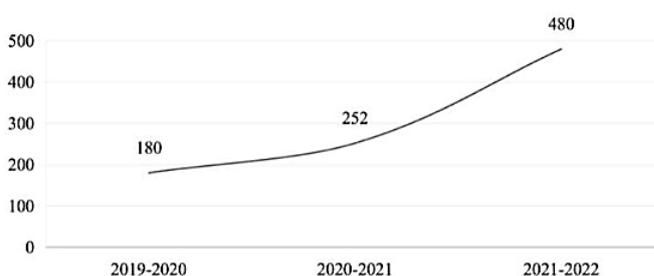

Рис. 4. Количество российских кандидатов, выбравших китайский язык в качестве предмета ЕГЭ в 2019–2022 гг., чел.

Источник: составлено на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Сотрудничество на международном уровне: Международные организации являются важной платформой для содействия интернационализации образования. Университет Шанхайской Организации Сотрудничества (УШОС) был создан в 2010 году, это новая форма международных обменов высшим образованием в рамках ШОС (подробности см. на рис. 5).

После более чем 20-летнего развития и изменений механизм китайско-российского гуманитарного обмена имеет научную структуру и определенное влияние и внес

большой вклад в продвижение российско-китайского гуманитарного сотрудничества. Однако с этим механиз-

мом все еще существуют некоторые проблемы, и его необходимо постоянно совершенствовать.

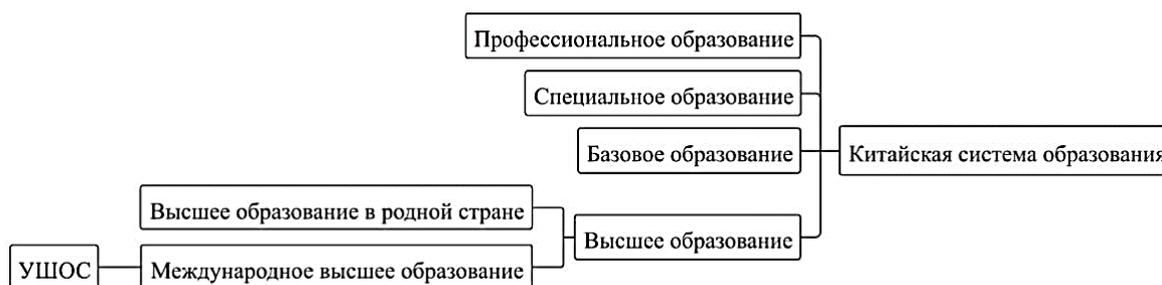

Рис. 5

Источник: составлено автором

Механизм должен повысить активную публичность и укрепить сотрудничество между двумя народами. Ядром гуманитарного сотрудничества являются «люди». Однако некоторые исторические факторы влияют на доверие народов двух стран, так что у народов двух стран есть определенное чувство бдительности в обменах и сотрудничестве, и нынешняя мотивация для функционирования механизма в основном исходит от правительства. Энтузиазм народа не был эффективно использован, а участие является недостаточным. В этом контексте механизм должен более активно способствовать позитивному развитию отношений, направлять общественное мнение, повышать степень доверия между народами, углублять взаимное признание и понимание ценностей двух стран; разрабатывать больше проектов и мероприятий, которые удовлетворяют пожеланиям народов двух стран, с тем чтобы усилить внимание людей к механизму и в полной мере использовать роль различных групп гражданского общества в гуманитарных обменах.

Механизм должен координировать региональное сотрудничество. Регионы российско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития непосредственны, эффективность региональных совместных действий недостаточна, области сотрудничества однородны, а также отсутствуют региональные особенности и инновации. С этой целью механизм должен уделять внимание координации деятельности местных органов власти в области гуманитарного сотрудничества, поощрять местные органы власти к усилению их лидерства и финансовой поддержки регионального сотрудничества, осуществлять целевые мероприятия, формулировать четкие долгосрочные планы развития и поощрять уникальное сотрудничество между различными регионами.

Механизм должен продолжать расширять сферу сотрудничества. Механизм может рассмотреть возможность создания новых подкомиссий по сотрудничеству для содействия всестороннему развитию обменов.

Механизм должен усилить создание внешней коммуникационной платформы. Важным инструментом гуманитарной коммуникации являются СМИ. Структура механизма была построена, но частота использования новых медиаплатформ невелика. Механизм должен усилить влияние официальных СМИ, вести пропаганду на различных платформах, постепенно создавать эффективную систему онлайн-пропаганды и расширять распространение результатов сотрудничества.^[1]

¹ Чжэн, В., Ван, Л. О механизме китайско-российского гуманитарного обмена в новую эпоху // Мир русскоговорящих стран. – 2021. – № 1 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-mehanizme-kitaysko-rossiyskogo-gumanitarnogo-obmena-v-povuyu-epohu> (дата обращения: 26.04.2024).

Механизм должен активно реагировать на изменения в международной ситуации и поддерживать жизнеспособность развития. Начиная с 2020 года эпидемия новой коронавирусной инфекции оказала серьезное влияние на российско-китайское гуманитарное сотрудничество. Перед лицом неблагоприятных внешних факторов сам механизм должен оптимизировать методы своего развития, создать эффективный механизм оценки, своевременно выявлять проблемы и недостатки и формулировать научный план совершенствования на основе результатов оценки.

Тенденция образовательного сотрудничества развития в рамках механизма в целом улучшается, а форма и содержание сотрудничества становятся богаче. Однако в процессе разработки также есть некоторые проблемы, которые необходимо срочно решить.

Совместная образовательная программа должна сформировать долгосрочный механизм. Российско-китайскому совместному образованию не хватает долгосрочной устойчивости и преемственности. Многие программы обанкротились после нескольких лет реализации, потому что в них не была сформирована разумная организационная структура, что не способствует сохранению результатов сотрудничества. Правила и регламенты совместных программ должны быть улучшены, должны быть сформулированы руководящие документы, и обе стороны должны работать вместе, чтобы способствовать долгосрочному развитию.

Качество трансграничного образования должно быть улучшено. Университеты в двух странах должны усилить управление иностранными студентами, подготовить более разумные учебные материалы, способствовать формированию хороших отношений между преподавателем и студентом, чтобы иностранные студенты могли как можно скорее сформировать социальную и культурную идентичность и улучшить свою академическую успеваемость.

Китаю и России следует усилить языковое образование для преодоления языковых барьеров. Языковые проблемы являются основными проблемами, которые препятствуют образовательным обменам. Только понимая язык другой страны, мы можем наладить с ней плавное и позитивное общение. Русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям, с большими языковыми различиями и высокими трудностями в обучении. Министерством образования двух стран следует увеличить инвестиции в языковое образование, обеспечить политическую поддержку, усилить преподавание русского и китайского языков в системе среднего образования; правительствам двух стран следует открыть больше официальных языковых учебных заведений, чтобы предоставить места для изучающие иностранный язык.

Местным органам власти двух стран следует повысить публичность своих собственных образовательных ресурсов. На выбор университетов китайскими и российскими студентами в большей степени влияют традиционные концепции, и большинство из них выбирают университеты в экономически развитых городах двух стран. [1] В ответ на эту проблему департаменты образования двух стран должны поощрять учащихся выбирать университеты на основе характеристик предметов; местным университетам и правительствам следует усилить рекламу, чтобы повысить видимость местных образовательных преимуществ и привлечь больше и лучше студентов к обучению.

Количество областей сотрудничества образования должно быть расширено. В настоящее время российско-китайское образовательное сотрудничество в основном сосредоточено в области высшего образования, и сфера сотрудничества относительно узка. Двум странам следует расширять сотрудничество в области среднего профессионального образования, базового образования, специального образования и других областях, активно обмениваться, повышать качество образования.

Заключение

Механизм китайско-российского гуманитарного обмена сформировал научную и обоснованную структуру развития. Благодаря его эффективному функционированию значительно развилось сотрудничество в области образования: между китайскими и российскими университетами были внедрены такие модели сотрудничества, как разработка совместных образовательных программ, создание университетских альянсов, открытие совместных научно-исследовательских институтов, совместное обучение студентов, независимое подписание проектов между университетами двух сторон масштабы трансграничного образования и языковое образование между двумя странами продолжают расширяться; опираясь на УШОС, образовательные связи между Китаем и Россией в международных организациях также становятся все теснее и теснее.

Однако, будь то сам механизм, или образовательное сотрудничество, существуют некоторые проблемы. В будущем двум странам необходимо укрепить взаимное доверие и дружбу, устранить предрассудки и недопонимание, оптимизировать и усовершенствовать все аспекты механизма китайско-российского гуманитарного обмена с точки зрения общей стратегической концепции и рамок, продолжить изучение особенностей образовательного сотрудничества, обновить модели сотрудничества, и своевременно совершенствовать методы для обеспечения эффективного сотрудничества в рамках механизма.

Литература

1. Янь, М. Гуманитарное взаимодействие Амурской области (РФ) с провинцией Хэйлунцзян (КНР) в конце XX – начале XXI вв.: специальность 5.6.1 «Отечественная история»: диссер-

¹ Вашкявичус В.Ю., Кондракова Ю.Н., Кузьмина Е.С., Сметанников И.Б. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-ischet-kitayskiy-student-v-rossii-analiz-obrazovatelnyh-potrebnostey-kitayskih-studentov-v-rossiyskih-vuzah-po-materialam> (дата обращения: 07.07.2024).

тация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Янь Мэйвэй. – Благовещенск, – 2022. – 230 с. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=BOOK1-%D0%91%D0%91%D0%9A%2063/%D0%AF%20677-501736914> (дата обращения: 29.04.2024).

2. Бай, С. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы // Власть и управление на Востоке России. – 2022. – № 3(100). – С. 42–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49538545> (дата обращения: 08.04.2024).
3. Положевич Р.С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-s-kitayskoj-narodnoy-respublikoy-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 01.06.2024).
4. Ду, Я. Китайско-российский опыт академического обмена в сфере художественного образования (на примере мастер-классов по русскому искусству) // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-rossiyskiy-opyt-akademicheskogo-obmena-v-sfere-hudozhestvennogo-obrazovaniya-na-primere-master-klassov-po-russkomu> (дата обращения: 07.06.2024).
5. Russia–China Dialogue: The 2020 Model [Электронный ресурс] – URL: <https://russiacouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58-En.pdf>. (дата обращения: 07.05.2024).
6. Совместный институт МАИ-ШУЦТ [Электронный ресурс] – URL: <https://mai.ru/education/international/maisjtu/> (дата обращения: 07.05.2024).
7. Залесская О. В., Янь, М. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в области молодежных культурно-образовательных проектов между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян (начало XXI в.) // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 10. – С. 91–104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44207683> (дата обращения: 11.04.2024).
8. Леханова К.Н. Собенности обучения китайских студентов русскому языку как иностранному (из опыта работы в Институте Бода Цзилиньского педагогического университета, КНР) // Педагогика. Психология. Философия. – 2018. – № 4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobennosti-obucheniya-kitayskih-studentov-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-iz-opyta-raboty-v-institute-boda-tszilinskogo> (дата обращения: 01.07.2024).
9. Чжэн, В., Ван, Л. О механизме китайско-российского гуманитарного обмена в новую эпоху // Мир русскоговорящих стран. – 2021. – № 1 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-mehanizme-kitaysko-rossiyskogo-gumanitarnogo-obmena-v-novuyu-epohu> (дата обращения: 26.04.2024).
10. Вашкявичус В. Ю., Кондракова Ю.Н., Кузьмина Е.С., Сметанников И.Б. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-ischet-kitayskiy-student-v-rossii-analiz-obrazovatelnyh-potrebnostey-kitayskih-studentov-v-rossiyskih-vuzah-po-materialam> (дата обращения: 07.07.2024).

COOPERATION IN THE FIELD OF EDUCATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE MECHANISM OF CHINESE-RUSSIAN HUMANITARIAN EXCHANGE

Wang Anqi

Saint Petersburg State University

Cooperation in the field of education under the mechanism of Chinese-Russian humanitarian exchange has not only promoted the development of language teaching in the two countries and cultivated many foreign language talents, but also promoted the development of higher education and think tanks in China and Russia and provided resources for in-depth research on issues of common concern between the two countries.

Taking the establishment and operation of the mechanism of Chinese-Russian humanitarian exchange as the starting point, this paper sorted out the background of the establishment of the mechanism, and analyzed the structural characteristics of the operation of the mechanism; taking cooperation in the field of education as a foothold, this paper focused on the educational cooperation of China and Russia under the framework of the mechanism since the 21st century, and summarized the characteristic cooperation projects at different implementation levels. This article summarized the problems existing in the current cooperation between the two countries, and then proposed corresponding solutions.

Keywords: Mechanism of Chinese-Russian humanitarian exchange, Cooperation in the field of education, University cooperation, Promotion of language education, Problems and solutions.

References

1. Yan, M. Humanitarian Interaction between Amur Region (CHN) and Heilongjiang Province (RUS) at the End of the 20th and Beginning of the 21st Century: Specialization 5.6.1 "Domestic History": Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences / Yan Meiwei. – Blagoveshchensk, – 2022. – 230 p. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=BOOK1-%D0%91%D0%91%D0%9A%2063/%D0%AF%20677-501736914> (accessed 29.04.2024).
2. Bai, S. Sino-Russian Humanitarian Cooperation: State, Problems, and Prospects // Power and Administration in the East of Russia. – 2022. – No. 3(100). – pp. 42–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49538545> (accessed 08.04.2024).
3. Pologevich, R.S. Humanitarian Cooperation of the Russian Federation with the People's Republic of China at the Modern Stage // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2017. – No. 63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-s-kitayskoy-narodnoy-respublikoy-na-sovremennom-etape> (accessed 01.06.2024).
4. Du, Y. Sino-Russian Experience of Academic Exchange in the Field of Art Education (on the Example of Master Classes in Russian Art) // Modern Pedagogical Education. – 2022. – No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-rossiyskiy-opyt-akademicheskogo-obmena-v-sfere-hudozhestvennogo-obrazovaniya-na-primere-master-klassov-po-russkomu> (accessed 07.06.2024).
5. Russia–China Dialogue: The 2020 Model [Electronic Resource] – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58-En.pdf> (accessed 07.05.2024).
6. Joint Institute MAI-SJTU [Electronic Resource] – URL: <https://mai.ru/education/international/maisjtu/> (accessed 07.05.2024).
7. Zalesskaya, O.V., Yan, M. Russian-Chinese Humanitarian Cooperation in Youth Cultural and Educational Projects between Amur Region and Heilongjiang Province (Early 21st Century) // Genesis: Historical Research. – 2020. – No. 10. – pp. 91–104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44207683> (accessed 11.04.2024).
8. Lekhanova, K.N. Features of Teaching Russian as a Foreign Language to Chinese Students (from the Experience of the Boda Institute of Jilin Pedagogical University, PRC) // Pedagogy. Psychology. Philosophy. – 2018. – No. 4(12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobennosti-obucheniya-kitayskih-studentov-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-iz-opyt-raboty-v-institute-boda-tszilinskogo> (accessed 01.07.2024).
9. Zheng, W., Wang, L. On the Mechanism of Sino-Russian Humanitarian Exchange in the New Era // The World of Russian-Speaking Countries. – 2021. – No. 1(7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-mehanizme-kitaysko-rossiyskogo-gumanitarnogo-obmena-v-novuyu-epohu> (accessed 26.04.2024).
10. Vashkjavichus, V. Yu., Kondrakova, Yu.N., Kuzmina, E.S., Smetannikov, I.B. What Does a Chinese Student Seek in Russia: Analysis of the Educational Needs of Chinese Students in Russian Universities Based on Sociological Research // Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2022. – No. 65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-ischet-kitayskiy-student-v-rossii-analiz-obrazovatelnyh-potrebnostey-kitayskih-studentov-v-rossiyskih-vuzah-po-materialam> (accessed 07.07.2024).

Велиева Лала Этибар кызы,

аспирант кафедры международных гуманитарных связей
Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: lala.ve@yandex.ru

Турецкое агентство сотрудничества и координации (ТИКА) является организацией, реализующей различные проекты развития во многих странах мира. На сегодняшний день ТИКА является важнейшим инструментом внешней политики Турции. За свою тридцатилетнюю историю организация значительно расширила географию своего присутствия, но примечательно, что центрально-азиатское направление остается приоритетным направлением. Гуманитарные контакты здесь выходят на новый уровень. Примеры успешно реализованных проектов ТИКА, проанализированные нами в этой статье, в центрально-азиатских странах показывают высокую заинтересованность населения этих стран в подобных инициативах. ТИКА разрабатывает проекты согласно приоритетам и потребностям стран и действует планомерно и комплексно, учитывая страновую специфику в регионе. В каждой из стран региона Агентство в среднем проводит от 25 до 40 и больше проектов в год.

Ключевые слова: турецкое агентство сотрудничества и координации (ТИКА), Центральная Азия, гуманитарные контакты, центрально-азиатское направление, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан.

Введение

Турецкое агентство сотрудничества и координации (ТИКА) является организацией, реализующей различные проекты развития во многих странах мира, включая страны Центральной Азии. Это структура, основанная после распада СССР, сегодня имеет широкий спектр деятельности. На сегодняшний день ТИКА является важнейшим инструментом внешней политики Турции. За свою тридцатилетнюю историю организация значительно расширила географию своего присутствия, но примечательно, что центрально-азиатское направление остается приоритетным направлением, где количество проектов ТИКА с каждым годом растет, охватывая всё больше сфер жизнедеятельности населения этих стран.

Центральная Азия является популярным направлением для деятельности ТИКА по нескольким причинам.

1. Геополитическое положение. Центральная Азия расположена на пересечении важных путей сообщения и имеет стратегическое значение для Турции в контексте расширения влияния на этом регионе.

2. Схожие культурные и исторические традиции. Турция и государства Центральной Азии имеют общие корни и исторические связи, что способствует укреплению культурного и гуманитарного сотрудничества [1].

3. Экономический потенциал. Регион богат природными ресурсами, что открывает перспективы для развития сотрудничества в области энергетики, сельского хозяйства, туризма и в других секторах.

4. Необходимость поддержки в развитии. Страны Центральной Азии нуждаются в помощи и поддержке для улучшения социально-экономического состояния населения, модернизации инфраструктуры и развития человеческого капитала.

Исходя из вышеперечисленных факторов, Центральная Азия является привлекательным регионом для ТИКА, который активно реализует проекты по содействию устойчивому развитию и укреплению партнерских отношений с государствами этого региона [2].

В связи с вышесказанным, тема статьи представляется актуальной. Перед началом детального построго анализа деятельности данной организации в регионе Центральной Азии, считаем целесообразным указать ключевые особенности работы ТИКА. На сегодняшний день Турецкое агентство сотрудничества и координации имеет офисы во всех странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), активно взаимодействуя с местными властями, международными организациями, неправительственными организациями и частным сектором для реализации своих проектов в регионе.

Нами был проведен анализ бюджета, выделенного Департаменту Центральной Азии и Кавказа ТИКА, за последние пять лет (рис. 1).

Согласно данным, опубликованным в итоговых отчетах деятельности ТИКА с 2019 по 2023 год, бюджет Департамента стран Центральной Азии и Кавказа неуклонно рос за последние пять лет, несмотря на кризис турецкой экономики и рекордные показатели инфляции в стране. Так, за этот период сумма выделенных средств выросла больше чем в три раза, с 71,73 млн до 232,82 млн турецких лир.

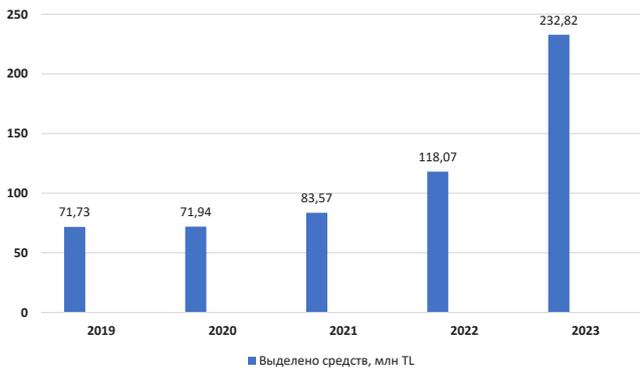

Рис. 1. Соотношение выделенных средств на гуманитарные программы Департамента Центральной Азии и Кавказа

Специфика проектов Турецкого агентства международного сотрудничества и развития в Центральной Азии включает в себя ряд приоритетных направлений и особенностей.

1. Образование и наука. ТИКА оказывает поддержку в сфере образования, предоставляя гранты и стипендии для обучения студентов, реконструируя и модернизируя образовательные учреждения, организуя обмен опытом и знаниями между учебными заведениями [3].
2. Здравоохранение. Агентство осуществляет строительство и модернизацию медицинских учреждений, обеспечивает их современным оборудованием, проводит медицинские миссии и обучение медицинского персонала.
3. Инфраструктурные проекты. Организацией ведется работа по участию в реализации инфраструктурных проектов. Это и развитие транспортной инфраструктуры, водоснабжения, энергетики и обеспечение доступа к базовым услугам в странах региона.
4. Экономическое развитие. ТИКА поддерживает развитие сельского хозяйства, туризма, малого и среднего бизнеса, торговли и других отраслей экономики центрально-азиатских стран. Особое внимание здесь привлекает деятельность в области сельского хозяйства. Организация оказывает помощь по повышению продуктивности сельскохозяйственного сектора, внедрению современных технологий, развитию кооперации и поддержки малых фермеров в регионе.
5. Культура и спорт. Ежегодно организация проводит культурные мероприятия, фестивали, выставки, спортивные соревнования на различных площадках. Зачастую все эти мероприятия бывают приурочены к определенным памятным датам или памяти известных деятелей науки и культуры. Здесь стоит отметить и мастер – классы по различным ремеслам. Например, мастер-класс по сапожному делу, организованный ТИКА в Таджикистане.

Эти направления деятельности ТИКА в Центральной Азии способствуют укреплению дружественных отношений между Турцией и странами региона, а также способствуют социально-экономическому развитию [4]. Помимо этого, безусловно, это способствует повышению имиджа Турции в регионе и укреплению её роли в качестве регионального игрока.

Далее представляется целесообразным провести полный анализ, обзор деятельности ТИКА в каждой из стран Центральной Азии отдельно.

Казахстан

Большинство проектов Турции в Казахстане реализуется по линии ТИКА. На территории Казахстана организация начала функционировать в 1995 году и с тех пор реали-

зовала более 500 проектов и мероприятий во многих областях страны, большая часть которых проекты в области образования. Одними из последних примеров могут послужить турецкие классы, открытые в Карагандинском университете им. Е.А. Букетова и в Каспийском государственном университете технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова в декабре 2023 и в феврале 2024 года, соответственно. Такие классы – центры по изучению турецкого языка и турецкой культуры – ранее были открыты в столице Астане и на юге страны в Шымкенте. Ректоры университетов подчеркнули, что стремительно растет заинтересованность казахстанских студентов в изучении турецкого языка, поэтому такие классы – это первый шаг в углублении сотрудничества между университетами Казахстана и ТИКА [5].

Еще одним направлением деятельности ТИКА в Казахстане является реализация с Астаной совместных проектов по развитию третьих стран. Как известно, организация реализует программы и в области доставки гуманитарной помощи. Например, в 2018 году по линии ТИКА была распределена официальная помощь правительства Казахстана среди беженцев из Мьянмы в Бангладеш [6]. Сегодня стороны стремятся вывести эту область сотрудничества на новый уровень, в связи с чем по инициативе турецкой стороны периодически проводятся совместные консультации по реализации гуманитарных проектов и программ по всему миру.

Говоря про деятельность ТИКА в Казахстане, стоит отметить, что оно носит многосторонний и достаточно гибкий характер. Связано это с тем, что Казахстан сегодня является динамично развивающейся страной, поэтому обновляются и проекты ТИКА в соответствии с последними политическими и экономическими изменениями в стране. Помимо этого, Казахстан является одной из наиболее развитых стран с высокими доходами на душу населения среди государств, где работает турецкое агентство. Поэтому ТИКА делает ставку на реализацию программ по обмену опытом, на проведение тренингов, мастер-классов и так далее. Например, в 2022 году были проведены тренинги для специалистов Национальной палаты предпринимателей Казахстана «Атамекен» с участием экспертов Турецкого института стандартизации, которые поделились опытом в сфере брендинга и стандартизации. Представители Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» посетили в Анкаре головные офисы Союза торговых палат и товарных бирж Турции и Агентства по поддержке малого и среднего предпринимательства Турецкой Республики Турции для изучения международного опыта и налаживания сотрудничества. Стороны обсудили меры поддержки предпринимательства, взаимодействие бизнеса и государства, развитие законодательной базы и логистики.

Помимо этого, на постоянной основе проводятся бизнес – миссии казахстанских предпринимателей в Стамбул для развития торговых отношений между казахстанскими и турецкими предпринимателями, также установления крепких деловых связей между странами. Соорганизатором подобных встреч также становится ТИКА.

Представляется важным отметить, что несмотря на множество проектов в сфере бизнеса, образования и т.п., ТИКА в Казахстане занимается реставрацией памятников архитектуры, реализует благотворительные инициативы. Ярким примером здесь может послужить проект «Теплая зима, счастливое лето» в Казахстане, приуроченный к международному дню защиты детей 01 июня в 2021 году. В результате ТИКА обеспечила 110 детей-сирот в Астане зимней и летней одеждой, а также спортивным инвентарем. Еще одним примером яв-

ляется передача Координационным управлением ТИКА в Казахстане материалов для занятий по программированию и робототехнике Специальной Талгарской средней школе-интернате № 1 [7].

Свой первый реставрационный проект ТИКА тоже осуществила в Казахстане. Им стал мавзолей Ходжи Ахмета Ясави в Туркестане. Проект выполнен при поддержке министерства культуры и спорта Республики Казахстан по заказу и финансировании координационного офиса Турецкого Агентства по сотрудничеству и координации в Астане. Примечательно, что проект по продвижению мавзолея Ахмета Ясави также был осуществлен ТИКА: были напечатаны 100 тысяч брошюр на турецком, казахском, русском и английском языках и созданы специальные выставочные стенды [8].

Кыргызстан

Специфика работы Турецкого Агентства по сотрудничеству и координации в Киргизии отлична от деятельности этой организации в Казахстане. Связано это с более низким экономическим уровнем Республики. Она больше нуждается в донорской помощи в разных отраслях экономики, и в целом жизнедеятельности населения. Представляется важным упомянуть и про то, что первый зарубежный офис ТИКА был открыт именно в Бишкеке в 1993 году. С тех пор, за тридцать лет Агентством в Киргизии реализовано более 1000 проектов. Это проекты начиная от популяризации турецкой модели образования, турецкого языка до строительства целевых больниц, научных центров, школ и университета.

Так, на сегодняшний день, среди основных программ, осуществленных в Киргизии можно выделить: строительство Бишкекской государственной больницы кыргызско-турецкой дружбы на 72 койко-мест, реставрацию турецко-кыргызского культурного центра им. Дженгиза Айтматова при 84-летней Национальной библиотеке, проект оцифровки Киноархива Кыргызстана, открытие Центра культуры и курсов гастрономии Тюркского мира при Джелалабадском международном университете, поставку оборудования для лапароскопии в Ошскую областную больницу, ремонт Баткенской областной инфекционной больницы, установка теплиц площадью 1000 квадратных метров в университетском городке факультета агрономии Кыргызско-турецкого университета «Манас» и так далее.

Здесь следует подчеркнуть комплексный подход ТИКА при реализации подобных проектов. Так, например, на территории Профессионально-технического лицея при Министерстве образования и науки Кыргызстана ТИКА провела достаточно масштабную работу. Агентство установило футбольное поле под открытым небом при школе и отремонтировала авторемонтную мастерскую, оснастив ее необходимым оборудованием. В мастерской даже есть устройство программирования автоматических переключателей и электронный тестер аккумуляторов [9]. То есть проект инновационный и носит достаточно прикладной характер.

Очередным примером успешной работы ТИКА на территории Кыргызской Республики является созданный ею в апреле 2023 года Центр развития текстиля в столице Бишкеке с целью обмена опытом Турции в текстильной и швейной промышленности. На сегодняшний день Центр занимается консультированием малых и средних предприятий со всей страны по вопросам наращивания потенциала, людских ресурсов, управления, сертификации и стандартизации, перехода от традиционных методик к инновационным. Центр открыли лично посол Турции в Бишкеке Ахмет Садык Доган и Али

Озгур Озтюрк, глава Департамента Центральной Азии и Кавказа ТИКА. Это лишь еще раз указывает на значимость подобных проектов и для Турции, и для Киргизии.

Среди мероприятий Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА) в Кыргызстане особо выделяется развитие человеческих ресурсов. Нехватка высококвалифицированных кадров всегда была проблемой для Республики. В связи с чем, Турция активно поддерживает Кыргызстан в вопросе подготовки кадров с момента приобретения этой страной независимости. Подготовка кадров также ведется в основном по линии Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА). Осуществляется это путем организации различных курсов профподготовки, начиная от курсов кройки и шитья, заканчивая компьютерной грамотностью и делопроизводством [10]. Безусловно, более серьезная подготовка кадров реализуется по линии Министерств образования и международных программ обучения. Но на локальном уровне ТИКА предоставляет возможность гражданам Кыргызской Республики получать те или иные профессионально-технические навыки и знания, применяемые в разных областях. Например, Агентство организовало курсы кройки и шитья для жительниц Кыргызстана. В течение нескольких месяцев ста женщин обучались швейному делу. Курсы проводились на бесплатной основе: как отмечают в ТИКА, таким образом Турция оказывает поддержку гражданам Кыргызстана. Была создана мобильная швейная мастерская, где они могли освоить все тонкости швейного дела. Здесь необходимо подчеркнуть, что профессия швеи одна из самых востребованных в Кыргызстане для женщин. И это яркий пример того, как ТИКА локально подбирает проекты, исходя из запросов общества страны пребывания.

Узбекистан

В отличие от Казахстана и Киргизии, турецко-узбекские отношения, в том числе, и в сфере науки и образования, не всегда развивались равномерно. Но в последние годы они начали наращиваться и углубляться ускоренными темпами и сегодня достигли уже значительных показателей.

Особое место среди проектов ТИКА в Узбекистане занимают проекты в области медицины, здравоохранения. Так, за последние годы Агентство поставила стране 50 машин скорой помощи, оснащенных высокотехнологичным оборудованием первой помощи турецкого производства. Помимо этого, Узбекистану были переданы 12 полностью оборудованных мобильных клинических автомобилей для оказания квалифицированной медицинской помощи сельским жителям. Чтобы поддержать эффективную и действенную работу узбекских организаций здравоохранения, ТИКА также предоставила 100 тестов на стволовые клетки онкогематологическим пациентам, 150 инвалидных колясок, чтобы облегчить повседневную жизнь людей с ограниченными возможностями, а также 90 инкубаторов и медицинских устройств были переданы Министерству здравоохранения Узбекистана.

Кроме поставок высокотехнологического медицинского оборудования, по линии ТИКА в этой центрально-азиатской стране на постоянной основе проводятся и тренинги по различным направлениям медицины для узбекских врачей. В качестве примера можно привести созданный Агентством медицинский имитационный центр при Ташкентской акушерско-гинекологической больнице, крупнейшей акушерско-гинекологической больнице страны. На базе Центра проводятся тренинги для врачей со всей страны. Например, турецкие врачи

провели «Тренинг по реанимации новорожденных» для 100 медицинских работников, в том числе 50 в Перинатальном центре города Чирчик Ташкентской области и 50 в Республиканском гинекологическом центре [11].

С вступлением в новую эру турецко-узбекских отношений между двумя странами начали осуществляться важные совместные проекты практически во всех сферах, в том числе и в сфере образования и повышения квалификации. В этом направлении продолжается работа по реализации ряда проектов. Интересными из них являются, например, программы летней школы для узбекских историков на базе турецких вузов и научно-исследовательских центров. Президент Института истории Узбекистана Азамат Зийо, в свою очередь, отмечает, что Узбекистан на протяжении многих лет испытывал серьезные трудности с изучением собственной истории, а квалифицированных кадров в этой области крайне мало, поэтому проект ТИКА вносит большой вклад в подготовку опытных историков [12]. В рамках недельной программы Летней школы делегация не только обменивается опытом и знаниями с турецкими коллегами на тематических секциях, но и посещает библиотеки и научно-исследовательские центры Турецкой Республики.

Считаем необходимым также упомянуть, что на сегодняшний день достигнуты соглашения между официальными структурами Узбекистана и ТИКА по организации курсов повышения квалификации для педагогического состава колледжей, школ, университетов со всей страны. Это и организация краткосрочных стажировок в Турции, и семинаров в указанных учебных заведениях с привлечением ведущих турецких экспертов. Например, с мая по июнь 2023 года в Андижане при поддержке ТИКА прошли курсы повышения квалификации для 152 преподавателей из 16 регионов Узбекистана по интегрированным моделям обучения и преподавания. В ходе образовательной программы, в рамках которой проводилась групповая работа по решению проблем, учителя разработали различные проекты, направленные на решение этих проблем, работая в группах.

Еще одним важным значимым проектом ТИКА в этой области стало открытие в начале этого года здания факультета тюркологии Ташкентского государственного университета востоковедения, в котором Турецкое агентство по сотрудничеству и координации провело ремонт и полное оборудование. Представляется интересным, что на церемонии открытия лично присутствовали председатель ТИКА Серкан Кая, посол Турции в Ташкенте Ольган Бакар, координатор ТИКА в Ташкенте Али Риза Тезджан. Глава ТИКА отметил, что тюркологический факультет, отремонтированный Агентством, будет расширять исследования в области турецкой культуры и языка [13].

Другим важным аспектом партнерства является сотрудничество по линии проведения реставрационных работ на пяти историко-культурных объектах, имеющих религиозное значение (из числа «12 пир макбаралари»). Совместно с ТИКА уже начаты реставрационные работы мавзолея Ходжа Ахрора Вали (г. Самарканд). Планируются провести соответствующие работы также на других четырех объектах паломнического значения: мавзолеи Мухаммада Дервеша и Хужа Имганакий (Кашкадарьинская область), Мухаммада Зохида и Алауддина Аттора (Сурхандарьинская область), а также комплекса Хазарасп-каъла в Хорезмской области.

Проведенный анализ деятельности ТИКА на территории Узбекистана показал, что за последние годы активизировались турецко-узбекские двусторонние контакты и ТИКА в этом плане является локомотивом, реализуя разноплановую и достаточно широкомасштабную, се-

рьёзную проектную деятельность. Масштаб проводимых работ, и их финансовая составляющая еще раз указывают на высокую заинтересованность Турции в налаживании контактов с Узбекистаном.

Туркменистан

Говоря про Туркменистан, в первую очередь, стоит отметить, что в силу особого статуса этой страны, деятельность Турецкого агентства по сотрудничеству и координации имеет совершенно иной характер и масштабы по сравнению со странами, проанализированными выше. Ашхабад достаточно серьезно и выборочно подходит к проектной деятельности ТИКА на своей территории.

На сегодняшний день можно выделить 2 основных направления работы ТИКА в Туркменистане. Во-первых, это проекты в области науки и образования и, во-вторых, реставрационная деятельность. Так, между Правительством Туркменистана и Турецким агентством по сотрудничеству и координации был подписан «Протокол о сотрудничестве в области реставрации и озеленения», на основе которого был реализован проект восстановления святынь сподвижников аль-Джифари и Бурейде аль-Аслеми в Туркменистане [14].

Что же касается сферы образования, важно отметить, что сегодня количество туркменских студентов в высших учебных заведениях Турции превысило 12 тысяч. Это рекордное количество среди стран Центральной Азии. Научно-образовательные контакты между Турцией и Туркменистаном выстраиваются в основном не по линии ТИКА, но тем не менее считаем, что данный аспект представляется необходимым здесь упомянуть.

Несмотря на ограниченность проектов ТИКА в Туркменистане, глава Агентства Серкан Каялар, во время визита в Анау на церемонию провозглашения этого туркменского города столицей тюркского мира 2024 года, заявил, что агентство стремится активизировать сотрудничество с Туркменистаном в новый период отношений, активизировать контакты с Туркменистаном в области памятников культуры.

Таджикистан

Довольно интересным представляется деятельность ТИКА в Таджикистане. Несмотря на то, что страна не входит в тюркскую языковую группу, хорошо налажены и выстроены контакты с Турцией, в частности, по линии Турецкого агентства по сотрудничеству и координации. За свою тридцатилетнюю историю Агентство реализовало свыше 500 проектов в Таджикистане, от создания медицинских центров, до школ и расширения прав и возможностей женщин, инвалидов, работая со всеми слоями населения. В настоящее время основными приоритетными направлениями, на которых фокусируется внимание Агентства, являются развитие человеческих ресурсов, улучшение инфраструктуры в сферах образования, здравоохранения и сельского хозяйства.

Одним из последних значимых проектов, реализованных ТИКА, является компьютерный класс для несовершеннолетних в исправительной колонии в Душанбе в 2023 году. Проект реализован в рамках программы обучения программистов в Таджикистане, которая осуществляется с 2021 года в рамках сотрудничества Турецкого Агентства по Сотрудничеству и Координации с компаниями «Алиф Академия» и «Илмхона». Примечательно, что на церемонии открытия присутствовали заместитель министра юстиции Таджикистана Мансурджома Умарова, Чрезвычайный и Полномочный посол Турции в Таджикистане Умут Аджар и вице-президента ТИ-

КА Умит Наджи Йорулмаз. Проект нацелен на укрепление инфраструктуры детской колонии и предоставление возможности получения знаний и навыков в сфере компьютерных технологий во время отбывания наказания. Помимо этого, планируется проведение курсов для несовершеннолетних в течение 9 месяцев по компьютерной грамотности, программированию, графическому дизайну и бухгалтерскому учету.

ТИКА сотрудничает и с Таджикским государственным университетом. Агентство оказывает техническую поддержку университету, отремонтировав здания Университета. Другим примером может послужить и то, что организация в сотрудничестве с Таджикским сельскохозяйственным университетом им. Шириншоха Шохтемура создает фруктовый сад на территории учебно-научно-исследовательской фермы в Гисаре, принадлежащей университету, который будет использоваться в обучении студентов [15]. Это, безусловно, оказывает большую поддержку прикладного образования таджикских студентов и вносит вклад в образовательные и научные исследования университета и в развитие сельскохозяйственной отрасли Республики Таджикистан.

Как показывает проведенный анализ, деятельность организации в Таджикистане носит более прикладной характер. Это новые учебные центры, техническая помощь учебным заведениям, различные курсы по повышению квалификации и тому подобное. Например, курсы по сапожному делу, кулинарии, в области текстильной промышленности. Помимо этого, в мае 2023 ТИКА создала в Таджикистане «Центр планирования карьеры». В центре будут проводиться консультации и стажировки для дальнейшего трудоустройства граждан. Это первый подобный центр в стране. Все работы по ремонту и оснащению центра проводились Агентством. По сути, всё это и есть то, в чем нуждается сегодня страна.

Заключение

Проведенный пострановой анализ деятельности Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА) в странах Центральной Азии показал, что ТИКА разрабатывает проекты согласно приоритетам и потребностям стран и действует планомерно и комплексно, учитывая страновую специфику в регионе.

Примеры успешно реализованных проектов ТИКА, проанализированные нами в этой статье, в центрально-азиатских странах показывают высокую заинтересованность населения этих стран в подобных инициативах. Видим, что есть тенденции к увеличению, расширению сотрудничества по этой линии. Об этом свидетельствуют и участвовавшие личные визиты руководства ТИКА в регион. Правительство Турции уделяет большое внимание гуманитарным проектам в Центральной Азии, ежегодно увеличивая и их финансирование, несмотря на экономический кризис и высокие показатели инфляции в самой Турции. Ежегодно растет и количество новых инициатив, главным образом, по линии ТИКА. Так, в каждой из стран региона Агентство в среднем проводит от 25 до 40 и больше проектов в год. При этом примечательно, что подобная тенденция есть и в Узбекистане, где ранее активная работа ТИКА не наблюдалась. Это говорит о том, что, преодолев определенные имеющиеся политические разногласия, гуманитарные контакты здесь выходят на новый уровень.

Примеры успешно реализованных проектов ТИКА, проанализированные нами в этой статье, в центрально-азиатских странах показывают высокую заинтересованность населения этих стран в подобных инициативах. Видим, что есть тенденции к увеличению, расширению со-

трудничества по этой линии. Об этом свидетельствует и участвовавшие личные визиты руководства ТИКА в регион. Правительство Турции уделяет большое внимание гуманитарным проектам в Центральной Азии, ежегодно увеличивая и их финансирование, несмотря на экономический кризис и высокие показатели инфляции в самой Турции. Ежегодно растет и количество новых инициатив, главным образом, по линии ТИКА. Так, в каждой из стран региона Агентство в среднем проводит от 25 до 40 и больше проектов в год. При этом примечательно, что подобная тенденция есть и в Узбекистане, где ранее активная работа ТИКА не наблюдалась. Это говорит о том, что, преодолев определенные имеющиеся политические разногласия, гуманитарные контакты здесь выходят на новый уровень.

Литература

1. Kiliçoğlu, G. Yılmaz A. Türkiye'nin Orta Asya'daki yumuşak gücü ve kamu diplomasisi uygulamalarının analizi = Анализ «Мягкой силы» и показателей общественной дипломатии Турции в Центральной Азии // Türk dünyası araştırmaları. 2018. № 139. S. 154–169.
2. Колесникова М. ТИКА как основной инструмент турецкой «мягкой силы» в Африке // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. Москва 2019 г. – М.: ФГБОУ ВО МГУЛУ, 2019. С. 220–224.
3. Kelkitli F. The Role of International Educational Exchange in Turkish Foreign Policy as a Reconstructed Soft Power Tool // All Azimuth. 2020. № 1. P. 41–58.
4. Sharipov A. The role of Turkish soft power diplomacy in the current development of Central Asia // Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. 2020. № 17(7). P. 7730–7736.
5. Официальный сайт Представительства ТИКА в Казахстане. – URL: <https://tika.gov.tr/tika-kazakistanda-turke-siniflari-acama-devam-ediyor/>
6. Официальный сайт Агентства Анадолу // ТИКА готово к совместным проектам с Астаной. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/заголовки-дня/tika-готово-к-совместным-проектам-с-казахстаном-/1214423>
7. Министерство национального образования Турции. – URL: <https://almati.meb.gov.tr/www/tika-kazakistan-koordinatorlugunun-ozel-1-nolu-talgar-yatili-lisesine-robotik-kodlama-sinifi-malzeme-teslimati/icerik/231>
8. Свистунова И. // Турецко-казахстанские отношения на современном этапе // Россия и новые государства Евразии. 2023. № III (LX). С. 45–54.
9. Официальный сайт Представительства ТИКА в Кыргызстане. – URL: https://tika.gov.tr/detailtika_kirgizistan_in_kalkinmasina_destek_olmaya_devam_ediyor/#:~:text=ilk%20yurt%20dişı%20ofisini%201993,in-san%20kaynağının%20yetiştirilmesine%20destek%20oluyor.
10. Официальный сайт ТИКА. – URL: <https://tika.gov.tr/wp-content/uploads/2024/01/ТИКА-2022-Idare-Faaliyet-Raporu.pdf>
11. Официальный сайт Представительства ТИКА в Узбекистане. – URL: https://tika.gov.tr/detailtika_ozbekistan_da_yuzlerce_projeyi_hayata_gecirdi/
12. Официальный сайт Университета Неджметтин Эрбакан. – URL: <https://www.erbakan.edu.tr/en/basin/haber/500317/ozbekistanli-tarihciler-universitemizde-yaz-okulu-programina-katildi>

13. Официальный сайт ТИКА // Проекты ТИКА в Узбекистане. – URL: <https://tika.gov.tr/uzbekistanda-tikanin-onarimini-yaptirdigi-turkoloji-fakultesi-acildi/>
14. Официальный сайт Представительства ТИКА в Туркменистане. – URL: <https://tika.gov.tr/office/turkmenistan-askabat-program-koordinasyon-ofisi/>
15. Программы садоводства ТИКА в Таджикистане // Сеть водохозяйственных организаций стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. – URL: <http://www.eecca-water.net/content/view/28326/51/lang, ru/>

TIKA'S HUMANITARIAN ACTIVITIES IN THE CENTRAL ASIAN DIRECTION

Lala Velieva

St. Petersburg State University

Turkish Agency for Cooperation and Coordination (TICA). It is an organization implementing various development projects in many countries of the world. Today, TICA is the most important tool of Turkey's foreign policy. Over its thirty-year history, the organization has significantly expanded the geography of its presence, but it is noteworthy that the Central Asian direction remains a priority. Humanitarian contacts here are reaching a new level. The examples of successfully implemented TICA projects analyzed in this article in Central Asian countries show the high interest of the population of these countries in such initiatives. TICA develops projects according to the priorities and needs of countries and acts systematically and comprehensively, taking into account the country specifics in the region. On average, the Agency conducts from 25 to 40 or more projects per year in each of the countries of the region.

Keywords: Turkish Agency for Cooperation and Coordination (TICA), Central Asia, humanitarian contacts, Central Asian direction, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan.

References

1. Kiliçoğlu, G. Yılmaz A. Analysis of Turkey's "Soft Power" and Public Diplomacy Indicators in Central Asia = Analysis of Turkey's "Soft Power" and Public Diplomacy Indicators in Central Asia // *Türk dünyası araştırmaları*. 2018. No. 139. S. 154–169.
2. Kolesnikova M. TICA as the Main Instrument of Turkey's "Soft Power" in Africa // *Modern Russia in the World Political Process:*

- Global and Regional Dimension: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference / Under the general editorship of A. Ya. Kasyuk, I.K. Kharichkin. Moscow 2019 – M.: FGBOU HE MGULU, 2019. pp. 220–224.
3. Kelkitli F. The Role of International Educational Exchange in Turkish Foreign Policy as a Reconstructed Soft Power Tool // *All Azimuth*. 2020. No. 1. P. 41–58.
4. Sharipov A. The role of Turkish soft power diplomacy in the current development of Central Asia // *Palarch's Journal of Archeology of Egypt/Egyptology*. 2020. No. 17(7). P. 7730–7736.
5. Official website of the TICA Representative Office in Kazakhstan. – URL: <https://tika.gov.tr/tika-kazakistan-turce-siniflari-acama-devam-ediyor/>
6. Official website of Anadolu Agency // TICA is ready for joint projects with Astana. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/загодки-дня/tika-годо-к-совообщим-проектам-с-казахстаном-/1214423>
7. Ministry of National Education of Turkey. – URL: <https://almati.meb.gov.tr/www/tika-kazakistan-koordinatordugununuz-ozel-1-nolu-talgar-yatili-lisesine-robotik-kodlama-sinifmalzeme-teslimati/icerik/231>
8. Svistunova I. // Turkish-Kazakh relations at the present stage // *Russia and the new states of Eurasia*. 2023. No. III (LX). P. 45–54.
9. Official website of the TICA Representative Office in Kyrgyzstan. – URL: https://tika.gov.tr/detailtika_kirgizistan_in_kalkinmasina_destek_olmaya_devam_ediyor/#:-:text=ilk%20yurt%20disi%20ofisini%201993,insan%20kaynaginin%20yetiştirilmesine%20destek%20oluyor.
10. Official website of TICA. – URL: <https://tika.gov.tr/wp-content/uploads/2024/01/TIKA-2022-Idare-Faaliyet-Raporu.pdf>
11. Official website of the TICA Representative Office in Uzbekistan. – URL: https://tika.gov.tr/detailtika_uzbekistan_da_yuzlerce_projeyi_hayata_gecirdi/
12. Official website of Necmettin Erbakan University. – URL: <https://www.erbakan.edu.tr/en/basin/haber/500317/uzbekistanli-tarihçiler-universitemizde-yaz-okulu-programina-katildi>
13. Official website of TICA // TICA Projects in Uzbekistan. – URL: <https://tika.gov.tr/uzbekistanda-tikanin-onarimini-yaptirdigi-turkoloji-fakultesi-acildi/>
14. Official website of the TICA Representative Office in Turkmenistan. – URL: <https://tika.gov.tr/office/turkmenistan-askabat-program-koordinasyon-ofisi/>
15. TICA Gardening Programs in Tajikistan // Network of Water Management Organizations of Eastern Europe, Caucasus and Central Asia. – URL: <http://www.eecca-water.net/content/view/28326/51/lang, ru/>

Энергетическая политика Туркменистана во внешнеэкономических отношениях с Китаем

Гулов Бердимырат Гулмырадович,

аспирант первого курса направлению «Международные и региональные исследования» Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: berdi10@internet.ru

Шамин Игорь Валерьевич

доктор политических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: ovpb@mail.ru

Отношения Туркменистана и Китайской Народной Республики в энергетической сфере являются важным аспектом их сотрудничества. Оба государства обладают значительными ресурсами и потребительским потенциалом, что создает общие интересы в этой области. Во внешней политике Китайской Народной Республики (КНР) Туркменистан рассматривается в качестве стабильного и надежного партнера, который в состоянии удовлетворить энергетические потребности развивающейся экономики КНР. В то же время, Туркменистан также рассматривает Китай как стабильного и долгосрочного партнера. В этом контексте Туркменистан является ведущим экспортером природного газа в Китай через трубопроводную линию, проходящую через страны Центральной Азии. Таким образом, Китай становится главным экспортером туркменского природного газа, обходя традиционных партнеров Туркменистана в этой сфере, таких как Россия.

Актуальность туркмено-китайских отношений в энергетической сфере обусловлена тем, что данная тема малоизучена в научных кругах и требует рассмотрения с учетом новых обстоятельств, возникающих в двусторонних отношениях обоих государств.

Цель данной статьи заключается в анализе особенностей энергетической политики Туркменистана в отношении Китайской Народной Республики.

Задачи. Для достижения сформированной цели решаются следующие задачи:

- Определить становление отношений в энергетической сфере между Туркменистаном и Китаем;
- Сформировать нынешнее состояние совместных проектов в энергетической области;
- Обозначить причины неосуществленных энергетических проектов;
- Дать оценку развития отношения Туркменистана и Китая в ближайшую перспективу;

Методология. В исследовании применены как общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, так и ряд специальных методов и подходов: сравнительный анализ, информационный и исторический подходы.

В результате исследования были сделаны следующие выводы: внешняя политика Туркменистана в области энергетической политики в отношении Китая будет направлена на увеличение производственных мощностей, которые были определены на начальном этапе сотрудничества. В то же время, китайская внешняя политика будет стремиться сохранить свои ключевые позиции в энергетической сфере Туркменистана и предотвратить появление конкурентов, таких как Российская Федерация, что может ослабить позицию России в регионе.

Выводы. Несмотря на то, что отношения Туркменистана и Китая в области энергетики становятся приоритетными, Туркменистану необходимо избавиться от зависимости от одного партнера в экспорте энергоресурсов. Одним из возможных способов достижения этой цели является сотрудничество с Российской Федерацией. В настоящее время экспорт тур-

кменского газа в Россию находится на историческом минимуме, что ослабляет позиции РФ в Центрально-Азиатском регионе и усиливает монополию Китая в этой сфере.

Во-вторых, следует ускорить строительство новой газопроводной линии Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ), привлекая в проект такие страны, как Россия, Казахстан, Турция и Саудовская Аравия.

В-третьих, Туркменистан должен одновременно ускорить индустриализацию экономики страны, чтобы постепенно снизить зависимость от экспорта природного газа.

Ключевые слова: Туркменистан, Китайская Народная Республика, сотрудничество в сфере углеводородов, газопровод Туркменистан – Китай.

Ведение

Туркменистан во внешней политике Китая в направлении Центральной Азии имеет особое положение после Республики Казахстан. Данный факт обусловлен тем, что на протяжении многих лет сотрудничества между этими странами не наблюдалось противоречий и разногласий, что способствовало укреплению отношений между ними. После избрания Сердара Берdimухаммедова президентом Туркменистана в 2022 году, внешняя политика государства продолжила придерживаться принципов преемственности. Это означает, что основными целями стали обеспечение безопасности, практическая реализация правового статуса постоянного нейтралитета страны, невмешательство во внутренние дела других государств и расширение внешнеэкономических связей с другими странами.

Кроме того, одним из ключевых направлений внешней политики Туркменистана остается создание благоприятных условий для выхода на новые рынки с целью обеспечения углеводородных ресурсов и сохранения уже существующих рынков через взаимовыгодное сотрудничество. Согласно государственной программе «Развития нефтегазовой промышленности Туркменистана на период до 2030 года», предусматривается поэтапное наращивание мощностей трубопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай, а также строительство стратегически важного газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия для страны¹.

Более того, в соответствии «Концепции внешней политики нейтрального Туркменистана на 2022–2028 гг.» перспективными направлениями страны является продвижение крупных региональных топливно-энергетических, транспортно-логистических проектов в рамках ООН².

Таким образом для Туркменистана одним из приоритетного направления сотрудничества в сфере энергетике до 2030 г. остается китайский вектор.

Установление отношений в топливно-энергетической сфере

С получением независимости государств Центрально-Азиатского (ЦА) региона, Китайская Народная Республика (КНР) начала укреплять связи с новыми государствами этого региона. Данный фактор был связан с несколькими причинами. Во-первых, КНР всегда стремилась обезопасить свои западные регионы от национально-сепаратистских настроений. Во-вторых, в этих регионах КНР проживает большое количество мусульманского населения. То есть, нестабильность в странах ЦА, будь то националистическая, религиозная или террористическая, непосредственно влияла на внутривосточную обстановку в КНР. Для обеспечения безопасности в КНР в долгосрочной перспективе единственным верным решением было экономическое сотрудничество со странами региона. В-третьих, бурный рост экономики Китая требовал дополнительных ресурсов в сфере углеводородов. Например, в 2010 г. китайский рынок потреблял 107 млрд

¹ Модернизация нефтегазовой промышленности – важнейший вектор роста экономической мощи Туркменистана. [Электронный ресурс] // Туркменистан Золотой Век. (сайт) 01.04.2022. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/61982/modernizaciya-neftegazovoj-promyshlennosti-vazhnejshij-vektorosta-ekonomicheskoj-moshchi-turkmenistana> (Дата обращения 01.03.2024)

² Концепции внешней политики нейтрального Туркменистана на 2022–2028 гг. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Туркменистана. (сайт) 08.07.2022 г. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/651> (Дата обращения 01.03.2024)

куб. газа при внутреннем производстве 95 млрд. куб.м. газа, а уже 2022 эта цифра составляла 375 млрд. куб.м. газа при производстве 221 млрд. куб.м.³ Соответственно для удовлетворения внутренней потребности Китаю необходимо было выйти на новые источники энергоресурсов, которые имелись в Туркменистане

Сотрудничество Туркмении и Китая в сфере энергетики оправдано временем, несмотря на все трудности на международной арене. Первые контакты с китайским руководством по экспорту туркменского природного газа были инициированы первым президентом Туркменистана С.А. Ниязовым. Изначально переговорный процесс начался в 1998 году, а в 2006 году между президентом С.А. Ниязовым и председателем КНР Ху Цзиньтао де-юре были заключены долгосрочные соглашения о строительстве, эксплуатации и экспорте туркменского природного сырья на рынки Китая. [8, с. 46]

Одним из важных пунктов договора были вторая, четвертая и одиннадцатая статьи. Согласно второй статье, КНР обязывалась покупать от туркменской стороны 30 млрд куб.м. год в течение 30 лет на границе с Туркменистаном. Четвертая статья гласила, что цена на туркменский газ будет варьироваться в соответствии с текущими ценами на энергоносители в мире, а расчеты будут осуществляться в долларах США. Одиннадцатая статья подчеркивала, что ответственность за реализацию соглашения будет возложена на Министерство нефтегазовой промышленности Туркменистана и Комиссию по национальному развитию и реформам КНР.

С началом сотрудничества туркменская сторона явно подчеркивала на политическом уровне, что отношения Туркменистана и КНР имели только взаимовыгодное, не политизированное и чисто экономическое отношения. В свою очередь китайские руководители воспринимали осуществление нового проекта в качестве обеспечения энергетической безопасности КНР. Дело в том, что до осуществления проекта основная часть углеводородных средств Китая реализовывалась посредством сниженного природного газа (СПГ) из стран Ближнего Востока через Малаккский пролив. Из данного пролива протяженности 800 км. отделяющий Малайзию и Сингапур от Индонезии проходили 90% китайских грузоперевозок в основном сырая нефть и СПГ. Проблема Малаккского пролива могла быть решена с выходом на новые источники энергоресурсов по суще выходам на страны ЦА⁴.

Де – факто стороны приступили к реализации проекта, несмотря на то, что по итогам президентских выборов 2007 г. в Туркменистане сменилась политическая власть. Новый приемник Г. Берdimухаммедов сохранил внешнеполитический курс С.А Ниязова ориентированный на диверсификацию проектов в энергетической области по выходу на внешние рынки и сохранению ныне существующих. После выборов новый президент Туркменистана посетил государственным визитом КНР, где обозначил строительство проекта приоритетным направлением в отношении двух государств⁵.

³ Statistical Review of World Energy 2023 / 72nd edition. [Electronic resource] // Energy Institute. (website) 2023. URL: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0004/1055542/EI_Stat_Review_PDF_single_3.pdf (Date of access: 03/01/2024)

⁴ Владислав Гулевич. США проигрывают конкуренцию за Мировой океан. [Электронный ресурс] //Международная жизнь. 24.01.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/33368> (Дата обращения: 01.03.2024)

⁵ Великие свершения Великой эпохи – 2007 г. [Электронный ресурс] // Туркменистан Золотой Век. (сайт) 15.02.2012 URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/16487/velikie-sversheniya-velikoi-epokhi-%E2%80%932007-god> (Дата обращения: 01.02.2024)

Строительство линии А и В газопровода Туркменистан – Китай

Строительная фаза проекта прошла без каких-либо осложнений или проблем. Месторождение Малай в восточной области Туркмении, расположенное у правого берега реки Амударья, стало источником сырья для линии А. После консультационных встреч в феврале 2008 года, президент Г. Бердымухаммедов поручил государственному концерну «Туркменгаз» заключить контракт с российским акционерным обществом «Стройтрансгаз» на строительство туркменского участка газопровода Малай-Багтиярлык протяженностью 188 километров. За общую стоимость в 395 миллионов евро «Стройтрансгаз» брало на себя обязательства по подготовке участка, прокладке трубопровода и установке узлов учета газа. Туркменский участок газопровода начинался у месторождения Малай и заканчивался в населенном пункте Багтиярлык на границе с Республикой Узбекистан

Республика Узбекистан (РУ) и Республика Казахстан (РК), которые являлись транзитными странами, также проявили интерес к реализации данного проекта. Китай и Казахстан уже имели опыт в осуществлении подобных проектов, включая нефтепровод Казахстан – Китай, который был построен в 2005 году. Однако сложность данного проекта заключалась в его прохождении через территории трех стран. В 2007 году РУ и КНР заключили межправительственное соглашение о строительстве узбекского участка проекта. Начало строительных работ состоялось в Бухарской области РУ, общая стоимость проекта составила 2 миллиарда долларов США. Трубопровод проходил через провинции Бухара, Навои и Кашкадарья. China Petroleum Pipeline Bureau и China Petroleum Engineering Construction Corporation строили участок от Газли до границы РК, а швейцарская компания Zetomax GmbH строила участок от границы Туркменистана до Газли. До этого момента Узбекистан не рассматривался в качестве экспортера природного газа, но узбекские власти выразили желание предоставить 10 миллиардов кубических метров газа. [2, с. 250]

В то же время, в казахстанском парламенте (Меджлисе) был принят решение о ратификации проекта газопровода, который проходил через территорию РК, несмотря на нарастающие антикитайские настроения. Основными инвесторами проекта в Казахстане были компания «Asian Gas Pipeline Company» и государственная газотранспортная компания «KazTransGaz»

Строительство трубопроводных линий А и В было успешно осуществлено в ограниченные сроки с согласия всех участников проекта. Более того, данный проект соответствует мировым стандартам в долгосрочной эксплуатации. В декабре 2009 года газопроводная линия А была запущена в эксплуатацию при участии председателя КНР Ху Цзиньтао, президента РУ Ислама Каримова, президента РК Нурсултана Назарбаева и президента Туркменистана Г. Бердымухаммедова. Центральное-азиатский газопровод был соединен с внутрикитайским трубопроводом «Восток-Запад», обеспечивая поставку природного газа китайским потребителям в 14 провинциях и автономных областях КНР. [9, с. 90]

Вследствие в 2011 года была полностью завершена вторая линия проекта – В. В отличие от линии А, линия В брал свое начало от месторождения «Самандепе» и направлялся в договорную территорию «Багтиярлык», где оператором являлся Китайская Нефтегазовая Корпорация CNPC. В общей сложности протяженность линий А и В составили 7000 км, из которых 188 км проходили по территории Туркменистана, 530 км – по РУ, 1303 км – по РК и 4500 км – по территории КНР до основ-

ных промышленных центров, таких как Шанхай и Гуанчжоу. Кроме того, на территории РК расположились две компрессионные станции № 4 и № 8, предназначенные для увеличения пропускной способности до 20 млрд куб. метров газа в год. [6, с.33]

Строительство линии С проекта газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай

Планы по строительству третьей линии газопровода велись с 2010 года, и предполагалось завершение всех работ к 2013 году. Пропускная способность проекта третьей линии (линии С) должна была увеличить объемы газа с 30 млрд куб.м. до 55 млрд. куб.м. Таким образом, третья линия была крупнее по сравнению с линиями А и В, которые имели пропускную способность 25 млрд. куб.м.г.

Во время государственного визита президента Туркменистана Г.Бердымухаммедова в КНР с 22 по 25 ноября 2010 г. стороны обсуждали целесообразность строительства третьей линии газопровода Туркменистан – Китай и обеспечение безопасности по всему маршруту проекта. Оба высокопоставленные чиновники согласились увеличить объему туркменского газа в КНР до 65 млрд куб.м.г.¹

Транзитное государство Республика Узбекистан (РУ) одновременно стремилось воспользоваться газопроводом в своих интересах, чтобы стать экспортером, а не только страной-транзитером. Китайская Народная Республика (КНР) и РУ достигли соглашения о строительстве третьей линии газопровода, пролегающей через территорию Узбекистана. Общая стоимость проекта составила 2.2 млрд долларов США, причем основное финансирование было предоставлено Китайским банком развития и China National Petroleum Corporation (CNPC) в виде прямых инвестиций. Строительство было осуществлено China Petroleum Pipeline Bureau, China Petroleum Engineering and Construction Corporation и Uzbekneftegaz.

В мае 2014 года, после совместной работы с другими участниками газопровода Туркменистан – Китай, первая партия туркменского природного газа поступила в узбекскую компрессионную станцию UCS1, что стало началом работы линии С газопровода. Протяженность линии С составляла 1.830 км, а ее пропускная способность достигала 25 млрд куб.м. Официальные представители CNPC сообщили о планах Китая импортировать 10 млрд. куб.м. газа из Туркменистана, 10 млрд. куб.м. из Узбекистана и 5 млрд. куб.м. из Казахстана. В начале экспорта Узбекистан поставлял 6 млрд. куб.м. газа, а к 2015 году объемы увеличились до 10 млрд. куб.м.²

На следующем этапе Казахстан так же наращивал объемы экспортируемого газа. В 2018 между АО «КазТрансГаз» и Petro China International Company Limited было заключено соглашение на увеличение поставок казахстанского газа в КНР. Соглашение было сроком на 5 лет, и предусматривало увеличение поставок до 10 млрд кубометров газа в год начиная с 2019 года. [1, с. 75]

¹ Президент Туркменистана отправился с госвизитом в Китай [Электронный ресурс] // интернет газета Turkmenistan (сайт). 30.04.2010. URL: <https://www.turkmenistan.ru/ru/node/28314> (Дата обращения: 04.03.2024)

² Сдана в эксплуатацию Третья нитка газопровода «Центральная Азия – Китай» [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. (сайт). 09.01.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0601/c31521-8735394.html> (Дата обращения: 04.03.2024)

Строительство четвертой линии – D трубопровода Туркменистан Китай

Обстоятельства по строительству линии D остаются неопределенными. В начальном периоде переговоров туркменская и китайская стороны определили, что объемы отправляемого туркменского природного газа будут составлять 65 млрд кубических метров в год. Но маршрут четвертой линии должно было проходить через остальные страны ЦА, а именно через Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан. Это важный момент, который помогает понять политику КНР в ЦА. Следует отметить, что этот проект может показаться нелогичным так как первые три ветки газопровода идут параллельно друг другу, в то время как четвертая ветка должна была пролагаться через гористую и политически нестабильную Ошскую область (Киргизии). При первом взгляде дополнительные 225 километров трубопровода мог ли бы показаться экономически невыгодными для Китая, так как требуют больших затрат на строительство и новые инвестиции в энергетический сектор этих стран, а также будущие расходы на транзитные услуги для Киргизии и Таджикистана.

Однако при тщательном анализе мотивов Пекина становится очевидным, что Китай имеет глубокие политические цели, а именно ЦА для него становится не только источником ресурсов, но и стратегическим тылом. [10, с. 45]

Маршрут газопровода Туркменистан – Китай линии D до сегодняшнего дня не был реализован по нескольким причинам. Во-первых, позиция РУ в отношении этого газопровода противоречит их интересам, так как Узбекистан играет важную роль в поставках газа в южные регионы Киргизии и Таджикистана. Хотя объем экспортируемого узбекского газа невелик по сравнению с Туркменистаном в КНР, его решение имеет политическую значимость в контексте других спорных вопросов, включая территориальные противоречия и использование водных ресурсов реки Амударья.

Во-вторых, между странами Ферганской долины существуют пригранично-территориальные проблемы (Узбекистан – Таджикистан, Таджикистан – Киргизия), этнические проблемы (наличие узбекских и таджикских анклавов в Киргизии), а также водно-энергетические проблемы (строительство таджикских гидроэлектростанций). Однако, самое главное – безопасность будущего газопровода оказывалась под сомнением, учитывая все перечисленные противоречия. Особенно остро стоят приграничные столкновения между Киргизией и Таджикистаном. С 2014 года их количество увеличилось до 11, начиная от мелких столкновений гражданских лиц и заканчивая применением вооруженных сил обеими государствами. Самое значимое столкновение произошло в апреле 2021 года, в ходе которого были использованы минометы и боевые вертолеты. В результате этого боевого столкновения были потери среди военных и гражданских с обеих сторон¹.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что Киргизия и Таджикистан не могут рассматриваться в качестве транзитных стран на среднесрочной перспективе для реализации газопровода Туркменистан – Китай. Вместо этого, уже существующий маршрут Туркменистан – Узбекистан – Казахстан и КНР может быть альтернативным вариантом. Однако, при рассмотрении этого варианта необходимо учитывать политико-экономические интересы Китая, который стремится объ-

¹ Столкновения на границе Таджикистана и Киргизии [Электронный ресурс] // РИА новости. 07.12.2022. URL: https://ria.ru/category_perestrelka-na-granitse-tadzhikistana-i-kirgizii-v-2022/ (Дата обращения: 04.03.2024)

единить все энергетические ресурсы стран Центральной Азии в одном направлении в Китай.

Внешние факторы, влиявшие на укрепление позиции КНР в газовой отрасли Туркменистана

Кроме того, необходимо учесть факт усиления китайского влияния во внешней политике Туркменистана. Это связано с сокращением объема экспорта газа в другие направления, особенно в Российскую Федерацию. До 2009 года крупнейшим покупателем туркменского газа был ООО «Газ экспорт» (дочерняя компания Газпрома). Согласно заключенным договорам между ООО «Газпром» и «Туркменнефтегазом» в 2003 году стороны договорились о сотрудничестве в газовой отрасли на 25 лет. Согласно контрактам государственных газовых корпораций 2004 года, ООО «Газ экспорт» обязалось приобрести 6 млрд куб. м газа у «Туркменнефтегаза». В 2005 году объем был увеличен с 6 до 7 млрд. куб. м газа, а в 2006 году – до 10 млрд. куб. м газа. В 2007 году планировалось увеличение до 60–70 млрд куб. м, а в 2008 году – до 63–73 млрд куб. м газа. Планировалось дальнейшее увеличение объемов до 70–80 млрд куб. м газа в год к 2009 году. [5, с. 109]

В начальном периоде соглашения соответствующим образом выполнялись, а после прихода нового президента Туркменистана в 2008 году у страны возникли амбициозные планы увеличить объем поставок природного газа в Российскую Федерацию путем строительства нового Прикаспийского газопровода совместно с Республикой Казахстан. Ранее основная часть экспорта газа из Туркменистана осуществлялась через трубопровод Средняя Азия – Центр, объем которого не превышал 45 млрд куб. м в год. Строительство прикаспийского газопровода предполагало дальнейшее укрепление сотрудничества в газовой сфере РФ, РК и Туркмении. Однако ситуация начала меняться в 2009 году из-за конфликтов между Россией и Украиной по газу и сокращения спроса на российский газ в европейских странах, а также поломки трубопровода Средняя Азия – Центр. В результате, ООО «Газэкспорт» сократило объемы туркменского газа до 10–11 млрд. куб. м в 2010 году, а затем до 4,5 млрд. куб.м.г. [3, с. 129]

Сокращение экспорта туркменского газа со стороны ООО «Газ экспорт» вынудило туркменское руководство активно проводить политику диверсификации маршрутов экспорта углеводородов и укрепления сотрудничества в данной сфере с КНР. Переломный момент наступил в 2016 году, когда российская госкорпорация односторонним порядке полностью прекратила экспорт туркменского газа из-за несоответствия цен и увеличила закупки у Узбекистана и Казахстана.

На следующем году руководства двух государств предприняли значительные шаги для восстановления отношения в энергетической сфере. В том же году президенты Туркменистана и Российской Федерации подписали крупномасштабный договор о стратегическом партнерстве, который включал 13 договоров в разных областях сотрудничества, в том числе восстановление экспорта туркменского газа в Российскую Федерацию.

В 2019 году в Ашхабаде состоялась встреча главы «Газпрома» А. Миллера и президента Г. Бердимухаммедова. Во время переговоров обе стороны выразили заинтересованность в восстановлении отношений в сфере энергетики и возврате к объемам сотрудничества между «Газпромом» и госконцерном «Туркменгаз», которые существовали до 2016 года. В результате переговоров были достигнуты договоренности о закупке туркменско-

го газа на пять лет, то есть до 2024 года, в объеме 5 миллиардов кубических м.г. [4, с.70]

В данный период времени согласно официальным представителям Туркменистана, а именно председателя Государственного Концерна «Туркменгаз» Мырата Арчаева туркменская сторона будет выполнять взятые на себя обязательства предоставляя российской стороне 5 млрд куб.м. до истечения срока контракта (до 30 июня 2024 г.)¹

На данный момент энергетические отношения между Туркменистаном и Российской Федерацией можно рассмотреть не только в экономическом, но и в политическом контексте. Энергетическая политика России в отношении Туркменистана направлена на предотвращение возникновения новых проектов, направленных в Европу, или, по крайней мере, на сотрудничество с Россией в этой области – своп поставки. Это связано с тем, что после начала украинского кризиса Европейский Союз активно стремится сократить свою зависимость от российских углеводородов. Один из возможных вариантов для ЕС – транскаспийский трубопровод. В то же время, туркменское руководство долгое время стремилось достичь соглашения о прокладке труб по дну Каспия, и частичный прогресс в этом направлении был достигнут при заключении Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 году. Помимо этого, Россия и Иран выступают против прокладки газопровода с целью обеспечить экологическую безопасность региона. Дно Каспийского моря подвержено сейсмической активности, что отражается на сложности технической реализации проекта. На сегодняшний день никто не может дать гарантии о безопасности технологии прокладки газопровода. [7, с. 186]

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что в краткосрочной перспективе Российская Федерация продлит имеющиеся соглашения по покупке туркменского газа, но объемы этих соглашений не превысят 5–10 млрд куб. метров газа в год. Изначальные планы по увеличению объема туркменского газа в РФ до 70–80 млрд куб. метров годового объема, которые были заложены при заключении договора 2004 года между странами, неосуществимы. Таким образом, российская сторона постепенно потеряла свои позиции в качестве главного экспортера туркменских углеводородов, уступив их Китайской Народной Республике.

Кроме того, более вероятным остается тот фактор, что Узбекистан прекратит экспорт природного газа в Китай из-за нехватки для удовлетворения внутреннего спроса. Это связано с уменьшением добычи природного газа в стране из-за истощения основных месторождений. Например, в 2022 году в Узбекистане было добыто 46,7 млрд куб.м. метров газа, при том что внутренний спрос составлял 48,6 млрд. куб.м. Основные сложности возникают в сезонный период, так как около 85% используемого газа расходуется на производство электроэнергии в тепловых электростанциях. Для компенсации недостатка природного газа на внутренний рынок, Узбекистан экспортирует его через «Газпром экспорт» в объеме 2,8 млрд. куб.м. в год. [11, с. 9] Учитывая все эти факторы, со временем Узбекистан откажется от экспорта природного газа в Китай и уступит свои позиции Туркменистану. В таких обстоятельствах объемы туркменского газа увеличатся до 50 млрд. куб.м. в год в КНР.

¹ Туркменистан поставит в Россию 5 млрд кубометров газа в 2023 году [Электронный ресурс] // Turkmenportal. 27.10.2023. URL: <https://turkmenportal.com/blog/69050/turkmenistan-postavit-v-rossiyu-5-mlrd-kubometrov-gaza-v-2023-godu> (Дата обращения: 05.10.2024)

Одновременно позиции Казахстана в отношении экспорта природного газа в КНР останутся в прежнем режиме с не большими скачками. Казахстан последовательно соблюдает взятые обязательства в объеме 5 млрд куб.м. в год. Основные пиковые объемы экспорта казахского газа в КНР приходится на 2019–2020 гг. в количестве 7.4 млрд, а последующие годы их объемы не превысили 6 млрд. В 2021 г. – 5.7 млрд, 2022 г. – 5.07 млрд, 2023 г. – 5.857 млрд. Данный фактор связан с тем, что основные объемы природного газа в Казахстане добываются преимущественно в нефтяных месторождениях в качестве попутного. Из них менее половины становится товарным, остальной природный газ потребляется на месте или закачивается обратно в подземные нефтеносные пласты для увеличения давления нефтеносных слоев, что способствует увеличению объема добываемого нефти. [11, с.10]

Заключение

Наше исследование показало, что отношения Туркменистана и Китая в сфере энергетики стабильно развиваются с момента их установления. Туркменистан и Китай постепенно сумели реализовать один из крупнейших проектов в области энергетики – газопровод Туркменистан-Китай. Он проходит через Центрально-Азиатский регион и включает в себя Узбекистан и Казахстан. На данный момент газопровод состоит из трех линий – А, В и С, протягиваясь через вышеупомянутые страны и соединяясь с газопроводными системами Западного и Центрального Китая. Общая пропускная способность газопровода составляет 55 млрд куб.м. в год, из которых 40 миллиардов кубических метров газа предоставляет Туркменистан, 10 млрд. куб.м. – Узбекистан и 5 млрд. куб.м. газа – Казахстан.

В ближайшей перспективе объем туркменского газа в данном направлении увеличиться с 40 млрд до 50 млрд. куб.м. в год, учитывая сокращение объемов узбекского природного газа из-за роста внутреннего потребления в Узбекистане. На данный момент Узбекистан импортирует определенное количества российского газа для удовлетворения своих внутренних потребностей, примерно от 2 до 3 млрд. куб.м. в год, и одновременно экспортирует 10 млрд. куб.м. газа в Китай. Однако, с учетом активизации экономики Узбекистана и роста населения (36 млн. человек), Узбекистану будет выгоднее постепенно отказаться от экспорта природного газа и направить его на удовлетворение внутреннего спроса.

Во-вторых, Туркменистан будет удерживается к реализации первоначального плана увеличения объема экспорта природного газа в Китай до 65 миллиардов кубических метров в год с помощью четвертой линии газопровода Туркменистан-Китай (линии D). Однако в ближайшей перспективе строительство линии D представляется маловероятным из-за позиции Китая, который стремится проложить газопровод через территории Узбекистана, Таджикистана и Киргизии с целью объединения всех газопроводных линий Центральной Азии в единую систему в направлении Китая. Для разрешения этой ситуации Туркменистану было бы выгоднее предоставить китайским компаниям возможность участвовать в разработке участка месторождения «Галкыныш» в юго-восточной части страны (одного из крупнейших в мире), который рассматривается в качестве ресурсной базы для линии D. Однако с условием, что прокладка линии D будет осуществляться через уже существующий маршрут, а именно через Узбекистан и Казахстан.

В-третьих, в долгосрочной перспективе туркменскому руководству будет выгодно привлекать новых участников, например, Российскую Федерацию, для строи-

тельства четвертой линии газопровода Туркменистан-Китай. Это связано с усложнением отношений России со странами Запада из-за украинского кризиса и уменьшением основных потребителей российского газа в Европе, которые стремятся ограничить использование российских энергоресурсов. В такой обстановке Россия увеличивает поставки природного газа на китайский рынок. В этих сложившихся обстоятельствах Туркменистану и России будет выгодно выступать единым фронтом и скоординировать свои действия в направлении Китая, инвестируя в совместные проекты.

В – четвертых, несмотря на то, что туркменское руководство придает особое значение экспорту энергоресурсов в Китай, в долгосрочной перспективе Туркменистану представляется более выгодным снизить зависимость от одной страны и диверсифицировать свои ресурсы в различных направлениях. Одним из таких направлений выступает Российская Федерация. Несмотря на то, что в настоящее время направление в Россию не является приоритетным, Россия все же сохраняет свои позиции в энергетической отрасли Туркменистана. Несмотря на ограниченные объемы экспорта природного газа, составляющие 5 миллиардов кубических метров в год, Россия остается вторым крупным покупателем туркменского газа. В отличие от Китая, Туркменистан и Россия уже имеют разработанные логистические и транзитные маршруты, которые пока не полностью используются между государствами.

Литература

1. Вязовский И.В., Внешнеполитический курс КНР в странах Центрально Азии в 2013–2019 гг. // Гуманитарный Акцент. 2020. № 3. С. 69–78.
2. Виноградов И. С., Китай и Россия во внешней политике и экономике Туркменистана // Китай в мировой и региональной политике. 2022. № 27. С. 240–253.
3. Ионова Е., Туркменистан: газовые интересы в контексте политики безопасности. // Россия и Новые государства Евразии, 2016, № 1, С. 127–135
4. Ионова Е., Приоритеты внешней политики Ашхабада // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1 (LVIII). С. 68–80
5. Ионова Е. Приоритеты внешней политики Туркмении. // Россия и новые государства Евразии, 2014, № 3, С. 100–106
6. Мирзеханов В.С., Тюльпакова М.В., Потенциал и перспективы современного туркмено – китайских отношений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2018. № 4. С. 30–35
7. Морозов А.И. ТУРКМЕНИСТАН – РОССИЯ: ПАРТНЕР ИЛИ КОНКУРЕНТ. // Проблемы постсоветского пространства. 2014;(2) С. 186.
8. Перфильев Н.В., Перспективы и проблемы российско-китайского нефтегазового сотрудничества // Индекс Безопасности. 2008. Том: 14. № 1. С. 37–54.
9. Савкович Е.В., Торгово-экономическое сотрудничество КНР с Республикой Туркменистан (1992–2010 гг.) // Вестник Томского Государственно Университета. 2011. № 344. С. 87–91
10. Тюльпаков М. В., Энергетическое сотрудничество Туркменистана и китайской народной Республики: современное состояние и перспективы развития // Вестник Поволжского института управления, 2015. № 3 (48). С. 43–47.
11. Ткаченко С.Л Газовый Союз России, Казахстана и Узбекистана: Региональный и Евразийский Кон-

текст. // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 2, С. 7–12.

ENERGY POLICY OF TURKMENISTAN IN FOREIGN ECONOMIC RELATIONS WITH CHINA

Gulov B.G., Shamin I.V.

Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky

Relations between Turkmenistan and the People's Republic of China in the energy sector are an important aspect of their cooperation. Both states have significant resources and consumer potential, which creates common interests in this area. In the foreign policy of the People's Republic of China (PRC), Turkmenistan is considered as a stable and reliable partner that is able to meet the energy needs of the developing economy of the PRC. At the same time, Turkmenistan also views China as a stable and long-term partner. In this context, Turkmenistan is a leading exporter of natural gas to China through a pipeline that bypasses all countries of Central Asia and the post-Soviet space. A similar situation is observed in the fuel and energy region of Turkmenistan. Thus, China becomes the main exporter of Turkmen natural gas, bypassing Turkmenistan's traditional partners in this area, such as Russia and Iran.

The relevance of Turkmen-Chinese relations in the energy sector is due to the fact that this topic has been little studied in scientific circles and requires consideration taking into account new circumstances arising in the bilateral relations of both states.

The purpose of this article is to analyze the features of Turkmenistan's energy policy in relation to the People's Republic of China.

Tasks. To achieve the established goal, the following tasks are solved:

- Determine the development of relations in the energy sector between Turkmenistan and China;
- Form the current state of joint projects in the energy field;
- Identify the reasons for unrealized energy projects;
- Assess the development of relations between Turkmenistan and China in the near future;

Methodology. The study used both general scientific methods: analysis, synthesis, induction, and a number of special methods and approaches: comparative analysis, information and historical approaches.

Results of the study, the following conclusions were drawn: Turkmenistan's foreign policy in the field of energy policy towards China will be aimed at increasing production capacity, which was determined at the initial stage of cooperation. At the same time, Chinese foreign policy will seek to maintain its key position in Turkmenistan's energy sector and prevent the emergence of competitors such as the Russian Federation, which could weaken Russia's position in the region.

Conclusions. Despite the fact that relations between Turkmenistan and China in the field of energy are becoming a priority, Turkmenistan needs to get rid of dependence on one partner in the export of energy resources. One possible way to achieve this goal is cooperation with the Russian Federation. Currently, the export of Turkmen gas to Russia is at a historical minimum, which weakens the position of the Russian Federation in the Central Asian region and strengthens China's monopoly in this area.

Secondly, the construction of the new Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India (TAPI) gas pipeline should be accelerated, involving countries such as Russia, Kazakhstan, Turkey and Saudi Arabia in the project.

Third, Turkmenistan must simultaneously accelerate the industrialization of the country's economy in order to gradually reduce its dependence on natural gas exports.

Keywords: Turkmenistan, People's Republic of China, cooperation in the field of hydrocarbons, Turkmenistan-China gas pipeline.

References

1. Vyazovsky I.V., Foreign policy of the PRC in the countries of Central Asia in 2013–2019 // Humanitarian Accent. [Gumantarny Aksent] 2020. No. 3. pp. 69–78. (In Russ.)
2. Vinogradov I.S., China and Russia in the foreign policy and economy of Turkmenistan // China in world and regional politics [Kitay mirovoy i regionalnoy politike] 2022. No. 27. P. 240–253. (In Russ.)

3. Ionova E., Turkmenistan: gas interests in the context of security policy. Russia and the new states of Eurasia [Rossiya i novyye gosudarstva Evrazi], 2016, No. 1, pp. 127–135. (In Russ.)
4. Ionova E., Foreign policy priorities of Ashgabat // Russia and the new states of Eurasia [Rossiya i novyye gosudarstva Evrazi] 2023. No. I (LVIII), pp. 68–80. (In Russ.)
5. Ionova E. Priorities of foreign policy of Turkmenistan. // Russia and the new states of Eurasia [Rossiya i novyye gosudarstva Evrazi], 2014, No. 3, pp. 100–106. (In Russ.)
6. Mirzekhanov V.S., Tyulpakova M.V., Potential and prospects of modern Turkmen-Chinese relations // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature [Sotsialnye i gu, manitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubeznaya nauka]. 2018. No. 4. pp. 30–35. (In Russ.)
7. Morozov A.I. Turkmenistan – Russia: partner or competitor. // Problems of the post-Soviet space.[Problemy post sovetskogo prostranstva] 2014;(2) P. 186. (In Russ.)
8. Perfilyev N.V., Prospects and problems of Russian-Chinese oil and gas cooperation // Security Index [Index Bezopasnost]. 2008. Volume: 14. No. 1. pp. 37–54. (In Russ.)
9. Savkovich E.V., Trade and economic cooperation of the PRC with the Republic of Turkmenistan (1992–2010) // Bulletin of Tomsk State University [Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta]. 2011. No. 344. pp. 87–91. (In Russ.)
10. Tyulpakov M.V., Energy cooperation between Turkmenistan and the People's Republic of China: current state and development prospects // Bulletin of the Volga Institute of Management [Vestnik Povolzskogo Instituta Upravleniya] 2015. No. 3 (48). pp. 43–47. (In Russ.)
11. Tkachenko S.L Gas Union of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan: Regional and Eurasian Context. // News of St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt – Peterburskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta] 2024. No. 2, pp. 7–12.

Энергетическое сотрудничество между Россией и Турцией в контексте экономических и политических кризисов

Игнатов Дмитрий Антонович,

главный специалист, Управление ППО в странах Африки и БВ, АО «Вертолеты России»

E-mail: daiggy01@gmail.com

В статье рассмотрены история и текущее состояние сотрудничества между Россией и Турцией в энергетической сфере, а также влияние не его объемы и качество экономических и политических кризисов. Акцент при проведении исследования сделан на анализе факторов, оказавших наибольшее влияние на динамику поставок российского природного газа в Турцию как в период до начала, так и на протяжении текущего геополитического и геоэкономического кризиса. Также рассмотрены перспективы дальнейшего развития сотрудничества между странами в газовой сфере.

Ключевые слова: российско-турецкое энергетическое сотрудничество, турецкий газовый хаб, газопровод «Турецкий поток».

Введение

История двусторонних взаимоотношений между Россией и Турцией, которая насчитывает более пятисот лет, включает в себя как периоды военных действий и полного разрыва дипломатических отношений (официально оформленных в XVII в.) [3, с. 440–449], так и периоды тесного сотрудничества в самых различных сферах экономики. Исследованию истории и текущего этапа развития политических и внешнеэкономических отношений между странами посвящены многочисленные работы как российских (Аватков В.А., Дружиловский С.Б., Федорченко А.В. [1], Иманова С.А. [4, с. 122–131], так и турецких ученых (Актюрк Ш. [9, р. 337–364], Соысал И. [10], Далай Г. [22] и др.).

В постсоветский период развития внешнеэкономических связей современной России также можно отметить как периоды замедления сотрудничества (например, в период активного участия российских войск в операции на территории Сирии), так и периоды, которые можно охарактеризовать как годы активного роста взаимной торговли, политического, технологического и других видов сотрудничества.

Несмотря на членство Турции в такой организации как НАТО (NATO – North Atlantic Treaty Organization, Организация Североатлантического договора, с 1952 г.) [25], а также находится в статусе кандидата на вступление в Европейский союз, переговоры о фактическом вступлении в который ведутся с 2004 г. [26], текущий геополитический и геоэкономический кризис привел не к снижению, а к активизации внешнеэкономических связей между Россией и Турцией, в том числе – в энергетической сфере.

История развития сотрудничества РФ и Турции в газовой сфере

Сотрудничество между Россией и Турцией в энергетической сфере базируется на отношениях, возникших еще в советский период – первое Соглашение о поставках природного газа из СССР в Турцию было подписано в 1984 г. и предусматривало поставки около 6 млрд куб. м газа в год. Фактически поставки природного газа начались в 1987 г., а их объемы в период 1987–2003 гг. составили 105,8 млрд куб. м газа [29]. Для транспортировки природного газа из РФ использовался преимущественно трубопроводный транспорт, а ключевыми газопроводами на рубеже XX и XXI вв. выступали:

- «Трансбалканский газопровод», возведение которого стартовало в 1986 г., а фактические поставки в Турцию – в 1987 г.;
- Газопровод «Голубой поток», построенный в рамках соглашения между РФ и Турцией от 15.12.1997, фактические поставки по которому начались лишь в конце 2003 г. после сдачи газопровода в эксплуатацию 30.12.2002 [12].

Таким образом, как в советский период, так в начале постсоветского периода развития сотрудничества между Россией и Турцией в газовой сфере поставки природного газа осуществлялись преимущественно в целях

удовлетворения внутренних потребностей турецкой экономики.

Учитывая тот факт, что «Трансбалканский газопровод» проходил не только через территорию Румынии и Болгарии, но и с 1991 г. – через территорию Украины, возведение газопровода «Голубой поток» позволило существенно снизить уровень возможных политических рисков, т.к. он дает возможность осуществлять поставки напрямую из РФ в Турцию, минуя посредников в третьих странах [2, с. 145–148].

Вплоть до середины 2010-х гг. на динамику поставок российского природного газа непосредственное влияние оказывало преимущественно состояние экономики Турции – в период мировых и национальных экономических кризисов в стране закономерно снижался спрос на энергоресурсы и импорт природного газа (рис. 1).

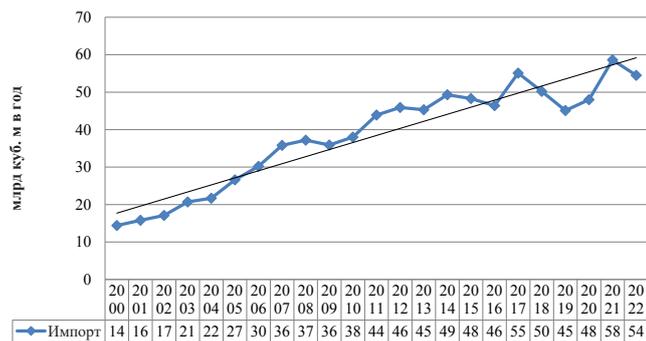

Рис. 1. Динамика импорта природного газа Турцией в период 2000–2022 гг., (млрд куб.м./год)

Источник: составлено автором на основе данных Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu – EPDK // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.epdk.gov.tr/Detay/lcerik/3-0-95/aylik-sektor-raporu/> (дата обращения: 09.07.2024) [24].

Начиная с 2000 г. снижение импорта природного газа Турцией можно было наблюдать как в период мирового экономического и финансового кризиса 2009–2010 гг., в 2015–2016 гг. – на фоне обострения отношений между РФ и Турцией из-за событий в Сирии и неудачного военного переворота в Турции в 2016 г., который повлек за собой снижение курса турецкой лиры и рост уровня политической нестабильности в стране, а также в 2018–2020 гг., когда к проблемам национальной экономики и продолжающемуся обесценению лиры добавилось негативное влияние коронакризиса.

Рис. 2. Динамика импорта Турцией природного газа, поставок и доли российского газа в структуре импорта в 2013–2023 гг., (млн долл. США, %)

Источник: составлено автором на основе данных List of supplying markets for a product imported by Türkiye. Product: 2711 Petroleum gas and other gaseous hydrocarbons// [Электронный ресурс]. – URL: https://www.trademapp.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c792%7c%7c%7c%7c2711%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1///// (дата обращения: 24.06.2024).

Тем не менее, в целом динамика импорта природного газа Турцией имеет устойчивый тренд к росту, а о роли российского газа в его структуре можно судить по тому факту, что в 2013–2014 гг. на долю РФ приходилось около трети от общего объема импортных поставок данного энергоресурса в Турцию (рис. 2).

Однако, в период с 2015 г. объемы поставок и доли РФ в импорте природного газа Турцией стали стремительно снижаться, достигнув 1% в 2020–2021 гг. И лишь в 2022–2023 гг. вновь наметилась тенденция к росту данных показателей. При этом важно отметить, что в целом по поставкам энергоресурсов Российская Федерация сохраняет свое лидерство в структуре стран-импортеров Турции (с учетом поставок нефти, нефтепродуктов и пр. энергоресурсов), однако если в 2013 г. в число топ-3 стран поставщиков природного газа входили в порядке убывания объемов поставок Россия, Алжир и Казахстан, то в 2023 г. лидерство по данной позиции перешло к Алжиру, а второе и третье место заняли США и Россия соответственно.

Вторым направлением развития сотрудничества между Россией и Турцией в газовой сфере (помимо удовлетворения нужд в энергоресурсах со стороны Турции) стало ее посредничество в поставках природного газа в другие страны. Учитывая географическое положение страны, Турция играет одну из ключевых ролей для стран Европейского Союза с точки зрения поставок топливно-энергетических ресурсов из стран Ближнего Востока и Каспийского региона. Начиная с 2015 г. ЕС и Турцией организована работа «Энергетического диалога высокого уровня» (High Level Energy Dialogue) [27], в рамках которого обсуждаются вопросы обеспечения энергетической безопасности и поставок энергоресурсов, одним из ключевых из которых является природный газ.

Существенный рост роли Турции в обеспечении европейских стран поставками природного газа из России произошел после 2014 г., когда на фоне событий, связанных с государственным переворотом на Украине и вхождения Крыма в состав РФ была поставлена под вопрос реализация проекта по возведению газопровода «Южный поток», начатого в 2010 г. В декабре 2014 г. о его фактическом прекращении на совместной с Президентом Турции Р.Т. Эрдоганом заявил Президент России В.В. Путин [15]. В качестве ключевой причины прекращения проекта была обозначена неконструктивная позиция стран Европейского Союза, а в качестве альтернативного варианта снабжения российским природным газом стран Южной Европы было предложено не только расширение уже работающего газопровода «Голубой поток» и добавление к нему дополнительной ветки, но и создание нового газопровода – «Турецкого потока».

В 2015 г. к проекту по строительству газопровода присоединились Греция, Венгрия, Македония и Сербия, которые подписали с Турцией декларацию об энергетическом сотрудничестве. Финансирование проекта осуществляла российская компания «Газпром» – объем ее инвестиций в данный проект оценивается на уровне около 7 млрд долл. США, а непосредственное участие в возведении газопровода принимали:

- Морской участок газопровода – South Stream Transport B.V. (дочерняя компания ПАО «Газпром» со штаб-квартирой в Амстердаме, Нидерланды);
- Сухопутная часть газопровода – TurkAkim Gaz Tasi-ta A.S. (российско-турецкая совместная компания) [15].

Несмотря на возникшие проблемы со сменой подрядчиков и поставщиков оборудования, а также с сопротивлением со стороны большинства стран Европейского Союза усилению позиций Турции в качестве регулятора транспортных потоков природного газа [19], проект

по возведению нового газопровода был фактически завершен в ноябре 2018 г., а поставки газа через его инфраструктуру стартовали в января 2020 г. [13].

Одновременно с вводом в эксплуатацию «Турецкого потока» Российская Федерация полностью прекратила поставки природного газа по «Трансбалканскому газопроводу» через территории Украины, Болгарии, Греции и Македонии, сохранив лишь незначительные объемы поставок для Румынии. Данные действия повлекли за собой использование части мощностей данного газопровода для реверсных поставок природного газа на Украину из регазификационных СПГ-терминалов в Болгарии и Румынии (с августа 2020 г.), а также создали возможности для его использования для поставок газа из стран Каспийского региона [16].

Таким образом, политические и экономические кризисы оказывают существенное влияние на сотрудничество России и Турции в энергетической сфере в целом, и в газовой сфере в частности. Совокупность экономических и политических факторов привела практически к масштабному сокращению поставок российского природного газа в Турцию в 2019–2020 гг., которые вновь приобрели признаки растущего тренда лишь в период 2021–2023 гг. При этом одновременно можно наблюдать существенное укрепление роли Турции как посредника при транспортировке данного энергоресурса в страны Европейского Союза.

Рост спроса на энергоресурсы в Турции как основа для энергетического сотрудничества с РФ

Несмотря на явную заинтересованность Турции в росте своего влияния как посредника при транспортировке российского газа на другие рынки, основой для выстраивания взаимодействия с РФ в энергетической сфере все же выступает обеспечение собственной энергетической безопасности и национального развития. При этом развитие газового хаба в стране с экономической точки зрения рассматривается как источник дополнительных доходов бюджета.

Исходя из анализа данных, представленных на сайте Всемирного банка (рис. 3) можно сделать вывод, что Турция относится к категории стран с высокими темпами роста населения – наибольшее значение темпов прироста населения страна продемонстрировала в 2000–2011 и 2010–2011 гг. (+1,5%), а наименьшее – в 2010 г. (+0,8%) и в 2023 г. (+0,4%).

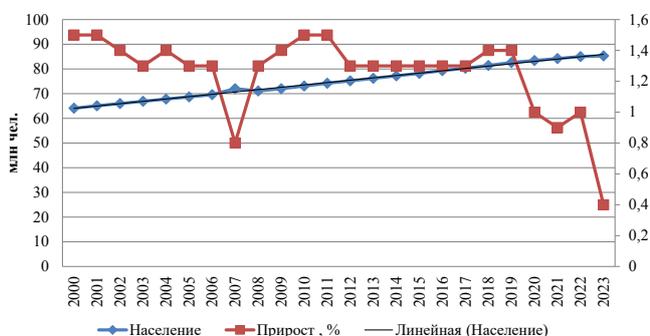

Рис. 3. Динамика изменения численности населения Турции и темпов роста населения в период 2000–2023 гг., (млн чел., %)

Источник: составлено автором на основе данных World Bank: *Turkiye*// [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.worldbank.org/country/turkiye?view=chart> (дата обращения: 15.07.2024) [28].

Несмотря на снижение темпов прироста населения, которое отмечено начиная с периода коронакризиса

(с 2020 г.), показатель изменения численности населения Турции все еще находится в рамках положительного тренда, что позволяет прогнозировать его дальнейший рост.

Исходя из оценки Международного валютного фонда (МВФ) экономика Турции относится к категории стран с формирующейся и развивающейся экономикой [21], а динамика ВВП страны имеет четко выраженные спады и подъемы, совпадающие с уже описанными выше мировыми и национальными экономическими и политическими кризисами (рис. 4).

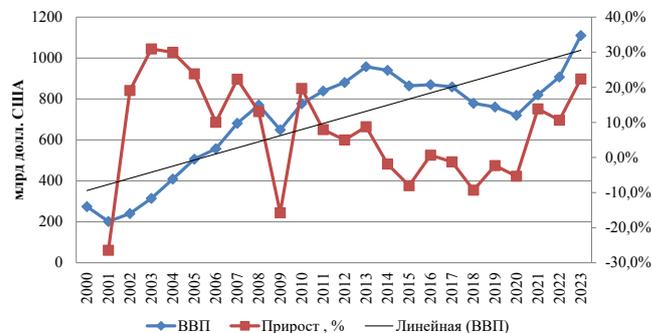

Рис. 4. Динамика ВВП Турции в 2000–2023 гг., (млрд долл. США)

Источник: World Bank: *Turkiye*// [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.worldbank.org/country/turkiye?view=chart> (дата обращения: 15.07.2024).

Тем не менее, как и в случае с положительной направленностью тренда показателя роста численности населения Турции, показатель ее ВВП также демонстрирует устойчивый растущий тренд. Все это в комплексе позволяет прогнозировать увеличение спроса на энергоресурсы (включая природный газ) не только со стороны населения, но и за счет турецкого бизнеса.

Среди потенциальных препятствий для данной тенденции можно обозначить продолжающийся вектор на ослабление национальной валюты Турции, который призван обеспечить конкурентоспособность ее экономики за счет снижения стоимости рабочей силы [7, с. 89–100]. Кроме того, существенную долю в структуре экономики Турции по-прежнему занимает сфера услуг (34% в 2022 г.), которая в настоящее время находится в стадии восстановления после пандемии COVID-19, тогда как на долю промышленности приходится лишь 22% от ВВП страны [17].

Учитывая широкие возможности Турции в части диверсификации возможных поставщиков природного газа, решающим фактором с точки зрения укрепления позиций России на данном рынке будет выступать ценовая конкурентоспособность поставок данного энергоресурса [30, с. 115–119], а также сохранение на текущем уровне взаимоотношений между властями данных стран. Несмотря на периодически возникающие противоречия, Россия и Турция продолжают развитие масштабных инфраструктурных проектов (включая проекты в сфере энергетики в целом, и в газовой отрасли, в частности), которые призваны повышать энергетическую безопасность своих стран и удовлетворять растущий спрос на энергоносители со стороны турецкого населения и бизнеса.

Влияние текущего геополитического и геоэкономического кризиса на политическое и внешнеэкономическое сотрудничество между странами

На протяжении длительного периода времени (начиная с середины XX в.) Турция демонстрировала направленность на выстраивание тесных отношений со странами

Европы, которые позднее превратились в противоречивые отношения с Европейским Союзом, постоянно откладывая вход страны в его состав [20]. Последние два десятилетия противоречия между Турцией и ЕС стали нарастать не только в политической, но и в экономической сфере.

В частности, несмотря на значительные успехи Турции в части адаптации своего законодательства в сельскохозяйственной и других отраслях, направленной на получение преференций на экспорт в страны ЕС, на практике к 1978 г. беспрошленные поставки турецкой сельхоз продукции едва превысили 50% от общего числа позиций экспортируемой продукции [6, с. 82–90], а вместо завершения процесса вступления в ЕС вплоть до настоящего времени Турция находится на этапе функционирования зон свободной торговли и таможенного союза. Параллельно с этим, в стране были отмечены кризисы, связанные с многочисленными банкротствами турецких фермерских хозяйств, причиной которых стали меры по либерализации экономики Турции, проводимые под эгидой Всемирного банка, МВФ и других международных организаций [14].

На этом фоне экономическое сотрудничество между Россией и Турцией на протяжении всего постсоветского периода развивалось без вмешательства во внутривнутриполитические дела друг друга [8, с. 80–85], что создало благоприятную основу для сохранения (и даже наращивания) объемов взаимной торговли в период текущего геополитического и геоэкономического кризиса, начавшегося в 2022 г.

Решение властей Турции не вводить антироссийские санкции продолжает вызывать разногласия властей данной страны со странами Евросоюза и НАТО, однако она продолжает придерживаться прагматизма в развитии отношений с Российской Федерацией. Турецкий туристический сектор заинтересован в сохранении потока туристов из России, представители строительной индустрии – в продолжении своей деятельности на российских объектах, а сельскохозяйственные предприятия – в стабильности экспорта своей продукции. При этом отдельные шаги Турции (например, в части прекращения участия в работе российской платежной системы «Мир») показывают стремление банковского сектора страны избежать возможного введения по отношению к ним вторичных санкций со стороны США, стран ЕС и ряда других стран мира.

Как для российской, так и для турецкой стороны очевидным фактом является возможность достижения Турцией статуса международного газового хаба только при участии в данном проекте России, которая на постоянной основе подтверждает свой статус надежного поставщика данного энергоресурса, а также обладает необходимыми технологиями и возможностями для дальнейшего увеличения поставок природного газа.

Помимо проблем, которые возникли в российско-турецких энергетических отношениях в связи с ограничением использования привычных средств международных расчетов, текущий геополитический и геоэкономический кризис негативно отразился на логистических процессах, где наибольшие сложности появились в сфере страхования поставок. Однако на сфере транспортировки природного газа санкции практически не повлияли, т.к. основным путем доставки данного энергоресурса в Турцию продолжает оставаться трубопроводный транспорт.

Что касается перспектив реализации проекта по созданию газового хаба в Турции с прицелом на рост поставок в страны ЕС, то здесь многочисленные исследования отмечают неспособность данного объединения создать

полноценную альтернативу поставкам природного газа из РФ на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

Несмотря на тот факт, что именно из-за санкций, введенных со стороны стран Европейского Союза, доля российского экспорта природного газа в 2022 г. относительно докризисного 2021 г. сократилась на 6,5% (с 23,6% до 17,1%) [23], уже к началу 2024 г. страны ЕС вновь перешли к наращиванию закупок данного энергоресурса из России. В частности, в феврале 2024 г. среднесуточный транзит газа через ГТС Украины увеличился на 21,3% по сравнению с январем 2024 г., а также существенно выросли закупки российского сжиженного природного газа (СПГ), что эксперты отрасли связали с относительно более холодной зимой и ростом спроса со стороны промышленности стран ЕС на фоне отмеченного в данный период снижения цен на газ [11].

Препятствием для полноценной реализации проекта по созданию турецкого газового хаба также может стать направленность Европейского союза на постепенное сокращение доли углеводородов в структуре своего энергетического баланса [5, с. 3501–3511]. Однако, как коронакризис, так и текущий геополитический и геоэкономический кризис уже продемонстрировали сохраняющуюся значимость углеводородного сырья для обеспечения энергетической безопасности, а отдельные страны ЕС (например, Австрия, Венгрия, Сербия и Болгария) открыто заявляют о важности сохранения поставок природного газа из РФ для собственных экономик.

Таким образом, текущий геополитический и геоэкономический кризис привел к восстановлению поставок природного газа из России в Турцию, которые были значительно сокращены в период предыдущего кризиса (2020–2021), однако крайне негативно отразился на поставках данного энергоресурса в страны Европейского союза.

При этом такие факторы как ценовая конкурентоспособность российского газа, а также наличие уже созданных газопроводов и стремление Турции укреплять свой статус посредника на рынке газа создают предпосылки для восстановления объемов экспорта в страны ЕС в случае нормализации политических отношений с Россией или возникновения форс-мажорных обстоятельств (нетипично холодной зимы или жаркого лета, введения ограничений на экспорт газа из США и пр.). Все перечисленное, в совокупности с сохраняющимися поставками российского газа в страны Южной Европы, позволяет сохранять определенную долю оптимизма с точки зрения дальнейшего развития сотрудничества между РФ и Турцией в части создания турецкого газового хаба.

Выводы

Проведенный анализ истории развития и текущего состояния энергетического сотрудничества между Россией и Турцией показал, что наибольшее негативное влияние на поставки российского газа в Турцию оказывают экономические и политические кризисы национального и двустороннего уровня, которые уже к 2019 г. привели к значительному снижению объемов импорта газа из РФ. В свою очередь, текущий геополитический кризис, напротив, привел к росту поставок российского газа в Турцию, что было достигнуто благодаря прагматичному подходу властей России и Турции к выстраиванию внешнеэкономических отношений без вмешательства во внутривнутриполитические дела друг друга.

При этом объемы поставок природного газа из РФ в страны ЕС с 2022 г. значительно сократились, что напрямую связано с введением ими санкций по отношению к российскому ТЭК, что снижает, хотя и не полностью об-

нуляет, перспективы дальнейшего развития сотрудничества между Россией и Турцией в части создания турецкого газового хаба. Подтверждением наличия данных перспектив является как рост закупок газа со стороны стран ЕС в периоды острого дефицита энергоресурсов (февраль 2024 г.), так и позиции таких стран Европы как, например, Австрия, Венгрия, Сербия и Болгария, отстаивающих свое право на сохранение поставок из России.

Литература

1. Аватков В.А., Дружиловский С.Б., Федорченко А.В. Российско-турецкие политические отношения в начале XXI века // Российско-турецкие отношения на Ближнем Востоке: 2002–2012 годы: материалы круглого стола (Москва, 4 апреля 2013 г.). Т. 25. – М.: МГИМО-Университет. – 2013. – 150 с.
2. Белогорцева Н.А. Взаимоотношения России и Турции в энергетическом секторе / Н.А. Белогорцева // Экономические науки. – 2019. – № 172. – С. 145–148.
3. Бударина Н.А. Россия и Турция: новые тенденции и перспективы на современном этапе / Н.А. Бударина, И.Р. Ибрагимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2020. – Т. 28, № 3. – С. 440–449.
4. Иманова С.А. Российско-турецкое сотрудничество в рамках проекта «Турецкий поток» / С.А. Иманова // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – 2022. – № 3. – С. 122–131.
5. Маркелова Э.А. Международный газовый хаб в Турции как новый проект российско-турецкого сотрудничества: возможности и риски / Э.А. Маркелова // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 12. – С. 3501–3511.
6. Масумова Н.Р. Внешняя торговля Турции: результаты либерализации, современное состояние и перспективы / Н.Р. Масумова // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 1. – С. 82–90.
7. Ульченко Н.Ю. Проблемы конкурентоспособности экономики Турции в свете девальвации лиры (конец 2021 – первая половина 2022 гг.) / Н.Ю. Ульченко // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. – 2022. – № 5. – С. 89–100.
8. Шангараев Р.Н. Россия и Турция: исторические особенности взаимодействия и перспективы сотрудничества / Р.Н. Шангараев, Н.В. Поспелов // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3, № 4. – С. 80–85.
9. Aktürk Ş. Turkish-Russian Relations after the Cold War (1992–2002) // Turkish Studies. – 2006, September. – Vol. 7. – No. 3. – P. 337–364.
10. Soysal I. Tarihçeleri ve açıklamaları ile birlikte Türkiye'nin siyasal andlaşmaları: 1920–1945. I Türk tarih kurumu basıme i. – 1989. – 704 s.
11. Газ России и мировой рынок газа // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sectormedia.ru/news/ekonomika-i-rynki-neft-i-gaz/gaz-rossii-i-mirovoy-rynok-gaza> /// (дата обращения: 18.07.2024).
12. Голубой поток // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazprom.ru/projects/blue-stream> /// (дата обращения: 09.07.2024).
13. История строительства газопровода «Турецкий поток» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/5809440?ysclid=lypn7ze1q1622890761> /// (дата обращения: 12.07.2024).
14. Сельское хозяйство Турции: производство, торговля и политические реформы // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/agriculture-of-turkey-production-trade-and-policy-reforms/?lang=ru> /// (дата обращения: 17.07.2024).
15. Совместная пресс-конференция с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом 01 декабря 2014 года // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47126> /// (дата обращения: 11.07.2024).
16. Трансбалканский газовый коридор // [Электронный ресурс]. – URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/transportirovka-i-khranenie/627895-transbalkanskiy-gazovyy-koridor/?ysclid=lypnv9oflk285440468> /// (дата обращения: 12.07.2024).
17. Турция. Евразийское инвестиционное агентство // [Электронный ресурс]. – URL: <https://eurasinvest.org/turczuy> /// (дата обращения: 16.07.2024).
18. Турецкий поток // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/?ysclid=lypt9xilnk856786011> /// (дата обращения: 11.07.2024).
19. Феномен «политики турецких рычагов». Военное обозрение. 28.10.2022 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/203990-fenomen-politiki-tureckih-rychagov.html> /// (дата обращения: 11.07.2024).
20. Шумилин А.И. Евросоюз-Турция: конфликтное партнёрство. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evrosoyuz-turtsiya-konfliktnoe-partnyorstvo> /// (дата обращения: 16.07.2024).
21. Country Composition of WEO Groups/ International Monetary Fund // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2022/01/weodata/groups.htm> /// (дата обращения: 15.07.2024).
22. Dalay G. Deciphering Turkey's Geopolitical Balancing and Anti-Westernism in Its Relations with Russia / G. Dala // SWP Comment. – 2022. – № 35 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/deciphering-turkeys-geopolitical-balancing-and-anti-westernism-in-its-relations-with-russia> /// (дата обращения: 08.07.2024).
23. Energy Institute Statistical Review of World Energy // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> /// (дата обращения: 18.07.2024).
24. Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu – EPDK // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.epdk.gov.tr/Detay/Icerik/3-0-95/aylik-sektor-raporu> /// (дата обращения: 09.07.2024).
25. NATO member countries // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52044.htm /// (дата обращения: 08.07.2024).
26. Presidency Conclusions Brussels European Council 16/17 December 2004. // Council of the European Union/ Brussels, 17 December 2004 // [Электронный ресурс]. – URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/drugs/docs/december_2004_en.pdf /// (дата обращения: 08.07.2024).
27. Sartori, Nicolò. EU–Turkey Energy Dialogue: Moving Beyond the Accession Negotiations Framework // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/352079254_EU-Turkey_Energy_Dialogue_Moving_Beyond_the_Accession_Negotiations_Framework /// (дата обращения: 10.07.2024).
28. World Bank: Türkiye // [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.worldbank.org/country/turkiye?view=chart> /// (дата обращения: 15.07.2024).

29. Турецкая Республика // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/tr/1684241/> (дата обращения: 08.07.2024).
30. Войнова А.А. Перспективы сотрудничества Российской Федерации и Турецкой Республики в газовой сфере / А.А. Войнова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 3(91). – С. 115–119.

ENERGY COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND TURKEY IN THE CONTEXT OF ECONOMIC AND POLITICAL CRISES

Ignatov D.A.

JSC “Russian Helicopters”

The article examines the history and current state of cooperation between Russia and Turkey in the energy sector, as well as the impact of economic and political crises on its volume and quality. The focus of the study is on the analysis of the factors that had the greatest impact on the dynamics of Russian natural gas supplies to Turkey both before and during the current geopolitical and geo-economic crisis. The prospects for further development of cooperation between the countries in the gas sector were also considered.

Keywords: Russian-Turkish energy cooperation, Turkish gas hub, Turkish Stream gas pipeline.

References

- Avakov V.A., Druzhilovsky S.B., Fedorchenko A.V. Russian-Turkish political relations at the beginning of the 21st century // Russian-Turkish relations in the Middle East: 2002–2012: materials of the round table (Moscow, April 4, 2013). Vol. 25. – M.: MGIMO-University. – 2013. – 150 p.
- Belogortseva N.A. Relations between Russia and Turkey in the energy sector / N.A. Belogortseva // Economic sciences. – 2019. – No. 172. – P. 145–148.
- Budarina N.A. Russia and Turkey: new trends and prospects at the present stage / N.A. Budarina, I.R. Ibragimov // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economy. – 2020. – Vol. 28, No. 3. – P. 440–449.
- Imanova S.A. Russian-Turkish cooperation within the framework of the Turkish Stream project / S.A. Imanova // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Eurasian studies. History. Political science. International relations”. – 2022. – No. 3. – P. 122–131.
- Markelova E.A. International gas hub in Turkey as a new project of Russian-Turkish cooperation: opportunities and risks / E.A. Markelova // Economy, entrepreneurship and law. – 2022. – Vol. 12, No. 12. – P. 3501–3511.
- Masumova N.R. Turkey's Foreign Trade: Results of Liberalization, Current State and Prospects / N.R. Masumova // ETAPE: Economic Theory, Analysis, Practice. – 2019. – No. 1. – P. 82–90.
- Ulchenko N. Yu. Problems of Competitiveness of the Turkish Economy in Light of the Devaluation of the Lira (Late 2021 – First Half of 2022) / N. Yu. Ulchenko // Economic, Socio-Political, Ethno-Confessional Problems of Afro-Asian Countries. – 2022. – No. 5. – P. 89–100.
- Shangaraev R.N. Russia and Turkey: Historical Features of Interaction and Prospects for Cooperation / R.N. Shangaraev, N.V. Pospelov // History and Modern Worldview. – 2021. – T. 3, No. 4. – P. 80–85.
- Aktürk Ş. Turkish-Russian Relations after the Cold War (1992–2002) // Turkish Studies. – 2006, September. – Vol. 7. – No. 3. – P. 337–364.
- Soysal I. Tarihçeleri ve açıklamaları ile birlikte Türkiye'nin siyasal andlaşmaları: 1920–1945. I Türk tarih kurumu basıme i. – 1989. – 704 s.
- Russian gas and the world gas market // [Electronic resource]. – URL: <https://sectormedia.ru/news/ekonomika-i-rynki-neft-i-gaz/gaz-rossii-i-mirovoy-rynok-gaza/> (date of access: 18.07.2024).
- Blue Stream // [Electronic resource]. – URL: <https://www.gazprom.ru/projects/blue-stream/> (date of access: 09.07.2024).
- History of the construction of the Turkish Stream gas pipeline // [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/info/5809440?ysclid=lypn7ze1q1622890761> (date of access: 12.07.2024).
- Agriculture in Turkey: production, trade and political reforms // [Electronic resource]. – URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/agriculture-of-turkey-production-trade-and-policy-reforms/?lang=ru> (date of access: 17.07.2024).
- Joint press conference with the President of Turkey Recep Tayyip Erdogan on December 1, 2014 // [Electronic resource]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47126> (date of access: 11.07.2024).
- Trans-Balkan Gas Corridor // [Electronic resource]. – URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/transportirovka-i-khranenie/627895-transbalkanskiy-gazovyy-koridor/?ysclid=lypnv9oflk285440468> (date of access: 12.07.2024).
- Turkey. Eurasian Investment Agency // [Electronic resource]. – URL: <https://eurasinvest.org/turcziy> (date of access: 16.07.2024).
- Turkish Stream // [Electronic resource]. – URL: <https://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/?ysclid=lypt9xilnk856786011> (date of access: 11.07.2024).
- The Phenomenon of the “Turkish Leverage Policy”. Military Review. 28.10.2022 // [Electronic resource]. – URL: <https://topwar.ru/203990-fenomen-politiki-tureckih-rychagov.html> (date of access: 11.07.2024).
- Shumilin A.I. The European Union-Turkey: Conflict Partnership. // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2020. // [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evrosoyuz-turtsiya-konfliktnoe-partnyorstvo> (date of access: 16.07.2024).
- Country Composition of WEO Groups/ International Monetary Fund // [Electronic resource]. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2022/01/weodata/groups.htm> (date of access: 15.07.2024).
- Dalay G. Deciphering Turkey's Geopolitical Balancing and Anti-Westernism in Its Relations with Russia / G. Dala // SWP Comment. – 2022. – No. 35 // [Electronic resource]. – URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/deciphering-turkeys-geopolitical-balancing-and-anti-westernism-in-its-relations-with-russia/> (accessed on 07/08/2024).
- Energy Institute Statistical Review of World Energy // [Electronic resource]. – URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/> (accessed on 07/18/2024).
- Energy Piyasası Düzenleme Kurumu – EPDK // [Electronic resource]. – URL: <https://www.epdk.gov.tr/Detay/Icerik/3-0-95/aylik-sektor-raporu/> (accessed on 07/09/2024).
- NATO member countries // [Electronic resource]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52044.htm (date of access: 08.07.2024).
- Presidency Conclusions Brussels European Council 16/17 December 2004. // Council of the European Union/ Brussels, 17 December 2004 // [Electronic resource]. – URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/drugs/docs/december_2004_en.pdf (date of access: 08.07.2024).
- Sartori, Nicolò. EU–Turkey Energy Dialogue: Moving Beyond the Accession Negotiations Framework // [Electronic resource]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/352079254_EU-Turkey_Energy_Dialogue_Moving_Beyond_the_Accession_Negotiations_Framework (date of access: 10.07.2024).
- World Bank: Türkiye // [Electronic resource]. – URL: <https://data.worldbank.org/country/turkiye?view=chart> (date of access: 15.07.2024).
- The Republic of Turkey // [Electronic resource]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/tr/1684241/> (date of access: 08.07.2024).
- Voynova A.A. Prospects for cooperation between the Russian Federation and the Republic of Turkey in the gas sector / A.A. Voynova // Skif. Issues of student science. – 2024. – No. 3(91). – P. 115–119.

Возможности применения «мягкой силы» Россией в контексте сотрудничества с Лаосской Народно-Демократической Республикой в сфере образования

Лысенко Никита Игоревич,
студент ФБГОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: nlysenkon@mail.ru

Спасов Александр Андреевич,
к.п.н., старший преподаватель кафедры политического анализа и социально-психологических процессов ФБГОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: s4267@yandex.ru

В статье рассматривается двухстороннее сотрудничество России и Лаоса в сфере образования на современном этапе с учетом нарастания конкуренции между различными странами за возможность оказывать несиловое воздействие посредством «мягкосиловых» технологий в отдельных регионах мира. Авторы, опираясь на исследование, проведенное посредством анкетирования лаосской молодежи, обозначают проблемный фактор в виде отсутствия достаточной информированности молодежи Лаоса о преимуществах и возможностях получения образования в Российской Федерации. В заключении авторы отмечают, что решение данной проблемы, а также формирование новых конкурентных технологий взаимодействия с вестернизированной молодежью Лаоса через различные российские организации, в перспективе будут способствовать усилению «мягкосилового» воздействия на страну-партнера, что, в свою очередь, является важным элементом противоборства с коллективным Западом за сферу влияния в Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Лаос, международное сотрудничество, сфера образования, «мягкая сила», Россотрудничество, Русский дом.

Сегодня можно наблюдать, как миропорядок, установленный в 90-е годы XX века, проходит процесс трансформации. Устойчивая тенденция формирования многополярного мира делает Российскую Федерацию, в том числе, как государство-правопреемника СССР, одним из центров развития науки и образования. В этом контексте следует выделить дружественную России страну в Юго-Восточной Азии – Лаосскую Народно-Демократическую Республику, которая, вместе с Социалистической Республикой Вьетнам, долгие годы является надёжным партнером России в регионе.

Лаос – удаленное от моря и сравнительно небольшое государство, имеющее достаточно высокие темпы развития социально-экономической сферы [1]. Помимо развития двухстороннего сотрудничества России и Лаоса в области экономики и торговли, Москва также успешно реализует запросы Лаоса в области подготовки высококвалифицированных кадров. В 2024 году Российская Федерация и Лаосская Народно-Демократическая Республика отметили 30-летие подписания Договора об основах дружественных отношений, в котором также упомянут и аспект сотрудничества в сфере образования [2].

В контексте данного исследования важно упомянуть и о «мягкой силе». Основоположителем концепции «мягкой силы» является известный учёный, профессор Гарвардского университета Дж. Най. Впервые это понятие было использовано им в 1990 г. в журнале «Форин полиси». Дж. Най под данным понятием подразумевал, что, когда одно государство способно побудить другие страны хотеть того же, чего хочет и оно, в таком случае возникает особый вид силы – т.н. «мягкая сила» [3, р. 156–171]. В работе 2004 г. Джозеф Най сформулировал более чёткое определение «мягкой силы», которое им неоднократно применялось в дальнейшем, – «способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения или платежей» [4, р. 31]. В 2010 году термин «мягкая сила» был расширен в его монографии «Будущее власти»: «Мягкая сила – это способность влиять на других путем взаимодействия в области формирования повестки дня, оказания воздействия с помощью привлечения симпатий для достижения желаемых результатов» [5, р. 21].

Можно предположить, что современные тенденции развития международных отношений будут усиливать значение «мягкой силы» в дальнейшем. Россия в современных условиях трансформации международных отношений, в условиях усиления конфронтации с США и его сателлитами, посредством применения ряда «мягкосиловых» механизмов воздействия, в том числе в сфере образования, может укрепить свои отношения с рядом государств.

Сегодня между Россией и Лаосом можно наблюдать положительную динамику развития двустороннего сотрудничества, на что указывают, в том числе, встречи на высшем государственном уровне, которые, как правило, приурочиваются к знаковым событиям. Например, официальный визит Генерального секретаря Централь-

ного комитета Народно-революционной партии Лаоса, президента страны Тхонглуна Сисулита в Россию в рамках проведения Парада Победы 9 мая 2024 года [6].

Следует отметить, что Тхонггун Сисулит также, как и многие представители современной лаосской элиты, обучался в СССР – в нынешнем РГПУ им. Герцена (г. Санкт-Петербург), который был также посещён им в рамках последнего визита в Россию. Выпускники советских и российских вузов занимают в Лаосе различные государственные и партийные должности, имеют определённое влияние в сфере науки и технологий, торговле, предпринимательской и военной средах. К не менее известным выпускникам относится и действующий министр иностранных дел ЛНДР – Салемсай Коммасит (выпускник МГИМО МИД России, 1992 г.). Наличие влиятельных выпускников российских вузов в высших эшелонах власти и бизнеса говорит об эффективном проявлении не только фактора российского образования, но и «мягкой силы» России.

В российско-лаосском сотрудничестве в области культуры, науки и образования в последние годы ощущаются заметные сдвиги после определённой паузы 1990-х годов, вызванной социально-экономическими вызовами в двух государствах. Например, к таковым относится открытие в октябре 2013 г. Российского центра науки и культуры (РЦНК) [7] в столице ЛНДР, Вьентьяне. РЦНК курируется Россотрудничеством (также известным как «Русский дом») – федеральным агентством РФ, занимающимся, помимо прочей деятельности, продвижением российского образования, русского языка и культуры зарубежом, в том числе и в Лаосе. В последние годы последовательно увеличивается ежегодная квота стипендий Правительства РФ на обучение граждан Лаоса в России: она была повышена до 93 мест [8, с. 63]. Однако в ряде исследований, посвященных сотрудничеству в сфере образования, отмечается, что число желающих обучаться в российских вузах оказывается меньше числа выделенных квот, причём помимо Лаоса туда входит ещё три страны Юго-Восточной Азии: Камбоджа, Малайзия, Восточный Тимор. Это вызвано тем, что политика выделения квот не всегда сопровождается необходимым информационным освещением [8, с. 64].

Для анализа эффективности сотрудничества России и Лаоса в сфере образования, а также для изучения сильных и слабых сторон взаимодействия в данной области, авторами данной работы было проведено социологическое исследование в форме анкетирования: было привлечено 40 представителей молодёжи Лаоса в возрасте от 14 до 26 лет, 55% из которых проживают в столице Лаоса – Вьентьяне, 30% – из крупных городов страны (Саваннакхет, Паксе, Луангпхабанг и другие), 15% – из деревень или пригородных зон. При этом чуть более 40% респондентов уже являются студентами или выпускниками российских вузов и были опрошены в России (преимущественно в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Томске). К участию привлекались также студенты Национального университета Лаоса (г. Вьентьян), в том числе обучающиеся по направлениям на базе кафедры русского языка и литературы лаосского вуза. Исследование проводилось на русском и лаосском языках.

Анализ результатов исследования показал, что присутствует высокий интерес к получению образования в России, причем помимо тех, кто уже является студентом либо выпускником вуза России (42,5%), 10% готовы обучаться и на бюджетной, и на внебюджетной основах. 25% планируют учиться только в случае получения бюджетной формы, а 12,5% имеют интерес, но пока ещё не думали о получении российского образования. Всего

10% заявили об отсутствии у них планов учиться в России. Результаты представлены на рис. 1.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов о планах по обучению в России, %

При ответе на вопрос, по какой причине респонденты выбрали бы учиться в России, была возможность предложить свой вариант. Так, чаще всего среди причин опрашиваемые называли любовь и уважение к России, к русской культуре, языку, истории – 35%; отдельно также указывался высокий уровень дружеских отношений Лаоса и России – это отметили 7,5% респондентов; 20% указали «семейный фактор», объясняя это тем, что их родственники обучались в России в советское время либо обучаются в настоящий период. По 10% респондентов заявили о престижности обучения в России либо указали другие, оригинальные ответы. 17,5% ответили, что не находят причин учиться в России.

При ответе на вопрос о знании организаций в сфере образовательного сотрудничества между Россией и Лаосом лишь четверть опрашиваемых (10 человек) указала основное ведомство, отвечающее за продвижение российского образовательного бренда в Лаосе – представительство Россотрудничества в Лаосе («Русский дом»). Образовательные организации России и Лаоса и их международные отделы указало 10% респондентов; Минобрнауки РФ – 5%; вариант «другое» выбрало 12,5%, где среди организаций были упомянуты Министерство иностранных дел РФ и Федеральная служба безопасности РФ, а также различные сайты-агрегаторы (причём профильного российского сайта «education-in-russia.com» среди них указано не было). Почти половина (42,5%, т.е. 17 человек) заявили о незнании организаций, работающих в области образовательного сотрудничества, а ещё 5% заявили о том, что имеют определённый интерес к этой информации, при этом на данный момент ею не располагают. Результаты данного вопроса представлены на рис. 2.

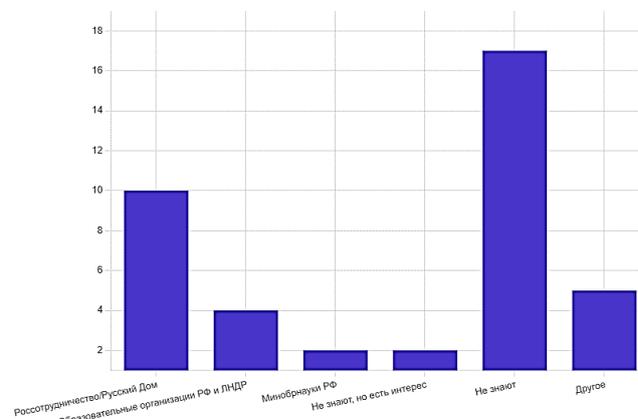

Рис. 2. Организации, осуществляющие взаимодействие России и Лаоса в сфере образования, и уровень их знания респондентами, %

Следующий вопрос уточнял мнение респондентов о наиболее перспективном для изучения языке. Так, английский язык выбрала почти половина опрашиваемых.

Русский как наиболее перспективный язык указала четверть респондентов (25%), китайский язык – всего 10%, а оставшиеся указали либо связку нескольких языков, либо другие языки (например, вьетнамский, тайский, корейский и другие). Результаты данного пункта представлены на рис. 3.

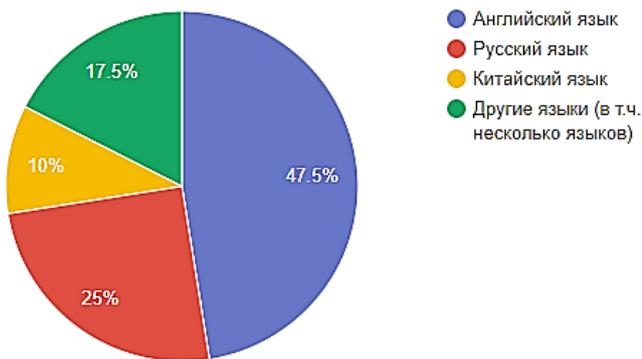

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о перспективности изучения иностранного языка, %

В целом, анализ результатов данного вопроса свидетельствует, что в мире сохраняется устойчивая тенденция к изучению английского языка, в том числе и в Лаосе. Русский язык указало 25%, что, с одной стороны, говорит о возможностях выстраивания коммуникации с молодежью Лаоса посредством развития русскоязычных обучающих программ, с другой стороны, такой сравнительно скромный процент указывает на усиление процесса вестернизации в Лаосе и присутствие западных образовательных организаций в регионе, а также на невысокий уровень осведомленности лаосской молодежи о возможностях получения образования в России или изучения русского языка в Лаосе.

Далее представлены варианты части опроса о видах конкретных мероприятий, которые респонденты считают наиболее эффективными в рамках российско-лаосского сотрудничества в сфере образования (респондентам можно было выбрать несколько вариантов ответа или предложить свой).

- A. Совместные мероприятия в офлайн-формате.
- B. Совместные мероприятия в онлайн-формате.
- C. Совместные студенческие проекты.
- D. Программы обмена между обучающимися.
- E. Предоставление образовательных стипендий в России для обучающихся из Лаоса.
- F. Ничего из вышеперечисленного.
- G. Другое.

Результаты представлены на рис. 4.

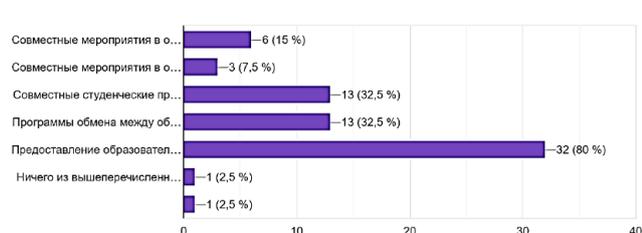

Рис. 4. Распределение мнений респондентов о направлениях сотрудничества России и Лаоса в образовательной сфере, %

Таким образом, можно видеть, что предоставление образовательных стипендий для лаосских граждан в России является, ожидаемо, наиболее предпочтительным направлением сотрудничества. В равной степени существует интерес к совместным студенческим проектам – конференциям, форумам, круглым столам и дру-

гим типам проектов, а также к программам обмена студентами и сотрудниками между российскими и лаосскими вузами. Мероприятия в дистанционном (онлайн) формате оказались наименее предпочтительным вариантом; также всего один респондент посчитал все вышеперечисленные мероприятия неэффективными.

Вопрос, уточняющий уровень знаний лаосской молодежи о России, русской культуре и истории и русском языке, показал наличие потенциала работы с молодежью Лаоса. Результаты представлены на рис. 5.

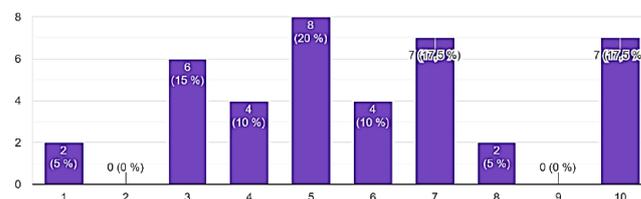

Рис. 5. Распределение ответов респондентов об оценке уровня знаний о России, ее истории, культуре и др., %

Следует сделать вывод: несмотря на то, что половина респондентов оценивает свой уровень как высокий либо выше среднего, у российской стороны остаётся значительный потенциал – суммарно 20% указали свой уровень как низкий либо ниже среднего (4 из 10 и ниже), а 20% оценили его на только среднем уровне (5 из 10).

Важно отметить, что результаты данного исследования отражают настроения, прежде всего, молодежи Лаоса, имеющей практический интерес к России, поскольку около половины опрошенных – студенты либо выпускники российских вузов, а ещё часть планирует своё поступление в Россию и/или обучается на базе кафедры русского языка и литературы в Национальном университете Лаоса. Следует также отметить, что текущие результаты будут улучшаться в пользу России благодаря различным образовательным проектам, в настоящий период осуществляемых в ЛНДР.

Особенно примечательным является то, что после «перерыва», отмеченного после развала СССР, в сентябре 2023 года были открыты первые изучающие русский язык классы сразу в двух школах Вьентьяна – организация данного процесса проводилась при содействии Русского дома во Вьентьяне. Ожидается, что к сентябрю 2024 года количество русских классов прибавится на 4, а количество изучающих русский язык школьников увеличится в несколько раз [9].

Вместе с тем необходимо отметить, что процесс развития сотрудничества РФ и ЛНДР не усиливается. К причинам относятся: 1) невысокий уровень осведомленности молодежи Лаоса об организациях, которые осуществляют основные процессы взаимодействия в области сотрудничества в сфере образования; 2) неполные данные о возможностях поступления в ВУЗы России.

Известно, что в России функционируют организации, занимающиеся международным сотрудничеством в сфере образования, которые направлены (в том числе посредством «мягкой силы») формировать устойчивый бренд российского образования в Лаосе и других странах, а также способствовать росту дружественной России обществ. Сотрудничество в образовательной сфере, как показывает практика, позволяет не только укреплять уже существующие отношения России с другими странами, но и сформировать ещё более лояльное общество и дружбу между народами. Следует отметить, что в текущий период в России уже обучается некоторое количество студентов из Лаоса, прежде всего, по квотам правительства РФ, что говорит о наличии спроса на российское образование в Лаосе – об этом го-

ворит, в особенности, наличие определенного «лобби», состоящего из выпускников советских и российских вузов, которое поощряет молодое поколение на обучение в России. Однако потенциал, как показывает практика, не до конца реализуется, поскольку даже имеющаяся квота не заполняется гражданами Лаоса полностью. Несмотря на это, во Вьентьяне и других городах ЛНДР организуются и успешно проводятся мероприятия, популяризирующие русский язык, русскую культуру и Россию в целом; организаторами чаще всего выступает именно российская сторона, которая, в перспективе, может работать и на повышение заинтересованности со стороны лаосской молодежи, а интерес, как показывает исследование, имеется.

Как уже было указано ранее, эффективному функционированию институтов сотрудничества в сфере образования – прежде всего, «Русскому дому» во Вьентьяне и центральному аппарату Россотрудничества – мешают довольно низкая степень информированности молодежи Лаоса об организациях, занимающихся образовательным сотрудничеством, а также в целом низкая осведомленность о возможностях обучения в России. Аналогичная проблема существует и в соседнем с Лаосом Вьетнаме, где, однако, многие негативные аспекты нивелируются вьетнамскими инициативными группами, поскольку Вьетнам исторически являлся значительно более тесным партнером для России, чем сравнительно небольшой Лаос, еще со времени существования СССР, однако в обоих странах сохраняется хорошее к России отношение, которое необходимо не только укреплять, но и развивать.

Такое положение дел указывает на необходимость внесения некоторых корректировок в вопросах развития двустороннего сотрудничества с Лаосом посредством применения «мягкосиловых» технологий в образовательной сфере. Подобные корректировки могут касаться, например, увеличения медийного влияния «Русского дома» в Лаосе и других организаций через социальные сети, а также привлечения российских вузов к точечному партнерству со школами или университетами Лаоса.

Отдельной проблемой, как уже отмечалось ранее, также является вестернизация Лаоса, которая проявляется в рамках глобализации и сотрудничества с некоторыми странами, лояльными коллективному Западу. С учётом нейтральной политики Лаоса образовательные инициативы организаций США, Республики Корея, Японии и других постепенно выходят на лаосский рынок – для России это новый вызов в области распространения «мягкой силы». Однако вновь можно отметить, что Лаос сохраняет дружеский политический курс по отношению к России. Это означает, что для дальнейшей деятельности существует оперативный простор, который Россия должна использовать для развития потенциала в сфере образования и сотрудничества с Лаосом и другими странами Юго-Восточной Азии.

В заключение следует подчеркнуть, что в условиях конфронтации с рядом Западных государств, в условиях конкретной борьбы за сферы влияния в ряде регионов земного шара России необходимо формировать новые подходы по взаимодействию со странами Юго-Восточной Азии, учитывая специфику каждой отдельной страны. На примере Лаосской Народно-Демократической Республики сегодня можно наблюдать, что для наращивания темпов сотрудничества в образовательной сфере необходимо рассмотреть возможности продвижения информации о преимуществах получения образования в Российской Федерации, о преимуществах изучения русского языка среди молодежи Лаоса через новые медиа. Считаем, что подобные механизмы воздействия

на молодёжь можно отнести к элементам «мягкой силы». В качестве примеров распространителей данной информации нами выделяются «Русские дома», которые сегодня имеют ряд успешных примеров взаимодействия с молодёжью в ряде других государств. В этом направлении, как отмечалось нами ранее, на базе российских университетов можно также проработать вопрос точечного взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии в области привлечения иностранных студентов в Россию, создания для них доступной, понятной, пошаговой инструкции о необходимых действиях для поступления в российские учебные заведения и комфортного пребывания в России.

Литература

1. Губин А. Союзник, сосед и друг: приоритеты внешней политики Лаоса // РСМД (Российский совет по международным делам). 27.12.2022. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/soyuznik-sosed-i-drug-prioritety-vneshney-politiki-laosa/> (дата обращения: 2.06.2024).
2. Федеральный закон от 02.11.1994 № 33-ФЗ «О ратификации Договора об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Лаосской Народно-Демократической Республикой» (последняя редакция) // Консультант-плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15720/ (дата обращения: 01.07.2024).
3. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. № 80. P. 153–171.
4. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – P. 31.
5. Nye J.S. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2010. – P. 21.
6. «Путин начал в Кремле переговоры с президентом Лаоса» // ТАСС. 09.05.2024. – URL: <https://tass.ru/politika/20755265> (дата обращения: 30.06.2024).
7. Россотрудничество: официальный сайт. – URL: <https://rs.gov.ru/> (дата обращения: 30.06.2024).
8. Письменная Е.Е. Россия на рынке образовательных услуг стран Юго-Восточной Азии: возможности и перспективы / Е.Е. Письменная, С.В. Рязанцев, Н.Г. Кузнецов, До Хьюнг Лан // Вопросы управления, 2022. № 3. С. 63.
9. «В Лаосе количество русских классов в школах вырастет втрое в 2024 году» // ТАСС. 11.05.2024. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20763511>

THE POSSIBILITIES OF USING «SOFT POWER» BY RUSSIA IN THE CONTEXT OF COOPERATION WITH THE LAO PEOPLE'S DEMOCRATIC REPUBLIC IN THE FIELD OF EDUCATION

Lysenko N.I., Spasov A.A.

Plekhanov Russian University of Economics

This article examines the bilateral cooperation between Russia and Laos in the field of education at the present stage, taking into account the increasing competition between different countries for the opportunity to exert a non-forceful impact through «soft-power» technologies in certain regions of the world. The authors, based on a study conducted through a survey of Lao youth, identify a problematic factor in the form of a lack of sufficient awareness among the youth of Laos about the advantages and opportunities of education in the Russian Federation. In conclusion, the authors note that solving this problem, as well as the formation of new competitive technologies for interaction with Westernized youth of Laos through various Russian organizations, in the future will contribute to strengthening the «soft power» impact on the partner country, which, in turn, is an important element of the confrontation with the collective West for a sphere of influence in the South-East Asia.

Keywords: Laos, international cooperation, education field, soft power, Rossotrudnichestvo, Russian house.

References

1. Gubin A. Ally, neighbor and friend: priorities of Laos's foreign policy // RIAC (Russian International Affairs Council). 12/27/2022. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/soyuznik-sosed-i-drug-prioritety-vneshney-politiki-laosa/> (accessed: 06/02/2024).
2. Federal Law of 02.11.1994 No. 33-FZ “On Ratification of the Treaty on the Fundamentals of Friendly Relations between the Russian Federation and the Lao People’s Democratic Republic” (latest revision) // Consultant Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15720/ (access date: 07/01/2024).
3. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. No. 80. P. 153–171.
4. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – P. 31.
5. Nye J.S. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2010. – P. 21.
6. “Putin began negotiations with the President of Laos in the Kremlin” // TASS. 05/09/2024. – URL: <https://tass.ru/politika/20755265> (date of access: 06/30/2024).
7. Rossotrudnichestvo: official website. – URL: <https://rs.gov.ru/> (date of access: 30.06.2024).
8. Pismennaya E.E. Russia in the educational services market of Southeast Asian countries: opportunities and prospects / E.E. Pismennaya, S.V. Ryazantsev, N.G. Kuznetsov, Do Huong Lan // Management Issues, 2022. No. 3. P. 63.
9. “In Laos, the number of Russian classes in schools will triple in 2024” // TASS. 11.05.2024. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20763511>

Формы и методы организации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования в контексте современных политических реалий

Манукян Артак Ростомович,

к.п.н., старший преподаватель кафедры государственного управления МГИМО МИД России
E-mail: a.manukyan@inno.mgimo.ru

Актуальность статьи определяется значимостью высшего образования для мирового и национального развития; важностью международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования с точки зрения повышения его эффективности; негативным воздействием политической турбулентности на процессы развития образования и на возможности международного сотрудничества в данной сфере. Целью статьи является осмысление методического инструментария гуманитарного международного сотрудничества в сфере высшего образования в соответствии с его структурой и теми политическими вызовами, которые в настоящее время определяют общую картину современной мировой политики.

Ключевые слова: международное сотрудничество, пространство, география, университеты, политика, формы, методы, цифровизация.

Введение

Начало XXI столетия выдвигает принципиально новые требования к уровню компетенции личности, имея в виду широкое понимание компетентности, как способности к активному социальному взаимодействию, к творческой и интеллектуальной деятельности, а также к решению сложных профессиональных задач, вытекающих из специфики современного этапа технологического развития человеческой цивилизации. Данные обстоятельства определяют фундаментальную роль системы высшего образования, обеспечивающей цивилизационный прогресс, национальные интересы и жизненные притязания каждой отдельно взятой личности.

Современная система высшего образования в настоящее время формируется в тесной взаимосвязи с научно-техническим и технологическим прогрессом, в связи с новейшими достижениями цифровизации, а также в связи с геополитическими факторами, определяющими текущую общемировую ситуацию.

Кроме того, активное развитие процессов взаимодействия стран и народов, дальнейшее структурирование регионов с точки зрения разделения труда, наличие государств, имеющих традиционно высокий образовательный потенциал, способных к тому, чтобы поделиться своими образовательными технологиями и иными достижениями в области обучения и формирования личности с другими субъектами педагогического процесса, способствует интернационализации глобальной образовательной системы, возникновению различных форм международного гуманитарного сотрудничества в данной сфере мирового интеллектуального обмена.

При этом сам процесс интернационализации отнюдь не приводит к формированию единого глобального образовательного пространства, напротив, под воздействием различных процессов, протекающих в современном мире, в том числе и процессов геополитических, образовательное пространство сегментируется, приобретает очертания весьма схожие со структурой геополитического пространства современного мира.

При этом формируются новые формы и методы гуманитарного сотрудничества в образовательной сфере, дополняющие и расширяющие традиционный арсенал взаимодействия в данной области международных отношений.

Многоаспектная направленность системы высшего образования, текущие тенденции его развития, а также его способность через формирование человеческого капитала оказывать воздействие на различные сферы социального, экономического и культурного бытия, актуализирует проблематику, связанную с осмыслением форм и методов организации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования в контексте современных политических реалий, учитывая объективность интернационализации образовательного пространства и его взаимосвязь с политическими процессами, происходящими в современном мире.

Литературный обзор

В документах стратегической значимости, принятых в Российской Федерации, заявляется о том, что целью развития национальной системы образования является, в том числе и «популяризация отечественных достижений в области ... образования, повышение конкурентоспособности российского образования, научных исследований и разработок, продвижение их на мировом рынке» [4]. Данная норма определяет «открытость» российской системы высшего образования и ее стремление к активному взаимодействию с иными государствами посредством развития академической мобильности, академического обмена, трансферта образовательных технологий и т.д.

В этой связи научные интересы российских ученых, таких как Абдукадыров А.А. [1], Пономаренко Е.В., Фролова Е.Д., Беляева В.С. [11], Рязанцева И.В., Соболева Е.Л., Матвеева И.В. [14], сосредоточены в области структурирования современного образовательного пространства в условиях интернационализации.

Существенный интерес исследователей (Медынская И.В. [7], Гусевская Н.Ю., Никонов Р.В. Российское [3], Москвич Ю.Н. [17]) вызывают проблемы развития мировой образовательной системы в связи с современной геополитической ситуацией;

Исследуется и проблемка государственного участия в регулировании процессов международного сотрудничества в образовательной сфере (Беляева В.С. [2], Манукян А.Р. [6], Шишков В.В. [16]).

Как видно российские ученые достаточно полно и всесторонне рассмотрели проблему международного сотрудничества в области высшего образования, однако последние изменения в области мировой политики, изменения конфигурации современного геополитического пространства, заставляют вновь обращаться к заявленной проблематике, уточняя имеющиеся научные позиции и положения, раскрывающие проблему сотрудничества между странами в условиях политической турбулентности.

Кроме того современная политическая ситуация диктует необходимость применения новых форм и методов, используемых в области организации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования, что, также, определяет актуальность поднятой проблемы.

Таким образом, **целью** статьи является осмысление методического инструментария гуманитарного международного сотрудничества в сфере высшего образования в соответствии с его структурой и теми политическими вызовами, которые в настоящее время определяют общую картину современной мировой политики.

Методология

Методология данного исследования включает в себя структурно-логический подход, позволяющий рассмотреть проблему методического обеспечения и формализации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования в контексте современных политических реалий как двухуровневую систему, в которой каждый уровень ориентируется на самостоятельный инструментарий, позволяющий осуществлять как государственное регулирование сотрудничества, так и межвузовское сотрудничество, являющееся в настоящее время наиболее эффективной формой взаимодействия национальных образовательных систем.

Материалы исследования

Материалами исследования стали данные национальной статистики, законодательные акты РФ, определяющие

содержание международного гуманитарного сотрудничества, а также концептуальные основы развития национальной образовательной системы Российской Федерации.

Процедура исследования

Процедура исследования включала в себя анализ структурных элементов, образующих пространство организации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования, разработку предложений по сохранению потенциала международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования в условиях политической нестабильности.

Результаты исследования

Рассматривая проблему, касающуюся форм и методов организации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования в контексте современных политических реалий, следует соответствующим образом структурировать уровни данного сотрудничества.

Использование методики структурирования пространства международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования позволяет говорить о его двухуровневом пространственном содержании.

1. Географический – предполагает направленность сотрудничества на макроуровне, имея ввиду различные формы политической коммуникации, определяющие условия академического обмена между странами, которые стремятся к повышению качества национальных образовательных систем за счет создания «открытого образовательного пространства», в котором происходит сам процесс сотрудничества. Данный уровень сотрудничества во многом определяется историческими связями в области образования, существующими между странами, а также образовательной политикой, которая формулирует приоритеты в области осуществления образовательных контактов.

2. Межвузовский (межуниверситетский), предполагающий двусторонние контакты учебных заведений в области обмена студентами, преподавательскими кадрами, учебными программами и педагогическими технологиями.

Анализируя первый уровень, обратимся к данным статистики, позволяющим объективно определить географию сотрудничества России с иными странами в области образования (табл. 1).

Таблица 1. Количество иностранных студентов, обучающихся в Российских Вузах, из стран, входящих в лидеры академического обмена с Россией [13]

Страны	Количество студентов (человек)
Казахстан	62 358
Китай	39 959
Узбекистан	39 825
Туркмения	36 773,
Таджикистан	20 251
Индия	18 536
Египет	10 535
Белоруссия	9769

Приведенные данные демонстрируют, что основная часть зарубежных студентов, обучающихся в России,

являются представителями «дружественных стран», что позволяет нам утверждать: географический вектор организации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования в контексте современных политических реалий совпадает с вектором геополитического сотрудничества, что определяет особенности форм и методов организации данной формы международных отношений. Соответственно среди основных форм двустороннего сотрудничества в образовательной сфере на уровне государственного взаимодействия можно выделить договорные формы двусторонних отношений (например, Соглашение между Министерством образования и науки РФ и Министерством образования КНР о сотрудничестве в области образования от 09 ноября 2006 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области культуры, науки и образования, Москва, 1994 г.).

Методами организации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования можно считать дипломатические контакты, переговоры, консультации, которые в конечном итоге ведут к заключению соглашений по вопросам образования, имеющим для стран – подписантов общий интерес.

В тоже время следует обратить внимание на то, что наряду с «договорными формами сотрудничества» в образовательной практике существуют и стихийные формы образовательного взаимодействия, которые, также, определяют географию гуманитарного образовательного пространства. В данном случае речь идет о возможности получения образования в странах, политические контакты с которыми затруднены и которые невозможно включить в категорию «дружественные страны». Таковыми являются США и страны Европы, которые также являются географическими «центрами притяжения» для лиц, стремящихся к получению высшего образования.

Что касается приоритетных географических регионов, которые выбирают россияне в целях получения образования, то такими в настоящее время являются США, Китай и страны Европы [9].

При этом, говорить о том, что Россия осуществляет активный академический обмен с этими странами не приходится. После выхода Российской Федерации из Болонского процесса контакты с западными странами в области образования сведены до минимума, и, фактически, российские студенты, обучающиеся в этих странах, самостоятельно принимают решение об «образовательной траектории», которая должна, по их мнению, дать им возможность получить качественное образование.

К сожалению, мотивы получения образования в западных странах российской молодежью до конца не изучены, аргументы по поводу того, что россиян в зарубежных университетах привлекает «престижность образования и его качество» [9], явно не отражают всей проблематики данного аспекта образовательной деятельности.

Позволим себе высказать собственные предположения, касающиеся данной проблемы, которые основаны на общении с молодыми людьми, стремящимися к тому, чтобы получать образование в Европе и в США. Безусловно, что полученные нами сведения не являются плодом глубокого социологического исследования, но все же, они представляют интерес. Большинство молодых людей, с которыми удалось пообщаться, во-первых, относятся к весьма обеспеченному классу россиян, во-вторых, как правило, они ранее получили весьма достойное образование в России, в-третьих большинство из них не связывает свою будущую профессиональную деятельность и свою жизнь с Россией, считая для се-

бя приоритетной целью обустройство жизни на Западе. При этом, что весьма примечательно, ни один из собеседников не выдвинул в качестве аргумента утверждение о том, что качество западного образования выше образования российского. Соответственно, можно предположить, что мотивом молодых россиян, стремящихся к получению образования на Западе, является их внутренняя убежденность относительно тех жизненных перспектив, которые несет в себе «западный образ жизни». Соответственно в данном случае мы можем говорить лишь о ментальном выборе личности, который основан не столько на рациональных мотивах, сколько на результатах соответствующего воспитания.

При этом обратим внимание, также и на то, что уже сейчас ряд европейских стран прекратил выдачу студенческих виз россиянам и, видимо, по мере обострения политической обстановки, данная тенденция сохранится, что, безусловно, снизит количество желающих получить образование в Европе и в США.

В тоже время, еще раз обратим внимание на то, что ныне стратегический географический вектор образовательной политики России существенно сместился. Фактически, направленность гуманитарного сотрудничества в образовательной сфере для России сместилась с Запада на Восток, что, однако же, не исключает необходимости использования геополитического влияния России для защиты прав российских граждан, получающих образование в Европе и США.

Данная проблема в настоящее время является актуальной в связи с тем, что россияне, обучающиеся в университетах Европы и Америки сталкиваются с дискриминацией (с отказами от оказания широкого спектра услуг (образовательных, медицинских, банковских и пр.); с бесосновательным недопуском к занятиям; прекращение финансирования образовательной деятельности для российских студентов; с визовыми ограничениями; с буллингом и харасментом) [8], [10].

В данном случае традиционной формой реагирования на подобные дискриминационные проявления является использование хорошо известного международному праву принципа «взаимности», однако данная мера (помимо того, что она имеет явный антигуманный смысл, когда касается учащейся молодежи) в российских реалиях имеет весьма ограниченные возможности в связи с тем, что студенты из западных стран составляют незначительный процент в общем количестве обучаемых.

В этой связи, как представляется автору данной статьи, для России перспективной формой обеспечения гуманитарного сотрудничества должно стать активное продвижение программ образовательного сотрудничества со странами, дружественными России, а также осмысление данной проблемы на концептуальном стратегическом уровне. В настоящее время в России действует Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации, которая была утверждена в 2006 году, направлена, в основном, на внутренние потребности развития российской системы образования, и в настоящее время требует доработки [5]. По нашему мнению существенным пробелом данного документа является то, что в нем, отсутствует концептуальное видение образовательной политики Российской Федерации в части создания условий для расширения международного пространства гуманитарного образовательного сотрудничества. По нашему мнению данный документ следует согласовать с положениями Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [4] в части таких концептуальных аспектов как «Продвижение российской науки и образования за рубежом», «Поддержка и продвижение русского языка в качестве

языка международного общения за рубежом», «Использование возможностей средств массовой информации и современных технологий в формировании объективного восприятия России на международной арене». Данные направления российской образовательной политики в области гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования, должны наполнить Концепцию национальной образовательной политики новым содержанием с учетом современных политических реалий, способствовать тому, чтобы российские граждане рассматривали получение образования в России и в странах, дружественных России, как абсолютный приоритет, связывая свою дальнейшую жизнь с использованием полученных знаний и навыков для «устойчивого развития полиэтничного общества России и обеспечения национальной безопасности многонационального государств» [4].

Вторым уровнем международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования является локальный, межвузовский уровень сотрудничества, который в настоящее время открывает перед национальными системами образования новые возможности и перспективы, а также определяет условия методического обеспечения данной деятельности.

На данном уровне международного сотрудничества перечень возможных форм и методов значительно шире, чем на уровне его стратегического обеспечения, что связано с высокой способностью локальных образовательных систем приспосабливаться к текущей ситуации и находить варианты деятельности, позволяющие, как минимум, поддерживать национальные образовательные системы, не позволяя превратить их в обособленные структуры, ограниченные национальными границами государств.

В данном случае речь идет о формировании региональных образовательных пространств, которые объединяют образовательные системы, как правило, дружественных государств, стремящихся к тесному гуманитарному сотрудничеству. Этот уровень сотрудничества определяется стратегическими приоритетами, обозначенными географией образовательной политики и объективным стремлением локальных образовательных систем к взаимодействию и широкому обмену знаниями, человеческим капиталом и технологиями.

Обратим внимание, что современные политические реалии затрудняют непосредственные контакты между университетами России и европейскими университетами, хотя, при этом, контакты все же сохраняются, особенно, когда речь идет о возможностях сотрудничества с частными университетами, имеющих широкую автономию.

В тоже время визовые ограничения, а также иные факторы политического характера не дают возможности в полной мере использовать такие формы международного сотрудничества как академический обмен, обмен технологиями, учебными программами и т.д. Основная проблема заключается в том, что субъекты международного сотрудничества испытывают проблемы с непосредственным физическим присутствием в университетских пространствах европейских государств.

В данном контексте следует обратить внимание на то, что прошедшая пандемия доказала эффективность использования технологий дистанционного обучения, что является показательным примером для организации дистанционного гуманитарного сотрудничества между университетами различных стран, которые способны преодолеть политическую конъюнктуру. В этой связи российская система образования, ориентированная на использование современных цифровых

технологий, вполне способна стать примером для политически ангажированных государств, рассматривающих международное гуманитарное сотрудничество в образовательной сфере сквозь призму геополитического противостояния. Именно «открытость» национальной системы образования и ее способность ориентироваться на принцип «расширения образовательного сотрудничества со всеми, кто в этом заинтересован» [12], является тем стратегическим гуманитарным ресурсом, который способен сформировать вокруг России университеты из различных стран, стремящихся к реальному, независимому и равноправному академическому обмену.

Как представляется, в настоящее время весьма актуальной является инициатива создания «Цифрового пространства международного гуманитарного сотрудничества в сфере образования», которое должно способствовать дальнейшему развитию международного университетского взаимодействия в условиях современной политической турбулентности.

Данная инициатива вполне может опираться на уже существующие модели международного сотрудничества, доказавшие свою эффективность, в частности за основу рекомендуемой нами инициативы возможно взять весьма успешную модель Сетевого университета Содружества Независимых Государств [15], расширив пространство данной модели до глобального общемирового уровня, предложив присоединиться к данному пространству любому университету из любой страны мира, разделяющей идеи ориентации на традиционные общечеловеческие ценности, идеи равноправия и суверенитета, а также на понимание выдающейся миссии университетов в современном мире.

Заключение

Именно цифровые формы взаимодействия между университетами, доказавшие свою эффективность способны в настоящее время расширить национальные образовательные пространства, устранить воздействие фактора политической турбулентности на образовательные системы, сохранить потенциал международного гуманитарного сотрудничества университетов для будущих поколений.

В тоже время важным является и расширение «географического» спектра сотрудничества на макроуровне, при использовании форм и методов договорной межгосударственной практики, а также иных форм политического взаимодействия.

В тоже время современная политическая ситуация требует активизации условий российского государства по защите лиц, получающих образование за рубежом, в европейских странах и в США, с использованием всего дипломатического и политического инструментария. Важным, при этом, является и повышение престижа российской системы образования на международной арене с целью снижения значимости стихийных формы образовательного взаимодействия и повышения роли цивилизованного и регулируемого академического обмена с университетами других стран.

Что касается «университетского» уровня взаимодействия, то на данном уровне важным представляется государственное участие в стимулировании процессов цифровой трансформации международного гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования в целях создания реально действующих централизованных цифровых проектов, способных объединить вокруг России университеты различных стран мира, разделяющих не столько политические приоритеты российского государства, сколько общечеловеческую идеологию,

изначально соответствующую идеям гуманитарного сотрудничества.

Такой подход, по нашему мнению, способен вывести процессы межвузовского международного сотрудничества на новый уровень эффективности, способствовать, при этом, снижению уровня политической напряженности и развитию взаимопонимания между народами.

Сказанное определяет дальнейшую направленность научного поиска, каковым является определение условий политизации современного образовательного пространства и его роли в решении современных остро политических проблем.

Литература

1. Абдукадыров А.А. К вопросу международного и регионального сотрудничества в сфере профессионального образования // Вестник Педагогического университета. 2023. № 3. С. 200–208.
2. Беляева В.С. К вопросу об изменении вектора интернационализации высшего образования // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 12. С. 1–6.
3. Гусевская Н.Ю., Никонов Р.В. Российское образование в контексте современных геополитических вызовов // Социология. 2019. № 3. С. 102–107.
4. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. 2022 г. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/1829856/
5. Концепция национальной образовательной политики. 2006 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902004566>
6. Манукян А.Р. Государственное регулирование международного сотрудничества в сфере образования // Власть. № 31(2). С. 15–23.
7. Медынская И.В. Современные тенденции и перспективы международного сотрудничества в системе образования в условиях геополитической турбулентности // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 4. С. 408–413.
8. МИД РФ опубликовал доклад о дискриминации россиян в Чехии и еще 36 странах. 2022. – URL: <https://www.vinegret.cz/654019/mid-rf-opublikoval-doklad-o-diskriminatsii-rossiian-v-chehii-2022>
9. Названы популярные страны у решивших получить образование за границей россиян. 2023. – URL: <https://iz.ru/1621302/2023-12-16/nazvany-populiarnye-strany-u-reshivshikh-poluchit-obrazovanie-za-granitcei-rossiian>
10. Отчисление российских студентов в Европе, дискриминация русских. 2022. – URL: <https://vc.ru/education/398561-otchislenie-rossiiskih-studentov-v-evrope-diskriminaciya-russkih>
11. Пономаренко Е.В., Фролова Е.Д., Беляева В.С. Сравнительный анализ интернационализации университетов регионов мира в условиях смены глобального мирового лидера // Экономика региона. 2024. № 20(1). С. 248–262.
12. Пять принципов национальной системы высшего образования. 2022. – URL: <https://galinadanchikova.ru/pyat-principov-nacionalnoj-sistemy-vysshego-obrazovaniya/>
13. Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов. 2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislu-inostrannih-studentov>
14. Рязанцева И.В., Соболева Е.Л., Матвеева И.В. Интернационализация вуза как ключевой аспект под-

готовки конкурентоспособных специалистов // Творчество и современность. 2022. № 1. С. 51–60.

15. Сетевой университет Содружества Независимых Государств. – URL: <https://e-cis.info/cooperation/3063/78389/>
16. Шишков В.В. Государственная политика Российской Федерации по привлечению иностранных студентов 2008–2021 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3. С. 137–146.
17. Moskvich Y.N. Education and geopolitics of the new world: new priorities, deadlocks and traps of development // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2013. № 9. p. 1251–1255.

FORMS AND METHODS OF ORGANIZING INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF MODERN POLITICAL REALITIES

Manukyan A.R.
MGIMO-University

The relevance of the article is determined by the significance of higher education for global and national development; the importance of international humanitarian cooperation in the field of higher education from the point of view of increasing its effectiveness; the negative impact of political turbulence on the processes of development of education and on the possibilities of international cooperation in this area. The article aims to understand the methodological tools of humanitarian international cooperation in the field of higher education in accordance with its structure and the political challenges that currently determine the overall picture of modern world politics.

Keywords: international cooperation, space, geography, universities, politics, forms, methods, digitalization.

References

1. Abdukadirov A.A. On the issue of international and regional cooperation in the field of professional education // Bulletin of the Pedagogical University. 2023. No. 3. Pp. 200–208.
2. Belyaeva V.S. On the issue of changing the vector of internationalization of higher education // International Research Journal. 2022. No. 12. Pp. 1–6.
3. Gusevskaya N.Yu., Nikonov R.V. Russian education in the context of modern geopolitical challenges // Sociology. 2019. No. 3. Pp. 102–107.
4. The concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad. 2022. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/1829856/
5. The concept of national educational policy. 2006 – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902004566>
6. Manukyan A.R. State regulation of international cooperation in the field of education // Power. No. 31(2). P. 15–23.
7. Medynskaya I.V. Modern trends and prospects for international cooperation in the education system in the context of geopolitical turbulence // Russia: trends and development prospects. 2023. No. 4. P. 408–413.
8. The Russian Foreign Ministry published a report on discrimination against Russians in the Czech Republic and 36 other countries. 2022. – URL: <https://www.vinegret.cz/654019/mid-rf-opublikoval-doklad-o-diskriminatsii-rossiian-v-chehii-2022>
9. Popular countries among Russians who decided to get an education abroad are named. 2023. – URL: <https://iz.ru/1621302/2023-12-16/nazvany-populiarnye-strany-u-reshivshikh-poluchit-obrazovanie-za-granitcei-rossiian>
10. Expulsion of Russian students in Europe, discrimination against Russians. 2022. – URL: <https://vc.ru/education/398561-otchislenie-rossiiskih-studentov-v-evrope-diskriminaciya-russkih>
11. Ponomarenko E.V., Frolova E.D., Belyaeva V.S. Comparative analysis of the internationalization of universities in the regions of the world in the context of a change in the global world leader // Economy of the region. 2024. No. 20 (1). P. 248–262.

12. Five principles of the national higher education system. 2022. – URL: <https://galinadanchikova.ru/pyat-principov-nacionalnoj-sistemy-vysshego-obrazovaniya/>
13. Russia ranked sixth in the world in the number of foreign students. 2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislunostrannih-studentov>
14. Ryazantseva I.V., Soboleva E.L., Matveeva I.V. Internationalization of the University as a Key Aspect of Training Competitive Specialists // Creativity and Modernity. 2022. No. 1. P. 51–60.
15. Network University of the Commonwealth of Independent States. – URL: <https://e-cis.info/cooperation/3063/78389/>
16. Shishkov V.V. State Policy of the Russian Federation to Attract Foreign Students 2008–2021 // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3. pp. 137–146.
17. Moskvich Y.N. Education and geopolitics of the new world: new priorities, deadlocks and traps of development // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2013. No. 9. p. 1251–1255.

Трансграничное российско-китайское сотрудничество в сфере образования: аспекты реализации инициативы «Один пояс, один путь»

Со Чэн,

магистр, Цзилиньский университет иностранных языков
E-mail: 454147948@qq.com

Целью исследования в данной статье является развитие российско-китайского сотрудничества в области высшего образования на фоне китайско-российского всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства, в рамках договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией и концепции «одного пояса и одного пути», на примере синьцзянского аграрного университета и российского тихоокеанского государственного университета, в статье описаны этапы развития совместных образовательных программ, проблемы и трудности в процессе их создания между Синьцзянским сельскохозяйственным университетом и Российским Тихоокеанским государственным университетом в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования и Мерами реализации регламента КНР по китайско-российскому сотрудничеству в организации обучения, в работе раскрывается нынешнее состояние развития китайско-российской совместной образовательной программы, анализируются особенности китайско-российской совместной образовательной программы, желательно, чтобы эта статья внесет вклад в развитие совместного образования между Россией и Китаем, а также в развитие сотрудничества и академических обменов в области образования между двумя странами.

Ключевые слова: особенности сотрудничества, отношение Китая и России, совместная образовательная программа, нынешнее состояние сотрудничества.

Будучи важными странами, расположенными вдоль линии строительства «Одного пояса и одного пути», Китай и Россия углубили свое сотрудничество в экономике, культуре, науке и технологиях, образовании и других областях с тех пор, как было предложено строительство «одного пояса и одного пути». Однако в настоящее время все еще существует разрыв между китайским и российским высшим образованием с точки зрения силы, совместности и выращивания талантов и спроса на строительство «одного пояса, одного пути», что требует, чтобы образование стало первым шагом для выращивания всех видов талантов, которые необходимы как фактор взаимодополняемости между странами и реализации лучшего сотрудничества между Китаем и Россией.

Совместная организация сотрудничества в области образования между Китаем и Россией (СОП) – это не только эффективный способ осуществления академических обменов и сотрудничества в различных областях, но и важный импульс для содействия интернационализации высшего образования и строительства «одного пояса и одного пути».

СОП – совместная образовательная программа, созданная с вузом-партнером с целью получения двух дипломов[1].

В российском тихоокеанском государственном университетом (далее «ТОГУ») осуществляется обучение по некоторым совместным образовательным программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, а также по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре. Контроль над реализацией совместных образовательных программ осуществляется с двух сторон: со стороны ТОГУ и со стороны зарубежных образовательных учреждений.

Совместные образовательные программы разработаны совместно с партнерским учебным заведением – Синьцзянским аграрным университетом (далее «САУ»). Открытие совместной образовательной программы, ведущей к получению двух дипломов – ТОГУа и САУАа, – осуществляется в соответствии с условиями договора, подписанного между двумя сторонами.[2].

По итогам дружественных консультаций и объединения высококачественных образовательных ресурсов обеих сторон было принято решение об углубленном сотрудничестве в области механических транспортов и совместной реализации китайско-российской совместной образовательной программы уровня бакалавриата по специальности «Движение и транспорт» (что соответствует наименованию специальности в российском университете 23.03.01 «Технология транспортных процессов»). через проведения сравнительного анализа компетенций, формируемых в результате обучения в бакалавриате по специальности «Технология транспортных процессов», что, по нашему мнению, это даст возможность найти оптимальные условия осуществления СОП подготовки бакалавров по направлению 23.03.01 «Технология транспортных процессов».

Для реализации этих программ необходимо решить ряд закономерно возникших проблем. Общие требования к методике подготовки компетенций в российских вузах отличаются от методики подготовки важных про-

фессиональных качеств выпускников в вузе зарубежного партнера – Синьцзянском аграрном университете. Поэтому актуальная проблема, которую необходимо решить при организации обучения по СОПам: как организовать и осуществить подготовку талантов по технологии транспортных процессов в ТОГУ так, чтобы она соответствовала требованиям САУа к выпускникам тех же специальностей и сформировала необходимые профессионально значимые качества.

Между ТОГУ и САУ заключен «Договор о реализации совместной образовательной программы, целью которого После того, как студент завершит период обучения на ТОГУе и САУе и успешно завершит курсы, предусмотренные программой подготовки, выполнит условия завершения обучения и получения степени ТОГУа и САУа, САУ вручит диплом бакалавра по специальности «Движение и транспорт» и сертификат о присуждении степени бакалавра инженерных наук. ТОГУ вручит диплом бакалавра по направлению подготовки «Технология транспортных процессов».

При осуществлении образовательной деятельности по такой программе каждая сторона руководствуется: а) межгосударственными соглашениями государств; б) двусторонними соглашениями и договорами университетов-партнеров; в) действующим законодательством соответствующих государств; г) локальными нормативными документами университетов-партнеров по вопросам образовательной, административной и другой деятельности.

С целью создания целостной педагогической модели формирования профессионально значимых качеств специалиста технологии транспортных процессов были рассмотрены группы теоретических, методологических и аксиологических профессионально значимых качеств, исследованные и проанализированные в трудах В.С. Степина, Н.Н. Моисеева, А.Н. Данилова, Б.С. Гершунского [3].

Состояние развития и реализации совместной образовательной программы между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским государственным университетом на сегодняшний день

Двустороннее развитие обучения по совместной образовательной программы между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским государственным университетом неуклонно развивается.

Китай и Россия являются приоритетными странами друг для друга в области развития профессиональных кадров, и взаимная отправка иностранных студентов является традиционной программой образовательного сотрудничества между двумя странами, причем число различных типов студентов постоянно растет. В 2019 году количество обменных студентов между Китаем и Россией превысило 100000. Хотя эпидемия Covid-19 и связанные с ней ограничения на въезд оказали определенное влияние на международные обмены, в 2020 году в России по-прежнему учились более 42000 китайских студентов, а в Китае – около 14000 российских студентов, что в общей сложности составило 57000 студентов, включая дистанционные программы обучения. В 2023/2024 учебных годах 47 китайских студентов от общего числа из СОП между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским государственным университетом. а в 2024/2025 учебных годах 57 китайских студентов от общего числа из СОП, темпы их роста составляют 21%.

Сотрудничество по СОП между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским госу-

дарственным университетом характеризуется нарастающей институционализацией и увеличением количества заинтересованной молодежи.

Помимо академического сообщества, изучающего языки и культуры друг друга, интерес к языковому сотрудничеству и обменов проявляет и население двух стран. К концу 2021 года почти 40000 человек изучали китайский язык в 368 школах России и почти 90000 человек – русский в 868 школах Китая. Китай и Россия открыли Институты Конфуция, Классы Конфуция, а также Центры русского языка, Российские культурные центры и другие языковые и культурные учреждения в странах друг друга, активно продвигая языковое взаимодействие. В то же время обе страны внедрили и усовершенствовали механизмы оценки и экспертизы языка и создали языковые экзаменационные центры. В ТОГУ часто организуются летние школы для китайских студентов из САУ, с целью повышения уровня владения русским языком в условиях реального общения (подготовка к сдаче ТРКИ), в том числе вводится терминология инженерной логистики, экскурсионные программы и изучение культуры и истории России.

Создание многоуровневой и функциональной системы сотрудничества СОП между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским государственным университетом в области организации школ и научных исследований.

Формы и содержание образовательного сотрудничества между китайскими и российскими университетами стали более разнообразными, а совместная работа университетов и создание совместных научно-исследовательских институтов стали основными способами и формами углубления сотрудничества в области высшего образования между двумя странами, при этом цикл реализации проектов сократился, круг охватываемых дисциплин стал шире, а новые дисциплины и междисциплинарные исследования стали новым фокусом сотрудничества.

Кроме того, в разных регионах и университетах китайско-российские совместные школы развиваются по-своему и имеют свои особенности. Например, некоторые школы сотрудничают с российскими университетами для проведения совместных образовательных программ на уровне бакалавриата, магистратуры и докторантуры; некоторые школы проводят углубленные научные исследования в своих профессиональных областях и совместно выращивают профессиональные кадры. В то же время совместное образование Китая и России сталкивается с некоторыми проблемами, такими как культурные различия, языковой барьер и обеспечение качества преподавания. Для дальнейшего развития совместного китайско-российского образования необходимо, чтобы обе стороны укрепляли связь и сотрудничество, совместно решали проблемы и повышали качество и уровень образования. В области программы ТОГУ и САУ. Эти два университета проводят одновременные программы обмена для магистров и докторов наук с квотой в 5 студентов.

Особенности развития и реализации совместной образовательной программы между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским государственным университетом на сегодняшний день

Очень важно выделить основные социалистические ценности в совместной образовательной программе между синьцзянским аграрным университетом

и российским тихоокеанским государственным университетом[7].

Патриотизм в социалистических базовых ценностях может вдохновить учащихся на любовь и преданность родине. В совместной образовательной программе учащиеся сталкиваются с различными культурами и концепциями. Подчеркивание патриотизма помогает укрепить национальную гордость и культурную уверенность, а также позволяет учащимся придерживаться своей национальной позиции в международных обменах.

Развитие и распространения дружеского общения направляют студентов на то, чтобы они относились к другим людям дружелюбно и терпимо в общении с российскими преподавателями и студентами. Это помогает установить хорошие межличностные отношения, способствует гармоничному сосуществованию и углубленному сотрудничеству между китайскими и российскими студентами.

практикуя социалистические основные ценности «цивилизации», студенты будут демонстрировать хорошие качества в своей речи, поведении и академических нормах, способствуя цивилизованному и гармоничному развитию совместных китайско-российских образовательных программ и создавая положительный имидж СОП

Кроме того, между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским государственным университетом имеются особенности четкого позиционирования совместной образовательной программы

Сначала, точные цели выращивания талантов, очевидно, что необходимо выращивать высококачественные таланты, обладающие кросс-культурным опытом в Китае и России, прочными профессиональными знаниями и легкостью адаптации к требованиям международного рынка. В соответствии с потребностями рынка и тенденциями развития отрасли разрабатывается целевая программа профессиональной подготовки.

Целенаправленный выбор на дисциплинах и специальностях с преимуществами и особенностями обеих сторон, таких как аэрокосмические и энергетические ресурсы России, информационные технологии и обрабатывающая промышленность Китая и инженерная логистика между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским государственным университетом т.д., для достижения сочетания сильных сторон и повышения качества и конкурентоспособности сотрудничества в рамках школ.

Также между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским государственным университетом имеются особенности высокого уровня сотрудничества совместной образовательной программы.

Программа охватывает уровни бакалавриата, магистратуры и докторантуры, предоставляя студентам все ступени академического развития не только в области преподавания, но и в области исследований. Помимо совместного формирования исследовательских групп и реализации крупных исследовательских проектов, которые способствуют академическим инновациям и научному прогрессу, программа также собирает отличных преподавателей и экспертов из Китая и России, имеющих богатый опыт и выдающиеся достижения в области преподавания и исследований, они могут предоставить студентам высококачественное образование и обучения. Так что более высокий уровень сотрудничества между двумя университетами привлекает отличных студентов со всего мира, что повышает международную репутацию и влияние программы совместного образования.

При поддержке четкого позиционирования и высокого уровня сотрудничества совместная китайско-российская образовательная программа может предо-

ставить студентам высококачественные образовательные ресурсы и широкое пространство для развития, и в то же время придать мощный импульс образовательным обменам и сотрудничеству между Китаем и Россией.

Кроме того, между синьцзянским аграрным университетом и российским тихоокеанским государственным университетом имеются уникальные особенности совместных китайско-российских вуз с точки зрения различных моделей обучения и широких каналов сотрудничества и отправки студентов

В модели «совместного университета» студенты учатся в университетах Китая и России, в полной мере ощущают образовательную среду и культурную атмосферу двух стран и реализуют взаимодополняющие преимущества друг друга. Модель обучения, например, «2+2», «3+1» и т.д., студенты учатся в стране и за рубежом по установленной модели, что позволяет не только заложить хороший фундамент образования в родной стране, но и получить опыт обучения в зарубежных странах. Основной режим преподавания – 3+2 в совместной образовательной программе ТОГУ и САУ (то есть за первый этап студенты учатся 3 года в САУ, а за второй этап учатся 2 года в ТОГУ)[10].

Модель интегрирует высококачественные программы Китая и России и совместно разрабатывает новую систему учебных планов, чтобы студенты могли получить знание обеих сторон в одной и той же системе обучения, через совместное создание научно-исследовательских проектов студенты участвуют в них, чтобы культивировать научные исследования и инновационные способности. Китайские и российские преподаватели обмениваются лекциями друг с другом, привнося различные методы и концепции преподавания для повышения качества обучения.

Программа студентов по обмену предоставляет студентам возможность краткосрочного обмена (то есть летняя школа по русскому языку), чтобы расширить их кругозор и углубить понимание образования и культуры другой страны. Программа обучения на получение степени включают программы бакалавриата, магистратуры и докторантуры, удовлетворяя потребности студентов разных уровней. в областях программы стажировки и практики университеты смогут отправить студентов на китайские и российские предприятия или в российские учреждения для прохождения стажировки и обучения, чтобы улучшить их практические способности и конкурентоспособность при трудоустройстве. в программах академического обмена студентов организуют для участия в научных конференциях, семинарах и других мероприятиях, способствующих академическим обменам и обмену знаниями.

Подобно мосту, соединяющему образовательную мудрость двух стран, совместная школа Китая и России открывает новый путь для воспитания выдающихся талантов с международным видением и способностью к межкультурной коммуникации в постоянном исследовании и практике. Верится, что этот способ сотрудничества будет продолжать углубляться и расширяться в будущем, вписывая все более яркие главы в образовательное дело и дружеские обмены между Китаем и Россией.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2021) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 21.06.2021).

2. Часть 1 статьи 15 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, N 53, ст. 7598; 2019, N 49, ст. 6962.
3. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25/117> (дата обращения: 26.06.2021).
4. Багров, Н.М. Тенденции развития высшего образования в России / Н.М. Багров, Г.А. Трофимов // Экономика и управление. 2006. № 2. С. 140–143.
5. Модернизация российского образования: документы и материалы. М.: ГУ – ВШЭ, 2002
6. Крылов, А. Программы двойных и совместных международных дипломов / А. Крылов // Высшее образование в России. 2007. № 5. С. 42–45.
7. О совместном обучении китайских и российских студентов по социалистическому ядру культивирования социалистических базовых ценностей[J]. Нравственное воспитание и студенческая работа, 2015, (4).
8. Liu Ying, Wang Lizhong. Исследование режима проведения программы по русскому языку в научно-технических университетах – Харбинский технологический университет. Традиции и особенности программы русского языка в Харбинском технологическом университете[J]. China Russian Language Teaching, 2009, (3).
9. Wang Xinyi. Усиление функции обучения русскому языку для воспитания талантов «великого русского языка» [J]. Chinese Russian Language Teaching, 2016, (1).
10. Li Chunchun. Исследование режима выращивания китайских и российских бизнес-талантов в новой ситуации[J]. Журнал Тайюаньского городского профессионально-технического колледжа, 2015,(10).

CROSS-BORDER RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FIELD OF EDUCATION: ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE

Suo Cheng

Jilin University of Foreign Studies

The aim of the research in this article is the development of the Russian-Chinese cooperation in the field of higher education against the background of the Chinese-Russian comprehensive strategic relationship of cooperation and partnership, against the background of the Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between China and Russia and the concept of «One Belt and One Road», the current state of development of the Chinese-Russian joint educational programme is revealed on the example of Xinjiang Agricultural University and the Russian Pacific State University. Analyses the features of the Sino-Russian joint education programme, it is desirable that this article will contribute to the development of joint education between Russia and China, as well as to the expansion of educational cooperation and exchanges between the two countries.

Keywords: peculiarity of cooperation, China-Russia relations, joint educational programme, current state of cooperation.

References

1. Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ (as amended on April 30, 2021) “On Education in the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on June 1, 2021) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 06/21/2021).
2. Part 1 of Article 15 of the Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ “On Education in the Russian Federation”. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2012, No. 53, Art. 7598; 2019, N 49, art. 6962.
3. Portal of the Federal State Educational Standards of Higher Education education. [Electronic resource]. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25/117> (access date: 06/26/2021).
4. Bagrov, N.M. Trends in the development of higher education in Russia / N.M. Bagrov, G.A. Trofimov // Economics and management. 2006. No. 2. P. 140–143.
5. Modernization of Russian education: documents and materials. M.: State University – Higher School of Economics, 2002
6. Krylov, A. Programs of double and joint international diplomas / A. Krylov // Higher education in Russia. 2007. No. 5. P. 42–45.
7. On the joint training of Chinese and Russian students on the socialist core of cultivating socialist basic values[J]. Moral Education and Student Work, 2015, (4).
8. Liu Ying, Wang Lizhong. A study of the mode of conducting the Russian language program in scientific and technical universities – Harbin University of Technology. Traditions and features of the Russian language program at Harbin University of Technology[J]. China Russian Language Teaching, 2009, (3).
9. Wang Xinyi. Strengthening the function of teaching the Russian language to cultivate talents of the “great Russian language” [J]. Chinese Russian Language Teaching, 2016, (1).
10. Li Chunchun. Research on the cultivation mode of Chinese and Russian business talents in the new situation[J]. Journal of Taiyuan City Vocational and Technical College, 2015,(10).

Влияние фактора трудовой миграции на отношения между Россией со странами Центральной Азии

У Лань,

магистр, Ланьчжоуский университет

E-mail: 2941168938@qq.com

Согласно статистике Всемирного банка, денежные переводы стали важным компонентом внешнего финансирования развивающихся стран. Например, в случае со странами Центральной Азии различия в ситуации на рынке труда и структуре экономики обусловили устойчивый поток трудовых мигрантов из Центральной Азии в Россию, которая быстро превратилась в силу, с которой необходимо считаться, оказывает растущее влияние в международной политике и постепенно становится связанной с дипломатическим поведением страны. Сильная зависимость трудовых мигрантов из Центральной Азии от России определяет возможность расширения влияния мигрантов в дипломатической стратегии России по отношению к странам Центральной Азии в будущем, а миграционная политика может стать новой важной переменной, влияющей на отношения между Центральной Азией и Россией в будущем, и превратиться в разменную монету в игре между странами. Цель данной статьи – проанализировать политическую полезность миграции из Центральной Азии в процессе построения международных отношений, изучив взаимозависимость между странами Центральной Азии и Россией.

Ключевые слова: трудовая миграция из Центральной Азии; миграционная дипломатия; экономическая целесообразность; политическое влияние.

Страны Центральной Азии представляют собой крупнейший и наиболее тесно связанный с Россией трансграничный рынок труда, а миграционные коридоры между ними являются одними из самых влиятельных и стабильных в Евразии. В миграционных потоках преобладает трудовая миграция, в которой, по оценкам, участвуют от 2,7 до 4,2 миллиона человек, или от 10 до 16 процентов экономически активного населения Центральной Азии.[1] Политические, экономические и демографические последствия были драматическими как для стран, направляющих, так и для стран-импортеров мигрантов. Согласно теории мировой системы, суть транснациональной миграции заключается в распространении и проникновении капиталистического способа производства из стран ядра в периферийные страны, а также в интеграции периферийных стран в глобальную экономику, в которой доминируют страны ядра. Периферийные страны с наибольшей вероятностью направят мигрантов в страны ядра, с которыми они наиболее тесно связаны экономически, политически или в военном отношении.[2] Нацелившись на подходящую рабочую силу из стран Центральной Азии и активно используя их нереализованный потенциал, Россия неоднократно пересматривала свою миграционную политику, чтобы завладеть новыми дипломатическими рычагами, укрепить свои позиции в ядре и получить благоприятное окружение на периферии.

Современное состояние трудовой миграции из Центральной Азии в Россию

Центральная Азия долгое время была важнейшим источником трудовой миграции в Россию. За последние три десятилетия миграция из Центральной Азии в Россию сформировала достаточно стабильную систему, которая пережила ряд кризисов. Число выезжающих в Россию из стран Центральной Азии остается высоким даже в условиях российско-украинского конфликта и военных мобилизаций, которые привели к отъезду большого количества россиян. Статистика миграционной службы показывает, что к концу декабря 2022 года Министерство внутренних дел насчитало 12,8 миллиона зарегистрированных мигрантов, что на 3,5 миллиона больше, чем за тот же период 2021 года. Подавляющее большинство мигрантов прибывает из стран Центральной Азии, составляя 3/4 всех иностранцев, зарегистрированных МВД РФ. При этом почти две трети мигрантов прибывают из Узбекистана (37,9%) и Таджикистана (26,4%), что составляет 8,3 млн человек. На долю Кыргызстана, третьей по численности трудовых мигрантов страны региона, приходится 6,4% (821 000 зарегистрированных). [3]Основная цель приезда мигрантов из Центральной Азии в Россию – трудовая. На рисунке 1 показана численность трудовых мигрантов из Центральной Азии в России по кварталам в 2019–2022 годах. По данным Росстата, в первом квартале 2023 года в Россию въехало почти 1,3 млн рабочих, что в 1,6 раза больше, чем за тот же период 2022 года, а число трудовых мигрантов в Россию из Узбекистана и Таджикистана увеличилось примерно на 630 тыс. человек (72%) и 350 тыс. человек (40%) соответственно.[4]

Рис. 1. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию по кварталам, 2019–2022 гг.[5]

Различия между Россией и странами Центральной Азии по уровню экономического развития, численности населения и рынку труда стали основной движущей силой миграции из стран Центральной Азии в Россию. А схожая политическая культура, общая историческая память, удобный языковой обмен и расширяющаяся миграционная сеть обеспечивают мигрантам удобство трудоустройства в России. Со временем у населения стран Центральной Азии сложились стереотипы, и оно в целом считает, что переезд в Россию – это единственный способ реализовать свои амбиции.[6] С увеличением частоты трудовой миграции и продолжающейся интеграцией новых социальных групп в миграционные волны она быстро превратилась в силу, с которой необходимо считаться, с растущим влиянием в международной политике, которое постепенно увязывается с дипломатическим поведением страны.

Сегодня Россия и страны Центральной Азии также стратегически используют трансграничное перемещение людей в качестве гибкого рычага для достижения других целей, играющего роль в обеспечении их собственной безопасности и достижении их экономических целей, а также политических устремлений.

Экономическая целесообразность трудовой миграции из Центральной Азии

(i) Для стран-импортеров мигрантов – пополнение трудовых ресурсов и содействие национальному экономическому развитию

Россия испытывает хронический дефицит трудовых ресурсов. По оценкам, к 2025 году численность населения трудоспособного возраста сократится до 14 миллионов человек. Официальный уровень безработицы в России находится на историческом минимуме, при этом особенно остро нехватка кадров ощущается в обрабатывающей, промышленной, горнодобывающей и транспортной отраслях. [7] Нехватка промышленных рабочих достигла нового пика, а уровень безработицы в России вновь установил новый рекордный минимум (за период наблюдения за показателем с 1991 года), снизившись до 3,1% в июне 2023 года после 3,2% в мае. Экономика вряд ли будет расти быстрыми темпами в условиях огромного разрыва на рынке труда. Мигранты стали важным ресурсом для восполнения демографического дефицита страны в краткосрочной перспективе.[1] Масштабное исследование трудовой миграции выходцев из Центральной Азии в Россию, проведенное экспертами, показало, что трудовые мигранты составляют более 10% от общей численности российской рабочей силы, а вклад трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в российскую экономику колеблется в пределах 8–10%

ВВП[8]. От половины до двух третей заработной платы мигрантов тратится в принимающей стране, увеличивая емкость российского внутреннего рынка и повышая налоговые поступления в бюджеты стран-импортеров.

В целом трудовая миграция компенсирует нехватку рабочей силы в России, увеличивает общий объем общественного производства и способствует развитию экономики. Без мигрантов как дополнительной рабочей силы трудно осуществлять стратегические капитальные вложения и развивать инновационную экономику.

(ii) Для стран, принимающих мигрантов, – регулирование рынка труда и получение крупных денежных переводов.

Как и регулирование структуры рынка труда в стране-импортере, отъезд мигрантов из страны-отправителя в определенной степени регулирует и рынок труда страны-отправителя за счет вывоза избыточной рабочей силы, смягчая противоречие между экономическим развитием и перенаселенностью и способствуя оптимизации структуры рынка труда в стране происхождения. Кроме того, в последние десятилетия значительные денежные переводы из России приносят незаменимую пользу странам Центральной Азии, имеющим слабую способность к накоплению капитала, и имеют не меньшее значение, чем иностранная помощь и прямые иностранные инвестиции.

Обзор денежных переводов

Трансграничное перемещение трудовых ресурсов из стран Центральной Азии стало одной из движущих сил экономического развития региона. Крупномасштабные денежные переводы приносят огромные валютные поступления странам – экспортерам рабочей силы. С точки зрения источника доходов от денежных переводов, Россия является наиболее важным источником денежных переводов в Центральной Азии. В Таджикистане и Кыргызстане доходы от трудовой миграции могут составлять четверть или даже половину их ВВП. По данным Всемирного банка, в 2022 году доля доходов от денежных переводов в ВВП Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана составил 50,9%, 27,9% и 20,8%. В двух других странах эти показатели гораздо ниже, а богатые нефтегазовыми ресурсами Казахстан и Туркменистан практически не зависят от денежных переводов в своем экономическом развитии. На рисунках 2 и 3 показан объем денежных переводов, отправленных трудовыми мигрантами в Таджикистан и Украину в 2010–2023 годах, и процент от ВВП, соответственно.

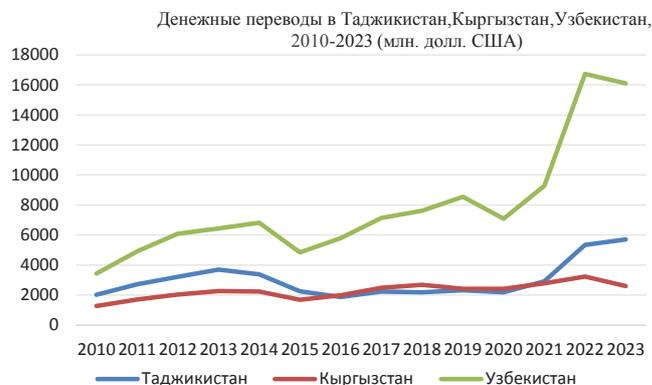

Рис. 2. Денежные переводы в Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, 2010–2023 (млн долл. США)[9]

Тенденции в области денежных переводов

Анализ перехватов графика данных показывает, что тенденция денежных переводов из стран Центральной Азии

не является стабильной и характеризуется колебаниями, связанными с аномалиями во внешней среде России.

Рис. 3. Денежные переводы как доля ВВП трех стран, 2010–2023 гг. [10]

В 2014 году из-за западных санкций против России российская экономика замедлилась. Мигранты из стран Центральной Азии пострадали от усиления экономического спада и роста антииммигрантских настроений в России в сочетании с резким обесцениванием рубля, потоки денежных переводов резко сократились. В 2015 году, чтобы пресечь нелегальную миграцию и усилить усилия по регулированию миграции, российское правительство ввело ряд новых жестких мер. Со второй половины 2015 года началось возвращение мигрантов в Россию. К 2020 году быстро распространяющиеся инфекционные заболевания привели к тому, что мировая экономическая деятельность практически остановилась. Отток финансовых средств из России в страны Центральной Азии резко сократился в разгар кризиса. [11] Потоки денежных переводов превысили прямые иностранные инвестиции (ПИИ), портфельные инвестиции и официальную помощь развитию (ОПР) вместе взятые, став крупнейшим источником внешнего финансирования в Центральной Азии. В 2021 году последствия эпидемии ослабли во всем мире, улучшение мировой экономической активности и резкий рост цен на энергоносители привели к усилению роста в России, что способствовало увеличению денежных переводов из страны. Как раз в тот момент, когда экономика стран Центральной Азии начала восстанавливаться после пандемии COVID-19, разразился российско-украинский конфликт, изменивший глобальный ландшафт миграции и денежных переводов. Беспрецедентный рост мировых цен на сырьевые товары и высокие мировые цены на энергоносители и продовольствие привели к крупномасштабному гуманитарному, миграционному и беженскому кризису. Удивительно, но потоки денежных переводов в Центральную Азию в результате этого не сократились, а наоборот, сохранили свой рост благодаря рекордным уровням российских денежных переводов в страны Центральной Азии. Большинство денежных переводов поступает из Российской Федерации и не было нарушено конфликтом между Россией и Украиной. Таджикистан и Кыргызская Республика лидируют среди стран региона по объему денежных переводов, составляющих 51 и 31 процент ВВП соответственно. В Узбекистане наблюдался резкий рост денежных переводов, причем объем денежных переводов из Российской Федерации увеличился почти в три раза по сравнению с предыдущим годом и составил около 21 процента ВВП. [12]

Влияние денежных переводов на страны Центральной Азии

Денежные переводы служат важной движущей силой для инвестиций, увеличения производственного потенциала

и, таким образом, стимулирования экономического развития. Миграция в Россию и денежные переводы из России в значительной степени ослабили давление на занятость в странах Центральной Азии, способствовали решению задач по сокращению бедности в менее развитых странах региона и содействовали социальной стабильности. Однако в то же время существуют и очевидные «подводные камни»: высокая зависимость от денежных переводов снижает уровень реакции государства на экономические кризисы, а когда денежные переводы обеспечивают меньший объем средств, фискальные доходы принимающих стран становятся несбалансированными, что легко может привести к росту социальной бедности и экономическому спаду. [13].

Политические последствия трудовой миграции из Центральной Азии

(i) Для стран, импортирующих мигрантов

Экономические интересы России в Центральной Азии тесно связаны с ее геополитическими интересами, и наряду с экономическими интересами она также стремится к политическим интересам в регионе с целью укрепления своего влияния в Центральной Азии. Асимметрия властных отношений между Россией и странами Центральной Азии в сфере миграции, несомненно, дает России возможность эффективно оказывать давление и реализовывать политические претензии. В международной повестке дня между Россией и Центральной Азией Россия может использовать это для укрепления своего центрального положения, корректируя свою миграционную политику и используя миграционную дипломатию, в том числе, для создания эффективного сдерживающего фактора для Центральной Азии.

1. Использование гибких дипломатических рычагов для сдерживания стран Центральной Азии. Международная миграция и эмиграция сами по себе тесно связаны с отношениями между странами, находящимися по обе стороны движения, а движение населения между Россией и странами Центральной Азии усилило взаимозависимость между странами происхождения и эмиграции. С точки зрения дипломатии соседства и межгосударственных отношений, миграция стала важным гибким рычагом регулирования межгосударственных отношений. Например, учитывая, что Таджикистан и Кыргызстан являются важными источниками иностранной рабочей силы в России, а денежные переводы – основным источником экономических доходов для этих стран, Россия часто использует проблему трудовой миграции из Таджикистана и Кыргызстана в Россию как рычаг регулирования российско-таджикских и российско-киргизских отношений. При хороших двусторонних отношениях регулирование трудовой миграции из этих стран в России происходит более мягко, вводятся нормы, упрощающие процедуры въезда; при ухудшении двусторонних отношений Россия проводит ряд целенаправленных ужесточений временных мер по усложнению миграции в Россию, в полной мере используя визовую политику для сдерживания центробежных тенденций. [14] В определенной степени это создает основу для регулирования Россией своей региональной внешней политики через миграцию. Таким образом, обеспечивается влияние России на экономику и политику стран Центральной Азии.

Намерение использовать миграцию в качестве инструмента реализации внешней политики в той или иной степени присутствует и в философиях управления миграцией некоторых евразийских стран. В контексте международного использования Россией дипломатических

инструментов управления миграцией и стратегического использования трансграничных перемещений населения в качестве средства достижения политических целей видно, что миграционная дипломатия стала для России новым полем игры для обеспечения собственных национальных интересов, становится все более интенсивной.

2. Повысить привлекательность Альянса и расширить его региональный охват. Для России процесс внутрирегионального перемещения способствует формированию и развитию возглавляемого Россией Евразийского экономического союза и реализации геополитических интересов на постсоветском пространстве.[15] Трудовая миграция является одной из важнейших форм экономической и политической интеграции в постсоветских странах, и инициатива по созданию общего рынка труда в рамках Союза и обеспечению свободного перемещения рабочей силы очень привлекательна для стран Центральной Азии и играет важную роль в стимулировании их участия в новом интеграционном процессе и расширении степени интеграции. Россия в полной мере использует привлекательность своей благоприятной миграционной политики и проводит дифференциацию между различными странами на основе их двусторонних отношений с точки зрения конкретной политики. Страны-члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС) являются основным направлением миграционной политики России и пользуются безвизовым режимом, в то время как большинство мигрантов из других стран должны оформлять визы и регистрировать свое пребывание в России. В 2015 году правительство России выпустило новые миграционные правила, приняв региональный подход к въезду и выезду иностранцев, в соответствии с которым гражданам стран СНГ, не входящих в ЕАЭС, запрещено использовать внутренний паспорт для въезда в страну, а для выезда за границу необходимо использовать заграничный паспорт. Трудовые ресурсы стран-участниц могут свободно перемещаться без получения разрешения на работу, и во многих отношениях к ним относятся как к гражданам.[16] Например, в Кыргызстане после вступления в Евразийский экономический союз в 2015 году дипломы граждан Кыргызстана признаются всеми государствами-членами союза, а трудовые мигранты пользуются теми же правами и режимом, что и местные граждане, их стаж работы учитывается в системе социального обеспечения, а их дети могут получать образование на месте. С момента создания Евразийского экономического союза число мигрантов из Кыргызстана увеличилось.

В ближайшие годы Союз также продолжит работу по созданию электронного рынка труда, упрощению процедур трудоустройства в рамках Союза и дальнейшему содействию свободному перемещению трудовых мигрантов из государств-членов. Ряд инициатив, направленных на повышение уровня интеграции в сфере миграции, повышает привлекательность Союза для остальных стран и является одним из факторов, который учитывается населением каждой страны при определении того, принесет ли вступление в Евразийский экономический союз ощутимые выгоды.

3. Укрепление национальной «мягкой силы» и продвижение русского языка. Укрепление базы «мягкой силы» в Центральной Азии – одно из ключевых направлений внешней политики России, цель которой – использовать этот ресурс для обеспечения конкурентных преимуществ в регионе. Российские эксперты считают, что трудовая миграция, как наиболее активный фактор гуманитарного сотрудничества двух сторон, является готовым инструментом «мягкой силы», и что российская сторона должна признать, что миграция – это не только

экономический ресурс, положительно влияющий на ВВП России, но и один из самых эффективных инструментов на уровне народной дипломатии, и уделять больше внимания совершенствованию миграционного законодательства и улучшению условий жизни иностранных работников, используя его как инструмент для улучшения условий их жизни, а также для развития экономики Российской Федерации.

Использование миграции для содействия распространению и развитию традиционной русской культуры в соседних регионах также является одной из стратегий укрепления «мягкой силы» страны. Российское миграционное законодательство содержит ряд требований к владению мигрантами русским языком и русской культурой: Закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Закон «Об образовании» устанавливают, что иностранные граждане, работающие в муниципальной бюджетной сфере, в розничной торговле и в сфере услуг, должны владеть «не ниже базового уровня знания русского языка».[18] С 1 января 2015 года иностранные граждане при обращении за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента обязаны подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства РФ.[19] Обязательное требование российского миграционного законодательства о принуждении мигрантов к владению русским языком несколько повысит статуса русского языка и русской культуры в странах Центральной Азии. Для выходцев из Центральной Азии, эта политика также потребует от них активного изучения русской культуры.

(ii) Для стран, принимающих мигрантов

Для стран Центральной Азии, когда сообщество мигрантов принимается во внимание как важная переменная в международных отношениях, этот инструмент может привести к доступу к финансовой и технической помощи со стороны России и к укреплению сотрудничества с ней. За последнее десятилетие Россия и страны Центральной Азии приложили немало усилий для упрощения процесса трудовой миграции в регионе: была создана широкая сеть международных операторов денежных переводов, резко сокращены комиссии, снижены тарифы, устранены другие препятствия для потока мигрантов, расширены возможности легального и безопасного перевода заработанных мигрантами денег на родину. Такая экономия средств рассматривалась как форма поддержки, оказываемой Россией менее богатым странам Центральной Азии. Более того, чрезмерная концентрация источников денежных переводов и высокая зависимость от российских переводов усилит негативное влияние российских колебаний и изменений в политике на такие страны, как Таджикистан и Украина, и сделает их более восприимчивыми к внешним потрясениям, вызванным геополитическими конфликтами, что противоречит стремлению стран Центральной Азии к независимости и самостоятельности.

Заключение

Таким образом, масштабные перемещения населения между Россией и странами Центральной Азии усилили их взаимную зависимость. Для России процесс внутрирегиональной миграции приносит экономические выгоды, помогая реализовать геополитические интересы на постсоветском пространстве, и с помощью этого гибкого рычага она может осуществлять свою уникальную миграционную дипломатию и расширять свое влияние в Центрально-Азиатском регионе. Для стран Центральной Азии денежные переводы являются важным фактором модернизации

национальной экономики и поддержания социальной стабильности, однако они также несут в себе потенциальный риск ограничений. Пока неясно, в какой степени трудовая миграция будет играть роль в центральноазиатско-российской повестке дня в будущем, но несомненно то, что миграция все больше становится важной переменной в российско-центральноазиатских отношениях.

Литература

1. Мигранты из Центральной Азии ищут новые рынки труда в Европе (2023.07.20) <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/migranty-iz-tsentralnoy-azii-ishchut-novye-rynki-truda-v-evrope/?ysclid=lm0pdilw6p258448291> (дата обращения: 2023. 08.20)
2. Лю Хунбинь. Введение в международную миграцию [М]. Пекин: Издательство Китайского народного университета общественной безопасности, 2021:57.
3. Миграционные итоги-2022 в рамках постсоветского пространства(2023.01.10) <https://e-cis.info/news/566/105968/?ysclid=lm02qevjv5807831826> (дата обращения: 2023. 07.20)
4. За I квартал 2023 года приток трудовых мигрантов в РФ вырос в 1,6раза (2023.05.10): <https://kam.business-gazeta.ru/news/592984?ysclid=lxifzn22uv824323336> (дата обращения: 2023. 07.25)
5. ЭМИСС. Въезд иностранных граждан в РФ: <https://www.fedstat.ru/?ysclid=llyru8d8oq242950658> (дата обращения: 2023. 07.20)
6. Югай Ю.В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию. Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 2. С. 206–219.
7. Уровень безработицы в России обновил исторический минимум (2023.08.04): <https://journal.sovcombank.ru/news/uroven-bezrabortitsi-v-rossii-obnovil-istoricheskii-minimum?ysclid=lxij4utofq741041598> (дата обращения: 2023. 10.20)
8. Эксперты оценили вклад трудовых мигрантов из ЦА в российскую экономику(2023.06.13): <https://www.rosmigrant.ru/press-center/news/novosti/eksperty-otsenili-vklad-trudovoykh-migrantov-iz-tsa-v-rossiyskuyu-ekonomiku/> (дата обращения: 2023. 09.20)
9. WORLD BANK GROUP. Migration and Development Brief 39, 2023.
10. Всемирный банк. <https://data.worldbank.org.cn/> (дата обращения: 2023. 07.10), оценки на 2023 год из «Migration and Development Brief 39»
11. WORLD BANK GROUP. Migration and Development Brief 35, 2021.
12. WORLD BANK GROUP. Migration and Development Brief 38, 2023.
13. Лю, Хунбин. Введение в международную миграцию [М]. Пекин: Издательство Народного университета общественной безопасности Китая, 2021:29–37.
14. Цян Сяюнь. Современные исследования в области управления евразийской миграцией [М]. Шанхай, издательство «Гэчжи», 2020:216–251.
15. Цян Сяюнь. Краткое обсуждение экономических интересов России в Центральной Азии в новый период[J]. Журнал Шанхайской школы бизнеса, 2013, 14(04):40
16. Мигранты в России: что изменилось с 1 января 2015 года(2014.12.18): <https://tass.ru/obschestvo/1648164?ysclid=lxijyu6u3975584547> (дата обращения: 2023. 07.10)
17. Чжан Мэйчжэнь. Анализ современной ситуации трудовой миграции из Центральной Азии и ее проблем в России[J]. Siberian Studies,2014,41(06):52–57.

18. Информация для граждан. О необходимости знания русского языка и истории России иностранными гражданами.(2019.04.10): <https://xn-80afebpdhgdvb-1bp.23.xn-b1aew.xn-p1ai/news/item/16499667/> (дата обращения: 2023. 06.20)

THE INFLUENCE OF THE LABOR MIGRATION FACTOR ON RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

Wu Lan

Master Lanzhou University

According to World Bank statistics, remittances have become an important component of external financing for developing countries. In the case of Central Asian countries, for example, due to differences in labour market conditions and economic structures, Central Asian labour migrants have been flowing to Russia and have rapidly become a force to be reckoned with, exerting increasing influence in international politics and gradually becoming linked to Russia's diplomatic behaviour. The strong dependence of Central Asian labour migrants on Russia determines the possibility of expanding the influence of migrants in Russia's diplomatic strategy towards Central Asian countries in the future, and migration policy may become a new and important variable affecting Central Asian-Russian relations in the future, and a bargaining chip in the interstate game. The aim of this paper is to analyse the political utility of Central Asian migration in the process of constructing international relations by studying the economic interdependence between Central Asian countries and Russia.

Keywords: labour migration from Central Asia; migration diplomacy; economic utility; political influence.

References

1. Central Asian migrants seek new labour markets in Europe (2023.07.20) <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/migranty-iz-tsentralnoy-azii-ishchut-novye-rynki-truda-v-evrope/?ysclid=lm0pdilw6p258448291> (date of access: 2023. 08.20)
2. Liu Hongbin. Introduction to international migration [M]. Beijing: Chinese People's Public Security University Press,2021:57.
3. Migration Outcomes-2022 within the post-Soviet space(2023.01.10): <https://e-cis.info/news/566/105968/?ysclid=lm02qevjv5807831826> (date of access: 2023. 07.20)
4. In the first quarter of 2023, the inflow of labour migrants to Russia increased 1.6 times(2023.05.10): <https://kam.business-gazeta.ru/news/592984?ysclid=lxifzn22uv824323336> (date of access: 2023. 07.25)
5. EMISS. Entry of foreign citizens into the Russian Federation: <https://www.fedstat.ru/?ysclid=llyru8d8oq242950658> (date of access: 2023. 07.20)
6. Yugai Y.V. Labour migration from Central Asian countries to Russia. Post-Soviet Studies. 2022. Т. 5, № 2. С. 206–219.
7. The unemployment rate in Russia has renewed the historical minimum (2023.08.04): <https://journal.sovcombank.ru/news/uroven-bezrabortitsi-v-rossii-obnovil-istoricheskii-minimum?ysclid=lxij4utofq741041598> (date of access: 2023. 10.20)
8. Experts assessed the contribution of labour migrants from Central Asia to the Russian economy(2023.06.13): <https://www.rosmigrant.ru/press-center/news/novosti/eksperty-otsenili-vklad-trudovoykh-migrantov-iz-tsa-v-rossiyskuyu-ekonomiku/> (date of access: 2023. 09.20)
9. WORLD BANK GROUP. Migration and Development Brief 39, 2023.
10. World bank. <https://data.worldbank.org.cn/> (date of access: 2023. 07.10), estimates for 2023 from “Migration and Development Brief 39”
11. WORLD BANK GROUP. Migration and Development Brief 35, 2021.
12. WORLD BANK GROUP. Migration and Development Brief 38, 2023.
13. Liu, Hongbin. Introduction to international migration [M]. Beijing: Publishing House of the People's University of Public Security of China, 2021:29–37.
14. Qiang Xiaoyun. Current Research on Eurasian Migration Governance [M]. Shanghai, Gezhi Publishing House,2020:216–251.

15. Qiang Xiaoyun. A brief discussion on Russia's economic interests in Central Asia in the new period[J]. Journal of Shanghai Business School, 2013, 14(04):40
16. Migrants in Russia: what has changed since 1 January 2015(2014.12.18): <https://tass.ru/obschestvo/1648164?ysclid=lxijyyh6u3975584547> (date of access:2023. 07.10)
17. Zhang Meizhen. Analysis of the current situation of labour migration from Central Asia and its problems in Russia[J]. Siberian Studies,2014,41(06):52–57.
18. Information for citizens. On the necessity of knowledge of Russian language and history of Russia by foreign citizens. (2019.04.10): <https://xn-80afebpdhgdvb1bp.23.xn - b1aew.xn - p1ai/news/item/16499667/> (date of access:2023. 06.20)

Преимущества создания кэптивных ИТ-компаний в крупных российских холдингах и корпорациях

Кедров Никита Александрович,

аспирант кафедры «Экономика и организация производства»
МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: kedrovanikiti@yandex.ru

В статье проводится анализ современных тенденций развития кэптивных ИТ-компаний в России в условиях цифровой трансформации бизнеса и на фоне ухода с российского рынка ключевых западных вендоров в сфере ИТ. Рассматриваются ключевые этапы и причины роста инсорсинга ИТ-услуг, акцентируется внимание на импортозамещении и интеграции новых российских продуктов в существующую инфраструктуру холдинговых компаний. Также проводится сравнительный анализ западной и восточной моделей взаимодействия бизнеса и ИТ. Статья подчеркивает стратегическое значение кэптивных ИТ-структур для обеспечения стабильности и непрерывности бизнеса, а также их влияние на развитие российского ИТ-рынка в целом.

Ключевые слова: инсорсинг, аутсорсинг, информационные технологии, управление бизнесом, цифровая трансформация, инновации, российский рынок, глобализация, ИТ-стратегии, экономические тренды.

Цифровая трансформация бизнеса сегодня диктует новые требования к компаниям в сфере информационных технологий. Если еще несколько лет назад цифровизация бизнеса предполагала реализацию крупномасштабных инвестиционных проектов в сфере ИТ и оцифровку ключевых бизнес-процессов для повышения конкурентных преимуществ компании, то сегодня цифровая трансформация – это обязательное условие существования бизнеса, основными приоритетами которой являются задачи по обеспечению непрерывности, безопасности и суверенитета. С уходом западных вендоров приоритетными для российского бизнеса становятся тактические задачи по импортозамещению и интеграции новых российских продуктов в существующую технологическую инфраструктуру. Иммунитет и жизнеспособность компании сегодня важнее, чем глобальные конкурентные преимущества единичного стратегического ИТ-проекта. Именно по этой причине сохраняется тенденция создания внутренних ИТ-компаний в контуре крупных промышленных холдингов и корпораций: задачи по наращиванию технологического суверенитета, поддержанию информационной безопасности и непрерывности бизнеса передают внутренним ИТ-экспертам в так называемых кэптивных компаниях, основным направлением которых является разработка ПО для оцифровки и оптимизации бизнес-процессов. Для российского рынка пока нет сложившегося единого термина для этого явления. ИТ-спутники бизнеса называют инсорсинговыми, кэптивными компаниями, дочерними зависимыми обществами (ДЗО) в холдинговых структурах. Тем не менее, доля таких компаний составляет сопоставимые показатели с основным рынком ИТ. На рисунке 1 представлена диаграмма с долей российских дочерних ИТ-компаний в общей выручке разных сфер за 2022 год. Также, на рисунке 2 изображен объем российского рынка ИТ-услуг за 2020–2022 гг. [8].

Суммарная выручка таких компаний демонстрирует стабильную динамику роста – и в 2022 году это уже 708 млрд рублей, что практически сопоставимо с показателями рынка ИТ-услуг по разработке ПО в том же 2022 году – 582 млрд рублей. Сегодня кэптивные компании – это второй параллельный рынок со своими особенностями, правилами взаимодействия с материнскими компаниями, методиками ценообразования, со своим менталитетом и подходом к разработке программного обеспечения. Очевидно, что такие компании оказывают серьезное влияние на конъюнктуру рынка ИТ в целом и задают тренд в его развитии [6].

Кэптив (captive, в переводе с английского «пленник»), или кэптивная компания – компания, принадлежащая материнской структуре (часто какой-либо финансово-промышленной группе, холдингу или концерну), и обслуживающая только её бизнес. Иными словами, это предприятие, основной функцией которого является обеспечение потребностей другого предприятия. Кэптивные центры представляют собой внутренние подразделения компании, специализирующиеся на определенных видах деятельности, в данном случае – в области информационных технологий. Выручка от кэптивных центров составляет значительную часть общей выручки ма-

теринских компаний, что подчеркивает их значимость и эффективность в качестве стратегического ресурса. В бизнесе подобный термин чаще используют для страхового и финансового сектора, однако, с учетом роста доли присутствия на рынке, справедливо его употребление и для сферы ИТ-разработки. Таким образом, кэптив-

ная компания, в контексте информационных технологий, представляет собой внутреннее подразделение организации, специализирующееся на предоставлении определенных ИТ-услуг. Это может быть центр разработки программного обеспечения, поддержки информационных систем, аналитический центр данных и т.д. [2].

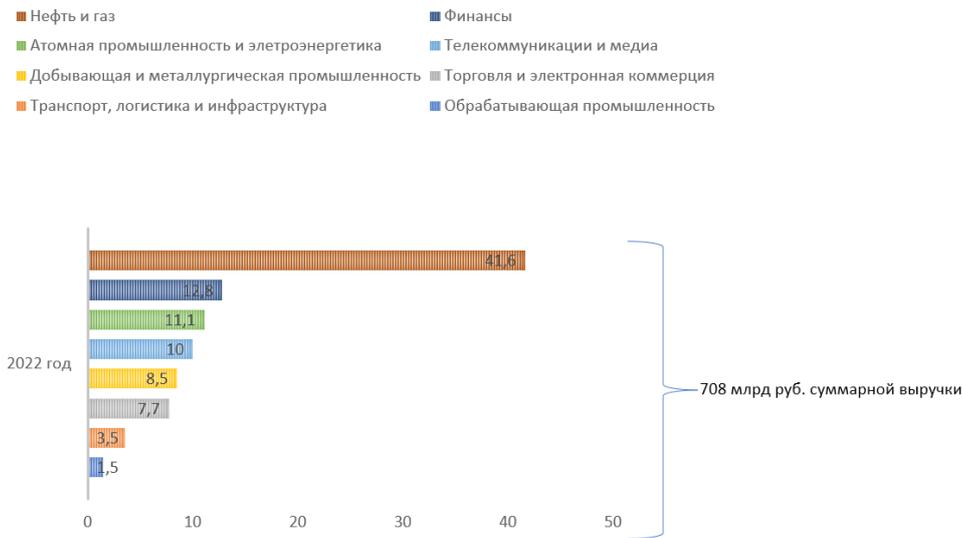

Рис. 1. Доля российских дочерних ИТ-компаний в общей выручке холдингов ключевых отраслей за 2022 год, %

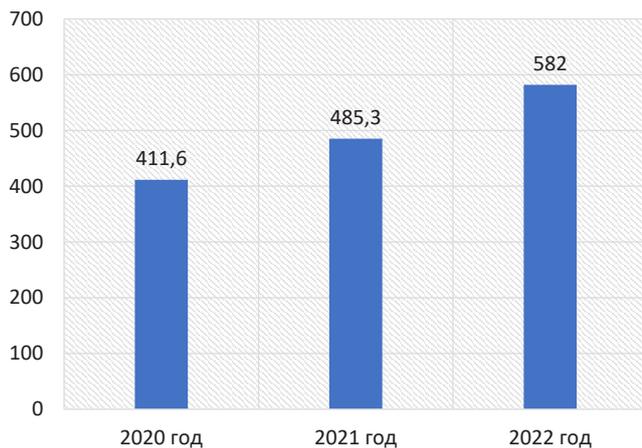

Рис. 2. Объем российского рынка ИТ-услуг, млрд руб.

За последние два года с огромной скоростью появляются все новые и новые кэптивные ИТ компании. Еще в 2022 году было зарегистрировано около 150 инсорсинговых и аутсорсинговых компаний в сфере ИТ. По состоянию на середину 2023 года их число увеличилось до 250 для почти 90 материнских компаний: в основном в секторе нефтегаза, финансов, телеком. На рисунке 3 изображены диаграммы распределения кэптивных ИТ-компаний по отраслям холдинга.

Ежегодный прирост таких компаний составляет порядка 25–30 новых брендов. В основном заказчиками собственной экспертизы в сфере ИТ выступают крупные промышленные предприятия ТЭК, финансов и телеком, однако в 2022–2023 гг. появилось большое количество кэптивных ИТ-компаний в сегменте торговли и электронной коммерции, транспорта. Например, в 2022–2023 гг. появились новые компании: ООО «Абрау-ИТ» (октябрь 2022 г.), ООО «Лера Мерлен цифровые технологии» (октябрь 2022 г.), ООО «Ашан Тех» (октябрь 2022 г.), ООО «ЮТэйр – ИТ» (март 2023 г.), ООО «Спортмастер Лаб» (2023 г.) [6].

Тенденция создания собственной ИТ-экспертизы при материнской компании зародилась в России еще в нача-

ле 2000-х годов – и укрепилась сегодня в новых экономических реалиях в условиях санкций. Таким образом, российский рынок ИТ сегодня меняет вектор развития и уходит от западной модели, где приоритетным решением в целях увеличения эффективности ИТ все еще является аутсорсинговая модель, в основу которой положены стандартизированные унифицированные решения крупных вендоров, таких, как IBM, SAP, HP, ORACLE. Зарождение такого подхода, когда бизнес передает часть непрофильного функционала внешним исполнителям, относят к концу 20 столетия, он совпал с подъемом в мировой и европейской экономике. Освоение новых рынков и территорий, сделки по слияниям и поглощениям, увеличение штата сотрудников, изменение, усложнение организационной структуры выдвигали новые требования к инфраструктуре информационных технологий и телекоммуникаций. Многие корпорации в этот период приходят к решению о передаче непрофильной ИТ-функции сторонним профессионалам по аутсорсинговой модели. Поддерживать качество услуг ИТ внутри компании стало неэффективно. Кроме этого, необходимы были унифицированные решения для органичной и быстрой адаптации в условиях сделок по слиянию и поглощению, территориальной разветвленности. Ярким примером и родоначальником аутсорсинговой схемы считают сделку Eastman Kodak с IBM в 1989 году. Компьютерному гиганту было поручено спроектировать, построить и управлять дата-центром от имени Kodak. Успешность такого масштабного проекта заставила многие корпорации пересмотреть свой подход к управлению непрофильными ИТ-активами, IBM стала доминирующим поставщиком ИТ-услуг. В итоге, западные компании, такие, как IBM и другие, инициировали волну аутсорсинга в прошлом, стремясь передать всю ИТ-инфраструктуру одному вендору. Крупные западные корпорации и сегодня в большей степени опираются на модель аутсорсинга, нежели инсорсинга. В значительной степени это объясняется их глобальным присутствием и готовностью крупных разработчиков уровня SAP или Oracle фокусироваться на решении их специальных задач. Тем не менее некоторые

зарубежные корпорации также создают инсорсинговые цифровые и ИТ-структуры: Nestle Information Technology (США), Volkswagen Group IT Solutions GmbH (Германия), Kongsberg Digital AS (Норвегия), Inspire Digital Services LLC (США), Caterpillar Digital Services & Solutions SARL (Швейцария), GE Digital (США). Кроме того, с те-

чением времени подход к аутсорсингу стал меняться. Теперь компании предпочитают более гибкие модели, сокращая длительность контрактов и сегментируя услуги между несколькими поставщиками, что позволяет им обеспечить более избирательный подход к выбору партнеров [5], [4].

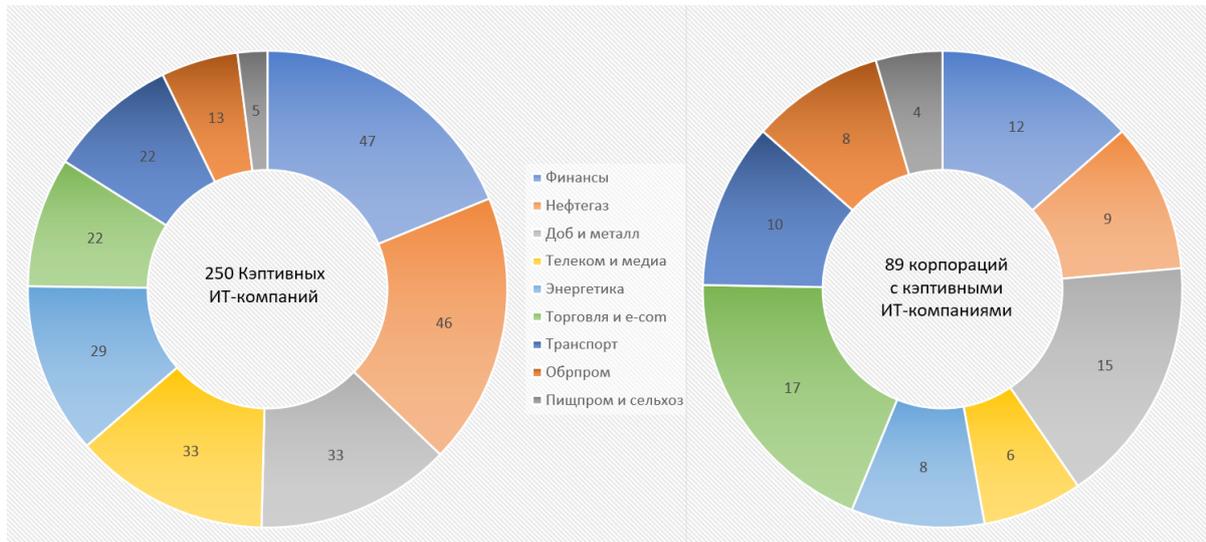

Рис. 3. Кэптивные ИТ-компании: распределение по отраслям холдинга

Восточная модель взаимодействия бизнеса и ИТ отличается от модели Запада и США, компании исторически активно развивают кэптивные центры компетенции, которые становятся успешными дополнениями к основному бизнесу. В Китае, например, нет интеграторов: все ИТ сосредоточено вокруг основного бизнеса. Очень крупный рынок дочерних ИТ компаний и в Индии, который развивался сначала по западной модели, когда крупные вендоры реализовывали типовые проекты для бизнеса, но сейчас перестраивается, растет число инсорсинговых кэптивных компаний, основной задачей которых являются проекты по импортозамещению.

Эволюция подходов к аутсорсингу и инсорсингу в сфере информационных технологий на Западе и Востоке представляет интересную динамику – и в результате трансформаций Россия сейчас движется в сторону восточной культуры, когда центр компетенции находится в контуре компании с точки зрения обеспечения надежности, безопасности и наращивания внутренней экспертизы. Приведенные данные статистики роста и масштабов кэптивных компаний в России за последнее десятилетие подтверждают эту тенденцию, однако среди экспертов, владельцев бизнеса и игроков на рынке ИТ не утихают споры по поводу эффективности дочерних ИТ-структур с точки зрения мобильности, маргинальности, лояльности, соответствия требованиям и правилам рынка, оптимальности по сравнению с вендорными аутсорсинговыми продуктами [1].

Рассмотрим преимущества создания дочерних ИТ-компаний по сравнению с аутсорсингом.

1. Информационная безопасность. Контроль за утечкой информации. Защита своих активов.
2. Мобильность. Приоритезация, гибкость в принятии ИТ-решений.
3. Общее целеполагание.
4. Сосредоточение ИТ-экспертизы в одном месте, в одной компании.
5. Наращивание автономной от западных игроков ИТ-экспертизы на российском рынке.
6. Низкая маржа.

7. Повышение привлекательности для ИТ-специалистов и снижение их оттока из России [9].

Принимая во внимание основные приоритеты развития информационных технологий сегодня с учетом особенностей российского рынка, прежде всего стоит отметить, что кэптивные ИТ-компании являются экспертным гарантом информационной безопасности для материнских холдингов. Сегодня защита информации является одним из приоритетов бизнеса в России. Во-первых, уход западных производителей и остановка официальной технической поддержки продуктов (оборудования и программного обеспечения) сделали ИТ-инфраструктуру бизнеса более уязвимой с точки зрения информационной безопасности. Кроме этого, кратно увеличилось число атак на инфраструктуру российских компаний и инцидентов, связанных с кибербезопасностью. Отдельно стоит выделить новые типы угроз, а именно угрозы, связанные с повсеместным использованием продуктов с открытым исходным кодом. Увеличилось число атак, связанных с встраиванием вредоносного кода в веб и обновления ПО. DDOS-атаки тоже участились. Сместился и фокус атак: если раньше мишенью становились крупные компании, а главной целью было получить материальную выгоду, то сейчас атакам подвергается вся российская ИТ-инфраструктура. Выбираются компании и сегменты, в которых кибератака могла бы принести значительный, и, главное, очевидный для общества ущерб: прежде всего, речь о промышленных и государственных информационных системах, СМИ, ретейле [7].

В изменившихся условиях тесное взаимодействие бизнеса с внешним провайдером-контрагентом на условиях аутсорсинга, необходимость предоставления доступа к ИТ-инфраструктуре, базам данных, информационным системам – являются дополнительным риском. Именно поэтому возможность реализации цифровых инициатив внутренними ресурсами, в контуре основного бизнеса, является гарантом безопасности и конфиденциальности. Таким образом, при создании кэптивных ИТ-компаний в крупных российских холдингах и корпорациях контроль за утечкой информации становится более прозрачным и управляемым, а плановые меропр-

ятия по поддержанию, обеспечению информационной безопасности позволяют реализовать комплексный подход к формированию информационного суверенитета.

Сквозные для дочерней и материнской компаний меры по обеспечению информационной безопасности и предотвращению кибер-атак:

- общие с основным бизнесом приоритеты, единое целеполагание, сквозные политики и правила;
- возможность реализации строгих прав доступа и аутентификации, мониторинга действий пользователей в реальном времени в целях выявления предотвращения несанкционированного доступа к информации;
- использование шифрования данных и технологий мониторинга сетевого трафика как дополнительный уровень защиты;
- регулярное резервное копирование данных и использование технологий восстановления после сбоев для минимизации рисков потери информации и обеспечения бесперебойной работы бизнеса;
- мониторинг действий нелояльных компании сотрудников или отслеживание внутренних хакерских атак;
- разработка сквозных с материнской компанией политик безопасности, проведение регулярного аудита безопасности, обучение сотрудников и приоритетное реагирование на инциденты.

Таким образом, реализация ИТ-проектов силами внутренних экспертов в структуре основного бизнеса позволяет сохранить конфиденциальность данных, обеспечить их целостность и доступность, защитить от внешних угроз, повысить конкурентоспособность и независимость [3].

Не менее важно для кэптивных ИТ-компаний выполнять не только поддерживающие функции, но и быть источником развития, мобильно адаптироваться к задачам бизнеса, корректно расставлять приоритеты и проявлять гибкость в принятии ИТ-решений. Современный бизнес, особенно серьезные игроки рынка в виде холдинговых предприятий и лидеров отрасли, планируют свою деятельность на несколько лет вперед в рамках долгосрочных стратегий, в том числе, стратегий по цифровой трансформации. При этом, влияние внешних и внутренних факторов зачастую заставляют компании менять приоритеты, в том числе, в рамках реализации ИТ-проектов, когда по запросу пользователей необходимо оперативно доработать систему, заморозить масштабный проект, потому что не получены необходимые инвестиции; внести корректировку в этапы и очередность разработки программного продукта, предложить альтернативный продукт в рамках программы по импортозамещению или создать новый модуль для уже работающей информационной системы. Для бизнеса это влечет за собой необходимость проведения ряда бюрократических регламентных мероприятий по защите проекта на внутренних комитетах, корректировке бюджета, изменения технического задания, оперативного проведения закупочных процедур по выбору внешнего поставщика услуг разработки, подписания договора. Это может занимать несколько месяцев.

В таких условиях необходимы собственные ресурсы, которые способны мобильно и гибко скорректировать приоритеты и быстро адаптировать команду под новые тактические задачи. В этой ситуации наличие собственного центра компетенции обеспечивает значительное преимущество, дочерние структуры имеют большую гибкость и меньше формальностей, могут быстро мобилизовать свои ресурсы для решения новых задач бизнеса, они не зависят от длительных тендерных процедур или сложных закупочных процессов при выборе аутсорсера.

Это позволяет существенно сократить время, затрачиваемое на разработку и внедрение новых решений, что в свою очередь, способствует более быстрой реализации бизнес-задач. Таким образом, кэптивная компания может служить гарантией стабильности и непрерывности обслуживания для материнской компании. В случае изменений на внешнем рынке или необходимости быстрого реагирования на изменения внутри организации, кэптивная компания может быть лучшим решением, чем поиск внешних поставщиков, поскольку она уже знакома с бизнес-процессами и требованиями материнской компании.

Еще одним немаловажным аспектом быстроты и эффективности реализации проектов силами кэптивных ИТ-компаний является их глубокое понимание потребностей бизнеса, целей и культуры материнской компании. Дочерние ИТ-структуры обладают уникальным знанием о бизнес-процессах, целях и стратегических задачах компании. Это позволяет им правильно расставлять приоритеты, эффективно реагировать на изменения внешней среды и оперативно выполнять поставленные задачи без необходимости обучения и адаптации внешних исполнителей. Сегодня одним из инструментов контроля эффективности хозяйственной деятельности дочерних зависимых обществ является единое с материнской компанией целеполагание и единые стратегические задачи, KPI и KPE всех участников холдинговых структур каскадируются от бизнеса на дочерние компании. Правильно выстроенная система и корректные метрики оценки показывают свою эффективность.

Сквозные с материнским бизнесом процессы и дополнительные элементы контроля позволяют и дочернему, и основному бизнесу развиваться органично и системно, однако важно понимать, что кэптивные ИТ-структуры – это уже не внутреннее подразделение холдинга, это самостоятельные бизнес-единицы со своей спецификой. И эта автономность также является дополнительным преимуществом для достижения общих с материнской компанией бизнес-задач. Сосредоточение ИТ-экспертизы в одном месте, в одной компании позволяет максимально сконцентрироваться на реализации ИТ-стратегии и создавать уникальные отраслевые ИТ-продукты, аналогов которым зачастую нет на мировом рынке. На ранних этапах становления и развития рынка внутренних дочерних ИТ-структур в России такие компании создавались в основном в целях вывода непрофильных активов для повышения эффективности основного бизнеса. Первые кэптивные компании – это бывшие ИТ-подразделения, основной задачей которых являлись сервисная поддержка: обслуживание ИТ-инфраструктуры, техническая поддержка информационных систем и пользователей, единичные проекты по внедрению ИТ-продуктов. Новые приоритеты и цели цифровой трансформации меняют классическое представление об ИТ-подразделении. Сегодня из поддерживающего подразделения кэптивные ИТ-компании превратились в источник развития и роста бизнеса, они неразрывно интегрированы с бизнесом, участвуют в создании новых бизнес-моделей, являются инициаторами изменений, при этом полностью отвечают за качество разрабатываемых продуктов и их жизнеспособность внутри инфраструктуры. Кэптивная компания представляет собой центр экспертизы в своей области. Ее специалисты знакомы с уникальными потребностями бизнеса материнской компании и могут разработать и реализовать решения, которые идеально подходят под эти потребности. Это обеспечивает высокий уровень качества и надежности предоставляемых услуг. Такие компании – это мозг основного бизнеса, единый центр компетенции и уни-

кальной экспертизы. Кроме того, дочерние предприятия сегодня – это не просто источник производственных (человеческих) ресурсов в лице разработчиков, аналитиков, тестировщиков и дизайнеров, – в последние два года компании начали более осознанно подходить к выбору менеджмента: руководители таких компаний – это уникальные профессионалы, которые способны удачно интегрировать деятельность проектных команд в основной бизнес и связать задачи проекта с бизнес-задачами материнской компании. Менеджеры детально анализируют потребности материнской компании-заказчика и принимают решение, какие цифровые продукты оправданно писать «с нуля» с учетом специфики бизнеса, а какие готовые разработки конкурентов и партнеров отрасли проще и эффективнее кастомизировать под собственные задачи, а не тратить годы на написание собственного аналога. Такие специалисты очень рационально используют ресурсы материнской компании, активно отслеживают тенденции, анализируют рынок, принимают оптимальные решения по вопросам импортозамещения, взвешивают, превентивно оценивают и минимизируют риски, связанные с подготовкой ИТ-платформ при переходе на новые решения. Разрабатываются метрики и стандарты для урегулирования вопросов взаимодействия головной и дочерней компаний. Обосновать экономическую целесообразность цифровых инициатив, в обозначенные сроки получить качественный программный продукт, успешно интегрировать разработку в существующие бизнес-процессы, не нарушить бюджетные ограничения, обосновать рыночное ценообразование и трудозатраты на проект, обеспечить прозрачную приемку и своевременное корректное документальное сопровождение возмездной сделки – все эти задачи требуют от менеджмента кэптивной компании наличия экспертизы и прозрачных и регламентированных механизмов, инструментов, критериев и схем взаимодействия [3].

В результате детальной проработки и экспертного понимания бизнес-задач материнской компании появляются интересные уникальные отраслевые решения, не имеющие аналогов и являющиеся гарантией автономности от западных коробочных решений.

Важной особенностью существования подобных ИТ-спутников, при этом, как ни странно, является низкая маржа от реализации проектов. Для компании-заказчика внутренняя разработка стоит дешевле, чем приобретение этих услуг на внешнем рынке. Кэптивные компании работают с минимальной маржой 3–5%, тогда как аутсорсинговые компании могут закладывать и 50, и 100%.

Отдельно стоит обозначить значимость и преимущества кэптивных компании не только для компаний-заказчиков, но и для рынка в целом. Наличие таких центров ИТ-компетенций положительно влияет на повышение привлекательности для ИТ-специалистов и снижение их оттока из России. Внедрение ИТ-технологий во все сферы бизнеса продолжает создавать спрос на продукты ИТ-компаний. Эта тенденция получила наибольшее развитие в период пандемии COVID-19 в 2020–2021 годы, которая привела к увеличению общего числа и вариантов использования ИТ-решений. При этом рынок труда в ИТ-сфере проходит переходный период, и на текущий момент существует серьезный кадровый дефицит, вызванный снижением численности разработчиков ПО в результате двух волн миграции ИТ-специалистов.

Ключевые факторы, ограничивающие развитие кадрового потенциала в сфере ИТ:

- дефицит профессиональных кадров среди разработчиков, аналитиков, методологов на рынке;

- отток кадров за пределы РФ.

В августе прошлого года М.И. Шадаев, министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России, оценивал дефицит ИТ-разработчиков в России примерно в 500–700 тыс. человек, которые нужны для поддержания высокого темпа развития отрасли. В мае 2024 года генеральный директор АНО «Цифровая экономика» Сергей Плуготаренко отмечал, что нехватка ИТ-специалистов на ближайшие несколько лет в России при текущих трендах может составить до одного миллиона человек [6], [9].

Присутствие инсорсинговых ИТ-компаний на рынке труда под брендом крупнейших холдинговых структур в нефтегазовом, финансовом секторах экономики является дополнительным фактором для привлечения ИТ-специалистов в отрасль, стимуляции их профессионального развития и роста компетенций. Такие рабочие места являются наиболее привлекательными для ИТ-специалистов по нескольким причинам:

- стабильность с точки зрения обеспечения заказами на разработку ПО от материнской компании;
- бренд основного заказчика – материнской компании;
- выгодное ценностное предложение работодателя (уровень заработной платы, расширенный социальный пакет, современные оснащенные офисы, льготные условия кредитования и ипотеки и т.д.);
- автономные от материнской компании бизнес-процессы, позволяющие быстро и комфортно решать проектные задачи;
- наличие компетенций и сосредоточение ИТ-экспертизы;
- культура и менталитет современной ИТ-компаний [6], [10].

Таким образом, очевидно, что кэптивные компании представляют собой ценный актив для материнской компании, обеспечивая высокий уровень экспертизы, стабильность и надежность в предоставлении ИТ-услуг, эффективное использование ресурсов. При этом, такие ИТ-спутники при крупном бизнесе – это новый тренд на рынке ИТ-разработки, а значит создаются особые условия для конкурентной борьбы, разрабатываются и применяются новые методики ценообразования, формируются новые правила взаимодействия и с бизнесом, и с внешними ИТ-партнерами, и с другими отраслевыми участниками. Новые игроки на рынке ИТ-разработки создают особый тренд для развития отрасли, однако новизна и специфика таких компаний, связанная с наличием единственного заказчика в виде головной компании, их закрытость и обособленность свидетельствуют о необходимости экспертного анализа их деятельности, масштабов присутствия, условий рыночного взаимодействия со всеми участниками, их влияния на экономику в целом. Новый параллельный рынок в сфере ИТ-разработки – уникальное экономическое явление, представляющее интерес для экспертов, аналитиков, владельцев бизнеса.

Литература

1. Артиков Т.Ф. Системные особенности формирования холдингов в российской экономике // Инновации и инвестиции. 2021. С. 159–161.
2. Быдтаева Э.Е. Проблемы обеспечения прозрачности в системе управления дочерними и зависимыми компаниями // Вестник Университета: Развитие отраслевого и регионального управления. 2015. С. 5–11.

3. Забоев А.А. О понятиях «Холдинг», «Холдинговая компания». Правовые основы холдинговых отношений // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2009. С. 43–48.
4. Лагунова А. Д., Сапунова Е.В. Инсорсинг в ИТ-индустрии и архитектуре организаций: характеристика и классификация // Научно-практический электронный журнал. 2021. С. 126.
5. Насибова М.Д. Дочерние хозяйственные общества в составе холдинговых структур // Актуальные проблемы российского права. 2015. С. 78–81.
6. Панфилова Е.Е. Методы и инструменты повышения доходности бизнеса в холдинговых структурах // Московский экономический журнал. 2022. С. 496–502.
7. Сметанкина Ю.А. Особенности взаимодействия органов управления в холдинге // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. С. 3.
8. Татулян А.К. Руководство дочерними организациями: механизмы корпоративного управления в группе компаний // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. С. 65–68.
9. Шпакова А.Н. Проблемы создания и управления компаниями с холдинговой структурой // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. С. 194–196.
10. Фахриева А.А. Система корпоративных отношений в холдинговых структурах // Вестник магистратуры. 2015. С. 63–64.

ADVANTAGES OF CREATING CAPTIVE IT-COMPANIES IN LARGE RUSSIAN HOLDINGS AND CORPORATIONS

Kedrov N.A.

Bauman Moscow State Technical University

The article analyzes current trends in the development of captive IT companies in Russia amid the digital transformation of business and the withdrawal of key Western vendors from the Russian IT market. It examines the key stages and reasons for the growth of IT ser-

vice insourcing, emphasizing import substitution and the integration of new Russian products into the existing infrastructure of holding companies. It also offers a comparative analysis of Western and Eastern models of business-IT interaction. The article underscores the strategic importance of captive IT structures in ensuring business stability and continuity, as well as their impact on the development of the Russian IT market as a whole.

Keywords: insourcing, outsourcing, information technology, business management, digital transformation, innovation, Russian market, globalization, it-strategies, economic trends.

References

1. Artikov T.F. Systemic Features of Forming Holdings in the Russian Economy // Innovations and Investments. 2021. P. 159–161.
2. Bytbaeva E.E. Problems of Ensuring Transparency in the Management System of Subsidiary and Affiliated Companies // University Bulletin: Development of Sectoral and Regional Management. 2015. P. 5–11.
3. Zabojev A.A. On the Concepts of “Holding” and “Holding Company”. Legal Foundations of Holding Relations // Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2009. P. 43–48.
4. Lagunova A.D., Sapunova E.V. Insourcing in the IT Industry and Organization Architecture: Characteristics and Classification // Scientific and Practical Electronic Journal. 2021. P. 126.
5. Nasibova M.D. Subsidiary Enterprises in Holding Structures // Current Problems of Russian Law. 2015. P. 78–81.
6. Panfilova E.E. Methods and Tools for Increasing Business Profitability in Holding Structures // Moscow Economic Journal. 2022. P. 496–502.
7. Smetankina Yu.A. Features of Interaction of Management Bodies in a Holding // Problems of Economics and Legal Practice. 2007. P. 3.
8. Tatulyan A.K. Management of Subsidiaries: Corporate Governance Mechanisms in a Group of Companies // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2016. P. 65–68.
9. Shpakova A.N. Problems of Creating and Managing Companies with a Holding Structure // Economics and Business: Theory and Practice. 2021. P. 194–196.
10. Fakhrieva A.A. System of Corporate Relations in Holding Structures // Bulletin of the Magistracy. 2015. P. 63–64.

Образ преподавателя в представлении современных студентов: сравнительный анализ

Логвинова Ольга Константиновна,

к.п.н., доцент кафедры зарубежной и русской филологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
E-mail: olga-gg@yandex.ru

Иванова Галина Павловна,

д.п.н., профессор кафедры начального образования
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»
E-mail: ivgp@mail.ru

Марченко Алла Александровна,

к.п.н., доцент кафедры начального образования ФГАОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
E-mail: geoalla@bk.ru

В статье представлены результаты сравнительного анализа представлений студентов младших курсов разных направлений подготовки об идеальном преподавателе высшего учебного заведения. В ходе эмпирического исследования использовались опросные методы (анонимное анкетирование и индивидуальное фокусированное интервью), а также метод контент-анализа для обработки открытых ответов респондентов. Выборка включала 320 студентов 1–2 курсов из 8 вузов РФ. Проведенное исследование показало, что, вне зависимости от направления подготовки, нравственные качества преподавателя, его отношение к учащимся, коллегам, стили поведения и общения не менее важны, чем широкая эрудиция, глубокие знания в предметной области, методическое мастерство.

В статье обсуждаются возможности использования полученных данных в процессе психолого-педагогической подготовки будущих преподавателей высшей школы. Результаты исследования представляют научный и педагогический интерес и могут быть использованы на курсах «Педагогика и психология высшей школы», «Педагогика высшей школы» «Методика преподавания в высшей школе».

Ключевые слова: образ преподавателя высшей школы, идеальный преподаватель, оценка преподавателей студентами, педагогика высшей школы.

Введение

Высшее образование как социальный институт является одним из важных инструментов экономического и социокультурного развития современного общества. Перед высшей школой стоит задача не только качественного профессионального обучения, но и формирования личности, способной к самоопределению, саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации в стремительно меняющемся мире. Роль преподавателя трансформируется, становится более многогранной и многоаспектной, существенно возрастают требования к уровню его профессиональной компетентности. Усиливается внимание к проблеме оценки качества деятельности преподавателя, очевидна тенденция к распространению практики оценивания преподавателей студентами. В некоторых вузах система оценивания преподавателей студентами существует уже длительное время, есть примеры использования полученных данных при формировании рейтинга преподавателя [1]. В связи с этим, значительный интерес вызывают результаты научного анализа представлений современного поколения студентов об идеальном преподавателе, их ожиданий относительно учебного процесса и роли педагогов. В последние годы возросло количество исследований в рамках данной проблематики, изучаются мнения и ожидания студентов разных направлений подготовки/специальностей и разных уровней высшего образования [7; 8; 10], в ряде работ проводится сравнительный анализ представлений студентов и преподавателей [6; 12; 13]. Авторы отмечают динамику представлений и определенные различия в предпочтениях студентов младших и старших курсов [4; 15]. Вместе с тем, анализ опубликованных результатов не позволяет сделать однозначный вывод о наличии или отсутствии значительных отличий в образе идеального преподавателя среди студентов разных направлений и специальностей. Таким образом, представляется востребованным изучение в сравнительном аспекте представлений студентов разных направлений и специальностей об идеальном преподавателе высшего учебного заведения. Актуальным также остается вопрос об эффективном использовании полученных исследователями данных в процессе психолого-педагогической подготовки будущих преподавателей высшей школы.

Методы и описание выборки исследования

В процессе исследования использовался комплекс теоретических и эмпирических методов. Осуществлялся анализ научной литературы, сравнительный анализ и обобщение опубликованных результатов современных исследований по рассматриваемой проблеме. Использовались опросные методы, в частности, анонимное анкетирование с помощью онлайн-сервиса Google Forms. Для уточнения полученных данных проводилась серия индивидуальных фокусированных интервью. Метод контент-анализа применялся для обработки ответов респондентов на открытые вопросы.

В исследовании приняли участие 320 студентов 1–2 курсов из 8 вузов РФ (МГППУ, ГУП, МПГУ, МГПУ, РУДН им. Патриса Лумумбы, МГУ им. Н.П. Огарева, РУТ МИ-

ИТ, РГУ им. А.Н. Косыгина). Участники исследования были разделены на 2 группы. В первую группу (*далее в статье – Группа 1*) вошли студенты, обучающиеся по специальностям психолого-педагогической направленности, чьи будущие профессии относятся к типу «человек-человек» (учитель, педагог-психолог, психолог, менеджер в сфере образования). Выборка составила 150 студентов, из них 136 девушек и 14 юношей, средний возраст – 19 лет. Вторая группа респондентов (*далее в статье – Группа 2*) представлена студентами, обучающимися по специальностям технического и ИТ направлений, чьи будущие профессии относятся к типам «человек-техника» и «человек-знаковая система» (инженер, программист, специалист по информационной безопасности). Выборка составила 170 студентов, из них 47 девушек и 123 юноши, средний возраст – 19 лет.

Для участия в индивидуальных фокусированных интервью были приглашены 8 студентов, по 4 респондента от каждой группы (Группа 1: девушки 18 и 19 лет, юноши 19 и 20 лет; Группа 2: девушки 19 и 20 лет, юноши 18 и 20 лет).

Результаты исследования

Анкетирование проводилось в онлайн формате, ссылка на опрос направлялась студентам определенных направлений подготовки. Анонимная анкета включала 2 блока. В первом блоке респонденты должны были оценить и выбрать 3 наиболее значимых с их точки зрения компонента научно-предметной, психолого-педагогической, информационной и коммуникативной компетенций преподавателя, а также выбрать наиболее важные для преподавателя высшей школы качества личности. Компоненты обозначенных компетенций были отобраны авторами статьи с учетом нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность преподавателя вуза, а также данных, полученных в ходе исследования позиций экспертов [5]. Результаты анкетирования приведены в таблицах отдельно по каждой компетенции (табл. 1).

Таблица 1. Выбор наиболее значимых компонентов научно-предметной компетенции преподавателей

Компоненты научно-предметной компетенции	Группа 1	Группа 2
демонстрирует глубокие знания в предметной области/в области преподаваемой дисциплины	98,7%	88,8%
обладает широкой научной эрудицией	77,3%	76,5%
регулярно участвует в научных исследованиях	36%	28,2%
высокая публикационная активность (преподаватель – автор научных статей, монографий, учебников)	35,3%	32,9%
имеет ученую степень (кандидат или доктор наук) и ученое звание (доцент или профессор)	29,3%	33,5%

Как видно из таблицы 1, подавляющее большинство респондентов считают глубокие знания в предметной области наиболее важным компонентом научно-предметной компетенции преподавателя, что подтверждается в ходе анализа открытых ответов студентов. Характеризуя идеального преподавателя, респонденты используют такие выражения/словосочетания, как «кладезь знаний», «знаток своей сферы», человек, который «с трепетом относится к своему предмету», «име-

ет огромный багаж знаний», «знает предмет на высшем уровне».

Таблица 2. Выбор наиболее значимых компонентов психолого-педагогической компетенции преподавателей

Компоненты психолого-педагогической компетенции	Группа 1	Группа 2
использует в учебном процессе активные и интерактивные методы и формы обучения (метод кейсов, мозговой штурм, дискуссия и т.п.)	80%	68,2%
эффективно/рационально использует время, отведенное на занятие	63,3%	65,9%
четко и понятно формулирует цели и задачи аудиторных и домашних заданий	70%	56,6%
знает возрастные и личностные особенности обучающихся, применяет индивидуальный подход к студентам	63,3%	62,9%
использует разнообразные методы и средства контроля и оценки (эссе, портфолио, проекты, творческие задания)	22,7%	27,1%

Таблица 3. Выбор наиболее значимых компонентов информационной компетенции преподавателей

Компоненты информационной компетенции	Группа 1	Группа 2
использует современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в ходе объяснения нового материала	83,3%	84,7%
способен сохранить качество преподавания в условиях дистанционного обучения	85,3%	54,1%
общается в сетевых сообществах, пользуется социальными сервисами	48%	57,1%
способен организовать самостоятельную работу студентов с помощью ИКТ	60%	57,6%
ведет собственный профессиональный блог/сайт	14%	21,8%

В Группе 1 (табл. 2) существенно (на 31,2%) выше процент студентов, которые выбрали «способность сохранить качество преподавания в условиях дистанционного обучения» как один из наиболее значимых компонентов информационной компетенции. Предполагаем, что это связано с особенностями организации учебного процесса в вузах: у части респондентов Группы 1 есть опыт смешенного обучения, когда определенные занятия (как правило, поточные лекции) проводятся в дистанционном формате. Также в ходе индивидуальных фокусированных интервью представители Группы 1 отметили, что им, с высокой долей вероятности, придется осуществлять свою профессиональную психолого-педагогическую деятельность не только очно, но и в дистанционном формате (например, проведение уроков, консультирование). Они осознают, что это сложно, что требуется специальная подготовка (табл. 3).

Если при выборе наиболее значимых компонентов компетенций (табл. 4) по некоторым позициям очевидны незначительные отличия между группами, то при выборе наиболее значимых качеств/характеристик личности респонденты демонстрируют единодушие: лидируют «ува-

жительное отношение к студентам и коллегам» (90,7% в Группе 1 и 77,1% в Группе 2), «доброжелательность и открытость» (64% и 48,8% соответственно) и «чувство юмора» (48% и 52,9% соответственно). На четвертом месте в обеих группах «тактичность» (26% и 30,6% соответственно), «креативность» является одним из наиболее значимых качеств преподавателя для 21,3% респондентов Группы 1 и 15,9% респондентов Группы 2. Наименее значимыми для респондентов Группы 1 оказались «привлекательный внешний вид» (2,7%) и «принципиальность» (2%), а для представителей Группы 2 «привлекательный внешний вид» (8,8%) и «требовательность» (6,5%). Содержание последних характеристик уточнялось в ходе индивидуальных фокусированных интервью. Участники интервью связывали принципиальность преподавателя с негибкостью, нежеланием идти на компромисс со студентом. Что касается требовательности, то все участники интервью согласились с тем, что преподаватель должен быть требовательным, но в разумных пределах, не перегружать домашними заданиями, учитывать индивидуальные особенности студентов.

Таблица 4. Выбор наиболее значимых компонентов коммуникативной компетенции преподавателей

Компоненты коммуникативной компетенции	Группа 1	Группа 2
умение выслушать и принять во внимание точку зрения собеседника	78%	71,2%
грамотная устная и письменная речь, владение ораторским искусством	70,7%	75,9%
умение создать на занятии атмосферу доверия и взаимопонимания	77,3%	65,9%
умение организовать общение/совместную деятельность студентов	50,7%	44,1%
умение предотвращать/разрешать межличностные конфликты	18,7%	24,7%

Во втором блоке анкеты перед респондентами стояла задача закончить 2 предложения: «Идеальный современный преподаватель – это» и «Для преподавателя недопустимо...». Необходимо отметить, что ответы респондентов Группы 1 были более развернуты и структурированы, в большей степени использовалась психолого-педагогическая терминология, что, очевидно, связано со спецификой направления обучения. Ответы респондентов Группы 2 лаконичнее, чаще используются обобщающие формулировки, такие как «профессионал в своей сфере», «компетентный специалист» или «быть неквалифицированным». Вместе с тем, проведенный анализ ответов позволил выявить некоторые общие тенденции.

Раскрывая образ идеального преподавателя, респонденты отмечают важность как профессиональных, так и личностных качеств. Авторами проведен анализ ответов на наличие оценочных характеристик, не совпадающих с перечисленными в первом блоке анкеты, в ходе анализа были учтены все синонимичные выражения. Наиболее часто респонденты Групп 1 и 2 называли «способность заинтересовать/вызвать интерес к предмету» (упоминается в 36,6 и 20% ответов соответственно) и способность «идти в ногу со временем/быть современным» (упоминается в 16,6 и 17,4% ответов соответственно). Содержание последней характеристики уточнялось в ходе индивидуальных фокусированных интервью. Все участники отметили, что быть современным

в их понимании означает активно использовать в учебном процессе информационные технологии, понимать молодое поколение и уметь общаться с ним. 4 респондента подчеркнули, что им и их сокурсникам нравится, когда преподаватель демонстрирует не строгие, академические, а яркие, интересные презентации, что способствует лучшему запоминанию материала и концентрации внимания (в качестве примеров студенты привели включение в презентации эмоджи и мемов, коротких видео). 3 участника интервью отметили, что преподаватель должен быть знаком с современными научными открытиями, исследованиями в своей сфере.

С меньшей частотностью встречаются в письменных ответах комментарии по поводу связи теоретических знаний и практики (8% ответов в Группе 1 и 5,9% ответов в Группе 2). Вместе с тем, все участники интервью подчеркнули, что для них важно понимать, где и каким образом можно применить полученные в процессе обучения знания.

При ответе на второй вопрос подавляющее большинство респондентов сделали акцент исключительно на особенностях поведения и личных качествах преподавателя, отмечая, что недопустимо неуважительное отношение к студентам и коллегам, грубое поведение и унижение студентов (63,3% ответов в Группе 1 и 41,9% ответов в Группе 2), предвзятое отношение к студентам (19,3% ответов в Группе 1 и 10,2% ответов в Группе 2), безответственность и недисциплинированность (14,6% ответов в Группе 1 и 9,2% ответов в Группе 2). Анализ ответов позволяет сделать вывод о том, что студентов действительно волнует возможное незнание преподавателя, они считают, что в любой ситуации необходимо сохранять терпение, такт, быть открытым к диалогу. Как отметил один из участников опроса: «... студенты бывают разные, но преподаватель должен обладать всеми качествами взрослого и самодостаточного человека, чтобы уметь предотвратить конфликт ещё на стадии некоего недопонимания».

Заключение

Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, позволяют заключить, что представления об идеальном преподавателе студентов младших курсов разных направлений подготовки не имеют существенных, принципиальных различий. Проведенное исследование показало, что для современного поколения студентов нравственные качества преподавателя, его отношение к учащимся, коллегам, стили поведения и общения не менее важны, чем широкая эрудиция, глубокие знания в предметной области, методическое мастерство. Этот вывод подтверждается результатами опубликованных исследований [2; 3; 9; 11; 14].

Образ идеального преподавателя вуза и соответствие/несоответствие этого образа и ожиданий реальности является значимым фактором, который определяет отношение студентов к образовательному процессу в целом и к отдельным дисциплинам, а в ряде случаев влияет на решение о продолжении обучения в выбранном вузе. В связи с этим, проблема этики обучения и этики профессионального поведения заслуживает повышенного внимания в рамках подготовки будущего преподавателя вуза.

Как правило, базовая психолого-педагогическая подготовка будущих преподавателей осуществляется в рамках таких курсов, как «Педагогика высшей школы», «Педагогика и психология высшей школы», «Дидактика высшей школы», которые включены в программы магистратуры и аспирантуры. Целесообразно начи-

нать изучение этих дисциплин с обсуждения и анализа представлений участников курса об идеальном преподавателе и последующего сравнения полученных образов как с представлениями и ожиданиями современных студентов, так и с требованиями нормативных документов и мнением экспертов.

В рамках аудиторных занятий стоит сместить фокус внимания на формирование у будущих преподавателей умений выбирать и использовать релевантные педагогическим задачам и целевой аудитории методы и формы обучения, способы организации устойчивой обратной связи со студентами; на анализ типичных педагогических ситуаций с последующим обсуждением эффективных и нежелательных поведенческих стратегий.

Очевидно, что вышеуказанные дисциплины должны закладывать основы психолого-педагогической подготовки будущих преподавателей, задавать своеобразный вектор их дальнейшего профессионального роста, мотивировать к постоянному развитию, в том числе, с помощью участия в поведенческих тренингах, мастер-классах и семинарах, обмена опытом с коллегами, самообразования. Ведь идеальный преподаватель, как отметили участники исследования, это тот, кто «является примером для студентов во всех сферах», тот, «на которого все равняются», «кто своим примером будет мотивировать людей учиться, развиваться и стремиться к большему, не останавливаясь на достигнутом».

Литература

1. Абрамова М.О., Филькина А.В. Оценка студентами преподавания в университетах: больше вреда или пользы? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8–9. С. 130–146.
2. Гатиятуллина Г.В. Образ современного преподавателя высшей школы в представлениях студентов технического вуза // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5–3. С. 390–391.
3. Гужва И.В., Побокин П.А. Образ преподавателя в представлении современных студентов в условиях учебно-воспитательного процесса // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 139–145.
4. Егоров И.В. Исследование представлений студентов об образе преподавателя педагогического вуза // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2013. № 4(31). С. 123–134.
5. Ефимова Г.З., Сорокин А.Н., Грибовский М.В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 1. С. 202–230.
6. Игнатьев В.П., Архангельская Е.А. Образ идеального преподавателя будущего по мнению студентов и преподавателей // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2021. № 4(24). С. 53–60.
7. Капустина Т.В. Идеальный преподаватель в представлении студентов медицинского университета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № S3. С. 33–37.
8. Коган Е.А. Сравнение идеального и реального образов преподавателя технического вуза // Социология. 2023. № 4. С. 175–180.
9. Лукашенко М.А., Ожгихина А.А. Имидж преподавателя вуза: мнения и приоритеты студентов // Выс-

шее образование в России. 2019. Т. 28. № 1. С. 46–56.

10. Осипова Л.Б., Толстоухова И.В. Образ преподавателя технического вуза глазами студентов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 61–66.
11. Полякова Т.Ю. Преподаватель технического вуза: что ценят студенты? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 11. С. 60–76.
12. Прохода В.А. Представления студентов и преподавателей вуза об идеальном педагоге // Социальные явления – журнал международных исследований. 2015. № 1(3). С. 105–111.
13. Татарина Т.М. Портрет компетентного (идеального) преподавателя: точка зрения студентов и преподавателей (на материале языковой кафедры неязыкового вуза) // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 290–293.
14. Черемискина И.И., Ращупкина В.А. Образ реального и желаемого преподавателя в представлениях студентов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 4. С. 144–149.
15. Safronova V., Klyukina E. The Image of Modern University Teacher: Studying the Student Perceptions // Rural Environment. Education. Personality. 2010. Issue 13. Pp. 134–141.

THE IMAGE OF THE UNIVERSITY TEACHER IN THE MINDS OF MODERN STUDENTS: COMPARATIVE ANALYSIS

Logvinova O.K., Ivanova G.P., Marchenko A.A.

Moscow State University of Psychology and Education, State University of Education

The article discusses junior students' perception of the ideal university teacher image. The research combines comparative analyses of the relevant published data and empirical investigation. The sample includes 320 junior students from 8 Russian universities. The respondents represent different majors. During the empirical study, survey methods are used (namely anonymous questionnaires and individual focused interviews), as well as a content analysis method to process free responses.

The study shows that, regardless of the major, the morals of a university teacher, the attitude towards students, colleagues, the styles of behavior and communication are no less important than broad erudition, deep knowledge in the subject area and methodological mastery. The article discusses the ways of using the obtained data in the process of psychological and pedagogical training of the future university teachers. The results of the research are of scientific and pedagogical interest and can be used in the university courses "Pedagogy and Psychology of Higher Education", "Pedagogy of Higher Education", "Teaching Methods in Higher Education".

Keywords: the image of a university teacher, ideal university teacher, student evaluation of teaching, pedagogy of higher education.

References

1. Abramova M.O., Filkina A.V. Student Evaluation of Teaching: More Harm than Good? // Higher Education in Russia. 2023. Vol. 32. Issue 8–9. Pp. 130–146.
2. Cheremiskina I.I., Rashchupkina V.A. Image of the real and desirable teacher in representations of students // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2018. Vol. 10. Issue 4. Pp. 144–149.
3. Egorov I.V. Research representations of students about the image of the teacher teaching university // St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology. 2013. Issue 4(31). Pp. 123–134.
4. Efimova G.Z., Sorokin A.N., Gribovskiy M.V. Ideal teacher of higher school: Personal qualities and socio-professional com-

- petencies // *The Education and Science Journal*. 2021. Vol. 23. Issue 1. Pp. 202–230.
5. Gatiyatullina G.V. The image of a modern teacher of higher education in the representations of students of a technical college // *International Student Scientific Bulletin*. 2016. Issue 5–3. Pp. 390–391.
 6. Guzhva I., Pobokin P. The image of a teacher as seen by modern students in the context of educational process // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2020. Issue 6 (117). Pp. 139–145.
 7. Ignatiev V. P., Arkhangelskaya E.A. The image of the ideal instructor of the future according to students and instructors // *M.K. Ammosov North-Eastern Federal University Bulletin. Series Pedagogy. Psychology. Philosophy*. 2021. Issue 4(24). Pp. 53–60.
 8. Kapustina T.V. Ideal teacher in representation of students of Medical University // *Scientific and methodological electronic journal "Koncept"*. 2017. Issue S3. Pp. 33–37.
 9. Kogan E.A. Comparison of the ideal and real images of a teacher of a technical university // *Sociology*. 2023. Issue 4. Pp. 175–180.
 10. Lukashenko M.A., Ozhgikhina A.A. Image of a University Professor: Students' Views and Priorities // *Higher Education in Russia*. 2019. Vol. 28. Issue 1. Pp. 46–56.
 11. Osipova L. B., Tolstoukhova I.V. Image of a teacher of a technical university in the eyes of students // *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2022. Issue 5 (80). Pp. 61–66.
 12. Polyakova T. Yu. The Technical University Teacher: What Do Students Value? // *Higher Education in Russia*. 2023. Vol. 32. Issue 11. Pp. 60–76.
 13. Prokhoda V.A. University students and teachers' concept of an ideal university teacher // *Social Phenomena – International Research Journal*. 2015. Issue 1(3). Pp. 105–111.
 14. Safronova V., Klyukina E. The Image of Modern University Teacher: Studying the Student Perceptions // *Rural Environment. Education. Personality*. 2010. Issue 13. Pp. 134–141.
 15. Tatarina T.M. Portrait of a competent (ideal) teacher: the point of view of students and teachers (based on the material of the language map of a non-linguistic university) // *Samara Scientific Bulletin*. 2020. Vol. 9. Issue 2. Pp. 290–293.

Государственное регулирование международного сотрудничества в энергетической сфере в странах Центральной Азии: правовые и политико-дипломатические аспекты

Баярхуу Тугулдур,

аспирант кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России
E-mail: manutd187875@yandex.ru

В статье рассматриваются ключевые аспекты межгосударственного взаимодействия в энергетической сфере на территории Центральной Азии. Энергетическая отрасль оказывает значительное влияние на экономическое развитие и политическую стабильность региона, что обуславливает необходимость тесного сотрудничества между государствами для обеспечения энергообеспечения и устойчивого развития. 1990-е годы характеризуются кризисом в региональном сотрудничестве, вызванным распадом Советского Союза и становлением новых независимых государств. С 2010-х гг. в регионе предпринимаются многочисленные попытки формирования интеграционных структур. Приводятся примеры многосторонних и двусторонних встреч и соглашений, направленных на координацию усилий в энергетической сфере, таких как создание региональных энергетических организаций и заключение межгосударственных контрактов на поставку и транзит энергоресурсов. Выявляются основные проблемные аспекты сотрудничества, акцентируется внимание на необходимости усиления правовых и дипломатических механизмов для преодоления существующих барьеров и улучшения координации в энергетической сфере.

Ключевые слова: энергетика, внешняя политика, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, зеленая энергетика.

Введение

В состав Центральной Азии входит пять независимых государств: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Данный регион все чаще вызывает научный и политический интерес ввиду его недостаточной изученности: в течение продолжительного периода Центральная Азия находилась на периферии исследовательского и политического интереса. Тем не менее, рассмотрение различных сфер внешнеполитического взаимодействия между странами региона является, по нашему мнению, весьма актуальным. Важность изучения внешних и внутренних политик стран Центральной Азии обусловлена, во-первых, усилением значимости энергетического фактора в формировании глобальной геополитической картины, во-вторых, взаимосвязанностью всех акторов мировой политики, в-третьих, усилением роли третьих стран в определении векторов внешней политики стран Центральной Азии – включая Россию, США, Китай, Индию, Европейский Союз и проч.

После распада Советского Союза в 1991 г. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан обрели независимость. В попытках сохранить продуктивные интеграционные связи и механизмы взаимодействия, имевшие место в Советском Союзе, эти и другие страны практически сразу же вступили в Содружество Независимых Государств. Тем не менее, впоследствии оказалось, что Содружество в значительной степени не способно обеспечить взаимовыгодное сотрудничество между национальными экономиками постсоветского пространства [11, с. 149].

Роль энергетики в межстрановом взаимодействии

С момента образования независимых государств на постсоветском пространстве прошло более 3 десятков лет. За этот период страны прошли долгий путь национальной самоидентификации, установили дипломатические отношения со многими государствами, вошли в состав множества международных организаций, сформировали видение собственной позиции и роли в глобальном политическом пространстве [8, с. 23]. Можно сказать, что на территории Центральной Азии постепенно сформировалась новая подсистема международных политических отношений.

Энергетика всегда выступала достаточно болезненным, но при этом стратегически важным аспектом внешней политики стран Центральной Азии. Территории большинства стран Центральной Азии располагают существенными запасами природных ресурсов, включая нефть и природный газ. Кроме того, географическая локация стран Центральной Азии также актуализирует энергетическое направление внешних политик: располагаясь между Россией, Китаем и Южной Азией, Центральная Азия постепенно попадает в фокус внимания многих крупных мировых акторов. То, какое количество энергетических ресурсов располагается на территории

конкретной страны, а также то, каким образом эта страна распоряжается этими ресурсами, напрямую определяет темпы ее макроэкономического развития, уровень социального благополучия и геополитический статус.

Центральная Азия играет стратегическую роль в глобальных энергетических цепочках. Транспортировка нефти и газа из региона в Европу и Азию осуществляется через трубопроводные системы – подобные системы транзита энергосырья имеют стратегическое значение как для стран-производителей, так и для потребителей энергии. Энергетика является ключевой движущей силой экономического роста в некоторых странах центральноазиатского региона. Доходы от экспорта углеводородов способствуют наращиванию объемов государственных доходов, которые затем инвестируются в инфраструктуру, социальные программы и промышленность.

Кризисный этап в региональном сотрудничестве: 1990-е гг.

Первые годы после распада СССР внешнеполитические отношения между странами Центральной Азии в рассматриваемом нами секторе во многом носили хаотический и даже кризисный характер. Следует отметить, что в рамках единой советской энергосистемы Узбекистан поставлял природный газ в Кыргызстан, Таджикистан и на юг Казахстана. После обретения независимости Узбекистан выразил намерение установить рыночную цену на поставляемое сырье, тогда как Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан не могли выполнить подобные условия сотрудничества. Ситуацию усугубляла гиперинфляция российского рубля – основной валюты, используемой при расчетах между странами.

После распада Советского Союза централизованное распределение энергетических материалов и ресурсов прекратилось. В 1991 г. руководители национальных энергосистем подписали Соглашение о параллельной работе энергосистем Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан. Данное соглашение в общем виде можно представить как попытку сформировать единую энергосистему, которая позволила бы обеспечить потребности в электроэнергии стран, не имеющих достаточного числа собственных месторождений и стран-поставщиков, стремящихся к выгодной продаже избытков энергоресурсов. Следует отметить, что Туркменистан вышел из единой энергосистемы 2003 г., укрепив сотрудничество с Ираном.

В 1993 г. Кыргызстан ввел собственную национальную валюту, что породило множество опасений по поводу перспектив дальнейшего торгового и энергетического взаимодействия. В качестве ответной реакции Узбекистан приостановил подачу природного газа в Кыргызстан; впоследствии аналогичная мера была принята и в отношении Таджикистана. В рамках официального дипломатического дискурса прекращение поставок энергосырья объяснялось задолженностями со стороны двух стран, но фактически каждая из попыток прекращения поставок была обусловлена политическими шагами, предпринимаемыми лидерами Кыргызстана и Таджикистана и не выгодными Узбекистану.

Следует также отметить, что государства Центральной Азии в 1990-х гг. переживали глубокий экономический кризис, который повлек за собой нехватку товаров первой необходимости, отключения электричества и систем теплоснабжения. Все эти факторы, наряду с конкуренцией за внешних инвесторов, обусловили стагна-

цию политического и дипломатического взаимодействия между странами.

Тем не менее, вопрос интеграции стран Центральной Азии в области энергетики все же оставался в повестке. Так, в частности, президент Казахстана Н. Назарбаев неоднократно указывал на целесообразность интеграционного взаимодействия или даже на формирование союзных образований – союз Казахстана и Средней Азии, возрождение Туркестанского Союза и проч. Тем не менее, ни одна из этих инициатив не нашла поддержки среди политических элит Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана [2].

Как отмечено выше, практически сразу же после распада СССР все рассматриваемые нами страны вошли в состав нового интеграционного образования – Содружества Независимых государств (СНГ) 13 декабря 1991 г. Темпы интеграции и уровень активности в контексте СНГ оставались крайне низкими, в связи с чем к 1994 г. страны Центральной Азии стали предпринимать попытки интеграции в энергетической и иных сферах уже вне контекста Содружества [6, с. 95].

Так, в 1994 г. Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан заключили договор о создании единого экономического пространства, в рамках которого было предусмотрено формирование единой таможенной, валютной, бюджетной политики. Договор должен был ускорить интеграционные процессы и в конечном итоге стал базисом для создания Центрально-Азиатского союза (ЦАС), в который, собственно, и вошли стороны вышеотмеченного соглашения. В 1998 г. Таджикистан вступил в Центрально-Азиатский союз; сама организация была переименована в Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). Ключевыми направлениями взаимодействия государств в рамках ЦАЭС стали следующие: энергетика, транспорт (в т.ч. энергосырье), торговля, сельское хозяйство, экология [6, с. 95].

Одним из форматов взаимодействия между политиками и дипломатами стран Центральной Азии стали межгосударственные советы. Так, в частности, в ходе проведенного в 1998 г. заседания Межгосударственного совета были обозначены приоритетные области внешнеполитической кооперации – агропромышленный и водно-энергетический комплексы, транспорт.

Попытки формирования интеграционной структуры. Многосторонние и двусторонние встречи и соглашения

В рамках институционального сотрудничества говорить об успехах едва ли возможно. Так, в декабре 2001 года ЦАЭС было переименовано в Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС). В 2004 г. Россия вошла в состав ОЦАС, что привело к дублированию функций и полномочий ОЦАС и ЕврАзЭС. В результате ОЦАС была фактически ликвидирована и в 2005 г. слилась с ЕврАзЭС. В 2008 г. Узбекистан вышел из состава ЕврАзЭС.

К середине 2000-х гг. стала очевидной стагнационная динамика интеграционных процессов в Центральной Азии; сотрудничество государств в области энергетики все чаще становилось осложненным многими внешними политическими и экономическими факторами. На данном этапе центральноазиатские государства перешли на двусторонний формат взаимоотношений в области энергетики, тогда как многие общерегиональные вопросы добычи, переработки и транзита энергосырья остались нерешенными. Можно отметить попытку возрождения идеи о Центрально-Азиатском союзе, предпринятую

Н. Назарбаевым в 2007 г., которая, впрочем, была безуспешной [14, с. 94].

В 2017 г. президент Узбекистана в ходе 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН выдвинул инициативу по введению нового формата взаимодействия – «консультативные встречи глав государств Центральной Азии» [2].

Первый саммит, проведенный главами государств Центральной Азии, имел место в марте 2018 г. (г. Астана); аналогичный по составу саммит состоялся в ноябре 2019 г. (г. Ташкент). Саммит 2020 г. в Кыргызстане был отменен по причине пандемии. В августе 2021 г. лидеры стран собрались в Туркменистане. В августе 2022 г. в Кыргызстане состоялась очередная встреча, по итогам которой было подписано соглашение «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между республиками Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан в целях развития Центральной Азии в XXI веке». Энергетика стала одним из приоритетных направлений межстранового сотрудничества – наряду с транспортом и логистикой, торговлей, гуманитарной и оборонной сферами [2].

Таким образом, анализ хронологии взаимодействия стран Центральной Азии в области энергетики показывает отсутствие интеграционной структуры, в рамках которой это взаимодействие протекало. Помимо саммитов глав государств, которые стали проводиться лишь с 2017 г., основные меры по сотрудничеству принимались в рамках двустороннего сотрудничества на уровне президентов, представителей правительства, отраслевых министерств. В данной связи можно привести в пример Рамочное соглашение, заключенное между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Узбекистан о некоторых вопросах сотрудничества в сфере энергетики (Ташкент, 16 сентября 2017 г.). Текст соглашения гласит, что энергетическое сотрудничество между двумя странами является важнейшим направлением внешней политики. Отмечается, что сотрудничество в нефтегазовой сфере носит взаимодополняющий характер, и обе страны выражают «взаимную заинтересованность в увеличении поставок сырой нефти в Республику Узбекистан для переработки на нефтеперерабатывающих заводах, а также намерения узбекской стороны по строительству нового НПЗ в Джизакской области Республики Узбекистан, необходимость бесперебойного снабжения юга Казахстана природным газом в осенне-зимний период, а также взаимную заинтересованность в развитии транзитного потенциала газотранспортной системы Республики Узбекистан» [10]. Во исполнение условий Соглашения Узбекистан и Казахстан создали Координационный совет, который осуществляет регулярный мониторинг исполнения задач, поставленных в тексте Соглашения [10].

Развиваются, помимо прочего, отношения между Казахстаном и Кыргызстаном. 19 апреля 2024 г. Президент Казахстана К.-Ж. Токаев и Президент Кыргызстана С. Жапаров подписали Договор об углублении и расширении союзнических отношений. Энергетика была одним из направлений, декларируемых как перспективные с точки зрения межстрановой кооперации. Все чаще главы государств и высшие должностные лица поднимают вопрос о сотрудничестве не только в области углеродной энергетики, но и в сфере «зеленых» источников энергии. Так, в частности, по результатам вышеобозначенной встречи 19 апреля 2024 г. было запланировано строительство солнечной электростанции в Иссык-Кульской области.

В результате 6-го заседания Высшего межгосударственного совета Казахстана и Кыргызстана были

подписаны многие документы, среди которых вопросы энергетики, прямо или косвенно регламентировались в следующих: Договор об углублении и расширении союзнических отношений между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой; Решение шестого заседания Высшего межгосударственного совета Республики Казахстан и Кыргызской Республики; Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Кабинетом Министров Кыргызской Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций [3].

В июне 2024 г. Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан подписали соглашение о сотрудничестве в строительстве крупной ГЭС Камбар-Ата-1 мощностью 1,9 гигаватта в Кыргызстане. Важнейшим итогом Международного инвестиционного энергетического форума в Вене стало создание координационного донорского комитета по строительству Камбар-Атинской ГЭС-1. Кроме этого подписано межведомственное соглашение о сотрудничестве по проекту Камбар-Атинская ГЭС-1 [12].

12 июля 2024 г. стало известно о подготовке масштабного соглашения в области экологичной энергетики, которое подпишут Казахстан, Азербайджан и Узбекистан. Предполагается, что сотрудничество в области энергетики затронет вопросы (1) передачи и снабжения электроэнергией, произведенной из возобновляемых источников; (2) реализации совместных проектов по производству, (3) транспортировке и торговле экологически чистым водородом и экологически чистым аммиаком; (4) установления нормативных, законодательных и административных правил для обеспечения безопасной, надежной и бесперебойной передачи электроэнергии [4].

Страны Центральной Азии, кроме того, не оставляют попыток воссоздания советской единой энергосистемы. 1 мая 2024 г. Азербайджаном, Узбекистаном и Казахстаном был подписан Меморандум о сотрудничестве по объединению энергосистем трех стран. Документ подписан министрами экономики и энергетики трех стран. Реализация условий соглашения позволит: (1) взаимодействовать в производстве зеленой энергии и организации ее экспорта через Азербайджан в Европу, (2) обеспечить интеграцию энергосистем, (3) эффективизировать систему межстранового транзита энергии; (4) соединить энергосистемы путем прокладки высоковольтного кабеля по дну Каспийского моря [2].

Проблемные аспекты сотрудничества между странами Центральной Азии в сфере энергетики

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о следующих рисках и препятствиях в сотрудничестве между странами Центральной Азии в сфере энергетики.

Во-первых, наблюдается нарастание соперничества в регионе. Различия во взглядах глав государств и, как итог, различия в моделях развития национальных экономик затрудняют налаживание регионального энергетического диалога.

Во-вторых, даже в гипотетической ситуации внедрения безукоризненных систем государственного регулирования и механизмов межстранового энергетического сотрудничества, ситуация осложняется высокими уровнями коррупции и непрозрачности межгосударственных транзакций [14, с. 96].

В-третьих, вода остается камнем преткновения уже более 3 десятков лет. Туркменистан, Казахстан и (в меньшей степени) Узбекистан контролируют углеводороды региона, запасы воды при этом локализованы в Кыргызстане и Таджикистане. Кыргызстан и Таджикистан контролируют воду, но не могут вырабатывать энергию, кроме энергии воды [9].

В-четвертых, следует отметить поверхностность интересов государств: так, в частности, Казахстан заинтересован лишь поддержанием взаимодействия по обеспечению функционирования магистральных газопроводов Туркменистан – Китай и Средняя Азия – Центр (Туркменистан – Россия) [7, с. 76]. К более глубоким формам сотрудничества в данной сфере государства Центральной Азии пока не готовы, а многие рамочные соглашения, саммиты, совместные заявления носят исключительно декларативный характер и практически не влияют на энергетические отрасли стран [1, с. 305].

Выводы

Энергетическая отрасль является критически важной для экономического развития и политической стабильности стран Центральной Азии.

Кризисный этап 1990-х годов, связанный с распадом Советского Союза и становлением независимых государств, существенно усложнил сотрудничество в энергетической сфере. Политическая и экономическая нестабильность стали препятствием для эффективного взаимодействия.

Страны Центральной Азии предпринимают некоторые шаги по формированию интеграционных структур. Развитие многосторонних и двусторонних соглашений, создание региональных энергетических организаций и попытки выработки общих стратегий свидетельствуют о стремлении к улучшению координации и сотрудничеству в энергетической сфере.

В заключение отметим необходимость усиления правовых и дипломатических механизмов для преодоления существующих барьеров и улучшения координации в энергетической сфере. Развитие государственного регулирования и дипломатических усилий имеет решающее значение для создания устойчивой и эффективной системы международного сотрудничества в энергетической сфере в Центральной Азии.

Литература

1. Акунова, Г.Ч. Страны Центральной Азии: трудности на пути сближения / Г.Ч. Акунова // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – № 7(3). – С. 300–311.
2. Джамалов, Ф. Региональное сотрудничество в Центральной Азии: видение из Узбекистана // Центральноазиатское бюро аналитической журналистики. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cabar.asia/ru/regionalnoe-sotrudnichestvo-v-tsentralnoj-azii-videnie-iz-uzbekistana>. – Дата доступа: 30.07.2024.
3. Казахстан и Кыргызстан углубляют союзнические отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2024/04/20/kazakhstan-i-kyrgyzstan-uglublyayut-soyuznicheskie-otnosheniya/>. – Дата доступа: 30.07.2024.
4. Казахстан, Азербайджан и Узбекистан готовят соглашение в области зеленой энергии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kaztag.kz/ru/news/kazakhstan-azerbaydzhan-i-uzbekistan-gotovyat-soglashenie-v-oblasti-zelenoy-energii>. – Дата доступа: 30.07.2024.
5. Мамадалиева, Т. Центральная Азия – главный приоритет во внешней политике Узбекистана / Т. Мамадалиева // ОИИ. – 2021. – № 7/S. – С. 172–178.
6. Мирбобоев, Р.М. Роль торгово-экономической интеграции в развитии Центральной Азии / Р.М. Мирбобоев // Вестник ТГУПБП. – 2023. – № 2. – С. 94–103.

7. Парамонов, В. Основные проблемы на пути сотрудничества в центральной Азии: прогноз внешней политики стран региона / В. Парамонов, А. Строков // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – № 1. – С. 68–90.
8. Пархитко, Н.П. Военно-политическое и военнотехническое сотрудничество государств Центральной Азии / Н.П. Пархитко, К.П. Курылев, Д.В. Станис // Военная мысль. – 2020. – № 7. – С. 22–39.
9. Проскуракова, Т. Оптимизация водноэнергетических связей для решения климатических проблем в Центральной Азии / Т. Проскуракова, У. Ю. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/leveraging-water-energy-nexus-tackle-climate-challenges-central-asia>. – Дата доступа: 30.07.2024.
10. Рамочное соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Узбекистан о некоторых вопросах сотрудничества в сфере энергетики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33523849#pos=10;-37. – Дата доступа: 30.07.2024.
11. Сунь Хаосюань. Центральная-азиатский регион как важнейший элемент системы международных отношений / Сунь Хаосюань, Б.М. Гонечук // История. Культурология. Политология. – 2024. – № 2. – С. 148–151.
12. Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан подписали соглашение по ГЭС Камбар-Ата-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kun.uz/ru/news/2024/06/11/uzbekistan-kyrgyzstan-i-kazakhstan-podpisali-soglasheniye-po-ges-kambar-ata-1>. – Дата доступа: 30.07.2024.
13. Центральная Азия на перепутье. – Saferworld, 2015. – 58 с.
14. Эсенгул, Ч. Перспективы регионального сотрудничества в Центральной Азии в современных условиях / Ч. Эсенгул, Ш. Бактыгулов, А. Доолоткельдиева, Б. Иманалиева // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – № 3–4. – С. 93–105.

STATE REGULATION OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE ENERGY SECTOR IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES: LEGAL AND POLITICAL-DIPLOMATIC ASPECTS

Bayarkhuu Tuguldur

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines the key aspects of interstate cooperation in the energy sector in Central Asia. The energy sector has a significant impact on the economic development and political stability of the region. The importance of resources necessitates close cooperation between states to ensure energy supply and sustainable development. The 1990s were characterized by a crisis in regional cooperation caused by the collapse of the Soviet Union and the emergence of new independent states. Since the 2010s, numerous attempts have been made in the region to form integration structures. Examples of multilateral and bilateral meetings and agreements aimed at coordinating efforts in the energy sector are given, such as the creation of regional energy organizations and the conclusion of interstate contracts for the supply and transit of energy resources. The main problematic aspects of cooperation are identified, and attention is focused on the need to strengthen legal and diplomatic mechanisms to overcome existing barriers and improve coordination in the energy sector.

Keywords: energy, foreign policy, Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, green energy.

References

1. Akunova, G. Ch. Central Asian Countries: Difficulties on the Path to rapprochement / G. Ch. Akunova // Problems of the Post-Soviet Space. – 2020. – No. 7 (3). – P. 300–311.

2. Dzhamalov, F. Regional Cooperation in Central Asia: A Vision from Uzbekistan // *Central Asian Bureau of Analytical Journalism*. – 2022. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cabar.asia/ru/regionalnoe-sotrudnichestvo-v-tsentralnoj-azii-videnie-iz-uzbekistana>. – Access date: 30.07.2024.
3. Kazakhstan and Kyrgyzstan Deepen Allied Relations [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.newscentralasia.net/2024/04/20/kazakhstan-i-kyrgyzstan-uglublyayut-soyuznicheskie-otnosheniya/>. – Access date: 30.07.2024.
4. Kazakhstan, Azerbaijan and Uzbekistan are preparing an agreement on green energy [Electronic resource]. – Access mode: <https://kaztag.kz/ru/news/kazakhstan-azerbaydzhan-i-uzbekistan-gotovyat-soglashenie-v-oblasti-zelenoy-energii>. – Access date: 30.07.2024.
5. Mamadalieva, T. Central Asia is the main priority in the foreign policy of Uzbekistan / T. Mamadalieva // *Oll*. – 2021. – № 7/S. – P. 172–178.
6. Mirboboev, R.M. The role of trade and economic integration in the development of Central Asia / R.M. Mirboboev // *Bulletin of TSUPBP*. – 2023. – No. 2. – P. 94–103.
7. Paramonov, V. The main problems on the path of cooperation in Central Asia: foreign policy forecast of the countries of the region / V. Paramonov, A. Stokov // *Central Asia and the Caucasus*. – 2015. – No. 1. – P. 68–90.
8. Parkhitko, N.P. Military-political and military-technical cooperation of the Central Asian states / N.P. Parkhitko, K.P. Kurylev, D.V. Stanis // *Military Thought*. – 2020. – No. 7. – P. 22–39.
9. Proskuryakova, T. Optimizing Water-Energy Linkages to Tackle Climate Challenges in Central Asia / T. Proskuryakova, U. Yu. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/leveraging-water-energy-nexus-tackle-climate-challenges-central-asia>. – Access date: 30.07.2024.
10. Framework Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Republic of Uzbekistan on Some Issues of Cooperation in the Sphere of Energy [Electronic resource]. – Access mode: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33523849#pos=10;-37. – Access date: 30.07.2024.
11. Sun Haoxuan. The Central Asian region as the most important element of the system of international relations / Sun Haoxuan, B.M. Gonezhuk // *History. Cultural Studies. Political Science*. – 2024. – No. 2. – P. 148–151.
12. Uzbekistan, Kyrgyzstan and Kazakhstan signed an agreement on the Kambar-Ata-1 hydroelectric power station [Electronic resource]. – Access mode: <https://kun.uz/ru/news/2024/06/11/uzbekistan-kyrgyzstan-i-kazaxstan-podpisali-soglasheniye-poges-kambar-ata-1>. – Access date: 30.07.2024.
13. *Central Asia at a crossroads*. – Saferworld, 2015. – 58 p.
14. Esengul, Ch. Prospects for regional cooperation in Central Asia in modern conditions / Ch. Esengul, Sh. Baktygulov, A. Doolotkeldieva, B. Imanalieva // *Central Asia and the Caucasus*. – 2015. – No. 3–4. – pp. 93–105.

Влияние глобальных климатических изменений на международные отношения и безопасность

Литвиненко Даниил Валерьевич,

студент 3 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна,

студент 3 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Едич Глеб Сергеевич,

студент 3 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Файзулина Аделъ Андреевна,

студент 3 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Алексеев Даниил Юрьевич,

науч. руководитель, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Статья анализирует влияние глобальных климатических изменений на международные отношения и безопасность, выделяя ключевые аспекты экологических, экономических и социальных последствий. Исследуются последствия для миграционных потоков, конфликтов за ресурсы и энергетической безопасности. Рассматривается необходимость международного сотрудничества, включая финансовую и технологическую помощь развивающимся странам и укрепление институциональных механизмов. Выводы подчеркивают важность глобальных усилий в смягчении последствий климатических изменений и разработке стратегий для обеспечения устойчивого будущего.

Ключевые слова: глобальные климатические изменения, международные отношения, безопасность, климатические беженцы, ресурсные конфликты, энергетическая безопасность, международное сотрудничество, Парижское соглашение, адаптация к климатическим изменениям, институциональные механизмы.

Введение

Глобальные климатические изменения представляют собой одну из наиболее значимых и комплексных проблем современности, оказывая воздействие на все аспекты человеческой деятельности и международной политики. Изменения климата затрагивают не только экологические и экономические системы, но и существенно влияют на международные отношения и безопасность. Повышение температуры, рост уровня мирового океана, увеличение частоты и интенсивности природных катастроф, а также истощение природных ресурсов приводят к усилению напряженности между государствами и внутри них.

В условиях глобальных климатических изменений международные отношения вступают в новую фазу, где вопросы экологии и устойчивого развития становятся центральными темами на повестке дня. Глобальные усилия по смягчению последствий изменения климата требуют координации и сотрудничества между странами, что ставит перед международным сообществом множество вызовов и задач. Одновременно с этим климатические изменения вызывают новые угрозы безопасности, такие как климатические беженцы, конфликты за ресурсы и дестабилизация регионов, что требует пересмотра традиционных подходов к национальной и международной безопасности.

Актуальность исследования заключается в необходимости глубокого понимания взаимосвязей между климатическими изменениями и международными отношениями, а также разработки эффективных стратегий для смягчения их негативных последствий. Настоящая статья направлена на анализ влияния глобальных климатических изменений на международные отношения и безопасность, выявление ключевых проблем и потенциальных решений, а также оценку роли международного сотрудничества в борьбе с климатическими вызовами.

Влияние климата на политический процесс

Глобальные климатические изменения стали одной из самых значимых проблем XXI века, оказывающей глубокое воздействие на природные и социально-экономические системы по всему миру. Согласно последним данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), средняя глобальная температура продолжает повышаться, что приводит к значительным изменениям в климатических условиях. Эти изменения включают учащение экстремальных погодных явлений, таких как ураганы, наводнения, засухи и пожары, что оказывает непосредственное влияние на безопасность и благосостояние населения.

Повышение уровня мирового океана, вызванное таянием ледников и термическим расширением воды, представляет особую угрозу для прибрежных регионов и островных государств. Миллионы людей могут стать климатическими беженцами, вынужденными покинуть свои дома из-за затоплений и эрозии береговой линии. Это создает новые вызовы для международного сообщества в плане управления миграционными потоками и обеспечения гуманитарной помощи.

Изменение климата также оказывает влияние на сельское хозяйство, водные ресурсы и экосистемы. Снижение урожайности и истощение водных ресурсов могут привести к продовольственным и водным кризисам, усиливая конкуренцию за ограниченные ресурсы и способствуя возникновению конфликтов. Таким образом, климатические изменения затрагивают базовые аспекты человеческой жизни, что требует комплексного подхода к их изучению и управлению, а также имеют глубокие последствия для международных отношений, так как они усиливают существующие геополитические напряжения и создают новые вызовы. Необходимость сокращения выбросов парниковых газов и перехода к устойчивому развитию требует координированных усилий со стороны всех государств. Однако различия в экономическом развитии и уровне выбросов создают напряженность между развитыми и развивающимися странами.

Развитые страны, исторически несущие большую ответственность за выбросы парниковых газов, сталкиваются с требованиями развивающихся стран об оказании финансовой и технологической поддержки для адаптации к изменению климата. В то же время, развивающиеся страны, страдающие от последствий изменения климата, требуют справедливого распределения обязанностей и ресурсов для борьбы с его последствиями. Это приводит к сложным дипломатическим переговорам на международных площадках, таких как Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP).

Кроме того, климатические изменения могут изменить глобальный баланс сил и стратегические интересы государств. Например, таяние арктических льдов открывает новые морские пути и доступ к богатым природным ресурсам, что усиливает конкуренцию между арктическими державами. Подобные изменения требуют пересмотра стратегий национальной безопасности и международного сотрудничества для предотвращения конфликтов и обеспечения устойчивого развития.

Изменения климата представляют собой многогранную угрозу международной безопасности, затрагивая различные аспекты безопасности, от продовольственной и водной до энергетической и национальной. Эти изменения провоцируют миграционные потоки, обостряют конфликты за ресурсы и создают новые риски, требующие от международного сообщества выработки адекватных мер реагирования.

Одним из наиболее очевидных последствий является увеличение числа климатических беженцев. Люди, вынужденные покидать свои дома из-за экстремальных погодных условий, наводнений или засух, оказываются в поисках новых мест жительства, что создает давление на принимающие страны и регионы. Такие миграционные процессы могут приводить к социальным напряжениям, росту ксенофобии и конфликтам, особенно в тех странах, которые уже сталкиваются с экономическими и политическими трудностями.

Ресурсные конфликты становятся еще одной серьезной угрозой. Изменения в распределении водных и продовольственных ресурсов из-за климатических изменений могут обострить существующие конфликты и привести к новым. Например, снижение водных ресурсов в речных бассейнах, таких как Нил или Тигр и Евфрат, может усилить напряженность между государствами, зависящими от этих водных артерий. В то же время уменьшение сельскохозяйственной продуктивности может вызвать продовольственные кризисы, что, в свою очередь, способно привести к внутренним беспорядкам и международным конфликтам.

Энергетическая безопасность также подвержена влиянию климатических изменений. Сокращение запасов углеводородов и переход на возобновляемые источники энергии требуют значительных инвестиций и международного сотрудничества. Развитие «зеленой» энергетики и снижение зависимости от ископаемых видов топлива создают новые геополитические реалии и могут изменить баланс сил на мировой арене. Это требует от стран выработки новых стратегий и адаптации к изменяющимся условиям.

Они также влияют на военную безопасность. Участившиеся природные катастрофы и экстремальные погодные условия могут разрушать инфраструктуру, дестабилизировать регионы и создавать дополнительные нагрузки на военные ресурсы. Вооруженные силы многих стран уже сейчас разрабатывают стратегии и проводят учения, направленные на реагирование на климатические вызовы. В то же время изменение климата может создать условия для новых форм конфронтации и усиления конкуренции за стратегически важные территории и ресурсы, такие как Арктика.

Для эффективного противодействия климатическим изменениям необходимо усиление международного сотрудничества и координации усилий. Международные соглашения, такие как Парижское соглашение, играют ключевую роль в формировании глобальной стратегии по снижению выбросов парниковых газов и адаптации к изменяющимся климатическим условиям. Эти соглашения устанавливают рамки для действий стран и обеспечивают механизмы мониторинга и отчетности.

Международное сотрудничество в сфере изменения климата

Один из важнейших аспектов международного сотрудничества заключается в передаче технологий и финансовой поддержке развивающихся стран. Для успешной реализации мер по снижению выбросов и адаптации к климатическим изменениям многие страны нуждаются в доступе к передовым технологиям и финансовым ресурсам. Развитые страны, обладающие необходимыми ресурсами, играют ключевую роль в этом процессе, обеспечивая финансирование и поддержку проектам в развивающихся странах.

Кроме того, важным элементом сотрудничества является обмен знаниями и лучшими практиками. Международные организации, такие как ООН, Всемирный банк и региональные организации, играют важную роль в сборе, анализе и распространении информации о климатических изменениях и эффективных методах борьбы с ними. Обмен опытом и совместные исследования способствуют разработке более эффективных стратегий и их внедрению на национальном и региональном уровнях.

Для предотвращения и смягчения последствий климатических изменений необходимо также укрепление институциональных механизмов и правовых рамок. Это включает создание и укрепление международных институтов, ответственных за координацию усилий по борьбе с изменением климата, а также разработку и внедрение международных норм и стандартов, направленных на снижение антропогенного воздействия на климатическую систему.

Глобальные климатические изменения оказывают глубокое и комплексное воздействие на международные отношения и безопасность. Экстремальные погодные явления, повышение уровня мирового океана и изменение природных ресурсов создают новые вызовы, требующие адаптации и координации на глобальном уровне. В условиях усиливающейся экологической нестабильно-

сти международное сообщество сталкивается с необходимостью разработки эффективных стратегий и механизмов для смягчения последствий изменения климата и обеспечения устойчивого развития.

Одним из ключевых аспектов в этом процессе является усиление международного сотрудничества. Глобальные соглашения, такие как Парижское соглашение, играют центральную роль в формировании совместных действий по снижению выбросов парниковых газов и адаптации к новым климатическим условиям. Важным элементом является также передача технологий и финансовая поддержка развивающихся стран, что позволяет им эффективно справляться с последствиями изменения климата и внести свой вклад в глобальные усилия по его смягчению.

Климатические изменения оказывают влияние на все аспекты безопасности – от продовольственной и водной до энергетической и национальной. Увеличение числа климатических беженцев, обострение конфликтов за ресурсы и изменение энергетического баланса требуют новых подходов и стратегий в области международной безопасности. Военные и гражданские структуры должны быть готовы к реагированию на новые вызовы, возникающие в условиях изменяющегося климата.

Международное сообщество должно продолжать работать над укреплением институциональных механизмов и правовых рамок, направленных на снижение антропогенного воздействия на климатическую систему. Важно обеспечить эффективное функционирование международных институтов, занимающихся координацией усилий по борьбе с изменением климата, а также разработку и внедрение международных норм и стандартов в этой области.

Заключение

Таким образом, глобальные климатические изменения представляют собой серьезную угрозу для международной безопасности и стабильности. Только через усиление международного сотрудничества, разработку согласованных стратегий и внедрение инновационных решений мировое сообщество сможет эффективно противостоять этим вызовам и обеспечить устойчивое будущее для всех стран и народов. Работа над снижением негативных последствий изменения климата и адаптацией к новым условиям должна стать приоритетом для всех государств, стремящихся к миру и процветанию на планете.

Литература

1. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК). (2021). Изменение климата 2021: Физическая основа. Кембриджский университет. <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/>
2. Юрьев, В. А., & Петрова, И. В. (2020). Климатические изменения и их влияние на международные отношения. Научный Альманах. <https://www.nauchny-almanah.ru/climate-and-international-relations>
3. Шмидт, В., & Лаутербах, С. (2022). Климат и безопасность: Глобальные вызовы и региональные угрозы. утледж. <https://www.routledge.com/Climate-and-Security/Schmidt-Lauterbach/p/book/9780367331433>
4. Соловьёв, А. В. (2021). Экологическая безопасность и международные конфликты: Теория и практика. ИМЭМО РАН. <https://www.imemo.ru/publications/2021/solovyev-environmental-security>
5. Российская академия наук (РАН). (2023). Климатические изменения и международная безопасность: Анализ и рекомендации. РАН. <https://www.ran.ru/research/climate-security>
6. Всемирный банк. (2022). Изменение климата и устойчивое развитие: Глобальные тенденции. Всемирный банк. <https://www.worldbank.org/en/topic/climatechange/publication/global-climate-change-report>
7. Иванова, Н. А. (2020). Международные отношения в условиях изменения климата. Научное Издательство. <https://www.nauchnoe-izdatelstvo.ru/climate-change-international-relations>
8. Гидденс, А. (2020). Политика изменения климата. Полити Пресс. <https://www.politybooks.com/book.asp?ref=9781509518258>
9. Брауч, Х. Г., & Фрид, Дж. (2022). Климат и международная безопасность: Риски и возможности. Springer. <https://www.springer.com/gp/book/9783030631612>
10. Рейли, К., & Урдал, Х. (2021). Изменение климата и конфликты: Понимание влияния и ответы. Рутледж. <https://www.routledge.com/Climate-Change-and-Conflict-Understanding-the-Impacts-and-Responses/Raleigh-Urdal/p/book/9780367331631>

THE IMPACT OF GLOBAL CLIMATE CHANGE ON INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Litvinenko D.V., Tereshina A.N., Edich G.S., Fayzulina A.A., Alekseev D.Yu.
Far Eastern Federal University

The article analyzes the impact of global climate change on international relations and security, highlighting key aspects of environmental, economic and social consequences. The consequences for migration flows, conflicts over resources and energy security are studied. The need for international cooperation, including financial and technological assistance to developing countries and strengthening institutional mechanisms is considered. The findings highlight the importance of global efforts to mitigate climate change and develop strategies to ensure a sustainable future.

Keywords: global climate change, international relations, security, climate refugees, resource conflicts, energy security, international cooperation, Paris Agreement, adaptation to climate change, institutional arrangements.

References

1. Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). (2021). Climate Change 2021: The Physical Basis. University of Cambridge. <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/>
2. Yuryev, V. A., & Petrova, I. V. (2020). Climate Change and its Impact on International Relations. Scientific Almanac. <https://www.nauchny-almanah.ru/climate-and-international-relations>
3. Schmidt, V., & Lauterbach, S. (2022). Climate and Security: Global Challenges and Regional Threats. Routledge. <https://www.routledge.com/Climate-and-Security/Schmidt-Lauterbach/p/book/9780367331433>
4. Soloviev, A. V. (2021). Environmental Security and International Conflicts: Theory and Practice. IMEMO RAS. <https://www.imemo.ru/publications/2021/solovyev-environmental-security>
5. Russian Academy of Sciences (RAS). (2023). Climate Change and International Security: Analysis and Recommendations. RAS. <https://www.ran.ru/research/climate-security>
6. World Bank. (2022). Climate Change and Sustainable Development: Global Trends. World Bank. <https://www.worldbank.org/en/topic/climatechange/publication/global-climate-change-report>
7. Ivanova, N. A. (2020). International Relations in the Context of Climate Change. Scientific Publishing House. <https://www.nauchnoe-izdatelstvo.ru/climate-change-international-relations>
8. Giddens, A. (2020). The Politics of Climate Change. Politi Press. <https://www.politybooks.com/book.asp?ref=9781509518258>
9. Brauch, H. G., & Fried, J. (2022). Climate and International Security: Risks and Opportunities. Springer. <https://www.springer.com/gp/book/9783030631612>
10. Reilly, K., & Urdal, H. (2021). Climate Change and Conflict: Understanding the Impacts and Responses. Routledge. <https://www.routledge.com/Climate-Change-and-Conflict-Understanding-the-Impacts-and-Responses/Raleigh-Urdal/p/book/9780367331631>

Культурная коннотация концепции «сообщества единой судьбы человечества» Китая

Ван Цинпин,

профессор Шанхайского университета политики и права

E-mail: wangqingping1972@126.com

Статья посвящена культурной коннотации концепции «сообщества единой судьбы человечества». Концепция «сообщества единой судьбы человечества» богата китайской мудростью, имеет глубокую культурную и идеологическую коннотацию, имеет уникальную ценность для прогресса человеческой цивилизации и может играть ведущую роль в глобальном управлении. Обширная и глубокая выдающаяся традиционная китайская культура является основой для китайского народа, чтобы закрепить в мировой культурной турбулентности, духовной жизненной силой, присущей китайской нации, «корнем» и «душой» китайской нации и несет в себе уникальные ценности китайской нации. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» обладает врожденными культурными генетическими преимуществами и конденсирует кристаллизацию мудрости выдающейся традиционной китайской культуры. Яркое выражение «пяти миров», содержащееся в этой концепции, иллюстрирует основное содержание концепции сообщества единой судьбы человечества и тесно связано с выдающейся традиционной китайской культурой. Под влиянием этого культурного гена концепция «сообщества единой судьбы человечества» глубоко отражает выдающиеся традиционные культурные коннотации Китая, такие как традиционные концепции гармонии, безопасности, справедливости и прибыли, терпимости и экологии.

Ключевые слова: сообщество единой судьбы человечества; культурная коннотация; выдающаяся традиционная китайская культура; пять миров.

В марте 2013 года председатель Китая Си Цзиньпин впервые выдвинул инициативу «Сообщество единой судьбы человечества» в Московском институте международных отношений. Впоследствии Си Цзиньпин подтвердил инициативу «сообщества единой судьбы человечества» на ряде важных мероприятий, таких как Форум Боао в марте 2015 года, 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 года, выступление в штаб-квартире ООН в Женеве в январе 2017 года и 19-й съезд Коммунистической партии Китая. В докладе 19-ого съезда Коммунистической партии Китая четко изложена коннотация «сообщества единой судьбы человечества», то есть построение пяти миров «прочного мира, всеобщей безопасности, общего процветания, открытости и терпимости, чистоты и красоты»¹. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» является инновационной концепцией, которая разрушает игровое мышление «нулевой суммы», отражает ответственность Китая и глобальное видение и соответствует общим ожиданиям всех стран мира в отношении мира и развития.

Концепция «сообщества единой судьбы человечества» заключается не в механическом наследовании выдающейся традиционной китайской культуры, а в ее инновационном развитии на основе точного понимания общей тенденции международного и внутреннего развития, реагирования на общие требования народов мира и сосредоточения внимания на решении глобальных проблем, что имеет глубокий смысл эпохи. «Пять миров» составляют основное содержание концепции «сообщества единой судьбы человечества».

Мир «прочного мира» основывается на традиционном взгляде на гармонию Китая

«Прочный мир» как одна из научных коннотаций концепции «сообщества единой судьбы человечества» требует, чтобы страны придерживались принципа равных консультаций в процессе международных обменов, чтобы внешняя политика всех стран соответствовала текущей международной ситуации, выступала против игры с нулевой суммой, менталитета холодной войны и гегемонистской политики, чтобы все страны и народы уважали друг друга, сталкивались с культурными различиями и выступали за сосуществование различных цивилизаций. При разрешении международных споров мы должны совместно искать контрмеры путем равных консультаций, решительно отказываться от применения силы, разрешать противоречия и поддерживать мировую стабильность и долгосрочную стабильность. «Прочный мир» унаследовал духовную сущность выдающейся традиционной китайской культуры «бережное отношение к гармонии и отстаивание золотой середины» и «гармония между всеми странами».

¹ Си Цзиньпин. Решающая победа в полном построении благополучного общества и завоевании великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху — доклад на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая [N]. China Culture News, 2017—10—28.

Во-первых, «бережное отношение к гармонии и отстаивание золотой середины». Как сказал Си Цзиньпин: «Стремление к миру и гармонии глубоко укоренилось в духовном мире китайской нации и глубоко растворилось в крови китайского народа»¹. Идея «бережное отношение к гармонии и отстаивание золотой середины», как важное звено древней китайской идеологической системы, демонстрирует культурную сущность древней восточной цивилизации, является важной частью основного духа выдающейся китайской культуры и оказывает положительное влияние на развитие всего общества. С древних времен китайский народ согласился с идеей «бережное отношение к гармонии и отстаивание золотой середины», поэтому китайский народ всегда сохранял требования к гармонии. Китайский народ рассматривает поддержание гармоничных межличностных отношений в качестве универсального кодекса поведения, и эта концепция гармонии способствует стабильному развитию общества и консолидации национального духа.

Во-вторых, «гармония между всеми странами». Межличностная гармония, даже национальная гармония являются последовательным стремлением китайского народа и одной из гармоничных коннотаций выдающейся традиционной китайской культуры. Китайский мыслитель Менций выдвинул идею о том, что «время не так хорошо, как место, а место не так хорошо, как люди»². Если вы хотите добиться чего-то, время, место, люди и необходимы, среди которых люди и наиболее важны. Теория «человеческой гармонии» Менция относится, в частности, к межличностной гармонии между людьми, которая включает в себя единство людей и единство правителей и людей. Менций считает, что признание людей является основным условием для определения того, обладает ли правитель способностью управлять и политической гармонией, и поднимает его до уровня, который определяет успех или неудачу правителя в управлении страной. Конфуцианство рассматривает гармонию в качестве высшего принципа в отношениях между людьми, странами и народами. Китайский народ рассматривает гармонию в качестве своего собственного принципа и стремится к гармонии в социальных отношениях. Китайские лидеры рассматривают гармонию в качестве принципа в отношениях с другими странами, стремятся к мирной международной обстановке и не выступают за силу. Древний святой король император Яо продвигал великую добродетель, сделал семью гармоничной, а также сделал все народы гармоничными. Конфуцианство подчеркивает, что «управлять домом, управлять страной, мириться с миром» обеспечивает способ практиковать гармонию. Древние святые китайские короли шаг за шагом реализовывали гармонию между всеми странами, что является мирным требованием, к которому стремился китайский народ с древних времен. Конфуцианство подчеркивает, что благодаря этому нравственному воспитанию правителей реализуются идеалы семейной гармонии, человеческой гармонии и даже «гармонии между всеми государствами».

Мир «всеобщей безопасности» основан на традиционной концепции безопасности Китая

Концепция сообщества единой судьбы человечества со-держит концепцию всеобщей безопасности, справедли-

вости, совместного строительства и совместного использования. Справедливость требует, чтобы суверенные государства придерживались равных консультаций, взаимного уважения, справедливости и равенства в процессе международных обменов. Совместное строительство и совместное использование-это совместное использование результатов, совместное использование рисков и взаимная выгода между суверенными государствами в практике взаимных обменов. Новая концепция безопасности повышает чувство ответственности суверенных государств и соответствует концепции безопасности «доброжелательности и любви» и «готовности к опасности в мирное время» в выдающейся традиционной китайской культуре.

Во-первых, «доброжелательности и любви». «Доброжелательности» являются мостом для общения между людьми и важным критерием для межличностных отношений. Принимая «любовь» в качестве основной сущности, мы выступаем за взаимное уважение и любовь всех. Взаимная забота между людьми не является конечной ценностной ориентацией «доброжелательности», она требует, чтобы люди уважали все на небе и земле и достигали состояния «участия в небе и земле». «Доброжелательности» требуют, чтобы люди относились ко всему с любовным сердцем и живым сердцем, чтобы связать Поднебесную, чтобы помочь другим людям. Идея «доброжелательности и любви» подчеркивает, что люди должны любить друг друга и жить в гармонии и заложена в концепции сообщества единой судьбы человечества, и право отдельных людей на выживание должно уважаться. Дружественные обмены между всеми народами, взаимопомощь и достижение «всеобщей безопасности» народов мира являются путем выживания человечества.

Концепция «доброжелательности и любви» началась в период Весны и Осени и периода враждующих государств Китая и была одной из основных идей Конфуция, которая изначально отражала любовь кровных родственников. Менций разработал мысль Конфуция о доброжелательности и любви, полагая, что «Люди относятся друг к другу как к друзьям, совместно справляются с трудностями, помогают и поддерживают друг друга, когда болеют, отношения между людьми становятся гармоничными»³, что показывает картину гармоничной жизни соседей и демонстрирует хорошую историю о добрососедстве и дружбе в древнем обществе, которая широко распространена. Еще в период до династии Цинь китайские мыслители считали, что отношения между странами должны быть доброжелательными и добрыми соседями, что проявляется в широких чувствах «одной семьи в мире» и «дружбы со всеми странами». Сегодня мы выступаем за построение мира всеобщей безопасности, за создание сообщества единой судьбы человечества, в котором все страны имеют равный статус, взаимное уважение, взаимовыгодное сотрудничество и совместное несение безопасности, и унаследовали дух «быть добрым и доброжелательным с соседями» в выдающейся традиционной китайской культуре.

Во-вторых, «готовность к опасности в мирное время». В китайской исторической классике «Цзо Чжуань» говорится: «Будьте готовы к опасности в мирное время»⁴. Он предупреждает людей о необходимости всегда предотвращать возможные опасности, даже в стабильной обстановке, и предотвращать проблемы до того, как они возникнут. Установите бдительность и примите ме-

¹ Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении (том I) [М]. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2018: 265.

² Перевод и примечание Ян Боцзюня. Перевод и примечание Менция [М]. Пекин: Китайское книжное бюро, 2018: 92.

³ Перевод и примечание Фан Юна. Менций [М]. Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 2010: 91.

⁴ Чжао Шэнцзюнь. «Новые примечания к Цзо Чжуань» [М]. Сиань: Шэньси Народное издательство, 2008: 26.

ры предосторожности, даже если вы столкнетесь с несчастным случаем, будут соответствующие меры реагирования, чтобы не спешить. «Будьте готовы к опасности в мирное время» воплощают глубокое чувство тревоги. Короче говоря, «быть готовым к опасности в мирное время» означает размышления и выявление опасностей или факторов, которые могут привести к опасности в ситуации безопасности, чтобы отдельные лица или коллективы могли оставаться в безопасности и держаться подальше от бедствий как можно чаще. В теории и на практике «готовность к опасности в мирное время» содержит глубокое понимание и практические усилия по диалектической взаимосвязи между безопасностью, управлением хаосом, последовательностью, взлетом и падением. Среди них «в мирное время» также содержит ценностные суждения людей. Таким образом, возникают две ситуации, а именно «безопасность как безопасность» и «опасность как безопасность». Древние люди часто говорили, что «быть готовыми к опасности в мирное время», часто делают больше акцента на последнем, потому что он более скрыт, легко заставляет людей увлекаться и, следовательно, более опасен. «Мысль об опасности» отражает субъективную инициативу человека в понимании и решении проблем, твердо верит в то, что человек может заранее предсказывать и предотвращать возникновение бедствий, имеет определенный опережающий и универсальный характер. Находясь в спокойной среде, вы должны быть в состоянии учитывать опасные ситуации, и изменения произойдут, когда вы достигнете полюса. Внутренняя неизбежность развития вещей определяет, что вещи обязательно изменятся.

Древние китайские мыслители напоминают людям о необходимости чувства тревоги. Чувство тревоги в мирное время основано на хорошо обоснованных утверждениях, сделанных древними мыслителями. Только обладая чувством тревоги, люди могут всегда оставаться бдительными и не позволять потерять сознание и увлекаться удовольствием. Дух готовности к опасности в мирное время является важным фактором долговременного процветания и продолжения китайской цивилизации, и она все еще обладает мощной жизненной силой в развитии современного общества. В реальной жизни древняя китайская концепция «готовность к опасности в мирное время» может предоставить современным людям важный ориентир для мышления и решения проблем, не только помогает еще больше стимулировать патриотический энтузиазм и чувство социальной ответственности людей, но и постоянно повышать чувство самомотивации и защиты для самоборьбы и предотвращения проблем до их возникновения, а также избегать и уменьшать ненужные опасности.

Концепция «сообщества единой судьбы человечества» является важной теорией, выдвинутой председателем Китая Си Цзиньпин, основанной на традиционном китайском мышлении о тревоге. В то время, когда ситуация в мире меняется, риски и вызовы, с которыми сталкивается человечество, растут, а Китай сталкивается с более сложной внешней средой. После тщательного размышления, беспокоясь о будущем человечества и будущем Китая, объединяя древнюю и современную китайскую мудрость, опираясь на основной методологический принцип традиционного китайского культурного сознания «тревоги для предотвращения тревоги», Си Цзиньпин выдвинул рецепт мирового управления для построения сообщества единой судьбы человечества, выступил за создание новой концепции безопасности и построение всеобщей безопасности.

Мир «общего процветания» опирается на традиционный взгляд на справедливость и прибыль Китая

Построение мира общего процветания соответствует концепции справедливости и прибыли в выдающейся традиционной китайской культуре, которая объединяет справедливость и прибыль. Си Цзиньпин всегда настаивает на том, чтобы руководить дипломатической работой правильным взглядом на справедливость и прибыль в дипломатических случаях. Он блестяще изложил коннотацию «правильного взгляда на справедливость и прибыль» на понятном языке: «справедливость» отражает «идею коммунистов и социалистических стран», «истинное счастье-это общее счастье и счастье всех»; «прибыль» означает «соблюдение принципа взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, не заниматься тем, что я выигрываю, а ты проигрываешь, а достигать беспроигрышной ситуации». Си Цзиньпин глубоко проанализировал законы мировых обменов, хорошо разобрался в путях мировых обменов и включил «правильный взгляд на справедливость и прибыль» в концепцию дипломатии. Подчеркивая, что Китай никогда не будет наносить ущерб интересам других стран в своих внешних обменах, всегда придерживается взаимного доверия, искренности и терпимости, справедливости и прибыли, учитывать интересы и озабоченности развивающихся стран, дышать вместе и разделять судьбу. Концепция справедливости и прибыли, объединяющая справедливость и выгоду, выходит за рамки эгоистического и реалистического дипломатического взгляда, преобладающего в западных странах, и закладывает прочную моральную основу для выдвижения концепции развития сообщества единой судьбы человечества. Поэтому внешняя политика и дипломатическая практика Китая должны придерживаться правильного взгляда на справедливость и прибыль. Дипломатическая практика Китая «Один пояс и один путь», бесперебойная работа АИВ, китайско-африканское сотрудничество и другие конкретные практики являются полезными попытками, которые придерживаются правильного взгляда на справедливость и прибыль и активно строят сообщество единой судьбы человечества, демонстрируя ответственность Китая.

Построение «мира общего процветания» и наследует концепцию справедливости и выгоды, отстаиваемую выдающейся традиционной китайской культурой «Поднебесная публична» и «ставить справедливость на первое место, стремясь к прибыли».

Во-первых, «Поднебесная публична». Конфуцианство выступает за то, чтобы «Поднебесная была публичной», по сути, означает, что права являются общественными и должны подниматься на уровень государственного управления, каждый имеет право участвовать в государственном управлении. Люди гарантируют реализацию прав человека, выбирая добродетельных людей для управления страной от своего имени. Концепция сообщества единой судьбы человечества унаследовала основной дух китайской традиции «Поднебесная публична». На уровне общественной морали подчеркивается, что справедливость важнее личных интересов. Когда справедливость и выгода вступают в конфликт, сначала справедливость, а затем выгода. Китайская нация всегда следовала этическим кодексам и кодексам поведения, которые сначала приносят справедливость, а затем приносят прибыль и извлекают прибыль. На уровне индивидуальной морали мы выступаем за то, чтобы заботиться о Поднебесной, беспокоиться о заботах Поднебесной, брать на себя ответственность Поднебесной

и культивировать личные моральные чувства. На уровне государственного управления мы выступаем за справедливость гармонии между всеми странами, подчеркиваем, что контакты с другими странами должны быть воспитаны и мягкими, чтобы служить людям добродетелью. Обучая людей тому, как вести себя в мире, мы выступаем за то, чтобы подталкивать себя к другим и добродетельно относиться к другим. Конфуцианство выступает за то, что «Не делай другим то, что ты не хочешь»¹ и «Сам стоит твердо и позволяет другим стоять твердо, сам хочет добиться успеха и позволяет другим добиться успеха»², чтобы воплотить этот способ жизни.

Во-вторых, «ставить справедливость на первое место, стремясь к прибыли». Это является одной из важных концепций выдающейся традиционной китайской культуры. Древние китайские мыслители сделали блестящие интерпретации по этому поводу. Конфуций сказал: «Джентльмен ценит мораль, а злодей интересы»³. Ценностные требования джентльмена и злодея различаются, то есть джентльмен должен сначала различать правильное и неправильное, а злодей должен сначала заботиться о прибылях и убытках материальных интересов. «Справедливость» означает ценность морального уровня, которая выходит за рамки материальных интересов, то есть мораль и справедливость; «Прибыль» относится к видимым и осязаемым материальным выгодам, таким как деньги и богатство. Джентльмен делает вещи, исходя из принципа «справедливости». «Справедливость» является критерием, по которому джентльмен судит о том, что он делает или не делает. Злодей говорит только о выгодах, которые человек может извлечь из этого, использует количество выгод, которые он может получить, в качестве критерия измерения и даже готов отказаться от морали, чтобы получить выгоду, только рассматривая вопрос о том, выгодно ли это. Древнее общество, как правило, выбирало добродетельных джентльменов для управления, потому что джентльмены отличались от посредственных людей и злодеев в выборе между «справедливостью» и «прибылью» и могли действовать в соответствии с моралью, а не жадно к небольшой прибыли перед ними.

Мир «открытости и инклюзивности» опирается на традиционную концепцию инклюзивности Китая

Один из «пяти миров», содержащихся в концепции общества единой судьбы человечества, относится к открытому и инклюзивному миру, который опирается на духовную сущность «Великая добродетель позволяет вам справляться со всеми вещами» и «гармонии, но различия» в выдающейся традиционной китайской культуре и требует практикования принципа эклектичности в международных обменах. Концепция инклюзивности проникла в кровь китайского народа как квинтэссенция выдающейся традиционной китайской культуры.

Во-первых, «Великая добродетель позволяет вам справляться со всеми вещами». В целом, дух, воплощенный в этой концепции, тесно связан с расширением «вещей». При разных расширениях «вещей» эта концепция проявляется в разных духах. На самом деле, если «вещи» относятся к природе, то эта концепция воплоща-

ется в духе использования законов природы для понимания и преобразования мира; Если «вещи» относятся к окружающей среде и культуре, то концепция воплощается в духе человеческой культуры, гармонии и различия; Если «вещи» относятся к другим людям, то концепция воплощается в так называемом духе Конфуция, как «Не делай другим то, что ты не хочешь» и «Сам стоит твердо и позволяет другим стоять твердо, сам хочет добиться успеха и позволяет другим добиться успеха»; Если «вещи» относятся к социальной, политической и экономической деятельности, то концепция воплощается в духе управления страной и обществом при помощи добродетеля; Если «вещи» относятся к знанию, словам и мнениям, то концепция воплощается в цивилизованном и просветительском духе «Совершенствование пути, по которому другие могут добраться до места назначения, называется образованием».

Во-вторых, «Гармония, но различие». «Гармония, но различие» взята из «Аналогов Конфуция»: «Джентльмен гармоничен, но различный, злодей одинаков, но не гармоничен»⁴. Коннотация «гармония, но различие» имеет три аспекта: во-первых, подчеркивается, что «гармония» и «разноличие» являются парой противоречий единства противоположностей, «гармония» отражает внутреннюю сущность вещей, «различие» раскрывает внешнее проявление вещей, чтобы стать «гармонией», «различие» является предпосылкой, они зависят друг от друга и незаменимы; Во-вторых, подчеркнуть открытость и инклюзивность. Считается, что признание и уважение различий являются предпосылкой для достижения «гармонии». В-третьих, интерпретировать как человеческий стандарт. «Гармония, но различие» – это критерий для оценки «джентльмена» и «злодея». Си Цзиньпин выдвинул концепцию сообщества единой судьбы человечества, основанную на глубоком понимании разнообразия человеческой цивилизации. Концепция сообщества человеческой судьбы заключается в том, что у всех национальностей нет преимуществ и недостатков, у каждой есть свои особенности и преимущества. Мы должны уважать разнообразие цивилизаций и содействовать гармоничному сосуществованию различных цивилизаций. Идея поиска общего языка при одновременном устранении различий укоренилась в культурной жизненной силе китайского народа и согласуется с открытой и инклюзивной коннотацией концепции единой судьбы человечества. Все они придают большое значение целому и требуют, чтобы страны, участвующие в международных делах, укрепляли связи и не участвовали в односторонней доктрине, но связь – это не полная конвергенция, а сотрудничество, основанное на сохранении своих собственных характеристик, и создание культурной концепции, соответствующей развитию времени, на основе общих давних чаяний.

Мир «чистоты и красоты» опирается на традиционный экологический взгляд Китая

Экологическая концепция «чистота и красота», отстаиваемая концепцией сообщества единой судьбы человечества, унаследовала идеи выдающейся традиционной китайской культуры «единство природы и человека» и «Дао-естественно». Си Цзиньпин всегда придавал большое значение экологическому развитию, отмечая: «Мы должны следовать концепции «единство природы и человека» и «Дао-естественно» и искать путь устой-

¹ Чэн Шудэ, Чэн Цзюньин, Цзян Цзяньюань. Сборник аналогов Конфуция [М]. Пекин: книжное бюро Чжунхуа, 2013: 951.

² Чэн Шудэ, Чэн Цзюньин, Цзян Цзяньюань. Сборник аналогов Конфуция [М]. Пекин: книжное бюро Чжунхуа, 2013: 494.

³ Чэн Шудэ, Чэн Цзюньин, Цзян Цзяньюань. Сборник аналогов Конфуция [М]. Пекин: книжное бюро Чжунхуа, 2013:309.

⁴ 1. Чэн Шудэ, Чэн Цзюньин, Цзян Цзяньюань. Сборник аналогов Конфуция [М]. Пекин: книжное бюро Чжунхуа, 2013:1075.

чивого развития»¹. Эта концепция пронизывает практику строительства экологической цивилизации в Китае. Развитие экономики также должно уделять внимание гармоничному сосуществованию развития человека и природы, поддержанию равновесного состояния природы и осуществлению зеленого развития. В процессе содействия устойчивому развитию мира Китай подчеркивает, что все страны должны четко определить свои обязанности, смело брать на себя ответственность и совместно обсуждать и строить наш общий дом на Земле. Гармония и симбиоз человека и природы и устойчивое развитие человеческого общества, изложенные председателем Си Цзиньпин, являются современным применением идей «единство природы и человека» и «Дао-естественно».

Во-первых, «единство природы и человека». «Природа» в «единство человека и природы» в целом относится к вселенной, небу и земле, всему в мире. Естественная эволюция «природа» является истоком возникновения человека, а также основой его выживания и развития. «Человек» в «единстве природы и человека» относится к историческому процессу человеческого общества. Идея «единства природы и человека» – это наука, изучающая природу и общество, жизнь и связанные с ними отношения. Она сопровождает всю историю китайской цивилизации и стала одной из основных идей традиционной культуры. Идея «единства природы и человека» воплощает традиционный китайский образ мышления и требует, чтобы люди интегрировали себя в окружающую среду для мышления. Поведение человека должно соответствовать законам развития природы, эволюции человеческого общества и законам функционирования всего во Вселенной. Нарушение законов и нарушение равновесия между человеком и природой, человеком и обществом неизбежно нарушит равновесие самого человека. Несмотря на географическое расстояние и культурные различия всех стран и народов мира, судьбы народов мира пересекаются. Построение сообщества единой судьбы человечества заключается в достижении скоординированного развития всего человечества.

Во-вторых, «Дао-естественно». «Дао-естественно» проистекает из книги «Лао Цзы» «Человек следует земле, земля следует небу, небо следует Дао, а Дао следует естественности», в которой излагаются отношения между небом и землей, человеком и Дао, затрагиваются исследования отношений между человеком и человеком, человеком и природой, подчеркивается, что путь жизни должен следовать своему течению. Концепция «Дао-естественно» занимает важное место в выдающейся традиционной китайской культуре. В мыслях «Лао Цзы» мир возникает естественным путем, и он изначально был естественным. Ни один Бог не создал его. Таким образом, человек следует земле, земля следует небу, небо, земля и люди естественно возникают из «Дао». «Дао-естественно» считает, что возникновение и функционирование Дао естественны. Работа Дао должна зависеть от конкретного носителя, а небо, земля и человек являются носителями работы Дао. «Дао-естественно» означает, что все в мире идет по своему течению.

Литература

1. Си Цзиньпин. Решающая победа в полном построении благополучного общества и завоевании великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху-доклад на 19-м Всекитайском съезде

¹ 2. Си Цзиньпин, Си Цзиньпин о государственном управлении (том II) [М]. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2017: 544.

Коммунистической партии Китая [N]. China Culture News, 2017–10–28.

2. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении (том I) [М]. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2018: 265.
3. Перевод и примечание Ян Боцзюня. Перевод и примечание Менция [М]. Пекин: Китайское книжное бюро, 2018: 92.
4. Перевод и примечание Фан Юна. Менций [М]. Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 2010: 91.
5. Чжао Шэнцзюнь. «Новые примечания к Цзо Чжуань» [М]. Сиань: Шэньси Народное издательство, 2008: 26.
6. Чэн Шудэ, Чэн Цзюньин, Цзян Цзяньюань. Сборник аналогов Конфуция [М]. Пекин: книжное бюро Чжунхуа, 2013: 951.
7. Чэн Шудэ, Чэн Цзюньин, Цзян Цзяньюань. Сборник аналогов Конфуция [М]. Пекин: книжное бюро Чжунхуа, 2013: 494.
8. Чэн Шудэ, Чэн Цзюньин, Цзян Цзяньюань. Сборник аналогов Конфуция [М]. Пекин: книжное бюро Чжунхуа, 2013:309.
9. Чэн Шудэ, Чэн Цзюньин, Цзян Цзяньюань. Сборник аналогов Конфуция [М]. Пекин: книжное бюро Чжунхуа, 2013:1075.
10. Си Цзиньпин, Си Цзиньпин о государственном управлении (том II) [М]. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2017: 544.

CULTURAL CONNOTATION OF THE CONCEPT OF “COMMUNITY OF SHARED FUTURE FOR MANKIND IDEA”

Wang Qingping

Shanghai University of Political Science and Law

This article studies the cultural connotation of the concept of a community with a shared future for mankind. The concept of “Community of Shared Future for Mankind” is rich in Chinese wisdom, has profound cultural and ideological connotations, has unique value to the progress of human civilization, and can play a leading role in global governance. The profound Chinese excellent traditional culture is the foundation for the Chinese people to gain a firm foothold in the agitation of world culture, the inherent spiritual lifeline of the Chinese nation, the “root” and “soul” of the Chinese nation, and bears the unique values of the Chinese nation. “Community of Shared Future for Mankind Concept” has innate cultural genetic advantages, which condenses the wisdom crystallization of Chinese excellent traditional culture. The vivid expression of “five worlds” contained in this concept explains the core content of Community of Shared Future for Mankind’s concept, which is closely related to Chinese excellent traditional culture. Influenced by this cultural gene, Community of Shared Future for Mankind’s concept profoundly reflects the connotation of Chinese excellent traditional culture, such as traditional harmony, security, justice and benefit, tolerance and ecology.

Keywords: “Community of Shared Future for Mankind”; “Cultural connotation; Excellent Chinese traditional culture; Five worlds.

References

1. Xi Jinping. Decisive Victory in Building a Prosperous Society in All Respects and Winning the Great Victory of Socialism with Chinese Characteristics in the New Era – Report at the 19th National Congress of the Communist Party of China [N]. China Culture News, 2017–10–28.
2. Xi Jinping. Xi Jinping on Governance (Vol. I) [M]. Beijing: Foreign Languages Press, 2018: 265.
3. Translation and annotation by Yang Bojun. Translation and annotation by Mencius [M]. Beijing: China Book Bureau, 2018: 92.
4. Translation and annotation by Fang Yong. Mencius [M]. Beijing: Zhonghua Book Company, 2010: 91.
5. Zhao Shengqun. “New Annotations on Zuo Zhuan” [M]. Xi’an: Shaanxi People’s Publishing House, 2008: 26.

6. Cheng Shude, Cheng Junying, Jiang Jianyuan. Collection of analogues of Confucius [M]. Beijing: Zhonghua Book Bureau, 2013: 951.
7. Cheng Shude, Cheng Junying, Jiang Jianyuan. Collection of analogues of Confucius [M]. Beijing: Zhonghua Book Bureau, 2013: 494.
8. Cheng Shude, Cheng Junying, Jiang Jianyuan. Collection of analogues of Confucius [M]. Beijing: Zhonghua Book Bureau, 2013:309.
9. Cheng Shude, Cheng Junying, Jiang Jianyuan. Collection of analogues of Confucius [M]. Beijing: Zhonghua Book Bureau, 2013:1075.
10. Xi Jinping, Xi Jinping on National Governance (Vol. II) [M]. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2017: 544.

Лапшина Ирина Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: i-Lapshina@yandex.ru

Чекалкин Владимир Дмитриевич,

студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: chekalkinvd@student.bmstu.ru

В статье проводится анализ международных договоров, направленных на запрещение и ограничение ядерного, химического, бактериологического (биологического) и других видов оружия массового поражения. В фокусе исследования находятся: основные принципы, нормы и обязательства, закрепленные в договорах, с акцентом на механизмы запрета, ограничения, контроля и ответственности за их нарушение. Анализируются различные методы контроля за реализацией норм договоров. В исследовании выделяются ключевые проблемы, препятствующие эффективной реализации норм договоров, такие как: неполное участие государств, недостаточные механизмы контроля, отсутствие единого подхода к определению оружия массового поражения.

Рассматриваются пути усиления международного сотрудничества в сфере неприменения оружия массового поражения.

Методологию исследования составляют общенаучные методы, такие как анализ, синтез, дедукция; частнонаучные методы – системный анализ, сравнительно-правовой метод и функциональный анализ.

Данное исследование призвано способствовать более глубокому пониманию актуальных проблем в сфере регулирования оружия массового поражения и разработке эффективных механизмов их решения.

Ключевые слова: оружие массового поражения, международные договоры, методы контроля, запрещение и ограничение.

В современном мире, где взаимосвязь между государствами и технологический прогресс стремительно развиваются, система международного права играет всё более важную роль. Постоянное совершенствование международного права обусловлено углублением межгосударственных связей и технологическими инновациями. Оно основано на принципе равенства государств и поддержании мирового порядка, но всё же отражает неравномерное распределение влияния в международных отношениях. Государства, обладающие экономическим влиянием в ключевых сферах мировой деятельности (финансы, производство, добыча ресурсов), часто занимают доминирующую позицию. Их влияние основано на развитой экономике и инвестиционной силе.

Помимо экономики, важную роль играет военный потенциал. Хотя война и агрессия уже не являются основным способом достижения доминирования, военная мощь продолжает оказывать значительное влияние на международные отношения. Если военный потенциал государства развивается и применяется в соответствии с нормами международного права, он может служить защите национальных интересов и обеспечению безопасности государства и его граждан. Военный потенциал включает в себя количество и качество военных сил, вооружения, разведывательные данные, а также технологическое преимущество военной отрасли.

Однако, на современном этапе развития военного потенциала государств особую опасность представляет оружие массового поражения. Владение им и угроза его применения постоянно подчеркивается на международных форумах. Как сказал американский дипломат Ричард Н. Хаас, «оружие массового уничтожения – ядерное, биологическое и химическое оружие – не может быть оправдано никакими причинами».

Оружие массового поражения (далее – ОМП) – понятие, нашедшее отражение как в национальном, так и в международном праве. В нормах международного права, согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1968 года, ОМП определяется как оружие, способное вызывать атомный взрыв, использовать радиоактивные материалы, а также химическое и биологическое оружие, обладающее летальным действием. В список также включены любые будущие виды оружия, сравнимые по разрушительной силе с атомным и прочими упомянутыми выше видами [1].

В российском законодательстве понятие «оружие массового поражения» не фигурирует напрямую. Оно чаще используется как общий термин для обозначения объекта преступления. Тем не менее, в доктринальных исследованиях подчеркивается, что ОМП – это любой вид оружия неизбирательного действия, применение которого способно причинить смерть неопределенному кругу лиц [2]. ОМП отличается от другого оружия своим неизбирательным воздействием, которое приводит к уничтожению максимального количества противника. Это прямо противоречит современным принципам ведения войны, которые ограничивают выбор средств нанесения ущерба. Как указал А.Н. Строителев: «Законы войны не признают за воюющими сторонами неограниченной власти в выборе средств нанесения друг другу вреда» [3].

ОМП классифицируют по принципу действия, включая:

1. Ядерное оружие
2. Химическое оружие
3. Биологическое оружие
4. Радиологическое оружие
5. Конвенциональное оружие, применяемое в масштабе массового поражения, например, кассетные боеприпасы.

Несмотря на разную техническую начинку и оснащение, основной задачей государства, практически применяющего такое вооружение во время ведения боевых действий, является исключительное бесконтрольное уничтожение живой военной силы противника, что противоречит основным положениям «Всеобщей Декларации прав человека» [4]. В связи с тем, что даже само наличие оружия массового поражения противоречит множеству норм международного права, необходимость в централизации действий по созданию и поддержанию сильной правовой базы, регулирующей данную область никогда не исчезнет. В связи с вышеперечисленным в данной работе будут проанализированы и даны оценки основным международным актам и документам, позволяющим разрешать вопросы о хранении, использовании, тестировании и иных действиями над ОМП субъектами международного права.

Основными источниками в современном международном праве, регулирующими положение отдельных видов ОМС, являются международные договоры. Прежде всего, стоит остановиться на принятом 1 июля 1968 года, Договоре о нераспространении ядерного оружия (далее – ДНЯО) [5], играющем ключевую роль в предотвращении распространения ядерного оружия и стимулировании ядерного разоружения.

Договор устанавливает строгий режим нераспространения, согласно которому пять ядерных держав (США, СССР, Великобритания, Франция и Китай) обязуются не передавать ядерное оружие другим странам и не помогать им в его разработке. В свою очередь, государства, не обладающие ядерным оружием, берут на себя обязательство не создавать и не приобретать его. Таким образом, ДНЯО ограничивает количество субъектов, способных использовать ядерное оружие, и укрепляет глобальную безопасность.

ДНЯО предусматривает продление действия договора и регулярные конференции, посвященные обсуждению вопросов нераспространения ядерного оружия. Важнейшими из таких конференций являются:

1. Периодические конференции по обзору положения дел в области ядерного разоружения: на них обсуждаются прогресс в области ядерного разоружения и разрабатываются меры по его ускорению.
2. Конференция 2010 года по рассмотрению действия ДНЯО: она рассматривает широкий круг вопросов, включая: универсальность договора, практические меры по ядерному разоружению, использование ядерной энергии в мирных целях и ряд других.

Для многих стран ДНЯО является ключевым инструментом обеспечения международной безопасности и стабильности. В годы холодной войны договор эффективно сдерживал стороны конфликта и препятствовал гонке вооружений, способствуя сохранению мира.

В основном договор направлен на ограничение использования ядерного вооружения. Под использованием ядерного оружия стоит понимать не только прямое нанесение урона врагу, но и его испытания на полигонах в научных и иных целях. В международном праве существуют нормы запрещающие полевые испытания, в частности «Договор о всеобъемлющем запрещении

ядерных испытаний» [6], который был принят на пятидесятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В первой статье договора закрепляется положение о том, что участники берут на себя ответственность не производить ядерные испытания на территории, находящейся под юрисдикцией государства. Также указано, что запрещены не только испытания, но и проведение «любого другого ядерного взрыва», такая формулировка позволяет исключить любые другие причины, по которым может быть произведен ядерный взрыв и, следовательно, подвергнуть государство международной ответственности. Государственная юрисдикция охватывает воздушное, сухопутное, морское и подземное пространство страны в соответствии с международными принципами и нормами. При этом существуют и зоны международной юрисдикции, где, по общему правилу, действуют нормы и принципы международного права. Регулирование деятельности на этих территориях определяется специальными положениями международных договоров, запрещающих проведение ядерных испытаний на данных территориях. К таким источникам можно отнести: 1. Договор о контроле над вооружениями на морском дне [7], 2. Договор по космосу [8], 3. Договор о безъядерной зоне в Южной части Тихого Океана [9], 4. Договор об Антарктике [10] и т.д. Данные договоры не только закрепляют международное положение данных территорий (в международном праве называемыми демилитаризованными зонами), но и закладывают в себе ограничения на использование, хранение или испытание оружия. Например, основной принцип правового положения Антарктики предполагает равный доступ для всех государств и недопущение использования ее территории в военных целях. Подобные нормы встречаются и в других актах по регулированию международных территорий и их введение обусловлено двумя причинами: предотвращение ядерной военной активности и содействие ядерному нераспространению.

При анализе ситуаций, возникающих в связи с применением ядерного оружия, следует обратить внимание на то, что многие ученые выделяют кроме государств международные организации, а также террористические организации и террористов, как субъектов данных правонарушений. В науке международного права идут дискуссии о правосубъектности международных организаций в контексте применения ядерного оружия. Крупные военно-политические блоки, включающие в себя ядерные державы, ориентируются на статью 51 Устава ООН, закрепляющую право на коллективную самооборону [11]. Однако использование ядерного оружия в контексте самообороны считается неэтичным и выходящим за рамки дозволенного. В этом случае самооборона может перерасти в военную агрессию. Кроме того, решения о применении ядерного оружия может принимать совет, созданный в рамках организации для обеспечения безопасности, однако окончательное право на его применение сохраняется за государством, владеющим ядерным оружием. Таким образом, в существующей правовой реальности признание международных организаций полночными и независимыми субъектами в вопросах использования ядерного оружия является спорным.

Что касается правосубъектности террористических организаций и отдельных террористов в контексте исследуемой проблемы, то необходимо отметить, что вопрос об их статусе как полноценных субъектов является дискуссионным. Все ядерные державы стремятся максимально ограничить утечку информации, связанной с разработкой ядерного оружия. Например, в ст. 5 российского закона «О государственной тайне» сведения военной отрасли, включая ядерные разработки, счита-

ются государственной тайной и не подлежат разглашению. Теоретически, такие меры должны предотвращать вмешательство посторонних лиц, в том числе террористов. Однако практика свидетельствует о существовании прецедентов, когда возникала угроза «ядерного терроризма». Например: В 1988 году террористическая организация «Террористы Северного Кавказа» пыталась захватить подводную лодку с ядерной установкой. Организация «Аль-Каида» пыталась приобрести компоненты для создания ядерного оружия у стран бывшего СССР. Сразу после распада СССР националистические образования пытались захватить часть ядерного оружия, оставшегося на территории бывших союзных республик СССР. «Ядерный терроризм» представляет собой реальную угрозу, требующую пристального внимания всех субъектов международного права. Ответственность за действия террористов будет лежать не только на них самих, но и на государствах, не сумевших должным образом обеспечить безопасность своих ядерных арсеналов и конфиденциальность связанной с ними информации.

Как уже указывалось выше, помимо ядерного оружия, которое несет в себе угрозу глобальной катастрофы, существует ряд других видов оружия, способных причинить массовые разрушения и привести к катастрофическим последствиям.

Обратимся к вопросу правового регулирования применения и ограничения биологического (бактериологического) и химического (в некоторых договорах называемых токсинным) оружия. Еще в 17 веке (1675 г.) были приняты Страсбургского соглашения, которые были направлены на запрет применения отравленных пуль в ходе франко-голландских войн. Фактически это был первый международный договор о запрете химического оружия [12]. Данное соглашение между Францией и Священной Римской империей стало плацдармом для Гаагской декларации 1899 года (о запрещении снарядов распространяющих удушающие или вредные газы) [13], Женевского протокола 1925 года [14] и Конвенции о биологическом и токсинного оружия 1975 года [15]. Гаагская конференция 1899 года представляла собой международное собрание представителей государств, целью которого было обсуждение и принятие мер по ограничению использования определенных видов вооружений в ведении военных действий. В рамках данной конференции было принято решение о запрещении применения биологического и химического оружия в боевых действиях. Женевский протокол 1925 года, подписанный в рамках Женевской конференции, дополнил и уточнил положения Гаагской конференции, устанавливая конкретные меры и механизмы контроля за соблюдением запрета на использование биологического и химического оружия. Протокол также предусмотрел меры по наказанию за нарушение данных запретов. Значимость всех перечисленных международных пактов заключается в том, что на их основе сформировалась нормативная база, основные идеи и концепции в области запрета на использование не только биологического и химического оружия, но и всего оружия массового поражения в целом. Такие договоры подчеркивали важность международного сотрудничества в предотвращении трагедии против человечества в целом. Современные положения о химическом и биологическом оружии определяются Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. В своих статьях конвенция отражает цель международного сообщества по предотвращению использования биологического и токсинного оружия. В контексте международно-

го права, дискуссия возникает в связи с ограничениями, установленными в конвенции, относительно разработки такого арсенала. Это вызывает важные вопросы в свете современных научных достижений, где границы между мирными научными исследованиями и потенциальным развитием биологического оружия становятся размытыми. В частности, в Конвенции отсутствует четкое определение понятия «разработка» бактериологического (биологического) и токсинного оружия в тексте конвенции создает трудности в привлечении государств к ответственности за такие правонарушения. Что следует понимать под разработкой? В отличие от ядерной сферы, где провоз ядерных материалов строго регулируется международными нормами международного права, перемещение химикатов и реагентов не ограничивается подобными рамками из-за их широкого использования в промышленности. Это создает дополнительные сложности при контроле за потенциально опасными веществами. Однако, существуют международные договоры и соглашения, направленные на контроль за оборотом опасных химических веществ и биологических материалов. Эти соглашения часто включены в национальное законодательство или имплементированы через международные договоры. Одним из таких документов является Роттердамская конвенция [16]. В хотя в п. 2 ст. 3 конвенции указано, что договор не касается химического оружия, это скорее означает, что вопросы, связанные с изъятием, уничтожением и ответственностью за незаконный перевоз химического оружия, регулируются другими нормами международного права. Помимо основной цели конвенции – сохранение окружающей среды от загрязнения и вредных выбросов. Она ограничивает ввоз и экспорт таких веществ которые используются как при создании самого химического оружия, так и реагентов для него.

В целом следует отметить, что договоры о контроле над ОМП отражают стремление государств к обеспечению международной безопасности и стабильности. Такие договоры обычно содержат запреты на определенные виды вооружений. Любые запрещающие нормы автоматически запускают механизмы контроля за исполнением действия договора, и если в рамках национального права такой контроль выполняет государство, то в рамках международного права надзорные обязанности переходят на подписавшие договор стороны. Однако, государства-участники сталкиваются с проблемой балансирования между предоставлением доказательств исполнения своих обязательств и защитой конфиденциальной информации, отмеченной как «секретная». В таких условиях создание эффективного механизма контроля становится сложной задачей, требующей обеспечения прозрачности выполнения договора без разглашения секретной информации. Методы контроля определяют сами государства-участники того или иного договора. Например, в ст. 4 договора «О всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний» дается классификация мер наблюдения:

1. Международную систему мониторинга
2. Консультации и разъяснения
3. Инспекцию на месте
4. Меры укрепления доверия

Международная система мониторинга представляет собой сложный комплекс технических средств, предназначенных для обнаружения и анализа радиологических и сейсмических отклонений, которые могут возникать в результате испытаний ядерного оружия. Эта система позволяет зафиксировать указанные сигналы и определить примерное место использования такого вооружения. Данные меры контроля являются чрезвычайно эф-

фективными, поскольку они функционируют непрерывно. Государства-участники, подписавшие соответствующий договор, имеют возможность свободного доступа к информации, собираемой всеми установленными станциями, что обеспечивает высокую степень прозрачности в их взаимоотношениях.

Консультация и разъяснение, как вид мер предполагает установление открытого диалога между государствами-участниками для обеспечения ясности и понимания вопросов, связанных с недопущением применения оружия массового поражения. Консультации могут проводиться как в формате двусторонних переговоров, так и в рамках многосторонних консультаций.

Инспекция на месте предусматривает проведение контрольных мероприятий на территории государства-участника с целью контроля за соблюдением обязательств по недопущению применения оружия массового поражения. Инспекции могут быть плановыми или неплановыми и проводятся специально назначенными независимыми органами из других государств-участников или из международных организаций.

Для укрепления доверия между государствами-участниками в контексте недопущения применения оружия массового поражения могут применяться различные меры, направленные на улучшение взаимопонимания и сотрудничества. Это может включать организацию совместных учений, обмен информацией о возможных угрозах, а также разработку совместных стратегий по предотвращению использования оружия массового поражения.

Цель методов – это обеспечение прозрачности взаимоотношений и контроля за выполнением договора.

Рассмотренные выше методы универсальны и применяются для осуществления контроля в различных ситуациях. Такие инструменты эффективны для обеспечения соблюдения международных норм и стандартов в области недопущения ОМП. Но даже при существующих методиках эффективного контроля, они не могут обеспечить полной защищенности положений договора. Важно также иметь механизмы для реагирования на возможные нарушения и обходы существующих норм и для пересмотра условий договора при необходимости. Необходимо учитывать специфику конкретной ситуации и комбинировать различные методы контроля, чтобы обеспечить высокий уровень эффективного противодействия потенциальным угрозам в области применения ОМП.

Одной из проблем при осуществлении контроля является поиск компромиссов между участниками договоров по вопросам применения тех или иных методик. Этот процесс иногда затягивается на достаточно длительные сроки. Например, в договоре об ограничении химического и бактериологического оружия, США до сих пор выражает несогласие по вопросу разработки и внедрения юридически обязывающего протокола содержащего элементы проверки [17]. Из-за этого в настоящее время существует напряженность между участниками договора, так как невозможно убедиться в исполнении обязательств другими странами.

Реализация договоров, направленных на ограничение использования ОМП и создание мира, сталкивается с серьезными проблемами. Для решения этих задач проводятся различные собрания и конференции, как политического, так и научно-технического характера. На форумах участники обсуждают вызовы, делятся своим мнением и предлагают новые решения для улучшения контроля за выполнением договоров.

Гибкость международного права позволяет использовать предложения по усилению контроля не только

в сфере ОМП, но и в других областях, таких как экономика или таможня. Это способствует укреплению доверия между государствами и обеспечивает равноправие сторон в договорах. Новые решения способствуют развитию тесных международных отношений и укреплению сотрудничества.

Литература

1. Невольских А.М. Оружие массового поражения как предмет составов разработки, производства, накопления, приобретения или сбыта оружия массового поражения и применения запрещенных средств и методов ведения войны [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oruzhie-massovogo-porazheniya-kak-predmet-sostavov-razrabotki-proizvodstva-nakopleniya-priobreteniya-ili-sbyta-oruzhiya-massovogo> (дата обращения: 30.03.2024).
2. Гедиев М. Ш., Пыхтин Р.А. Понимание оружия массового поражения в уголовном праве [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-oruzhiya-massovogo-porazheniya-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 30.03.2024).
3. Строителев А, Н. Принципы права вооруженных конфликтов и их использование [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-prava-vooruzhennykh-konfliktov-i-ih-ispolzovanie> (дата обращения: 02.04.2024).
4. Всеобщей декларации прав человека. принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml(дата обращения: 02.04.2024).
5. Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 июня 1968 года [Электронный ресурс] URL.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (Дата обращения: 04.04.2024)
6. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Принят Генеральной Ассамблеей 10 сентября 1996 года (резолюция 50/245) [Электронный ресурс] URL.: https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty_text_Russian.pdf (Дата обращения: 04.04.2024)
7. Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (Москва – Лондон – Вашингтон, 11 февраля 1971 г.) [Электронный ресурс] URL.: <https://base.garant.ru/2541119/> (Дата обращения: 12.04.2024)
8. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Москва – Вашингтон – Лондон, 27 января 1967 г.) [Электронный ресурс] URL.: <https://base.garant.ru/2540462/>(Дата обращения: 12.04.2024)
9. Договор о безъядерной зоне южной части Тихого океана [Электронный ресурс] URL.: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/1733182/(Дата обращения: 12.04.2024)
10. Договор об Антарктике [Электронный ресурс] URL.: <https://base.garant.ru/2540268/> (Дата обращения: 12.04.2024)
11. Лапшина И. Е., Чекалкин В.Д. Самооборона от агрессии: виды и правомерность // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 292–297.

12. Страсбургские соглашения [Электронный ресурс] URL.: [\(https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4a5a9967-66a691f6-2319ebcc-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Strasbourg_Agreement_\(1675\)\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4a5a9967-66a691f6-2319ebcc-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Strasbourg_Agreement_(1675)) (Дата обращения: 15.04.2024)
13. Декларация о неупотреблении легко разворачивающихся или сплюсчивающихся пуль (Гаага, 29 июля 1899 г.) [Электронный ресурс] URL.: <https://base.garant.ru/2566463/> (Дата обращения: 15.04.2024)
14. Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 г.) [Электронный ресурс] URL.: <https://base.garant.ru/2560403/> (Дата обращения: 15.04.2024)
15. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Москва – Лондон – Вашингтон, 10 апреля 1972 г.) [Электронный ресурс] URL.: <https://base.garant.ru/2540379/> (Дата обращения: 15.04.2024)
16. Роттердамская Конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (Роттердам, 10 сентября 1998 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] URL.: <https://base.garant.ru/2540379/> (Дата обращения: 15.04.2024)
17. Мнение министерства иностранных дел РФ выраженное в справке по «Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия» [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1856465/ (Дата обращения: 15.04.2024)

WEAPONS OF MASS DESTRUCTION: INTERNATIONAL LAW ASPECTS

Lapshina I.E., Chekalkin V.D.

Moscow State University Bauman Technical University (National Research University)

This article analyzes international treaties aimed at prohibiting and limiting nuclear, chemical, bacteriological (biological) and other types of weapons of mass destruction. The research focuses on: the basic principles, norms and obligations enshrined in contracts, with an emphasis on the mechanisms of prohibition, restriction, control and responsibility for their violation. Various methods of monitoring the implementation of contractual norms are analyzed. The study highlights the key problems that hinder the effective implementation of treaty norms, such as: incomplete participation of States. insufficient control mechanisms, lack of a unified approach to the definition of weapons of mass destruction.

The ways of strengthening international cooperation in the field of non-use of weapons of mass destruction are considered.

The research methodology consists of general scientific methods such as analysis, synthesis, deduction; private scientific methods – system analysis, comparative legal method and functional analysis. This study is intended to contribute to a deeper understanding of current problems in the field of regulation of weapons of mass destruction and the development of effective mechanisms to solve them.

Keywords: weapons of mass destruction, international treaties, control methods, prohibition and restriction.

References

1. Nevolskikh A.M. Weapons of mass destruction as the subject of compositions for the development, production, accumulation, acquisition or sale of weapons of mass destruction and the use of prohibited means and methods of warfare [Elec-

tronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oruzhie-massovogo-porazheniya-kak-predmet-sostavov-razrabotki-proizvodstva-nakopleniya-priobreteniya-ili-sbyta-oruzhiya-massovogo> (date of access: 30.03.2024).

2. Gediev M. Sh., Pykhtin R.A. Understanding weapons of mass destruction in criminal law [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-oruzhiya-massovogo-porazheniya-v-ugolovnom-prave> (date of reference: 30.03.2024).
3. Stroitelev A, N. Principles of the law of armed conflict and their use [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-prava-vooruzhennyh-konfliktov-i-ih-ispolzovanie> (date of application: 04/02/2024).
4. The Universal Declaration of Human Rights. Adopted by the UN General Assembly Resolution 217 A (III) of December 10, 1948. [Electronic resource] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (date of reference: 04/02/2024).
5. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Approved by UN General Assembly Resolution 2373 (XXII) of June 12, 1968 [Electronic resource] URL.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (Date of application: 04.04.2024)
6. The Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT). Adopted by the General Assembly on September 10, 1996 (resolution 50/245) [Electronic resource] URL.: https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty_text_Russian.pdf (Date of application: 04.04.2024)
7. Treaty on the Prohibition of the Placement of Nuclear Weapons and Other Types of Weapons of Mass Destruction on the Seabed and Oceans and in Its Depths (Moscow -London – Washington, February 11, 1971) [Electronic resource] URL.: <https://base.garant.ru/2541119/> / (Date of access: 04/12/2024)
8. Treaty on the Principles of the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies (Moscow -Washington – London, January 27, 1967) [Electronic resource] URL.: <https://base.garant.ru/2540462/> / (Date of access: 04/12/2024)
9. The Treaty on the Nuclear-weapon-free Zone of the South Pacific Ocean [Electronic resource] URL.: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/1733182/ (Date of application: 04/12/2024)
10. Antarctic Treaty [Electronic resource] URL.: <https://base.garant.ru/2540268/> / (Date of address: 04/12/2024)
11. Lapshina I. E., Chekalkin V.D. Self-defense against aggression: types and legality // Legal science. 2023. No.7. pp. 292–297.
12. Strasbourg Agreements [Electronic resource] URL.: [\(https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4a5a9967-66a691f6-2319ebcc-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Strasbourg_Agreement_\(1675\)\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4a5a9967-66a691f6-2319ebcc-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Strasbourg_Agreement_(1675)) (Date of application: 04/15/2024)
13. Declaration on the non-use of easily unfolding or flattening bullets (The Hague, July 29, 1899) [Electronic resource] URL.: <https://base.garant.ru/2566463/> / (Date of reference: 04/15/2024)
14. Protocol on the Prohibition of the Use of Asphyxiating, Poisonous or Other Similar Gases and Bacteriological Agents in War (Geneva, June 17, 1925) [Electronic resource] URL.: <https://base.garant.ru/2560403/> / (Date of request: 04/15/2024)
15. Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction (Moscow – London – Washington, April 10, 1972) [Electronic resource] URL.: <https://base.garant.ru/2540379/> / (Date of access: 04/15/2024)
16. Rotterdam Convention on the Prior Informed Consent Procedure for Certain Hazardous Chemicals and Pesticides in International Trade (Rotterdam, September 10, 1998) (as amended) [Electronic resource] URL.: <https://base.garant.ru/2540379/> / (Date of reference: 04/15/2024)
17. The opinion of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation expressed in the reference on the “Convention on the Prohibition of Biological and Toxin Weapons” [Electronic resource] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1856465/ / (Date of application: 04/15/2024)

Литвиненко Даниил Валерьевич,

студент 3 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна,

студент 3 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Файзулина Адель Андреевна,

студент 3 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Алексеев Даниил Юрьевич,

канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

В статье исследуется политическое поведение молодежи в современной России, акцентируя внимание на основных тенденциях и факторах, влияющих на политическую активность этой социальной группы. Анализ основан на данных социологических опросов, качественных исследованиях и теоретических подходах. Установлено, что молодежь демонстрирует высокую степень информированности, но относительно низкую активность в формальных политических процессах, таких как выборы. Вместе с тем наблюдается рост интереса к неформальным формам участия, включая онлайн-акции и протестные движения. Ключевыми мотивами для участия в политической жизни являются стремление к переменам и социальная справедливость, в то время как основными барьерами являются недоверие к политическим институтам и страх репрессий. Статья также рассматривает влияние экономических, образовательных и социальных факторов на политическое поведение молодежи. Рекомендации направлены на развитие гражданского образования и поддержку молодежных инициатив, а также на создание платформ для диалога между молодежью и властями.

Ключевые слова: политическое поведение, молодежь, Россия, политическая активность, социологические исследования, неформальные формы участия, политическая социализация, гражданская ответственность, социальные сети, политические установки.

Введение

Политическое поведение молодежи в современной России представляет собой значимый объект исследования, так как именно эта социальная группа является носителем потенциала для трансформации политической системы и общественных институтов. В условиях глобализации, цифровизации и усиливающейся социальной мобильности молодежь демонстрирует уникальные паттерны политической активности и индифферентности, которые отличаются от традиционных форм участия старшего поколения. Эти изменения требуют всестороннего анализа, чтобы понять причины, механизмы и последствия политического поведения молодых россиян.

Современные исследования показывают, что молодежь обладает высоким уровнем политической информированности благодаря доступу к разнообразным источникам информации, включая социальные сети и онлайн-платформы. Однако, несмотря на это, уровень их реального участия в формальных политических процессах, таких как выборы и партийная деятельность, остается сравнительно низким. Такая парадоксальная ситуация вызывает интерес к изучению факторов, влияющих на политическую активность молодежи, а также на их политические предпочтения и установки.

Цель данной статьи – анализ политического поведения молодежи в современной России, выявление ключевых факторов, влияющих на их участие в политических процессах, и определение основных тенденций и вызовов, с которыми сталкивается молодое поколение в контексте политической активности.

Теоретическое описание политического поведения

Исследование политического поведения молодежи опирается на несколько ключевых теоретических подходов, которые позволяют понять сложную природу этого феномена. В первую очередь, это теории политической социализации, которые рассматривают процесс формирования политических установок и ориентаций в течение жизненного цикла индивида. Согласно данным теориям, значительное влияние на политическую социализацию молодежи оказывают семья, образовательные учреждения, средства массовой информации и, в последнее время, социальные сети.

Теории политической социализации. Политическая социализация представляет собой процесс усвоения индивидом политических знаний, норм и ценностей, который происходит под воздействием различных агентов социализации. В детстве и юности важную роль играют семья и школа, которые формируют базовые политические убеждения и модели поведения. С ростом доступа к интернету и развитием социальных сетей молодые люди получают возможность взаимодействовать с различными политическими дискурсами и группами, что может как укреплять, так и изменять их политические взгляды.

Теория рационального выбора. С другой стороны, теория рационального выбора предлагает рассматривать политическое поведение как результат рациональных решений, принимаемых индивидами на осно-

ве анализа затрат и выгод. В контексте молодежи это может означать, что их участие в политических акциях и мероприятиях зависит от оценки потенциальных преимуществ и рисков. Например, участие в выборах может восприниматься как малозатратное действие с низкой вероятностью значительного влияния на конечный результат, что может объяснять низкий уровень электронной активности молодежи.

Модели политического участия. Важным аспектом исследования является анализ различных форм политического участия молодежи. Помимо традиционных форм, таких как голосование и членство в политических партиях, современные молодые люди активно используют новые формы участия, включая онлайн-петиции, флешмобы, протестные акции и другие виды гражданской активности. Эти новые формы участия часто являются менее формализованными и более спонтанными, что соответствует стилю жизни и предпочтениям молодежи.

Культурные и структурные факторы. Политическое поведение молодежи также определяется культурными и структурными факторами, такими как уровень экономического развития, политическая стабильность, уровень образования и культурные традиции. Например, в условиях политической нестабильности и экономических трудностей молодежь может проявлять больший интерес к радикальным формам протеста и альтернативным политическим движениям.

Анализ социального поведения в современной России

Эмпирический анализ политического поведения молодежи в современной России включает изучение данных социологических опросов, статистики и исследований, проведенных различными аналитическими центрами и исследовательскими институтами. В данной части статьи рассматриваются основные тенденции и особенности политического участия молодежи, а также выявляются ключевые факторы, влияющие на их политическую активность и предпочтения.

Социологические опросы последних лет демонстрируют неоднозначную картину уровня политической активности молодежи в России. Согласно данным исследования, проведенного Левада-Центром в 2023 году, около 35% молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет заявили о своем участии в выборах различного уровня. Этот показатель остается стабильным на протяжении последних нескольких лет, что свидетельствует о достаточно низкой вовлеченности молодежи в формальные политические процессы.

Одновременно с этим, наблюдается рост участия молодежи в неформальных формах политической активности. Согласно данным опроса ФОМ (Фонд «Общественное Мнение»), более 50% молодых респондентов отметили, что принимали участие в онлайн-акциях, подписывали петиции и выражали свои политические взгляды в социальных сетях. Эти данные подтверждают тенденцию к смещению политической активности молодежи в сторону цифровых платформ и неформальных каналов взаимодействия.

Исследования политических предпочтений молодежи показывают, что молодое поколение в России обладает довольно разнообразными политическими взглядами, которые не всегда укладываются в традиционные партийные рамки. В исследовании, проведенном Высшей школой экономики в 2023 году, выяснилось, что около 40% молодых людей не идентифицируют себя с ка-

кой-либо политической партией. Среди тех, кто проявляет партийную лояльность, наиболее популярными являются оппозиционные и альтернативные политические движения, такие как Либертарианская партия и партия «Яблоко».

Политические установки молодежи также характеризуются высоким уровнем критичности по отношению к существующей политической системе и властным структурам. Согласно данным опроса, проведенного центром «Левада», более 60% молодых респондентов считают, что политическая система России нуждается в серьезных реформах. Кроме того, значительная часть молодежи выражает недоверие к официальным средствам массовой информации и предпочитает получать новости и информацию из независимых и альтернативных источников.

Анализ факторов, влияющих на политическую активность молодежи, показывает, что ключевую роль играют несколько основных аспектов:

- 1. Экономическое положение.** Молодые люди с более высоким уровнем дохода и стабильной занятостью чаще проявляют интерес к политике и участвуют в политических акциях. Экономическая нестабильность и отсутствие перспектив могут снижать мотивацию к участию в политических процессах.
- 2. Уровень образования.** Высокий уровень образования коррелирует с более высоким уровнем политической активности. Студенты и выпускники вузов чаще участвуют в выборах, митингах и других формах политической активности, что объясняется лучшей информированностью и критическим мышлением.
- 3. Социальные сети и интернет.** Доступ к интернету и активное использование социальных сетей значительно повышают уровень политической информированности и вовлеченности молодежи. Социальные сети становятся важным каналом для мобилизации и организации политических акций, что особенно актуально для молодых людей.
- 4. Социальная среда.** Влияние друзей, семьи и ближайшего окружения также играет важную роль в формировании политических установок и поведения. Молодые люди, чьи родители и друзья активно участвуют в политике, с большей вероятностью будут проявлять политическую активность.

В следующей части статьи будет представлен анализ результатов качественных исследований, включая интервью и фокус-группы, для более глубокого понимания мотивов и барьеров политического участия молодежи в России.

Для более глубокого понимания мотивов и барьеров политического участия молодежи в России важно обратиться к качественным методам исследования, таким как интервью и фокус-группы. Эти методы позволяют выявить субъективные переживания и мнения молодых людей, которые не всегда отражаются в количественных данных.

Анализ интервью с молодыми активистами и участниками политических акций выявил несколько ключевых мотивов, побуждающих молодежь к участию в политической жизни:

- 1. Стремление к переменам.** Многие молодые люди видят в своем участии в политике возможность изменить существующую ситуацию и улучшить жизнь в стране. Они мотивированы желанием внести свой вклад в реформирование политической системы, борьбу с коррупцией и улучшение социальных условий.
- 2. Идеализм и гражданская ответственность.** У многих молодых людей развито чувство гражданской от-

ветственности и идеалистические убеждения. Они считают своим долгом участвовать в политической жизни и защищать свои права и свободы.

3. **Поиск справедливости.** Стремление к социальной справедливости и равенству также является важным мотивом для многих молодых активистов. Они участвуют в политике, чтобы бороться с дискриминацией, неравенством и другими социальными проблемами.
4. **Влияние окружения.** Важную роль играет и влияние ближайшего окружения – семьи, друзей, коллег. Молодые люди часто вовлекаются в политическую активность под влиянием активной гражданской позиции своих близких.

Несмотря на наличие мотивов, многие молодые люди сталкиваются с различными барьерами, которые препятствуют их активному участию в политике:

1. **Недоверие к политическим институтам.** Одним из основных барьеров является недоверие к политическим институтам и органам власти. Молодежь часто считает, что их голос не будет услышан, а участие в выборах и других формальных политических процессах не приведет к реальным изменениям.
2. **Репрессивные меры.** Опасение перед репрессиями и наказаниями за участие в политических акциях также является значительным препятствием. Молодые люди опасаются арестов, штрафов и других форм давления со стороны властей.
3. **Отсутствие информации.** Недостаток информации о политических процессах и механизмах участия также может ограничивать активность молодежи. Не все молодые люди имеют доступ к качественной и объективной информации о политике.
4. **Социальная апатия.** Некоторые молодые люди демонстрируют социальную апатию и индифферентность к политике, что может быть следствием разочарования в возможностях реальных изменений и усталости от постоянных политических кризисов.

Цифровые технологии играют все более важную роль в политической активности молодежи. Социальные сети и онлайн-платформы становятся не только основными источниками информации, но и инструментами для организации и мобилизации политических акций. Исследования показывают, что молодежь активно использует интернет для:

1. **Распространения информации.** Социальные сети позволяют быстро и эффективно распространять информацию о политических событиях, акциях и инициативах. Это способствует увеличению информированности и вовлеченности молодежи.
2. **Мобилизации и координации.** Онлайн-платформы используются для организации митингов, протестов и других форм политической активности. Молодые люди координируют свои действия через социальные сети, что делает их участие более организованным и эффективным.
3. **Обсуждения и дебатов.** Интернет предоставляет пространство для обсуждения политических вопросов, обмена мнениями и участия в дебатах. Молодежь активно использует форумы, блоги и социальные сети для выражения своих взглядов и участия в политических дискуссиях.

Заключение

Политическое поведение молодежи в современной России является сложным и многогранным феноменом, отражающим как традиционные, так и новые формы политической активности. Анализ данных социологических опросов показывает, что, несмотря на высокий уровень информированности и доступ к разнообразным источни-

кам информации, значительная часть молодежи остается относительно пассивной в формальных политических процессах, таких как выборы и партийная деятельность. Однако, наряду с этим, наблюдается рост участия в неформальных формах политической активности, таких как онлайн-акции, протесты и гражданские инициативы.

Теоретические подходы к исследованию политического поведения молодежи, включая теории политической социализации и рационального выбора, позволяют понять, как различные факторы – от семейного окружения и образовательного уровня до экономической стабильности и влияния социальных сетей – формируют политические установки и поведение молодых людей. Эти теории подчеркивают важность комплексного анализа, учитывающего как личные мотивы, так и внешние условия.

Качественные исследования, такие как интервью и фокус-группы, предоставляют более глубокое понимание мотивов и барьеров, влияющих на политическую активность молодежи. Основными мотивами для участия являются стремление к переменам, гражданская ответственность и поиск социальной справедливости. В то же время, барьерами выступают недоверие к политическим институтам, страх репрессий и недостаток информации.

Таким образом, политическое поведение молодежи в России характеризуется противоречиями и многообразием форм участия. Для повышения уровня политической активности молодежи необходимо учитывать как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на их политическое поведение, а также создавать условия, способствующие развитию гражданской активности и вовлеченности.

Проведенное исследование демонстрирует, что молодежь обладает значительным потенциалом для влияния на политические процессы и общественные изменения. Важно продолжать изучение этого феномена, чтобы лучше понимать его динамику и разрабатывать эффективные стратегии по повышению политической активности молодежи в России.

Литература

1. Авцинова Г.И. Протестный потенциал российской молодежи: парадигмы исследования и политическая практика // PolitBook. 2015. No 1. С. 111–126.
2. Барковский А.В. Молодежь как субъект политического участия: предпочтения, мотивация, перспективы // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2015. No 1 (25). С. 93–102.
3. Белокобыльский М. Е., Белокобыльская О.И. Молодежный экстремизм в России: особенности его проявления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. No 3(21). С. 54–59.
4. Каримов Р.А. Детерминанты электоральной пассивности молодежи РФ (на примере республики Башкортостан) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, No 6. С. 238–245.
5. Ластовкина Д.А. Современные формы протеста: к постановке вопроса // Вопросы территориального развития. 2015. Вып. 6 (26). С. 1–11. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1511/full> (дата обращения: 1.10.2015).
6. Пахоменко С.А. Трансформация политического поведения российской молодежи в условиях кризиса социокультурной идентичности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2007. 27 с.

7. Сайганова Е.В. Специфика электорального поведения молодежи в структуре политической культуры общества // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, No 2. С. 44–48.
8. Серова Е.А. Формирование просоциального поведения молодежи как одна из задач публичной политики // Вестник социально-политических наук. 2014. No 13. С. 44–47.
9. Тимофеев А. Ф., Пузииков В.Г. Политическое поведение и социально-экономические предположения в жизненной стратегии студенческой молодежи // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. No 1 (15). С. 30–35.
10. Шульга М. М., Кузнецов Д.О. Гражданственность молодежи: позитивные практики и риски // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. No 4 (43). С. 306–310.

POLITICAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE IN MODERN RUSSIA.

Litvinenko D.V., Tereshina A.N., Fayzulina A.A., Alekseev D.Yu.
Far Eastern Federal University

The article examines the political behavior of young people in modern Russia, focusing on the main trends and factors influencing the political activity of this social group. The analysis is based on sociological surveys, qualitative research and theoretical approaches. It has been established that young people demonstrate a high degree of awareness, but relatively low activity in formal political processes, such as elections. At the same time, there is an increase in interest in informal forms of participation, including online actions and protest movements. The key motives for political participation are the desire for change and social justice, while the main barriers are mistrust of political institutions and fear of repression. The article also examines the influence of economic, educational and social factors on the political behavior of young people. Recommendations are aimed at developing civic education and supporting youth initiatives, as well as creating platforms for dialogue between young people and authorities.

Keywords: Political behavior, youth, Russia, political activity, sociological research, informal forms of participation, political socialization, civic responsibility, social networks, political attitudes.

References

1. Avtsinova G.I. Protest potential of Russian youth: research paradigms and political practice // PolitBook. 2015. No. 1. Pp. 111–126.
2. Barkovsky A.V. Youth as a subject of political participation: preferences, motivation, prospects // Bulletin of the Ural State University of Railway Engineering. 2015. No. 1 (25). Pp. 93–102.
3. Belokobylsky M. E., Belokobylskaya O.I. Youth extremism in Russia: features of its manifestation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3 (21). Pp. 54–59. 4. Karimov R.A.
4. Determinants of electoral passivity of Russian youth (on the example of the Republic of Bashkortostan) // Scientific Notes of Kazan University. Ser. Humanities. 2014. Vol. 156, No. 6. Pp. 238–245.
5. Lastovkina D.A. Modern forms of protest: posing the question // Issues of territorial development. 2015. Issue. 6 (26). Pp. 1–11. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1511/full> (accessed: 10/1/2015).
6. Pakhomenko S.A. Transformation of political behavior of Russian youth in the context of the crisis of socio-cultural identity: author's abstract. diss. candidate of philosophical sciences. Rostov n / D., 2007. 27 p. 7. Sayganova E.V.
7. Specifics of electoral behavior of young people in the structure of the political culture of society // Bulletin of the Saratov University. Series. Sociology. Political Science. 2014. Vol. 14, No. 2. Pp. 44–48.
8. Serova E.A. Formation of Prosocial Behavior of Young People as One of the Tasks of Public Policy // Bulletin of Social and Political Sciences. 2014. No. 13. Pp. 44–47.
9. Timofeev A. F., Puzikov V.G. Political Behavior and Socio-Economic Preferences in the Life Strategy of Student Youth // Science of Man: Humanitarian Research. 2014. No. 1 (15). Pp. 30–35.
10. Shulga M. M., Kuznetsov D.O. Youth Civic Consciousness: Positive Practices and Risks // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2014. No. 4 (43). Pp. 306–310.